РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ

(1880)

I

Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ.
Кавказскія воспоминанія Венюкова. — Воспоминанія Московскаго Кадета.

МОСКВА. 1880.

Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва. Ермолаевская Садовая. д. Баженовой) продаются оставшіеся экземпляры трехъ послѣднихъ годовыхъ изданій **РУССКАГО АРХИВА** (въ девяти книгахъ).

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877.

Записки **Г. С. Винскаго.**
Біографія канцлера князя Безбородки.
Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**
Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**
Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**
Старая Записная книжка.
Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877.

Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.
Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).
Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.
Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.
Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**
Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**
Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877.

Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.
Записки декабриста **Н. И. Фаленберга.**
Дневникъ **графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.**
Анекдоты прошлаго столѣтія.
Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.
Разсказы **графа М. А. Дмитріева-Мамонова.**
Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878.

Воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 года.
Политическія записки, и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина,** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича,** князя **Суворова** и проч.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ.

1880.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

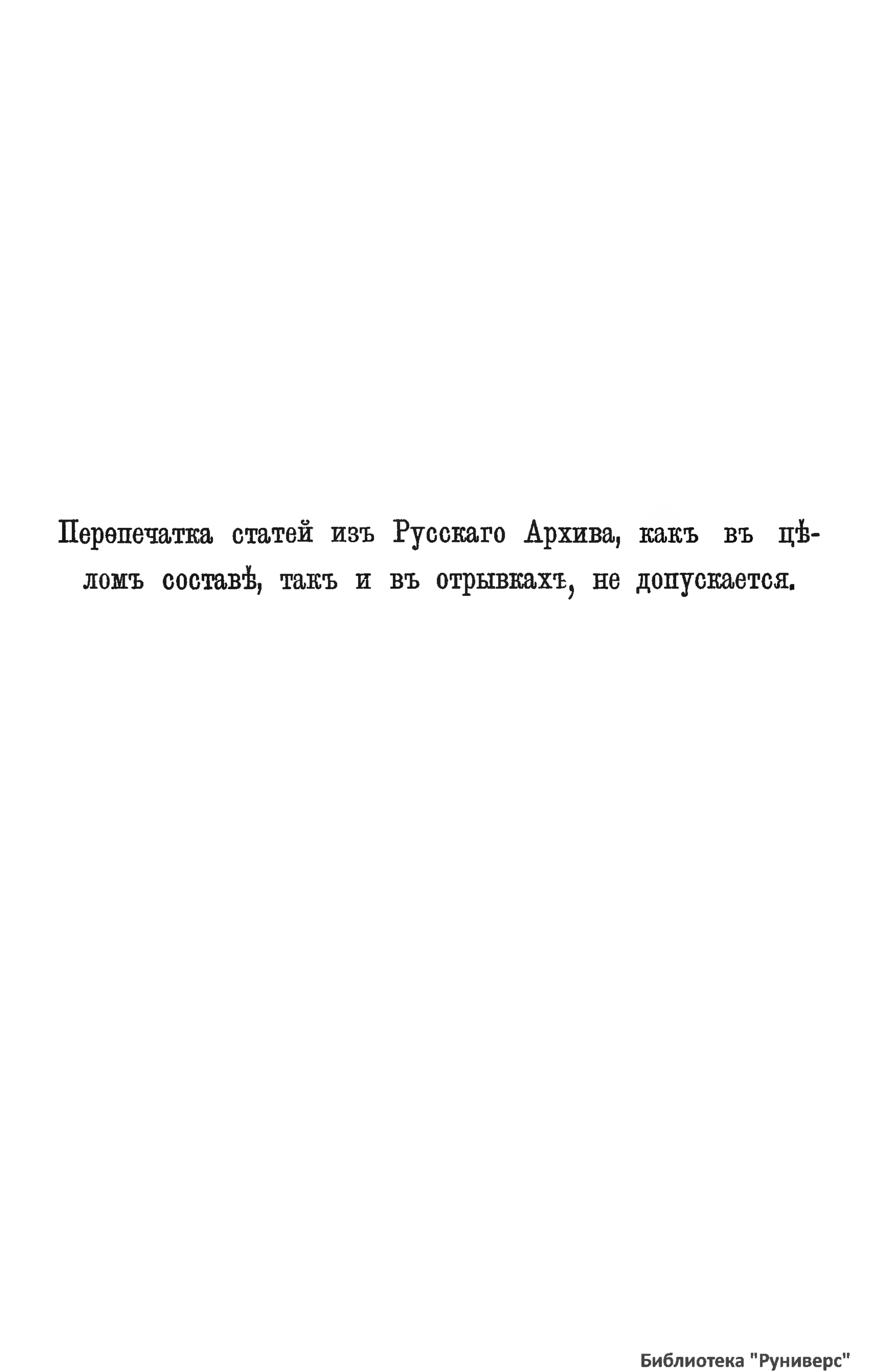
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ

1880.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ Корзинкина
1880.

Путешествіе по Россіи Голландца Стрюйса.

Предисловіе къ Русскому переводу.

Голландія.—Торговыя сношенія Россіи съ иностранцами.—Зачатки флота въ Россіи.—Корабль Орелъ.—Голландецъ Стрюйсъ.—Его путешествія въ старый свѣтъ вообще и въ частности въ Россію.—Его свѣдѣнія о Россіи.—Значеніе извѣстій иностранцевъ.—Стремленіе Европейцевъ на Востокъ.—Необходимость переводовъ иностранныхъ извѣстій.—Особенность извѣстій Стрюйса.—Невѣрныя о немъ сужденія иностранныхъ ученыхъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка Голландцы, недавно кончившіе великую свою борьбу съ Испаніей и завоевавшіе себѣ политическую свободу, обратили силы свои на развитіе наукъ и искусствъ и, между прочимъ, на открытіе новыхъ путей для обширной морской торговли, въ которой они успѣшно соперничали съ Англичанами. Этому способствовало высокое у нихъ развитіе науки. Голландцы были тогда первымъ по образованію народомъ въ Европѣ. Здѣсь свободно мыслили Декартъ и Спиноза; здѣсь же созрѣлъ геній Гуго Гроція и другихъ; семейство Рубенсовъ было не единственное. Если Декартъ отдыхалъ въ Голландіи въ кругу женщинъ, способныхъ понимать его геніальные философскіе выводы; то не менѣе удивительно, что простые моряки были на столько образованы, что ихъ путевые дневники, наполняющіе собою старыя изданія, читались во всей Европѣ, да и до сихъ еще поръ не лишены значенія, и могутъ быть прочитаны не безъ пользы. Къ числу такихъ произведеній [1]) принадлежитъ и предлагаемое описаніе путешествія паруснаго мастера Стрюйса [2]).

[1]) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится 22 изданія сочиненія Стрюйса (Catalogue des Rossica, NN 2208—2229). Кстати: въ числѣ ихъ мы не встрѣтили еще слѣдующихъ изданій: 1) упоминаемаго авторомъ статьи въ Biographie Un., Michaud (p. 343)—Voyagien door Moscovien, Tartarien, Oost-Indien, Amsterdam 1677, in 4°; 2) упоминаемаго А. Поповымъ (Р. Б., 1858, № 4), если только не ошибка въ выпискѣ заглавія и 3) того, на которое ссылается г. Ключевскій (Сказанія иностр.): Voyag.... 1679 (?).

[2]) Н. Г. Устряловъ называлъ его по ошибкѣ „корабельнымъ мастеромъ“ (Р. Исторія. Спб. 1849 г., I, с. 15); но это противорѣчитъ Русскимъ источникамъ (Дополн. къ Истор. Акт., т. V, № 47, с. 263, 272) и указаніямъ самого Стрюйса.

Пріѣхалъ онъ въ Россію, въ качествѣ нанятаго Бутлеромъ въ царскую службу знатока паруснаго дѣла на корабль «Орелъ», построенный въ царствованіе Алексѣя Михаиловича въ селѣ Дѣдновѣ или Дѣдиновѣ, въ 1668 году.

Какъ только закончилось объединеніе Московскаго государства, явилась потребность возстановить прежнюю торговлю съ Западомъ Европы, почти прекратившуюся съ паденіемъ Новгорода. Для заведенія торговыхъ связей понадобились морскія гавани. Уже первый царь Московскій Іоаннъ Грозный стремился овладѣть берегами Балтійскаго моря. Его преемники не покидали этой мысли. Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича обстоятельства, казалось, благопріятствовали исполненію ея. Съ присоединеніемъ Малороссіи у него явилось намѣреніе овладѣть берегами и Чернаго моря съ той же цѣлью. И однако начатки Русскаго флота появились не на Балтійскомъ, Черномъ, или давно принадлежавшемъ Москвѣ Бѣломъ морѣ:—первыя Русскія суда, до Петра Великаго, появились на морѣ Каспійскомъ. Этому способствовали нѣкоторыя историческія обстоятельства. Съ открытіемъ Америки не прекратились попытки Европейскихъ народовъ къ открытію новаго пути въ Индію и вообще въ Азію. Англичане искали этого пути чрезъ Ледовитый океанъ. Съ цѣлью открыть путь въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны восточнаго полушарія образовалось въ Англіи общество «Тайна» (The Mistery), основанное Себастьяномъ Кабатомъ. Общество это снарядило въ половинѣ XVI вѣка три корабля и отправило ихъ въ экспедицію подъ начальствомъ адмирала Гуго Виллоуби. Два корабля были заперты льдомъ, экипажъ ихъ съ адмираломъ погибъ; а третій, подъ начальствомъ Ричарда Ченслера, присталъ, 24 Августа 1553 года, къ Русскимъ берегамъ у посада Неноксы, въ устьѣ Двины. Такъ была открыта, по мнѣнію Англичанъ, новая страна «Московія». Отправленный въ Москву, Ченслеръ былъ ласково принятъ царемъ Іоанномъ IV, и съ тѣхъ поръ начались сношенія Россіи съ Англіей, въ которой образовалась даже особая торговая «Русская компанія». Единоторжіе и льготы, предоставленныя этой компаніи Московскимъ правительствомъ, не принесли Москвѣ ожидаемыхъ выгодъ. Эгоисты Англичане возбудили ропотъ Русскихъ купцовъ. Стали мѣшать имъ и сильные соперники Голландцы. Сіи послѣдніе прежде торговали чрезъ Нарву и другіе порты Балтійскаго моря, но впослѣдствіи, по причинѣ войнъ Грознаго съ Ливоніей и потомъ съ Польшей, стали посылать свои корабли также въ Бѣлое море. Въ XVI вѣкѣ мѣшаютъ имъ Шведы и Поляки *). Соперничество Англичанъ съ Голландцами повело ко враждѣ меж-

*) Ср. Е. Замысловскій, Очеркъ снош. съ Англіей, Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 6.

ду ними, въ особенности по вопросу о торговомъ пути чрезъ Россію, именно черезъ Архангельскъ и Астрахань въ Среднюю Азію и Индію. Этого не думало уступать Московское правительство. Оно, напротивъ, рѣшилось расширить и обезпечить старинныя торговыя сношенія Русскихъ по Каспійскому морю чрезъ Астрахань; а также самому воспользоваться всѣми выгодами транзитнаго пути изъ Азіи въ Европу, обезпечивъ себя флотомъ отъ «воровства» Донскихъ казаковъ на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ и разныхъ прибрежныхъ Кавказскихъ и другихъ разбойниковъ на томъ же нейтральномъ морѣ. Сохранилось извѣстіе, что, еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1635 году, Голштинцы построили въ Нижнемъ-Новгородѣ плоскодонный корабль, который въ первое же плаваніе по Каспійскому морю погибъ въ виду Низабата [1]). По изгнаніи Англичанъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича (1649 г.), готовясь, вѣроятно, поступить также и съ Голландцами, Московское правительство желало завести непосредственныя торговыя сношенія съ Персіею и другими странами Средней Азіи и построило для плаванія по Каспійскому морю корабль «Орелъ», который обязанъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину.

Этотъ достопамятный дѣятель хотѣлъ, чтобъ Россія была средоточіемъ морской торговли между Европой и Азіей: съ этой цѣлью, въ 1667 году, заключенъ былъ, при посредствѣ Армянина Григорія Усикова, договоръ съ Персіей, по которому Персидскіе купцы обязались доставлять только въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи, съ платежемъ пошлинъ пяти денегъ съ рубля; имъ дано было право торговать въ Астрахани, въ Москвѣ, Архангельскѣ и ѣздить за границу. Для усиленія восточной торговли Нащокинъ хотѣлъ завести флотъ на Каспійскомъ морѣ, и въ селѣ Дѣдиновѣ [2]) былъ построенъ «Орелъ». Стрюйсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ «повелѣлъ снарядить въ Амстердамѣ нѣсколько кораблей для слѣдованія чрезъ Каспійское море въ Персію, и что цѣль этой экспедиціи состояла въ томъ, чтобы направить торговлю Персидскимъ шелкомъ въ Московское государство» [3]). Какъ видно, до Стрюйса дошелъ невѣрный слухъ: странно было снаряжать корабли, которыхъ нельзя было провести изъ Балтійскаго или Бѣлаго моря въ Волгу. Для

[1]) А. Поповъ, О построеніи корабля Орла, М. 1858, с. 2. Голштинцы желали получать шелкъ изъ Персіи чрезъ Россію. Въ обоихъ посольствахъ съ этой цѣлью участвовалъ Адамъ Олеарій (1633 и 1636 г.) Чтенія въ И. М. О. И. и Др., 1864 г., № 1, с. 180—181.

[2]) Н. И. Костомаровъ пишетъ—Дедилово. Сами жители въ старину называли его Дѣдиново, а въ настоящее время Дѣдново. Др. и Н Россія. 1876 г., т. III, с. 38.

[3]) Les Voyags..., t. I, pag. 291—292.

предполагавшейся экспедиціи рѣшили строить корабли у себя. Вотъ поэтому, 16 Іюня 1666 года [1]), посланъ былъ въ Голландію купецъ Сведенъ съ порученіемъ нанять для постройки морскихъ кораблей и управленія ими мастеровъ, капитановъ, штурмановъ и другихъ спеціалистовъ морскаго дѣла. Сведенъ нанялъ въ Русскую службу 11 человѣкъ Голландцевъ и въ числѣ ихъ капитана Давида Бутлера. Сей послѣдній, оставаясь въ Голландіи, нанялъ, въ 1667 году, паруснаго мастера Ивана Стрюйса по 57 флориновъ въ годъ жалованья (т. е. только 7 флоринами болѣе жалованья матроса). До пріѣзда Стрюйса въ Россію, въ отсутствіе Бутлера, уже въ 1667 году приступили къ постройкѣ корабля подъ надзоромъ полковника Корниліуса фанъ Буковена и помощника его Якова Старка. Вмѣсто нѣсколькихъ кораблей выстроили только одинъ, названный, по приказанію царя, «Орломъ». Кромѣ корабля была готова еще одна яхта. Главное завѣдываніе постройкою корабля и яхты было поручено приказу Новгородской чети, бывшему тогда подъ управленіемъ А. Л. Ордына-Нащокина. Въ селѣ Дѣдиновѣ дѣло шло поспѣшно: въ Іюнѣ прибыли корабельные мастера, а уже въ Августѣ, по осмотрѣ сосѣднихъ лѣсовъ, состоялся царскій указъ о покупкѣ лѣса по вольной цѣнѣ и помощи строителямъ рабочими, деньгами и матеріалами; въ началѣ Сентября были посланы дворянинъ Я. Полуектовъ и подъячій Петровъ для закупки лѣса и припасовъ и вообще для распоряженія хозяйственною частью.

Непривычно было строить первыя суда: ни кузнецовъ, ни плотниковъ Русскихъ, охотниковъ работать на верфи, не оказалось. Полуектовъ съ трудомъ могъ найти рабочихъ, жаловался на ихъ неисправность; а они жаловались на то, что онъ ихъ бьетъ и моритъ голодомъ. Послѣ многихъ проволочекъ, наконецъ, къ зимѣ 1668 года суда были готовы, а весною 1669 г. Стрюйсъ съ товарищами тронулись въ путь изъ Москвы въ село Дѣдиново, чтобы сѣсть тамъ на суда.

Стрюйсъ былъ страстный охотникъ до путешествій. Это настоящій Робинзонъ Крузе. Во «Всеобщей Біографіи», Мишо [2]) собрано о немъ нѣсколько замѣтокъ. Настоящее его имя Jans Janszoon Strauss (Иванъ Ивановичъ Страусъ). Онъ родился въ Амстердамѣ отъ бѣдныхъ родителей. Въ качествѣ помощника парусника или паруснаго мастера (aide-voilier) отправился онъ на частномъ суднѣ въ Геную. Республика купила это судно и послала его въ Индію. Такъ началось первое путешествіе Стрюйса, описанное имъ въ 1-мъ

[1]) Въ статьѣ г. А. Попова, О постр. к. Орла, стоитъ по ошибкѣ 1660.

[2]) Biographie Universelle, par Michaud, v. 40, pag. 342, 343.

томѣ многихъ изданій Французскихъ [1]). Кажется, что эти суда были въ родѣ корсарскихъ; то, на которомъ служилъ Стрюйсъ, было взято Голландцами. Послѣ этого происшествія Стрюйсъ принялъ туже должность на одномъ кораблѣ Индійской Компаніи. Въ это первое путешествіе, съ 1647 по 1651 годъ, онъ объѣхалъ весь старый свѣтъ, при чемъ описалъ всѣ острова Зеленаго мыса, посѣтилъ Мадагаскаръ, гдѣ прожилъ довольно долго, для того чтобы изучить свойства страны, нравы жителей, и снялъ весьма точную, по отзыву современника, карту острова. Онъ описалъ также Сіамъ. Его описаніе очень точно, замѣчаетъ современный путешествію переводчикъ на Французскій языкъ. Мимоходомъ говоритъ Стрюйсъ объ островѣ Формозѣ и заканчиваетъ первое путешествіе описаніемъ Нангасаки и нравовъ Японцевъ. Отдохнувъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ предпринимаетъ второе путешествіе. Въ 1655 году снова отправился онъ въ Италію, въ которой описалъ всѣ города, посѣщенные имъ; затѣмъ, поступивъ въ службу Венеціанскую, онъ принимаетъ участіе въ войнѣ Венеціанъ съ Турками, при чемъ посѣщаетъ многіе недоступные тогда острова Архипелага и подробно описываетъ ихъ. Въ 1657 году онъ возвратился въ Голландію на нѣкоторое время, какъ говоритъ самъ, женился и прожилъ болѣе 10 лѣтъ на родинѣ. Въ 1668 году, уже будучи опытнымъ наблюдателемъ, предпринялъ онъ третіе и самое любопытное для насъ путешествіе — въ Московское государство.

При самомъ отъѣздѣ его, недалеко отъ порта Вли, произошло столкновеніе судна «Жертва Авраама», на которомъ плыли въ Россію знатоки морскаго дѣла, съ кораблемъ «Шеллингъ», отъ чего судно едва не пошло ко дну. Зная, какую зависть иностранцы питали къ Русскимъ, можно предположить, что это столкновеніе было не случайное, а вызванное зложелательствомъ. Послѣ этого несчастія, происшедшаго при выходѣ изъ гавани 20 Сентября, Стрюйсъ съ товарищами отправились въ дальнѣйшій путь и, 1-го Октября, они вошли въ гавань Риги, Больдераа. Посѣтивъ Ригу, Стрюйсъ описалъ ее и представилъ географическое положеніе всей Ливоніи. Уложивъ на 30 повозокъ свои вещи, онъ съ товарищами двинулся къ Пскову. Это дало ему возможность наблюдать жалкое состояніе страны, бывшей долго театромъ столкновеній между Россіей, Польшей и Швеціей. Онъ сообщаетъ о страшной бѣдности населенія, конечно, Латышскаго и Чуд-

---

[1]) Французскій переводъ приписывается біографомъ Стрюйса (E--S) Гланію (Glanius), между тѣмъ какъ имя это встрѣчается только въ Руанскомъ изданіи 1727 года и Амстердамскомъ 1681 года.

скаго, объ его нелѣпыхъ и жалкихъ языческихъ суевѣріяхъ, о дурныхъ дорогахъ, болотахъ и прочемъ. Послѣ большихъ затрудненій, 19 Октября, путешественникъ съ товарищами въѣхалъ въ Московское государство. О первомъ Русскомъ селѣ Печоры авторъ спѣшитъ записать, что населеніе въ немъ живетъ въ достаткѣ: оно ведетъ торговлю и внѣшностью напоминаетъ городъ. Не станемъ слѣдовать за авторомъ шагъ за шагомъ въ его путешествіи по Россіи. Довольно замѣтить, что ѣхалъ онъ обычнымъ путемъ по направленію къ Москвѣ: изъ Печоръ на Псковъ, Новгородъ, Торжокъ и Тверь. Разсказы о похищеніи медвѣдицею ребенка конечно были сообщены ему проводникомъ, знавшимъ Нѣмецкій языкъ, и попали въ записки по легкомыслію, свойственному всѣмъ новичкамъ въ незнакомой странѣ. Такихъ эпизодовъ даже знаменитый «Журналъ Ученыхъ» (Le Journal des Savants du 21 Juillet 1681), въ отчетѣ объ его путешествіяхъ, указываетъ немного, не болѣе двухъ-трехъ, впрочемъ не упоминая объ этомъ послѣднемъ. Преданія о величіи Новгорода были еще живы въ народѣ даже 200 лѣтъ спустя послѣ разоренія города в. к. Іоанномъ III и погрома, произведеннаго царемъ Іоанномъ IV. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Стрюйсъ почерпалъ свѣдѣнія у люда неофиціальнаго. Въ Новгородѣ онъ очень подробно записалъ преданіе о св. Антоніи, и это доказываетъ его знакомство съ Русскимъ языкомъ, о занятіи которымъ онъ упоминаетъ. Въ его путешествіи по Россіи важны топографическія замѣтки о тѣхъ мѣстахъ, по которымъ онъ проѣхалъ. Проводникъ иностранцевъ, говорившій довольно хорошо понѣмецки, какъ видно, давалъ нерѣдко ложныя объясненія; вотъ отчего происходили ошибки Стрюйса на первыхъ порахъ, пока онъ познакомился съ Русскимъ языкомъ и могъ провѣрять разсказы однинъ другимъ. Коньки, какъ видно, не были извѣстны, по крайней мѣрѣ въ селахъ, и этимъ объясняется удивленіе всего села, если только оно не было возбуждено особеннымъ искусствомъ Голландцевъ кататься на konькахъ. Встрѣча съ разбойниками подъ Торжкомъ, на большой дорогѣ, днемъ, весьма характерна и врядъ-ли выдумана. Тоже можно сказать о сопротивленіи жителей въ Спасъ-Заулокѣ и нежеланіи ихъ дать ямскихъ лошадей. Въ Москвѣ пребываніе иностранцевъ на квартирѣ, въ качествѣ постоя, было непріятною для Москвичей повинностью. Стрюйсъ запомнилъ невылазную грязь въ Москвѣ. Интересны свѣдѣнія его объ естественныхъ произведеніяхъ въ Россіи. Важно было-бы провѣрить его замѣтки о томъ, что даже во Владимірской области урожай давалъ самъ 25; въ Рязанской же области почва, по его словамъ, еще плодороднѣе. Разсказъ о молодомъ человѣкѣ, видѣвшемъ до свадьбы

свою жену слѣпую на одинъ глазъ, не лишенъ вѣроятности, хотя обстоятельства, сопровождавшія сватовство и женитьбу, противорѣчатъ нравамъ и обычаямъ Русскихъ XVII вѣка. Стрюйсъ подтверждаетъ употребленіе при вѣнчаніи искусственныхъ цвѣтовъ вмѣсто металлическаго вѣнца; по кажется, онъ невѣрно или неясно говоритъ о томъ, что родители жениха и невѣсты сидѣли въ церкви. Замѣтилъ онъ, что въ настоящее время не встрѣтишь дворянина, у котораго бы въ саду не росли цвѣты, а прежде считали это смѣшной забавой. Не ускользнуло отъ его наблюдательности и другое явленіе, хотя и неискусно выраженное словами: «царь выше всѣхъ законовъ»; а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «ему принадлежитъ право жизни и смерти; словомъ, нѣтъ монарха самостоятельнѣе Русскаго царя». Важно у него изложеніе суевѣрій, разсказы о баняхъ, обычаяхъ; любопытенъ взглядъ на похоронные и нѣкоторые церковные обряды. Нельзя не обратить вмѣстѣ съ путешественникомъ вниманія на дешевизну птицы подъ Дѣдновымъ, вообще на дешевизну съѣстныхъ припасовъ и полотна на Волгѣ и обиліе во всемъ Волжскомъ краѣ. Русскій языкъ, по всему теченію Волги до ея впаденія въ Каспійское море, былъ распространенъ болѣе всѣхъ другихъ языковъ между многочисленными инородцами, населявшими берега великой рѣки. Нагорные и луговые Черемисы, Ногайцы и Калмыки обращали людей, захваченныхъ силою, конечно за исключеніемъ Русскихъ, въ рабство. Вообще всѣ замѣтки объ инородцахъ важны. Разсказъ о подвигѣ Хабарова, сохранившійся въ устахъ народа, показываетъ уваженіе сего послѣдняго къ царской власти. Стрюйсъ свидѣтельствуетъ о разведеніи винограда подъ Астраханью еще въ первой половинѣ XVII вѣка. Онъ записалъ, что у низовьевъ Волги вовсе не дорожатъ рыбой: вынувъ икру, бросаютъ ее за негодностью и лишь изрѣдка солятъ ее, впрочемъ только для отправки въ Московское государство, гдѣ ее покупаетъ простой народъ.

Таково вкратцѣ содержаніе путешествія Стрюйса по Россіи. Дальнѣйшая жизнь его полна приключеній. Судно, на которомъ онъ съ товарищами бѣжалъ изъ Астрахани, было выброшено на Дагестанскій берегъ. Всѣхъ, плывшихъ на немъ, взяли въ плѣнъ. Стрюйса отвели къ хану или шамхалу Байянскому на Югъ отъ Тарку; потомъ продали одному Персу; затѣмъ онъ перемѣнилъ хозяина и послѣ различныхъ переѣздовъ былъ опять купленъ въ Шемахѣ однимъ Грузиномъ, посланникомъ Польскаго короля. Годъ спустя, Стрюйсъ заплатилъ выкупныя деньги за себя этому покровителю, у котораго онъ вовсе не хотѣлъ наниматься, и 30 Октября 1671 года присоединился къ каравану, отправлявшемуся въ Испагань. Отсюда пробрался онъ въ

Ширасъ, Ларъ и Гомронъ, отплылъ въ Батавію, и послѣ безчисленныхъ приключеній, возвратился въ третій разъ, 7 Октября 1673 года, въ Голландію. Нѣсколько времени спустя, онъ уѣхалъ въ Дитмаршъ (Датскую землю выше Гамбурга), гдѣ умеръ въ 1694 году.

Мы не будемъ останавливаться на всѣмъ понятномъ значеніи извѣстій иностранцевъ о Россіи. Историкъ государства, церкви [1]) и другихъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни не долго будетъ заниматься ими, или придавать имъ особенное значеніе: политическая и другія стороны народной жизни въ достаточной степени исчерпываются своими, домашними источниками. Но прошлый бытъ общественный и частный въ сильной степени нуждается въ его освѣщеніи наблюдательными иностранцами. Въ этомъ отношеніи извѣстія ихъ несомнѣнно драгоцѣнны. Не политической исторіи своей будемъ мы учиться по извѣстіямъ иностранцевъ, а подмѣчать бытовыя черты, схваченныя ими на лету, вскользь, какъ посторонними образованными наблюдателями въ такой непохожей на остальную католическую, а позже протестантскую Европу странѣ. Въ Россіи все ихъ поражало: церковь, правленіе, сильная царская власть, подчиненіе ей, государственное устройство, даровитый народъ, способный къ высокому развитію, сосѣди-инородцы, казачество; обо всемъ сообщали они въ своихъ запискахъ, не упуская изъ виду того, къ чему свои домашніе источники, такъ сказать, приглядѣлись, считали слишкомъ обыкновеннымъ, не стоющимъ вниманія. Но извѣстія иностранцевъ и преимущественно сообщаемыя ими бытовыя черты не вполнѣ очищены критикой. Для этого нужно облегчить знакомство съ ними. Между тѣмъ у насъ вообще мало переведены описанія путешествій иностранцевъ. Многія изъ нихъ вовсе неизвѣстны на Русскомъ языкѣ; нѣкоторыя извѣстны только въ извлеченіи.

Извѣстія иностранцевъ о Россіи обращали на себя преимущественное вниманіе гг. Костомарова, Ключевскаго, Аристова, Замысловскаго, Рущинскаго; пользовались ими Устряловъ, Погодинъ, покойный С. М. Соловьевъ, г. Бестужевъ-Рюминъ и др., но съ иными цѣлями, и меньше всего обращалось вниманія на бытовыя черты. Извѣстіями Стрюйса пользовались А. Н. Поповъ, Костомаровъ, покойный Соловьевъ, Ключевскій [2]); но какъ-то случайно,

---

[1]) Труды гг. Ключевскаго (Сказанія ин. о М. госуд. 1866) и Рущинскаго (Религіозный бытъ и пр., въ Чт. въ И. М. О. И. и Др. 1871 г., № 3) только подтверждаютъ сказанное нами.

[2]) Странно, что г. Рущинскій въ своемъ сочиненіи: „Религіозный бытъ Русскихъ въ XVI и XVII в. по извѣстіямъ иностранцевъ“ (Чтенія въ И. М. О. И. и Др. 1871, № 3) не пользовался вовсе извѣстіями Стрюйса. Тоже можно сказать о г. Висковатовѣ (Морской Сборникъ, 1856, № 1), писавшемъ о кораблѣ „Орлѣ“.

не придавая, можетъ быть, особаго значенія его замѣткамъ. Но еще при Петрѣ Великомъ было у насъ обращено вниманіе на показанія Стрюйса, и переведено было его путешествіе *). Не боясь упрека въ пристрастіи къ предмету своего перевода, мы готовы настаивать на важности извѣстій этого иностранца, знавшаго Русскій языкъ, прожившаго около двухъ лѣтъ въ Россіи и не отдѣленнаго, подобно посланникамъ, ихъ секретарямъ и свитѣ, отъ народа, даже во время путешествія. Впрочемъ, собранныя имъ бытовыя черты должно очистить критически. Мы оставляемъ это на будущее время, понимая, какъ бытовая исторія у насъ мало разработана, вслѣдствіе недостатка источниковъ и ихъ недоступности. Мы не имѣли возможности сравнить всѣхъ изданій и преимущественно Французскихъ съ Голландскими и Нѣмецкими и сличали только два Французскихъ: Ліонское, 1682 г. (съ него сдѣланъ нашъ переводъ) съ Руанскимъ, 1724 г. Парижское, 1827 г., сокращенное съ сохраненіемъ анекдотической части, не имѣетъ никакого значенія. По отношенію къ изданіямъ 1682 и 1724 годовъ мы убѣдились, что первыя старинныя изданія вѣрнѣе, а послѣдующія или представляютъ простую перепечатку, или же наполнены ошибками и не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ историческихъ и географическихъ знаній. Съ Нѣмецкимъ переводомъ, при посредствѣ перевода А. Н. Попова, мы сравнили лишь нѣкоторыя мѣста.

Голландскій подлинникъ, сколько намъ извѣстно, существуетъ въ Россіи только въ Императорской Публичной библіотекѣ. Московскіе ученые пользовались Нѣмецкимъ переводомъ.

Во всякомъ случаѣ, даже до критической разработки извѣстій Стрюйса, мы думаемъ, что на его извѣстія обратятъ вниманіе составители мѣстныхъ исторій, и въ особенности историки городовъ: Псковъ, оба Новгорода, Москва, Казань, Астрахань и другіе города были предметомъ наблюдательности наивнаго Голландца и его замѣтокъ.

Его извѣстіямъ придавали цѣну и современники, не соотечественники, а писатели народа чуждаго и даже враждебнаго тогда Голландцамъ. Приведемъ нѣкоторыя замѣтки изъ предисловія Французскаго переводчика: «Третіе путешествіе Стрюйса начинается Московіей, и я думаю, что ничего нельзя присоединить къ его замѣчаніямъ; потому что какъ о состояніи страны, такъ и о нравахъ жителей, трудно будетъ что нибудь сказать болѣе законченнаго..... Такъ какъ торговля была цѣлью путешествія, то онъ много заботился о томъ, чтобы вездѣ, гдѣ былъ, получить подробное свѣдѣніе объ этомъ предметѣ. Все это пересыпано разсказами о случаяхъ и приключеніяхъ,

*) См. нашу статью о томъ въ Р. Архивѣ 1879, II, 265.

которые могутъ доставить отдыхъ уму. Не подражая большей части путешественниковъ, которые останавливаются только на томъ, что̀ ихъ сильнѣе поражаетъ, онъ представляетъ планы городовъ, разсказываетъ о религіи, нравахъ, обычаяхъ въ видѣнныхъ имъ странахъ. Онъ не преминетъ при случаѣ разсказать о дворцахъ, церквахъ, публичныхъ площадяхъ, крѣпостяхъ, сраженіяхъ и внѣшнемъ благоустройствѣ. Два письма, которыя приложилъ я къ описанію этого путешествія (продолжаетъ Французъ) имѣютъ весьма много связи, такъ какъ составляютъ продолженіе того, что̀ говорилось объ Астрахани, о которой авторъ разсказывалъ до той поры, когда казаки осадили ее, взяли, разграбили и внесли полное смятеніе, которое обыкновенно причиняетъ грубый побѣдитель» [1]).

«Доказывать справедливость извѣстій о Россіи Стрюйса», какъ поступилъ А. Н. Поповъ [2]), нѣтъ нужды. Если въ чемъ они нуждаются, такъ развѣ въ сличеніи ихъ съ другими и объясненіи. Еще авторъ замѣтки о жизни Стрюйса опрометчиво заявилъ [3]), что Стрюйсъ смѣшонъ желаніемъ обмануть читателей, на примѣръ, разсказомъ о своемъ восхожденіи на Араратъ, гдѣ нѣкій отшельникъ далъ ему обломокъ отъ Ноева Ковчега. Journal des Savants 21 Іюля 1681 г. въ отчетѣ объ описаніи путешествія Стрюйса, приводитъ нѣкоторые другіе сообщаемые имъ лживые факты, напримѣръ, о томъ, что онъ видѣлъ на берегахъ Волги собственными глазами живую траву, похожую на ягненка—Баранецъ или Agnus Scythicus.

Можно ли винить человѣка за то, что онъ раздѣлялъ ошибки и предразсудки своихъ современниковъ? Всякій можетъ убѣдиться, что Стрюйсъ слышалъ подробности объ агнусѣ Скиѳскомъ еще на родинѣ, въ Амстердамѣ: въ коллекціи перваго тогдашняго ученаго въ Амстердамѣ, анатома Сваммердама, онъ могъ видѣть даже мнимые смушки этого ягненка [4]); въ Россіи онъ съ удовольствіемъ записалъ разсказъ, подтверждающій одну изъ старинныхъ бредней и считаетъ даже излишнимъ лично убѣдиться въ дѣйствительности, какъ можно догадываться объ этомъ изъ его разсказа [5]). Укоръ Стрюйсу автора статьи E—s, напечатанной у Мишо, въ томъ, что онъ—человѣкъ безъ обра-

---

[1]) Les Voyages etc , t. I, préface.

[2]) О построеніи кор. Орла. М. 1858 г., с. 2, пр. 1 и въ Русской Бесѣдѣ, 1858, № 4.

[3]) E—S, въ Biographie Universelle, par Michaud, t. 40, pag. 343.

[4]) Г. Киренскій предполагаетъ (Ж. М. Н. П., 1874, № 3, с. 68), что Русскіе только подтверждали существованіе таинственнаго животнаго растенія, побуждаемые къ тому разспросами иностранцевъ, слышавшихъ дома разсказъ объ агнусѣ; подшутить надъ „Нѣмцами“ или хвастнуть предъ ними Русскіе встарину были не прочь. Такъ случилось и съ Стрюйсомъ, который лучше всего подтверждаетъ мнѣніе г. Киренскаго.

[5]) Les Voyages etc., Lyon, t. II, pag. 30—31.

зованія, скорѣе можетъ быть обращенъ въ похвалу ему, какъ наблюдательному путешественнику: схоластика заразила бы его предразсудками, которые мѣшали бы его наивному разсказу. Аделунгъ также говоритъ [1]), что сочиненіе Стрюйса, «по малой степени образованія сочинителя, представляетъ много извѣстій неосновательныхъ и невѣрныхъ». Убѣдившись въ ошибочности отзывовъ почтеннаго ученаго о Бопланѣ, Ламберти, Де-Люкѣ и др., мы съ осторожностью и недовѣріемъ отнеслись къ его мнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы въ подтвержденіе такого взгляда, читаемъ у Аделунга ниже: «Любопытенъ разсказъ объ плаваніи Стрюйса со Стенькою Разинымъ по Волгѣ (?!)». Это—совершенный вымыселъ, доказывающій, что Аделунгъ вовсе не читалъ сочиненія Стрюйса. Говоря затѣмъ, что «многіе сомнѣвались даже въ томъ, точно ли Іоаннъ Стрюйсъ находился въ Россіи», Аделунгъ ссылается на Нѣмецкое сочиненіе по Русской исторіи, Мюллера [2]). Не изучивъ непосредственно описанія Стрюйса, Аделунгъ продолжаетъ: «Сомнѣніе въ томъ, былъ ли онъ въ Россіи должно приписать только неосновательности и невѣрности его извѣстій» [3]), и при этомъ приводитъ какого-то неизвѣстнаго автора литературной исторіи Франціи [4]), который вскользь, между прочимъ, легкомысленно высказываетъ мнѣніе объ описаніи Стрюйсомъ своего путешествія по малоизвѣстной еще тогда въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ странѣ, какою была для западной Европы Россія.

Вотъ на такихъ-то шаткихъ основаніяхъ составилось убѣжденіе въ мнимой ложности извѣстій Стрюйса. Судьями его явились люди, мало-знакомые съ его сочиненіемъ, а въ особенности съ предметомъ онаго; они произнесли свой приговоръ давно, когда страна, описанная Стрюйсомъ, была малоизвѣстна. Правда, онъ не избѣгъ ошибокъ; но послѣднихъ у него далеко не больше, чѣмъ у другихъ иностранныхъ путешественниковъ, и онѣ выкупаются многими вѣрными свѣдѣніями, которыхъ не удалось собрать прочимъ иностранцамъ, бывшимъ въ иной обстановкѣ, не столь благопріятной для знакомства съ народомъ, въ какой былъ простой наемный парусный мастеръ, по положенію мало отличавшійся отъ матросовъ; сіи послѣдніе получали въ годъ жалованья только

---

1) Чтенія въ И. О. И. и Др., 1864 г. кн. I, 210.
2) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. VII, s. 499.
3) Чтенія въ И. О. И. и Др., 1864 г., № 1, 211.
4) Напр. въ Bibliothèque Française, ou histoire littéraire de la France. Amsterd., 1724, 12⁰, гдѣ t. IV, p. 51, говорится: „Il y a des relations qui ont été fabriquées pour en imposer le public comme... le voyage d'un homme Jean Struis en Moscovie, en Tartarie etc. dont le chevalier Chardin et quelques autres ont si bien démontré la fausseté etc.“.

7 флоринами меньше Стрюйса [1]). Самъ Стрюйсъ, капитанъ Бутлеръ и неизвѣстный авторъ другаго дневника, веденнаго на кораблѣ «Орелъ» обратили вниманіе на бунтъ Стеньки Разина, на это громкое событіе, «приведшее въ ужасъ и ожиданіе всю Европу», какъ выражается одинъ иностранецъ-современникъ.

Вопросъ о торговлѣ съ Средне-азіятскими странами, который послужилъ поводомъ къ путешествію Стрюйса, благодаря нашему движенію въ глубь Азіи, возбуждаетъ нынѣ вниманіе всего Запада, а для насъ, Русскихъ, въ особенности исполненъ великаго значенія.

Петръ Юрченко.

---

[1]) Мы рѣшительно недоумѣваемъ, о какой рукописи описанія его путешествія, хранящейся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, говоритъ Аделунгъ (тамже, 211). Г. Козубскій, дополняющій Аделунга (Журналъ М. Н. Пр., 1878 г., № 5, с. 21—22), къ нашему удивленію не указалъ ни одной изъ ошибокъ и неточностей Аделунга, на которыя мы обращаемъ вниманіе читателей въ текстѣ. Здѣсь же еще укажемъ, что Аделунгу (с. 211—212) неизвѣстны многія изданія сочиненія Стрюйса на Европейскихъ языкахъ; неизвѣстенъ переводъ, Шиллинга хранящійся въ И. П. Библіотекѣ (См. нашу статью въ Р. Архивѣ, 1879 г., № 7); неизвѣстна, наконецъ, статья: „Страшная рѣзня въ Астрахани“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ [1]).

Отъѣздъ автора въ Московское государство.—Неудобства путешествія по Ливоніи. (Сентябрь 1668 г.).

Возвращаясь изъ Ливорно (въ Голландію, въ Амстердамъ), я разсчитывалъ отдохнуть только нѣсколько дней; но черезъ шесть мѣсяцевъ по возвращеніи (на родину), мнѣ довелось жениться, и я не въ состояніи былъ покинуть семейство въ теченіи слишкомъ 10 лѣтъ. Однако ничто не могло меня удержать, когда я узналъ, что Московскій царь повелѣлъ снарядить въ Амстердамѣ нѣсколько кораблей, для слѣдованія чрезъ Каспійское море въ Персію. Цѣль этой экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы направить торговлю Персидскимъ шелкомъ въ Московское государство, на путь болѣе безопасный и удобный; потому что купцы, слѣдуя по прежнему пути, не рѣдко разорялись, вмѣсто того чтобы извлекать пользу изъ этой торговли. Такъ какъ нельзя было перевозить шелкъ иначе, какъ совершая большой объѣздъ, то нерѣдко случалось, что, кромѣ чрезвычайныхъ издержекъ на перевозку, часть его грабили Татары и другіе народы, чрезъ земли которыхъ доводилось проѣзжать купцамъ.

Его царское величество, узнавъ о потеряхъ, причиняемыхъ купцамъ на этомъ пути, пожелалъ поискать другаго, именно того, о коемъ я выше упомянулъ. Въ этихъ видахъ, 2-го Сентября 1668 г., я сѣлъ на корабль «Жертва Авраама». На слѣдующій день мы были въ Энкуйзенѣ, Enchuysen [2]), а оттуда прибыли въ Вли, Vli [3]), гдѣ ждали попутнаго вѣтра. Чрезъ 8 дней онъ подулъ по желанному направленію, и мы съ 15 другими лицами отправились въ путь. Лишь только стали выходить изъ гавани, какъ подулъ противный вѣтеръ, заставившій насъ лавировать. Въ довершеніе бѣдствій, въ

---

[1]) Ліонское изданіе 1682 года, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ, состоитъ изъ трехъ томовъ. Переведены здѣсь только тѣ мѣста, которыя относятся до Россіи. Они находятся въ 1-мъ томѣ на стр. 291—293, 296—298 и 304—455; въ 2-мъ томѣ стр. 1—103 и 107; въ 3-мъ томѣ стр. 113—181. Слова, помѣщенныя въ скобкахъ, не принадлежатъ Стрюйсу.

[2]) Пишется также Enkuisen и Enkuizen.

[3]) Сравни Vliland.

то время, когда мы меньше всего ждали опасности, корабль изъ Шеллинга, Schelling, наскочилъ на насъ съ такою силою, что мы едва не утонули; но къ счастью дѣло окончилось благополучнѣе, такъ какъ у насъ оказался разорваннымъ главный парусъ, тогда какъ другое судно, вслѣдствіе столкновенія, потеряло рею и бугсприть. Тѣмъ не менѣе, полагая, что поврежденія должны быть значительнѣе, оба судна зашли въ гавань Шеллинга, чтобы лучше осмотрѣться.

21-го мы въ состояніи были продолжать наше путешествіе, которому благопріятствовалъ вѣтеръ до самой Риги; только при выходѣ изъ Зунда дулъ такой сильный вѣтеръ, что изорвалъ нашъ главный парусъ, который скоро починили.

1-го Октября мы подошли къ Больдераа, Boldera, рѣчной гавани Риги, port de la rivière de Riga, гдѣ таможенные чиновники, найдя, что нѣкоторые товары не были объявлены, взяли ихъ съ корабля и увезли съ собою, но скоро возвратили, такъ какъ командиръ судна предложилъ имъ подарки, удовлетворившіе ихъ. На другой день мы разсчитывали войти въ городъ, но привели это въ исполненіе только по окончаніи штиля, продолжавшагося до 3-го Октября.

Далѣе слѣдуетъ описаніе Риги, въ которомъ упоминается, что „зимой этотъ городъ ведетъ торговлю только сухимъ путемъ и съ Московскимъ государствомъ, при чемъ товары доставлялись на саняхъ и телѣгахъ“. Упомянулъ авторъ также о томъ, что Ливонія была нерѣдко театромъ войны между Польшей, Швеціей и Московіей.

Мы направились къ Пскову и остановились на ночлегъ въ Ньюмейленѣ, Nieumeulen, гдѣ на слѣдующій день переправились на другой берегъ рѣки, по понтонному мосту, нарочно построенному для переправы лошадей и повозокъ. Съ 11-го (Октября) представлялись постоянно нѣкоторыя неудобства какъ отъ дурнаго пути, такъ и отъ того, что повозки были слишкомъ нагружены; къ тому же что нибудь да требовало починки. На этомъ неудобномъ пути встрѣчалось многое, достойное сожалѣнія. Страна и населеніе ея, по моему мнѣнію, самыя жалкія. Какъ мущины, такъ и женщины набрасываютъ на себя лишь плохое покрывало и то небрежно, въ особенности женщины, которыхъ нагота едва скрывается, но сія послѣдняя возбуждаетъ одно только отвращеніе. Прическа соотвѣтствуетъ этому наряду: волосы у нихъ подстрижены въ кружокъ на два пальца ниже ушей, а сверху надѣта тряпка. Цвѣтъ лица трудно опредѣлить, такъ какъ для этого нужно было бы обмывать ихъ щелокомъ въ теченіе восьми дней. Вмѣсто дворцовъ эти прекрасныя нимфы живутъ въ дрянныхъ хижинахъ, при взглядѣ на которыя содрогаешься, а внутренность ихъ возбуждаетъ отвращеніе и жалость.

Ихъ домашняя утварь состоитъ только изъ котла и двухъ глиняныхъ горшковъ, которыхъ никогда не моютъ; спятъ они на землѣ,

питаются хлѣбомъ, спеченнымъ съ отрубями, огурцами и кислой капустой. Причиною крайней нищеты этихъ несчастныхъ людей — ихъ господа, которые обращаются съ ними хуже, нежели Турки съ своими рабами. Они оправдываютъ такую жестокость мнѣніемъ, что съ мужиками надобно обращаться, какъ съ животными; иначе ничего отъ нихъ не добьешься. Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько отличать ихъ отъ животныхъ по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь неумѣстно; но корыстолюбіе и сила, управляющія всѣмъ, возбуждаютъ другія чувства, которыя трудно подавить. Эта тяжелая, дикая жизнь влечетъ за собой такое глубокое невѣжество, что только по внѣшности и способности говорить можно признавать ихъ за людей. Такимъ образомъ неудивительно, что они не имѣютъ понятія о Богѣ. Слабое и грубое представленіе ихъ о существѣ, враждебномъ Ему, вводитъ ихъ въ заблужденіе, простительное для нихъ, такъ какъ господа ихъ не желаютъ, чтобъ они были менѣе невѣжественны и болѣе просвѣщены. Они слышали, что дьяволъ владѣетъ богатствами и употребляютъ всѣ средства, чтобы заговорить съ нимъ, потому что какъ они ни глупы, но все-таки понимаютъ, что есть люди счастливѣе ихъ и что богатство доставляетъ счастье, почему и стараются завести сношенія съ тѣмъ, кого считаютъ обладателемъ онаго. Они стремятся выйти изъ своей нищеты; это-то и наводитъ меня на мысль, что они способны понимать хорошее; но имъ отказываютъ въ немъ, опасаясь, чтобы они не поняли вреда, который причиняется имъ. Обращаясь къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ, можно сказать, что они лишены ихъ совершенно; обряды же, которые они совершаютъ по привычкѣ въ извѣстное время года, есть нѣчто столь нелѣпое, что не стоитъ о немъ и говорить.

Далѣе авторъ описываетъ „нелѣпыя и жалкія ихъ суевѣрія". Вообще весьма мрачными красками рисуетъ Голландецъ Ливонію, подчиненную Шведамъ, неоднократно отзывается о ней, какъ о „самомъ печальномъ мѣстѣ" и видимо желаетъ отличить жалкое положеніе Латышей и Финовъ, которыхъ поработили Нѣмцы, отъ лучшей участи Русскихъ. Послѣ двухдневнаго труднаго перехода чрезъ лѣсъ, Стрюйсъ съ товарищами достигъ городишка Вольмара (Uvomer ou Uvomar). Потомъ въ теченіе цѣлаго дня опять шли чрезъ лѣсъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Продолженіе того же пути отъ Печоръ (Pitsiora), перваго села въ Московскомъ государствѣ.

19-го Октября мы проѣхали такъ мало, что ночь застала насъ въ лѣсу, въ которомъ намъ и пришлось провести ее. Здѣсь мы поголодали, но за то не щадили дровъ. Въ противномъ случаѣ, я полагаю, комары заѣли бы насъ. Вслѣдствіе усталости предыдущаго дня и безпокойствъ о будущемъ, спали мы такъ чутко, что проснулись до зари. Такое рвеніе было причиной того, что мы очень рано прибыли въ Печоры [4]). Эти Печоры—небольшое, но очень удобное село, которое лежитъ первымъ при переѣздѣ изъ Ливоніи въ Московское государство. Населеніе въ немъ живетъ въ достаткѣ, а хорошая почва даетъ ему возможность вести торговлю. Лишь только жители узнали о нашемъ прибытіи, какъ пришли освѣдомиться, нѣтъ ли у насъ для продажи жемчугу или брилліантовъ. Этотъ вопросъ заинтересовалъ насъ и побудилъ погулять по селу, гдѣ мы увидѣли такіе же лавки и магазины, какъ въ самыхъ большихъ городахъ. Подивившись видѣнному, я спросилъ у нихъ о томъ, какое бы употребленіе сдѣлали они изъ шелковыхъ и узорчатыхъ матерій. На это отвѣчали мнѣ, что продаютъ товары во сто разъ дороже ко двору царя, средоточію богатствъ; что они ѣздятъ туда отъ времени до времени и возвращаются весьма довольные своей поѣздкой.

21-го проѣзжали чрезъ большой лѣсъ, который показался намъ менѣе скучнымъ, нежели предыдущіе, по той, можетъ быть, причинѣ, что въ немъ попадались нѣкоторыя ягоды, которыя освѣжали насъ или, по крайней мѣрѣ, доставляли удовольствіе. Я не знаю, моціонъ ли побуждалъ насъ находить все вкуснымъ, но мы ѣли чернику, des groiselles bleues, которая показалась намъ восхитильнѣе лучшей Голландской черной смородины. Что̀ касается до меня, я находилъ ее до того вкусною, что незамѣтно приближался къ тому мѣсту, гдѣ ея росло больше всего. Но, прежде нежели я очутился тамъ, огромный медвѣдь вышелъ оттуда такъ неожиданно, что я потерялъ охоту ѣсть ее. Совершенно испуганный, я присоединился къ своимъ спутникамъ. Одинъ изъ окрестныхъ крестьянъ, на ту

[4]) „Отъ Изборска 12 верстъ (къ Сѣверо-западу) городъ Печеры". (Книга Большому Чертежу, 1627 г., Спб. 1838, с. 180). Нынѣ станція въ 20 верстахъ отъ Изборска.

пору случайно сопровождавшій насъ, замѣтилъ, что я дешево отдѣлался и что этотъ звѣрь очень ихъ безпокоитъ: пожираетъ днемъ и ночью все, что ему ни попадается. Это предостереженіе побудило меня впредь не удаляться отъ спутниковъ, въ незнакомой странѣ, въ особенности въ лѣсахъ, которыхъ очень много на этомъ пути.

Въ этотъ же самый день, очень рано, мы прибыли въ Псковъ, куда были отосланы повозки изъ Риги, такъ какъ изъ перваго уже города жители во всѣхъ мѣстахъ, которыя бы мы ни проѣхали, обязаны были давать намъ помѣщеніе и все, въ чемъ бы мы ни нуждались. Псковъ—большой городъ, имѣетъ болѣе двухъ лье [5]) въ окружности. Стѣны его каменныя и деревянныя съ нѣсколькими дрянными башнями, безъ зубцовъ, платформъ, бастіоновъ, редутовъ и безъ всякихъ средствъ къ защитѣ. Издали, по нѣкоторымъ признакамъ, въ особенности по большому количеству колоколенъ, онъ кажется настоящимъ городомъ; вблизи же видъ его жалокъ; а всѣ дома—ничто иное какъ только деревянныя избы, сооруженныя наскоро и неряшливо. Что касается матеріала, то жители говорятъ, что они оттого предпочитаютъ дерево, что деревянные дома здоровѣе каменныхъ. Что же касается безобразной постройки, то въ этомъ отношеніи они ссылаются на старинную привычку, которой они слѣдуютъ съ незапамятныхъ временъ; что на самомъ дѣлѣ въ этихъ строеніяхъ нѣтъ ни изящества, ни пріятности, но она удобна и подручна и что они спятъ въ нихъ покойнѣе нежели иной изъ тѣхъ, что живетъ въ прекраснѣйшихъ дворцахъ. Отъ этого разговора мы нечувствительно перешли къ приключенію съ медвѣдемъ и выразили удивленіе, что онъ, противъ обыкновенія, не напалъ, а убѣжалъ. Мнѣ разсказали при этомъ одинъ случай, происшедшій въ прошедшемъ году, въ сосѣдней деревнѣ, что медвѣдь вошелъ ночью въ избу и, найдя въ ней женщину съ ребенкомъ на постелѣ, сожралъ мать, отъ которой осталось очень немного. Что же касается дитяти, то не оказалось слѣдовъ, по которымъ можно было бы заключить о томъ, что могло бы случиться съ нимъ. Спустя нѣсколько времени, тотъ же медвѣдь, котораго привлекъ этотъ хорошій ужинъ, возвратился въ ту же деревню, въ которой крестьяне, замѣтивъ его, напали на него и убили. Затѣмъ они увидѣли, что это была медвѣдица, которая должна была имѣть медвѣжатъ. На слѣдующій день они нашли ихъ, не сомнѣваясь въ томъ, что долгое отсутствіе матери заставитъ ихъ жалобно ревѣть, что и обнаружитъ ихъ. Долго и напрасно ихъ искали и уже намѣревались возвратиться, какъ услышали у одного пригорка вздохи дитяти; они взобрались на пригорокъ и, нашедши ребенка, отнесли къ узнав-

---

[5]) Лье заключаетъ въ себѣ отъ 4 до 7 верстъ.

шей его теткѣ, къ которой я, изъ любопытства, ходилъ смотрѣть его.

Когда замѣтили мое любопытство, то позволили мнѣ видѣть у одного посадскаго, bourgeois, кость необыкновенной величины. Это была бедраная кость какого-то человѣка, который, повидимому, не былъ карликомъ: она была пяти футовъ въ длину. Другихъ костей я не видѣлъ, потому что ихъ оставили въ каменномъ гробу, въ которомъ ихъ нашли крестьяне, вырывая корни деревъ, срубленныхъ ими. Меня, впрочемъ, увѣряли, что всѣ онѣ по величинѣ и толщинѣ были пропорціональны бедряной.

Съ 26-го числа того же мѣсяца сдѣлалось такъ холодно, что, если бы мы раздумали отправиться въ путь, то были въ опасности, что не въ состояніи будемъ окончить свое путешествіе; но мы сдѣлали надъ собою нѣкоторое усиліе и продолжали его, при чемъ нужно было ожидать подводъ, le poddeuvode. Таковъ былъ царскій указъ [6]), которымъ его величество повелѣвалъ всѣмъ своимъ подданнымъ, которые бы ни встрѣтились на нашемъ пути, снабжать (насъ) всѣмъ необходимымъ. Три дня спустя онъ (?) прибылъ. Между тѣмъ все замерзло и покрылось снѣгомъ. И такъ изъ опасенія худшаго мы тронулись, 29-го, въ саняхъ. Ѣхать въ нихъ пріятно и удобно, въ чемъ мы особенно нуждались, чтобы немного прійти въ себя отъ усталости, которую намъ причиняла несносная грязь на предшествовавшихъ болотахъ,

31-го мы прибыли къ большому озеру [7]), близъ Новгорода. Такъ какъ оно еще не замерзло, то мы переправились чрезъ него въ челнокахъ, knoos. Это лодки, выдолбленныя изъ цѣльныхъ древесныхъ стволовъ; по большей части онѣ вмѣщаютъ въ себѣ свыше 4 или 5 человѣкъ. Озеро очень обширно, въ 4 или 5 футовъ глубины. Мы переправлялись черезъ него такъ долго, что наступила уже ночь, когда мы въѣхали въ предмѣстье. На слѣдующій день я началъ изучать Русскій языкъ и занялся имъ съ такимъ усердіемъ, что, не смотря на краткость времени, зналъ его такъ, какъ долженъ знать иностранецъ.

Слово Новгородъ, составленное изъ Латинскаго [8]) и Русскаго, значитъ новый городъ. Его предмѣстья почти также велики, какъ и самый городъ. Какъ стѣны его ни обрушились, все-таки по ихъ остаткамъ видно, что онъ былъ чрезвычайно крѣпокъ и одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ царствѣ. Прежде въ немъ чеканили монету, а

---

[6]) Это мѣсто темное; оно читается такъ: il falut attendre le poddeuode; c'était l'ordre de l'empereur... Можетъ быть подъ-воевода? Такъ онъ ниже говоритъ: il ne tarda à venir que trois jours après... (p. 311).

[7]) Ильменю.

[8]) Латинское novus.

правившій въ немъ около 300 лѣтъ князь, въ качествѣ верховнаго владѣтеля, ни отъ кого не зависѣлъ.

Тогда онъ былъ такъ знаменитъ, что, когда шла рѣчь о необыкновенномъ могуществѣ, то о немъ упоминали непосредственно послѣ Бога, въ выраженіи: «кто противъ Бога и Новгорода?» Въ 1477 году [9]) его князь былъ свергнутъ съ престола Иваномъ Васильевичемъ, великимъ княземъ Московскимъ; городъ лишился своихъ правъ и почти всей своей красоты [10]). Его торговля, которая въ то время славилась въ цѣломъ мірѣ, сильно упала съ тѣхъ поръ. Впрочемъ, хотя сосѣдніе народы производятъ еще въ немъ значительную торговлю, но это—только тѣнь прошлаго. Любекъ, Гамбургъ, Данія, Швеція вывозили изъ него огромное количество всякаго рода зерна, льну, пеньки, мѣховъ и юфти, cuirs de roussi. Съѣстные припасы продаются въ немъ по ничтожной цѣнѣ. Весьма дешево, во всякое время и очень вкусно кормятъ въ немъ и мясомъ, и рыбою. На одномъ краю города, гдѣ стѣны деревянныя, стоитъ домъ архіепископа, составляющій особый кварталъ, окруженный оградою изъ очень хорошаго тесанаго камня. Этотъ домъ построенъ также изъ камня, и къ нему прилегаютъ нѣкоторыя другія зданія, почти столь же прекрасныя, обитаемыя знатными боярами. Изъ дома (архіепископа) идешь по мосту, построенному чрезъ рѣку, въ которую князь (Іоаннъ) Васильевичъ приказалъ бросить множество лицъ, въ монастырь св. Антонія. Это зданіе, не отличающееся ничѣмъ особеннымъ,—одно изъ лучшихъ въ городѣ и посѣщается народомъ съ большимъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Общее мнѣніе, признаваемое здѣсь, какъ догматъ вѣры, заключается въ томъ, что этотъ святой, на котораго они возлагаютъ особенное упованіе, спустился изъ Рима по Тибру на мельничномъ жерновѣ, достигъ Волхова, Uvolga, и оттуда до Новгорода, гдѣ, встрѣтивъ рыбаковъ, условился съ ними, что ему будетъ принадлежать (все), вытянутое ими въ первую тоню, du premier coup de filet. Первое, что̀ вытащили, былъ сундукъ, наполненный украшеніями, которыя священники употребляютъ во время богослуженія, книгами и нѣкоторымъ количествомъ серебра; на него святитель велѣлъ построить часовню на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ нынѣ стоитъ монастырь. Прибавляютъ при этомъ, что въ немъ онъ провелъ остатокъ дней, въ немъ же былъ и погребенъ. Утверждаютъ даже, что тѣло его лежитъ тамъ еще такимъ, какимъ оно было въ день его кончины [11])

[9]) Новгородцы присягнули великому князю 13 Января 1478 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ архіепископъ Ѳеофилъ.

[10]) Видно, что преданія о величіи Новгорода были живы въ народѣ даже двѣсти лѣтъ спустя послѣ подчиненія города Москвѣ.

[11]) Авторъ, какъ видно, былъ протестантъ, чѣмъ и объясняются его сужденія.

и что оно совершаетъ постоянно великія чудеса. Въ этомъ-то мѣстѣ выстроили зданіе, въ которомъ чтутъ его и куда приносятъ въ большомъ количествѣ значительныя приношенія. Въ 1611 году графъ Делагарди, предводитель Шведскаго войска, подчинилъ этотъ городъ королю, своему повелителю. Два года спустя, оба государя помирились, и по трактату, заключенному между ними, онъ былъ возвращенъ подъ власть своего прежняго государя [12]).

9-го Ноября, мы продолжали путь и пришли на ночлегъ въ Бронницы, маленькій городокъ, гдѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго. На слѣдующій день мы отправились довольно рано, но такъ какъ снѣгъ растаялъ, то нужно было оставить сани и взять опять повозки. Сложивъ на нихъ всѣ свои вещи, мы, 10 Ноября, продолжали путь и проѣхали только три мили: до такой степени дорога была трудна. Кромѣ полурастаявшаго снѣга, повсюду попадались одни болота; большею частью черезъ нихъ были переброшены дурные мосты, столь же неудобные, какъ и самыя дороги, такъ что постоянно ломалось какое-нибудь колесо, или приходилось поправлять что нибудь, почему мы чрезвычайно устали; но къ счастью мы пользовались сильнымъ покровительствомъ, вслѣдствіе чего пріѣхали на ночлегъ очень рано: это-то и помогло намъ отдохнуть.

11-го, выѣхавъ изъ Яма-Крестцы, Gankrezza [13]), гдѣ провели ночь, мы попали въ густой лѣсъ. Здѣсь замѣтили вдали многихъ всадниковъ, которые, лишь только завидѣли насъ, остановились. Сначала мы приняли ихъ за тѣхъ, кѣмъ они были, но не допустили ихъ приближаться съ такой настойчивостью, какъ будто были сильнѣе. Пока мы приближались, они смотрѣли на насъ молодцовато и, казалось, рѣшились напасть на насъ. Впрочемъ, ограничились вопросомъ: кто мы? На это мы отвѣчали, что ѣдемъ для пользы его царскаго величества, и либо этотъ отвѣтъ заставилъ ихъ измѣнить свое намѣреніе, либо многочисленность испугала ихъ, только они не забирали больше справокъ и ничѣмъ инымъ не показывали, что желаютъ причинить намъ вредъ. Однакожъ если они этого не сдѣлали, то это конечно произошло вслѣдствіе одной изъ тѣхъ двухъ причинъ, такъ какъ мы узнали, что лѣсъ былъ очень опасенъ, и воровъ въ немъ было очень много. Мы прибыли на ночлегъ въ Яжелбицы, Jasel-Bitza [14]), которыхъ жители всячески старались выполнить свою обязанность, т. е., обращались съ нами хорошо.

12-го снѣгъ былъ такъ глубокъ, что надлежало взять сани и начать путь лѣсомъ, чрезъ который мы ѣхали почти до наступленія

---

12) Шведы овладѣли Новгородомъ въ ночь на 16 Іюля 1611 года и только по миру, заключенному, въ Февралѣ 1617 года, въ селѣ Столбовѣ, возвратили городъ.

13) Ямъ (станція) Крестцы, въ $41^1/_4$ версты отъ Бронницъ.

14) Яжелбицы лежатъ по почтовой дорогѣ въ $34^1/_2$ верстахъ отъ Крестцовъ.

ночи, которую провели въ одной деревнѣ, называемой Ямъ Зимогорье, Gamzinagora [15]).

13-го мы, еще покидая деревню, вступили уже въ лѣсъ, въ которомъ было не такъ скучно, какъ въ томъ, чрезъ который проѣзжали вчера, потому что ѣхали въ немъ только два часа. Конецъ дня провели на ровномъ полѣ, на которомъ нашли нѣсколько разбросанныхъ жалкихъ избъ; жители ихъ казались полузарытыми. Словомъ, все, что̀ намъ попадалось, не было особенно пріятнымъ, и я бы провелъ время скучно, если бы нашъ проводникъ не говорилъ довольно хорошо понѣмецки, да не былъ бы на столько учтивъ, что отвѣчалъ на вопросы, которые я предлагалъ ему. Мы поѣхали ночевать въ Коломну. Коломна, одно изъ самыхъ красивыхъ селъ на этомъ пути [16]).

День 14-го протекъ въ одномъ изъ этихъ большихъ лѣсовъ, въ которыхъ дорога весьма грязная и гдѣ взору представляются только печальные и жалкіе предметы. Въ этомъ лѣсу мы увидѣли стаи волковъ, которыхъ старались подпустить на ружейный выстрѣлъ; но они замѣчали насъ и убѣгали. Нашъ приставъ, это былъ нашъ проводникъ, замѣтилъ, что они издали чуютъ запахъ пороха и легко отличаютъ тѣхъ, у кого есть огнестрѣльное оружіе, отъ тѣхъ, у кого нѣтъ. Часто убѣждаешься въ ихъ опытности и смѣлости; а также въ томъ, что, когда нѣтъ оружія, то они нападаютъ на людей и лошадей, и что будь безъ оружія они одерживаютъ обыкновенно верхъ. Холодъ такъ усилился, что въ этотъ день нужно было выйти изъ саней и бѣжать нѣсколько времени, чтобы согрѣться.

16-го рано утромъ очутились въ маленькомъ городкѣ Вязьмѣ Vuaizma [17]), но такъ какъ было еще слишкомъ рано отдыхать, то мы достигли станціи Валдайка, Gam-Vuoldoka [18]), гдѣ мы провели конецъ этого и пять слѣдующихъ дней, въ теченіи которыхъ я съ другимъ Голландцемъ, видя, что рѣка стала, пожелали покататься, какъ въ Голландіи, на конькахъ. Лишь только мы пустились по льду на конькахъ, какъ все село вышло смотрѣть на насъ, дивясь, какъ чуду, кругамъ и полукругамъ, caracobs. которые мы производили.

---

[15]) Станція Зимогорье въ $20\frac{1}{4}$ верстахъ отъ Яжелбицъ.

[16]) Любопытно, что Коломна и Бронницы и передъ Москвою, и передъ Новгородомъ, на пути съ Юга. П. Б.

[17]) и [19]) Кажется, авторъ по забывчивости спуталъ названія станцій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Продолженіе того же самаго пути до Москвы, куда авторъ съ своими спутниками пріѣзжаетъ благополучно.—Травля медвѣдя съ волкомъ.—Смерть царицы и ея погребеніе (Ноябрь 1668 г.).

Такъ какъ время года было весьма холодное, и мы весьма устали, то остановились на 4 или 5 дней въ этомъ селѣ, гдѣ, какъ было и до сихъ поръ, намъ доставили свѣжихъ лошадей, сани и другіе необходимые на этотъ день предметы. И такъ, 22-го мы продолжали свой путь, въѣхавъ сначала въ лѣсъ, гдѣ переносили бы тѣже неудобства, какъ и въ другихъ, если бы не нѣсколько фазановъ, faisans [19]) и куропатокъ, дешево намъ предложенныхъ крестьянами; они послужили къ нашему подкрѣпленію.

Какъ лѣсъ ни былъ скученъ и печаленъ, нужно было однакожъ выбираться изъ него, что̀ мы и сдѣлали какъ можно скорѣе; да очень поздно было, когда мы выѣхали изъ него, а въ довершеніе неудобствъ намъ пришлось расположиться на ночлегъ въ самомъ ничтожномъ селѣ. Все въ немъ было такъ печально, такъ ветхо и бѣдно, что я и теперь еще дрожу, когда вспомню о немъ. Такъ какъ въ хижинѣ, въ которой мы помѣстились, не было ни хлѣба, ни вина, ни постели, ни стола, то большая часть нашихъ людей цѣлую ночь курили. Въ это время случилось довольно забавное приключеніе. Одинъ изъ этихъ людей, найдя свою табачницу опустошенною, не зналъ, съ кого за это взыскать, тогда какъ одинъ изъ проводниковъ, которому онъ одолжилъ ее, скрылъ отъ него топоръ. Этотъ послѣдній нашелся, что̀ отвѣчать. Прежде всего онъ приписалъ это Москвитянину, который отшучивался, вмѣсто того чтобы отвѣчать на то, что̀ другой ему говорилъ. Первому надоѣло видѣть, что надъ нимъ смѣются, и онъ сталъ горячиться; обвиняемый же, замѣтивъ, что онъ говоритъ серьезно, отломилъ кусокъ своей трубки и бросилъ ему въ лице, au nez. Обвинитель отплачиваетъ пощечиною, обвиняемый хватаетъ его за воротъ. Они валятъ другъ друга на землю и дерутся въ теченіи болѣе четверти часа. Такъ какъ ихъ не разнимали, то они сами прекратили (драку), весьма недовольные поведеніемъ путешественниковъ. Между тѣмъ виновникъ ссоры соскучился безъ куренія и, забывъ о томъ, что подъ нимъ топоръ, подошелъ къ другому, переставшему курить, съ тѣмъ

[19]) Тетерева?

чтобы взять его трубку. Тотъ, кому принадлежалъ топоръ, хватаетъ его тотчасъ же; другой отнимаетъ съ намѣреніемъ оставить его у себя, вмѣсто потеряннаго табаку. Москвитянинъ не выпускаетъ добычи. Они борятся, оба падаютъ. Происходитъ сцена, столь же забавная, какъ и первая. Одинъ изъ нашихъ, опасаясь, чтобы отъ драки тѣ не перешли къ чему-нибудь другому, старался отнять у нихъ топоръ. Такъ какъ онъ употребилъ для этого много усилія, то одинъ Москвитянинъ счелъ своевременнымъ вмѣшаться, находя несправедливымъ допускать, чтобы двое били одного; онъ бросается на послѣдняго (отнимавшаго топоръ), который призываетъ на помощь другихъ; прибѣгаютъ и разнимаютъ ихъ; они вновь горячатся, требуя одинъ возвращенія топора, другой табаку; снова начинаютъ драться; одинъ изъ разнимающихъ получаетъ ударъ въ лице, отплачиваетъ ударившему его, тотъ отдаетъ вдвое сильнѣе; прочіе присоединяются, никто не воздерживается, и всѣ дерутся безъ разбора. Такъ какъ принимали участіе всѣ, то и не было посредниковъ. Такимъ образомъ дрались до утра, которое заставило подумать о другомъ дѣлѣ. Безъ пищи, питья и сна мы, надѣленные ударами и синяками, покинули это проклятое село.

Большую часть 23-го (числа) провели мы еще въ лѣсу, гдѣ бывшіе съ нами Москвитяне обратили наше вниманіе на могилы. При этомъ они лукаво замѣтили намъ, что въ нихъ погребено 8 Голландцевъ, которыхъ недавно убили разбойники на томъ мѣстѣ, гдѣ были похоронены. Этимъ желали они внушить намъ, что лѣсà въ Москвѣ гибельны для Голландцевъ; но мы, не показывая вида, что ихъ слова испугали насъ, и не отвѣчая имъ, продолжали путь и вскорѣ послѣ выѣзда изъ этого лѣса, прибыли въ большую деревню, за которой стоитъ маленькій городокъ Торжокъ, Torsioc, большая часть строеній котораго составляютъ церкви и часовни, chapelles, казавшіяся издали прекрасными. Изъ него мы поѣхали на суднѣ [20]) до Мѣднаго, Troutzka-Miedna [21]), гдѣ купили нѣсколько провизіи, а подъ вечеръ достигли Твери. Этотъ городъ нѣсколько больше Торжка и лежитъ на рѣкѣ Волгѣ, впадающей въ Каспійское море. Онъ расположенъ на склонѣ небольшаго холма, возлѣ рѣки Тверцы, названной такъ по городу Твери. Стѣны его деревянныя съ такими же башнями, вооруженными четырьмя пушками. Въ немъ мы взяли сани и въѣхали въ лѣсъ, изъ котораго, я думалъ, никогда не выберемся: такъ онъ былъ великъ и густъ. Я мечталъ въ немъ болѣе четверти часа, чего со мной никогда не случалось; да я предавался бы и долѣе мечтамъ, если бы двое честныхъ Москвитянъ, которые знали его лучше насъ, не подошли равнодушно и не

---

20) По Тверцѣ.

21) Тверская Мѣдная (пристань)?

попросили насъ провести съ ними конецъ дня. Мы приняли ихъ привѣтъ такъ, какъ они обратились къ намъ, т. е. довольно холодно. Оставшись этимъ недовольны, они спросили, что развѣ у насъ вошло въ привычку такъ рѣдко слышать подобное вѣжливое предложеніе. Такъ какъ мы молча продолжали путь, и они не находили основательнаго предлога къ спору, то и сказали, что это—гордость и въ иностранцахъ невыносимая, почему они должны научить насъ обхожденію, и съ этой цѣлью имъ необходимо сопровождать насъ, при чемъ они надѣются, что будутъ случаи, которые доставятъ имъ довольно средствъ исправить насъ. Мы отвѣчали, что это предложеніе не соотвѣтствуетъ времени года, а болтовня ихъ подозрительна для насъ, почему совѣтовали имъ идти учить своихъ соотечественниковъ и желали имъ найти людей болѣе послушныхъ, чѣмъ иностранцы. Такъ какъ они, будучи только вдвоемъ, вовсе не имѣли намѣренія насъ оскорбить, то я, признаюсь, былъ доволенъ тѣмъ, что заставилъ ихъ немного поспорить. Ихъ пріемы были для меня чѣмъ-то новымъ, что̀ сократило для меня переѣздъ черезъ лѣсъ; но нашъ капитанъ, capitaine (приставъ?), бывшій не въ томъ расположеніи духа, въ какомъ я, прервалъ разговоръ сильными ударами трости по ихъ плечамъ; тѣ отступили на нѣсколько шаговъ, чтобы лучше поразить насъ своими топорами, которыми были вооружены. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ прицѣлились, чтобы тутъ же наказать ихъ за дерзость; но нашъ капитанъ запретилъ стрѣлять въ нихъ, а только приказалъ спустить одну изъ собакъ, которая, безъ сомнѣнія, тутъ же задавила бы этого человѣка, если бы мы не оторвали ее силою. Какъ только она отстала отъ него, то бросилась на другаго, убѣгавшаго, и съ нимъ поступила бы также, какъ съ первымъ, если бы мы не сжалились надъ нимъ.

Вскорѣ послѣ этого мы прибыли въ Городню, Gorodna, бѣдную деревню [22]), въ которой я спалъ нѣсколько долѣе, чѣмъ въ прошлую ночь, а ѣлъ и въ ней не лучше. 24-го мы не проѣзжали лѣсомъ, а переправлялись чрезъ двѣ рѣки [23]), и пришли на ночлегъ въ Завидовскую [24]), а на другой день въ Спасъ-Заулокъ, Saulkaspaz [25]), котораго жители такъ грубы, что отказались повиноваться указу царя дать лошадей, какъ это дѣлалось до сихъ поръ вездѣ. Но такъ какъ ихъ принуждали къ тому слишкомъ упорно, то они, осыпая насъ оскорбленіями, расходились до того, что едва не избили насъ. Наконецъ, мы къ счастью избавились отъ послѣдняго и добились

---

22) Въ 28 верстахъ отъ Твери по почтовой дорогѣ.

23) Тверцу и Шошу.

24) Станція Ник. ж. дороги, верстахъ въ 28 отъ Городни.

25) Почтовая станція верстахъ въ 14 отъ Завидовской.

того, чего желали. Въ этотъ день съ нами ничего особеннаго не приключилось, дороги же были хороши, и мы прибыли на ночлегъ, отстоявшій дальше, чѣмъ обыкновенно. Это село называется Клинъ, Klein; оно ничѣмъ не лучше другихъ; впрочемъ, мы оставались въ немъ долѣе, потому что у насъ не доставало денегъ. Мы ждали въ немъ нарочнаго, котораго послали въ Москву за деньгами; и хотя онъ скоро возвратился, но я томился отъ скуки. Моимъ обыкновеннымъ развлеченіемъ было кататься по льду на конькахъ. Въ селѣ думали, что это стоитъ жизни, потому что рѣка очень быстрая, а ледъ такъ тонокъ, что ломался у насъ подъ ногами. По счастью я умѣлъ плавать, почему и вылѣзъ очень скоро, а товарищъ, не столь искусный въ этомъ, неизбѣжно утонулъ бы, если бы я ему не помогъ. Со времени возвращенія нарочнаго, снѣгъ и дурная погода задержали насъ еще нѣсколько дней въ этомъ печальномъ мѣстѣ, откуда мы выбрались только 10 Декабря; да и въ этотъ день проѣхали очень мало, такъ какъ намъ нужно было переправляться два раза черезъ рѣку по небольшимъ понтоннымъ мостамъ, поднимавшимъ въ одинъ разъ только четыре лошади. Мы остановились на ночлегъ въ Черкизовѣ, Serkisouvo [26]), откуда, полузамерзнувшіе, до того холодъ былъ пронзителенъ, отправились въ путь на слѣдующій день.

11-го ѣхали еще черезъ небольшой лѣсъ, по минованіи котораго прибыли въ большое село Никола-Деревянной, Nicolo-Direveno. Отсюда мы увидѣли городъ Москву, къ которой такъ давно стремились; а вечеромъ, наконецъ, въѣхали въ нее [27]). Первую ночь провели въ одномъ предмѣстьѣ, а на слѣдующій день помѣстились въ городѣ у одной женщины, которой новые гости до того не понравились, что она употребляла всѣ средства избавиться отъ насъ. Но вмѣсто того, чтобы насъ перевести отъ нея, ее бранили и били, и она принуждена была устроить для насъ помѣщеніе, снабжать дровами и всѣмъ необходимымъ, utenciles, въ чемъ только мы нуждались. Эта бѣдная женщина, вся въ слезахъ, возвратилась домой и стала цѣловать и обнимать икону св. Николая, котораго умоляла о помощи съ великимъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Она рѣшилась не покидать этого милостиваго святаго, чтобы онъ внялъ ей; но такъ какъ онъ слишкомъ долго не внималъ ея молитвѣ tardoit.... à

---

[26]) Странно, что подъѣхали къ Москвѣ съ Сѣверо-востока. Если не допустить предположенія, что иностранцевъ нарочно не ввозили прямой дорогой, то иначе трудно объяснить это.

[27]) Какъ согласить разнорѣчіе? У С. М. Соловьева (Исторія Р., XII, 285) сказано, что 20 Ноября 1668 года явился въ Посольскій Приказъ корабельный капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ 14 товарищами. Здѣсь даже различіе между старымъ и новымъ стилемъ не выясняетъ дѣла.

se laisser fléchir, то мужъ соскучился и побуждалъ ее хорошими совѣтами добровольно выполнить требованія, faire de nécessité vertu. Она послушалась, но неохотно и, не сомнѣваясь въ томъ, что если бы у нея былъ досугъ постоянно докучать святому, то она умолила бы его, наконецъ, сотворить къ ея благу чудо [28]). Мы пробыли у нея 15 дней и, не обращая вниманія на дурное расположеніе ея духа, не щадили дровъ; потому что холодъ былъ такой сильный, что, только при сильно натопленной печи, мы были въ состояніи переносить его.

27-го (Декабря) мы перешли въ другое помѣщеніе и оставили въ покоѣ нашу хозяйку. Если она была отъ этого въ восхищеніи, то и мы радовались этому не меньше, такъ какъ, кромѣ того, что помѣстились удобнѣе и просторнѣе, у насъ была и печь большая, которая топилась и день, и ночь. Впрочемъ, хотя огонь у насъ въ квартирѣ не потухалъ, что̀ составляетъ величайшее наслажденіе, какое только могутъ здѣсь доставить, я перенесъ въ теченіи трехъ недѣль самую дурную погоду, какую когда-либо испытывалъ. Можетъ ли быть что печальнѣе, какъ сидѣть постоянно въ заперти и почти не смѣть выйти, иначе замерзнешь? Что̀ касается до меня, то, признаюсь, эта жизнь мнѣ не нравилась, такъ что я почувствовалъ величайшую радость, когда мы получили приказъ быть готовыми къ отъѣзду.

19 Января 1669 года мы отправили нашъ багажъ въ село, лежащее на разстояніи одного лье [29]) отъ Москвы. Въ этомъ селѣ жила сестра царя. Дворецъ ея, хотя построенный только изъ дерева, былъ обширенъ, правиленъ и украшенъ всѣми орнаментами [30]). При этомъ селѣ находился паркъ, въ которомъ заключены медвѣди, волки и тому подобныя животныя, которыхъ иногда травили одного съ другимъ. Дня два спустя послѣ нашего пріѣзда, устроили травлю медвѣдей съ волками въ присутствіи его величества. Это развлеченіе, состоящее только въ томъ, что смотришь на разсвирѣпѣвшихъ до остервененія животныхъ, съ яростью одно другаго разрывающихъ, не доставляло мнѣ удовольствія. Я не описываю его, такъ какъ легко представить себѣ то, что̀ происходило. А ежели бы я упомянулъ, что одолѣвали то медвѣди, то волки, что медвѣдь казался сильнѣе, но волкъ былъ изворотливѣе: я бы ничего новаго не ска-

---

[28]) Ср. аналогическіе факты въ сочиненіи г. Рущинскаго „Религіозный бытъ Русскихъ" и пр., въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др., 1871 г., № 3, с. 79 и мн. др. Но не смотря на частные случаи суевѣрнаго почитанія иконъ и воззрѣнія на нихъ—это не было, по свидѣтельству Олеарія, общимъ явленіемъ, какъ утверждали протестанты.

[29]) Т. е. мили Нѣмецкой или 7 верстъ.

[30]) Судя по всѣмъ признакамъ, можно утверждать, что здѣсь идетъ рѣчь о селѣ Измайловѣ и дворцѣ. См. въ сочиненіи И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ Русскихъ царей", ч. I, с. 349—384.

залъ; а между тѣмъ въ этомъ заключалась вся особенность зрѣлища. Впрочемъ, я замѣтилъ, что у этихъ звѣрей страсти не были ни столь пылкія, ни столь слѣпыя, каковы онѣ у людей, такъ какъ человѣкъ, когда разсердится и готовъ зарѣзать противника, то у него не оказывается ни разсудка, который бы въ состояніи успокоить его ярость, ни друга, способнаго остановить его. До крайней степени взбѣшенныя, эти животныя немедленно бѣжали на зовъ своего хозяина.

Такъ какъ день нашего отъѣзда наступилъ не такъ скоро [31]), какъ мы думали, то двумъ нашимъ товарищамъ пришло въ голову влюбиться, а вскорѣ затѣмъ и жениться на дѣвушкахъ, исповѣдующихъ ихъ вѣру и рѣшившихся отправиться съ мужьями. Что̀ касается до меня, то я занимался тѣмъ, что узнавалъ объ особенностяхъ страны, о которыхъ разскажу ниже.

Между тѣмъ царица разрѣшилась отъ бремени царевною, рожденіе которой стоило ей жизни. Царь необыкновенно печалился о ней, а весь дворъ оплакивалъ ее, какъ лучшую изъ царицъ. При этомъ обстоятельствѣ не соблюдали ничего того, что̀ совершается по поводу смерти высочайшихъ особъ при большей части Европейскихъ дворовъ: не было ни параднаго ложа, ни цѣлаго ряда церемоній, которыя предшествуютъ погребенію; на слѣдующій день царица была уже погребена. Отъ дворца до церкви, въ которой надлежало похоронить ея тѣло, именно въ женскомъ монастырѣ, стояли шпалерами воины. Гробъ, подъ богатымъ балдахиномъ, несли восемь бояръ первой степени. Изъ шедшихъ непосредственно каждый несъ большой мѣшокъ съ деньгами, которыя покойница приказала раздать бѣднымъ; о нихъ при жизни она особенно заботилась. Затѣмъ шли царь и молодой царевичъ [32]), оба съ оруженосцемъ. Они были одѣты въ длинную одежду, на черномъ лисьемъ мѣху, т. е. самомъ дорогомъ въ Московскомъ государствѣ. Ихъ сопровождали родственники, т. е. государственные вельможи, за которыми шли начальники приказовъ, посланники и, наконецъ, знать. Многочисленная толпа посадскихъ, bourgeois, заключила процессію.

---

[31]) Распоряженіе объ отъѣздѣ моряковъ къ мѣсту постройки, данное въ Январѣ, было вскорѣ, какъ видно, отмѣнено, потому, кажется, что стало извѣстно о томъ, что корабль и яхта не могутъ идти; ибо въ Ноябрѣ начались морозы и по Окѣ сталъ плыть большой ледъ. Затѣмъ ждали Бутлера, котораго въ Мартѣ послали осмотрѣть корабль. А. Поповъ, о построеніи к. Орла, с. 10—11 и Соловьевъ, Исторія Россіи, XII, с. 286.

[32]) Ѳедоръ Алексѣевичъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Описаніе Москвы, столицы Московскаго государства и особенностей различныхъ его областей.

(Февраль 1669 г.).

Москва, столица царства, лежитъ на рѣкѣ Москвѣ, которая дала названіе всему государству. Она лежитъ подъ 50° 30′ сѣв. широты. Этотъ городъ весьма великъ; въ немъ живетъ царь. Впрочемъ, хотя онъ имѣетъ въ настоящее время 8 или 9 льё въ окружности [33], онъ нѣкогда, до разоренія Татарами, былъ больше [34]. Тѣ взяли и опустошили его. Въ немъ множество очень высокихъ башенъ и церквей, которыя издали производятъ прекрасное впечатлѣніе. Онъ дѣлится на четыре части: Китай-городъ или срединный городъ, Царь-городъ или царскій городъ, Скородомъ и Стрѣлецкая слобода. Китай-городъ названъ такъ потому, что лежитъ среди другихъ (частей), въ оградѣ изъ красныхъ кирпичей, pierres, отчего сія послѣдняя и названа Красной стѣной, Crasna-stenna [35]. На Югѣ она прилегаетъ къ рѣкѣ Москвѣ, а на Сѣверѣ къ Неглинной, впадающей въ Москву за царскимъ теремомъ. Сей послѣдній столь обширенъ, что съ своими домовыми церквами включаетъ въ себѣ болѣе половины Китай-города или Кремля, Crimgorod, какъ нѣкоторые называютъ. Онъ окруженъ особыми стѣнами съ забралами, въ немъ много мѣдныхъ пушекъ и немало хорошихъ солдатъ. Среди зданій, окружающихъ теремъ, есть большая и прекрасная церковь, главное украшеніе которой—богатая массивная серебряная люстра, которая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была подарена его царскому величеству посланникомъ Генеральныхъ Штатовъ. Въ другой—св. Михаила [36], находятся гробы царей и царскаго семейства. Есть еще двѣ очень красивыя, кромѣ двухъ знаменитыхъ монастырей: мужскаго и женскаго. Изъ нихъ первый посвященъ воспитанію знати, дѣтей которой до шестнадцати лѣтъ воспитываютъ въ немъ съ большою заботой. Въ эти лѣта молодымъ людямъ предоставляется или вый-

---

[33]) Мейербергъ, посѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ ея окружность со слободами 19 верстъ тогдашнихъ или 38 нынѣшнихъ. Костомаровъ, Очеркъ жизни, стр. 20.

[34]) Флетчеръ также утверждалъ, что Москва много потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго Девлетъ-Гиреемъ, въ 1571 году. Тоже замѣтилъ и Олеарій. Ср. Н. И. Костомарова, Очеркъ домашней жизни, стр. 20.

[35]) Она была побѣлена при царевнѣ Софіи. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни, стр. 23.

[36]) Архангельскій соборъ.

ти, или оставаться въ немъ. Отъ такого выбора устраняютъ дѣвицъ, которыхъ принуждаютъ оставаться въ монастырѣ до извѣстнаго возраста. Между прекраснѣйшими украшеніями царскаго дворца считаютъ весьма высокую колокольню, называемую Иванъ Великій. Она покрыта позолоченой мѣдью. Разсказываютъ, что царь Борисъ взошелъ однажды на нее, для того, чтобы показать городъ Персидскому посланнику, прибывшему не задолго передъ тѣмъ къ его двору. Между прочимъ (Персъ) восхищался необыкновенной властью своего повелителя шаха надъ своимъ народомъ, а также хвалилъ великую ревность, съ которою сей послѣдній служитъ своему государю. Царь возразилъ, что подобная власть и такое великое усердіе не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго, что и себя онъ считаетъ самодержавнымъ повелителемъ своихъ подданныхъ, какъ и его государь шахъ можетъ быть такимъ же въ отношеніи своихъ; даже болѣе, можетъ быть, любимъ, и безпрекословнѣе повинуются ему. Когда произнесъ (царь) послѣднія слова, то показался одинъ изъ придворныхъ. «Подойди, сказалъ ему царь; здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ узнать, любятъ ли мои подданные своего государя?»—«Государь, отвѣчалъ придворный, только иностранцы могутъ въ этомъ сомнѣваться. Я знаю сердца вашихъ подданныхъ и увѣренъ въ томъ, что нѣтъ никого, кто бы не счелъ себя счастливымъ выказать усердіе цѣною собственной жизни».—«Это хорошо говорить возразилъ царь, тогда, когда есть время объ этомъ разсуждать; но если бы я приказалъ кому-нибудь броситься предо мною съ высоты этой башни, есть ли вѣроятность, что тотъ немедленно исполнитъ?» Придворный, понимая эти слова буквально, отвѣчалъ только самымъ дѣломъ: онъ бросился съ высоты внизъ такъ, что показалъ истинную любовь. Царь, пораженный его усердіемъ, опечалился этимъ и засвидѣтельствовалъ, что если бы онъ зналъ его мысль, то остерегся бы подвергать его подобному испытанію. Его величество похоронилъ усопшаго поцарски, нѣсколько дней носилъ по немъ трауръ и возвелъ дѣтей его на высочайшую степень.

Возлѣ этой башни стоитъ другая, на которой виситъ колоколъ необыкновенно тяжелый, потому что, какъ говорятъ, онъ вѣситъ 394,000 фунтовъ, livres. Онъ имѣетъ въ поперечникѣ 23 королевскихъ фута, а толщиною цѣлыхъ два фута. Чтобы звонить въ него, необходимо 100 человѣкъ, по 50 съ каждой стороны; въ него звонятъ только въ большіе годовые праздники, да при въѣздѣ иностранныхъ пословъ [37]).

37) Удивлялись этому первому по величинѣ въ свѣтѣ колоколу Іовій, Мейербергъ и Таландеръ. Онъ вылитъ подъ наблюденіемъ патріарха Никона, въ 1655 году. Размѣры и вѣсъ нѣсколько разнятся отъ тѣхъ размѣровъ и вѣса, которые показаны у Стрюйса. Онъ имѣлъ 19 ф. высоты, 18 ф. въ поперечникѣ, 64 ф. (или 93 пяди) въ окружности. Отлитъ изъ

За самымъ дворцомъ есть нѣсколько другихъ теремовъ для государственныхъ вельможъ: всѣ они хороши и соразмѣрны, а построены сообразно съ климатомъ, но всѣ ниже патріаршихъ палатъ. Сіи послѣднія стоятъ недалеко отъ Іерусалимской церкви. Они безспорно красивѣе всѣхъ другихъ и даже, полагаютъ, что они построены по образцу Соломонова храма; но я не нашелъ въ нихъ ничего даже приблизительно похожаго. Эта церковь стоитъ на весьма обширной площади, вокругъ которой расположены лавки богатѣйшихъ купцовъ въ городѣ, въ которомъ произведенія всѣхъ ремеслъ (продаются) отдѣльно. Большая часть домовъ въ этомъ кварталѣ каменные, чтобы пожаръ, если случится, не причинилъ великаго вреда.

Вторая часть города, называемая Царь-городъ, окружаетъ первую. Стѣны ея очень толсты и построены изъ извѣстнаго матеріала, послужившаго поводомъ назвать его Бѣлой Стѣной, Biela-Stenna. По этой части протекаетъ рѣка Неглинная. Она вмѣщаетъ въ себя царскія конюшни, рынки съ мясомъ, волами и другими животными, мясныя лавки, въ которыхъ продается мясо, не исключая лошадинаго. Въ этой же части льютъ колокола и пушки [38]).

Третья часть, называемая Скородомъ, Skorodom, заключаетъ въ себѣ вторую, кромѣ пространства, лежащаго на Югъ. Это кварталы, населенные инженерами, архитекторами, превосходнѣйшими мастеровыми, именно: плотниками, которые въ этой странѣ дѣлаютъ все и такъ ловко, что въ двадцать четыре часа строятъ домъ. Правда, что у нихъ во всякое время есть совершенно готовые матеріалы; но вѣрно также и то, что эти матеріалы состоятъ изъ бревенъ, нѣсколькихъ досокъ и другихъ неотесанныхъ кусковъ дерева. Все это они складываютъ такъ грубо, что менѣе, чѣмъ въ одинъ день домъ готовъ. Подобный способъ строить дома удобенъ, нетруденъ и дешевъ. Можно было бы подумать, что по этимъ-то причинамъ этотъ способъ постройки и въ употребленіи у Москвитянъ; но это вовсе не такъ. Въ этихъ домахъ такъ холодно, что необходимо поддерживать въ печахъ большой огонь. А все-таки согрѣваешься нерѣдко лишь тогда, когда горятъ дома, что̀ случается почти ежедневно. Говорятъ также, что причина пожаровъ заключается въ бражничествѣ да (еще въ томъ), что Русскій, будучи почти всегда налитъ по горло виномъ и водкою, дурѣетъ до потери сознанія.

440,000 фунтовъ мѣди (или менѣе на 12 пудовъ по другому показанію), а по очисткѣ гари—340,000 фунтовъ. Всѣ согласны съ показаніемъ Стрюйса относительно толщины и количества звонарей. Ср. Рущинскаго, Религіозный бытъ Русскихъ, по св. иностр. писателей, въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р., 1871 г., № 3, стр. 71.

[38]) Чтобы судить о вѣрности описанія, не мѣшаетъ сравнить, напр., съ описаніемъ Костомарова, Очеркъ домашней жизни, 24—25.

Какъ бы то ни было, въ случаѣ пожара, онъ теряетъ очень мало, такъ какъ, кромѣ того, что постройка этихъ домовъ не стоитъ почти ничего и домà готовы почти въ одинъ день, домашняя утварь въ нихъ такъ проста, что самые бѣдные безъ труда замѣняютъ ее другою. Къ тому же огонь не можетъ причинить большаго опустошенія, потому что менѣе, чѣмъ въ четверть часа разбираютъ домовъ двадцать, которые также быстро переносятъ далеко отъ пожара. Въ этой странѣ, гдѣ пожары такъ часты, предосторожность весьма нужна; но она не избавляетъ отъ частыхъ и большихъ пожаровъ, въ особенности, когда вѣтеръ силенъ, какъ было пять или шесть недѣль до нашего прибытія. Когда пламя охватило одинъ домъ, то, чтобы пресѣчь распространеніе огня, разобрали десятка два сосѣднихъ; но это ни къ чему не повело, такъ какъ сильный вѣтеръ понесъ искры на крыши нѣкоторыхъ другихъ, которые, будучи построены изъ ели, горѣли подобно соломеннымъ. При этомъ необходимо замѣтить, что, при недостаткѣ воды, невозможно было помѣшать гибели болѣе 40,000 (?!) домовъ.

Четвертая часть, расположенная за рѣкой Москвой, простирается наиболѣе къ Югу. Тутъ-то живетъ царская стража, отчего эта часть и названа Стрѣлецкой слободой, Strelitza Slouvoda.

Въ этихъ четырехъ частяхъ, кромѣ царскаго дворца со службами, dépendances, находится 85,000 домовъ, feux [39]) и 1,700 колоколенъ, столько же приходскихъ, seculieres, и монастырскихъ церквей. Изъ этого грамаднаго числа домовъ, по указаннымъ причинамъ, очень немного каменныхъ. Улицы широкія, но неправильныя и не вымощенныя, что̀ причиняетъ большія неудобства лѣтомъ и зимою, въ особенности во время оттепели и въ дождливую погоду, потому что тогда тонешь по колѣни въ грязи, не смотря на нѣсколько гибельныхъ бревенъ и мостиковъ, случайно здѣсь и тамъ переброшенныхъ. Вотъ почему мущины и женщины принуждены носить сапоги.

Климатъ въ окрестностяхъ города, а въ особенности къ Сѣверу, нездоровый во всякое время года: зимою постоянно холодно, лѣтомъ необыкновенно жарко. Зима до того сурова, что закутываешься съ ногъ до головы, чтобы не дрожать и не промерзнуть до костей. Сочтешь великимъ счастіемъ, если не страдаешь отъ стужи; но путешественникъ не легко отдѣлывается отъ нея.

Путешествіе стоитъ часто жизни. Даже въ городахъ, не исключая столицы, часто случается, что теряютъ носъ и уши, въ особенности, когда отъ чрезвычайнаго холода переходятъ въ очень теплое мѣсто. Въ этихъ случаяхъ натираютъ замороженную часть

---

[39]) Герберштейнъ записалъ 41,500 домовъ. (Очеркъ жизни и пр., с. 20).

снѣгомъ. Какъ скоро начинаетъ горѣть, опасность миновала, и можно приблизиться къ огню. Лѣтомъ жаръ также несносенъ, какъ зимою холодъ; ибо, лишь только становится тепло, надъ болотами подымаются пары, которые заражаютъ воздухъ, отчего происходятъ сильныя болѣзни, между прочимъ одна, которую называютъ горячкой, le feux; потому что тотъ, кто одержимъ ею, чувствуетъ въ головѣ и внутренностяхъ жгучій жаръ, убивающій больнаго въ два или три дня.

Я охотно допустилъ бы, что именно суровый климатъ причиняетъ столь сильныя болѣзни; но, можетъ быть, также сильное вліяніе имѣютъ при этомъ невоздержность и неумѣренность жителей.

Равнины болотисты и усѣяны озерами, а къ Сѣверу — обширными лѣсами. Въ концѣ Іюня сѣютъ тамъ немного хлѣба, который собираютъ два мѣсяца спустя. Это очень удобно, но малополезно, въ томъ отношеніи, что этотъ хлѣбъ никогда совершенно не созрѣваетъ. По направленію къ Польшѣ, земля плодороднѣе: тамъ въ великомъ изобиліи растетъ ленъ, а также родится хорошая пшеница, но не растетъ винограду. Есть весьма много меду, даже въ лѣсахъ, также краснаго звѣря, дичи и рыбы въ озерахъ. Овощи также весьма изобильно ростутъ, а тыквы и дыни попадаются въ сорокъ фунтовъ вѣсу. Къ сторонѣ Казанскаго царства растетъ мохнатый огурецъ, который, кажется, убиваетъ, ronger, всѣ травы, растущія вокругъ его ствола. Говорятъ, что волки пожираютъ его съ алчностью, потому что онъ походитъ на ягненка. Москвитяне называютъ его на своемъ языкѣ баранецъ, bonnaret [40], т. е. маленькій ягненокъ. Родится также множество плодовъ и между прочимъ одинъ сортъ яблоковъ, столь прозрачныхъ, что, не снимая кожицы и не разрѣзывая, видишь ясно сѣмечки. Они приторны, безвкусны, какъ большая часть (здѣшнихъ) плодовъ; да къ тому же водянисты. Недавно вошли въ моду цвѣты. Прежде смотрѣли на нихъ, какъ на пустяки и говорили (о разведеніи ихъ), какъ о смѣшной забавѣ; но съ нѣкоторыхъ поръ нѣтъ дворянина, у котораго бы не росла большая часть цвѣтовъ, свойственныхъ климату Европы [41]. Нѣтъ здѣсь оленей, но множество медвѣдей и волковъ, которые

---

40) Вспомнимъ слова Н. И. Костомарова: „Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе—баранецъ. Стебель его идетъ черезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть какъ у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живетъ не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ Европейцовъ, что эти шапки изъ мѣха баранца“. Очеркъ жизни и пр , Спб. 1860, с. 184. Ср. наше предисловіе.

41) Безъ всякаго сомнѣнія, перемѣна во взглядѣ на цвѣты произошла подъ вліяніемъ поэтической души ц. Алексѣя Михайловича. Ср. о садахъ Московскихъ, Забѣлина.

опасны во всякое время въ особенности когда все замерзаетъ и покрывается снѣгомъ; тогда они выгребаютъ трупы, нападаютъ на хлѣвы и избы и пожираютъ все, что̀ попадается. Водятся здѣсь куропатки, цапли, лебеди, журавли и всѣ прочія птицы, которыя извѣстны у насъ; но что̀ здѣсь особенно хорошо, это прекрасные мѣха, которые составляютъ величайшее богатство жителей.

Такъ какъ это царство очень обширно, то почва разнообразна, и области болѣе или менѣе плодоносны. Почва во Владимірской области на модій, muid, мюйдъ, пшеницы производитъ двадцать и часто двадцать пять. Земля въ Рязанской области еще плодоноснѣе, потому что каждое зерно даетъ два колоса, когда—три и болѣе. Плоды тамъ также лучше и крупнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства; много гораздо лучшихъ и самыхъ изящныхъ бобровыхъ и другихъ мѣховъ. Что̀ касается Сибирскаго царства, то оно изобилуетъ лѣсами; границы одного изъ нихъ Бранкинскаго, Branquin (Брянскихъ?) неизвѣстны. Изъ него-то получаются прекрасные горностаи и (другіе) драгоцѣнные мѣха. Изъ него, а также изъ Вольска, Volske, Смоленска и Бѣлоозера. Мало хлѣба въ Устюжской, Usteoga, области, но она богата прекраснымъ рогатымъ скотомъ и рыбой. Въ Ростовской много соли. Двинская же неплодородна; жители ея только и питаются рыбой да промышляютъ мѣхами. Вятская область тоже очень бѣдная; но кромѣ рыбы, въ ней есть воскъ, медъ и дичь. Печорская волость, principauté, далеко не богаче хлѣбомъ, но пастбища въ ней очень хороши, да много рогатаго скота. Она почти вся покрыта горами, большая часть которыхъ такъ высоки, что по крайней мѣрѣ въ теченіи десяти или двѣнадцати часовъ нельзя взойти на вершину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Продолженіе разсказа. О произведеніяхъ, употребляемыхъ Москвитянами въ пищу. Объ ихъ правахъ, одеждѣ и бракахъ.

(Мартъ 1669 года).

На основаніи того, что̀ говорилось до сихъ поръ, можно судить о томъ, что̀ такое Московское государство; но чтобы имѣть о немъ точное понятіе, нужно познакомиться съ жителями, которыхъ, я полагаю, довольно изучилъ, чтобы представить ихъ наружный

видъ. Начну съ роста. Обыкновенно Русскій выше средняго роста; но сложенъ нехорошо и несоразмѣрно: толстъ и неуклюжъ, brutal. Хотя всѣ сильны и крѣпки, однакожъ очень похожи на животныхъ, съ которыми у нихъ много общаго. Человѣкъ здѣсь родился для рабства и такъ привыкъ къ утомленію и работѣ, что спитъ обыкновенно на скамьѣ или столѣ, а вмѣсто пуха служитъ ему солома. Какъ образъ жизни, такъ и все остальное, чисто первобытное. Видишь отца, мать, дитя, слугъ и служанокъ (спящими) какъ ни попало, въ одной даже печи, въ которой каждый совершаетъ всякую всячину, son tripotage, не сообразуясь съ правилами благопристойности. Его кухонная посуда состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ и глиняныхъ или деревянныхъ чашекъ и лотковъ, pots et plats, которые моются разъ въ недѣлю; одной оловяной чарки, изъ которой пьютъ водку, одного деревяннаго кубка для меда, hydromel, котораго почти никогда не полощатъ. (Избы) украшаются двумя или тремя неискусно нарисованными иконами, на которыхъ изображены святые и святыя, и предъ которыми Русскій молится, въ особенности предъ образомъ св. Николая, на котораго полагаетъ всѣ свои надежды. Отъ природы онъ такъ лѣнивъ, что никогда бы не работалъ, если бы его не принуждала крайняя нужда или жестокость. Такъ какъ онъ низокъ, de boue, то предпочитаетъ жить только въ рабствѣ, и когда, вслѣдствіе смерти своего господина, или по добротѣ сего послѣдняго, получаетъ свободу, то первая забота продать или закабалить себя попрежнему. Такъ какъ цѣль его въ этомъ случаѣ состоитъ не въ послушаніи или работѣ, то онъ ничего не дѣлаетъ иначе, какъ изъ подъ палки, безъ чего невозможно добиться отъ него ни малѣйшей услуги. Какъ ни работай, кормятъ его плохо, и онъ, какъ можетъ, заботится о томъ, чего ему недостаетъ; не стыдится онъ и красть все, что̀ ему ни попадется, даже убиваетъ того, кто противится его намѣренію. Вотъ что̀ дѣлаетъ страну небезопасною и скучною: необходимость быть всегда на сторожѣ изъ за страха быть или обокраденнымъ или убитымъ, если будешь очень суровымъ въ какомъ нибудь отношеніи. Правда, законъ весьма строго наказываетъ за малѣйшее воровство; но страсть у Русскихъ къ этому пороку до того сильна, что нѣтъ наказанія, посредствомъ котораго можно было бы подавить ее.

Образъ жизни знатныхъ людей немного пріятнѣе, а кушанья ихъ нѣсколько менѣе грубы, въ особенности, когда они угощаютъ кого-нибудь у себя. Во всякомъ случаѣ пиръ сто̀итъ хозяевамъ недорого, вслѣдствіе здѣшняго обычая, что приглашенные платятъ свою долю и дарятъ за входъ, безъ чего устроился бы худой пиръ, потому что пришлось бы довольствоваться кушаньемъ хозяина,

которое далеко неизысканно [42]). Русскіе полагаютъ свое тщеславіе во множествѣ холоповъ, esclaves, и лошадей, которые поглощаютъ большую часть ихъ дохода. Какъ бы Русскій ни былъ знатенъ, онъ вовсе не прихотливъ, ne parle point de ragouts. Самая обыкновенная его пища: каша, горохъ, кислая капуста, соленая рыба, ржаной хлѣбъ, такой тяжелый, черный и плотный, что нѣтъ народа, котораго желудокъ былъ бы въ состояніи его переварить. Все, что̀ онъ ѣстъ, приправляется такимъ количествомъ чесноку и луку, что дыханіе его невыносимо для тѣхъ, кто не употребляетъ этихъ приправъ. Къ тому же онъ ѣстъ почти только соленую рыбу и вообще пищу грубую и неперваримую для иностранцевъ. Нѣкоторыми кушаньями, употребляемыми боярами, нельзя вполнѣ насытиться, такъ какъ у нихъ нѣтъ супу: вмѣсто него подаютъ кипяченую воду съ двумя или тремя грудками соли. Я видѣлъ, что подавали, за хорошими обѣдами, отваръ только изъ рыбы съ нѣсколькими головками чесноку. Когда невоздержность доведетъ до крайности, отчего чувствуетъ себя нездоровымъ, то прибѣгаетъ къ похмѣлью [43]). Это снадобье составлено изъ рубленаго твердаго мяса, испорченныхъ, périts, огурцовъ, вымоченныхъ въ соли и уксусѣ съ массою чесноку и перцу. Это снадобье кладутъ въ питье, называемое квасомъ и увѣрены въ томъ, что никакое средство такъ не излѣчиваетъ желудка. Вмѣсто квасу, обыкновеннаго народнаго напитка, приготовляемаго только изъ ячменя, овса, отрубей, знатные люди употребляютъ питье, болѣе крѣпкое, въ которое бросаютъ горячій камень, pierre ardente, прежде, чѣмъ пить его, а иногда и медъ hydromel, куда входитъ гвоздика, кардамонъ, много перцу и немного корицы. Вотъ обыкновенно изъ чего приготовляются у нихъ болѣе пріятныя принадлежности пира. Когда же не поскупятся, то присоединяютъ къ нимъ водку, дѣйствіе которой имъ тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ она терпче и крѣпче.

Этотъ напитокъ Русскіе любятъ такъ, что готовы гораздо скорѣе умереть, чѣмъ отказать себѣ въ немъ. Можно сказать, что водка составляетъ единственное удовольствіе обоихъ половъ, въ какомъ бы положеніи они ни были. Во всякій часъ и во всякое время, даже дѣти, безъ всякой гримасы пьютъ ее и безъ перцу и съ перцемъ. Они, наконецъ, привыкли къ ней такъ, что, по мѣрѣ того какъ холодъ усиливается, мущины закладываютъ все имущество и готовы лучше ходить совершенно голыми, чѣмъ не пить водки. Женщины столь же невоздержны и, если даже приходится пожерт-

---

[42]) Не разумѣлъ ли авторъ братчины, живущія у простонародья? Подарки же имѣли другую цѣль.

[43]) Собственно: опохмѣляется (ils ont recoürs au pochmelie). Мы нарочно переводимъ ближе къ подлиннику, съ цѣлью сохранить тонъ разсказа.

вовать цѣломудріемъ, чтобы добыть ее, онѣ предаются проституціи и даже публично.

Прежде это распутство происходило между ними только изъ любезности, и большинство женщинъ тщеславилось тѣмъ, что удовлетворяютъ прихоти нѣсколькихъ; но, благодаря попеченію патріарха, этотъ развратъ теперь не столь уже великъ, хотя впрочемъ сильно распространенъ; это не мѣшаетъ замѣтить, чтобы показать, что въ этой странѣ вовсе не знаютъ стыда.

Къ тому же Москвитяне неучтивы, суровы, невѣжественны, вѣроломны, недовѣрчивы, жестоки и предаются страстямъ такимъ скотскимъ, что Содомскій грѣхъ не считается у нихъ особливымъ преступленіемъ, которое притомъ же не составляетъ у нихъ тайны. Обманъ въ торговлѣ слыветъ у нихъ хитрой штукой и дѣломъ умнымъ. Съ 1634 года табакъ запрещенъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ или рванія ноздрей [41]), если поймаешься въ нюханіи его. Вчужѣ это запрещеніе кажется весьма строгимъ, но оно вызвано невѣроятно большимъ потребленіемъ курительнаго и нюхальнаго табаку, а также нѣсколькими несчастными случаями, которыми сопровождалась эта привычка. Вполнѣ очевидными (несчастіями) было разореніе цѣлыхъ семействъ отъ издержекъ, а также отъ пожара домовъ, вслѣдствіе скотства опьянѣлаго отъ табаку человѣка, который засыпалъ съ дымящейся трубкой, чему нетрудно повѣрить, потому что, какъ мы сказали, дома здѣсь только деревянные. По большей части Русскіе очень дурные мужья. Прежде царь былъ обремененъ челобитными женъ, съ которыми мужья худо обращались. Обыкновенное наказаніе, которому ихъ подвергали, была ссылка въ пустынную область, гдѣ они вели жалкую жизнь. Но жалобы прекратились съ тѣхъ поръ, какъ обвинитель въ преступленіи, совершенномъ безъ свидѣтеля, подвергается пыткѣ обвиненнымъ, при чемъ если будетъ въ силахъ перенести ее, то обвиняемаго наказываютъ, какъ преступника; если же обвинитель не перенесетъ пытки, то его подвергаютъ тому же наказанію, какое надлежало бы перенести обвиняемому. Этимъ способомъ прекратили всякую возможность жаловаться часто и назойливо, какъ многіе охотно поступали. Москвитянинъ кромѣ того способенъ наносить оскорбленія, производить бунты, онъ упрямъ и сварливъ. Эти-то свойства характера бывали причиною большихъ безпорядковъ, которые повторялись бы, если-бы съ нѣкотораго времени не обуздывали наглость Москвитянъ денежнымъ штрафомъ.

Москвитянинъ надѣваетъ на себя два или три очень широкихъ полукафтанья. Изъ нихъ первое шьется обыкновенно изъ зеленаго

---

[41]) За употребленіе табаку рѣзали носы, а не рвали ноздрей.

темнаго фіолетоваго, или краснаго сукна. Оно открыто съ боковъ и спереди, гдѣ съ одной и другой стороны идутъ рядами большія пуговицы; нашиты онѣ и вокругъ шеи съ большимъ отложнымъ воротникомъ, какъ въ нашихъ бурнусахъ, manteaux. Полукафтанье, замѣняющее собою камзолъ, имѣетъ стоячій воротникъ въ четыре или пять дюймовъ и сшито на подобіе іезуитскаго: рукава очень узки и вдвое длиннѣе руки, такъ что для того, чтобы освободить кисть руки, нужно образовать десять или двадцать складокъ. Такіе рукава опускаются иногда сами собою, при чемъ очень трудно сохранить рукавъ всегда чистымъ. Это неудобство сопровождается другимъ болѣе важнымъ, которое состоитъ въ томъ, что плуты кладутъ въ лишнюю часть этихъ рукавовъ камни и куски желѣза и свинцу, чѣмъ убиваютъ того, кто думаетъ, что у нихъ деньги. Подъ эту одежду надѣвается третья, называемая кафтаномъ; онъ уже двухъ первыхъ и шьется изъ матеріи нѣсколько менѣе толстой. Хотя всѣ эти три части одежды очень широки, но Русскій, по небрежности или по привычкѣ, не носитъ пояса, почему, можетъ быть, онъ и зябнетъ скорѣе, чего не было бы въ томъ случаѣ, если бы одежда прилегала къ тѣлу. Стежки на воротѣ рубахи у простаго народа прошиты простымъ шелкомъ, которымъ также прострачиваютъ нѣкоторые узоры на спинѣ. На рубахѣ боярина вышиты въ этихъ мѣстахъ узоры серебромъ и жемчугомъ, съ мелкими алмазами. Головной уборъ ихъ неодинаковъ: лѣтомъ сѣрая шапка, а зимою сія послѣдняя съ подбивкой болѣе или менѣе богатой, смотря по знатности. Женская одежда почти не отличается отъ мужской; она также длинна и сшита изъ матеріи, соотвѣтствующей положенію особъ. Головной уборъ тоже такой: на волосы, развѣвающіеся какъ у мущинъ, надѣвается шапка. Отъ мущинъ отличаешь дѣвушекъ только потому, что онѣ безъ бороды, да кожа на лицѣ у нихъ не такъ груба. У дѣвушекъ, старше 10 лѣтъ, волосы позади головы завязаны вокругъ. У дѣвочекъ, ранѣе 10 лѣтъ, волосы подстригаются какъ у мальчиковъ, исключая локоновъ, которые оставляютъ у нихъ съ каждой стороны такъ ловко, что не знаешь, какого пола (подростокъ), пока не взглянешь на уши, въ которыя у дѣвочекъ, подобно серьгамъ, вдѣваютъ большія кольца. Мужики одѣваются такъ, какъ въ Ливоніи: лѣтомъ въ простой холстъ, а зимою въ овчинный тулупъ; обувь ихъ оригинальная: она сплетена только изъ лыка, écorse d'arbre. Хотя женщины обыкновенно очень бѣлы, и кожа на лицѣ у нихъ очень гладкая, все-таки онѣ почти всѣ румянятся или вѣрнѣе натираются аляповато бѣлилами и приглашаютъ для этого бѣлильщицъ, какъ у насъ уборщицъ волосъ.

Въ брачныхъ обрядахъ Москитянинъ не менѣе оригиналенъ, какъ и въ остальномъ. Никогда не увидитъ онъ той, на которой

долженъ жениться. Когда молодой человѣкъ задумаетъ жениться, онъ обращается къ матери или ближайшей родственницѣ, которой повѣряетъ свое намѣреніе. Сія послѣдняя сообщаетъ объ этомъ другимъ родственникамъ, которые всѣ вмѣстѣ обсуждаютъ это. Если они находятъ партію приличною въ семействѣ, съ которымъ желаютъ породниться, то отправляются къ родственникамъ дѣвицы, съ которыми, только безъ вѣдома молодаго, и заключаютъ условіе. Когда договоръ заключенъ, то многіе молодые люди употребляютъ все, что̀ могутъ, лишь бы увидѣть суженую. Но что̀ бы ни дѣлалъ, не только не увидитъ, но скрываютъ (невѣсту) даже отъ родителей жениха, развѣ если дочь такъ красива, что нечего бояться, такъ какъ въ этомъ случаѣ ее, изъ особенной милости, показываютъ матери (жениха). Кто же при такихъ условіяхъ знаетъ, что она именно та, которую (женихъ) долженъ взять за себя? Но если у нея есть какой нибудь недостатокъ тѣла или лица, то ее увидишь только въ день свадьбы. Отсюда-то и происходятъ споры и разводы, столь частые у Москвитянъ, а перѣдко даже нѣчто худшее. При мнѣ въ Москвѣ произошла исторія, которая достаточно показываетъ, что эти браки чрезъ свахъ не слишкомъ удобны. Одинъ молодой человѣкъ въ Москвѣ, ненавидя этотъ обычай, поклялся, что не желаетъ жениться такъ, какъ обыкновенно. Онъ выразилъ желаніе видѣть свою будущую жену до свадьбы, а такъ какъ ни одинъ изъ его родственниковъ не могъ оказать ему этой милости, то онъ упросилъ своего друга найти ему невѣсту и ему же поручилъ устроить такъ, чтобы онъ видѣлъ ее до свадьбы. У этого друга былъ родственникъ, одна изъ дочерей котораго лишилась глаза. Онъ предложилъ свой (планъ), который съ радостью былъ принятъ отцемъ и дочерью, потому что молодой человѣкъ былъ богатъ, красивъ и принадлежалъ къ очень знатной фамиліи. Когда дѣло до половины устроилось, и оставалось только доставить имъ возможность увидѣться, онъ сообщилъ своему другу, что нашелъ для него самую красивую во всей Москвѣ дѣвицу, къ тому же очень богатую и съ добрымъ сердцемъ; что, кромѣ удовольствія онъ будетъ несомнѣнно счастливъ съ нею такъ, какъ ни съ кѣмъ. Молодой человѣкъ въ восторгѣ бросается ему на шею, предлагаетъ свой кошелекъ и съ увлеченіемъ спрашиваетъ, можетъ ли видѣть ее. Конечно, отвѣчаетъ другъ, твоя милая желаетъ того же и говоритъ, что прежде чѣмъ полюбить тебя, ей нужно видѣться. Но если ты вѣришь мнѣ, то, чтобъ избѣгнуть злословія, ты не станешь говорить съ нею и не увидишься съ глазу на глазъ. Я знаю закоулокъ, не далеко отъ дому ея отца: тутъ она пройдетъ съ нимъ въ извѣстный условный часъ и остановится противъ окна, изъ котораго ты и увидишь ее также удобно, какъ если бы она

стояла противъ тебя. Влюбленный соглашается на все, чего отъ него желаютъ. Условливаются на счетъ времени и мѣста. Дѣвица, наряженная въ прекрасное платье, проходитъ и останавливается, поворотившись прекраснымъ здоровымъ глазомъ въ его сторону. Молодой человѣкъ, увидѣвъ ее, пришелъ въ восторгъ. Кромѣ упомянутаго недостатка, скрытаго при этой встрѣчѣ, она была лицемъ и ростомъ совершенной красавицей. Съ этой минуты тотъ торопился бракомъ, и никогда женихъ не ожидалъ свадьбы съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ. Насталъ, наконецъ, этотъ счастливѣйшій день. Молодая играла такъ хорошо свою роль, что женихъ замѣтилъ, что у нея только одинъ глазъ лишь послѣ того какъ священникъ совершилъ обрядъ. Такимъ образомъ союзъ былъ нерасторжимъ, что̀ однакожъ обошлось не безъ того, чтобы молодой не бранилъ мнимаго друга, который, получивъ отъ этого союза свою выгоду, имѣлъ еще подлость смѣяться надъ этимъ въ обществѣ.

Что̀ касается обрядовъ на свадьбахъ у вельможъ, то вотъ тѣ, которые соблюдаются чаще всего. Выбираютъ съ одной и другой стороны по одной женщинѣ, называемой свахой, suvacha, которая завѣдуетъ всѣмъ необходимымъ. Въ день свадьбы сваха невѣсты, сопровождаемая 50 или 60 слугами, болѣе или менѣе, смотря по ея знатности, одѣтыми въ кафтаны или нижнее платье, составляющее ихъ ливрею, несущими на головахъ все необходимое при обрядѣ, сваха, какъ бы со свитой, идетъ въ домъ жениха, гдѣ она убираетъ комнату и ложе для новобрачныхъ. Она раскладываетъ 40 ржаныхъ сноповъ, которые женихъ позаботился приказать принести сюда вмѣстѣ съ нѣсколькими кадками ячменю, овса и прочаго зерна, а на снопы кладетъ постель для молодыхъ; потомъ приказываетъ поставить всѣ кадки вокругъ постели, а также заботится обо всемъ необходимомъ. Когда все, какъ слѣдуетъ, приготовлено, женихъ, въ сопровожденіи своихъ родныхъ и священника, отправляется въ домъ невѣсты. Здѣсь вводятъ его въ комнату, гдѣ накрытъ столъ, и на немъ стоятъ три сорта различныхъ кушаньевъ, къ которымъ однакожъ онъ не прикасается. Между тѣмъ какъ просятъ его сѣсть на стулъ, приготовленный для него возлѣ мѣста для невѣсты, одинъ изъ его дружекъ, valets, займетъ мѣсто (подлѣ невѣсты) и не сойдетъ съ него до тѣхъ поръ, пока женихъ, maître [45]) не дастъ ему нѣсколько денегъ. Пока онъ сидитъ, посылаютъ за невѣстой, которая входитъ съ распущенными волосами, наряженная въ самыя лучшія одежды и съ красной

---

[45]) Безъ сомнѣнія это буквальный переводъ величанія жениха „князем", въ смыслѣ родоначальника, могущаго произойти отъ него рода, семьи.

тафтой на головѣ, два конца которой поддерживаются двумя дружками. Въ такомъ видѣ сажаютъ ее возлѣ жениха. Одинъ изъ ея дружекъ помѣщается между ними, чтобы женихъ не видѣлъ ея, не зная, красива ли она или дурна. Потомъ сваха молодой заплетаетъ ей волосы. Она складываетъ ихъ вокругъ головы, на которую кладетъ вѣнокъ [46]), усѣянный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, изъ которыхъ часть спускается на грудь въ видѣ букета. Ея одежда шелковая, либо золотнаго, или серебрянаго сукна; складки, replis, ея вышиты; каблуки такъ высоки, что она не сдѣлала бы шагу, не опираясь на двухъ особъ. Одѣвши невѣсту, наряжаютъ и жениха. Затѣмъ свахи и другія женщины пляшутъ нѣсколько времени вокругъ нихъ. Потомъ приносятъ въ комнату множество хлѣба и сыру, доставленныхъ родителями жениха и невѣсты. Послѣ благословенія священникомъ везутъ ихъ въ церковь. Потомъ ставятъ на столъ серебряный сосудъ, наполненный серебряными монетами, шелковыми матеріями, сѣномъ, ячменемъ и овсомъ, перемѣшанными вмѣстѣ. Лишь только поставятъ чашу на столъ, спускаютъ фату невѣсты, и бросаютъ въ лица приглашенныхъ то, чтò въ чашѣ. Гостямъ позволяется брать бросаемое. Потомъ родные мѣняютъ перстни брачущихся, и такимъ образомъ заключаютъ бракъ [47]).

Какъ скоро обмѣняются перстнями, одна изъ свахъ ведетъ молодую въ сани, запряженныя въ одну лошадь, совершенно покрытую лисьими хвостами. Молодой, родные и священникъ слѣдуютъ за нею верхомъ до церкви. Здѣсь оба брачущіеся всходятъ на возвышеніе, назначенное для этого обряда, и становятся подъ чѣмъ-то въ родѣ балдахина изъ красной тафты. Стоятъ они нѣсколько времени, при чѣмъ священникъ не говоритъ ничего, такъ какъ необходимо начинать обрядъ поднесеніемъ ему въ подарокъ жаренаго и вареннаго мяса и нѣсколькихъ пироговъ. Лишь только онъ это увидитъ, беретъ за руки брачущихся, предъ которыми на головѣ держатъ нѣкоторые образа, и спрашиваетъ ихъ, хорошо ли обдумали они то, чтò совершатъ и будутъ ли истинно любить другъ друга такъ, какъ слѣдуетъ супругамъ. Предложивъ тотъ же во-

[46]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, является нѣкоторая неточность, простительная для иностранца. Во время сходки жениха съ невѣстою, съ сей послѣдней снимала сваха фату, расчесывала ей волосы, затѣмъ свивала или укручивала ихъ и надѣвала волосникъ, кику и подзатыльникъ и закрывала иногда покрываломъ, которымъ раздѣляли ее отъ жениха, сидящаго съ ней рядомъ въ это время. Головные уборы, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, могли показаться иностранцу вѣнкомъ.

[47]) Старинные Русскіе обряды брачные описаны многими историками; исправить неточности нетрудно при сравненіи съ трудами А. Н. Аѳанасьева, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и мн. др., хотя нельзя сказать, чтобы эти обряды были изслѣдованы въ своихъ измѣненіяхъ по времени и областямъ.

просъ до трехъ разъ и получивъ утвердительный отвѣтъ—«да», онъ запѣваетъ 128 псаломъ, изъ котораго онъ поетъ первый стихъ, брачущіеся второй и такъ посмѣнно, до конца. Во время пѣнія псалма всѣ трое пляшутъ, держась за руки. Затѣмъ онъ кладетъ имъ на голову по вѣнку изъ искусственныхъ красныхъ цвѣтовъ, произнося слѣдующія слова: «растите и множитесь; что Богъ соединилъ, человѣкъ не разъединяетъ». Послѣ этихъ словъ раздаетъ по зажженной восковой свѣчѣ родственникамъ жениха и невѣсты, сидящимъ возлѣ брачущихся въ креслахъ, покрытыхъ красной тафтой. Потомъ одинъ изъ родныхъ подноситъ большой стаканъ красноватаго вина. Священникъ даетъ его невѣстѣ, которая пьетъ изъ него половину, женихъ выпиваетъ остальное и съ силой бросаетъ стаканъ, который оба новобрачные топчутъ ногами, произнося: такъ пусть падетъ и разобьется тотъ, кто попытался бы возбудить какую нибудь вражду между нами [48]). Непосредственно за тѣмъ свахи, которыя держатъ блюда со льномъ и коноплей, мелко изрубленными, осыпаютъ ихъ. Потомъ священникъ поздравляетъ ихъ, послѣ чего каждый изъ новобрачныхъ возвращается изъ церкви въ такомъ-же порядкѣ, какъ пріѣхалъ въ нее. Пока сваха и прочія женщины раздѣваютъ молодую, по выходѣ изъ саней, въ которыхъ она прибыла изъ церкви, молодой съ своими родителями садится за столъ, и всѣ вмѣстѣ пируютъ нѣсколько часовъ. Когда молодая ляжетъ въ постель, то объявляютъ объ этомъ молодому, который выходитъ изъ за стола къ ней. Она, извѣщенная объ его приходѣ, набрасываетъ на себя богатое платье, называемое брачнымъ, и идетъ къ нему на встрѣчу. Супругъ, положивъ ее на постель, немного позже и самъ ложится возлѣ нея. Нѣсколько времени спустя выходятъ они изъ спальни и садятся за столъ, за которымъ между кушаньями угощаютъ ихъ жареной курицей, отъ которой супругъ отламываетъ бедро или крыло и бросаетъ его себѣ чрезъ голову. Это дѣйствіе имѣетъ таинственное значеніе, а такъ какъ причины его не объявляютъ иностранцамъ, какъ послѣдніе ни желали проникнуть въ его тайну: то вотъ почему я и не узналъ о немъ. Я только замѣчалъ, что пиръ не былъ продолжителенъ, и, казалось, что брачущіеся совершали нѣчто болѣе важное, а не только ѣли. Вставъ изъ за стола, молодая ложится въ постель,

---

[48]) Сахаровъ (II, 18) и Аѳанасьевъ (Поэтич. воззрѣнія Сл. на пр. I, 463), утверждаютъ, что женихъ бросалъ и одинъ топталъ скляницу ногою. Между тѣмъ Флетчеръ и Олеарій говорятъ, что скляницу растаптывали вмѣстѣ и женихъ и невѣста (Библіот. для Чт., 1834 г. X, ст. Языкова, 5, 19, 35). Н. И. Костомаровъ, приводя Флетчера и имѣя вѣроятно, въ виду другія данныя, подтверждаетъ показаніе Стрюйса (Очеркъ жизни и пр. Вел. нар., с. 168—9).

между тѣмъ какъ мужъ раздаетъ своимъ дружкамъ нѣкоторые подарки, которые состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ куньихъ мѣховъ. Потомъ гасятъ свѣчи въ бочкахъ съ хлѣбомъ, о которыхъ мы выше говорили, и выходятъ всѣ, за исключеніемъ самаго стараго изъ дружекъ [49]), который остается въ передней. Его обязанность слушать со вниманіемъ супруговъ, и, когда молодой кашлянетъ, это знакъ, что онъ отдыхаетъ, pause; въ это время раздается оглушительный (звукъ) трубъ, литавръ и другихъ громкихъ инструментовъ, чтобы всѣ знали, что бракъ совершился. Когда перестанутъ играть на трубахъ, ведутъ молодыхъ каждаго въ отдѣльный покой, гдѣ ихъ моютъ въ поясной ваннѣ, demi bain, (въ растворѣ) вина, воды и меду. Послѣ этого молодая сама подаетъ супругу драгоцѣнную рубаху, сшитую собственноручно, и большой ковшъ крѣпкаго напитка. Затѣмъ оба возвращаются на постель. Въ послѣдующіе дни продолжаютъ праздновать. Тогда-то приглашенные, бывшіе до сихъ поръ почти только зрителями, угощаются на славу. Вотъ обряды, наблюдаемые при бракахъ у знатныхъ лицъ; а вотъ каковы у простыхъ людей. Наканунѣ свадьбы женихъ посылаетъ невѣстѣ дешевые подарки, именно: пару башмаковъ, гребень, зеркало, ящикъ съ румянами и нѣсколько платьевъ. На слѣдующій день всѣ приглашенные собираются у невѣсты, у которой священникъ благословляетъ ихъ большимъ крестомъ. Потомъ садятся за столъ, на которомъ предъ брачущимися стоитъ зеркало. Здѣсь они любезничаютъ, во время чего свахи бросаютъ имъ на головы горстями мелко изрубленное сѣно, которое слыветъ у Москвитянъ символомъ изобилія. Въ тоже время кто нибудь, закутавшись въ длинную шкуру, входитъ и желаетъ новобрачнымъ столько дѣтей, сколько въ этой шкурѣ волосъ. Затѣмъ ихъ ведутъ въ церковь, гдѣ священникъ, какъ это дѣлается у знатныхъ, о чемъ мы говорили, заставляетъ ихъ обходить [50]) (вокругъ налоя).

Со дня (брака) жены живутъ почти въ заключеніи; онѣ лишены всякой свободы. Обыкновенное ихъ занятіе—шитье, вышиванье и тому подобныя работы въ отдаленной комнатѣ, изъ которой онѣ лишь весьма рѣдко выходятъ. Когда мужъ пируетъ, жена, нарядившись во все, что̀ есть у нея лучшаго, не забывая нарумяниться, идетъ сама наливать водку. Въ церковь, иногда же на

[49]) Когда молодые были въ сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. Отецъ и мать посылали другаго дружку узнать о здоровьѣ новобрачныхъ. Если бракъ совершился, то женихъ чрезъ дверь отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ.

[50]) Въ текстѣ—danser, танцовать.

прогулку, въ сопровожденіи множества холоповъ, отправляются онѣ въ экипажѣ: лѣтомъ въ каретѣ, а зимою въ саняхъ.

Кромѣ этихъ случаевъ, онѣ одѣваются просто и почти вовсе не появляются.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О разводѣ у Москвитянъ.—О строгости ихъ законовъ для уничтоженія многоженства.—Монашескій обѣтъ, даваемый больными для исцѣленія.—О томъ, какъ поступаютъ съ покойниками.—Похороны.

(Мартъ 1669 г.)

Послѣ разсказа о бракѣ у Москвитянъ, остается взглянуть на слѣдствіе его. Такъ какъ женихъ и невѣста не видятъ другъ друга до бракосочетанія, то очень немногіе живутъ въ добромъ согласіи. Большая часть съ первыхъ же мѣсяцевъ не могутъ выносить другъ друга: ненавидятъ, спорятъ между собою, и отъ этого дѣло доходитъ часто до кулачной расправы. Когда терпѣніе изсякнетъ, то они подумываютъ о средствахъ разойтись, что̀ совершается слѣдующимъ образомъ.

Тотъ, кто чувствуетъ себя наиболѣе обиженнымъ, не прибѣгая къ формальностямъ, существующимъ въ другихъ странахъ, заключается въ монастырѣ. Онъ остается въ немъ нѣсколько дней, повидимому изъ благочестія, но на самомъ дѣлѣ, чтобъ видѣть что̀ выдетъ изъ его удаленія, fuite. Если онъ замѣчаетъ, что о немъ не заботятся, онъ постригается, т. е. даетъ монашескій обѣтъ и не можетъ болѣе выйти изъ монастыря. Если же до постриженія его просятъ возвратиться домой и если онъ туда возвращается, то только для того, чтобы бѣсить (мужа или жену) и укорять за то, что онъ не можетъ остаться одинъ. Такимъ образомъ снова начинаютъ спорить; если при этомъ ненависть не ослабѣваетъ, то одинъ изъ супруговъ, котораго снова довели до этого, возвращается въ монастырь и на вѣки запирается въ немъ, съ позволеніемъ мужу, если онъ прибѣгнулъ къ этому печальному способу, сдѣлаться въ случаѣ желанія священникомъ. Если никто изъ двухъ не можетъ рѣшиться на монашескую жизнь, то тотъ, кто предупреждаетъ другаго обвиненіемъ въ прелюбодѣйствѣ предъ судьею, имѣетъ всегда преимущество; потому что, хотя бы улики этого преступленія

были слабы, не преминутъ наказать обвиняемаго и принудить сдѣлаться монахомъ или монахиней безъ надежды на возвращеніе. Другая причина развода—безплодіе жены. Безъ всякихъ даже формъ процесса, вслѣдствіе первой жалобы, принесенной на это ея мужемъ, приходится ей идти въ монастырь, а шесть недѣль спустя, мужъ вправѣ вступить во второй бракъ. Этотъ обычай такъ сильно утвердился, что ни одна женщина его не избѣгаетъ, даже царица, въ отношеніи которой, кажется, это правило наблюдается строже, чѣмъ для другихъ; потому что, когда у послѣднихъ есть сыновья или дочери, ихъ нисколько не упрекаютъ, а царица, имѣя хоть двадцать дочерей, если у ней нѣтъ дитяти мужскаго пола, подчиняется этой необходимости.

Въ 1661 году ожидали подтвержденія этого правила на самомъ дѣлѣ. Хотя у царицы было четыре дочери, и она была беременна пятымъ ребенкомъ, ее заточили бы непремѣнно, если бы послѣдній ребенокъ не былъ принцъ, по русски царевичъ, charoigd [51]).

Чтобы нѣсколько смирить легкомысліе Русскихъ, которые желали бы мѣнять женъ ежедневно, входъ въ церковь запрещенъ тѣмъ, кто, по какой бы то ни было причинѣ, вступилъ во второй бракъ; а тотъ, кто женится въ третій разъ, отлучается отъ церкви безъ отпущенія. Этотъ законъ столь общій, что ему подлежатъ всѣ, кромѣ царя, который выше всѣхъ законовъ. И такъ, положеніе женщинъ не изъ счастливѣйшихъ; ибо, кромѣ того что онѣ живутъ въ суровомъ заключеніи, ихъ оскорбляютъ, бьютъ и по пустому подозрѣнію разводятся съ ними, при чемъ это зависитъ часто только отъ прихоти мужа.

Москвитянинъ отъ природы сладострастенъ, а между тѣмъ къ своей женѣ не выказываетъ ни ласки, ни снисходительности: онъ приноситъ все въ жертву своему удовольствію и стремится только утолять грубыя постыдныя наклонности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣжденъ, что небо за этотъ грѣхъ должно наказывать женщинъ; по этому онъ, прежде чѣмъ лечь съ посторонней женщиной, вмѣсто своей жены, снимаетъ крестъ, который на себѣ носитъ, и не совершаетъ грѣха въ комнатѣ, въ которой висятъ образа. Если же не можетъ скрыться (отъ иконъ), не находя болѣе удобнаго мѣста, то не будетъ совершать (грѣха), пока не завѣситъ ихъ. Русскій увѣренъ, что эта предосторожность избавляетъ его отъ небесной кары, и ея достаточно, чтобъ избѣгнуть наказанія за блудъ, прелюбодѣйство и нѣчто худшее.

[51]) Стрюйсъ подразумѣваетъ конечно царевича Ѳеодора, который родился 30 Мая 1661 г. 1-го Сентября 1674 года, царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ его народу. Но были и еще царевичи Димитрій (1649), Алексѣй и Симеонъ (1665); они умерли при жизни отца. Ср. Соловьева (Исторія Россіи т. XII), Устрялова и др.

Кромѣ этого суевѣрія, онъ къ тому же думаетъ, что наружное омовеніе очищаетъ его отъ всѣхъ грѣховъ, какъ бы велики они ни были. А ежели только онъ перемѣнитъ платье или рубаху, то онъ такъ же чистъ и опрятенъ, какъ если бы онъ ни до чего не касался. Вотъ почему, прежде чѣмъ войти въ церковь, онъ очень заботится о томъ, чтобъ обмыться, надѣть бѣлую рубаху и не имѣть на себѣ чего нибудь грязнаго. Есть даже столь набожные, что остаются на церковной паперти, чтобы Богъ, любящій смиреніе, оказалъ имъ милость и простилъ ихъ распутство. По этой причинѣ женщины, которыя слывутъ между ними оскверненными, во все время не входятъ во внутрь церкви nef, пока служится обѣдня, а слушаютъ ее въ притворѣ. Духовнымъ лицамъ, приближавшимся къ женщинамъ, кромѣ обычнаго омовенія и перемѣны рубахи, чего отъ нихъ требуютъ также какъ и отъ свѣтскихъ, запрещается служить обѣдню и, въ теченіи нѣкотораго времени, приближаться къ алтарю. Такъ легка эпитемія за грѣхи, совершенные не во время поста. Если же грѣхъ случится въ постъ, каковому искушенію подпадаютъ, то свѣтскимъ, въ теченіи цѣлаго года, возбраняется причащеніе, а духовнымъ служить обѣдню въ теченіи того же времени. Если духовная особа готовится къ посвященію, то грѣхопаденіе, въ это святое время, можетъ помѣшать ему достигнуть іерейства.

Кромѣ ложнаго почитанія, которое (Русскій) воздаетъ иконамъ, онъ увѣренъ, что раздѣлять ложе съ иностранками весьма отягчаетъ грѣхъ; но Русской женщинѣ, по ихъ мнѣнію, предаться иностранцу не такъ грѣшно по той причинѣ, что если Русская забеременѣетъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она воспитаетъ ребенка въ Православной вѣрѣ, тогда какъ если отецъ Русскій, а мать иностранка, то сія послѣдняя не преминетъ воспитать его въ своей вѣрѣ.

Москвитянинъ, какъ мы сказали, до крайности грубъ и грязенъ, а между тѣмъ не осмѣлится войти въ церковь иначе, какъ омывшись. Отсюда вошло въ обычай ходить въ бани, которыя также обыкновенны въ Москвѣ и во всемъ государствѣ, какъ въ Турціи и Персіи. Не говоря уже о знатныхъ лицахъ, нѣтъ богача, у котораго не было бы собственной бани какъ для удовольствія, такъ равно и для здоровья. Незнатные и небогатые пользуются общими банями, куда во всякое время ходятъ всѣ, безъ различія возраста и пола. Такъ какъ они не стыдятся наготы, то и не совѣстятся мыться всѣ вмѣстѣ, совершенно голые, и только въ передбанникѣ прикрываютъ части тѣла, называть которыя не позволяетъ приличіе, засушенными нарочно вѣточками съ древесными листьями, замѣняющими у нихъ губку и называемыми на ихъ языкѣ вѣниками,

Questen [52]). Входя въ баню, Москвитянинъ предварительно нѣкоторое время прохлаждается; затѣмъ растягивается на скамьѣ, не боясь ея жесткости, потому что обладаетъ очень крѣпкимъ сложеніемъ; потомъ парится вѣникомъ и съ ногъ до головы обливается, что̀ всего удивительнѣе, почти кипяткомъ, а немедленно затѣмъ погружается въ холодную воду, не заболѣвая отъ этого. Я видѣлъ даже, что совершенно голыми они ложатся въ снѣгъ и, пробывъ въ немъ долго, прогуливаются такимъ же образомъ болѣе часу, не продрогнувъ и не причиняя, повидимому, вреда здоровью. Столь малая чувствительность его къ холоду, жару и другимъ суровымъ перемѣнамъ погоды была бы удивительна, если бы не было извѣстно, что его пріучаютъ къ ней съ колыбели, такъ что онъ мало-по-малу закаляется, и сложеніе его становится столь крѣпкимъ, что онъ могъ бы жить столѣтіе, если бы не губилъ себя водкою.

Возвращаюсь къ смѣшнымъ обычаямъ Москвитянина. Хотя онъ не такъ суевѣренъ, какъ Турокъ, но относительно обычая мыться въ банѣ онъ похожъ на сего послѣдняго; потому что стремится въ нее подобно самымъ чистоплотнымъ людямъ въ мірѣ, а между тѣмъ весьма неопрятенъ, такъ какъ нѣтъ народа столь грязнаго, близость и общество котораго были бы болѣе невыносимы.

Мы сказали, что Москвитянинъ ходитъ въ баню, какъ попало, что̀ доказываетъ отсутствіе въ немъ стыда. Такъ какъ иностранцы въ этомъ отношеніи подражать имъ не могутъ, то выпросили для себя бани, принадлежащія только имъ и недоступныя туземцамъ. Эти бани совершенно иныя во всѣхъ отношеніяхъ, потому что чисты, опрятны и хорошо пахнутъ, такъ какъ каждый приноситъ съ собою травъ, которыми, купаясь, окуриваетъ себя и наполняетъ пріятнымъ запахомъ весь домъ. По выходѣ изъ ванны, вступаешь въ комнатки, гдѣ съ большимъ удобствомъ вытираешься и обсыхаешь. Затѣмъ приносятъ вамъ или меду, или другаго какого-нибудь напитка.

Москвитянину чужды мягкость и учтивость прочихъ народовъ; отъ того образъ жизни и привычки его такъ странны, что можно подумать, будто онъ старается отличаться во всемъ отъ другихъ. Напримѣръ, такъ какъ всѣ обыкновенно носятъ рубаху непосредственно на тѣлѣ, то онъ думаетъ, что должно носить ее сверхъ подштанниковъ, которые спускаетъ какъ можно ниже, замѣтивъ, что мы завязываемъ ихъ на поясницѣ. Другіе, когда свищутъ, сжимаютъ губы; Москвитянинъ же говоритъ, что это безобразитъ ротъ, а чтобы избѣгнуть этого, онъ свищетъ сквозь зубы. Когда онъ одобряетъ что-нибудь, то выражаетъ это не наклоне-

---

[52]) Не въ связи ли съ словомъ у Нестора: хвощутся? П. Б.

ніемъ головы, или улыбкою, какъ мы, а поворотами головы со стороны на сторону, какъ мы поступаемъ тогда, когда намъ что-нибудь не нравится. Мы молимся на колѣняхъ и считаемъ это положеніе смиреннымъ, покорнымъ и почтительнымъ; а Москвитянинъ утверждаетъ, что нѣтъ положенія, болѣе непристойнаго, которое бы и менѣе угодно было Богу, а потому молится сидя, или распростершись. Когда мы пишемъ, то облокачиваемся о столъ; Москвитянинъ порицаетъ это, говоря, что съ бо̀льшимъ удобствомъ и охотнѣе всего пишетъ (помѣщая бумагу) на колѣняхъ; такимъ образомъ столы у нихъ считаются негодными для письма. Такъ какъ онъ любитъ во всемъ большіе размѣры, то дородность и гигантскій ростъ нравятся ему больше всего. Не заботясь о пропорціональности, онъ считаетъ того нехорошо сложеннымъ, у кого нѣтъ большихъ глазъ, огромнаго носа, долгаго подбородка и широкаго лица; а потому онъ вытягиваетъ дѣтямъ кожу, чтобы заранѣе заставить ихъ принять то сложеніе, которое желаетъ имъ придать. Не въ этомъ только отношеніи у Москвитянина странный вкусъ, но и во всемъ другомъ. Я сообщу здѣсь объ этомъ, не опасаясь наскучить подробностями.

Когда Москвитянинъ, по крайней мѣрѣ боящійся смерти, такъ какъ она сопровождается мученіями, сильно боленъ, то даетъ предъ Богомъ обѣтъ, что, если Ему угодно будетъ исцѣлить, его покинетъ все для служенія Ему и вступитъ въ монастырь. Въ это же время стригутъ ему волосы, надѣваютъ монашеское платье, помазываютъ его и считаютъ человѣкомъ, посвященнымъ Богу и оставленнымъ для Него, какъ для обязаннаго имѣть о немъ особенное попеченіе, такъ какъ больной (съ этого времени) принадлежитъ Ему болѣе, нежели прежде. Если послѣ этого обѣта онъ выздоравливаетъ, то долженъ оставить все свое имѣніе, жену, дѣтей и вступить въ монастырь.

Когда кто нибудь умретъ, родные и сосѣди собираются у покойника и оплакиваютъ его. Здѣсь каждый привѣтствуетъ покойника и спрашиваетъ, по какому случаю онъ умеръ: развѣ у него не было пищи и одежды, и что̀ побудило его поступить такъ равнодушно? Когда окончатъ причитанія родители, тогда въ свою очередь приближается жена и начинаетъ роль съ того, что дѣлаетъ видъ, будто оцарапываетъ себѣ лицо; затѣмъ бѣснуется, хохочетъ, приходитъ въ отчаяніе и тѣмъ болѣе притворяется огорченною, чѣмъ менѣе выказывала нѣжности къ живому мужу. Она время отъ времени спрашиваетъ его, почему покинулъ ее: не потому ли, что она не довольно красива, не достаточно нарумянена, или не вполнѣ удовлетворяла его прихоти, или ему не доставало водки? Въ то время, когда такъ причитаютъ надъ покойникомъ, одни слуги бѣгутъ за святой водой, наливаютъ ее въ тазы; дру-

гіе наполняютъ блюда мукою [53]) и многими съѣстными припасами, разставляемыми на окнахъ дома, для того чтобы душа покойнаго, выходя, могла взять въ дорогу того, чего пожелаетъ. Простительно язычникамъ, погрязшимъ въ невѣжествѣ, имѣть такія грубыя понятія о душѣ; но непонятно, какъ (подобныя суевѣрія) могутъ гнѣздиться въ умахъ людей, просвѣщенныхъ свѣтомъ Евангелія. Не смотря на то, что Русскіе—христіане, у нихъ существуютъ эти и многія другія ложныя языческія вѣрованія. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы они когда нибуть освободились отъ этихъ суевѣрій. Снабдивъ покойника провизіей, которая, по ихъ мнѣнію, ему необходима, посылаютъ благодарить священника, пекшагося о немъ во время болѣзни, т. е. платятъ ему за трудъ, а опасаясь, чтобы онъ не забылъ молиться за упокой души, прилагаютъ ему въ подарокъ бутылку водки, безъ чего никоимъ образомъ нельзя побудить его прочесть молитву объ усопшихъ, de profundis. Затѣмъ обливаютъ тѣло и, надѣвъ рубаху и красные башмаки, кладутъ его въ гробъ, сдѣланный неискусно изъ древеснаго ствола. На другой день священники относятъ его въ церковь, гдѣ онъ остается въ теченіи нѣсколькихъ дней до погребенія, но въ томъ только случаѣ, если покойникъ умеръ согласно съ обрядами и принадлежитъ къ знатному роду. Умереть по обрядамъ значитъ, по ихъ мнѣнію, быть соборованнымъ масломъ. Кто же умретъ безъ этого, или насильственною смертію, или замерзнетъ, что̀ очень часто случается, то надъ покойникомъ не причитаютъ и съ честію не погребаютъ, а относятъ въ Земскій Приказъ, Zemski Precaus [54]): такъ называется площадь, гдѣ въ теченіе 3—4 дней могутъ требовать его выдачи. Впрочемъ такихъ очень мало, такъ какъ подобная смерть считается постыдною; а потому, по истеченіи срока, тѣло относятъ за городъ и вмѣстѣ съ двумя-тремя стами замерзшихъ въ туже зиму бросаютъ въ большую яму, Московскую богадѣльню [55]). Эта яма остается открытою до сильныхъ жаровъ. Тогда священники приходятъ туда прочесть нѣсколько молитвъ и бросить немного земли.

Вотъ порядокъ, которому слѣдуютъ при погребеніи. На пути изъ дому въ церковь тѣло длинной вереницей сопровождаютъ

---

[53]) Вѣроятно—кутьей. Коллинсъ (7) упоминаетъ о кашѣ.

[54]) Иностранцу простительно смѣшать площадь предъ учрежденіемъ съ самымъ правительственнымъ мѣстомъ, что̀, вѣроятно, въ языкѣ простаго народа было обычнымъ.

[55]) Утопленниковъ, удавленниковъ (если они не были самоубійцы), вообще людей отверженныхъ, которые не считались достойными быть погребенными на кладбищѣ, напр. воровъ и разбойниковъ, казненныхъ или умершихъ отъ ранъ, хоронили въ убогомъ домѣ безъ отпѣванія. Здѣсь же погребали и замерзшихъ. Н. И. Костомаровъ, Очеркъ ж. и нравовъ, с. 178.

священники, изъ которыхъ одни несутъ зажженныя свѣчи, другіе идутъ съ образами, а нѣкоторые съ кадильницами, посредствомъ которыхъ, какъ утверждаютъ, изгоняются бѣсы. За священниками слѣдуетъ длинная вереница духовенства, а за ней родные покойника, которые кричатъ и стонутъ. Они начинаютъ и оканчиваютъ причитать, crier, всѣ вмѣстѣ и такимъ образомъ приходятъ къ могилѣ. Здѣсь покойника благословляютъ образомъ святаго, или святой, смотря потому, кого онъ считалъ своимъ покровителемъ, или покровительницей; въ то время поютъ и молятся, а когда священники кончатъ, родственники одинъ за другимъ цѣлуютъ гробъ и прощаются съ усопшимъ. Затѣмъ священникъ вкладываетъ ему между двумя пальцами правой руки удостовѣреніе, засвидѣтельствованное подписью и печатью въ томъ, что покойный умеръ, согласно обрядамъ, причастившись и соборовавшись масломъ [56]). Наконецъ, опускаютъ его въ могилу лицомъ къ Востоку и, какъ только начинаютъ засыпать землею, всѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, спѣшатъ въ домъ покойника, гдѣ ѣдятъ и пьютъ съ такимъ веселымъ и довольнымъ видомъ, какъ будто въ этотъ день они видѣли только пріятныя зрѣлища, objets divertissans. Пиръ начинается раздачею овсянаго хлѣба, называемаго кутьей, kutia, отъ котораго каждый ѣстъ комокъ, крестясь и подымая взоры къ небу. Первая четверть часа проходитъ довольно сдержанно, затѣмъ становятся разгульнѣе и доходятъ до того, что забываютъ, по какому поводу они собрались, а къ концу каждый едва можетъ припомнить, въ какія двери вошелъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вѣра Москвитянъ.—Одежда и браки духовныхъ лицъ.—Вѣрованія относительно крещенія.—Образъ пріобщенія и исповѣди.

(Мартъ 1669 г.)

Въ 988 году великій князь Владиміръ [57]) со всѣми подданными оставилъ язычество и крестился. Съ этого времени является у Русскихъ христіанство, но довольно несовершенное, такъ какъ

56) Священникъ кладетъ въ руки мертвому отпустительную грамоту, которую иностранцы называли, напримѣръ, рекомендательнымъ письмомъ одни къ св. Петру, другіе къ св. Николаю. Ср. Костомарова, Очеркъ ж. В. н., 177.

57) Въ текстѣ: „въ 989 году императоръ Василій“... Василій—христіанское имя св Владиміра.

они не могли очиститься отъ множества древнихъ заблужденій и нѣкоторыхъ суевѣрій, оставшихся со времени язычества. Настоящіе Москвитяне исповѣдуютъ Греческую вѣру, не признавая Константинопольскаго патріарха. Вмѣсто него у нихъ есть въ Москвѣ митрополитъ, котораго они чтутъ также, какъ католики папу. Этотъ митрополитъ или патріархъ пользуется властью духовною также неограниченно, какъ царь свѣтскою, и никто не имѣетъ права противиться ему, даже царь: иначе его немедленно заподозрятъ въ нововведеніи или ереси. Въ этомъ случаѣ составляютъ соборъ, на которомъ онъ обязанъ доказать свое православіе, rendre raison de sa foy. Подобный случай былъ въ 1662 году съ правившимъ тогда царемъ. Этотъ государь былъ призванъ къ суду за то, что отвергалъ поклоненіе иконамъ, и за другія измѣненія въ богослуженіи, за что подвергся наказанію [58]).

Обыкновенно за подобное преступленіе ссылаютъ въ деревню, гдѣ виновный живетъ уединенно въ своемъ домѣ, а патріархъ пользуется въ это время всѣми правами царской власти [59]). Доходы митрополита громадны; но за то, во время войны, для него обязательно собрать и содержать извѣстное число войска на службу государству. Впрочемъ, это его не очень обременяетъ, такъ какъ онъ имѣетъ возможность возложить это бремя на духовенство.

Всѣ служители церкви носятъ рясу и длинный плащъ, и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ Римскаго духовенства. Только первые ходятъ постоянно съ посохомъ въ рукахъ; сей послѣдній есть родъ жезла, употребляемаго исключительно ими. А на голову надѣваютъ очень широкую шапку, такого же чернаго цвѣта, какъ ряса и плащъ, дно которой похоже на дно тока, т. е. шапки со сборами. Священники носятъ подъ этой шапкой скуфью, calote, возлагаемую имъ на голову архіереемъ при посвященіи въ іереи. Ее надѣваютъ на бритую голову, но съ этого времени запускаютъ волосы, подобно міранамъ. Скуфья представляетъ роковой предметъ; потому что, если кто-нибудь, толкнувъ священника, или во время драки, собьетъ ее, то его присуждаютъ къ наказанію, отъ котораго онъ можетъ избавиться въ томъ только случаѣ, когда заплатитъ большую сумму денегъ. А потому опасно пьянствовать со священниками, такъ какъ они не болѣе другихъ трезвы и воздержны и въ раз-

---

[58]) Неизвѣстно, о какомъ соборѣ говоритъ путешественникъ: бывшемъ въ 1660 или въ 1666 году. Его замѣчаніе о судѣ надъ царемъ важно, какъ отголосокъ раскольничьяго мнѣнія или взгляда народа на дѣянія собора 1666 года, судившаго распрю патріарха съ царемъ.

[59]) Смѣшана, безъ сомнѣнія, участь, постигшая патріарха Никона, съ положеніемъ царя, и, вѣроятно, потому, что первый, подобно Филарету, носилъ царскій титулъ „великаго государя“.

гаръ ссоры до того задорны, mal-fondées, что никто не въ состоянiи простить имъ этого, чтобы уклониться отъ прискорбныхъ послѣдствiй, происходящихъ отъ паденiя скуфьи: какъ только замѣчаютъ, что священникъ начинаетъ горячиться и готовъ начать схватку, то тотъ, на кого онъ сердится, прежде всего старается схватить скуфью; затѣмъ, не стѣсняясь, колотитъ его и, хорошенько избивъ, цѣлуетъ скуфью и съ благоговѣнiемъ снова надѣваетъ ее на него. Такимъ способомъ обуздываютъ наглость священниковъ, уклоняясь отъ жестокаго наказанiя, которое, безъ этой предосторожности, постигло бы непремѣнно [60]).

Чтò касается брака, то онъ не только дозволенъ духовенству, но даже обязателенъ, а такъ какъ Апостолъ говоритъ, что епископъ можетъ быть мужемъ только одной жены, то имъ запрещено вступать во вторичный бракъ и жениться на вдовѣ. Изъ всѣхъ Москвитянъ священники лучшiе мужья; а потому когда онъ дѣлаетъ предложенiе, то ему рѣдко отказываютъ. Обходиться съ женою человѣколюбивѣе, нежели мiряне, побуждаетъ ихъ то, что, въ случаѣ потери ея, онъ не только не можетъ жениться на другой, но ему запрещается даже приближаться къ алтарю и заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ чтенiя и пѣнiя.

Москвитяне думаютъ, что крещенiе положительно необходимо, и потому, какъ только родится ребенокъ, спѣшатъ окрестить его. Если ребенокъ очень слабъ, то обрядъ совершаютъ на дому, но отнюдь не въ той комнатѣ, въ которой онъ родился; потому что она, по ихъ мнѣнiю, осквернена родами и недостойна этого священнодѣйствiя. Если же ребенокъ здоровъ, то его крестятъ въ церкви. Въ этомъ случаѣ я не замѣтилъ никакого различiя отъ того же обряда у католиковъ. Какъ у сихъ послѣднихъ, ребенка приносятъ у нихъ къ дверямъ церкви, куда вноситъ его священникъ, который спрашиваетъ его, вѣруетъ ли онъ. За него отвѣчаетъ крестный отецъ, что онъ вѣруетъ въ Святую Троицу, отрицается сатаны, плоти, мiра и т. д. Затѣмъ священникъ повелѣваетъ нечистому духу выйти изъ ребенка и уступить мѣсто Святому Духу. Потомъ онъ дуетъ на ребенка три раза и чертитъ ему крестъ на лбу: вотъ чтò общаго у православныхъ съ католиками. Разница же въ томъ, что у католиковъ достаточно одной свѣчи для совершенiя обряда, у православныхъ же необходимо имѣть девять. Священникъ устанавливаетъ ихъ вокругъ купели и при этомъ кадитъ и поетъ. Католики ограничиваются тѣмъ, что ребенка обливаютъ водою, у пра-

---

[60]) Духовенству въ Россiи по извѣстiямъ иностранцевъ посвящена г. Рущинскимъ цѣлая глава III, стр. 106—145, въ Чтенiяхъ въ И. М. О. И. и Др., 1871 г., № 3. О нравственной сторонѣ духовенства см. с. 118 и слѣд.

вославныхъ же его погружаютъ три раза въ воду, при чемъ священникъ произноситъ: «Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Послѣ того надѣваетъ на него рубаху и говоритъ слѣдующія слова: «нынѣ ты чистъ отъ всѣхъ грѣховъ». Обрядъ заканчивается тѣмъ, что ребенку надѣваютъ на шею золотой, серебряный, или оловянный маленькій крестъ съ освященной иконой, которую онъ долженъ чтить во всю свою жизнь. Минуту спустя, воду, въ которую погружали ребенка, выливаютъ, такъ какъ считаютъ нечистой и оскверненной. Вотъ, какъ совершается у Москвитянъ обрядъ крещенія, и они увѣрены въ томъ, что нигдѣ не совершается это лучше, нежели у нихъ. Потому-то, если кто-нибудь желаетъ перейти въ ихъ вѣроисповѣданіе, будь онъ даже христіанинъ, то долженъ креститься по ихъ обрядамъ и отказаться отъ прежняго крещенія, плюнувъ трижды черезъ плечо.

Обрядъ причащенія у нихъ отличается отъ того же обряда у другихъ христіанъ. У нихъ крошатъ хлѣбъ въ вино, откуда причастникъ самъ вынимаетъ его ложкою. Къ этому прибавимъ еще, что они причащаютъ маленькихъ дѣтей и отправляющихся въ дальнее и опасное путешествіе, утверждая, что отказывать имъ въ причастіи также неблагоразумно, какъ отказывать тѣмъ, кто находится при смерти: какъ тѣ, такъ и другіе нуждаются въ чрезвычайной помощи для преодолѣнія крайнихъ трудностей, встрѣчающихся въ подобныхъ случаяхъ.

У нихъ, какъ у католиковъ, существуетъ устная исповѣдь, при которой налагается епитимія соразмѣрно совершеннымъ грѣхамъ. Если же сіи послѣдніе очень велики, то кающіеся обязаны омыться, se laver, въ день Богоявленія. Кромѣ воздержанія отъ употребленія мяса въ нѣкоторые дни недѣли, у нихъ въ теченіи года полагается еще четыре поста, изъ которыхъ три соблюдаются только въ монастыряхъ; четвертый же, называемый великимъ и начинающійся за сорокъ дней до пасхи, соблюдается всѣми. Что̀ касается масляницы, то ее празднуютъ у нихъ съ такою же точностью, какъ у Римскихъ католиковъ: нѣтъ безчинства и наглости, которыя не совершались бы въ это время. Больше всего предаются разгулу и распутству тѣ, которые въ другое время кажутся наиболѣе набожными. Какъ въ Италіи, такъ и въ Московскомъ государствѣ, стекаются толпами въ большіе города съ цѣлью имѣть въ нихъ больше развлеченій. Деревня въ это время пустѣетъ. Но такъ какъ время года суровое, и холодъ чрезмѣрный, то въ эти дни, особенно по дорогѣ къ Москвѣ, попадаются замерзшіе, о которыхъ мы уже говорили. Въ окрестностяхъ (Москвы), куда ни пойдешь, вездѣ набредешь на трупъ: одинъ безъ головы, другой безъ рукъ, нѣкоторые безъ ногъ, а многіе на половину съѣденные звѣрями. Этими-

то несчастными останками наполнена яма, называемая богадѣльней или убогимъ домомъ, bogzi dome, гдѣ ихъ покрываютъ нѣсколько землею только съ приближеніемъ теплаго времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Управленіе въ этомъ обширномъ царствѣ.—Тутулъ и доходы царя.—Нѣсколько примѣровъ, показывающихъ строгость суда.

Это обширное царство управляется монархомъ, носящимъ титулъ царя, т. е. императора. Во время моего тамъ пребыванія царствовалъ недавно умершій [61]) Алексѣй Михайловичъ Романовъ, т. е. Алексѣй Михаилъ, сынъ Романа. Прозваніе это приняли цари съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Васильевичъ доказалъ происхожденіе свое отъ первыхъ Римскихъ императоровъ [62]). У нихъ принятъ гербъ, на которомъ изображены два орла съ распростертыми крыльями, съ тою только разницею, что между двумя головами орловъ представлена корона, а на всемъ (туловищѣ орла) изображенъ святой Георгій на конѣ. Правитъ царь самодержавно, такъ какъ ему принадлежитъ вполнѣ право жизни и смерти надъ подданными, которые считаютъ за честь быть и называться его рабами. Даже самые знатные бояре въ знакъ покорности подписываютъ свои письма и прошенія уменьшительными именами, какъ, напримѣръ, Ванька, Петрушка и т. п. Онъ назначаетъ и смѣняетъ должностныхъ лицъ, и никто не можетъ получить должности или чина помимо его. По его же указу чеканится монета, повышается или понижается ея цѣнность. Объявляя войну, или заключая миръ, онъ ни съ кѣмъ не совѣщается. Словомъ, нѣтъ въ Европѣ монарха болѣе самостоятельнаго.

Титулъ его слѣдующій: «Божіей милостью мы, Алексѣй Михайловичъ Романовъ, великій государь и великій князь Великой, Малой и Бѣлой Россіи, государь Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій, великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и пр. Великій князь и государь Нов-

---

[61]) Стало быть, Стрюйсъ описалъ свое странствіе не раньше 1676 года. П. Б.

[62]) Въ Литвѣ появилось сказаніе о переселеніи въ нее Пруссa, брата Римскаго императора Октавія Августа. Его потомкомъ, послѣ вѣнчанія ц. Іоанна Васильевича Грознаго, былъ признанъ Рюрикъ.

города (Волынскаго?) въ южной Черниговской землѣ, de Novograde dans les pays bas de Zernigou, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій [63]), Belooserie, Vdorie, Обдорскій, Кондинскій, Condinie, и самодержавный государь всей сѣверной земли, также земель: Иверіи, Карталиніи, Грозиніи, de Grosinie, Кабардиніи, Carbadinie, великихъ княжествъ Черкескихъ и Грузіи и многихъ другихъ земель, областей и княжествъ, лежащихъ на Востокѣ, Западѣ и Сѣверѣ; онъ ихъ владѣтель и самодержавный повелитель, по праву наслѣдства отъ отца къ сыну».

Если титулъ этого монарха великъ, то доходы его не меньше. Нѣтъ государя, который бы получалъ болѣе дохода съ откуповъ. Напримѣръ, въ Новгородѣ есть три питейныхъ дома, изъ которыхъ каждый платитъ ему 10,000 ливровъ [64]) за право продажи, droit de bouchon; а такъ какъ ихъ существуетъ безчисленное множество въ Москвѣ и во всемъ царствѣ, то изъ этого можно заключить, что богатства царя громадны. Кромѣ того существуютъ налоги на все, преимущественно на соль, желѣзо, хлѣбное вино, водку и дорогіе мѣха, которые добываются тамъ въ изобиліи. Словомъ, богатства велики; но и расходы пропорціональны, потому что кромѣ страшныхъ издержекъ на содержаніе своего дворца, онъ содержитъ всегда на-готовѣ множество войска, которому исправно платитъ жалованье.

Какъ нѣтъ народа болѣе жестокаго, нежели Москвитяне, такъ нѣтъ страны, гдѣ бы судъ былъ строже. Наказанія, какъ и въ другихъ государствахъ, пропорціональны преступленіямъ; но самые даже незначительные проступки наказываются очень строго. За самые малые проступки наказываютъ батогами, do battoki. Это наказаніе начинаютъ съ того, что преступника раздѣваютъ, затѣмъ голаго растягиваютъ на землѣ, двое садятся на него, одинъ на шею, другою на ноги и палкой бьютъ его по спинѣ и лядвеямъ до того, что онъ не въ силахъ встать. Какъ это наказаніе ни жестоко, но оно не можетъ сравниться съ тѣмъ, которому подвергаютъ за неуплату акциза на табакъ и водку. Наказаніе это называютъ (бить) кнутомъ. Вотъ въ чемъ состоитъ оно: палачъ обнажаетъ виновному плечи, спину и поясницу; затѣмъ связываетъ ему ноги, а руки (скручиваетъ) позади шеи, надъ плечами. Въ такомъ его состояніи дьякъ читаетъ ему приговоръ, въ которомъ означено число положенныхъ ему ударовъ. Потомъ его бьютъ кнутомъ, состоящимъ во множествѣ маленькихъ полосъ изъ невыдѣланной лосинной кожи. Эти полоски такъ жестки, и палачъ бьетъ такъ жестоко, что съ каждымъ ударомъ обнажаются кости. Такимъ образомъ его разстер-

---

[63]) Ср. Исторія Россіи съ др. вр., С. М. Соловьева, т. VII, с. 2.

[64]) До царствованія Людовика XIV ливръ соотвѣтствовалъ $1^1/_2$ франкамъ.

зывают отъ плечъ до пояса, и я полагаю, что надобно быть Москвитяниномъ, чтобы вынести четвертую долю подобнаго наказанія и не умереть: мясо и кожа висятъ клочьями. Если же наказаніе происходитъ зимою, то кровь въ ранахъ тотчасъ же замерзаетъ и становится твердою, какъ ледъ. Въ подобномъ состояніи человѣкъ представляетъ что-то такое ужасное, что иностранецъ, какъ бы онъ ни былъ жестокосердъ, не рѣшится взглянуть на него во второй разъ. Мнѣ кажется, что Голландецъ не могъ бы перенести подобнаго наказанія и испустилъ бы духъ подъ рукою палача. Климатъ ли ожесточаетъ нравъ, или Москвитяне отличаются тѣлосложеніемъ отъ другихъ людей, но не замѣтно, чтобы они больше были растроганы при окончаніи наказанія, нежели въ началѣ. Вмѣсто того, чтобы избѣгать случая впасть въ такую же ошибку, они, едва избавятся отъ наказанія, какъ снова добиваются того же. Въ 1669 году я видѣлъ человѣка, который еще не выздоровѣлъ, а уже, какъ и прежде, не платилъ пошлины. Такъ какъ я жилъ у него, то и напомнилъ ему о томъ, что необходимо беречь себя и повиноваться указамъ его величества. Вмѣсто того чтобы послушать меня, онъ сказалъ съ гордостью: «Э, люди, подобные вамъ, не должны давать совѣтовъ; вы принадлежите къ народу трусливому, изнѣженному и слабодушному, котораго пугаетъ даже тѣнь опасности, который ищетъ доходовъ, только пріятнымъ образомъ и легко достающихся. Нашъ же народъ мужественнѣе, способнѣе на великіе подвиги и считаетъ за честь покупать самую малую прибыль цѣною мученій, о которыхъ вы не посмѣли бы и подумать. Впрочемъ, наказаніе, которое я перенесъ восемь или девять дней тому назадъ, не такъ жестоко, какъ вы полагаете. Посмотрите, сказалъ онъ, раздѣваясь, есть ли слѣды? И стоитъ ли жить, если трусишь изъ-за такого пустяка?» Непоколебимое упорство этого человѣка, нѣсколько дней тому назадъ совершенно истерзаннаго, лишило охоты продолжать совѣты. Между тѣмъ я узналъ, что переносить Москвитянамъ эти наказанія помогаетъ, кромѣ грубаго тѣлосложенія, еще то обстоятельство, что они не слывутъ у нихъ постыдными. Если же кто-нибудь попрекнетъ имъ, то подвергается опасности перенести тѣже истязанія. Къ тому же здѣсь обязанность палача не считается, какъ въ Голландіи, гнусною; богатѣйшіе купцы домагаются ея и покупаютъ, какъ доходную и почетную должность.

Эти наказанія, какъ ни жестоки, не (слывутъ) безчеловѣчными; даже находятъ, что дешево отдѣлались, если не отсѣкли ноги, руки или головы, что̀ случается почти ежедневно.

За поддѣлку монеты заливаютъ ротъ расплавленнымъ свинцомъ; а того, кто изнасилуетъ женщину или дѣвушку, лишаютъ возможности совершить тоже преступленіе, отрѣзавъ половой органъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Какъ Москвитяне празднуютъ Вербное Воскресенье.—Авторъ направляется въ Астрахань и пріѣзжаетъ въ Нижній Новгородъ.—О рѣкѣ Волгѣ.—Нравы и обычаи Татаръ, называемыхъ Черемисами.

(Мартъ 1669.)

Нигдѣ у христіанъ не празднуется Вербное Воскресенье съ такимъ великолѣпіемъ, какъ у Москвитянъ. Не знаю, празднуетъ ли его кто-нибудь естественнѣе ихъ и съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ. Во всякомъ случаѣ вотъ какъ они чествуютъ его. Патріархъ, въ бѣломъ облаченіи, сидя верхомъ на бѣлой лошади, представляетъ Спасителя. Поверхъ митры, bonnet, усыпанной жемчугомъ, надѣта дорогая корона; золотымъ крестомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными камнями, онъ благословляетъ направо и налѣво народъ. Сбруя на лошади дорога, но похожа на сбрую, употребляемую для ословъ, чтобы соблюсти нѣкоторое подобіе этого въѣзда со входомъ Спасителя въ Іерусалимъ. Царь пѣшкомъ, но поддерживаемый двумя главными совѣтниками, съ короною на головѣ, держитъ поводья коня. Они (оба) окружены епископами и многими другими духовными особами, въ бѣломъ облаченіи, изъ которыхъ одни поютъ, другіе кадятъ предъ царемъ и патріархомъ. За духовенствомъ слѣдуютъ знатнѣйшіе въ царствѣ бояре, которые несутъ дерево, обвѣшенное яблоками, винными ягодами, виноградомъ, а кора его покрыта стеганной шелковой тканью. Далѣе идетъ народъ съ древесными вѣтвями и поетъ слѣдующія слова: «Осанна, Сынъ Давыдовъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!» Отъ царскаго терема, отъ котораго начинается процессія, до равелина, гдѣ устроено возвышеніе, весь путь покрытъ прекраснымъ алымъ сукномъ. На этомъ мѣстѣ патріархъ сходитъ съ лошади и начинаетъ пѣть церковную пѣснь, hymne, которую продолжаетъ музыка. Затѣмъ, въ такомъ же самомъ порядкѣ, возвращаются. Церемонія заканчивается тѣмъ, что патріархъ даритъ двѣсти рублей или дукатовъ, ducas, его царскому величеству въ награду за то, что онъ потрудился, держа (подъ уздцы) его лошадь.

Въ день Пасхи улицы усѣяны продавцами яицъ всѣхъ цвѣтовъ, которыя прохожіе покупаютъ и дарятъ встрѣчнымъ знакомымъ, съ коими цѣлуются, говоря: «Христосъ воскресе!» Такъ какъ оканчивается постъ, то настаетъ вездѣ всеобщая радость; только и рѣчи, что объ удовольствіяхъ и о томъ, какъ бы пиршествомъ вознагра-

дить себя за лишенія во время поста. Въ эти-то дни толпа, слѣдуя народной склонности, пьетъ въ кабакахъ до крайности. Здѣсь рождаются ссоры, убійства и другія до того страшныя преступленія, что я не посмѣлъ назвать ихъ.

Хотя намъ давно данъ былъ приказъ быть готовыми; но распоряженіе объ отъѣздѣ, котораго мы ждали съ нетерпѣніемъ, послѣдовало только 4-го Мая. Въ тотъ же день мы сѣли на стругъ, stroug, небольшое судно въ 32 тонны. Мы спустились по Москвѣ рѣкѣ, Mosque rika, и на другой день прибыли въ Коломну, лежащую отъ Москвы по пути, котораго мы держались, на 36 почти миль, а по другому, по причинѣ снѣговъ и льду очень мало доступному, только на 18 миль. Стѣны города защищаются нѣсколькими башнями, вблизи которыхъ протекаетъ рѣка Москва.

6-го числа мы вошли въ рѣку Оку, которая беретъ свое начало на границахъ Малой Татаріи, вблизи источниковъ Донца, Doniec, и, протекая съ Юга на Сѣверъ, впадаетъ въ Волгу подъ Нижнимъ Новгородомъ. На этомъ пути лежитъ только одно село Дѣдиново, Didenof или Дединово, Gedino [65]), которое мы оставили вправо и пріѣхали къ вечеру на нашъ корабль, называемый, по распоряженію царя, «Орелъ». Тамъ насъ приняли господа Буковенъ, Boukhoven [66]) и Старкъ, Stark [67]), нашъ полковникъ и его лейтенантъ, которые прибыли раньше насъ съ командиромъ судна [68]), maître du navire, двумя капитанами, хирургомъ, письмоводителемъ и толмачемъ. Такъ какъ есть любознательные люди, желающіе все знать, то для удовлетворенія ихъ я привожу здѣсь размѣръ жалованья, получаемаго экипажемъ нашего судна [69]).

---

65) Прежде дворцовое село, въ Коломенскомъ уѣздѣ, нынѣ въ Зарайскомъ у. Рязанской губерніи. Царскимъ указомъ, отъ 19 Іюня 1667 г., предписывалось строить здѣсь корабли для отправленія изъ Астрахани въ Каспійское море. Главное завѣдываніе надъ постройкой судовъ поручено Приказу Новгородской чети, бывшему тогда подъ управленіемъ А. Л. Ордына-Нащокина (А. Поповъ: О построеніи корабля Орла, с. 3—4). Нынѣ это село называется Дѣдново, но сами жители его говорятъ, что встарину оно называлось Дѣдиново (Др. и Новая Россія, 1876 г., т. III, с. 38). Никто не называетъ его Дедиловымъ, какъ пишетъ Н. И. Костомаровъ.

66) Корниліусу фанъ Буковену, полковнику, давно уже находившемуся въ Русской службѣ, былъ порученъ непосредственный надзоръ за построеніемъ судовъ. А. Поповъ, О построеніи к. Орла. с. 5.

67) Капитанъ Яковъ Старкъ, иноземецъ, давно находившійся въ Русской службѣ, былъ назначенъ въ помощники Буковену. А. Поповъ, с. 5.

68) Давидъ Бутлеръ, нанятый Сведеномъ въ Голландіи на должность „капитана и кормщика-генерала“, впослѣдствіи просто назывался капитаномъ на кораблѣ. (А. Поповъ, тамъ же с. 3 и 4). Посланъ въ Мартѣ осмотрѣть корабль и возвратился въ Москву съ донесеніемъ, что корабль годенъ. Изъ царской грамоты, отъ 2 Мая, Полуектову видно, что онъ уже отпущенъ въ Москву (тамъ же с. 11).

69) Имена нѣкоторыхъ см. у А. Попова: о построеніи Орла, с. 4—5.

Полковникъ [70]),	въ мѣсяцъ,	. . .	100	талеровъ, écus,
Подполковникъ [71])	—		30	—
Капитаны	—		40	—
Хирургъ	—		20	—
Толмачъ	—		10	—
Письмоводитель	—	. .	10	—
Капитанъ Бутлеръ	—		160	—флориновъ[72]).
Командиръ судна	—		100	—
Штурманъ	—		60	—
Тимерманъ [73])	—		80	—
Его помощникъ [74])	—		36	—
Каждый матросъ	—		50	—
Парусникъ, maître voialier [75])	—		57	—

Весь экипажъ состоялъ изъ 20 Голландцевъ.

12-го [76]) мы выѣхали изъ Дѣдинова, гдѣ былъ построенъ нашъ корабль, и прибыли въ село Никольское [77]), Nikolo, сельцо, отличающееся большой дешевизной. Я купилъ въ немъ пару утокъ за копѣйку, что на наши деньги составляетъ одно су. Мужикъ же, продавшій мнѣ ихъ, еще нашелъ это для себя очень выгоднымъ.

13-го [78]), къ вечеру мы были въ Бѣлоомутѣ [79]), Omuta, селѣ, отстоящемъ отъ Дѣдинова почти на 31 милю. Два дня спустя прибыли въ Переяславль [80]), Preslaf. Это маленькій городокъ, весь почти построенный изъ развалинъ когда-то знаменитой Рязани, Resanski. Татары, захвативъ ее, разрушили, а жителей переселили въ Переяславль.

17-го подошли къ Рязани [81]); ея развалины показывали, чѣмъ она

---

70) К. Буковенъ.

71) Я. Старкъ.

72) А. Н. Поповъ говоритъ (с. 5), что Бутлеру полагалось жалованья 100 гульденовъ Голландскихъ въ мѣсяцъ, Русскихъ 20 рубл. Не умѣемъ согласить этого разногласія. Также непонятно, какъ Бутлеръ отдѣленъ отъ командира судна.

73) Клоперъ.

74) Стрекъ.

75) Паруснымъ мастеромъ и былъ авторъ описанія путешествія, Стрюйсъ.

76) По Русскимъ источникамъ видно, что корабль вышелъ изъ Дѣднова 7 Мая (Доп. къ А. И., V, № 47, с. 278). Это различіе г. А. Поповъ объясняетъ старымъ и новымъ стилемъ. О построеніи к. О , с. 11, пр. 2.

77) Ср. А. Поповъ, О построеніи к. Ор., с. 12.

78) Въ переводѣ, конечно, по ошибкѣ стоитъ le troisième. Ср. Нѣмецкій переводъ у А. Поповъ, о построеніи к. О., с. 123.

79) А. Поповъ, о построеніи к. Орла, с. 12, называетъ такъ написанное авторомъ имя, которое, можетъ быть, 200 лѣтъ тому назадъ, такъ и произносилось, какъ приводитъ Стрюйсъ.

80) Нынѣшняя Рязань.

81) Т. е. „Старой Рязани“, которая, по Книгѣ Б. Ч., лежала по Окѣ въ 30 в. ниже отъ Переяславля Рязанскаго. А. Поповъ, с. 12.

была прежде. По обѣимъ сторонамъ рѣки видны были превосходные луга и загородные дома, гдѣ большіе государственные бояре проводили лѣто.

18-го, по пути въ Новоселки [82], Novosolki, мы видѣли множество селъ и монастырей, couvens, очень хорошо построенныхъ; между прочими Шилово, Schilka, Терихово [83], Tericho, Тиверская Свобода, Tiversko-Slovoda, Канаково, Kopanouv, и многія другія, расположенныя по этой рѣкѣ.

22-го бросили якорь въ Касимовѣ-городѣ, Kassieme gorod, маленькомъ городкѣ, принадлежащемъ князю Рескитскому, Reskitski [84]. Узнавъ, что князь съ матерью былъ въ немъ, мы отправились въ кремль, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе; но тамъ намъ сказали, что онъ уѣхалъ въ Москву [85]. Впрочемъ мы были очень хорошо приняты [86] его управляющимъ [87], котораго за учтивость отблагодарили подарками [88], сколько намъ извѣстно, по его вкусу. Этотъ городъ былъ прежде подъ властью Татаръ, нынѣ же онъ въ зависимости отъ Московскаго царя, власть котораго надъ собою и своимъ достояніемъ призналъ князь Рескитскій еще 12 лѣтъ отъ роду [89].

23-го мы видѣли еще много селъ и монастырей, а 24-го остановились въ селѣ Ляхи [90], Leshi, самомъ большомъ изъ всѣхъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ селъ. Изъ Ляховъ отправились въ Муромъ,

---

[82] Близъ Старой Рязани нынѣ находится селеніе Новоселки; оно принадлежало епископу Рязанскому.

[83] На этомъ пространствѣ, по указанію К. Бол. Чертежа, находился въ то время и Териховъ монастырь, въ 50 верстахъ отъ Старой Рязани.

[84] Въ Нѣмецкомъ переводѣ Retskitsky. Ср. А. Попова, о построеніи к. Орла; с. 12.

[85] Касимовскій царевичъ Василій Араслановичъ дѣйствительно былъ, въ 1669 г., въ Москвѣ, ибо упоминается въ придворныхъ церемоніяхъ. А. Поповъ, с. 12. Арцыбашевъ, III, 103.

[86] Въ Нѣмецкомъ переводѣ: „оставилъ обѣдать, угощалъ рыбами, медомъ и виномъ“. А. Поповъ, с. 12.

[87] Въ Нѣмецкомъ переводѣ „гофмейстеромъ“. А. Поповъ, с. 12.

[88] Въ Нѣмецкомъ переводѣ „подарили табаку и нѣкоторыя другія вещи“. А. Поповъ, с. 12.

[89] Странное различіе представляется въ переводѣ этого мѣста съ Голландскаго языка на Французскій и Нѣмецкій языкъ (судя о послѣднемъ по переводу г. А. Попова). Во Французскомъ переводѣ оно читается (v. I, p. 427—428) такъ: „Cette ville étoit autrefois sous l'obéissance des Tartares, mais à présent elle relève de l'Empereur de Moscovie, auquel le prince Reskitski soûmit sa personne et ses biens, qu'il n'avoit encore que douze ans“. А. Поповъ переводитъ (с. 12) съ Нѣмецкаго нѣсколько иначе: „Касимовъ былъ прежде Татарскою крѣпостью; въ настоящее же время находится подъ властью Русскихъ, имѣетъ своего князя, которому 12 лѣтъ, подвластнаго царю“.

[90] Недалеко отъ Елатьмы, на половинѣ пути отъ Касимова до Мурома, находится и нынѣ большое село Ляхи.

Moruma. Этотъ маленкій городокъ, населенный Москвитянами и Татарами, называемыми Мордвой, Morduvins, составляетъ границу последнихъ, хотя находится подъ властью царя.

27-го мы прошли между селами, расположенными по теченію двухъ рѣкъ. Одна изъ нихъ, съ правой стороны, называется рѣкой Мокшой, Morsua-Reka [91]; другая, съ лѣвой, называется Кльзьмой, Klesna [92]), беретъ начало у Владимира. Одинъ берегъ этой рѣки, простирающійся до Волги, т. е. далѣе 20 миль къ Юго-востоку, плодоносенъ и красивъ; другой же, идущій на Сѣверо-западъ, низмененъ, безплоденъ и необитаемъ [93]).

28-го мы оставили слѣва Избылецъ, Isbuiletz [94]) и Троицкъ, Troiska и бросили якорь въ Слободѣ, Slouvoda.

29-го причалили къ Дуденево, Duduvina [95]), гдѣ дурная погода принудила насъ остановиться на 3 или 4 дня.

2-го Іюня отправились въ Нофимки, Nofimki [96]), а 5-го были въ виду Нижняго Новгорода. Этотъ славный городъ расположенъ на возвышенномъ берегу рѣки Волги, подъ 56° 28′ широты. Его стѣны

---

[91]) Въ Нѣмецкомъ—Morsna-reka. 13.

[92]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Klesma. 13.

[93]) Полагаемъ впослѣдствіи разъяснить или предоставляемъ болѣе счастливому систематизатору матеріаловъ для Русской исторіи объяснить противорѣчіе между Французскимъ переводомъ и Нѣмецкимъ (въ передачѣ г. А. Попова). Во Французскомъ переводѣ это мѣсто читается (I, 428) такъ: „Moruma; cette petite ville quoy qu'habitée par les Moscovites et les Tartares appellez Morduvins, est frontière de ces derniers, est néanmoins sous la domination du Czar. Le vingt-septiéme nous passames entre des villages, le long desquels coulent deux rivieres; l'une à main droite, que l'on nomme Morsua-Reka; et l'autre à gauche, appellée Klesna, qui prend sa source du côté de Vvolodimer. L'un des bords de celle-ci, qui s'étend jusqu'à Volga, c'est à dire à plus de vingt lieuës vers le Sud-Est, est fertile et agréable; mais l'autre qui est au Nord-Oüest, est bas, stérile, et inhabité". А. Поповъ передаетъ (с. 13) это нѣсколько иначе, хотя мы, за неимѣніемъ подъ руками Нѣмецкаго перевода, не можемъ судить на сколько правъ Нѣмецкій переводчикъ, или ошибается г. А. Поповъ въ слѣдующихъ словахъ: „Муромъ—Мордовское имя, ибо городъ основанъ этимъ племенемъ, населенъ Москвитянами и Татарами. Теперь, со всею окрестною страною, онъ подвластенъ Его Величеству. 27-го прошли мимо Prevoi Palo и нѣсколькихъ селъ, близъ которыхъ впадаетъ въ Оку двѣ рѣки: Мокша (Morsnareka) съ правой стороны и Клязьма (Klesma) съ лѣвой, идущая отъ Владимира. Берегъ съ правой стороны горный, также, какъ и по Волгѣ, и покрытъ хорошими пажитями миль на 20; съ лѣвой—плоскій, мало населенный и покрытый кустарниками".

[94]) Возлѣ Мурома по Владимирской дорогѣ. См. Др. и Нов. Россія, 1876, III, 36—27. Въ нѣмецкомъ переводѣ—Usbuiletz. 13.

[95]) Находится и въ настоящее время на Окѣ, недалеко отъ Нижняго. А. Поповъ, с. 13, пишетъ, слѣдуя Нѣмецкому переводу—Dudwina.

А. Поповъ, слѣдуя Нѣмецкому переводу, пишетъ (с. 13), Nosimsky. Онъ же указываетъ и другой порядокъ, въ какомъ попадались эти села Стрюйсу: Usbuiletz, Troitska, Dudwina, Nosimsky.

каменныя, и великій царь заботится о томъ, чтобы постоянно содержать въ немъ сильный гарнизонъ. Посады, les dehors, плотнѣе населены, нежели кремль, le dedans. Татары и Русскіе живутъ въ немъ довольно мирно. Прежде жило здѣсь много кальвинистовъ [97]) и лютеранъ, совершавшихъ открыто свое богослуженіе, но теперь ихъ мало, такъ какъ большая часть удалилась въ другія мѣста.

Нигдѣ жизненные припасы не продаются такъ дешево, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ. За два су покупаешь хорошую рыбу, напримѣръ, окуней и щукъ и (столько), что четыре человѣка не въ состояніи съѣсть ихъ. Если кушанья приготовляются постными, то не по недостатку въ маслѣ, такъ какъ за 12 франковъ можно имѣть его цѣлый боченокъ, вѣсомъ въ сто Голландскихъ фунтовъ. Полотно здѣсь такъ дешево, что можно купить по 2 су за аршинъ прекраснаго. Такъ какъ здѣсь вьютъ очень хорошія веревки, то мы получили приказаніе запастись ими. Лейтенантъ [98]) Шакъ, Schak, и боцманъ-матъ должны были ожидать, пока онѣ будутъ готовы, а затѣмъ присоединиться къ намъ въ Астрахани, куда, получивъ жалованье за 6 мѣсяцевъ, отплыли остальные.

21-го мы спустились по рѣкѣ Волгѣ, которая беретъ начало въ Тверской области. Пройдя чрезъ нее съ Запада на Востокъ до самаго Казанскаго царства, она заворачиваетъ на Югъ и, пройдя черезъ царства Болгарское и Астраханское, раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ самый западный орошаетъ столицу Астраханскаго царства, образуя нѣсколько островов предъ впаденіемъ нѣсколькими рукавами въ Каспійское море. Малыя рѣки и ручьи, которые она принимаетъ въ себя, протекая съ Сѣвера, поднимаютъ уровень воды въ ней, или понижаютъ пропорціонально числу ихъ. Впрочемъ обыкновенно въ Іюнѣ вода замѣтно прибываетъ, а къ концу Іюля вдругъ понижается во многихъ мѣстахъ до весьма незначительной глубины. Въ мѣстѣ своего впаденія она вездѣ имѣетъ достаточно глубины, такъ что можно подплыть ко многимъ островамъ, которые она омываетъ. Ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе полумили. Въ двухъ мѣстахъ на ней есть водовороты, проѣзжать которые небезопасно. Въ ней ловится всякаго рода рыба, берега же покрыты многими селами и городами. Но плавать по ней можно не вездѣ и не во всякое время, такъ какъ Донскіе казаки

---

97) Вѣроятно, рѣчь идетъ о какихъ нибудь плѣнникахъ, взятыхъ въ войны Польскую и Шведскую.

98) Новгородскій воевода Ордынъ-Нащокинъ называетъ его въ своей отпискѣ къ царю „поручикомъ“.

Вообще въ этихъ и сообщаемыхъ ниже свѣдѣніяхъ, по словамъ г. А. Попова, обнаруживается замѣчательное согласіе показаній Стрюйса съ Русскими источниками. О постр., с. 13.

обыкновенно разъѣзжаютъ по ней въ мирное время и грабятъ попадающіяся имъ на встрѣчу суда [99]).

22-го мы проплыли мимо двухъ острововъ Тлевинскаго, Tlevinski [100]) и Субсинскаго, Subsinki [101]); а къ вечеру остановились, опасаясь не замѣтить въ темнотѣ мелей, попадающихся во многихъ мѣстахъ. Тамъ потеряли мы якорь, котораго не могли отцѣпить отъ корней дерева, скрытаго подъ водою.

---

99) Если только въ описаніи Волги, приводимомъ по Нѣмецкому переводу г. А. Поповымъ, не вкрались случайныя ошибки, то въ промежутокъ времени, отъ 1678 года (когда былъ изданъ Нѣмецкій переводъ) до 1682 года, много сдѣлано было для ближайшаго знакомства съ восточной Россіей; это же различіе подастъ поводъ судить о томъ, что въ XVII вѣкѣ Французы знали Волгу лучше, нежели Голландцы (переводъ Нѣмецкій былъ изданъ въ Амстердамѣ) или Нѣмцы. Г. А. Поповъ сообщаетъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ Стрюйсъ разсказываетъ о томъ, что Волга вытекаетъ у Новой земли, близъ Вюйгача, проходитъ мимо Ярославля и Твери. Предлагаемъ для сравненія съ нашимъ переводомъ съ Французскаго переводъ г. А. Попова съ Нѣмецкаго (О построеніи к. О, с. 14): „Въ Волгѣ вода повышается съ Мая и въ Іюнѣ, и быстро падаетъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, такъ что образуются острова и отмели, чрезъ которыя въ послѣдствіи смѣло могутъ проходить суда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волга имѣетъ до полумили широты (ширины) и два водоворота, весьма опасныхъ по быстрому паденію воды. Съ Нижняго до Казани она течетъ на Юговостокъ; отъ Казани до Астрахани болѣе къ Югу. По берегамъ находятся хорошія деревни и пажити и нѣсколько городовъ. Въ мирное время даже не всегда безопасенъ проѣздъ по Волгѣ отъ Донскихъ казаковъ, которые часто нападаютъ на проходящія по Волгѣ суда“. Съ опасностью утомить читателя, но желая облегчить трудъ будущимъ изслѣдователямъ, приведемъ Французскій текстъ (I,431—432): „Le vingt (unième nous descendimes le long de la rivière de Vvolga, qui prend sa source dans le pays de Tuver, et apres l'avoir traversé d'Occident en Orient, jusques au royaume de Cazan, elle tourne vers le midi, où ayant passé par les royaumes de Bulgar et d'Astracan, elle se partage en plusieurs bras, dont le plus occidental arrose la ville capitale de ce dernier royaume, formant plusieurs îles avant que de se décharger dans la Mer Caspienne, où il a diverses embouchures. Les petites rivières et les ruisseaux qu'elle reçoit dans son cours du côté du Nord, la fond enfler ou diminuer à proportion de la quantité qu'elle en reçoit. C'est néanmoins ordinairement au mois de Juin qu'elle croit sensiblement; et sur la fin du mois de Juillet, qu'elle baisse tout d'un coup, en sorte qu'elle a très - peu de profondeur en plusieurs endroits, Au lieu qu'avant sa chute, elle en a par tout suffisamment pour rendre libre le chemin de quantité d'îles qu'elle arrose. Elle est de largeur en quelques endroits plus d'une demie lieuë et en deux autres, des gouffres qu'on ne passe point sans danger. Elle nourrit de toute sorte de poisson, et sur ses bords on voit quantité de villes et de villages; mais il n'y fait pas sûr par tout, ni en tout temps, les Cosaques du Don ayant coutume de la croiser pendant la paix, et de piller tous les bâtimens qu'ils y rencontrent“. Какъ видитъ читатель, нѣтъ здѣсь словъ, стоящихъ въ Нѣмецкомъ переводѣ: „Это самая большая и длинная рѣка, какая только существуетъ въ мірѣ“. Не видѣнъ также Стрюйсъ, „удивленный величіемъ Волги“.

100) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Tlevinsky. 14.

101) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Sablinsky. А. Поповъ, с. 14.

23-го увидѣли Діоплой, Dioploy [102]) и Музу, Musa [103]), и поплыли бросить якорь въ Кременкахъ, Kremonski [104]).

24-го причалили къ селу Пармину, Parmino [105]), возлѣ котораго, запасшись очень дешевыми съѣстными припасами, проплыли еще (нѣсколько) островковъ; рощи и луга на нихъ пріятно развлекали насъ.

Васильгородъ, Vvasiligorod [106]), къ которому мы причалили 29-го, большое, весьма многолюдное мѣстечко, лежитъ подъ 55° и 51′. Волга орошаетъ его съ одной стороны, а рѣчка Сура—съ другой. За этимъ городомъ начинаютъ попадаться пограничные жители Татаріи. Эти народы составляютъ двѣ вѣтви и раздѣляются Волгою. Къ Югу отъ нея всюду тянутся горы, почти безплодныя и населенныя Нагорными Черемисами, Czeremissi Nagornoi. Къ Сѣверу страна ровная и болѣе пріятная. Пастбища здѣсь весьма хороши, а сѣна такъ много, что его достало бы для пропитанія скота съ другаго берега, жителей котораго называютъ Черемисами Луговыми. Эти народы суровы, грубы и неразвиты; привычки у нихъ скотскія. Мало сказать, что грамота имъ неизвѣстна, такъ какъ и говорить-то они едва умѣютъ; говорятъ они обыкновенно порусски, но понимаютъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ потатарски. Нѣтъ у нихъ ни жрецовъ, ни храмовъ, и не признаютъ никакихъ евангельскихъ истинъ. Нѣкоторые вѣрятъ въ невидимое существо, но ихъ понятіе о немъ такое слабое и грубое, что они не извлекаютъ никакихъ правилъ для жизни. Такъ какъ они слышали, что существуютъ цари, которые выше прочихъ людей, то и вѣрятъ, что это существо невидимо, имѣетъ дворъ, подобный царскому и что если оно нами управляетъ, то подобно царямъ. О будущей жизни они говорятъ, что если она существуетъ, то для людей, созданныхъ иначе, чѣмъ они, не будучи въ состояніи понять, что разрушающая смерть есть

102) Острова: Tlevinski, Subsinski и Dioploy трудно въ настоящее опредѣлить. Въ судоходномъ дорожникѣ на пространствѣ отъ Нижняго до села Кременокъ показаны три мели: Подновье, Телячій бродъ и Керженцы. (с. 158, 161 и 167).

103) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Masa. Г-нъ А. Поповъ видитъ эго названіе въ двухъ селахъ и двухъ рѣчкахъ, называемыхъ Мазами. стр. 15

104) Г-нъ А. Поповъ читаетъ здѣсь (с. 14) село Кременки, находящееся въ 115 верстахъ отъ Нижняго, въ Макарьевскомъ уѣздѣ.

105) Г. А. Поповъ предполагаетъ, что это удѣльное село Бармино, отстоящее отъ Кременокъ около 6 верстъ (с. 15). Но въ судох д., с. 144, встрѣчается городище Парамзино.

106) Замѣчательно различіе въ описаніи по сравненію съ Нѣмецкимъ переводомъ (у г. А. Попова, с. 15): „Василь-небольшой городъ или мѣстечко, безъ укрѣпленій и воротъ, состоящій изъ деревянныхъ домиковъ. Онъ лежитъ на правомъ берегу Волги; къ Югу отъ города въ нее впадаетъ рѣка Сура“. Это мѣсто на Французскій языкъ переведено такъ (433): „Vvasiligorod où nous abordâmes le 29 est uñ gros bourg fort peuplé et situé, au 55 degré et 51 minute. Il a la Vvolga d'un côté et une petite rivière nommée la Soura, de l'autre“.

переходъ къ чему-то болѣе лучшему, чѣмъ то, что̀ они испытали. Когда имъ говоришь, что существуютъ бѣсы и объясняешь ихъ свойства, то они возражаютъ, что это—люди, которыхъ они не знаютъ и не желаютъ знать, потому что они такъ злы; наконецъ, люди достаточно злы и причиняютъ другъ другу довольно зла и безъ вмѣшательства дьявола съ цѣлью мучить людей. Со всѣмъ этимъ они признаютъ невидимый народъ, но не называютъ его; вѣрятъ только, что этотъ послѣдній враждебенъ и всегда готовъ ихъ обижать, если бы они заботливо не предупреждали и не смягчали его дурное расположеніе принесеніемъ ему въ жертву скота. Съ этой цѣлью у нихъ посвящены дни, когда они начинаютъ торжество съ того, что привязываютъ къ столбу кожу, нарочно снятую съ коровы, барана, или лошади. Мясо этихъ животныхъ кладутъ на раскаленныя уголья; когда же оно изжарится, то его рѣжутъ на малые куски, а когда ими наполнятъ блюдо, то берутъ мясо въ одну руку, въ другую же—чашку меду, затѣмъ бросаютъ все это на кожу, шевеля губами и бормоча неизвѣстныя мнѣ слова до тѣхъ поръ, пока подымается паръ отъ мяса. Они питаютъ особенное благоговѣніе къ солнцу. Сіе послѣднее, также какъ огонь и воду, признаютъ чѣмъ-то выше всего остальнаго видимаго міра.

Одежда ихъ шьется изъ толстаго, очень грубаго холста. Мужская вся состоитъ изъ одного куска, выкроеннаго на подобіе нашихъ панталонъ. Новую одежду шьютъ только тогда, когда прежняя изорвется въ клочки. Женатые отличаются отъ холостыхъ тѣмъ, что брѣютъ голову, между тѣмъ какъ сіи послѣдніе оставляютъ на макушкѣ косму волосъ, которую иногда завязываютъ, иногда же небрежно распускаютъ по плечамъ. Женская одежда шьется также изъ холста, но выкраивается иначе и гораздо шире. Голову покрываютъ чепчикомъ, который спускается до самыхъ глазъ. Новобрачныя присоединяютъ къ этому украшенію только имъ присвоенное. Оно состоитъ изъ рога, длиною въ аршинъ, насаженнаго посреди лба; къ концу его прикрѣпляется шелковая кисть, а въ срединѣ сей послѣдней колокольчикъ, звонъ котораго долженъ напоминать новобрачной о недавней перемѣнѣ ея положенія. Можетъ быть, это дѣлается съ цѣлью напомнить мужу, что это украшеніе было бы къ лицу ему, такъ какъ у этихъ народовъ, также какъ у Сингалезовъ, населяющихъ островъ Цейлонъ, существуетъ обычай жениться только на дѣвушкѣ, своимъ отцемъ лишенной дѣвства. Они утверждаютъ, что надобно быть сумашедшимъ, чтобы не воспользоваться подобнымъ случаемъ, что каждый сажаетъ дерево съ намѣреніемъ сорвать съ него плодъ.

Поэтому-то, за десять или двѣнадцать дней до свадьбы своей дочери, Черемисъ веселится съ нею и часто даже въ одно и тоже

время женится на ней и на нѣсколькихъ другихъ, пользуясь всѣми безъ различія и не заботясь о томъ, единокровны ли онѣ съ нимъ, или нѣтъ. У нихъ нѣтъ ни обряда крещенія, ни обрѣзанія. Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія ребенка, они увѣдомляютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ о томъ, что избрали такой-то день для того, чтобы дать ему имя. Тѣ отправляются навѣстить его въ тотъ день; имя перваго вошедшаго даютъ ребенку.

Такъ какъ рожденіе и жизнь у нихъ не сопровождаются обрядами, то и умираютъ они также безъ соблюденія какихъ либо обрядовъ, не боясь будущей жизни, когда, по ихъ мнѣнію, не будетъ ни зла, ни добра, которыя, какъ говорятъ (имъ), ожидаютъ ихъ въ ней. Такимъ образомъ ихъ хоронятъ безъ сожалѣнія, не оплакивая и не безпокоясь объ ихъ участи. Если покойникъ былъ богатъ, то его родственники собираются и убиваютъ лучшую его лошадь, которую всѣ вмѣстѣ равнодушно съѣдаютъ, а для того, чтобы извѣстно было, что наслаждались его добромъ, вѣшаютъ на деревѣ его одежду и хвостъ лошади.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Дальнѣйшій путь до Казани.—Описаніе этого города и царства того же имени Это государство подпадаетъ подъ власть Русскихъ.—Послѣдніе разбиты и обращены въ бѣгство Татарами.—Они подступаютъ къ Москвѣ, которою овладѣваютъ и заставляютъ царя платить дань.—Его царское величество освобожденъ отъ этой дани Рязанскимъ воеводою.

Въ послѣдній день Іюня мы продолжали свой путь, но не плыли дальше, потому что сѣли на мель. Какъ мы ни старались сойти безъ потери, однако лишились двухъ якорей, а немного погодя подверглись той же непріятности и даже нѣсколько разъ сряду, такъ какъ рѣка была очень мелка, что̀ замедляло наше плаваніе [107]). Наконецъ, съ большимъ трудомъ мы достигли [108]) Козьмо-

107) Это мѣсто г. А. Поповъ, на основаніи Нѣмецкаго перевода, передаетъ (стр. 15) слѣдующимъ образомъ: „Іюня 30 корабль попалъ на мель, и едва успѣли его стащить, какъ онъ нашелъ на другую“; „много стоило работы, до кроваваго пота, говоритъ онъ, чтобы двинуть его далѣе“. По-французски это мѣсто читается иначе: „Le dernier jour de Juin nous continuâmes notre route, et n'allâmes pas loin sans échouer. Quoyque nous fissions pour nous relever sans rien perdre, il nous en coûta deux de nos ancres, et peu après nous retombâmes dans la même peine, et même plusieurs fois de suite, parce que l'eau étoit fort basse, ce qui retarda nôtre voyage.

108) Какъ видно изъ Французскаго перевода, корабль прибылъ въ Козьмодемьянскъ 30 Іюня, а не „на слѣдующій день“, какъ значится въ Нѣмецкомъ переводѣ по утвержденію г. А. Попова (с. 15)

демьянска, гдѣ запаслись съѣстными припасами, такъ какъ наши стали истощаться. За этимъ городомъ видно множество горъ совершенно покрытыхъ липой, tillaux, въ которой жители полагаютъ весь свой промыселъ. Покупаютъ у нихъ ея отдѣленную кору для выдѣлки коробовъ и саней; изъ остальнаго же выдѣлываютъ блюда, миски и прочую домашнюю утварь, что̀ не приноситъ имъ большаго дохода [109]).

1-го Іюля, проходя мимо островоъ Тюрига, Turig [110]) и Маслова, Maslof, мы потеряли еще одинъ якорь. Здѣсь было такъ мелко, что мы нѣсколько разъ становились на мель, а потому очень поздно приплыли къ Макрицу, Makrits.

2-го мы бросили якорь въ пристани Чебоксары, Sabacsar, гдѣ намъ надлежало предъявить свои паспорты. Воевода, найдя ихъ въ порядкѣ, приказалъ жителямъ проводить насъ до Астрахани.

Чебоксары конечно лучшій и сильнѣйшій изъ городовъ, лежащихъ на пути. Гарнизонъ въ немъ былъ тогда сильнѣе обыкновеннаго для того, чтобы обуздывать взбунтовавшихся казаковъ [111]). Здѣсь, снабдивъ себя тѣмъ, въ чемъ нуждались, мы 3-го отчалили отсюда и прошли мимо острова Козина, Kosin [112]), гдѣ опять едва не стали на мель, чего избѣгли, благодаря ловкости одного изъ данныхъ въ Чебоксарахъ лоцмановъ. Отсюда мы двинулись мимо села Сундырь, Sundir [113]) и бросили якорь у Кокшаги, Kokschaga [114]), гдѣ хотя и рано прибыли, оставались однакожъ до слѣдующаго дня, не рѣшаясь въ тотъ же день плыть дальше, такъ какъ недалеко лежала мель длиною болѣе десяти миль.

4-го прошли чрезъ нее съ помощью рукъ, но попали на мель около села Веловки, Vvelofka [115]). Снявшись съ нее съ большимъ трудомъ, мы очутились подъ вечеръ въ Свіяжскѣ, Suviatki [116]), ма-

---

109) Поповъ переводитъ это мѣсто такъ: „Ставъ на якорь въ Кузьмодемьянскѣ, корабль запасся съѣстными припасами. Этотъ городъ лежитъ на горномъ берегу, окруженный многими лѣсами. Жители приготовляютъ лыки, дѣлаютъ сани, корзины и другія издѣлія; это главное занятіе жителей“.

110) Въ Нѣмецкомъ переводѣ стоитъ Taring.

111) А. Поповъ приводитъ описаніе Чебоксаръ по Нѣмецкому переводу слѣдующимъ образомъ (с. 15): „Хорошо построенный городъ, сильно укрѣпленъ и снабженъ значительнымъ гарнизономъ, по случаю казацкихъ возмущеній“.

112) Въ настоящее время существуетъ въ 6 верстахъ отъ Чебоксаръ пристань Козинская. Суд. д. I, с. 132.

113) И нынѣ въ 28 верстахъ отъ Чебоксаръ находится это село.

114) Ниже впаденія рѣки Кокшаги, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, на луговой сторонѣ Волги, находился городъ Кокшага, теперь уже не существующій. А. Поповъ, о постр. корабля Орла, с. 16.

115) Быть можетъ Бѣловолгская слободка, и нынѣ существующая, верстахъ въ 44, на нагорной сторонѣ Волги.

116) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Swiatkhy.

денькомъ городкѣ, котораго стѣны построены только изъ дерева; всѣ строенія его такія же, исключая кремля, церквей и нѣкоторыхъ монастырей, построенныхъ изъ камня.

5-го дулъ намъ такой попутный вѣтеръ, что мы рано вошли въ рѣку Казанку, по которой названы: городъ Казанью, а царство Казанскимъ. Лишь только подплыли сюда, то немедленно бросили якорь, а маленькія барки, слѣдовавшія за нами и желавшія войти вмѣстѣ съ нами, надвинуло теченіемъ на нашъ корабль такъ сильно, что нѣкоторыя изъ нихъ опрокинулись, и нѣсколько человѣкъ утонуло [117])

Почва на этомъ пространствѣ и даже на всемъ протяженіи Волги чрезвычайно плодородна, потому что эта рѣка обладаетъ свойствами Нила. Ежегодно, въ извѣстное время, она разливается и чудесно утучняетъ всѣ орошаемыя ею мѣста. На протяженіи болѣе ста миль, по ея теченію, только и видишь орѣхъ, вишню, смородину и тому подобныя деревья и кустарники, которые растутъ смѣшанно и въ изобиліи. Край этотъ нѣкогда принадлежалъ Татарамъ, а въ настоящее время покоренный силою оружія подчиняется Русскимъ, почему языкъ послѣднихъ распространенъ здѣсь болѣе другихъ. Жители въ немъ человѣчнѣе и не имѣютъ склонности обращать людей въ рабство, какъ поступаютъ Нагорные и Луговые Черемисы, Ногайцы, Калмыки и Дагестанцы. Они, повторяю, не такого нрава. Пришло въ голову мнѣ и двумъ другимъ изъ нашего экипажа сходить изъ любознательности въ глубь страны, и я нечувствительно удалялся даже мили за три отъ своего корабля и, вмѣсто обиды, всѣ мы встрѣчали людей, которые ласково предлагали намъ то, что̀ у нихъ было.

6-го отправились взглянуть на городъ Казань, гдѣ и погуляли, откланявшись предварительно воеводѣ [118]) и сообщивъ ему о томъ, кто мы таковы. Два дня спустя онъ и митрополитъ, archevêque, прибыли на корабль. На сей послѣдній всѣ съ удивленіемъ смотрѣли,

---

117) Въ большое недоумѣніе приводитъ это мѣсто, при сравненіи съ переводомъ г. А. Попова: „Іюля 5-го снялись съ якоря и при сильномъ вѣтрѣ вошли на парусахъ въ рѣку Казанку, по имени которой называется городъ и царство Казанское. Здѣсь, по срединѣ рѣки остановились на якорѣ... отправивъ шестивесельную шлюбку въ городъ извѣстить воеводу о прибытіи корабля и яхты и просить его осмотрѣть ихъ". На Французскій языкъ это мѣсто переведено такъ: „Le cinquième, nous eûmes le vent si favorable, que nous entrâmes de bonne heure dans la rivière de Casanca, qui donne son nom à la ville et au royaume de Casan. Nous mouillâmes dès que nous y fûmes, et de petites barques qui nous suivoient y voulant entrer avec nous, furent poussées par les courans contre nôtre vaisseau avec tant d'impetuosité, qu'il y en ent quelques-unes de renversées et quelques personnes noyées". (Voyages etc., t. I, pag. 443—444).

118) Князь Юрій Петровичъ Трубецкой.

никогда, какъ говорили, не видѣвъ подобнаго корабля. Городскіе и окрестные жители также сбѣжались на него толпою и не менѣе удивлялись этой новинкѣ. Этотъ городъ, столица Казанскаго царства, расположенъ на холмѣ, на лѣвомъ берегу рѣки; со всѣхъ же сторонъ окруженъ весьма пустынными равнинами. Стѣны (посада) деревянныя, а кремлевскія, château, сложены изъ хорошаго камня и достаточно толсты. Кремль всегда былъ укрѣпленъ всѣми способами; дѣлаетъ его особенно неприступнымъ рѣка Казанка, обходящая совершенно вокругъ него. Что̀ касается посада, то торговля въ немъ довольно развита. Ей способствуютъ болѣе всего Татары, Черемисы, доставляющіе сюда все, что̀ есть у нихъ, даже собственныхъ дѣтей обоего пола, которыхъ уступаютъ за какіе-нибудь 20 ефимковъ всякому желающему купить ихъ. Въ Казани живутъ Русскіе и Татары, повинующіеся воеводѣ, gouverneur, назначаемому царемъ для завѣдыванія всѣми гражданскими дѣлами; надъ войскомъ же начальствуетъ воевода, vaivode, посылаемый самимъ царемъ. Въ виду безопасности кремля, Татары выселены изъ него, и входить туда запрещено имъ подъ страхомъ смертной казни.

Казанское царство, которымъ управлялъ прежде Татарскій царь, простирается къ Сѣверу до лѣваго берега рѣки до области Сибирской, а на Востокѣ до Ногайскихъ Татаръ. До перемѣны царя оно было такъ населено, что въ состояніи было выставить 60,000 войска. Продолжительныя войны ослабили Казанцевъ и поставили ихъ въ невозможность сопротивляться Василію Іоанновичу, давшему имъ нѣсколько сраженій и подчинившему ихъ своей власти, которой они не въ силахъ были сопротивляться. Первымъ правителемъ, котораго поставили, былъ Татаринъ [119]), за что порицали его политику. Но такъ какъ царь зналъ его усердіе, то и не переставалъ оказывать ему предпочтеніе многимъ соискателямъ, хотя бы даже и своимъ природнымъ подданнымъ. Сначала Татары, видя себя подъ властью своего соотчича, находили иго менѣе тяжелымъ и питали даже надежду, что будутъ въ состояніи скоро избавиться отъ него. Между тѣмъ нѣсколько времени спустя, Казанцы испытали совершенно противное тому, о чемъ мечтали. Правитель досаждалъ имъ при всякомъ случаѣ и не соблюдалъ никакой мѣры въ предпочтеніи Москвитянъ. Татары, доведенные до крайности его поведеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ ихъ соотечественникомъ, рѣшили его погубить, а чтобы вѣрнѣе достигнуть этого, они пригласили на помощь Черемисовъ. Собрали многочисленное войско и привели его прямо подъ Казань. Здѣсь разбили Москвитянъ, свергли правителя и возстанови-

119) Войско Іоанна Васильевича III осадило, въ 1487 году, Алегама въ Казани, и принудило сдаться; на его мѣсто былъ посаженъ братъ его Магметъ-Аминь, какъ подручникъ великаго князя Московскаго.

ли прежніе порядки. Съ этого времени, они, гордые своимъ успѣхомъ, на который и не разсчитывали, вторглись въ Московское государство, гдѣ все предали мечу. Такимъ образомъ, все покоряя оружіемъ, они пошли прямо къ столицѣ, куда надѣялись ворваться безпрепятственно, между тѣмъ какъ царь противоставилъ имъ сильное войско. Такъ какъ побѣда была на ихъ сторонѣ, то они не побоялись Москвитянъ, продолжали нашествіе и овладѣли Москвою. Поступивъ съ ней такъ, какъ привыкли дѣлать дерзкіе побѣдители, они напали на кремль, но встрѣтили здѣсь сопротивленіе: въ теченіи нѣсколькихъ дней осажденные защищались храбро. Татары, раздраженные сопротивленіемъ столь малаго числа людей, до того стѣснили ихъ, что принудили сдаться. Побѣжденные просили снисходительныхъ и почетныхъ условій, но побѣдители на нихъ не согласились и заявили, что не дадутъ пощады, если царь не обяжется платить имъ ежегодную дань. Удалившись со времени послѣдняго пораженія въ Новгородъ, царь сильно негодовалъ, на то, что доведенъ былъ до такой жестокой крайности. Но такъ какъ его доходы были истощены, а войска утомлены, слабы и напуганы, то онъ необходимости придалъ видъ добродѣтели и подвергся на судъ побѣдителя. Одинъ изъ двухъ Татарскихъ предводителей, бывшихъ братьями, старшій Менгли-Гирей, Mendliquerits [120]), прежде чѣмъ оставить Москву, воздвигъ статую, предъ которой царь долженъ былъ бы падать ницъ каждый разъ, когда ханъ будетъ присылать за данью. Затѣмъ оба удалились, Саибъ-Гирей, Sapguéri, въ Казань, которая должна была сдѣлаться его резиденціей, а Менгли - Гирей съ своимъ войскомъ отправился осаждать Рязань [121]). Воевода, покинувъ посадъ, заперся въ кремлѣ, château, гдѣ и былъ осажденъ. Потребовали отъ него сдачи. Побѣдитель присовокупилъ, что упорство въ защитѣ будетъ со стороны воеводы дерзостью, такъ какъ его повелитель покорился ему по договору, подписанному рукой и скрѣпленному государственною печатью. Воевода возразилъ, что ничему не вѣритъ, а послалъ въ Москву узнать, правду ли ханъ говоритъ, и что поступитъ согласно съ полученнымъ отвѣтомъ. Чтобы прекра-

---

120) Менгли - Гирей правилъ Крымомъ въ качествѣ хана съ 1467 по 1515 годъ и былъ вѣрнымъ союзникомъ Іоанна III въ борьбѣ послѣдняго съ Золотой Ордой.

121) Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія рѣчь идетъ о Махметъ-Гиреѣ. Свергнувъ съ престола подручника Московскаго въ Казани Шигъ - Алея, онъ въ союзѣ съ Казанцами посадилъ своего брата Саибъ-Гирея. Затѣмъ, соединившись съ Казанцами, Ногаями и Днѣпровскими казаками, онъ опрокинулъ сторожевыхъ воеводъ, подошелъ, въ 1521 году, къ самой Москвѣ, отъ которой отступилъ, взявъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отъ Московскихъ воеводъ грамоту, въ которой именемъ великаго князя, удалившагося въ Волоколамскъ, они обязались платить ежегодную дань. Воевода Хабаровъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ хитростью удержалъ ее.

тить проволочку, затруднявшую хана, сей послѣдній послалъ невѣрящему подлинникъ договора, подписаннаго рукой царя. Послѣдствіе было не такое, какого онъ ожидалъ. Вмѣсто повиновенія, воевода послалъ сказать ему, что готовъ умереть за своего государя, и ничто не можетъ поколебать его рѣшенія. Менгли-Гирей, изумленный этимъ отвѣтомъ, побуждалъ своихъ воиновъ смирить человѣка, дерзнувшаго сопротивляться его завоеванію; но въ нихъ оказался упадокъ духа, mollesse. Либо устали они слѣдовать за нимъ, либо соблазнилъ ихъ отдыхъ, который они предвкушали,—только приступъ ихъ былъ нерадивъ и явно показывалъ, что въ нихъ нѣтъ того жара, которымъ до сихъ поръ они одушевлялись. Удивленный такою перемѣною, Менгли-Гирей рѣшилъ снять осаду. А чтобы сдѣлать это наименѣе постыднымъ образомъ, онъ велѣлъ сказать воеводѣ, что обѣщаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ, если сей послѣдній образумится и возвратитъ заключенный между нимъ и царемъ договоръ также довѣрчиво, какъ онъ послалъ его. Тотъ отвѣчалъ, что договоръ попалъ въ болѣе вѣрныя руки, и вырвать его можно, только умертвивъ того, кто имъ владѣетъ, а желаніе его состоитъ въ томъ, чтобы тѣ, которые владѣли имъ, были свидѣтелями его радости при видѣ почерка и печати своего царя, за котораго онъ радъ пролить послѣднюю каплю крови и благословляетъ случай, доставившій эту возможность. Твердость воеводы утвердила хана въ намѣреніи снять осаду, что̀ онъ исполнилъ на другой же день и возвратился на родину, покрытый стыдомъ и безчестіемъ, вмѣсто ожидаемыхъ трофеевъ.

Когда въ Москвѣ узнали объ уходѣ Татаръ и увидѣли въ ней роковой договоръ, то всѣ обрадовались и хвалили воеводу. Одни говорили, что онъ достоинъ высшей должности въ государствѣ; другіе называли освободителемъ; а нѣкоторые, что слѣдовало разрушить статую Менгли-Гирея и на ея мѣстѣ воздвигнуть его. При такомъ сильномъ рвеніи разбили въ куски статую [122]) хана, Tartare. Остальнаго не исполнили, такъ какъ необходимость побуждала думать о болѣе важныхъ предметахъ. Царь, пользуясь пыломъ и рвеніемъ своихъ подданныхъ, поспѣшно собралъ войска и направилъ ихъ къ Казани. Саибъ-Гирей, пораженный тѣмъ, что непріятель такъ быстро оправился отъ пораженія, не растерялся и не медлилъ защищаться, хотя и зналъ, что братъ не въ состояніи помочь ему. Непріятель, съ своей стороны, усилилъ осаду, но все было тщетно. Ханъ держался. Онъ истощилъ терпѣніе Русскихъ, которые, ничего не сдѣлавъ, принуждены были удалиться. Вскорѣ царь умеръ.

---

122) Рѣчь идетъ о басмѣ, которая представляла изображеніе Золото-Ордынскихъ хановъ, а не Крымскихъ.

Сынъ его Іоаннъ Васильевичъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ и снова осадилъ Казань. Простоявъ болѣе двухъ мѣсяцевъ подъ городомъ, не причинивъ ему вреда и опасаясь, чтобы Менгли - Гирей не пришелъ на помощь къ брату, онъ предложилъ осажденнымъ выгодныя условія, которыя они не удостоили даже вниманіемъ. Этотъ отказъ заставилъ его подвести подкопы подъ валъ. Совершивъ послѣднее успѣшно, противъ ожиданія осажденныхъ, которые ничего подобнаго не ждали, онъ овладѣлъ городомъ, въ которомъ воспользовался правами побѣдителя.

Возвратимся къ тому, на чемъ остановились. Воевода и архіепископъ, послѣ угощенія на нашемъ кораблѣ, возвратились очень довольными. Во время нашего пребыванія народъ устраивалъ празднества и выражалъ большую радость при видѣ насъ. 10-го (числа) нагружали свинецъ для Астрахани. Слѣдующіе дни я провелъ въ городѣ. Здѣсь заказалъ я три или четыре тысячи сухарей весьма дешево, такъ какъ хлѣбъ нигдѣ не былъ такъ дешевъ, какъ здѣсь. Предосторожность полезная во время путешествія. Она оказалась очень кстати, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Отъѣздъ изъ Казани.—О способѣ Москвитянъ удить рыбу.—Городъ, разрушенный Тамерланомъ.—Судно, выброшенное на мель.—Скучное плаваніе.—Городъ, выстроенный противъ воровъ.—Развалины послѣ опустошенія, произведеннаго Тамерланомъ.—Большое количество локрицы въ окрестностяхъ Астрахани.—Начало страны Калмыковъ.

(Іюль 1669 г.)

17-го (Іюля), нѣсколько часовъ спустя послѣ отъѣзда изъ Казани, мы стали на мель и едва сошли съ нея, какъ насъ выбросило на другую, отъ которой къ счастью благополучно отдѣлались [123]).

18-го прибыли къ острову Старицѣ, Staritzo [124]), гдѣ нашли множество камней, по формѣ и цвѣту похожихъ на апельсины и лимоны

---

[123]) На пространствѣ 50 верстъ отъ Казани внизъ и до сихъ поръ находятся двѣ мели: Красновидовская и Теньковская; но вообще мели на Волгѣ перемѣняются весьма часто. А. Поповъ, о построеніи к. О., с. 16.

[124]) Такого острова на Волгѣ, на протяженіи отъ Казани до впаденія Камы, не упоминается въ судоходномъ дорожникѣ; но слѣдуетъ замѣтить, что подъ названіемъ Старицы и теперь извѣстны на Волгѣ различные рукава, образуемые рѣкою, и послѣ разлива часто перемѣняющіеся. Подобный рукавъ существуетъ и въ настоящее время близь села Нижняго Услона, Свіяжскаго уѣзда, извѣстный подъ названіемъ Оферьевскаго Затона. А. Поповъ, с. 17.

и имѣвшихъ твердость и вѣсъ желѣза. Нѣсколько изъ нихъ мы разбили и нашли внутри звѣздочки разныхъ цвѣтовъ: золотыя, серебряныя, желтыя и коричневыя. Этотъ островъ лежитъ подъ 54° 40′ широты и имѣетъ около 3 миль въ длину.

19-го пристали къ Потенску, Potenski [125]), гдѣ дурная погода принудила насъ пробыть цѣлыхъ два дня.

22-го перешли маленькую рѣку Буитму [126]), Buytma [127]) составляющую одинъ изъ рукавовъ рѣки Ламы или Камы, протекающей на разстояніи десяти или двѣнадцати миль отъ Казани, гдѣ она, принявъ въ себя Вятку, впадаетъ въ Волгу между Казанью и Болгаріей. Тамъ встрѣтили мы рыболововъ, наловившихъ множество форели Они сказали намъ, что это единственная рыба, которая ловится въ этомъ мѣстѣ, но за то въ большомъ изобиліи. Дѣйствительно, мы видѣли, какъ въ четверть часа они наловили двѣ полныя корзины, и купили ее очень дешево. У нихъ способъ ловить рыбу оченъ простъ и такъ удобенъ, что трудъ ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы вытаскивать форель, которая постоянно наклевывается на удочку. Двадцать или тридцать такихъ удочекъ привязываютъ они къ столькимъ же кускамъ шпагата, длиною въ сажень, а шпагатъ связываютъ съ веревкою, толщиною въ мизинный палецъ и прикрѣпляютъ къ утесу. На крючекъ удочки накалываютъ мелкую любимую форелью рыбу, чѣмъ и облегчаютъ ловлю.

23-го прошли вдоль развалинъ древняго города, называемаго Симбирскомъ, Simberska Gora [128]). Расположеніе этого мѣста довольно удобно, воздухъ пріятенъ, а видъ очень хорошій. Этотъ городъ былъ разрушенъ великимъ Тамерланомъ, который хотѣлъ заставить Москвитянъ заплатить ему дань во 100,000 червонцевъ, послѣ того какъ они заплатили уже 300,000 червонцевъ военныхъ издержекъ. Между тѣмъ Москвитяне не предприняли этой войны по праву чести, de bienséance, и безъ всякой обиды со стороны своихъ сосѣдей, живущихъ по сю сторону отъ Казани и Астрахани, которые, вѣроятно, просили покровительства у этого повелителя (Монголовъ).—Здѣсь поднялся такой сильный вѣтеръ, что мы не рѣшались сняться съ якоря въ теченіи слѣдующихъ трехъ дней, въ продолженіе которыхъ гуляли

---

125) Вѣроятно, означаетъ существующую и нынѣ деревню Теньки. А. Поповъ, с. 17.

126) Очевидно рѣчь идетъ о Камѣ, впадающей въ Волгу въ 79 верстахъ отъ Казани и называемой до сихъ поръ на языкѣ Вотяковъ „Буджинъ-Камъ“, т. е. великая рѣка. А. Поповъ, с. 17.

127) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Baytma.

128) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Simbirska Gora. А. Поповъ, с. 17. Впрочемъ въ такой же формѣ записалъ и Олеарій (307). Ср. Г. В. Ключевскаго, Сказанія иностранцевъ о М. г., с. 175.

по окрестностямъ. На горѣ Арбукимъ, Arbuchim [129]), гдѣ нѣкогда стоялъ городъ того же имени, мы нашли большой камень, который не представлялъ ничего замѣчательнаго, кромѣ поистертой надписи. Одинъ любопытный Москвитянинъ нашелъ возможность разобрать ее. Вотъ ея содержаніе: «Кто бы ни былъ ты, имѣющій счастье найти меня, знай, что твое богатство обезпечено, если у тебя станетъ силъ поколебать меня». Нѣкоторые изъ нашихъ людей сочли это возможнымъ и, имѣя свободное время, съ опасностью быть раздавленными, употребили нѣсколько минутъ и опрокинули его на другую сторону. Въ вознагражденіе за свое усиліе, вмѣсто клада, котораго искали, они прочли слѣдующія слова: «Не въ первый разъ потрудился ты напрасно». Всюду, гдѣ мы ходили, земля казалась плодородною, но въ тоже время пустынною, такъ какъ лишилась населенія послѣ того, какъ полчища Тамерлана уничтожили все мечемъ и огнемъ въ отмщеніе за дерзость Москвитянъ, ограбившихъ и сжегшихъ одинъ изъ его пограничныхъ городовъ.

27-го миновали рѣку Адробъ, d'Adrobe, и въ разстояніи брошеннаго камня, очень небольшой городъ того же имени [130]). Неподалеку отъ этого города насъ выбросило на опасную мель, съ которой не могли сойти. Мы стали уже побаиваться, чтобъ судно наше здѣсь не осталось, какъ вдругъ сильный порывъ вѣтра, предшествующій грозѣ, сдвинулъ его съ мели и избавилъ насъ отъ опасности.

29-го прошли около горы, откуда добываютъ соль. Подъ вліяніемъ солнца она образуется во впадинахъ этой горы, откуда Москвитяне добываютъ ее массами и вывариваютъ въ котлахъ, гдѣ она вполнѣ кристаллизуется; затѣмъ перевозятъ ее въ Московію, и сбываютъ здѣсь въ большомъ количествѣ.

30-го вѣтеръ былъ весьма слабъ, и мы подвигались очень медленно, при чемъ къ несчастью стали на мель и чуть на ней не остались. Снимаясь, потеряли якорь и толстый канатъ, длиною болѣе 4 саженъ.

31-го дулъ вѣтеръ, хотя попутный, но до того сильный, что мы не рѣшались плыть. Такъ какъ путь этотъ усѣянъ подводными камнями, то ежеминутно находишься въ опасности разбиться, или стать на мель. Слабый и сильный вѣтеръ одинаково вредны: при слабомъ медленно подвигаешься, при сильномъ приходится стоять на якорѣ, пока онъ нестанетъ попутнымъ, что̀ дѣлаетъ плаваніе скучнымъ. По этой-то причинѣ (испытывая) большія неудобства, мы простояли здѣсь четыре дня.

---

[129]) Олеарій разсказываетъ (292—307), что на горѣ Arbeuchem лежалъ городъ Царевъ (Сарай), разрушенный Тамерланомъ. Ср. г. В. Ключевскаго, Сказанія иностр., с. 175—6.

[130]) Вѣроятно Сингилей.

5-го мы отправились въ путь, но вѣтеръ дулъ такъ сильно, что мы рано бросили якорь и простояли здѣсь два дня. Къ счастію это случилось на мѣстѣ, гдѣ мы съ удовольствіемъ поудили, а также ѣли рыбу весьма дешево.

7-го подошли къ острову Кистовату, Kistouvato [131]), гдѣ рѣка очень узка. Маленькая рѣчка Уса, Ussa [132]) протекаетъ черезъ этотъ островъ. Обогнувъ Самару, она протекаетъ по этому острову и затѣмъ впадаетъ въ Волгу. По обоимъ берегамъ этой маленькой рѣки мѣстность чрезвычайно хороша; но, по разсказамъ Москвитянъ, она недоступна для путешественниковъ, потому что, по увѣренію ихъ, казаки толпами скрываются въ лѣсахъ, не давая никому никакой пощады. Эта страна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ровная, но по большей части покрыта горами, изъ которыхъ одна, называемая Саріолъ-Курганомъ, Sariol-Kurgan, если вѣрить преданіямъ Москвитянъ, образовалась очень страннымъ образомъ. Это мѣсто представляло когда-то обширную равнину, куда явился одинъ Татарскій повелитель съ 70 князьями и безчисленнымъ войскомъ, для того чтобы овладѣть Московіей; онъ былъ разбитъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ своими соучастниками; изъ ихъ костей, говорятъ, и образовалась эта гора. На нѣкоторыхъ горахъ ростетъ лѣсъ, но большая часть изъ нихъ представляетъ только скалы, бѣлыя, желтыя, а нѣкоторыя темнаго цвѣта.

8-го прибыли въ Самару [133]), названную такъ по имени рѣки, протекающей подъ городомъ. Этотъ послѣдній расположенъ на лѣвомъ берегу Волги; видъ его четыреугольный; всѣ зданія, кромѣ церквей и нѣсколькихъ монастырей, выстроенныхъ изъ твердаго камня, деревянныя.

9-го прошли возлѣ горы казаковъ, которыхъ Москвитяне на этомъ мѣстѣ, въ сраженіи, изрубили на куски съ цѣлью обуздать ихъ нахальство и прекратить опустошенія, производимыя ими въ государствѣ. Эта гора обширна и пустынна; а всѣ горы, лежащія по другую сторону Самары, покрыты лѣсомъ. Къ вечеру миновали небольшой островъ Банцину, Bantzina [134]), а на слѣдующій день Согнинскъ, Saugueninsko [135]).

11-го увидѣли островъ Загру [136]), гдѣ очень дешево купили отличной рыбы. Продавшіе ее рыбаки сообщили намъ, что 1,000 каза-

---

131) Въ описаніи плаванія у А. Попова пропущенъ. Ср. с. 17.

132) Она впадаетъ на 1,452 верстѣ отъ Астрахани. Суд. дорожникъ, ч. I л.

133) Въ описаніи плаванія корабля Орла, составленнаго по Нѣмецкому переводу А. Поповымъ, она пропущена. С. 17.

134) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Pantsimer, А. Поповъ, с. 17.

135) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Segoninsko. Ibid.

135) Помнѣнію г. А. Попова, можетъ быть—Сызрань. Ib.

ковъ, жившихъ по Донцу, находились на островѣ Четырехъ-Бугровъ, Satiri-boggere [137]), лежащемъ въ устьѣ Волги, гдѣ сія послѣдняя впадаетъ въ Каспійское море. Здѣсь они поджидали проѣзжихъ, на которыхъ нападали, грабили и поступали безчеловѣчно.

12-го миновали Осино, Ossino [138]), Шипнамаго, Schipnamago, Колтовъ [139]), Koltof [140]) и другіе острова, покрытые терномъ, колючими кустарниками, des brossailles, de hayes et de buissons.

13-го увидили Зміеву [141]) Smiouva [142]) гору, т. е. гору змѣй. Вся она изрѣзана извилинами. Я полагаю, что по этой причинѣ она и была такъ названа; но нѣкій Москвитянинъ старался увѣрить меня въ противномъ. Онъ сказалъ мнѣ, что названіе это произошло отъ множества чудовищныхъ нѣкогда водившихся на ней змѣй, которыхъ истребилъ нѣкій Русскій богатырь [143]). Онъ же замѣтилъ при этомъ, что почва такъ располагала ихъ размноженію, что тамъ почти нельзя было найти камня, который бы не походилъ на нихъ. «Таково, замѣтилъ онъ, мое мнѣніе, а не одного изъ нашихъ древнихъ историковъ, который говоритъ, будто истребленныя чудовища превратились въ камни для того, чтобы прославить память своего истребителя»

14-го бросили якорь въ Саратовѣ. Это небольшой городъ, расположенный въ равнинѣ, орошаемой однимъ изъ рукавовъ рѣки Волги. Сосѣдство казаковъ, Татаръ, именно Калмыковъ заставляетъ содержать въ немъ сильный гарнизонъ. Въ этомъ мѣстѣ начинаютъ встрѣчаться Калмыки, которые, на мой взглядъ, безобразнѣе и страшнѣе всѣхъ людей. Почти у всѣхъ лицо въ квадратный футъ, носъ пропорціонально лицу широкій, но такъ мало выдается и выдѣляется среди щекъ, что въ десяти шагахъ можно побожиться, что у нихъ нѣтъ его вовсе. Ротъ и глаза чрезвычайно велики, а всѣ черты необыкновенно безобразны. Волосы у нихъ выбриты, кромѣ одной космы, которая развѣвается на головѣ. Что касается

---

137) Н. И. Костомаровъ, Исторія возмущ. Н. М. и Из., т. II, с.

138) Пропущено это имя въ Нѣмецкомъ переводѣ, судя по описанію плаванія Орла, г. А. Поповъ, названіе острова Sasnow С. 17.

139) На 1105 верстѣ отъ Астрахани впадаетъ рѣчка Колотовка, длиною 3 версты. Суд. дорожникъ, ч. I., с. 84.

140) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Koltf.

141) Горы, начинающіяся отъ Вольска и простирающіяся по берегу на 35 верстъ къ Саратову, и нынѣ называются Зміевыми.

142) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Smiowa. А. Поповъ, с. 17.

143) Олеарію (361) также говорили, что выше Саратова есть гора Зміева, гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; не богатырь, а драконъ превратился въ камень. Вообще пустынные берега широкой Волги представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Ср. Н. И. Костомарова, Очеркъ д. жизни и нравовъ в. народа, с. 184.

ихъ одежды, то она такова, какъ на картинкѣ, гдѣ изображенъ Татаринъ изъ страны Черкесовъ, Circassie, что̀ увидимъ на своемъ мѣстѣ. Они почти всегда верхомъ, а другаго оружія, кромѣ лука съ стрѣлами, не употребляютъ. Калмыки съ Ногайцами почти всегда ведутъ войну и занимаются почти тѣмъ, что крадутъ другъ у друга не только скотъ, но и людей, которыхъ еженедѣльно отправляютъ продавать на рынкахъ въ Астрахани. Хотя оба эти племени подчинены Московскому царю, но исповѣдуютъ Исламъ и не могутъ собираться съ Русскими въ одномъ и томъ же мѣстѣ для отправленія своего богослуженія. У нихъ нѣтъ постояннаго мѣстопребыванія, а постоявъ (какъ бы) лагеремъ на одномъ мѣстѣ, они отправляются на другое, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока удобства мѣста дозволяютъ имъ это. У нихъ водятся лошади, верблюды, дромадеры, волы, коровы и прочій скотъ, но они предпочитаютъ лошадиное мясо (всякому другому). Все приготовленіе последняго состоитъ въ томъ, что кладутъ его подъ сѣдло. Здѣсь, смягчивъ его посредствомъ теплоты лошади, снимаютъ и ѣдятъ, какъ лучшее кушанье.

15-го прошли межъ двухъ острововъ: Кріусны, Kriusna, и Сапуновки [144]) Sapounofca, [145]), близь золотой горы, которую мѣстные жители называютъ Золотогоры [146]), Salottogori [147]). Татары назвали ее такъ съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтили здѣсь караванъ, богатства котораго были такъ велики, что получившій самую малую часть добычи принесъ оттуда полную шапку золота.

16-го оставили мы съ лѣвой стороны рѣку Ерусланъ [148]), Ruslan [149]), а на правой гору Ураковскую [150]), Uracofscarul [151]), названную по имени царевича, prince, Урака, Urac. Рѣка эта впадаетъ въ Донъ или Танаисъ, вытекающій изъ большаго озера Иванова, въ Епифановскомъ лѣсу, близъ Рязани, и течетъ весьма извилисто съ Востока на Западъ, потомъ поворачиваетъ отъ мѣста своего источника, течетъ все извилинами и впадаетъ въ Азовское море или море Сивашъ [152]), mer de Zabache. Здѣсь-то и получили начало казаки, среди

---

144) Село Сосновка? Оно лежитъ на 842 в. отъ Астрахани. Судоход. дорожникъ, 1854, с. 57.

145) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Sapoanofka. Г. А. Поповъ, О п. к. О., с. 18.

146) Село Золотое въ 774 в. отъ Астрахани. Тамъ-же.

147) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Solottogori.

148) Стрюйсъ смѣшалъ двѣ рѣки Камышину и Ерусланъ, недалеко впрочемъ текущія одна отъ другой. А. Поповъ, с. 18.

149) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Ruslanes

150) Въ 686 верстахъ отъ Астрахани (сѣвернѣе Камышина) впадаетъ въ Волгу Ураковка.

151) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Urakofs Karal.

152) Извѣстный заливъ Азовскаго моря, который и Татарами называется Сивашъ, т. е Гнилое море.

которыхъ родился Стенька Разинъ, прославившійся своими жестокостями.

При устьѣ рѣки Еруслана видѣлъ городъ Камышинъ [153]). Москвитяне построили его въ 1668 году [154]) для того, чтобы пресѣчь путь казакамъ, которые, проходя по Еруслану (т. е. Камышинкѣ) для того чтобы попасть на Волгу, грабили все, что̀ поподалось тамъ. Но, не смотря на эту предосторожность, хотя они не входятъ въ эту рѣку такъ легко, какъ прежде, все-таки продолжаютъ плавать, переправляя лодки на четырехколесныхъ повозкахъ чрезъ пространство отъ шести до семи миль. Въ концѣ этого разстоянія находятъ возможность объѣзжать вокругъ острововъ, лежащихъ вдоль Волги.

17-го дурная погода принудила насъ простоять на якорѣ до слѣдующаго дня. Въ этотъ день мы отправились въ Царицынъ, Czaritza, или Царицу, Impératrice, который расположенъ на правой сторонѣ одного холма. Этотъ городъ не великъ, но хорошо укрѣпленъ; обнесенъ крѣпкими стѣнами съ башнями и бастіонами; въ немъ сдѣлано все, чтобы мѣшать нападенію Татаръ и казаковъ.

19-го прошли возлѣ развалинъ города Царева, Czarefgorod [155]) или царскаго города, разрушеннаго Тамерланомъ во время войны, о которой говорено выше. Онъ былъ выстроенъ изъ твердаго камня, остатки котораго встрѣчаются до сихъ поръ, но большая часть его была перевезена въ Астрахань и послужила для ея построекъ.

20-го, пройдя благополучно нѣсколько камней, мы сѣли на мель, на которой, казалось, останемся, но сошли съ нея, благодаря трехъ-часовой работѣ. Отсюда до Астрахани мы видѣли (на берегахъ) только локрицу, такъ какъ прилегающее къ Каспійскому морю пространство, les environs, покрыто только безплоднымъ пескомъ, на которомъ было бы безполезно что нибудь сѣять.

21-го мы были на островѣ Везовой [156]) Vvesauvoy [157]). Онъ прилегаетъ къ правому берегу Волги и выше другихъ. Отсюда достигли Чернаго Яра или Чернояра, Tzornogar ou Tzornojar, маленькаго городка, стѣны котораго выстроены по здѣшнему обычаю, т. е., изъ толстыхъ досокъ. Въ длину имѣетъ онъ съ четверть мили, а гарнизонъ въ немъ такъ силенъ, что воины составляютъ половину населенія. Окрестности его ровныя, и на далекомъ пространствѣ не видно ни лѣса, ни горъ. Дерзость казаковъ, грабившихъ и убивавшихъ всѣхъ, кто проплывалъ здѣсь, побудила царя построить этотъ

---

153) Къ Сѣверу отъ города протекаетъ рѣка Камышинка.

154) Въ Нѣмецкомъ переводѣ прибавлено, судя по передачѣ А. Попова, „и укрѣпленъ Англичаниномъ Томасомъ Белли“. Ср. с. 17.

155) Т. е. Сарая.

156) А. Поповъ спрашиваетъ: не тотъ ли, который извѣстенъ теперь подъ именемъ Ветлянскаго (ветла, вязъ). С. 18.

157) Въ Нѣмецкомъ переводъ—Wesawoy. А. Поповъ, с. 18.

городъ. Самое смѣлое нападеніе было произведено ими на хорошо прикрытый караванъ Москвитянъ. Замѣтивъ его, четыреста казаковъ, въ засадѣ скрывшись, сидѣли, пока проходили лодки съ конвоемъ, потомъ бросились (на караванъ), ограбили и побили большую часть людей. Крики несчастныхъ достигли до лодокъ съ конвоемъ, и сіи послѣднія повернули къ нимъ; но такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ очень быстра, то казаки успѣли нагрузить добычу и вскочить опять на коней, прежде нежели тѣ въ состояніи были помѣшать имъ. Немного дальше встрѣтили мы Персидскаго посланника, ѣхавшаго въ Москву.

Мы привѣтствовали его нѣсколькими пушечными выстрѣлами, а самъ онъ всходилъ на наше судно поблагодарить насъ.

22-го мы оставили на лѣвой сторонѣ гору Полувнъ [158]), Polouvn, и бросили якорь въ Киціарѣ [159]), Kitziar.

23-го очень рано были въ виду Астрахани.

24-го привѣтствовали ее изъ всѣхъ орудій и до конца мѣсяца оставались нѣсколько вдали.

1-го Сентября мы приблизились къ ней и сошли на берегъ съ тою радостью, которую испытываешь, прибывъ въ желанный портъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Описаніе города Астрахани, его жителей и управленія.—Описаніе Ногайскихъ Татаръ, ихъ нравовъ и обычаевъ

(Сентябрь 1669 г.)

Городъ Астрахань расположенъ на островѣ Долгомъ [160]) Delgoi, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи и составляющемъ часть области Ногайскихъ Татаръ. Городъ лежитъ подъ 46° и 22' и на разстояніи около 50 миль отъ Каспійскаго моря. Стѣны его построены изъ хорошаго камня; на нихъ стоитъ постоянно около 500 чугунныхъ орудій, а въ городѣ помѣщается очень сильный гарнизонъ, безъ чего трудно было бы обуздать Татаръ и казаковъ. Издали онъ красивѣе, нежели вблизи, потому что въ немъ много башенъ и колоколенъ. Объ

[158]) Въ описаніи плаванія корабля Орла, составленномъ г. А. Поповымъ на основаніи Нѣмецкаго перевода, названія этой горы не встрѣчается.

[159]) По предположенію г. А. Попова Чичаръ. См. с. 18, пр. 2.

[160]) Болдинскій протокъ и рѣка Кривуша окружали Астрахань (Костомаровъ, въ Истор. М., II, 301).

его торговлѣ можно сказать, что она очень велика: не только Бухарцы, Черемисы, Ногайцы, Калмыки и другіе Татары, но даже Персіяне, Армяне и Индусы способствуютъ ея процвѣтанію. Индусы прибываютъ сюда по Каспійскому морю, на грузовыхъ судахъ въ 80 тоннъ. У нихъ нѣтъ большихъ кораблей, потому что они не обладаютъ искусствомъ Европейцевъ плавать при боковомъ и даже подъ четырьмя румбами, à demi, et même à un quart de vent. При неблагопріятномъ вѣтрѣ они сбиваются съ пути. Главную отрасль торговли въ Астрахани составляетъ шелкъ изъ Персіи и другихъ мѣстъ.

Этотъ городъ принадлежалъ прежде Ногайскимъ Татарамъ, которые подчинялись хану. Послѣдній съ Черемисами и Казанскими Татарами заключилъ оборонительный и наступательный союзъ, который погубилъ и тѣхъ и другихъ. Въ договорѣ было сказано, что никакой доводъ не могъ освободить союзниковъ отъ участія со всѣми силами въ случаѣ нападенія на нихъ какого нибудь иностраннаго государства. Жители-казаки, стѣсненные войсками (Московскаго) царя (Іоанна) Васильевича, прибѣгли къ Ногайцамъ, которые чистосердечно помогли имъ, но помощь ихъ не помѣшала Москвитянамъ овладѣть ихъ страною. Такъ какъ взятіе Казани открыло путь, то побѣдитель подступилъ къ Астрахани, которою овладѣлъ также легко, и выгналъ изъ нея Татаръ. Тогда городъ не былъ такъ красивъ и великъ, какъ въ настоящее время; на цѣлую треть онъ былъ расширенъ покойнымъ царемъ [161]), который назначилъ эту часть города для гарнизона, почему она и называется Стрѣлецкимъ городомъ, Streletzki gorod, или городомъ воиновъ. Послѣ его смерти онъ еще увеличился, такъ что въ настоящее время какъ по величинѣ, такъ и по красотѣ онъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ въ Московіи. Государь получаетъ съ него большіе доходы, вслѣдствіе постояннаго ввоза и вывоза различныхъ товаровъ, обложенныхъ большою пошлиною. Климатъ (здѣсь) умѣренный, а почва довольно плодородная; она производитъ: лимоны, яблоки, груши, вишни и другіе вкусные плоды. Въ 1613 году нѣкій Персидскій купецъ вздумалъ привезти туда нѣсколько кустовъ винограду, которые подарилъ одному Нѣмецкому монаху, постоянно жившему въ Московскомъ государствѣ. Послѣдній, владѣя за городомъ обширнымъ огороженнымъ мѣстомъ, посадилъ ихъ съ такимъ успѣхомъ, что нѣсколько лѣтъ спустя получалъ столько вина, что ежегодно посылалъ царю 200 бочекъ вина и болѣе 50 водки.

---

161) Т. е. Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго въ другомъ мѣстѣ Стрюйсъ называетъ недавно умершимъ потому, что сочиненіе его - было написано вскорѣ послѣ смерти царя (1676 г.), и издано въ первый разъ въ 1677 году подъ заглавіемъ: Vogagien door Moscovien, Tartarien, Oost-Indien. Amserdam.

6*

Ногайскіе Татары, хотя туземные жители страны, не имѣютъ права жить въ чертѣ города; имъ позволяютъ только строить жалкія хижины въ окрестностяхъ, гдѣ они очень долго подвергались обидамъ воровъ. Большіе убытки, которые причиняли имъ сіи послѣдніе, заставили ихъ подать челобитную царю, отъ котораго получили позволеніе огораживать кольями свои хижины, вслѣдствіе чего они подвергаются нынѣ меньшей опасности, нежели прежде. Хижины ихъ круглыя и имѣютъ обыкновенно десять футовъ въ поперечникѣ; онѣ построены изъ одной древесной коры, или ихъ переплетаютъ камышемъ и покрываютъ грубымъ войлокомъ. Крыша имѣетъ отверстіе въ родѣ отдушника, замѣняющаго печную трубу; когда имъ холодно, они разводятъ подъ нимъ огонь собраннымъ хворостомъ и высушеннымъ воловьимъ пометомъ [162]). Когда же дымъ разсѣется, закрываютъ отверстіе кускомъ войлока, чтобы помѣшать теплотѣ уходить; потомъ располагаются вокругъ пепла, какъ ни попало, и часто въ немъ самомъ, не заботясь ни объ удобствѣ, ни о чистотѣ. Когда же холодъ черезчуръ силенъ, они обкладываютъ войлокомъ свои жалкія жилища, въ которыхъ образъ жизни и привычки ихъ ничѣмъ не отличаются отъ образа жизни и привычекъ животныхъ. Плодородная почва производитъ замѣчательную дешевизну всѣхъ съѣстныхъ припасовъ: можно за копѣйку купить двѣнадцать прекрасныхъ дынь. Другія произведенія дешевы въ томъ же размѣрѣ. За такую же цѣну вы имѣете карпа вѣсомъ въ 30 фунтовъ и 25 сельдей жирнѣе и лучше, нежели въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ. Окуни, лини, щуки и судакъ, sandia, рыба въ родѣ мерлана, ловится здѣсь тоже въ большомъ изобиліи. Говядина и баранина здѣсь превосходныя, между тѣмъ стоятъ ліардъ [163]) за фунтъ. Что касается дичи, то она здѣсь очень дешева, въ особенности извѣстные дикіе гуси и большія красныя утки, которыми кишатъ сосѣдніе острова и которыхъ ловятъ посредствомъ соколовъ и голубятниковъ, такъ хорошо выученныхъ этому, что ежедневно добывается очень много дичи. Такъ какъ въ лѣсахъ много кабановъ, которыхъ Татары, убивающіе ихъ, не ѣдятъ, по магометанству, то можно купить ихъ тоже очень дешево, какъ вообще всѣ съѣстные припасы. Не смотря на все это, Москвитяне не охотно живутъ въ Астрахани. Какъ бы ни были хороши кушанья, которыя имъ даешь, хотя бы они получали ихъ за-даромъ, но если при этомъ нѣтъ водки, то имъ постоянно кажется, что съ ними дурно обращаются.

---

[162]) Точнѣе кизякомъ, какъ называютъ и теперь еще это топливо въ степной части Крыма. Лучшее описаніе кибитокъ представлено Бопланомъ въ его сочиненіи Description d'Ukranie. Lyon 1660.

[163]) Маленькая мѣдная монета равная 3 динаріямъ, а послѣдній равенъ $1/12$ су, слѣдовательно ліардъ соотвѣтствуетъ $1/4$ су.

Напитокъ же этотъ такъ рѣдокъ въ этомъ городѣ, что почти вовсе нѣтъ его, а потому онъ очень дорогъ, между тѣмъ какъ онъ нуженъ былъ Москвитянамъ нашего экипажа, которые постоянно жалѣли о Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ они покупали водки на 25 су гораздо болѣе, нежели въ Астрахани на 25 франковъ. На западномъ берегу Волги простирается степь, очень обширная, но невоздѣланная и необитаемая.

Эта степь производитъ большое количество соли, которая скопляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ слоевъ хрусталя. Каждому дозволяется брать ее, уплачивая царю $2^{1}/_{2}$ копѣйки за 80 фунтовъ. Эта степь снабжаетъ солью все протяженіе береговъ Волги. Тамъ же растетъ баранецъ, boranez ou bornitsch [164]), о которомъ мы уже говорили. Этотъ превосходный плодъ похожъ на ягненка, съ ногами, головою и хвостомъ, ясно обозначенными, почему и получилъ названіе барашка что̀ порусски значитъ маленькій ягненокъ. Его кожа покрыта пухомъ очень бѣлымъ и такимъ тонкимъ, какъ шелкъ. Татары и Русскіе очень любятъ ее, и въ большинствѣ заботливо сохраняютъ его въ домахъ, гдѣ я много ея видѣлъ. Я невольно обратилъ особенное вниманіе на то, что этотъ плодъ я видѣлъ среди рѣдкостей знаменитаго Сваммердама [165]), кабинетъ котораго изобилуетъ всѣмъ, что̀ есть рѣдкаго въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; въ немъ каждый иностранецъ, пріѣзжающій въ Амстердамъ, какъ бы ни былъ взыскателенъ, находитъ чѣмъ полюбоваться. Это растеніе далъ ему матросъ, который, найдя его въ лѣсу, снялъ съ него кожу, изъ которой сшилъ себѣ камзолъ. Въ Астрахани я узналъ отъ тѣхъ, которые знали его лучше, что онъ растетъ на стволѣ, вышиною около трехъ футовъ [166]). Мѣсто, гдѣ онъ прикрѣпляется, представляетъ родъ гузки, de nombril; (утверждаютъ), будто бы онъ поворачивается и нагибается къ травамъ, служащимъ ему пищей, засыхаетъ, вянетъ какъ только недостаетъ ему этихъ травъ. На это я возразилъ, что хилость его могла происходить отъ того, что растеніямъ въ извѣстное время свойственно увядать. Мнѣ возразили, что прежде чѣмъ произвести нѣсколько опытовъ, доказавшихъ противное, думали подобно мнѣ, Такъ, напримѣръ, срѣзывали, или портили вокругъ него траву, послѣ чего увѣряли меня, что оно чахло и мало-по-малу погибало.

---

[164]) Въ другомъ мѣстѣ Стрюйсъ пишетъ, если только это не ошибка переводчика, bonaret. О баранцѣ писали Герберштейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Рейтенфельсъ, а раньше—Барберини. Ср. Др. и Нов. Россія, 1875 г., № 12, с. 331—332.

[165]) Suvammerdam, правильнѣе Swammerdam, Голландскій естествоиспытатель (1637—1680), занимался преимущественно анатоміей; изобрѣлъ термометръ для измѣренія теплоты крови у животныхъ и пр. Д. Enc. par Grégoire P. 1871.

[166]) Нужно замѣтить, что Стрюйсъ видѣлъ только шкурки фантастическаго животнаго

При этомъ прибавляли, что волки любятъ его и съ жадностью глотаютъ, потому что оно походитъ на ягненка; что оно дѣйствительно имѣетъ кости, кровь и мясо, почему и называютъ его зоофитомъ, zoophite, животно-растеніемъ, да и еще много другаго (разсказывали), что̀ кажется мало вѣроятнымъ тому, кто его не видѣлъ.

Ногайскіе Татары и Черемисы обладаютъ сильнымъ тѣлосложеніемъ и хорошимъ здоровьемъ. У мущинъ глаза впалые и очень малые, лицо чрезвычайно широкое и смуглое; голову брѣютъ; на бородѣ ростутъ весьма рѣдкіе волосы, отчего лицо у нихъ непріятное. Но какъ они ни отвратительны, все таки они ангелы въ сравненіи съ Калмыками, въ наружности которыхъ что-то страшное. Одежда первыхъ состоитъ изъ полукафтанья и грубой сѣрой ткани, подъ которую они надѣваютъ полушубокъ, изъ бараньей шкуры, шерстью наружу; шапки шьются изъ того же. Женщины одѣваются въ длинныя платья изъ толстаго полотна, а на головѣ носятъ шапку, очень похожую на каску. Вмѣсто серегъ носятъ копѣйки, мелкія монеты, ходящія только въ Московскомъ государствѣ. У этихъ народовъ существуетъ обычай посвящать Богу нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей еще до рожденія. Мальчики семи или восьми лѣтъ, посвященные такимъ образомъ, носятъ серьги съ рубинами или бирюзою, а дѣвочки носятъ ихъ въ правой ноздрѣ. Въ продолженіи лѣта Ногайскіе Татары, какъ и Калмыки, стоятъ (какъ бы) лагеремъ и снимаются (съ него) по мѣрѣ надобности въ съѣстныхъ припасахъ и подножномъ кормѣ. Для переноски домашней утвари они употребляютъ верблюдовъ, а кибитки, hutes, ставятъ на большія повозки, нарочно для этого устроенныя. Такъ переходятъ они всю жизнь съ мѣста на мѣсто, никогда не имѣя постояннаго жилища. Зимою приближаются они къ Астрахани, вокругъ которой каждое семейство располагается на извѣстномъ разстояніи, такъ чтобы, въ случаѣ тревоги, быть въ состояніи помогать другъ другу. Калмыки, ихъ непримиримые враги, не оставляютъ ихъ въ покоѣ, въ особенности когда Волга замерзаетъ и представляетъ удобный входъ въ ихъ станъ. Чтобы отражать обиды, наносимыя имъ, Астраханское управленіе, покровительствующее имъ, даетъ имъ на каждую зиму оружіе, которое лѣтомъ отбираетъ, опасаясь оставлять его у нихъ, чтобы они не воспользовались случаемъ и не употребили бы его противъ своихъ благодѣтелей. Имъ такъ мало довѣряютъ, что даже, пока у нихъ есть оружіе, одинъ изъ мурзъ или князей, которые отъ времени до времени смѣняютъ другъ друга, долженъ оставаться заложникомъ во дворцѣ. Охота, рыбная ловля и присмотръ за скотомъ составляютъ обыкновенныя ихъ занятія. Волы и коровы у нихъ почти такіе же, какъ въ Голландіи, но овцы гораздо жирнѣе. У этихъ животныхъ носъ кривой и высокій, уши длинныя и висячія,

какъ у болонки, а хвостъ такой тяжелый, что по большей части вѣситъ не менѣе 20 фунтовъ. Лошади ихъ съ виду некрасивы, но очень сильны и выносливы. Верблюдовъ у нихъ очень мало. Пища состоитъ изъ сухой рыбы, которую они употребляютъ такъ, какъ мы хлѣбъ. Ѣдятъ еще пироги съ рисомъ и медомъ, которые они жарятъ на маслѣ или на меду. Они любятъ всякое мясо, но въ особенности лошадиное. Пьютъ воду и молоко и преимущественно кобылье. Вѣру они исповѣдываютъ Магометанскую и слѣдуютъ ученію Персовъ. У нихъ есть князья и начальники изъ своего племени, которымъ только они и повинуются; они не платятъ даже дани царю, который уволилъ ихъ (отъ нея) съ условіемъ являться на службу по первому его указу. Они сами весьма готовы къ этому и, можетъ быть, не столько изъ признательности, какъ по склонности: война доставляетъ имъ возможность безнаказанно воровать, чтò составляетъ ихъ преобладающую страсть. Такимъ путемъ они получаютъ вознагражденіе и охотнѣе служатъ царю.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Два рода казаковъ: Запорожскіе и Донскіе.—Стенька Разинъ, его происхожденіе, бунтъ и хитрость.—Онъ обращенъ въ бѣгство Астраханскимъ воеводою и призванъ царемъ.—Его хорошія и дурныя качества.—Какъ онъ принялъ посѣтившаго его автора

(Сентябрь 1669 г.)

23 Сентября мы принимали нѣсколькихъ Нѣмецкихъ офицеровъ, которые, поздравивъ насъ съ счастливымъ прибытіемъ, просили насъ навѣстить ихъ. Они дѣлали это такъ радушно, что мы не могли отказаться. На другой же день отправились къ нимъ и были очень хорошо приняты. Съ своей стороны мы старались отблагодарить ихъ за вѣжливость, когда они приходили на наше судно. Такъ какъ въ то время только и рѣчи было что о бунтѣ казаковъ, противъ которыхъ воевода, за нѣсколько дней до нашего прихода, послалъ суда, то здѣсь будетъ кстати сказать объ этомъ. Но прежде нежели говорить о томъ, каковъ былъ успѣхъ этого бунта, необходимо сообщить читателю о томъ, чтò послужило поводомъ къ нему. А такъ какъ произвелъ бунтъ казакъ, то мы прежде скажемъ, изъ какихъ народовъ составилась ихъ община.

Есть два рода казаковъ: Запорожскіе и Донскіе. Первые нѣкогда зависѣли отъ Польши. Они живутъ обыкновенно на островахъ Бо-

рисѳена или Днѣпра, Nieper, который, пройдя Смоленскъ, пересѣкаетъ Литву; потомъ, принявъ на Волыни Припеть, течетъ черезъ Кіевъ, въ окрестностяхъ котораго они тоже иногда живутъ. Эта рѣка наполнена множествомъ скалъ, называемыхъ порогами, что̀ на мѣстномъ языкѣ значитъ лѣстнички или ступени, которыя раздѣляютъ воду, montées ou degrez, и образуютъ болѣе 50 небольшихъ островов. Отсюда и жители названы Запорожцами т. е. за уступами, derrière les montées. Эти казаки обязаны были охранять Польшу и препятствовать всѣми силами нападеніямъ враговъ, преимущественно Татаръ. Они получили названіе казаковъ отъ того, что легко бѣгаютъ, такъ какъ коза; cosa на ихъ языкѣ значитъ коза или духъ, esprit, и они полагаютъ, что и тотъ и другая чрезвычайно легки, sans se mettre en peine du plus ou du moins.

Донскіе казаки живутъ по Дону или Танаису и находятся подъ властью Московскаго царя, впрочемъ не по принужденію, а добровольно: они подчинились его царскому величеству съ условіемъ управляться собственными законами, своимъ народнымъ вождемъ, котораго сами выбираютъ. Они пользуются и многими другими правами, которыхъ не имѣютъ сами Москвитяне. Между прочимъ замѣчательно то, что холопъ знатнаго Москвитянина, укрывшійся между ними, становится на столько свободнымъ, что его господинъ теряетъ на него право и не можетъ употребить насилія для поимки. Изъ этихъ-то казаковъ произошелъ знаменитый Стенька Разинъ, который дерзнулъ напасть на войско царствующаго государя Алексѣя Михайловича.

Предлогомъ къ возмущенію этого храбраго казака послужило неудовольствіе за то, что Московскій воевода Юрій Алексѣевичъ Долгорукій приговорилъ къ смерти его брата, по слѣдующему поводу. Въ 1665 году Московія вела войну съ Польшей; братъ Стеньки Разина привелъ въ царское войско подъ своей командой казацкій отрядъ. По окончаніи похода этотъ казацкій начальникъ просилъ у воеводы позволенія увести обратно свой отрядъ; но потому ли, что Москвитяне еще не могли обойтись безъ казаковъ, была ли у нихъ къ тому другая причина, только воевода отказалъ ему въ просьбѣ. Нетерпѣливые казаки посмѣялись надъ этимъ распоряженіемъ и немедленно ушли подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ безъ вѣдома брата Разина. Воевода, обиженный оскорбительнымъ для его власти поступкомъ, который причинялъ вредъ дисциплинѣ, обвинилъ начальника преступниковъ и приговорилъ его къ висѣлицѣ. Разина возмутило это до глубины души, и онъ обѣщалъ отомстить за брата, если бы даже это стоило ему жизни. Нѣкоторые утверждаютъ, будто Разинъ этимъ удачнымъ предлогомъ прикрылъ намѣреніе произвести бунтъ, для того чтобы безнаказанно воровать.

Это предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе, та̀къ какъ онъ учинилъ такую же дерзость въ отношеніи Персидскаго шаха, который не сдѣлалъ ему никакого вреда, какъ то было по отношенію къ Московскому царю.

Какъ-бы то ни было, въ 1667 году онъ обнаружилъ свою злобу на Волгѣ, захватывая и грабя всѣ насады, nassades, или барки, которыя встрѣчались ему на пути. На берегу онъ совершалъ такія же насилія во многихъ монастыряхъ, разоряя алтари и не щадя ни мірянъ, ни монаховъ. Изъ Ярославля (?) и Вологды (?), которые первые испытали его ярость, онъ отправился съ тѣмъ, чтобы овладѣть Яикомъ, гдѣ оставилъ сильный гарнизонъ. Онъ укрѣпилъ этотъ городъ, какъ мѣсто, которое хотѣлъ удержать. Потомъ возвратился на Волгу, доплылъ до Каспійскаго моря и распространилъ вездѣ страхъ и трепетъ. Разоривъ города и села, лежащіе по этой рѣкѣ, онъ поплылъ къ Таркамъ, Terku, пограничному городу въ Персіи и поступилъ съ нимъ также, какъ съ Московскими городами. Онъ навелъ такой страхъ, что когда приближался къ какому нибудь мѣсту, населеніе бѣжало, что̀ лишало его случая проявлять жестокость. Вотъ почему, чтобы удержать жителей, онъ употреблялъ хитрость, которая удалась ему во многихъ городахъ Московскихъ, Мидійскихъ и Персидскихъ. Когда онъ приближался къ какому нибудь городу, то посылалъ сказать жителямъ, чтобъ они не боялись, такъ какъ онъ идетъ не обижать ихъ, а купить необходимое для войска. Его посланцы, казалось, говорили такъ чистосердечно, что вѣрили ихъ добросовѣстности. Такимъ образомъ бѣжавшіе въ горы, или въ другія мѣста, возвращались въ города, а не успѣвшіе уйти оставались, полагаясь на его слово. Обольстивъ ихъ, онъ ходилъ между ними, любезно разговаривалъ, а для того, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе, покупалъ и заставлялъ своихъ покупать различные товары, за которые приказывалъ хорошо платить. Успокоивъ такимъ образомъ умы мнимою безопасностью, онъ повертывалъ шапку извѣстнымъ образомъ, что̀ служило знакомъ для его шайки къ истребленію жителей, которыхъ принимались тотчасъ же сѣчь, имущество грабить и уносить.

Когда слухъ объ этихъ безпорядкахъ распространился въ Астрахани, воевода счелъ себя обязаннымъ пріостановить ихъ, и съ этой цѣлью онъ снарядилъ 36 судовъ [167]), на которые посадилъ болѣе 4,000 человѣкъ. Начальство надъ ними онъ поручилъ третьему лицу Совѣта (управленія въ Астрахани), Симеону Ивановичу Львову [168]), Geboof, съ приказаніемъ отыскать Разина, гдѣ бы то ни

---

167) Н. И. Костомаровъ, ссылаясь на Стрюйса (Бунтъ С. Р., И. М. и И., II, 264) употребляетъ здѣсь слово с т р у г ъ, вмѣсто котораго во Французскомъ переводѣ (II, 44) поставленно vaisseaux.

168) Онъ былъ вторымъ воеводою.

было, и съ нимъ сразиться. Непріятельскій флотъ состоялъ изъ 22 судовъ, съ шестью почти сотнями человѣкъ, мѣсто стоянки его было возлѣ Четырехъ-Бугровъ, Satire-Boggere, маленькаго острова въ устьѣ рѣки. Здѣсь, на одномъ возвышеніи, казаки разставили для безопасности стражу. Кромѣ того, самое положеніе острова дѣлало его неприступнымъ, такъ какъ подойти къ нему можно было только съ одной стороны, съ которой не росъ камышъ. Не смотря на великое преимущество и предосторожность, казаки испугались и побѣжали, какъ только замѣтили нашедшій ихъ флотъ. Ихъ стараніе избѣжать сего послѣдняго удалось имъ такъ, что ихъ долго преслѣдовали напрасно. Между тѣмъ воевода получилъ помилованіе мятежника и передалъ ему объ этомъ отъ имени царя, который прощалъ ему прошлое съ тѣмъ, чтобъ онъ принесъ повинную и возвратился къ своимъ обязанностямъ. Разинъ, не ожидавшій такого счастья, тогда когда у него не было больше чѣмъ существовать, принялъ предложеніе [169]) и исполнилъ то, чего желали. Въ то время, когда онъ получилъ прощеніе, шайка его дошла до такой крайности, что̀ не знали, что станется съ ними, когда они съѣдятъ лошадей, которыхъ Персидскій шахъ посылалъ его царскому величеству и которыхъ они захватили [170]), не заботясь о томъ, откуда они и кому ихъ посылали. Такимъ образомъ никогда, ни для кого помилованіе не приходило болѣе кстати. Какъ только они получили прощеніе, то расположились станомъ подъ Астраханью, откуда толпами отправлялись въ городъ, одѣтые всѣ до того роскошно, что одежда самыхъ бѣдныхъ была сшита изъ золотой парчи или шелка. Большая часть носила даже вѣнки, couronnes, осыпанныя крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Разина можно было узнать только по почету, который ему оказывали, потому что не иначе какъ на колѣняхъ и падая ницъ, приближались къ нему. Когда къ нему обращались, то запрещалось называть иначе, какъ батько, batské, что̀ на ихъ языкѣ значитъ отецъ. Это прозвище присвоилъ онъ себѣ съ цѣлью запечатлѣть въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ болѣе любви и уваженія.

Видъ его величественный, осанка благородная, а выраженіе лица гордое; росту высокаго, лицо рябоватое. Онъ обладалъ способностью внушать страхъ и вмѣстѣ любовь. Что̀ бы ни приказалъ онъ, исполнялось безпрекословно и безропотно.

Люди его мало-по-малу стали продавать городскимъ купцамъ то, что̀ они награбили въ продолженіи четырехъ лѣтъ у Москвитянъ, Персіянъ и Татаръ. Они уступали вещи такъ

[169]) Для переговоровъ съ Разинымъ С. И. Львовъ послалъ Никиту Скрипицина.

[170]) Ограбивъ бузу.

дешево, что можно было имѣть очень большую прибыль. Фунтъ шелку продавали по три копѣйки [171]), а прочіе товары соразмѣрно этому. За золотую цѣпь, длиною въ сажень, заплатилъ я имъ только 40 рублей, что̀ составляетъ на наши деньги около 70 флориновъ. Можно судить по этому, какую выгоду получили Персіяне и Армяне, которые купили почти всю ихъ добычу. Только и говорили о Разинѣ, прославившемся своей смѣлостью, и смотрѣли на него, какъ на необыкновеннаго человѣка; поэтому нашъ капитанъ пожелалъ видѣть его вблизи, и я былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ себѣ въ спутники. Мы застали его въ шатрѣ; съ нимъ былъ его наперсникъ, по имени Чертовъ Усъ, Moustaches de Diable, и нѣсколько человѣкъ другихъ старшинъ. Прежде всего онъ приказалъ спросить насъ, что̀ мы за люди. Удовлетворивъ его любопытству, капитанъ подарилъ ему двѣ бутылки водки, которую онъ принялъ съ радостью, такъ какъ давно ея не пилъ. Когда же онъ узналъ, кто мы такіе и что совершаемъ путь (находясь) въ службѣ его величества, онъ сдѣлалъ намъ знакъ садиться и выпилъ за наше здоровье. Мы отвѣчали на его тостъ и ждали, что онъ спроситъ насъ еще о чемъ-нибудь и доставитъ намъ возможность поговорить съ нимъ. Но, такъ какъ онъ почти ничего не говорилъ и не изъявлялъ никакого желанія узнать точнѣе о томъ, что̀ привело насъ въ этотъ край и по какому случаю царь принялъ насъ въ службу, то мы простились съ нимъ, а онъ передалъ намъ, что ему будетъ очень пріятно, если мы еще навѣстимъ его. Дѣйствительно, мы еще разъ посѣтили его и застали на рѣкѣ въ лодкѣ, выкрашенной и вызолоченной. Здѣсь онъ пилъ и веселился съ нѣкоторыми изъ старшинъ. Около него сидѣла Персидская княжна, которую онъ увезъ съ ея братомъ [172]) во время послѣднихъ набѣговъ. Брата ея подарилъ онъ Астраханскому воеводѣ, а любимую имъ княжну оставилъ у себя. Пируя цѣлый день, онъ напился до-пьяна; вотъ эта-то невоздержность стоила жизни несчастной Персіянкѣ. Будучи сильно пьянъ, онъ облокотился о край лодки и, смотря задумчиво на Волгу, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, вскричалъ: «Нужно признаться, ни одна рѣка не можетъ сравниться съ тобою, и нѣтъ славнѣе тебя. Чѣмъ только я ни обязанъ тебѣ за то, что ты доставляла мнѣ столько случаевъ отличиться, и за то, что дала средства скопить столько сокровищъ? Я обязанъ тебѣ всѣмъ, что̀ имѣю и даже тѣмъ, чѣмъ я сталъ. Но въ то время, какъ ты составляешь мое богатство и осыпаешь меня благодѣяніями, я испытываю непріятное чувст-

171) С. М. Соловьевъ говоритъ (Ист. Россіи, XI, 414), что фунтъ шелка продавали за 18 денегъ.

172) Сына Шебынь-Дебея полонили у Свинаго острова, гдѣ произошла битва съ Персами. Ср. Костомарова, Истор. моногр. и изслѣд., с. 259.

во неблагодарности. Хотя бы это и произошло отъ безсилія, она все-таки не оправдываетъ меня и не лишаетъ тебя права жаловаться на меня. Ты, можетъ быть, поступаешь такъ даже теперь, когда я говорю, и мнѣ кажется, что я слышу твои жалобы и упреки за то, что я не позаботился предложить тебѣ что нибудь. Ахъ, прости, любезная рѣка! Я признаюсь, что обидѣлъ тебя и, если этого признанія недостаточно для того, чтобы успокоить твой справедливый гнѣвъ, я предлагаю тебѣ отъ чистаго сердца то, чт̀о мнѣ дороже всего на свѣтѣ; нѣтъ болѣе достойнаго изъявленія моей благодарности, и ничто не можетъ доказать лучше мое почтеніе за милости, которыми ты осыпала меня»[173]). Съ этими словами онъ подбѣгаетъ къ княжнѣ, (хватаетъ) ее и одѣтую въ золотую парчу и разукрашенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями бросаетъ въ рѣку. Бѣдная эта княжна заслуживала, безъ сомнѣнія, лучшей участи, и всѣ пожалѣли о ней. Не смотря на благородное происхожденіе и печаль отъ того, что была въ власти человѣка жестокаго и грубаго, она тѣмъ не менѣе была безконечно снисходительна къ нему и никогда не роптала на него за свою неволю. Какъ бы ни былъ Разинъ грубъ, нужно полагать, что только въ припадкѣ сумашествія, онъ могъ совершить подобную жестокость: до этого случая онъ казался болѣе справедливымъ, нежели безчеловѣчнымъ [174]).

Во время пребыванія моего въ Астрахани я видѣлъ примѣръ его гнѣва противъ нарушителя супружеской вѣрности. Нѣкто соблазнилъ чужую жену; оскорбленный мужъ пожаловался. Чтобы отомстить за него, Разинъ приказалъ привести виновныхъ и, узнавши, въ чемъ дѣло, велѣлъ бросить мущину въ рѣку, а женщину повѣсить за ноги [175]). Она бѣдная жила въ такомъ состояніи двое сутокъ и, не смотря на то, что голова ея распухла, какъ подушка, не сильно кричала и (вообще) не показывала, что испытываетъ невыносимыя страданія.

Такъ какъ людей его можно было встрѣтить всюду, то я не упускалъ случая поговорить съ ними, чтобы разузнать объ ихъ дѣйствіяхъ. Не будучи въ состояніи понять, какъ 300 или 400 человѣкъ наводили на всѣхъ ужасъ, я распрашивалъ нѣкоторыхъ, какъ это могло случиться. Они отвѣчали мнѣ, что дѣйствительно, при возвращеніи въ Астрахань, ихъ было 300 или 400 человѣкъ, а нѣ-

---

173) Эта рѣчь, дѣйствительно странная въ устахъ казака, вслѣдствіи искаженія иностранцевъ, передѣлана г. Костомаровымъ (И. м. и из., т. II; 273—274), которому слѣдовали Аѳанасьевъ и другіе.

174) Н. И. Костомаровъ объясняетъ этотъ фактъ ропотомъ товарищей-казаковъ противъ увлеченія женщиною (И. м. и из., II, 273).

175) Н. И. Костомаровъ прибавляетъ: за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ; тамъ же, с. 274.

сколько раньше они составляли войско въ 6,000 человѣкъ, когда же были всѣ въ сборѣ, то завладѣли: Низабатомъ, Скабараномъ, Мордувомъ, Mordouvi, и Такузомъ, Tachusi, приморскими Персидскими городами, которые лежали недалеко отъ горы Бармака, Barmach. Оттуда направились они въ Астрабадъ и Баку, гдѣ все предали огню и мечу.

Въ семъ послѣднемъ городѣ они нашли очень хорошее вино, которымъ и упились; а жители воспользовались этимъ случаемъ и изрубили всѣхъ, исключая 400 или 500 человѣкъ, спасшихся въ лодкахъ. Если бы тѣлохранители Разина не употребили необыкновенныхъ усилій для его обороны, то онъ не миновалъ бы смерти или плѣна [176]. Этотъ роковой день ослабилъ ихъ до такой степени, что они не рѣшались больше на важныя предпріятія. Къ тому же Персіяне, казаки и Дагестанскіе Татары такъ хорошо охраняли свои берега и горы, что они не знали, куда направиться; въ такой-то нерѣшительности они удалились на островъ Четырехъ-Бугровъ, гдѣ выжидали времени, чтобы оправиться отъ этого страшнаго пораженія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Возвращеніе Разина на родину, куда слѣдуютъ за нимъ Москвитяне. При требованіи возвратить послѣднихъ онъ издѣвается (надъ воеводами), увлекаетъ матросовъ флота, посланнаго для его поимки.—Его гордость и наглость.—Послы его къ Персидскому двору брошены собакамъ.—Счастливый исходъ его военной хитрости.—О городѣ, переданномъ ему посредствомъ измѣны.

Разинъ и его шайка, оправившись отъ перенесенныхъ во время бунта бѣдствій, томились столь долгимъ отдыхомъ и вздумали возвратиться на берега Дона, гдѣ Разинъ, пользуясь большимъ вліяніемъ, долженъ былъ собрать новыя силы. Во время пребыванія въ Астрахани онъ жилъ такъ, что расположилъ въ свою пользу самыхъ безучастныхъ. Такъ какъ у него не было недостатка въ деньгахъ, то онъ употребилъ ихъ для того, чтобы привлечь на свою сторону многихъ старшинъ, officiers, которые послѣдовали за нимъ на родину, retraite. Большая часть простаго народа и солдатъ, тѣснившихся толпами вокругъ него, когда онъ показывался на улицахъ и нерѣдко бросалъ горстями червонцы, питала къ нему

176) Н. И. Костомаровъ полагаетъ (Истор. моногр. и изсл., II, 256), что это произошло въ Рашѣ, а не въ Баку.

сильную любовь, а многіе перешли къ нему, поклявшись въ вѣрности и въ томъ, что не покинутъ его никогда. И вотъ, безъ вѣдома воеводы, подъ сильнымъ прикрытіемъ, выѣхалъ онъ изъ Астрахани. Это удаленіе поразило вѣрныхъ подданныхъ царя, такъ какъ для нихъ не оставалось сомнѣнія, что онъ ушелъ съ цѣлью производить новыя опустошенія и кровопролитія. Зло было слишкомъ велико, и воевода счелъ нужнымъ предупредить его, запугавъ главу мятежниковъ. Онъ отправилъ къ нему капитана Ведероса, Vvederos [177]). Сей послѣдній, представивъ ему прежде всего великую опасность, которой онъ подвергалъ себя безъ причины, такъ какъ, послѣ помилованія, избавился отъ всякой непріятности; что по дружбѣ совѣтуетъ ему возвратиться; если же оставитъ (увѣщаніе) въ пренебреженіи и послѣдуетъ своему замыслу, то отъ него потребуютъ возврата подданныхъ царя, а въ случаѣ сопротивленія онъ лишится милости, и пусть не надѣется больше пощады. Послѣ этихъ словъ Разинъ, страшно взбѣшенный, спросилъ капитана, какъ онъ дерзнулъ принять такое порученіе; подумалъ ли онъ объ опасности, которой подвергается, да извѣстенъ ли ему характеръ Разина? По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, все сильнѣе распалялся гнѣвомъ и чуть было не изрубилъ капитана, но къ счастью сего послѣдняго, излилъ свой гнѣвъ въ проклятіяхъ. Да смѣешь ли ты, продолжалъ онъ, дѣлать мнѣ такое для моей славы позорное и для друзей пагубное предложеніе? Думаешь ли ты, что я такъ подлъ, что пожертвую ими гнѣву того, кто тебя послалъ? Если ты такъ думаешь, то на чемъ основываешь свое низкое мнѣніе? Что̀ я сдѣлалъ недостойнаго своему званію и достоинству? Ты не отвѣчаешь? Молчишь? Что̀? Хватило наглости явиться ко мнѣ съ твоими странными совѣтами, а нѣтъ духу отвѣчать мнѣ? Ступай, несчастный, я милую тебя изъ жалости. Возвратись къ своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о немъ, ни о царѣ. Онъ совѣтуетъ мнѣ отослать къ нему моихъ друзей! Скажи ему, что вотъ мой замыселъ: онъ увидитъ меня раньше, нежели думаетъ, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочемъ, ты можешь ему дать слѣдующій отвѣтъ, который лучше, нежели его предложеніе: «Я князь рожденный свободнымъ и независимымъ; власть воеводы слабѣе моей. Навѣрное онъ не знаетъ объ этомъ, а для того, чтобъ повѣдать ему о томъ, я и приготовляюсь навѣстить его» [178]). Говорилъ онъ при этомъ еще

---

177) Въ сочиненіи Костомарова—Видероса. И. м. и и., II, 278.

178) Эта рѣчь передана С. М. Соловьевымъ такъ (Ист. Р., XI, 417): „Какъ ты смѣлъ прійти ко мнѣ съ такими рѣчами? Чтобы я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ воеводою. Онъ дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мной какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ, я сильнѣе его, я расплачусь съ этими негодяями.“

много, но окончанія рѣчи капитанъ ждалъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, каждую минуту опасаясь, что Разинъ перемѣнитъ мнѣніе и не дастъ ему возможности возвратиться восвояси. Набравшись смертнаго страха, онъ получилъ, наконецъ, позволеніе возвратиться, которымъ онъ немедленно воспользовался съ поспѣшностью, на какую лишь способенъ испуганный человѣкъ.

Послѣ отвѣта Разина воевода былъ на сторожѣ и придумывалъ средства обуздывать его наглость. Едва успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ явился флотъ, состоящій изъ 80 судовъ. Сначала не вѣрили, чтобы это былъ флотъ Разина, такъ какъ у него было мало времени снарядить его; но скоро убѣдились, что это былъ именно онъ и, судя по виду (флота), можно было думать, что у него нѣтъ намѣренія возвратиться, ничего не совершивъ. Весь экипажъ былъ въ полномъ порядкѣ, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и съ нетерпѣніемъ ищущими удобнаго случая для выполненія своего замысла. Между тѣмъ начальникъ ихъ не позволилъ имъ сдѣлать ни одного нападенія на непріятеля съ единственной цѣлью узнать положеніе дѣлъ въ Астрахани. Съ своей стороны воевода ожидалъ судовъ, посланныхъ ему царемъ, безъ чего не рѣшался что либо предпринять. Между тѣмъ Разинъ черезъ своихъ шпіоновъ узналъ обо всемъ, что̀ дѣлалось, и такъ расположилъ умы въ свою пользу, что нисколько не боялся приготовленій, предпринимаемыхъ противъ него. Когда ожидаемыя суда приплыли, воевода, съ полной увѣренностью послалъ ихъ противъ непріятеля, который вовсе не испугался ихъ, а выразилъ удовольствіе. Въ Астрахани воображали, что одной тѣни этого флота было достаточно обратить его въ бѣгство, или тотчасъ же погубить, если бъ онъ дерзнулъ выждать его. Въ самомъ дѣлѣ царскій флотъ состоялъ изъ гораздо бо̀льшаго числа судовъ, нежели у Разина, да на нихъ было 6,000 хорошихъ воиновъ, которые, безъ сомнѣнія, разбили бы его, еслибы дѣло дошло до боя; но находчивый Разинъ прибѣгнулъ къ хитрости, которая удалась ему. Въ его шайкѣ было множество преданныхъ ему Москвитянъ, которымъ онъ предложилъ пробраться къ врагамъ и обѣщать имъ все, чего они пожелаютъ, лишь бы они приняли его сторону. Такъ какъ тѣ искали только случая оказать ему одолженіе, то бросились туда, куда онъ посылалъ ихъ, и подкупили воиновъ, которые изрубили старшихъ начальниковъ и предали ему остальныхъ вмѣстѣ съ судами. Новый властелинъ принялъ ихъ необыкновенно ласково; велѣлъ имъ выдать жалованье за два мѣсяца впередъ и произнесъ предъ ними такую рѣчь: «Наконецъ, друзья, вы свободны, а вашъ поступокъ избавляетъ васъ отъ притѣсненій господъ, du joug des tyrans. Ихъ мученія такъ жестоки и

тяжки, что нужно удивляться, какъ вы столь долго переносили и не тяготились ими. Но правосудіе Господне избавило васъ отъ нихъ: Его тронули ваши слезы. Онъ послалъ вамъ освободителя, избавившаго васъ отъ гнета, подъ которымъ вы стонали; онъ будетъ любить васъ, какъ дѣтей своихъ, и заботиться о васъ, какъ отецъ. Въ благодарность за это я прошу у васъ только искренней любви, непреклонной вѣрности и непоколебимой твердости противъ коварства вашихъ враговъ. Богъ отдалъ васъ подъ мое покровительство для того, чтобъ уничтожить ихъ. Помогите моимъ усиліямъ и вѣрьте въ (счастливое) окончаніе начатаго». Послѣ этихъ словъ Москвитяне, тронутые его щедростью, поклялись ему въ томъ, что готовы слѣдовать за нимъ всюду, что усердно и вѣчно будутъ служить и на самомъ дѣлѣ докажутъ ему, какихъ слугъ онъ пріобрѣлъ. Слова эти сопровождались одобреніемъ, applaudissmens, всего войска и общимъ крикомъ: «Да здравствуетъ князь, да здравствуетъ нашъ отецъ! Да поможетъ ему Богъ уничтожить всѣхъ мучителей».

Въ то время, когда Разинъ торжествовалъ, печаль господствовала въ Астрахани, гдѣ воевода, пораженный низостью посланныхъ имъ людей, напрасно придумывалъ средства возвратить его. Въ довершеніе горя, онъ узналъ, что народъ презиралъ его, что онъ хвалилъ только Разина и что въ сосѣднихъ городахъ только и говорили о бунтѣ и возмущеніи. Вездѣ воины роптали и говорили открыто, что они покинутъ службу, потому что нечѣмъ было имъ больше платить; такъ какъ деньги, назначенныя для нихъ, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать попрежнему опасности свою жизнь, о которой такъ мало заботились. Нѣкоторые говорили, будто они увѣрены, что имъ не заплатятъ за годъ; что злоупотребляли ихъ довѣріемъ и что они были сумасшедшими, что позволили съ собой обращаться такимъ образомъ. Всѣ эти рѣчи клонились къ явному возмущенію; но ничего не дѣлалось изъ опасенія безпокоить умы.

Между тѣмъ Разинъ, имѣя отъ 15,000 до 16,000 человѣкъ, послалъ одну часть въ Царицынъ, другую въ Черный Яръ, а самъ выжидалъ съ остальными, которые отдавали ему такія же почести, какъ царю. Потому ли что онъ былъ ослѣпленъ удачею, или отъ природы былъ тщеславенъ, только онъ уснулъ среди наслажденій; но прежде всего совершилъ злодѣянія, за которыя его возненавидѣли бы, еслибъ онъ не позаботился предупредить это. Онъ находилъ удовольствіе, во время попоекъ, умерщвлять тѣхъ, кого обвиняли въ малѣйшей ошибкѣ; часто даже собственноручно рубилъ ихъ, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что щадилъ всегда воиновъ и приносилъ въ жертву своему (гнѣву) только дворянъ, officiers, казавшихся ему подозрительными.

Онъ позволилъ даже воинамъ жаловаться на своихъ начальниковъ, которыхъ строго наказывалъ, не разслѣдуя ихъ вины. Такимъ способомъ привлекая при всякомъ случаѣ простыхъ воиновъ, онъ былъ такъ любимъ ими, что они исполняли любое приказаніе его съ радостью, да еще разглашали вездѣ, что онъ былъ единственный въ мірѣ человѣкъ, который достоинъ такого повиновенія. Слухъ объ его снисходительности къ нимъ такъ распространился, что менѣе нежели въ пять дней онъ пріобрѣлъ войско въ 27,000 человѣкъ. По дорогамъ только и встрѣчались толпы холоповъ и крестьянъ, шедшихъ къ нему. Только и рѣчи было, что объ истребленіи дворянъ: каждый крестьянинъ, каждый холопъ умерщвлялъ своего господина и приносилъ его голову Разину, который хвалилъ и награждалъ ихъ съ цѣлью поощрять очищеніе земли отъ подобныхъ чудовищъ (такъ называлъ онъ дворянъ) и не допускать ихъ до самовластія. Такимъ образомъ помѣстья пустѣли. Такъ какъ благородное происхожденіе считалось главнымъ преступленіемъ, то дворяне должны были для сохраненія жизни спасаться въ городахъ, въ холопскомъ платьѣ.

Скопища Разина росли съ каждымъ днемъ, и онъ сталъ такъ заносчивъ, что все считалъ ниже себя и не сомнѣвался, что скоро будетъ на престолѣ. Какъ онъ ни былъ скрытенъ, легко было замѣтить, что этого именно онъ и добивался; но народъ, мало проницательный, не могъ себѣ представить, чтобы человѣкъ, отказывающійся отъ титула князя, царя, повелителя и называющій себя братомъ, ровнею и таварищемъ, осмѣлился бы искать престола. Онъ привлекалъ простаковъ этою ложною скромностью и презрѣніемъ, какъ онъ выражался, къ скипетру и къ тѣмъ, кто обладалъ имъ. Въ его душѣ, полной тайной гордости, зародилась мысль сравняться съ вѣнценосцами, повидимому для того, чтобъ обезчестить ихъ, а въ сущности для того, чтобы пріучить своихъ подчиненныхъ отдавать ему такія же почести. Когда онъ считалъ себя уже въ силахъ оскорблять ихъ, то началъ съ Персидскаго шаха, къ которому послалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Братъ! Богъ, управляющій государями иначе, нежели обыкновенными людьми, нынѣ внушилъ мнѣ любовь къ тебѣ и искать союза съ тобою для того, чтобы соединиться противъ притѣснителей, tyrans. Я окинулъ взоромъ сосѣдей и не нашелъ никого, кто былъ бы достойнѣе тебя моей дружбы. Съ цѣлью предложить тебѣ ее, я и посылаю пословъ; я думаю, что у тебя слишкомъ много здраваго смысла, и ты не откажешься отъ такого выгоднаго предложенія. Поэтому, не ожидая твоего отвѣта, я считаю тебя другомъ, на котораго полагаюсь. У меня безчисленное войско и столько же богатствъ, но нуждаюсь въ боевыхъ запасахъ и жизненныхъ припасахъ. Если у тебя ихъ

больше, нежели сколько тебѣ нужно, удѣли часть своему союзнику, я же заплачу тебѣ за нихъ наличными деньгами. Я не думаю, чтобы тебѣ отсовѣтовали прислать это мнѣ; но если такъ случится, то будь увѣренъ, скоро увидишь меня во главѣ 200,000 человѣкъ за тѣмъ, чтобы взять открытою силою тѣ, что можешь дать добровольно. Если этого будетъ мало для того, чтобы научить тебя своимъ обязанностямъ, то я хочу, чтобы ты узналъ мое рѣшеніе — заплатить твоею кровью за то, что я побезпокоюсь насильно явиться къ тебѣ».

Персидскій шахъ назначилъ аудіенцію посламъ, которые осмѣлились поддерживать содержаніе письма. Вмѣсто отвѣта шахъ велѣлъ умертвить ихъ, кромѣ одного, что тотчасъ же и было исполнено, а тѣла ихъ брошены собакамъ. Послѣ казни шахъ велѣлъ привести пощаженнаго и сказалъ ему: «Я дарую тебѣ жизнь для того, чтобы отослать тебя къ своему повелителю. Скажи ему, что я не буду ждать его къ себѣ, а самъ пошлю къ нему навстрѣчу такихъ хорошихъ копейщиковъ, что онъ лучше поступитъ, если уйдетъ отъ нихъ и избѣгнетъ смерти, какая постигла твоихъ товарищей». Этотъ несчастный посланецъ былъ такъ близокъ къ смерти, что съ трудомъ вѣрилъ спасенію, хотя и далеко уже былъ отъ Персидскаго двора. Когда онъ передалъ о своемъ посольствѣ, то повелитель его пришелъ въ ярость и, не зная, кого винить за презрѣніе, которое ему оказалъ (шахъ), излилъ свое бѣшенство на несчастномъ посланцѣ, котораго изрубилъ саблею. Его люди изрѣзали его на куски и бросили на живодерню, voirie.

Нѣсколько дней спустя, Разинъ узналъ, что нѣсколько полчищъ идутъ на соединеніе съ нимъ. Но такъ какъ этого, не переволакивая судовъ [179]), нельзя было сдѣлать, то онъ придумалъ средство избавить ихъ отъ такого труда и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Зная, что Камышинъ расположенъ при устьѣ Еруслана, который впадаетъ въ Донъ, а сей послѣдній соединяется (?) съ Волгой, онъ разсчелъ, что этотъ городъ былъ бы очень удобнымъ для него и что необходимо овладѣть имъ. Планъ былъ хорошо составленъ; но его трудно было выполнить, такъ какъ городъ былъ очень укрѣпленъ, постоянно хорошо снабженъ и усердно защищаемъ. Чтобы избѣжать медленной и правильной осады, онъ прибѣгнулъ къ военной хитрости, которая удалась. Изъ перешедшихъ къ нему Москвитянъ онъ выбралъ часть и послалъ ихъ въ городъ. Сіи послѣдніе, хорошо наученные, ловко притворились ревнителями отечества и предложили свои услуги такъ чистосердечно, что ихъ со-

---

[179]) На Дону Стенька Разинъ поселился между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами. (Тамъ же, с. 279).

чли за благонамѣренныхъ. Будучи съ большею частью гарнизона, они обезпечили себѣ его помощь, и всѣ вмѣстѣ въ полночь овладѣли всѣми воротами и сторожевыми постами, зарѣзали воеводу и начальниковъ; всѣ же остальные послѣдовали ихъ примѣру. Затѣмъ измѣнники выстрѣлили изъ пушки, чтобы дать знать объ успѣхѣ, послѣ чего Разинъ послалъ войско, которое овладѣло городомъ и берегло оный для него.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Великій ужасъ въ Астрахани.—Казаки овладѣваютъ Царицынымъ и Чернымъ Яромъ.—Новый, посланный противъ мятежниковъ, флотъ захваченъ ими подобно первому.—Твердость воеводы.—Авторъ съ товарищами спасаются ночью отъ грозящей городу опасности. (Сентябрь 1669 г.)

Когда узнали въ Астрахани, что бунтующіе Москвитяне предали Камышинъ Разину, то считали себя безнадежно погибшими. Не знали уже, кому и довѣриться и почти не сомнѣвались, что скоро будетъ другой повелитель. Воевода, видя общее смятеніе, собралъ совѣтъ, на которомъ представилъ положеніе дѣлъ и напомнилъ объ обязанности каждаго указать ему средства, прямо ведущія къ цѣли и наиболѣе вѣрныя для обращенія (измѣнниковъ къ своему долгу). Многіе говорили, что зло достигло высшей степени и что такъ какъ начальникъ бунтовщиковъ не въ силахъ держаться, то власть его будетъ непродолжительна, что онъ тѣмъ менѣе будетъ въ силѣ, что за нимъ слѣдуетъ только простой народъ, легкомысленно-довѣрчивый и непостоянный, поэтому-то достаточно быть насторожѣ и препятствовать народному волненію. Большая часть была противнаго мнѣнія. Они утверждали, что поступать такимъ образомъ значитъ оказывать милость бунтовщикамъ и поощрять колеблющихся слѣдовать ихъ примѣру. Отсюда выводили заключеніе, что надо напасть на нихъ въ ихъ собственномъ станѣ и что вслѣдствіе этого по меньшей мѣрѣ одни разсѣятся, а другіе, напуганные, останутся на своихъ мѣстахъ. Такъ какъ вѣрность простыхъ воиновъ была подозрительна, потому что ихъ прельщало своеволіе, которымъ пользовались ихъ товарищи у Разина: то многіе дворяне предложили занять ихъ мѣста и были приняты съ похвалою.

Такимъ образомъ думали объ исполненіи принятаго плана. Такъ какъ слѣдовало опасаться, что прежде всего осадятъ Царицынъ, то начали съ того, что послали туда, подъ надзоромъ дворянина Леонтія

Богданова, 800 человѣкъ, изъ которыхъ половина были Москвитяне, а другая—Ногайскіе Татары, которые должны были охранять обозъ съ боевыми снарядами и съѣстными припасами, въ коихъ нуждался этотъ городъ. Онъ лежитъ отъ Астрахани въ какихъ нибудь 80 миляхъ и простирается (?) до Дона, на берегахъ котораго, какъ мы уже сказали, живутъ казаки. Многіе думали, что эта рѣка непосредственно впадаетъ въ Волгу, но я убѣдился въ противномъ и со всѣмъ нашимъ экипажемъ могу увѣрить, что эти двѣ рѣки не имѣютъ никакого сообщенія и что казаки должны идти сухопутно цѣлый день для того чтобы переволочить свои лодки изъ одной рѣки въ другую, чего бы они не сдѣлали, если бы вѣрно было, что соединеніе этихъ двухъ рѣкъ могло бы избавить ихъ отъ этого труда.

Послѣ выступленія 800 дворянъ, maîtres, Богдановъ увѣдомилъ воеводу о томъ, что онъ узналъ отъ одного казака, взятаго въ плѣнъ Москвитянами, будто мятежники вступили въ Царицынъ, гдѣ умертвили болѣе 1,200 человѣкъ гарнизона. Онъ прибавлялъ, что Татары раздѣлились и бьютъ безпощадно другъ друга. Такъ какъ его помощь опоздала, то онъ удалился въ Черный Яръ, гдѣ разсчитываетъ простоять до прихода непріятеля; узналъ еще, что Москвитяне такъ жестоко измучили этого несчастнаго казака, что самые грубые изъ его враговъ выразили къ нему сожалѣніе.

Мятежъ все усиливался; вооружили всѣ лодки, взятыя изъ ближнихъ мѣстъ, а нѣсколько дней спустя ихъ было около 40, изъ которыхъ каждая была снабжена маленькой чугунной пушкой. Собралось болѣе 2,600 Москвитянъ и 500 Астраханцевъ, d'Astraratai, надъ которыми принялъ начальство князь Семенъ Ивановичъ Львовъ, knées Simeon Ivanovits Elbof [180]. Этотъ отрядъ былъ взятъ изъ Астраханскаго гарнизона; полковникомъ въ немъ былъ Полякъ, по фамиліи Рожинскій [181]), Rusinski, а помощникъ Виндронгъ, Vvindrong, Шотландецъ. Другіе иностранные офицеры были: Павелъ Рудольфъ, Нѣмецкій капитанъ, Робертъ Гейтъ, Англійскій капитанъ, и Николай Скакъ, Nikolas Scaak, который былъ произведенъ Рускими изъ лейтенантовъ нашего корабля въ капитаны. Было еще два поручика и нѣсколько прапорщиковъ—Нѣмцы. Остальные были Русскіе или Поляки. Флотъ этотъ вышелъ изъ Астрахани 25-го Мая, въ Троицынъ день. Чтобы настращать воиновъ и заставить ихъ исполнять свои обязанности, во время салютовъ пе-

---

180) Второй послѣ князя Прозоровскаго воевода въ Астрахани.

181) Или Ружинскій. Н. И. Костомаровъ (Бунтъ С. Разина, и. м. и из., II, 290) называетъ отрядъ, посланный на помощь Богданову, „полкомъ", а во Французскомъ переводѣ стоитъ (II, 77) détachement.

редъ отплытіемъ, въ виду всего флота, повѣсили бѣднаго полуживаго казака.

Какъ только флотъ отплылъ, Астраханская чернь, до тѣхъ поръ только роптавшая, нахально излила свою злобу на дѣйствія воеводы, офицеровъ и даже пригрозила имъ. Но что̀ она ни дѣлала, воевода не показалъ даже вида, что слышитъ ихъ, откладывая наказаніе ихъ до возвращенія флота, въ желанномъ успѣхѣ котораго не сомнѣвались. Къ тому же, такъ какъ гарнизонъ былъ слабѣе обыкновеннаго, то опасались, чтобы, въ случаѣ возмущенія, народъ не превозмогъ. Между тѣмъ узнали отъ одного бѣжавшаго дворянина, что враги завладѣли Чернымъ Яромъ, Tzornojar, который взяли приступомъ въ тотъ самый день, когда къ нему подошелъ флотъ, что изрубили всѣхъ, не пощадивъ никого; а солдаты Московскаго флота, умертвивъ всѣхъ своихъ офицеровъ, сдались побѣдителю, не смотря на то, что за четверть часа до этого присягнули въ томъ, что положатъ жизнь свою за дѣло государя.

Этою новостью, встревожившею начальство, усилилась дерзость народа; уже раздавались глухія и скрытыя жалобы; злобу на воеводу выражали нагло, его поносили и оскорбляли при всякой встрѣчѣ. Нашлись даже смѣльчаки, которые сказали ему, что онъ довольно хозяйничалъ и что теперь настала очередь управлять властелину, болѣе свѣдущему и достойному. Богачи и дворяне не смѣли показываться въ народѣ и ежеминутно опасались, чтобы народъ не перебилъ ихъ.

Это буйство, котораго большая часть дворянъ испугалась, не помѣшала воеводѣ водворять повсюду порядокъ. Онъ положился на бывшихъ въ городѣ Нѣмцевъ и, въ ожиданіи помощи, которую слали ему изъ Московскаго государства, ввѣрилъ имъ первыя должности, поручилъ охранять артилерію и приблизилъ ихъ къ себѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ полагалъ, что иностранцы будутъ вѣрнѣе жителей, и безопаснѣе ввѣрить охрану города имъ, нежели злонамѣренному народу, который искалъ только случая, чтобы заявить преданность врагу государя. Не смотря на всѣ эти предосторожности, мы думали, что воевода не будетъ въ состояніи разсѣять грозу, готовую разразиться надъ городомъ. Полчища Разина росли съ каждымъ днемъ, онъ одерживалъ большія побѣды, и счастье всюду сопровождало его. Каково же было сопротивляться ему? Такъ какъ мы полагали, что это невозможно, то умоляли воеводу, желавшаго удержать насъ, возвратить намъ свободу, которою мы пользовались, когда пристали къ берегамъ Астрахани, и принять во вниманіе то, что мы должны были исполнить другія приказанія по службѣ его царскому величеству. Если бы мы не имѣ-

ли намѣренія продолжать наше путешествіе, то не боялись бы вмѣшиваться, не сомнѣваясь въ томъ, что Разинъ, знавшій насъ и нашу преданность государю, поступилъ бы съ нами жесточе, нежели съ другими. Вотъ почему мы рѣшили не только оставаться свободными, но даже искать случая удалиться. Хотя въ городѣ было достаточно военныхъ запасовъ для того, чтобы сопротивляться стотысячному войску, и, какъ бы ни былъ силенъ непріятель, съ его стороны было бы безразсудно осаждать его: тѣмъ не менѣе пронесся слухъ, что онъ съ безчисленными полчищами приближается очень быстро. По мѣрѣ того, какъ слухъ этотъ росъ, наглость черни усиливалась, что̀ заставляло подозрѣвать тайныя сношенія одной стороны съ другой. Такъ какъ воевода и мы были здѣсь не въ безопасности, ибо намъ угрожали тѣмъ, что мятежники насъ первыхъ принесутъ въ жертву своей жестокости: то капитанъ [182]) собралъ насъ и, объяснивъ, что мы, вмѣсто того чтобы покинуть городъ, подвергаемся опасности быть въ немъ запертыми, распорядился, наконецъ, чтобы каждый сегодня же, захвативъ свои лучшіе пожитки, возвратился на корабль и былъ готовъ къ отплытію въ Персію. Къ этому онъ присовокупилъ, чтобы мы не замедлили явиться на корабль прежде, нежели запрутъ городскіе ворота, такъ какъ было рѣшено не ожидать никого, изъ опасенія, чтобы, узнавъ объ этомъ, не помѣшали бы нашему отплытію. Хотя времени было мало, но мы съ такою радостью уходили изъ этого города, что успѣли въ точности исполнить распоряженія. Въ назначенный часъ было готово, и наши вещи были сданы на руки штурману, pilote. Въ нашемъ экипажѣ были женатые съ дѣтьми. Одного звали Корнелій Бракъ, а другаго—Яковъ Трапенъ, Jacob Trappen. Впрочемъ капитанъ запретилъ увѣдомлять ихъ объ этомъ (отъѣздѣ), не желая брать ихъ на свое попеченіе во время такого продолжительнаго плаванія. Но такъ какъ я находилъ, что это запрещеніе противно чувству любви къ ближнему и было бы жестоко предавать своихъ соотечественниковъ ярости черни, которая не пощадитъ ихъ, то и увѣдомилъ ихъ о полученномъ приказаніи и устроилъ такъ, что первый изъ нихъ явился на корабль съ женою и ребенкомъ. Что̀ же касается Якова Трапена, то онъ сказалъ, что нѣтъ у него денегъ и онъ не знаетъ, откуда ихъ достать, а потому и не осмѣлится покуситься на такое предпріятіе. Съ выраженіемъ такого горя описалъ онъ мнѣ свое затруднительное положеніе, что я весьма пожалѣлъ, что не могу дать ему въ займы денегъ и тѣмъ извлечь его изъ мѣста, въ которомъ онъ долженъ былъ подвергаться величайшему бѣдствію и ежеминутной опасности погибнуть подъ развалинами города, или быть уби-

---

[182]) Давидъ Бутлеръ, который впослѣдствіи раздумалъ и рѣшилъ остаться въ городѣ.

тымъ черныо, которая со дня на день разъярялась сильнѣе на воеводу, безнаказанно угрожая ему и даже начиная оскорблять его. Къ спасенію не было никакого средства, въ особенности, еслибы Разинъ осадилъ городъ; въ чемъ почти уже не сомнѣвались, такъ какъ увѣряли, что онъ недалеко, и силы его превосходятъ всякое вѣроятіе. Такимъ образомъ этотъ бѣдный человѣкъ подвергался ярости бунтовщиковъ, наглости жителей и ужасамъ нищеты. Не смотря на все это, надобно было уступить необходимости и положиться на святое Провидѣніе, которому мы и предали его. Оставивъ его, мы, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, сѣли въ шлюпку. Такъ какъ не являлись нашъ капитанъ и двое изъ экипажа, Брандъ и Термундъ, то мы ждали ихъ до того, что боялись очутиться въ бѣдѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало опасаться, чтобы насъ не открыли; въ этомъ случаѣ съ нами навѣрное обошлись бы дурно, такъ какъ воевода далъ понять, что онъ не желаетъ, чтобы мы возвращались на свой корабль прежде, нежели утихнетъ волненіе. Эти и нѣкоторыя другія причины смутили духъ и пробудили нетерпѣніе нѣкоторыхъ, боявшихся дурныхъ послѣдствій отъ дальнѣйшаго промедленія и хотѣвшихъ сейчасъ же ѣхать. Начальникъ корабля напомнилъ, что по совѣсти они не могли этого сдѣлать и, если изъ трусости покинутъ они своего капитана, которому обязаны многимъ, то ихъ всякій осудитъ. Эти слова успокоили ихъ. Прождали до полуночи, но затѣмъ согласились, что долѣе ожидать нѣтъ возможности, такъ какъ опасность была неминуема. Кромѣ того можно было думать, что онъ или избралъ для бѣгства другой корабль, или попался въ плѣнъ. Замѣтьте при этомъ, что нужно было опасаться, какъ бы жена бѣднаго Трапена, о которомъ мы выше упомянули, будучи не въ состояніи молчать, не открыла нашего мѣстопребыванія. И такъ, отчалили мы отъ берега смѣло, ибо стоявшій между нами и городомъ нашъ корабль скрывалъ отъ жителей шлюпку, чтò способствовало нашему побѣгу. Къ тому же Астраханцы далеки были отъ мысли, что мы отважимся пуститься въ море на такомъ непрочномъ суднѣ. Такъ какъ терпѣніе наше истощилось, а надежда оказалась тщетною, то мы наконецъ рѣшили направить свой путь въ Персію, хотя не сомнѣвались въ томъ, что предпріятіе это было сопряжено со многими неизбѣжными опасностями и тяжкими бѣдствіями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Отъѣздъ автора.—Штурманъ прокладываетъ невѣрный путь.—Безпокойство экипажа по этому поводу.—Онъ плыветъ прямо и счастливо отправляется.—Описаніе Четырехъ-Бугровъ.—Необыкновенно высокій тростникъ на этомъ островѣ.—Блестящій песокъ.—Татарская барка на мели.—О странѣ Черкесовъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ.

12-го Іюня мы отчалили, но къ несчастью наше судно тотчасъ же уклонилось отъ своего пути, слѣдуя не кстати по одному изъ рукавовъ рѣки. Мы встрѣчали кое-гдѣ хижины Татаръ, которые могли бы указать намъ настоящій путь; но мы не осмѣливались довѣриться имъ, такъ какъ у нихъ существуетъ обычай хватать иностранцевъ и продавать ихъ въ рабство. Край этотъ не изъ лучшихъ, но почва хороша. Верблюды, дромадеры, лошади, овцы и тому подобныя животныя находятъ здѣсь изобильную пищу. Мы видѣли здѣсь нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, наполненныхъ кабанами и поросятами; но все это не могло уменьшить нашего безпокойства о томъ, что мы не могли плыть по прямому направленію. Въ теченіи двухъ дней мы переходили только съ одного мѣста на другое, не зная, подвигаемся ли впередъ, или назадъ, что̀ причиняло намъ чрезвычайное безпокойство и огорченіе. Наше горе довела до крайности неслыханная доселѣ гроза: удары грома и молніи были такъ часты и сильны, что считали этотъ день послѣднимъ въ своей жизни. Не будучи въ состояніи устоять противъ столькихъ бѣдъ въ одно и тоже время, мы искали убѣжища на сосѣднихъ островахъ, гдѣ ожидали окончанія грозы. Затѣмъ направились къ Югу и черезъ нѣсколько часовъ встрѣтили Татаръ, которые спросили насъ, куда мы ѣдемъ. Мы отвѣчали порусски, такъ какъ этотъ языкъ употребляется ими, что ищемъ прохода къ морю. На это они возразили, что мы идемъ не по тому пути, и тотъ, котораго мы держимся, приведетъ насъ къ Татарамъ Черемисамъ. Мы поблагодарили Татаръ за добрый совѣтъ и просили ихъ направить насъ туда, куда намъ должно плыть, обѣщая заплатить имъ за трудъ. Мы сторговались за червонецъ. Во время пути они сообщили намъ, что на той сторонѣ, на которой они встрѣтили насъ, мы непремѣнно попались бы въ руки Татаръ, которые обратили бы насъ въ рабство и обходились бы съ нами безчеловѣчно. Мы сомнѣвались въ справедливости ихъ словъ. Впрочемъ, хотя они казались человѣколюбивѣе тѣхъ, о комъ говорили, мы

остерегались и не довѣряли имъ. Поэтому-то, прежде чѣмъ слѣдовать за ними, мы заставили перейти на наше судно одного изъ нихъ. Сей послѣдній долженъ былъ отвѣчать за искренность прочихъ. Они проводили насъ къ устью рѣки, гдѣ ловится осетръ, éturgeon [183]), называемый на туземномъ языкѣ учугъ, outsiougue [184]), и другая, рыба называемая бѣлугой, biélogue. Изъ яицъ сей послѣдней приготовляется икра, извѣстная въ Европѣ и Азіи.

Для удобства въ ловлѣ рыбы, вколачиваютъ на рѣкѣ множество кольевъ, которые образуютъ весьма большой треугольникъ, въ которомъ рыба, разъ попавши, не можетъ двинуться ни назадъ, ни впередъ, ни даже повернуться на такомъ маленькомъ пространствѣ, длиною обыкновенно отъ двадцати пяти до двадцати шести футовъ. Когда она попадется, рыболовы убиваютъ ее острогою, à coups de javelots, и приготовляютъ икру изъ вынутыхъ яичекъ. Рыболовы цѣнятъ только эти яйца, вѣсящія иногда триста или четыреста фунтовъ. Что̀ касается рыбы, то до того не дорожатъ ею, что только изрѣдка солятъ ее. Да если и дѣлаютъ это, то лишь для отправки въ Московію, гдѣ ее покупаетъ простой народъ. Торговля здѣсь икрою не уступаетъ торговлѣ масломъ въ Голландіи. Масла Москвитяне не ѣдятъ въ теченіи поста, когда употребляютъ икру на всевозможныя приправы, почему ея съѣдается въ страшномъ количествѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Татары остановили насъ, говоря, будто не смѣютъ провожать далѣе, опасаясь встрѣчи съ своими единоплеменниками, которые не простили бы имъ оказанной намъ услуги. Они увѣряли, что плывя по прямому направленію отъ этихъ кольевъ, не крейсируя, мы непремѣнно найдемъ устье рѣки. Когда мы дали имъ условленную плату, они при этомъ выразили опасеніе, чтобы стрѣльцы въ караульнѣ, les soldats d'un-corps-de-garde, нарочно поставленной на этомъ мѣстѣ, не помѣшали намъ пройти. Сіе послѣднее извѣстіе причинило намъ крайнее безпокойство, такъ какъ мы не предвидѣли этого препятствія; но какая бы опасность насъ ни ждала, мы рѣшили пройти или, защищаясь, погибнуть.

Съ такою рѣшимостью мы продолжали нашъ путь по очень узкому пространству, такъ какъ теченіе рѣки у обоихъ ея береговъ было занято вышеупомянутыми кольями. Въ концѣ пути (по рѣкѣ) мы увидѣли небольшое укрѣпленіе, о которомъ говорили Татары, но къ счастью въ немъ не было тогда стрѣльцовъ, soldats. Такимъ образомъ прошли мы благополучнѣе, нежели думали. За опасностью слѣдо-

---

183) Вмѣсто esturgeon, Tursio.

184) Учугомъ называется группа рыбачьихъ хижинъ, какъ бы рыбный заводъ. Тутъ у Стрюйса (II, 91) очевидная ошибка.

вали хлопоты объ отысканіи хлѣба, котораго каждый изъ насъ ѣлъ не болѣе двухъ унцій въ день: такъ его немного было у насъ. Съ этой цѣлью мы направили судно къ рыболовамъ, жившимъ вблизи и передали имъ, въ какой были крайности. Но это такъ мало тронуло ихъ, что мы, послѣ неоднократныхъ настоятельныхъ просьбъ, возвратились съ такимъ успѣхомъ, какъ будто и не говорили имъ объ этомъ.

14-го вышли въ море въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга впадаетъ въ него нѣсколькими рукавами, образующими множество островъ, окруженныхъ тростникомъ, исключая Четырехъ-Бугровъ, который окруженъ цѣпью скалъ. На одномъ утесѣ мы увидѣли хижинку, которую Разинъ приказалъ выстроить для того, чтобы подстерегать проѣзжихъ. И вотъ, какъ только его соумышленники замѣчали (на морѣ) какія нибудь суда, то гнались за ними и грабили. Отсюда до горъ Черкесовъ мы плыли на глубинѣ двухъ или трехъ саженъ [185]). У однихъ птицъ на этомъ берегу длинный клювъ, напоминающій ложку, у другихъ онъ похожъ на пеликаній. На нѣкоторомъ разстояніи отъ берега мы встрѣчали тростникъ вышиною съ самыя большія деревья. Между нимъ и берегомъ глубина была такая, какъ въ открытомъ морѣ: вотъ почему это мѣсто защищено отъ вѣтра, сила котораго ослабляется тростникомъ. Это служитъ для путешественниковъ спасеніемъ во время бури, такъ какъ, останавливаясь немного выше этого мѣста, они могутъ быть въ безопасности, а по окончаніи грозы выйти оттуда, двигаясь съ помощью каната, къ которому привязанъ ихъ якорь. По крайней мѣрѣ мы были весьма довольны, поступивъ такимъ образомъ, когда близъ этого мѣста были застигнуты бурею, отъ которой безъ сомнѣнія погибли бы, если бы не прибѣгли къ этому средству. До входа на это мѣсто двое человѣкъ не успѣвали ведрами выкачивать воду, заливавшую судно. Эта непогода продолжалась до пяти часовъ утра. Лишь только она миновала, мы направились къ Югу-четверть-Юго-Западу, au Sud quart à l' Ouest, а вѣтеръ дулъ юговосточный. Я попробовалъ въ этомъ мѣстѣ воду, полагая, что она солона, какою въ сущности и должна быть; а между тѣмъ она была прѣсная и очень хорошая для питья не только на мой вкусъ, но и на вкусъ всего экипажа, который пилъ ее нѣсколько разъ, при чемъ каждый находилъ, что нисколько не солона. Мы измѣрили также высоту и нашли, что были подъ 22° 4′ сѣверной широты, de la bande du Sud.

15-го направились въ открытое море и отошли такъ далеко, что съ самаго входа въ заливъ Кизиларкъ, Kisilarque, ширина котораго

---

[185]) Во Французскомъ текстѣ brasse, что составляетъ 6 Англійскихъ футовъ.

равняется почти 40 милямъ, потеряли изъ виду берегъ. Около острововъ этого залива есть песокъ, похожій на золотой, который свѣтитъ въ темнотѣ подобно пламени отъ большаго огня. За этотъ цвѣтъ жители назвали его кизиларкъ-ольтъ-кбекъ, Kisilarke-oltkboek, то есть золотымъ заливомъ. Отъ времени до времени я пробовалъ воду и находилъ, что она имѣла то вкусъ селитры, то горькій, иногда сѣрный и, наконецъ, опять прѣсный. Отсюда я вывелъ заключеніе, что эти измѣненія зависятъ почти только отъ дна, свойства котораго сообщались находившейся надъ нимъ водѣ. Рѣка Казиларкъ есть рукавъ рѣки Бустро, Bustro, берущей начало въ восьми миляхъ выше Тарковъ, Terki, откуда течетъ на разстояніи болѣе 65 миль параллельно Волгѣ. Между тѣмъ съ каждою минутою опасеніе наше увеличивалось и довольно основательно: наша шлюпка такъ погрузилась, что не доставало только фута, чтобы опуститься совсѣмъ въ воду. Изо всѣхъ жизненныхъ припасовъ у насъ осталось только пять или шесть фунтовъ хлѣба; а къ довершенію бѣдствій, шквалъ, продолжавшійся всю ночь, вздымалъ на морѣ такія волны, что мы отчаявались въ возможности подойти къ берегу. Къ тому же нужно было всю ночь выкачивать и вычерпывать воду, и то насъ чуть было не затопило, такъ какъ волны безпрестанно заливали нашу лодку. На другой день, такъ какъ вѣтеръ продолжалъ дуть, а берега не было видно, то мы потеряли всякую надежду и ограничились тѣмъ, что предоставили Небу вести насъ, не будучи сами въ состояніи что нибудь сдѣлать. На слѣдующій день дулъ благопріятный вѣтеръ, который помогъ намъ въ короткое время пройти большое пространство. На Югѣ мы увидѣли берегъ, и вскорѣ, замѣтивъ лодку, направились въ ту сторону. Эта лодка стояла на мели, а Дагестанскіе Татары, которымъ она принадлежала, бросились въ воду, когда замѣтили, что мы приближаемся. Мы закричали имъ, чтобъ они не пугались, что мы не враги имъ. Эти слова успокоили ихъ и побудили снова войти въ лодку. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, предложенныхъ съ цѣлью привлечь ихъ, мы попросили у нихъ хлѣба, за который обѣщали заплатить, что̀ они пожелаютъ. Прежде они сказали, что у нихъ нѣтъ его; но весьма жалобный тонъ голоса, нѣсколько вздоховъ и взглядовъ на небо, показали имъ, что мы крайне нуждались, что̀ побудило ихъ предложить намъ шесть маленькихъ хлѣбовъ и нѣсколько сушеныхъ сливъ и грушъ, за что мы весьма чувствительно благодарили ихъ. Эта лодка была нагружена тюками шелку, который Татары должны были продать въ Астрахани. Когда же мы сообщили имъ, въ какомъ плачевномъ состояніи оставили городъ, которымъ, безъ сомнѣнія, завладѣлъ уже Разинъ, то они измѣнили намѣреніе и рѣшили везти его въ

Тарки, гдѣ ничѣмъ не рисковали, хотя здѣсь прибыль должна быть меньше. Мы же, лишенные всего, не зная, куда идти за покупкою того, что̀ намъ было необходимо, полагали, что поступимъ лучше всего, если поплывемъ вмѣстѣ съ ними. Провидѣніе помогло намъ прибыть туда очень скоро и безпрепятственно. Когда мы пристали къ берегу, то десять или двѣнадцать солдатъ подошли къ намъ, неизвѣстно, съ какою цѣлью, но долго наблюдали за нами, не говоря ни слова. На всякій случай мы приготовили свое оружіе и, должно быть, выказали рѣшительность даже бо̀льшую, нежели какою обладали. Солдаты, судя по наружности о внутреннихъ достоинствахъ, ограничились тѣмъ, что спросили, кто мы такіе и откуда пришли. Мы отвѣчали имъ такъ, какъ поступали въ другихъ мѣстахъ, что мы Голандцы и по приказанію его царскаго величества отправляемся моремъ въ Персію: цѣль наша высмотрѣть съ этого суденышка мѣста̀ для того, чтобы обходить ихъ на обратномъ пути съ кораблями, назначенными для этого предпріятія и что это была единственная цѣль нашего путешествія. Они отвѣчали, что если это дѣйствительно такъ, то намъ слѣдуетъ явиться къ правителю. Мы возразили, что не преминемъ сдѣлать это, но такъ какъ уже очень поздно, то отложимъ посѣщеніе на слѣдующій день. При этомъ отвѣтѣ они удалились и оставили насъ въ покоѣ. Но мы не долго наслаждались имъ, боясь каждую минуту, чтобы не хватились насъ. Бывъ на столько просты, что признались Татарамъ, что мы искали дорогу, что вышли изъ Астрахани безъ вѣдѣнія воеводы, мы боялись и не безъ основанія, чтобъ они не обнаружили нашей тайны и чтобъ не воспользовались этимъ предлогомъ съ цѣлью задержать насъ: вотъ почему съ восходомъ солнца, мы подняли якорь, распустили паруса и поплыли въ море [186]).

---

[186]) Затѣмъ авторъ, описавъ Тарки, перешелъ, 18-го Іюля, за границу Московскаго царства, которое отдѣлялось, по его словамъ, отъ земель Черкесовъ рѣкою Тименки, Timenki, или, Тарки, Terki, рукавомъ рѣки Бастро, Bastro, которую выше называлъ Быстро, Bustro, т. е. Быстрая, упоминаемая Де-Лукомъ, Ламберти и др.

Копія съ письма, писаннаго неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ „Орлѣ", стоящемъ на якорѣ подъ г. Астраханью *).

24 Сентября (стараго стиля) 1669 г.

28-го Мая мы изъ Москвы отправились въ путь въ маленькой лодкѣ, въ которой спустились по рѣкѣ Окѣ до села, называемаго Дѣдновымъ. Въ этомъ селѣ мы увидѣли яхту и корабль [1]), которые были тамъ выстроены по приказанію Московскаго царя. 6-го Іюня сѣли на эти два судна и 7-го прибыли въ Нижній Новгородъ, гдѣ Ока впадаетъ въ Волгу. Первая всюду глубока, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, въ которыхъ мы натолкнулись на грунтъ. Оба ея берега покрыты деревьями, которыя до такой степени мѣшали нашему бугсприту, что пришлось покинуть его здѣсь. Новгородскій воевода Максимъ Ивановичъ Нащокинъ, Maxin Ivanovvitz Nachokkin [2]) очень хорошо принялъ Бутлера, командира этихъ двухъ судовъ. Онъ былъ два или три раза на его суднѣ и ежедневно присылалъ ему свѣжіе съѣстные припасы.

1-го мы вошли въ рѣку Казанку, протекающую въ пяти верстахъ, changerons, отъ Казани. Воевода въ этомъ городѣ, Юрій Петровичъ Трубецкой, былъ добръ и учтивъ. Онъ радушно принялъ капитана Бутлера и снабдилъ его нѣкоторыми съѣстными припасами, въ которыхъ онъ нуждался. 16-го снялись мы съ якоря, проплыли мимо нѣсколькихъ городовъ и между прочими мимо Камышина, Camuschinka. Этотъ городъ очень малъ и былъ выстроенъ съ годъ тому назадъ. Онъ расположенъ на берегу рѣки, отъ которой получилъ свое названіе и которая впадаетъ въ Донъ, Tanaïs, берега котораго составляютъ обыкновенное мѣстопребываніе казаковъ, живущихъ исключительно грабежомъ.

13-го мы были въ виду Астрахани, которую салютовали на слѣдующій день одиннадцатью пушечными выстрѣлами и тремя зал-

---

*) Это письмо и нижеслѣдующее составляютъ приложенія къ сочиненію Стрюйса. П. Б.

[1]) Въ Дѣдновѣ построены были: корабль, яхта, два шнека и ботъ. Ср. Соловьева, Исторія Россіи, т. XII, с. 286.

[2]) Straussens merkw. Reisen, 206: Maxim Iwanowitz Nachokin, какъ пишетъ г. А. Поповъ (О построеніи, с. 13). Воеводою въ Нижнемъ былъ въ это время Максимъ Ивановичъ Ордынъ-Нащокинъ. Д. къ А. И., V, № 47, с. 280.

пами изъ ружей, послѣ чего снялись съ якоря и вышли въ море, (ставши) недалеко отъ города, donnâmes fond proche de la ville. На пути насъ увѣдомили, что казаки рыскаютъ по Волгѣ; а въ Астрахани узнали, что 3,000 Москвитянъ преслѣдуютъ ихъ (и всѣ) ждутъ извѣстія объ успѣхѣ ихъ предпріятія. Три года тому назадъ эти казаки причиняли много вреда на Каспійскомъ морѣ и годъ тому назадъ отняли у царя городъ Яикъ, гдѣ умертвили болѣе 8,000 человѣкъ и совершили великія злодѣйства. Изъ этого города они отправились въ Персію, въ которой овладѣли тремя городами, а съ жителями поступили такъ, какъ въ Яикѣ; будто ихъ предводитель, по имени Стенька или Стефанъ Разинъ не болѣе 15 дней тому назадъ захватилъ Персидское судно (бусу), нагруженное драгоцѣнными товарами и нѣсколькими лошадьми, которыхъ Персидскій шахъ посылалъ царю.

17 го воевода прибылъ на нашъ корабль, гдѣ получилъ извѣстіе, что казаки раскаялись въ своей винѣ и предаютъ себя во власть его величества и уже возвратили вышеупомянутыхъ лошадей. Новость эта была принята съ такою радостью, что воевода приказалъ намъ выстрѣлить изъ всѣхъ нашихъ пушекъ. Мы дали нѣсколько залповъ.

19-го явились три казака и, въ качествѣ пословъ, просили у воеводы позволенія видѣться. Они были одѣты великолѣпно, шапки же были украшены множествомъ жемчугу и бриліантовъ. Обращаясь къ самому молодому изъ нихъ, говорившему отъ имени казаковъ, воевода сказалъ, что царь милуетъ ихъ предводителя и забылъ прошедшее. Посланные осмѣлились просить, чтобы ихъ предводитель былъ принятъ съ почестями; но воевода отвѣчалъ, что это невозможно по причинѣ имъ небезъизвѣстной, да ему и самому, куда онъ ни являлся въ качествѣ воеводы, нигдѣ не отдавали особенныхъ почестей. Затѣмъ онъ повелъ ихъ къ себѣ. Здѣсь посланные роптали на то, что имъ слишкомъ долго, по ихъ мнѣнію, не даютъ водки.

21-го, съ утра, показался Московскій флотъ, состоявшій изъ 50 судовъ, на которыхъ было болѣе 3,000 человѣкъ и на каждомъ по одному или по два литыхъ орудія. Въ два часа появился казачій флотъ, состоящій изъ 23 парусныхъ судовъ. Вечеромъ воевода прислалъ на нашъ корабль 200 Москвитянъ. Подойдя къ городу, флотъ далъ залпъ изъ всѣхъ орудій, на что казаки, которыхъ было не болѣе 1000 человѣкъ, отвѣчали всеобщей пальбой изъ своихъ орудій. Когда Москвитяне удвоили пальбу, казаки сдѣлали тоже. Затѣмъ мы дали залпъ изъ 200 ружей и 13 пушекъ. Спустя нѣкоторое время, Москвитяне, проходя вблизи нашего корабля,

дали третій залпъ, на который мы отвѣчали по прежнему. Когда же они удалились, казаки заняли покинутый ими постъ.

22-го казаки опять поднялись по рѣкѣ и отошли на столько, что мы потеряли ихъ изъ виду. Съ этого времени было запрещено посѣщать ихъ. Въ тотъ же день нѣкоторые изъ нихъ, богато одѣтые, отправились въ Астрахань, куда на слѣдуюшій день явился ихъ предводитель. Тогда же рѣшено было удержать въ городѣ его оружіе и знамя. Человѣкъ этотъ жестокъ и грубъ, въ особенности въ пьяномъ видѣ: тогда величайшее удовольствіе находитъ онъ въ мученіи своихъ подчиненныхъ, которымъ приказываетъ связывать руки надъ головою, наполнять желудокъ пескомъ и затѣмъ бросаетъ ихъ въ рѣку.

Ему сорокъ лѣтъ. До сихъ поръ онъ производилъ однѣ жестокости, заставляющія ненавидѣть его. Говорятъ, будто онъ лишилъ жизни нѣсколько тысячъ Москвитянъ и болѣе сорока тысячъ Персіянъ, съ которыми живетъ въ согласіи.

Копія съ письма Давида Бутлера,

писаннаго въ Испагани, 6 Марта 1671, съ описаніемъ взятія Астрахани.

1-го Марта 1670 года присланъ царскій указъ всѣмъ морякамъ явиться въ Москву подъ страхомъ великаго наказанія. Нашъ экипажъ повиновался весьма охотно. Мнѣ же передъ отъѣздомъ поручили снабдить нашъ корабль всѣмъ необходимымъ, такъ чтобы онъ не нуждался ни въ снастяхъ, ни въ парусахъ, ни въ съѣстныхъ припасахъ; а главное, выстроить лодку, на которой можно было бы идти противъ казаковъ, если представится къ тому случай. Эта лодка была готова и спущена на воду въ Апрѣлѣ.

2-го числа этого мѣсяца составленъ былъ отрядъ въ 800 человѣкъ, частью Татаръ, частью Москвитянъ, который былъ отправленъ въ Царицынъ подъ предводительствомъ господина Леонтія Богданова. Этотъ городъ, расположенный на берегу Дона или Танаиса, находится въ 80 миляхъ отъ Астрахани. Нѣкоторые думаютъ, что эта рѣка впадаетъ въ Волгу, но ихъ мнѣніе неосновательно, и казаки употребляютъ цѣлый день для перенесенія изъ одной рѣки въ другую своихъ лодокъ, которыя выдолблены изъ толстаго дерева. Ка-

заки говорятъ порусски и весьма мало отличаются отъ подданныхъ царя.

28-го узнали отъ плѣнника противной стороны, что казаки завладѣли Царицынымъ, Tzanitza, гдѣ изрубили гарнизонъ, состоявшій изъ 1,000 или 1,200 человѣкъ. Въ тоже время получено было извѣстіе о томъ, что Татары, поссорившись, били другъ друга, причемъ Богдановъ удалился въ Черный Яръ, Chornojar, городъ средней величины, (лежащій) въ 50 миляхъ отъ Астрахани. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ, воевода велѣлъ снарядить всѣ, находящіяся въ окрестностяхъ суда и отправилъ ихъ на помощь подъ начальствомъ Ивана Рожинскаго, Ivan Rusinski, Польскаго полковника, помощникъ котораго также получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію во главѣ 500 человѣкъ, все почти Поляковъ или Русскихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ, Англійскаго капитана Роберта Гейна, Robert Hein, и Николая Шака, Nikolas Schak, моего помощника, котораго произвели въ капитаны.

Въ Понедѣльникъ 25 Мая отправили сорокъ лодокъ, barques, съ 2,105 человѣками, взятыми большею частью изъ гарнизона, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ 500 человѣкъ. Въ этотъ день въ виду всей арміи повѣсили плѣннаго казака, о которомъ мы говорили выше (?), подвергнувъ его страшнымъ мученіямъ. Съ этого времени въ городѣ слышался ропотъ: только и говорили о бунтахъ, мятежахъ и возмущеніяхъ. Во время этихъ смутъ возвратился гонецъ, посланный царемъ къ Персидскому шаху, и я купилъ у его хирурга шелковыхъ тканей и 480 кожъ.

4-го (Іюня) узнали отъ нѣкоего дворянина, что Москвитяне, предводительствуемые полковникомъ Семеномъ Ивановичемъ, Simeun Ivanowitz (Львовымъ?), подошедъ къ Черному Яру, Chornojaar, взбунтовались въ тотъ же день подъ предлогомъ, будто непріятель былъ сильнѣе и многочисленнѣе, нежели имъ сказали. Дворяне были всѣ перерѣзаны за то, что хотѣли объяснить имъ, какъ важно для нихъ оставаться въ должномъ повиновеніи. Эта новость испугала всѣхъ жителей, а воевода (Астраханскій) далъ мнѣ приказаніе позаботиться о пушкахъ на столько, чтобы ни въ чемъ не было недостатка.

5-го возмущеніе усилилось; перенесли въ крѣпость все, находящееся на нашемъ кораблѣ; зарядили пушки и приготовились противостоять черни (canaille—сволочь), которая искала только случая снять личину и нанести оскорбленіе воеводѣ. Хирургъ, о которомъ я уже упоминалъ, зная нравъ и наклонности Русскихъ, увѣрялъ меня въ томъ, что если неудовольствіе ихъ продолжится еще нѣсколько дней, то оно неминуемо разразится, а въ такомъ случаѣ мы будемъ не въ безопасности, такъ какъ при такихъ столкнове-

ніяхъ иностранцевъ убиваютъ прежде всѣхъ. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ намъ больше не платили жалованья, то мы не обязаны дольше служить и сдѣлаемъ лучше всего, если уйдемъ во̀ время отъ опасности; если же будемъ медлить, то гибель наша несомнѣнна. Хотя я не предвидѣлъ бѣдствій, о которыхъ говорилъ мнѣ этотъ человѣкъ, однакожъ подумалъ, въ виду грозившей Астрахани осады, о нашемъ удаленіи и запасѣ съѣстными припасами свыше, чѣмъ на годъ. Выслушавъ же его совѣтъ, я купилъ ихъ еще болѣе и спросилъ своихъ офицеровъ, какъ по ихъ мнѣнію слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ. Всѣ были того мнѣнія, что, ничего не говоря, слѣдуетъ удалиться, а чтобы сдѣлать это съ большею безопасностью, они согласились взять съ собою только свое платье; что же касается многихъ моихъ очень дорогихъ вещей, то они рѣшили уложить ихъ въ мой большой чемоданъ, а маленькій сундукъ и два большіе сундука, окованные желѣзомъ, наполнить множествомъ прекрасныхъ тканей, которыхъ мнѣ не хотѣлось терять. Послѣ того я отдалъ приказъ перенести съѣстные припасы такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ. На слѣдующій день, согласно моему распоряженію, все было готово. Но на суднѣ находились, не смотря на мое нежеланіе, жены двухъ матросовъ, изъ которыхъ у каждой было по ребенку, что̀ разстроило наши планы, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы судно, длиною всего въ 26 футовъ, было бы досаточно для 23 душъ. Такимъ образомъ, боясь, избѣгнувъ одной опасности, попасть въ другую, я измѣнилъ рѣшеніе и рѣшилъ, что достойнѣе будетъ выждать окончанія этихъ смутъ и, если нужно будетъ, мужественно умереть, нежели погибнуть во время путешествія, успѣхъ котораго былъ сомнителенъ, а гибель неизбѣжна. Командиръ судна и хирургъ раздѣляли мое мнѣніе, и я послалъ одного изъ нихъ передать мое рѣшеніе штурману, pilote, бывшему на суднѣ съ остальными людьми нашего экипажа; но онъ не могъ этого исполнить, найдя ворота запертыми раньше обыкновеннаго. Я провелъ ночь въ безпокойствѣ, и хотя мои товарищи старались увѣрить меня въ томъ, что они не уѣдутъ безъ меня, я сомнѣвался въ этомъ и не ошибся. На другой день, какъ только отворили ворота, я послалъ матроса на судно, но нетерпѣніе помѣшало мнѣ дождаться его возвращенія: спустя минуту, я послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ, что они уплыли. Всѣ, оставшіеся со мной, такъ испугались, какъ будто наступилъ для нихъ смертный часъ. Я, вѣроятно, испугался не болѣе ихъ, но подавилъ свое чувство и утѣшалъ ихъ, какъ только могъ. Оттуда я отправился къ воеводѣ и увѣдомилъ объ ихъ бѣгствѣ; я объяснилъ ему причины, побудившія ихъ къ этому и увѣрялъ, что они поступили такъ не съ цѣлью соединиться съ казаками. Удовлетво-

рился ли онъ этимъ, или остался равнодушнымъ, но показалъ, что это не безпокоитъ его. Въ тотъ же день дворянинъ, доставившій извѣстіе о возмущеніи Русскихъ противъ своихъ начальниковъ, былъ посланъ въ Москву съ извѣстіемъ о положеніи дѣлъ. Этотъ дворянинъ, пріѣхавшій со мной изъ Казани въ Астрахань, сказалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, что онъ не видѣлъ ничего, подобнаго ярости казаковъ противъ Русскихъ, что первые навѣрное дѣйствуютъ за одно съ народомъ и, безъ сомнѣнія, городъ будетъ преданъ.

9-го Іюня я осмотрѣлъ городскія укрѣпленія вмѣстѣ съ отставнымъ Англійскимъ полковникомъ, пріѣхавшимъ изъ Терскаго, Terki, города, лежащаго въ землѣ Черкесовъ, въ двухъ миляхъ отъ Каспійскаго моря съ крѣпостью, построенною однимъ Голандцемъ. Когда мы возвратились, воевода спросилъ, какого мы мнѣнія на счетъ укрѣпленій и что̀ необходимо было сдѣлать для обороны города. На это полковникъ отвѣчалъ, что слѣдуетъ построить внѣшнія укрѣпленія, чтобы остановить первый приступъ непріятеля. Я же сказалъ, что вмѣсто того чтобы заниматься вещами, ни къ чему не ведущими, слѣдовало бы лучше объявить амнистію перешедшимъ на сторону бунтовщикамъ, если они возвратятся къ своимъ занятіямъ; что между прочимъ слѣдуетъ склонять недовольныхъ, а съ предводителями ихъ быть щедрыми, чтобы заставить ихъ отстать отъ шайки. Моему совѣту не послѣдовали. Между тѣмъ городъ охранялся исправно со всѣхъ сторонъ: Персіяне, Черкесы и Калмыки ходили безпрестанно дозоромъ при звукахъ гобоевъ, hautbois, и литавровъ, маршируя въ тактъ по укрѣпленіямъ съ необыкновенною радостью, которая была, можетъ быть, и неумѣстна.

15-го я обѣдалъ у воеводы. Послѣ обѣда онъ подарилъ мнѣ прекрасное атласное платье, двѣ пары штановъ, двѣ рубахи, весьма вѣжливо угощалъ, m'offrit sa table fort civilement, и поблагодарилъ за порядокъ, который я поддерживаю между сотнею людей, довѣренныхъ мнѣ, и за усердіе къ службѣ царской.

19-го было получено извѣстіе о томъ, что казаки быстро, à grandes journées, приближаются. Это подтвердили рыбаки и крестьяне, стекавшіеся со всѣхъ сторонъ въ городъ. Во время этой тревоги вообразили, будто бѣжавшіе люди, вмѣсто того чтобы, согласно данному имъ приказанію, зарядить пушки, положили только послѣ пороха простой пыжъ, bouchon, или будто положили пыжъ прежде, чѣмъ насыпать порохъ, а затѣмъ ядро, что̀ было все равно Довѣряя подобнымъ неосновательнымъ предположеніямъ, воевода приказалъ позвать меня и велѣлъ разрядить въ моемъ присутствіи пушки; я нашелъ ихъ въ порядкѣ. Въ тотъ же день начальникъ нашего корабля подалъ странное мнѣніе на счетъ защиты города, послѣ

чего ему велѣно было стоять у Вознесенскихъ воротъ, Uvolnofentské, мѣсто, на которомъ находился братъ воеводы Михайло Семеновичъ Прозоровскій, Prisorofski.

20-го воевода произвелъ меня въ подполковники полка, въ который я не хотѣлъ поступить. Тѣмъ не менѣе я вступилъ въ должность противъ желанія полковника, который, воображая, что я сильно добивался этого мѣста, сказалъ мнѣ однажды, что теперь не время происковъ, а время думать о защитѣ отечества. Но воевода былъ такъ добръ, что вывелъ его изъ заблужденія; тогда онъ вызвался хлопотать объ утвержденіи меня въ этой должности, за что я поблагодарилъ его и просилъ не безпокоиться объ этомъ. На другой день мнѣ назначили постъ близъ мѣста стоянки этого полковника, въ наименѣе защищенной части крѣпости.

22-го стали появляться казаки и въ тотъ же день послали одного изъ своихъ людей вмѣстѣ съ Московскимъ *) священникомъ съ требованіемъ сдачи города. Кромѣ письма къ воеводѣ, было письмо на Нѣмецкомъ языкѣ ко мнѣ, въ которомъ совѣтовали мнѣ, чтобы я, если хочу остаться въ живыхъ, воспрепятствовалъ своимъ людямъ сражаться, и ни во что бы не вмѣшивался. Воевода разорвалъ письмо, не дочитавъ его и тотчасъ же приказалъ обезглавить обоихъ депутатовъ. На другой день около 300 непріятельскихъ лодокъ подошли къ городу и расположились вдоль виноградника, лежащаго всего въ полумили; въ тоже время подожгли Татарскій кварталъ. Стоя съ воеводою на крышѣ его дома и замѣтивъ, что нѣсколько рыбачьихъ лодокъ сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ, я сказалъ ему, что это не можетъ быть терпимо, такъ какъ эти люди, не смотря на свою бѣдность, могли быть въ сообщничествѣ съ непріятелемъ. Найдя это мнѣніе весьма основательнымъ, воевода приказалъ разрушить всѣ лодки, а изъ четырехъ пойманныхъ мятежниковъ двухъ велѣлъ повѣсить, а двухъ другихъ обезглавить.

23-го мой полковникъ предложилъ опять очень обязательно утвердить меня въ моей должности, я же отвѣчалъ ему по-прежнему. Въ тотъ же день мы приказали раздать солдатамъ бочку крѣпкаго пива и табакъ, подаренный намъ однимъ изъ вѣрноподданныхъ, agents, царя. Въ слѣдующую ночь, обойдя укрѣпленія, я бросился на матрацъ, чтобы заснуть часъ или два, но не успѣлъ, такъ какъ пришли мнѣ доложить, что мятежники шли штурмовать, venaient à l'assaut и были у Вознесенскихъ воротъ, porte Vvosnasinské. Между тѣмъ, замѣтивъ приближающуюся шайку, un escadron, я приказалъ стрѣлять изъ нашей пушки; въ это время Ѳома Бальи, Bailli, Англійскій полковникъ, вооруженный латами, пришелъ ко мнѣ съ нѣсколькими

*) Т. е. не принадлежавшимъ къ шайкѣ Разина.

Нѣмецкими офицерами и сказалъ, что имъ измѣнили и что его стрѣльцы ранили его въ ноги и лице за то, что онъ убѣждалъ ихъ поступить честно, à bien foire, и мужественно отражать смертельнаго врага.

Ужасная рѣзня въ городѣ Астрахани.

Хотя измѣна была явна, и я не сомнѣвался въ ней, но сдѣлалъ видъ, что вѣрю, будто зло на самомъ дѣлѣ не такъ велико, и посовѣтовалъ ему возвратиться къ своему посту, гдѣ, какъ я надѣялся, найдетъ (подчиненныхъ ему) стрѣльцовъ сговорчивѣе. Онъ и его спутники послушали меня и отправились туда. Стрѣльцы сначала выказали готовность слушаться его приказаній, что̀, впрочемъ, продолжалось недолго, и полчаса спустя пришли мнѣ сказать, что всѣхъ ихъ заковали. Въ то самое время, когда мнѣ говорили объ этомъ, одинъ Нѣмецкій капитанъ *), стоявшій подлѣ меня, былъ схваченъ, связанъ и умерщвленъ своими слугами. Это кровавое зрѣлище напугало бывшаго при мнѣ хирурга, который, чтобы спастись отъ измѣнниковъ, хотѣлъ, противно моему желанію, броситься со стѣны; но я не допустилъ его до этого, предлагая болѣе вѣрное средство къ нашему спасенію. Я замѣтилъ внизу башни отверстіе, весьма способное для бѣгства, и повелъ туда его съ его слугою и двумя матросами изъ нашего экипажа. Когда мы спустились, то сторожа, узнавшіе меня, пропустили насъ, сначала хирурга, потомъ меня, но мы не видѣли больше ни слуги, ни матросовъ. Какъ только мы прошли (отверстіе), то влѣзли по шею въ воду для того, чтобы пройти къ Татарскому кварталу, мѣсту, наиболѣе безопасному для насъ. Во время (этого) перехода мы подверглись множеству ружейныхъ выстрѣловъ. Мы шли не болѣе получасу, когда встрѣтили двухъ человѣкъ, которыхъ приняли за казаковъ. При видѣ ихъ хирургъ испугался и, не думая о томъ, что̀ дѣлаетъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ пистолета и, растерявшись, бросился въ рѣку. Между тѣмъ это были двое дворянъ изъ города, бѣжавшихъ, подобно намъ, отъ ярости стрѣльцовъ. Какъ только я узналъ ихъ, то сказалъ хирургу, что ему нечего ихъ бояться и что можемъ выйти безпрепятственно. Но я напрасно говорилъ, мой хирургъ ничего не отвѣчалъ, а потому я самъ вошелъ въ воду и вытащилъ его оттуда полумертваго отъ страха. Когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, мы продолжали

*) Видеросъ.

путь и четверть часа спустя увидѣли лодку и спавшаго въ ней человѣка, котораго мы принудили переправить насъ на другую сторону. Этотъ человѣкъ привезъ насъ въ деревушку; въ ней не было никого, кромѣ рыбаковъ, которымъ мы разсказали о случившемся. Затѣмъ, видя, что въ этомъ мѣстѣ мы не въ безопасности, такъ какъ оно было слишкомъ близко отъ города, я предложилъ хирургу и Русскимъ (дворянамъ) просить, чтобы насъ проводили дальше. Они не хотѣли и слышать объ этомъ; но наконецъ, первый не безъ труда согласился. Я имѣлъ при себѣ около 35 Голландскихъ франковъ, на которые купилъ палатку, десять фунтовъ хлѣба и топоръ, съ чѣмъ отправились искать болѣе безопаснаго убѣжища. На разстояніи двухъ или трехъ часовъ встрѣтили рыбаковъ, которымъ разсказали о своемъ несчастіи и разореніи Астрахани. Они выказали намъ сочувствіе и обѣщали по возможности помочь намъ. Они проводили насъ къ своимъ хижинамъ, гдѣ мы встрѣтили одного полковника, двухъ Московскихъ капитановъ и 46 солдатъ. Эти люди отправились изъ Терскаго городка, Terki, въ Астрахань, не зная, что казаки завладѣли ею. Когда полковникъ узналъ объ этомъ, то рѣшилъ возвратиться съ своими капитанами, а стрѣльцовъ оставить тамъ.

И такъ мы всѣ пятеро сѣли въ одну лодку и приказали везти себя къ морю, не удаляясь отъ берега изъ опасенія встрѣтить то, отъ чего бѣжали. Въ концѣ дня мы замѣтили лодку, старавшуюся приблизиться къ намъ. Но чѣмъ болѣе усилія употребляла она для этого, тѣмъ усерднѣе мы старались на веслахъ уйти отъ нея. Однакожъ это было безполезно, и вскорѣ мы попали въ руки нашихъ враговъ. Это были вышеупомянутые 46 стрѣльцовъ, которые, разсердившись за то, что полковникъ покинулъ ихъ, рѣшили отомстить за себя. Насъ было такъ мало, и мы были такъ плохо вооружены, что не могли противустоять имъ и помѣшать ограбить насъ почти до нага. Послѣ этого связали намъ ноги и привезли къ рыбакамъ, у которыхъ мы оставили ихъ утромъ. Тамъ они заперли полковника въ церковь и позволили молиться, сколько ему угодно; насъ же покрѣпче связали и охраняли всю ночь. На другой день они направились съ нами къ Астрахани, которую чрезъ два часа и увидѣли. Когда же мы были отъ нея на разстояніи ружейнаго выстрѣла, то они отошли въ сторону для того, чтобы подѣлиться награбленнымъ у своихъ офицеровъ и у насъ. Въ это время я думалъ, что, будучи свободны, мы могли бы побѣжать къ лодкѣ, броситься въ нее и пуститься въ открытое море. Я повѣрилъ это хирургу, который, думая принести пользу, передалъ наше намѣреніе полковнику. Этотъ трусъ, надѣясь измѣною намъ умилостивить своихъ мучителей, посовѣ-

товалъ имъ наблюдать за нами: тѣ послѣдовали его совѣту. Не взирая на это, я стоялъ на своемъ рѣшеніи и сказалъ хирургу, что если мнѣ не удастся занять лодку, то у меня есть руки для того, чтобы переплыть на другой берегъ рѣки, откуда пойду къ Татарамъ, которые, какъ я надѣялся, хорошо примутъ меня. Минуту спустя я отдѣлился и побѣжалъ изо всѣхъ силъ къ неглубокому мѣсту рѣки. Недалеко однакожъ я ушелъ незамѣченнымъ: за мной (вскорѣ) погнались и, когда я готовъ былъ броситься въ рѣку, камень, сбившій меня съ ногъ, далъ врагамъ время настигнуть меня. Они всѣ бросились на меня съ такимъ бѣшенствомъ и такъ били, что я не думалъ уже оправиться. Въ такомъ состояніи они связали мнѣ руки и ноги и бросили, какъ животное, въ лодку, куда черезъ минуту вошли сами и повезли насъ въ Астрахань. До пріѣзда туда хирургъ предложилъ имъ за меня выкупъ въ 500 флориновъ, а за себя 250. Они отвѣчали, что не могутъ не свезти насъ въ Астрахань, но сдѣлаютъ все, чтобы спасти намъ жизнь. Было около шести или семи часовъ вечера, когда мы вошли въ городъ, въ которомъ прежде всего привели насъ къ Разину, предводителю казаковъ, сидѣвшему на улицѣ около архіерейскихъ палатъ и пившему съ своими старшинами, которые, подобно ему, были совершенно или почти пьяны. Этотъ предводитель спросилъ хирурга, кто онъ таковъ, и когда узналъ объ его спеціальности, то даровалъ ему жизнь и послалъ перевязывать раненыхъ изъ своей шайки. Мнѣ предложилъ онъ тотъ же вопросъ, а хирургъ отвѣчалъ, что я его товарищъ.

— Что̀ умѣешь ты дѣлать? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Я ничего не отвѣчалъ, разсчитывая на хирурга, который такъ удачно началъ, а затѣмъ покинулъ меня. Такимъ образомъ я остался одинъ, готовый къ смерти, которую считалъ неизбѣжною. Въ то время, когда я старался мужаться, чтобы съ твердостью встрѣтить смерть, допросили полковника и приговорили его сбросить съ высоты башни, называемой Роскатъ, Rooscat, откуда былъ сброшенъ воевода и служившій у него подъячій, chancelier, вытерпѣвъ всѣ жестокости, которыя только могъ придумать варваръ. Что же касается остальныхъ дворянъ, то одни были изрублены на части, а другіе потоплены.

Въ теченіи короткаго моего пребыванія предъ Разинымъ, я только и слышалъ, какъ говорили о жестокости и мученіяхъ, съ которыми такъ свыкся, что ничѣмъ нельзя было поколебать моей рѣшимости. Тогда какъ я ежеминутно ждалъ своего приговора къ смерти, Стенька пристально посмотрѣлъ на меня и приказалъ дать мнѣ водки. Приказаніе отдано было очень кстати, такъ какъ я чуть не упалъ въ обморокъ, а двѣ большія чарки

этого напитка доставили удовольствіе и не допустили до этого, а помогли мнѣ дойти до (мѣсторасположенія его) войска, куда онъ приказалъ отвести меня. Входя въ лодку, находившуюся вблизи предводительской (лодки), я былъ узнанъ стрѣльцомъ, который сказалъ вдовѣ нѣкоего дворянина, что я счастливѣе ея мужа, потому что остался еще въ живыхъ. Стрѣлецъ сказалъ это нѣкоторымъ другимъ, а тѣ одному Нѣмцу, который, видя, какъ рубили иностранцевъ, перешелъ къ казакамъ въ качествѣ друга, хотя въ сущности презиралъ ихъ. Какъ только этотъ молодой человѣкъ узналъ о моемъ мѣстопребываніи, то навѣстилъ меня, очень обласкалъ и, уходя, заявилъ, что если найдетъ возможность услужить мнѣ, то сдѣлаетъ это ото всего сердца.

Я принялъ его увѣренія въ дружбѣ такъ, какъ слѣдовало, но полагалъ, что жизнь моя коротка, такъ какъ находился въ мѣстѣ, гдѣ каждый часъ топили кого-нибудь изъ несчастныхъ, въ число которыхъ я, безъ сомнѣнія, скоро долженъ былъ попасть. Продержавъ въ теченіе двухъ дней въ такомъ смертельномъ страхѣ, меня заперли въ башню, гдѣ связывали мнѣ руки то за спиною, то къ ногамъ, такимъ жестокимъ образомъ, что смерть была бы пріятнѣе для меня. Хирургъ и Нѣмецъ, о которомъ я упоминалъ, узнавъ, въ какомъ печальномъ состояніи находился я, навѣстили меня, утѣшали и увѣряли, будто это тяжелое время не долго продолжится.— Ахъ! сказалъ я имъ, какъ легко утѣшать, когда самъ не страдаешь и какъ неправы здоровые, удивляясь нетерпѣнію страждущаго. Нѣсколько минутъ я ничего не говорилъ, такъ какъ сильныя страданія лишали меня по временамъ голоса и языка. Какъ только я въ состояніи былъ говорить, я просилъ ихъ постараться о томъ, чтобы они прекратили мои мученія и поскорѣе лишили бы меня жизни, потому что смерть была единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Тщетно они убѣждали меня ждать безропотно, пока Небо рѣшитъ мою участь: я умолялъ ихъ понять, что терпѣніе мое изсякло, и я непремѣнно хочу умереть. У казаковъ запрещалось просить о заключенныхъ, и никто не смѣлъ этого сдѣлать, не рискуя при этомъ жизнью. Между тѣмъ молодой человѣкъ, сопровождавшій хирурга, вышелъ съ рѣшимостью пренебречь этимъ приказаніемъ и попросить о томъ, чтобы положили конецъ моимъ мученіямъ.

Черезъ часъ послѣ того, какъ они оставили меня, вошли казаки и связали мнѣ еще сильнѣе руки и ноги вмѣстѣ. Въ такомъ положеніи они бросили меня совершенно нагаго въ яму, гдѣ жабы и многія подобныя имъ животныя ползали по мнѣ всю ночь, которую я провелъ, моля Бога принять мою душу какъ для того, чтобы покончить мои настоящія страданія, такъ и во избѣжаніе еще угрожавшихъ мнѣ мукъ.

На другой день мои друзья пришли сказать мнѣ, что предводитель требуетъ меня; сняли съ меня оковы и повели къ нему. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за Фаберомъ (такъ звали молодаго Нѣмца, о которомъ я такъ много говорилъ) и жить съ нимъ до новаго распоряженія. Я прожилъ у него три или четыре дня. Въ теченіе этого времени не проходило минуты, въ которую бы кого-нибудь не лишили жизни, изрубивъ на части или повѣсивъ за ноги.

3-го Іюля первые мои мучители вытащили меня изъ дома Фабера и привели на берегъ рѣки, угрожая бросить въ нее, если я не заплачу имъ 500 франковъ выкупа, обѣщанныхъ за меня хирургомъ. Великодушный Фаберъ сказалъ, что у меня все отняли, и я не въ состояніи дать имъ то, чего они требуютъ, но онъ имъ заплатитъ. «Дѣти, сказалъ онъ, отсчитывая деньги, вотъ выкупныя деньги за моего друга, часть которыхъ принадлежитъ и мнѣ, такъ какъ я служу тому же господину, но я уступаю вамъ свою долю; раздѣлите все между собою и оставьте въ покоѣ моего друга». Затѣмъ онъ повелъ меня съ собою и продолжалъ заботиться обо мнѣ, какъ объ отцѣ. Три дня спустя повели меня къ предводителю, который пилъ съ своими друзьями въ погребѣ воеводы. Здѣсь я увидѣлъ трехъ казаковъ, нарядившихся въ лучшія мои одежды. Тамъ оставался я съ четверть часа, въ теченіе которой предводитель нѣсколько разъ пилъ за мое здоровье, чему я вовсе не радовался, опасаясь каждый часъ того, что, будучи пьянъ и привыкши къ жестокостямъ, онъ прикажетъ умертвить меня. Въ такомъ страхѣ я думалъ только о томъ, какъ бы удалиться, и сдѣлалъ это безъ шуму, какъ только представилась возможность.

9-го воткнули крюкъ въ бокъ секретарю Алексѣю Алексѣевичу и повѣсили его съ сыномъ Гилянскаго хана на столбѣ, на которомъ они чрезъ нѣсколько дней умерли.

Послѣ того на стѣнѣ кремля, château, повѣсили за ноги двухъ сыновей воеводы, изъ которыхъ одному было всего 8 лѣтъ, а другому 16. Такъ какъ оба они были еще живы, то на слѣдующій день младшаго отвязали, а старшаго сбросили съ башни, съ которой, за нѣсколько дней до этого, сброшенъ былъ отецъ.

21-го предводитель, въ сопровожденіи 1200 человѣкъ, вышелъ изъ Астрахани и приказалъ взять съ собой множество маленькихъ лодокъ. Въ городѣ онъ оставилъ по 20 человѣкъ изъ каждой сотни подъ предводительствомъ двухъ правителей, бывшихъ одного съ нимъ происхожденія, а также изъ одного и того же города.

Въ его отсутствіе, какъ и при немъ, рѣзня продолжалась, и не проходило дня, въ который бы не было умерщвлено болѣе 150 душъ. Жестокости, учиняемыя безъ разбору, заставили меня опа-

саться, чтобы не дошла очередь и до меня. Въ страхѣ я выкопалъ яму, изъ которой, скрываясь большую часть времени, слышалъ день и ночь жалобные крики казненныхъ.

22-го жестокости усилились: стали мучить большее противъ обыкновенія число людей. Эта перемѣна заставила меня содрогнуться, и я положительно началъ отчаяваться въ своемъ спасеніи, когда хирургъ пришелъ сказать мнѣ, что онъ получилъ позволеніе совершить путешествіе и паспортъ для себя и одного слуги за порукою моего благодѣтеля, отвѣчавшаго за его возвращеніе. Мы условились, что я буду считаться его лакеемъ. Я тотчасъ же началъ собираться идти съ нимъ въ лодку двухъ Баньяновъ, Banianes, которые получили свободный проѣздъ, будучи предварительно ограблены.

24-го я обрилъ бороду и волоса, а на другой день мы уѣхали. На слѣдующій день вышли въ море и замѣтили вдали три лодки, слѣдовавшія по тому-же пути. По направленію къ Югу вѣтеръ поворотилъ къ Сѣверо-западу и къ вечеру стихъ.

26-го одна изъ трехъ лодокъ догнала насъ, и мы узнали, что она была нагружена солью, которую везли въ Тарки, Terki. Мы рѣшили слѣдовать за нею и цѣлый день плыли вдоль густаго камыша. Къ вечеру, бросивъ якорь на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ слѣдовавшихъ за нами трехъ лодокъ, мы увидѣли, что двѣ изъ нихъ направлялись къ намъ. Подойдя съ двухъ сторонъ, онѣ дали залпъ, причинившій больше страху, нежели вреда. Насъ было 46, большею частью Баньяновъ, Banianes *), и нѣсколько Татаръ, Персіанъ и Бухарцевъ; а корсаровъ было 18, но они вошли въ нашу лодку такъ смѣло, что Баньяны чуть не умерли отъ страху. Какъ только они замѣтили грабителей, voleurs, скрестили руки и просили ихъ пощадить имъ жизнь съ видомъ, доказывающимъ, что они очень боялись лишиться ея.

Пока они плакали, ихъ и насъ совершенно ограбили, взяли даже нашу провизію. Осмотрѣвъ все, они связали хирурга и угрожали ему пыткою, если онъ не укажетъ имъ тѣхъ, у кого есть деньги. Эти угрозы смутили его; онъ далъ имъ восемь червонцевъ, отданную ему мною на сохраненіе мою печать и 4 имперіала, которыхъ онъ не могъ проглотить, потому ли что его желудокъ былъ переполненъ, или потому, что они были массивнѣе 52 червонцевъ, уже отправленныхъ имъ въ него.

Ограбивъ насъ, варвары составили совѣтъ, на которомъ одни настаивали на лишеніи всѣхъ насъ жизни, а другіе на спасеніи. Такъ

*) Т. е. купцевъ; такъ называются Индусы изъ касты Вайсіевъ, которые преимущественно торгуютъ на восточныхъ берегахъ Индустана, въ Персіи и Аравіи и посредствомъ карavановъ достигаютъ границъ Китая и Россіи.

какъ послѣдніе одержали верхъ, то они объявили намъ, что не лишаютъ насъ жизни съ условіемъ, чтобы мы удалились въ море; если же встрѣтятъ насъ близъ берега, то бросятъ въ море. Мы, повинуясь имъ, снялись съ якоря, и сильный восточный вѣтеръ отнесъ насъ въ открытое море; но вѣтеръ все усиливался, мы не могли долѣе держаться и бросили якорь на глубинѣ 3 саженъ.

30-го мы поплыли; но такъ какъ лоцманъ, противно нашему желанію, шелъ у береговъ, то мы встрѣтили два судна, изъ которыхъ одно такъ стремительно напало на насъ, что мы не въ состояніи были уйти. Баньяны, лишь только завидѣли ихъ, начали выть; но безжалостные грабители, не обращая вниманія на ихъ крики, отняли у нихъ и то немногое, что̀ имъ оставили другіе. Ограбивъ ихъ, они обратились къ хиругу съ вопросомъ, что̀ я за человѣкъ, или скорѣе, не дьяволъ ли я. Дѣйствительно, выпачканный черною краскою и жиромъ, что̀ придавало отвратительный видъ, я былъ ужасенъ. Вмѣсто шапки у меня была повязка, какую носятъ Баньяны. Между тѣмъ разбойники, какъ волки, набросились на жалкіе остатки съѣстныхъ припасовъ; я же, обративъ взоры къ Небу, поднесъ руки ко рту, прося ихъ такимъ образомъ не отнимать всего. Мои движенія разжалобили ихъ, и они согласились оставить ихъ намъ, показывая мнѣ знаками, что понимаютъ меня. Потомъ стали мучить хирурга, принуждая показать, гдѣ лежали его деньги. Къ счастью, впрочемъ, онѣ были еще у него желудкѣ, и онъ отдѣлался лишь побоями. Разсердившись ли за то, что не нашли того, чего искали, или не вѣря двумъ купцамъ Татарамъ, клявшимся въ томъ, что они все потеряли,—только разбойники бросили ихъ въ море, и тѣ утонули. Намъ грозили тѣмъ же, если мы осмѣлимся приблизиться къ берегу. Послѣ этой угрозы они вышли изъ нашей лодки, а мы бросили якорь тамъ, гдѣ стояли, на глубинѣ 3½ саженъ.

6-го Сентября мы направились къ Югу и встрѣтили лодку съ Персіянами, которые безъ всякихъ приключеній плыли изъ Астрахани, потому что не шли, подобно намъ, у береговъ. Какъ только они замѣтили насъ, то снялись съ якоря и присоединились къ намъ для того, чтобы безопаснѣе было плыть. Ввечеру вѣтеръ поворотилъ къ Сѣверо-западу. Замѣтивъ, что мы слишкомъ подвигаемся къ Западу, я передалъ свои опасенія другимъ; но меня не хотѣли слушать. Это было причиною того, что на другой день мы очутились возлѣ берега, потому что вѣтеръ дулъ на Западо-сѣверо-западъ, à l'Est quart au Nord. Такимъ образомъ, противно своему желанію, мы весь день шли у береговъ; а къ вечеру насталъ штиль; мы взялись за весла и потеряли изъ виду другую лодку. Это было для насъ несчастіемъ, хотя и не весьма великимъ: у насъ не было

хлѣба, и мы не знали, гдѣ достать его. Баньяны, всегда очень хорошо запасающіеся во время путешествія, такъ ловко и счастливо припрятали свои съѣстные припасы, что пираты, не смотря на всю свою хитрость, нашли только часть ихъ.

Эти добрые люди, видя, какъ мы нуждаемся, подѣлились съ нами тѣмъ, что̀ было у нихъ, изъ страха, чтобы крайность не довела насъ до какого-нибудь насилія. Каждое утро, бросивъ часть своихъ съѣстныхъ припасовъ въ воду рыбѣ, они давали намъ два прѣсныхъ пирога величиною въ два локтя, mains, и толщиною съ тонкую вафлю. Это было почти ничто для несчастныхъ голодающихъ: они только этимъ и поддерживли свое существованіе. Такимъ образомъ мы томились, влача нашу потухающую жизнь. Между тѣмъ вѣтеръ мѣшалъ намъ плыть туда, куда мы хотѣли, и мы простояли три дня на якорѣ на глубинѣ полумили. Когда вѣтеръ стихъ, мы принялись грести. Въ то же время мы согласились, чтобы оставшіеся у кого бы то ни было припасы сложить вмѣстѣ. За этимъ удовольствіемъ послѣдовало разочарованіе, потому что у насъ вышло топливо, что̀ было несчастіемъ для (насъ), варившихъ изрѣдка немного муки на водѣ, съ цѣлью заглушить страшный голодъ. Нѣсколько подумавъ объ этомъ, я предложилъ порубить наименѣе необходимыя части лодки. Съ этимъ согласились, развели огонь; эта слабая поддержка дала намъ возможность мучиться еще дольше.

10-го вѣтеръ дулъ западный. Держась постоянно у береговъ, мы направились къ Югу и вечеромъ бросили якорь на глубинѣ 5 футовъ. Это дало мнѣ возможность сойти на берегъ, гдѣ я собралъ кустарнику и немного травы, за что всѣ были очень признательны мнѣ.

На слѣдующій день мы снялись съ якоря и плыли у береговъ до вечера, когда, на разстояніи мили отъ видѣнныхъ нами во весь день четырехъ или пяти судовъ, должны были стать на якорѣ. Черезъ часъ подулъ свѣжій вѣтеръ, и волны всю ночь заливали нашу лодку, отчего испуганные Баньяны глубоко вздыхали и возбуждали въ насъ жалость. Ихъ опасеніе гибели принудило насъ приблизиться, хотя и съ величайшимъ трудомъ, къ берегу, чего мы никакъ не добились бы, если бы только наша лодка не была, по флортимберсу, плоская и широкая. 13-го насъ ограбили въ третій разъ, при чемъ, такъ какъ насъ застигли врасплохъ, то хирургъ не успѣлъ проглотить своихъ червонцевъ, и они пропали бы, если бъ я не придумалъ спрятать ихъ въ песокъ. Не имѣя чѣмъ намѣтить то мѣсто, куда положилъ ихъ, я бросился въ ближайшіе камыши и, какъ могъ, спрятался. Не прошло и четверти часа, какъ казаки нашли меня, при чемъ ихъ злое расположеніе духа заставило меня опасаться дурныхъ послѣдствій. Чтобъ по возможности избѣжать ихъ,

я притворился сумасшедшимъ; мои ужимки успокоили ихъ ярость. Тѣмъ не менѣе они хотѣли знать, не Нѣмецъ ли я; когда же имъ отвѣчали отрицательно, они поступили только со мною также, какъ съ прочими, съ которыхъ, за исключеніемъ панталонъ, сняли все. Четверть часа спустя они оставили насъ, мы же стали искать червонцы хирурга, которые были спрятаны такъ хорошо, что съ трудомъ нашли ихъ. Мы спрашивали казаковъ, миновали-ли мы Тарки, но они были такъ жестоки, что не отвѣчали намъ. Когда же пришлось поднять якорь, то мы не знали, гдѣ находились и въ какую сторону поворотить. Между тѣмъ голехонькіе, безъ куска хлѣба, мы не знали, какъ выйти изъ этого печальнаго положенія. Поѣвъ немного травъ, сорванныхъ по близости, мы рано утромъ отправились въ путь, такъ какъ вѣтеръ дулъ восточный-сѣверо-восточный, а четыре, или пять часовъ спустя вѣтеръ поворотилъ на восточный-юго-восточный, который отнесъ насъ на милю отъ мѣста, изъ котораго мы вышли утромъ. Такъ какъ вѣтеръ не утихалъ, и волненіе было чрезвычайно велико, то мы были вынуждены остановиться здѣсь. Черезъ нѣсколько часовъ мы замѣтили на берегу Татаръ, показывавшихъ знаками, чтобы мы приблизились къ берегу. Какъ только мы ихъ увидѣли, Баньяны принялись жалобно выть. Чѣмъ болѣе старались мы утѣшить ихъ, тѣмъ болѣе они безпокоились, опасаясь рабства, въ которое, какъ думали, сейчасъ попадутъ. Когда они устали выть, то старѣйшій изъ нихъ бросился въ воду, перешелъ на берегъ и палъ къ ногамъ Татаръ, которыхъ, стоя на колѣняхъ и скрестивъ руки, со слезами умолялъ не обращать его въ рабство. Пока онъ кричалъ и томился, насъ заставили сойти на берегъ, гдѣ остальные Баньяны, присоединивъ свои крики къ воплямъ удрученнаго горемъ старика, составили ужасный концертъ. Но, не тронувшись этими криками, Татары требовали денегъ, которыхъ у насъ не было, а необходимо было дать. Къ счастью, впрочемъ, требовали съ каждаго изъ насъ только по 30 флориновъ, въ уплатѣ которыхъ поручились Баньяны. Оттуда они повели насъ пѣшкомъ къ бухтѣ, находившейся въ двухъ или трехъ часахъ пути отъ нашей лодки. Такъ какъ дорога была дурная и сплошь усѣяна очень острыми мелкими камнями, по которымъ мы должны были идти босикомъ, то скоро всѣ были въ крови. Но изъ всѣхъ страданій сильнѣйшимъ былъ голодъ, въ чемъ я и убѣдился. Какъ только пришли въ Татарскую деревню, гдѣ встрѣтили многихъ Москвитянъ, я объяснилъ имъ, до какой степени былъ голоденъ. Между послѣдними оказалось двое, знавшихъ меня въ Астрахани. Лишь только увидѣли они меня, какъ дали хлѣба и рыбы. Я ѣлъ съ большою жадностью, или, вѣрнѣе сказать, пожиралъ все, что̀ мнѣ ни давали. Мои благодѣтели, видя, съ какою

быстротою я ѣмъ, предупреждали меня, что я могу погубить себя, если буду ѣсть съ такою жадностью, и хотѣли остановить; но я не слушалъ ихъ и проглотилъ остальное, не разжевавъ и чуть было не задохся. Хирургъ поступалъ также, и какъ его ни уговаривали, онъ, подобно мнѣ, никого не слушался.

Прождавъ три дня попутнаго вѣтра, чтобы плыть въ Тарки, мы рѣшились отправиться туда пѣшкомъ. Рѣшеніе было смѣлое, потому что слѣдовало очень опасаться, чтобы Татары на пути не остановили насъ, но мы нуждались въ хлѣбѣ, а голодъ приводилъ насъ въ ужасъ.

И такъ на другой день мы вышли и остановились на ночлегъ въ селѣ Черкесскихъ Татаръ. На слѣдующій день, рано утромъ, мы прибыли въ Тарки, гдѣ хирургъ встрѣтилъ знакомаго человѣка, которому обѣщалъ 8 червонцевъ, если тотъ проводитъ его въ Дербентъ. Я встрѣтилъ тамъ же подданнаго царя, по происхожденію Турка, христіанской вѣры, бѣжавшаго изъ Астрахани, гдѣ я часто видалъ его. Оно очень обязательно предложилъ мнѣ пробыть въ его домѣ, сколько мнѣ будетъ угодно. Рѣшеніе не покидать своихъ товарищей принудило меня поблагодарить; но въ тотъ же день я заболѣлъ, вслѣдствіе вышеупомянутой невоздержности, и два дня былъ опасно боленъ.

6-го Октября мы вышли и послѣ перехода по весьма неровнымъ дорогамъ прибыли въ село, называемое Андръ-Дерефадъ, Andre-Déréefad, принадлежащее одному Татарину, котораго звали княземъ Хабелъ Chabelle. Тамъ на одномъ Персіянинѣ я увидѣлъ свой бархатный кафтанъ, который, по его словамъ, онъ купилъ въ Таркахъ у тамошнихъ Татаръ, а послѣдніе отняли его у 15 Нѣмцевъ, порабощенныхъ ими. То были люди нашего экипажа, бѣжавшіе изъ Астрахани и имѣвшіе несчастіе потерпѣть крушеніе близъ Тарковъ. Одинъ мѣхъ этого кафтана обошелся мнѣ въ 40 червонцевъ, а мнѣ предлагали его цѣликомъ за 5 или за 6; но у меня и тѣхъ не было, такъ какъ Татары отняли у меня все.

Не имѣя возможности идти дальше, мы изъ этого села возвратились въ Тарки, гдѣ христіанинъ Турокъ, о которомъ я уже упоминалъ, представилъ меня одному изъ своихъ друзей, взявшему меня подъ свое покровительство, пока я оставался въ этомъ городѣ. Хотя другъ этотъ пользовался вліяніемъ, все-таки я былъ не въ безопасности въ городѣ, принимавшемъ сторону мятежниковъ, въ городѣ, котораго жители утопили гонца, député, посланнаго воеводою въ Москву. Нѣсколько дней спустя, молодой Нѣмецъ, которому я былъ такъ много обязанъ, пріѣхалъ въ Тарки съ однимъ изъ нашихъ матросовъ, Карстеномъ Брантомъ. Они бѣжали изъ Астрахани черезъ три недѣли послѣ насъ и на пути

не испытали несчастныхъ приключеній. Они сказали намъ, что казаки попрежнему неистовствовали, ежедневно рубили достойныхъ людей и, по ихъ мнѣнію, черезъ мѣсяцъ тамъ не останется ни единаго честнаго человѣка.

Въ то время, когда я обдумывалъ средства уйти изъ города, гдѣ ни одинъ иностранецъ не былъ въ безопасности, мнѣ пришли сказать, что хирургъ, разгорячась во время пирушки, предложилъ 40 червонцевъ за то, чтобы насъ проводили въ Дербентъ безопаснымъ и удобнымъ путемъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ меня это безпокоило, такъ какъ извощикъ, съ которымъ онъ говорилъ, принималъ слѣланное ему предложеніе съ условіемъ, чтобы жившій тамъ Калмыцкій князь далъ разрѣшеніе, а ему не слѣдовало знать, кто мы такіе. Между тѣмъ дѣло уладилось такъ, какъ мы не ожидали, и шамхалъ. semkal, имя князя, котораго я опасался, безъ труда разрѣшилъ то, чего мы желали.

21-го мы поѣхали съ людьми различныхъ національностей, изъ которыхъ одни ѣхали верхомъ, другіе въ повозкахъ. 24-го прибыли въ Дербентъ, а на слѣдующій день въ Буанакъ, Boinac, гдѣ большая часть нашихъ матросовъ находилась въ рабствѣ. Я написалъ имъ черезъ нашего проводника, убѣждалъ ихъ оставаться вѣрными своей религіи и просилъ передать имъ, что буду хлопотать объ ихъ освобожденіи, если же они въ чемъ нибудь нуждаются, то откровенно бы написали въ Дербентъ, гдѣ я надѣялся найти средство помочь имъ. Вотъ вкратцѣ то, о чемъ я имъ писалъ, впрочемъ, напрасно, такъ какъ извощикъ, котораго я просилъ передать письмо, употребилъ во зло мое довѣріе.

Гуляя по Дербенту, я случайно встрѣтилъ двухъ изъ нашихъ людей, попавшихъ въ рабство два мѣсяца тому назадъ. Они сказали мнѣ, что 10 дней спустя послѣ ихъ отъѣзда изъ Астрахани, они находились около Дагестанскаго берега, но такъ какъ вѣтеръ былъ очень сильный, а провизіи у нихъ не было, то они рѣшили стать на мели въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, гдѣ зарыли мой чемоданъ съ намѣреніемъ послать за нимъ изъ Дербента. Въ первый день они шли безъ приключеній, но на слѣдующій день на нихъ напало 22 или 23 Калмыка верхомъ, во главѣ которыхъ былъ братъ шамхала Али-Султанъ, начальствовавшій въ Буанакѣ. Эти варвары изнасиловали жену Корнелія Брака и ограбили до-нага мущинъ, которыхъ привязали къ хвостамъ своихъ лошадей, заставивъ ихъ пройти задомъ пространство въ двѣ или три мили. Въ такомъ положеніи привели ихъ къ морю, гдѣ они провели всю ночь. Между тѣмъ какъ они думали, что избавились отъ Татаръ, послѣдніе пришли на другой день и сняли даже рубахи со всѣхъ, не исключая жены Брака и ея ребенка, которому было всего 6 мѣсяцевъ.

Затѣмъ повели однихъ въ Дербентъ, другихъ въ Буанакъ; иныхъ же, о которыхъ ничего не слыхали съ тѣхъ поръ, въ село, названія котораго они не знали Иванъ Стрюйсъ, самъ третій, попался въ руки подданныхъ Татарскаго князя Османа. Сначала Стрюйса промѣняли на лошадь, а затѣмъ продали одному Дербентскому купцу за 150 абазозъ, abassis, что̀ составляетъ около 100 флориновъ Голандскихъ. Всѣмъ троимъ посчастливилось встрѣтить человѣколюбиваго князя и добрыхъ Баньяновъ, всѣмъ снабдившихъ ихъ. Вотъ что узналъ я о приключеніяхъ съ нашими людьми; имъ сказали, будто меня повѣсили за ноги во время бѣгства изъ Астрахани, въ которой, какъ они полагали, не уцѣлѣлъ ни одинъ иностранецъ. Во время пребыванія въ Дербентѣ, я просилъ султана ходатайствовать предъ княземъ шемхаломъ объ освобожденіи нашихъ людей. Сдѣлалъ онъ это съ удовольствіемъ, но напрасно, такъ какъ владѣльцы представили непреодолимыя препятствія. Потомъ я получилъ позволеніе отправиться въ Шемаху, Scamachi, куда думалъ поѣхать на восьми наемныхъ лошадяхъ; но, не найдя ни одной, былъ принужденъ половину пути пройти пѣшкомъ.

22-го Октября Фаберъ, хирургъ, одинъ прапорщикъ, трое нашихъ матросовъ и я выѣхали изъ Скабарана съ караваномъ, отправлявшимся въ Шемаху, куда и прибыли черезъ три дня. Тамъ встрѣтили Ивана Стрюйса, котораго выкупилъ одинъ Польскій посланникъ. Я просилъ послѣдняго помочь намъ своимъ вліяніемъ на хана и освободить нашихъ людей. Я выслушалъ много обѣщаній, но на самомъ дѣлѣ ничего не достигъ, такъ какъ этотъ человѣкъ не отличался усердіемъ ни къ своему королю, ни къ христіанамъ.

Два-три дня спустя, когда ханъ назначилъ мнѣ аудіенцію, я доложилъ ему о насиліяхъ, причиненыхъ Калмыками нашимъ людямъ. Онъ обѣщалъ мнѣ справиться объ этомъ и сдѣлать для нихъ все, что̀ будетъ въ его силахъ, но не выполнилъ своего обѣщанія. Поэтому-то я рѣшилъ подать прошеніе шаху, который, какъ мнѣ думалось, питалъ нѣкоторое довѣріе къ нашему народу.

На дорогу я занялъ у одного Баньяна 75 абазовъ, съ условіемъ, какъ только пріѣду въ Испагань, дать ему 25 абазовъ въ видѣ процента; если же, въ теченіе нѣсколькихъ дней, замедлю уплатою, то хирургъ, бывшій поручителемъ, обязанъ уплатить ему въ Шемахѣ 125 абазовъ.

Приведя все въ порядокъ и выдавъ хирургу вексель на 135 франковъ, данныхъ имъ мнѣ въ займы въ Астрахани, я выѣхалъ изъ Испагани 15-го Ноября съ однимъ изъ моихъ канонировъ Корнеліемъ Уріесомъ, Corneille de Uries. Фаберъ и остальные мои люди остались въ этомъ городѣ съ хирургомъ. Мы измучились на пути въ Ардеуль, Ardeüil, куда прибыли черезъ два мѣсяца съ невѣроят-

ными затрудненіями. Такъ какъ въ немъ истощились наши съѣстные припасы, то мы, не найдя никого изъ знакомыхъ, отправились въ Таврисъ, который лежитъ на разстояніи 6 дней отъ Ардеуля. Крайность принудила меня продать за 6 абазовъ свой чемоданъ и оставшіеся жалкіе пожитки, 5 абазовъ занялъ у Баньяна. Такимъ образомъ составилась сумма, которую требовалъ извощикъ за доставленіе насъ въ Таврисъ.

1-го Марта мы пріѣхали въ Таврисъ, и я отправился прежде всего къ капуцинамъ, которые приняли меня благосклонно. Кромѣ того эти добрые отцы дали мнѣ на путевыя издержки 45 абазовъ, на которые я оставилъ имъ вексель. Когда все было готово къ моему отъѣзду, я вспомнилъ, что на мѣстѣ Тавриса была въ древности Экбатана, столица Мидіи. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, похожъ ли онъ на то, чѣмъ былъ въ прежнее время; я нашелъ, что это большой городъ, весьма населенный, въ которомъ постоянно встрѣчается множество Турокъ, Индусовъ, Москвитянъ и Персіянъ, привозящихъ различные товары, преимущественно шелковые, изъ области Гилянъ. Съѣстные припасы въ немъ весьма дешевы. Я узналъ, что Армяне, поселившіеся въ немъ, разбогатѣли отъ торговли, въ которой были опытнѣе Персіянъ.

(Далѣе авторъ подробно описываетъ Таврисъ).

Изъ Тавриса выѣхали мы 4-го Февраля; 10-го прибыли въ Испагань. Не хочу утомлять васъ описаніемъ незанимательныхъ подробностей нашихъ приключеній. Здѣсь посѣтилъ я Бента, Bent, управляющаго конторою Восточно-Индійской Компаніи и г. Кассенбрута, Cassenbroot, его помощника, которые приняли меня очень хорошо. Они снабдили канонира деньгами и одеждою и отправили его въ Гомронъ. Они обѣщаютъ мнѣ сдѣлать все возможное съ своей стороны, чтобы освободить нашихъ рабовъ. Я надѣюсь, что Господь, Отецъ всѣхъ несчастныхъ, благословитъ ихъ и мои труды, и мы скоро увидимъ этихъ несчастныхъ на свободѣ.

И такъ остаюсь и пр. Давидъ Бутлеръ.

Переводилъ Петръ Осиповичъ Юрченко, въ Одессѣ въ 1879 году.

Распоряженіе Петра Великаго.

Старѣйшій изъ Русскихъ желѣзныхъ заводовъ есть Невьянскій, Пермской губерніи, въ 90 верстахъ отъ Екатеринбурга. Онъ основанъ Петромъ Великимъ въ 1699 году и въ 1702 году отданъ въ вѣчное владѣніе Тульскому кузнецу Демидову, который за то оказалъ Россіи отмѣнную услугу, изготовляя военные снаряды во время нашей войны съ Швеціею. До тѣхъ поръ мы не имѣли достаточно своего желѣза и получали его изъ Швеціи. Такимъ образомъ внѣшняя бѣда и тутъ, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ нашего народнаго хозяйства, сопровождалась для насъ благими послѣдствіями.

На Невьянскомъ заводѣ уцѣлѣлъ до сихъ поръ Демидовскій стародавній домъ и въ немъ множество бумагъ, изъ которыхъ выписана нижеслѣдующая память или наставительная записка Петра Великаго. Мы не знаемъ, была ли она когда напечатана. (Сличи Р. Архивъ 1878, II, 119—124). П. Б.

Память Никитѣ Демидову.

1702 года Декабря въ 6-й день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, память Сибирскихъ Верхотурскихъ желѣзныхъ заводовъ уговорщику Тулянину Никитѣ Демидову.

По его великаго государя имянному указу посланъ въ Тобольскъ и въ различные Сибирскіе города и слободы думной дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ; а велѣно ему, кромѣ иныхъ дѣлъ, осмотрѣть построенные въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ Каменскіе и Невьянскіе тебѣ данные желѣзные заводы и, уставя тѣ заводы въ добрый и благополучный порядокъ, приложить (по его великаго государя изволенію) все тщательное свое радѣніе, чтобы еще иные заводы сверхъ прежнихъ и удобныхъ мѣстъ (гдѣ руда добрая и прибыльная въ обоихъ уѣздахъ сыщется и людьми будетъ довольно) построить: потому что изъ той Сибирской руды пушки, прутовое и въ фузеяхъ и пробочное ружье и всякое литое и кованое желѣзо и укладъ ему великому государю зѣло угодны явились и по различнымъ опытамъ и сказкамъ *) Московскихъ кузнецовъ,

*) Т. е. по нынѣшнему показаніямъ.

не только противъ Свейскаго желѣза, но многимъ лучшее обрѣлися. А нынѣ, въ случай сей настоящей со Шведами войны, оттоль желѣза не возятъ, и на Москвѣ которое сыскалось, каковыхъ пушечныхъ колесъ и станковъ и во всякомъ ружьѣ, въ цѣнѣ зѣло поднялось, и сыскать его на Москвѣ и въ Новѣгородѣ и во Псковѣ кромѣ малаго числа было трудно, а Московскихъ, Тульскихъ, Каширскихъ и Старскихъ (?) и прочихъ заводовъ желѣзо хрупко и въ пушечныхъ и въ колесныхъ оковахъ ломалось, и тѣмъ въ промыслахъ воинскихъ и намѣреніяхъ удобныхъ артилеріи многая чинилась помѣха и остановка.

И для того, будучи онъ, думный дьякъ Андрей Андреевичъ, на Верхотурскихъ желѣзныхъ заводахъ, тебѣ Никитѣ отданныхъ, велѣно противъ различныхъ статей тебя допросить, чего къ доброму тѣхъ заводовъ порядку и въ прибавокъ къ тѣмъ по той же рѣкѣ Нейвѣ инымъ заводамъ какихъ себѣ дѣлъ востребуетъ. Учини ты отвѣтъ нынѣ при семъ для наивящаго того полезнаго дѣла расширенія, во умноженіе всякаго желѣза, крупнаго и мелкаго оружія, не только про его великаго государя артилерію и всего войска потребы, но и его, великаго государя, рабовъ всякаго чина Московскаго и Сибирскаго и прочихъ ему великому государю подданныхъ народовъ, чтобъ всегда въ довольствѣ было. А что̀ затѣмъ останется, и то тебѣ будетъ въ приволіе иныхъ государствъ иноземцамъ продавать свободно.

Написаны тебѣ его великаго государя указныя сіи нижеписанныя статьи, по которымъ тебѣ со всякою истинною и душевною правдою, прочитая ихъ почасту, поступать, отвергая отъ себя весьма всякое пристрастіе и ко излишнему богатству желаніе. Къ тому, что̀ усмотришь быть полезно сверхъ сихъ статей, яко истинному и православному христіанину подобаетъ, ему великому государю нашему тебѣ работать всеусердно съ крайнимъ тщательнымъ радѣніемъ, яко вѣрному и благодарному рабу, напоминая себѣ смертный часъ, на которомъ о всѣхъ содѣянныхъ нашихъ дѣлѣхъ предъ престоломъ Божіимъ нелицемѣрное всѣмъ истязаніе будетъ, а потомъ по благихъ дѣлѣхъ вѣчное благопріятіе, а по лживыхъ и неправыхъ нескончаемое мучительное осужденіе послѣдуетъ.

1-е. Вопервыхъ, всеконечно всякими промыслы радѣть и неусыпное имѣть бы тебѣ радѣніе, чтобы по образцамъ и великаго государя указамъ большія пушки и мортиры и голубицы, а потомъ меньшія выслать и кованаго желѣза изготовить къ будущей веснѣ сколько возможно, и въ томъ не толико смотрѣть на временные свои прибытки, но на хотѣніе государево, чтобъ за остановкою того оружія его великаго государя воинскіе про-

мыслы какую препинательную не воспріяли остановку, и которое время ужъ даромъ ушло, того не возвратить. И для того нынѣ вящее приложить къ тому дѣлу тщаніе, чтобъ изъ за какого рода презорства не принять за то великаго государя себѣ гнѣва. И къ вѣшнему сплаву чтобъ тѣ пушки и прочія статьи и желѣзо рѣкою Чусовою и въ Каму и Волгою и потомъ къ Москвѣ спровадить, какъ скоро возможно, дабы какія ковки и оружейное дѣло затѣмъ не стало. А съ Москвы дьяки изъ Пушкарскаго Приказу, что̀ желѣза на оковку добраго Свейскаго не сыщутъ купить, къ нему думному дьяку Андрею Андреевичу пишутъ почасту. А о вспоможеніи, противъ великаго государя тебѣ данной грамотѣ, на Верхотурьѣ великаго государя указъ въ Приказной Палатѣ воеводѣ съ товарищи оставленъ.

2-е. Въ отвѣтахъ твоихъ написано, что многа́я сего прошедшаго лѣта учинилась остановка за худымъ и непорядочнымъ строеніемъ различныхъ у тѣхъ заводовъ статей, которыя вновь ты принужденъ былъ передѣлывать; а оныя остановки тебѣ были отъ дороговизны наемныхъ работныхъ людей и плотниковъ, злобою и корыстію прежнихъ приставниковъ и крестьянъ. И про то великій государь укажетъ разыскать впредъ; а нынѣ его великаго государя указъ посланъ Аянской и Краснопольской слободы прикащику: велѣно ему, за удобный и пристойный наемъ, чтобъ имъ работникамъ сытымъ быть, у тебя работать безъ всякаго прекословія.

А въ томъ дѣлѣ съ правдою усмотря, лѣнивыхъ по винѣ самъ наказывай батогами и плетьми, только въ такой мѣрѣ, чтобъ тебѣ чрезмѣрною жесточью ихъ врознь не разогнать и не навесть бы тебѣ на себя правыхъ слезъ въ томъ и обиднаго воздыханія. И оттого гораздо остерегаться, для того что обида, паче убогому человѣку, есть грѣхъ непростительный. Къ тому опасно, что той ради причины не учали бъ бѣгать, чтобъ тѣмъ заводы не запустѣли. Охочихъ вели учить, чтобъ, исподволь изучась, могли себѣ пожиточки работою своею нажить

3-е. Великаго государя есть неотложное изволеніе (какъ выше сего помянуто), чтобъ сверхъ прежде помянутыхъ заводовъ на Каменкѣ и на Нейвѣ рѣкахъ построенныхъ еще удобно иныхъ построить для вышереченныхъ написанныхъ причинъ по той же Нейвѣ рѣкѣ или гдѣ прилично; для того что лѣсу около заводовъ много и по тридцати верстъ на стороны, а жилья мало. А лѣса однолично беречь и велѣть сѣчь сряду, чтобъ то мѣсто, запустя, опять поросло. А что мужики своимъ глупымъ неразумѣніемъ или озорничествомъ лѣса жгутъ и тѣмъ дубровы рѣдковаты (потому что съ травою малыя деревца пожигаютъ) и вели учинить объ-

9*

ѣзды почасту и заказъ жестокій, и гдѣ мужиковъ наѣдутъ, кои зажигаютъ, бивъ при многихъ гораздо, отсылай въ городъ или указу попроси, чтобъ то зажиганье было во всѣхъ страшно. И понеже тѣ желѣзные заводы безъ лѣсовъ не могутъ быть, конечно радѣть, чтобъ безпрерывочно и впредъ, дондеже Господь благоволитъ тѣмъ заводамъ и инымъ, во благополучномъ ходу стояли и шествіе свое имѣли. А владѣть тебѣ лѣсами, землями, угодьями всякими во всѣ стороны по тридцати верстъ, Аянской и Краснопольской слободы безспорно. А по сдачѣ тѣхъ слободъ и иныхъ по близости жилыхъ мѣстъ для работы противъ Московскихъ заводовъ, за нихъ бы тебѣ всякія подати и поборы платить, о томъ по докладу великаго государя указъ къ тебѣ будетъ присланъ съ Москвы сей же зимы. А Невьянскую слободу [1]) тебѣ за дальностью отдать не мочно для того, что тамъ свои рудныя мѣста есть и, буде пристойно, особые государевы заводы построены будутъ. А для разсылки бѣломѣстныхъ казаковъ Верхотурскому воеводѣ указъ посланъ; только тебѣ за ними смотрѣть гораздо, чтобъ чего не сплутали. А жить имъ домами на заводахъ; а за вины ихъ бить нещадно и дать имъ на пропитаніе земель въ близости и денегъ, смотря по ихъ службѣ.

4-е. Во исполненіе великаго государя неотложной воли, и въ прибыль его государевой казнѣ, и въ пользу всего Россійскаго и Сибирскаго народа, одноличнo тебѣ, Никитѣ, заводы по той же рѣкѣ, гдѣ удобно выше или ниже въ той вышеписанной округѣ, сколько доменъ и молотовъ можно, заводить своими деньгами. И у тѣхъ старыхъ заводовъ построить церковь Божію на свои тебѣ деньги по сказкѣ твоей, а нынѣ для нужды деревянную во имя Преображенія Господня недобрѣ [2]) великую, изъ готоваго у тѣхъ заводовъ лежащаго лѣсу, отъ хоромъ жилыхъ подальше. А священнику тебѣ по обѣщаніямъ своимъ ругу давать, въ годъ по десяти рублей, да земли сколько спроситъ и кои пристойны. А у церкви одноличнo дѣткамъ школы, а больнымъ больницы были бъ построены, ихъ кормить и всячески призирать и лечить. А сколько избъ работникамъ и мастеровымъ людямъ какъ прилично и нужно тебѣ явится, и работниковъ добрыхъ и смышленыхъ тому дѣлу у доменъ, и у молотовъ, и рудъ, и угольнаго жженія учить, чтобъ и впредъ за оскудѣніемъ людей остановки и никакихъ вредительныхъ причинъ не учинилось. А съ тебя будетъ и тѣхъ двухъ заводовъ, кои построены и впредъ пониже нынѣшнихъ на той же Нейвѣ рѣкѣ, чтобъ многимъ дѣломъ не отяготиться и не

---

[1]) Нынѣ оставленный другой Невьянскій золотой рудникъ.

[2]) Не особенно.

обнявъ стараго бъ не испортить; только о томъ стараться, чтобъ во всякомъ ружьѣ желѣзо, какъ въ литьѣ, такъ и въ ковкѣ, было самое доброе.

5-е. Стараться о томъ всякими дѣлы, чтобъ отвѣдать тотъ дѣлать чугунъ въ другую плавку и каково желѣзо изъ того выйдетъ и мочно большія или только малыя пушки и мортиры и голубицы выливать и что̀ въ томъ дѣлѣ учинится, къ Москвѣ о томъ и о всякихъ своихъ нужныхъ потребахъ къ великому государю писать самою правдою, безъ приложенія какой неистины. А одноличио искать мастеровъ, чтобъ на заводахъ, дѣлавъ добрыя фузеи, карабины, пистолеты, палаши, тесаки, сабли, копья, переднія доски, латные шишаки, желѣзо досчатое и тонкое кровельное, сталь, укладъ, проволоку, жесть и что̀ къ оружію нужно и великому государю будетъ угодно. А о ученикахъ твоихъ по докладу великаго государя указъ будетъ учиненъ на Москвѣ, только смотрѣть накрѣпко, чтобъ отнюдь тѣ мастера, подъ прещеніемъ смертныя казни, никакого ружья на сторону безъ твоего вѣдома и тебѣ имъ отнюдь безъ указу великаго государя продавать и мѣнять не велѣть. И къ тому ружью огненному велѣть мужикамъ исподоволь березы кудреватыя отбирать и на станки фузейные и на карабинные отбирать особѣ, чтобъ напрасно на уголь отнюдь не рубить; потому что та Сибирская береза зѣло добра и такой березы жаль, для того что по твоему же свидѣтельству лучше кленовыхъ. И въ томъ радѣніе свое по крайнему своему желанію учинить.

6-е. Для удобныхъ своихъ покупокъ мастерамъ и всякимъ работникамъ у заводу жилецкимъ людямъ различныхъ себѣ и на одежды потребъ великаго государя указъ на Верхотурье учиненъ, что быть на Преображенье Господне по вся годы ярмаркѣ только для покупки малыхъ статей, съ которыхъ со обоихъ, съ купцовъ и продавцовъ, пошлина не будетъ взята. И буде учнутъ пріѣзжать со всѣхъ сторонъ съ большими статьями и Ирбитской ярмаркѣ въ томъ учинится въ доходахъ пошлинныхъ и въ городѣхъ прешкота [1]): тогда будетъ по уставу торговому 207 года учинено, чтобъ доходы въ томъ великаго государя не малились и отъ налоговъ таможенныхъ въ томъ никаковой жалобы не было. А вина и никакого пьянаго питья отнюдь на заводахъ не держать, чтобъ мастера пьяные межъ собой въ такихъ сварахъ и крамолахъ не учинили не только дѣлу остановку, но злѣйше того, что̀ въ такихъ случаяхъ бываетъ. А пьяныхъ безъ пощады всякими наказаніями смирять и бить нещадно, смотря по винѣ и за всякое злодѣйство

---

1) Ущербъ.

отнюдь виннымъ не спущать, чтобъ при житіи воздержномъ всякія въ людяхъ злобы искоренялись, а добродѣтели возрастали, за что и отъ Бога свыше благословеніе и во всякомъ начинаніи поспѣшеніе прибыточное послѣдуетъ и слава добрая имать послѣдовати. И на плутовъ разныя наковать цѣпи. А что̀ изъ доменъ въ сутки желѣза будетъ, за благословеніемъ Божіимъ, въ какомъ изобиліи выходить, и то сказывать, когда по указу великаго государя спросятъ, самую правду, дабы за ложную утайку не послѣдовалъ Божій гнѣвъ, и тѣмъ заводамъ какихъ убытковъ.

7-е. А во осторожность тебѣ зѣло сіе смотрѣть, чтобъ въ пушкахъ, въ мортирахъ и голубицахъ во всякомъ литьѣ изъ домны добрый и спѣлый, умѣренный, мягкій чугунъ выходилъ, чтобъ въ литьѣ пушки были чисты, въ стѣнахъ плотны, а не ноздреваты и въ срединѣ не съ раковинами, а надо всѣмъ прямы, а не кривороты, гладки, а не въ ноздринахъ и не щедровиты, чтобъ въ стрѣльбѣ никакой опасности людямъ, а паче же пушкарямъ не было. И лить безо всякой охулки по крайнему изложенію самымъ добрымъ мастерствомъ и въ срединѣ фурмы вымазывать чѣмъ пристойно, чтобъ были гладки; а на Каменскихъ заводахъ вымазываютъ желтою глиною, и выходятъ пушки какъ серебряныя. Да ты же сказывалъ, что изъ магнитной руды чугунъ выходитъ жестокъ и въ пушкахъ не устоитъ, учнетъ рвать; и буде то правда и какъ ты искусникъ, изъ того магниту пушекъ не лить, а лить изъ той магнитной руды чугунъ и ковать желѣзо прутовое и дѣлать сталь, а выходитъ-де добра. А изъ рядовой руды, какова къ тому дѣлу явится годнѣйша, для образца выливать пушки и прочее литье, двѣ пушки или по двѣ трехъ-шести-фунтовыхъ, велѣть выковать; только пустить ихъ въ такую толщину, чтобъ могли въ частой и многой стрѣльбѣ устоять и ихъ бы не разорвало, и поставя ихъ въ чистомъ лицѣ и изготовя какъ возможно послать къ Москвѣ. А чтобъ онѣ противъ мѣдныхъ стоили, и то чаять быть не мочно; потому что пудъ мѣди въ цѣнѣ больше шести рублевъ, а пудъ кованаго желѣза на заводахъ по уговору цѣна десять алтынъ или съ полугривною. А о мастерахъ съ Тулы, кому тѣ пушки ковать, впредъ великаго государя указъ по докладу будетъ, и для опыту велѣть два небольшіе выковать нетолстые колокола, пудовъ по пяти или по шести. А чертежи пушечные и прочіе вели беречь всѣ гораздо, для того какъ пропадутъ, то за дальнымъ разстояніемъ съ Москвы умедленія бы не было. А самыя большія мортиры три или четыре вылить, для того что онѣ въ городы порубежные весьма нужны, и изъ двухъ доменъ безо всякаго сумнительства выйдутъ. А на всѣхъ пушкахъ, мортирахъ и голубицахъ сряду нумеры, годъ, заводы и все насѣ-

кать. А наипаче стараться, чтобъ пятьдесятъ мортировъ вылить. А пушечнаго литья учениковъ держать во ученіи, чтобъ они были во своемъ дѣлѣ совершенны и никогда безъ дѣла не были и всякіе образцы дѣлали бъ хотя въ запасъ, все во своемъ противъ чертежей сходны и изготовя держать въ добромъ сухомъ мѣстѣ подъ кровлею. А буде мастеры Московскіе учнутъ пушки опять лить криворотыя и со всякими охулками, худыя и къ дѣлу негодныя, и имъ сказать, буде въ томъ не исправятся, быть изъ нихъ кажненымъ. А буде къ тому различному ученію понадобятся какіе кузнецы, и о томъ въ статьяхъ къ Москвѣ въ Сибирскій Приказъ писать; а наипаче потщиться по образцу меньшихъ голубицъ вылить, а чертежъ взять съ Каменскихъ заводовъ. А чтобъ совершенно было знать мягкость Сибирскаго чугуна, велѣть вылить пушекъ пять или шесть пяти и трехъ-фунтовыхъ противъ мѣднаго размѣру и всему у себя учинить опыты; противъ ядра пороху положить вдвое и выстрѣливать съ ядрами, чтобъ даромъ, которая худа и разорветъ, къ Москвѣ не возить.

8-е. Еще же всячески показать къ великому государю свое всеусердное радѣніе и завесть для мягкости того желѣза у себя на заводахъ проволоку желѣзную, сталь и укладъ добрый, чтобъ сего изъ-за моря не покупать; а тѣ обѣ статьи зѣло надобны. Также стараться, чтобъ неотложно фузеи дѣлали, и карабины и шпаги, палаши, тесаки, копья. А у тебя кому дѣлать, самъ сказывалъ, одинъ мастеръ есть. И для селитрянаго варенія котла два или три чугунные выслать. А нынѣ найдено доброй селитряной земли много. А къ селитряному заводу мастера, ты сказывалъ, промыслить хотѣлъ. А во осмотрѣніе и всякую осторожность отъ различныхъ воровъ, иноземцевъ, Татаръ, тебѣ всѣмъ бы мастерамъ и прочимъ ружья раздать добрыя и для всякаго случая заряжены держать.

9-е. Къ сему вышеписанному еще надобно памятовать, чтобъ тебѣ принятаго лѣса не погноить; а что̀ построить пристойно изъ него дѣлать, а достальной держать подъ кровлею въ береженьи добромъ; потому что тотъ лѣсъ принять или не принять, а деньги будутъ зачтены и разсуждать: хотя заводы крестьяне строили, однакожъ оттого иные разбѣжались, иные въ убытки входили, и тѣ заводы стали въ цѣнѣ немалой, чтобъ хотя не вдругъ, а погодно тѣ расходы по книгамъ въ казну великаго государя возвратились; для того что изъ тѣхъ заводовъ пошелъ великій прибыльный источникъ: изъ годной домны въ два выпуска въ сутки чугуна родится мало не четыреста пудъ. Буде безъ помѣхи во весь годъ учнутъ обѣ домны, выйдетъ на меньшую статью что̀ двѣсти шестьдесятъ тысячъ пудъ; а буде Божіею

помощію Создателя нашего еще такіе жъ заводы заведены будутъ, столько-жъ.

10-е. Послѣди же властью и указомъ великаго государя тебѣ и сіе учинить безъ всякой остановки по сему зимнему пути: выточа и очистя пушки двѣ двѣнадцати фунтовыя, хотя бъ одну, да кованаго, прутоваго, желѣза съ двѣ тысячи пудъ, чтобъ съ ними мочно поспѣть до Москвы. А о подводахъ и провожатыхъ указъ будетъ на Верхотурье, а достальное прислать и положа по разсмотрѣнію искусныхъ, самыхъ добрыхъ бывалыхъ людей бережно сплавить Чусовою осенью въ Каму и оттоль Волгою рѣкою и Окою къ Москвѣ и въ пути всякую пристойную имѣть осторожность и береженіе и приказать спѣшить, чтобъ къ Москвѣ выйти рано какъ возможно. А о подводахъ къ тебѣ и людямъ твоимъ указъ въ Сибирскихъ городахъ и слободахъ, гдѣ нужно, подводы по двѣ и по три дадутъ изъ прогоновъ; а въ разные городы о томъ учинена будетъ по докладу, что̀ великій государь укажетъ, для того что тѣ городы вѣданы въ иныхъ приказѣхъ и въ Ратушѣ, а не въ Сибирскомъ Приказѣ. А на окончаніе сихъ вышеписанныхъ указныхъ статей, сіе тебѣ, Никитѣ, памятовать, что тебѣ такіе готовые заводы великій государь пожаловалъ во владѣніе отдать, велѣлъ только для вѣрныя твоя на Москвѣ къ великому государю службы, что ты, крестьянскихъ у себя не имѣя дворовъ, убавилъ и припасовъ воинскихъ у иныхъ половину и по той же цѣнѣ обѣщался ставить опричь провозу изъ Сибири къ Москвѣ. А тѣ заводы у такихъ построены добрыхъ рудъ, каковы по всей вселенной лучше быть невозможно, и при тѣхъ какіе воды, лѣса, земли, хлѣба, живности всякія, что ни въ чемъ за помощію Божіею скудости быть не мочно. И ту великую его царскую милость непрестанно памятуючи, не толико своихъ, сколько его великаго государя искать прибылей ты долженъ во исполненіе согласное вышепомянутыхъ статей и что самъ сверхъ тѣхъ къ пользѣ придумать можешь, то дѣлай. А что явилось и сыскано вновь не въ дальномъ до̀брѣ *) отъ Невьянскихъ заводовъ разстояніи мѣдная руда и впредъ на тѣхъ заводахъ плавить ли и кому возить, о томъ къ тебѣ великаго государя указъ съ Москвы присланъ будетъ.

На подлинномъ великаго государя указѣ помѣта дьяка Аѳанасья Герасимова.

---

*) Т. е. по нынѣшнему очень.

Павелъ Полуботокъ.

Очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка.

Исторія Черниговскаго полковника Павла Полуботка, составляющая интересный эпизодъ въ лѣтописяхъ Малороссійской гетманщины XVIII вѣка, остается до сихъ поръ малообъясненною. Съ легкой руки неизвѣстнаго автора «Исторіи Руссовъ», послѣдующіе историки гетманщины продолжали смотрѣть на Полуботка какъ на героя, который пожертвовалъ своею жизнью, отстаивая права родины. Позднѣйшіе изыскатели Малороссійской старины тоже не могутъ вовсе отрѣшиться отъ этихъ преданій, хотя и сомнѣваются въ точности извѣстій «Исторіи Руссовъ». Представляя въ настоящемъ очеркѣ новыя свѣдѣнія для исторіи Полуботка, мы желаемъ способствовать возстановленію исторической правды о Полуботкѣ и его времени.

I.

Происхожденіе Полуботковъ. Еремей Полуботокъ—„райца" Черниговскій. Леонтій Полуботокъ—полковникъ Переяславскій. Вражда Мазепы и лишеніе Леонтія Полуботка полковничества. Павелъ Полуботокъ—полковникъ Черниговскій. Послѣ измѣны Мазепы, Петръ В. отстраняетъ Полуботка отъ избранія въ гетманы и награждаетъ за это маетностями. Количество маетностей.

Полуботки были старинные Черниговскіе обыватели. Перваго Полуботка, Еремея, встрѣчаемъ въ актѣ 1619 г. Черниговскій воевода Салтыковъ, возобновляя разоренный Черниговъ, далъ въ этомъ году Еремею Полуботку мѣсто въ Черниговѣ для постройки дома, прибавивъ къ этому, что «вольно будетъ Полуботку рыбу ловить въ озерахъ и криницахъ тѣхъ что королевичъ (Владиславъ) ему далъ; также вольно будетъ ему и звѣря ловить въ пущахъ, кромѣ бобровъ; а свободы Полуботку дано на двадцать лѣтъ» [1]). Изъ этого акта видно, что Еремей Полуботокъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ возобновленнаго Чернигова, почему и получилъ такія льготы. Въ

---

[1]) Записки Черниг. губ., Статист. Комитета, I, 251. Здѣсь Полуботокъ названъ Іеронимомъ, но въ другихъ двухъ актахъ 1637 и 1642 гг., копіи которыхъ въ спискахъ XVIII в. имѣются у насъ, онъ названъ (акты писаны попольски) въ одномъ Jerzemit, а въ другомъ Wieremiy.

другомъ позднѣйшемъ актѣ положеніе Еремея Полуботка въ Черниговѣ выясняется еще болѣе: въ актѣ 1637 г. читаемъ, что «славетный Еремѣй Полуботокъ, райца и мѣщанинъ Черниговскій, продалъ часть своего млина на р. Стрибень, подъ Черниговомъ, Тишку Климовичу, за сто копъ». Еремей Полуботокъ былъ живъ еще и въ 1642 г., когда спорилъ съ тѣмъ же Климовичемъ о томъ, кому чинить часть проданной мельницы.—Затѣмъ, въ 1668 г. встрѣчаемъ другаго Полуботка, Левона Артемовича, вѣроятно внука Еремея; въ это время Леонтій Полуботокъ былъ Черниговскимъ писаремъ, котораго Бруховецкій надѣлилъ уже и маетностями [2]). Кромѣ того, самъ Леонтій скупалъ въ это время земли въ селѣ Полуботкахъ [3]) около Чернигова, которое поселено было вѣроятно его дѣдомъ, но котораго, должно быть, Полуботки лишились во время войнъ Хмельницкаго. Въ 1671 г. Леонтій Полуботокъ становится Черниговскимъ сотникомъ, получивъ этотъ урядъ отъ Василія Многогрѣшнаго, тогдашняго Черниговскаго полковника, съ которымъ Полуботокъ былъ въ большой дружбѣ [4]). Дружба съ Многогрѣшнымъ не помѣшала Полуботку получить, вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Самойловича, генеральный урядъ бунчужнаго [5]). Вскорѣ затѣмъ Полуботокъ породнился съ гетманомъ, женивъ сына своего Павла на племянницѣ Самойловича (дочери роднаго брата его Василія, Лебединскаго священника). Съ этого времени Полуботокъ сталъ въ числѣ близкихъ къ гетману людей и пользовался милостями Самойловича во все продолженіе его гетманства. Въ 1678 г. Леонтій Полуботокъ былъ уже генеральнымъ есауломъ [6]) и, какъ водилось, награжденъ былъ маетностями. Изъ царской грамоты 1681 г. видимъ, что Полуботокъ въ это время имѣлъ уже: бывшую маетность Александра Розсудовскаго, со всѣми Розсудовскими угодьями, въ ключѣ Любецкомъ, с. Губичи, с. Савинки, земли въ Любецкой сотнѣ подъ названіемъ Мишковщина и нѣсколько мельницъ около Чернигова и на р. Убеди. Около 1685 г. Самойловичъ смѣстилъ Переяславскаго полковника Вуйцу Сербина и на мѣсто его поставилъ Леонтія Полуботка [7]), который оставался на этомъ урядѣ до низложенія Самойловича. Арестованный въ 1687 г., вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ гетмана Григоріемъ [8]), Полуботокъ лишенъ былъ полковничества, впрочемъ не надолго; назначенный на его мѣсто Дмитрій Раичъ показался Мазепѣ опаснымъ, и Полуботку возвращенъ былъ Переяславскій урядъ. Полуботокъ, повидимому, пріобрѣлъ даже пріязнь Мазепы, который въ 1689 г. подтвердилъ ему старыя маетности и далъ новую—Сосницкое село Наумовку. Но въ это же время въ Москвѣ

---

2) Акты Ю. З. Рос., VII, 11.

3) Обзоръ Румянцовск. описи, 16.

4) А. Ю. З. Р., IX, 725—730. Здѣсь помѣщена переписка Полуботка съ Василіемъ Многогрѣшнымъ.

5) Тамъ же, 907, 946.

6) Величко, II, 463.

7) Акты Ю. З. Р., V, 184.

8) Гордонъ, II, 188 и 194.

производилось слѣдствіе надъ племянникомъ бывшаго гетмана Михайломъ Самойловичемъ. Какое-то неосторожное слово, сказанное Самойловичемъ Павлу Полуботку, опять возбудило подозрѣнія у Мазепы противъ Полуботковъ, и снова Леонтій былъ лишенъ полковничества. По этому поводу Мазепа въ 1692 г., писалъ въ Москву: «Мы, гетманъ, Леонтія Полуботка держимъ за карауломъ для той причины, что онъ учинился у насъ въ подозрѣніи, того ради: зная, что сынъ Полуботковъ, бывъ на Москвѣ, не остерегъ насъ, властителя своего, какъ ему надлежало; только спомощникомъ Мишкѣ (Самойловичу) учинился, искали головы нашей и зла всей старшинѣ и возмущенія народа; а старой Полуботокъ, въ Переяславѣ на полковничествѣ обрѣтаясь, промышлялъ о гетманствѣ и желалъ намъ, гетману, и всѣмъ при насъ будучимъ, пагубы и нестроенія въ народѣ. Постановили есмы съ старшиною и съ полковники—взять отъ нихъ Полуботковъ всѣ маетности, старыя и нынѣ вновь данныя, и одни превратить къ Чернигову, а другія обратить на войсковый пожитокъ» [9]). На этотъ разъ Леонтій Полуботокъ потерялъ полковничество уже на всегда; мѣсто его отдано было Ивану Мировичу.

Оставшись безъ уряда, старый Полуботокъ жилъ въ Черниговѣ, занимаясь хозяйствомъ, которое, по тогдашнему, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ скупалъ казачьи земли и селилъ на нихъ разныхъ «вольныхъ переходящихъ людей»; такъ Полуботокъ поселилъ слободы: Довжикъ, Табаевку, Губичи и друг. Затѣмъ и Мазепа смилостивился надъ Полуботками и возвратилъ имъ часть отнятыхъ маетностей—Савинки, Габріеловку, Каруковку и Наумовку. Умеръ Леонтій Полуботокъ около 1700 г., оставивъ вдову съ сыномъ Павломъ. Двѣ его дочери выданы были замужъ раньше: одна за Ивана Сулиму, а другая за Ѳедора Мировича. Хозяиномъ собранныхъ Леонтіемъ маетностей остался одинъ сынъ его; впрочемъ на пропитаніе вдовы стараго Полуботка Мазепа отдѣлилъ было село Наумовку, но въ 1706 г. и эта маетность отдана была Павлу, такъ какъ мать его постриглась въ монахини [10]).

Павелъ Полуботокъ женился ок. 1680 г.; если онъ женился и рано, то въ 1700 г. ему было не менѣе сорока лѣтъ, а между тѣмъ, до этого времени онъ не занималъ никакого войсковаго уряда. И до смерти отца и послѣ Павелъ Полуботокъ продолжалъ оставаться безурядным «знатнымъ войсковымъ товарищемъ» [11]). Видно, что Мазепа очень не жаловалъ Полуботковъ, а

---

[9]) Бантышъ-Кам. Истор. Мал. Р., III, примѣч. 32. Ср. Соловьевъ, XIV, 179.

[10]) Универсалъ Мазепы 15 Ноября 1706 г.: „въ позосталихъ небожчика п. Леонтія Полуботка добръ, позволилисмо были овдовѣлой женѣ его п. Полуботковой селомъ Наумовкою владѣть до ласки нашей войсковой; однакъ когда теперь она соизволила въ чинъ инокини постричтися, теды оное село приворочаемъ сынови небощиковскому п. Павлу Полуботку, полковникови Черниговскому“.

[11]) Въ универсалѣ Мазепы 1703 г., подтверждающемъ Павлу Полуботку купленные имъ „грунта“ Мохнатинскій, Семаковскій и Вертѣевскій, Полуботокъ названъ „значнымъ и заслуженнымъ товарищемъ войсковымъ“. Книга пожитковъ П. Полуботка. Чтенія въ Моск. Общ. Ист. Древн. 1863 г.

предстателей у нихъ не было, потому что не было родства между вліятельною старшиною. Но когда умеръ Черниговскій полковникъ Ефимъ Лизогубъ (не позже 1705 г.), на мѣсто его Мазепа поставилъ Павла Полуботка. Какъ это случилось—ничего не извѣстно; бѣдность свѣдѣній о первоначальной жизни Павла Полуботка такова, что до поставленія его на полковничій урядъ, мы находимъ о немъ только извѣстія, приведенныя выше. Неизвѣстнымъ остается Полуботокъ и затѣмъ, до измѣны Мазепиной. Только 6 Ноября 1708 г., встрѣчаемся мы наконецъ съ историческою личностью Черниговскаго полковника Павла Полуботка, когда вмѣстѣ съ тремя другими товарищами по уряду, явился онъ по зову царя, на Глуховской радѣ, для избранія преемника Мазепѣ. Ригельманъ, знавшій лично современниковъ Полуботка, говоритъ, что на этой радѣ кандидатами на булаву считались только двое: Полуботокъ и Скоропадскій. Петръ В., находившійся тутъ же на радѣ, указалъ на Скоропадскаго, а о Полуботкѣ сказалъ: «этотъ очень хитеръ, онъ можетъ Мазепѣ уравниться» [12]). Петръ В. умѣлъ угадывать людей, и на основаніи его отзыва, можно заключить, что Полуботокъ своимъ умомъ выдѣлялся изъ ряда обыкновенныхъ людей. У современниковъ онъ слылъ вообще за умнаго, но упрямаго человѣка [13])

Отстранивъ Полуботка отъ гетманства, Петръ В. долженъ былъ вознаградить его другими своими милостями, тѣмъ болѣе, что Черниговскій полковникъ остался вѣренъ царю въ числѣ лишь четырехъ, изъ десяти, полковниковъ. Какъ видно, Полуботокъ понималъ выгодное свое положеніе и умѣлъ имъ воспользоваться; онъ зналъ, что всякая его просьба, заявленная царю въ это время, будетъ удовлетворена. Тутъ же, не выѣзжая изъ Глухова, Полуботокъ попросилъ у царя маетностей. Другіе въ это смутное время просили лишь подтвержденія правъ на прежнія маетности, не упоминая пока о старыхъ. Полуботокъ попросилъ новыхъ маетностей. Въ грамотѣ, данной царемъ черезъ недѣлю послѣ избранія Скоропадскаго, тамъ-же въ Глуховѣ, читаемъ: «Пожаловали Черниговскаго полковника Павла Полуботка, за его къ намъ вѣрныя службы, какъ въ воинскихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля нашего короля Шведскаго, также и за показанную его непоколебимую къ намъ вѣрность въ настоящемъ случаѣ измѣны бывшаго гетмана Мазепы, повелѣли дать ему грамоту на маетности, оставшіяся послѣ шурина его, бывшаго Гадяцкаго полковника Михайла Васильева» (Самойловича) и т. д. По этой грамотѣ Полуботокъ получилъ въ Сумскомъ полку четыре села Михайловку, Озакъ, Буймеръ и Грунь, да въ Лубенскомъ полку село Коровинцы, которое для этого отнято было у вдовы Обидовскаго. Въ Декабрѣ того же года, Полуботокъ выпросилъ у царя, когда тотъ судилъ въ Лебединѣ сторон-

[12]) Ригельманъ, III, 50.

[13]) Такъ о немъ отзывается чиновникъ Польскаго короля Лефортъ, въ своихъ денешахъ изъ Спб. 1722—25 гг. „Этотъ человѣкъ уменъ, но совсѣмъ не воинъ".—„Самый знатный, упрямый и богатый изъ казаковъ—Полуботокъ умеръ". Сборн. Русск. Истор. Общ. III, 352 и 395.

никовъ Мазепы, и другую грамоту на Черниговскія маетности. Кромѣ небольшихъ слободокъ, поселенныхъ Леонтіемъ и Павломъ Полуботками, послѣдніе въ Черниговскомъ полку имѣли только два села—Наумовку и Савинки; всего здѣсь было у Павла Полуботка дворовъ до двухсотъ. А по грамотѣ 22 Декабря 1708 г., онъ получилъ: м. Любечъ съ приселками и двумя перевозами на Днѣпрѣ, села и деревни—Выбли, Подгорное, Пески, Нов. Млины, Кувѣчичи, Домашлинъ, Орловку, Казиловку, Каруковку, Оболонье, Городище, Савинцы, Криски, Псаровку, Стар. и Нов. Боровичи, Андрушичи и слоб. Загребельную. Выпрошены были эти маетности подъ видомъ «измѣнничьихъ», будто бы принадлежавшихъ Мазепѣ и Орлику; но Мазепѣ принадлежали только Любечъ, Орловка и Казиловка; остальныя маетности принадлежали или лицамъ, ни въ какой измѣнѣ не участвовавшимъ, или «на рангъ» Черниговскихъ полковниковъ, которыми сіи послѣдніе пользовались вмѣсто жалованья, пока оставались на урядѣ. Всѣ эти маетности включены были въ грамоту и отданы Полуботку «въ вѣчное владѣніе». По грамотѣ 22 Декабря Полуботокъ получилъ около 1400 дворовъ, да въ Сумскихъ селахъ и въ Коровинцахъ было около 750 дворовъ. Такимъ образомъ по двумъ грамотамъ Полуботку дано было болѣе 2000 дворовъ. Лишеніе булавы было вознаграждено вполнѣ: Полуботокъ сталъ богатѣйшимъ державцею въ Малороссіи; у Кочубеевъ, которые тоже съумѣли воспользоваться въ это время казнію ихъ отца, было меньше. Самъ гетманъ завидовалъ богатству Черниговскаго полковника.

Четырнадцать лѣтъ правилъ Полуботокъ Черниговскимъ полкомъ при Скоропадскомъ, заботясь преимущественно объ увеличеніи своихъ и безъ того огромныхъ богатствъ.—Произволъ старшинской власти достигъ въ это время наибольшаго своего развитія. Русское правительство, ограничивая власть гетмана, лишало его всякой возможности сдерживать произволъ власти полковничьей; поэтому полковники, не чувствуя надъ собою никакого почти контроля, сильно злоупотребляли своею властью и часто распоряжались по своимъ полкамъ какъ неограниченные самовластители. Обиженные жаловались гетману, гетманъ назначалъ слѣдствіе, но когда по слѣдствію жалобы подтверждались, то гетманъ не зналъ—что̀ ему дѣлать дальше, такъ какъ никакой рѣшающей власти у него не было: смѣстить полковника онъ не могъ, не могъ и судить его. Полковники хорошо понимали свое положеніе и пользовались имъ. Въ особенности отличались произволомъ власти полковники изъ родни Скоропадскаго. Къ числу ихъ сталъ принадлежать и Полуботокъ съ тѣхъ поръ какъ въ 1714 г. выдалъ свою дочь за Якова Марковича, любимаго племянника гетманши Настасьи Марковны. Зная свою силу, Полуботокъ устроился въ своемъ полку со всѣми подобіями гетманской власти; онъ даже завелъ у себя и тотъ «дворъ», который устроивали прежніе гетманы изъ разныхъ пришельцевъ, раболѣпно служившихъ своему патрону съ одною цѣлью—добиться какого нибудь войсковаго уряда. Сынъ одного такого Полуботковскаго «дворянина» разсказывалъ въ 1750 г., что «у бывшаго полков-

ника Черниговскаго Павла Полуботка, многіе Малороссійскихъ и Польскихъ шляхтичей дѣти придворно служивали, съ которыхъ онъ Павелъ Полуботокъ иныхъ сотниками, а иныхъ значковыми полку Черниговского товарищами производилъ; какъ и отецъ мой Василій Богдановичъ, выѣхавши изъ Польской области въ Россійское государство, въ придворной службѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ у него, Полуботка, обрѣтался». Изъ этихъ пришельцевъ набиралъ Полуботокъ и своихъ старостъ, которые управляли его маетностями.

II.

Хозяйство Полуботка. Размѣръ крестьянскихъ повинностей. Поселеніе Полуботкомъ слободъ. „Скупля“ казачьихъ земель. Захватъ полковыхъ маетностей.

Управленіе наличными маетностями было дѣло несложное, и не въ этомъ заключалась главная обязанность старостъ. Хозяйство въ наличныхъ маетностяхъ заключалось главнымъ образомъ въ собираніи съ крестьянъ «осенщины» — ежегодной повинности, частью деньгами, а частью хлѣбомъ и живностью. Каждый крестьянскій дворъ платилъ «осенщину», смотря по своей «заможности», которую опредѣлялъ староста. Въ маетностяхъ Полуботка размѣръ денежной осенщины простирался отъ 2 коп. до нѣсколькихъ рублей съ двора. Беремъ для примѣра маетность его—с. Оболонье (Кролевецкаго уѣзда); въ этомъ селѣ было 200 крестьянскихъ дворовъ; наименьшій размѣръ денежной осенщины здѣсь былъ—10 коп., 22 двора платили въ годъ по 10 коп., 3 двора—по 15 коп., 35 дворовъ—по 20 коп., 2 двора—25 коп., 26 двор.—по 30 коп., и т. д. до нѣсколькихъ рублей: 3 двора—по 2 р.; 1 дворъ—2 р. 40 к.; 3 двора—по 2 р. 50 к.; 1 дворъ—5 р. и наконецъ одинъ дворъ—7 р. 40 к. Это былъ наивысшій размѣръ денежной осенщины, который мы нашли въ хозяйскихъ счетахъ Полуботка. Двѣсти крестьянскихъ дворовъ села Оболонья платили въ годъ деньгами 126 р. 35 к., т. е. среднимъ числомъ по 63 коп. съ двора. Кромѣ денежной, сбиралась еще осенщина хлѣбнымъ зерномъ, рожью и овсомъ, гусями и курами; хлѣбная осенщина сбиралась только съ богатѣйшихъ домохозяевъ; въ Оболоньѣ напр. хлѣбную осенщину платили только 43 двора, а 157 дворовъ были избавлены отъ этого налога; дворъ платилъ не менѣе шести четвериковъ и не болѣе $2^1/_2$ четвертей. Гусей давали только богатые дворы—по полъ-гуся въ годъ, а по курицѣ обязанъ былъ дать каждый дворъ, богатый и бѣдный одинаково. Личную повинность, «панщину» несли только бѣдняки; у богатаго державцы панщина никогда не была отяготительною, такъ какъ запашки были небольшія, да и то не во всѣхъ маетностяхъ, и панщина

нужна была, кромѣ дворовой службы, на винокуренную работу. Вся хлѣбная осенщина перемалывалась въ муку, на собственныхъ водяныхъ мельницахъ, и затѣмъ шла на винокурни. Выкуренное вино распродавалось въ собственныхъ шинкахъ, отъ 50 до 70 коп. за ведро. Кромѣ вина, варились пиво и медъ, которые продавались въ тѣхъ же шинкахъ. Вотъ и все хозяйство Полуботка, какъ мы его видимъ по хозяйскимъ вѣдомостямъ. Каждая большая маетность имѣла особаго старосту, который съ помощью войтовъ, выбиралъ въ положенное время осенщину деньгами и хлѣбомъ, деньги передавалъ пану, а хлѣбъ перекуривалъ въ вино, раздавалъ его по шинкамъ и отсюда собиралъ другой денежный доходъ отъ шинкарей.

Такое хозяйство вести было нетрудно, и не по веденію этого хозяйства опредѣлялось достоинство расторопнаго старосты. Далѣе, важныя обязанности старосты заключались въ увеличеніи земельныхъ богатствъ своего державцы. Расторопный староста долженъ былъ проискивать обѣднѣвшихъ или распившихся казаковъ, готовыхъ продать державцѣ свои «грунты» и сѣсть на нихъ сначала въ видѣ подсосѣдковъ, которые потомъ превращались въ «подданныхъ». Это былъ одинъ способъ увеличенія земельныхъ владѣній—«скупля» казачьихъ и чужевладѣльческихъ земель. Другой способъ увеличенія державческихъ земель заключался въ заселеніи пустопорожнихъ земель слободами. Въ первой четверти XVIII в. пустопорожнихъ земель собственно уже не существовало; всѣ земли напр. въ Черниговскомъ полку распредѣлены были уже между селами; но по малому населенію, много земель оставалось еще такихъ, которыя только номинально принадлежали тому или другому селу, а въ дѣйствительности оставались пустыми, на которыхъ селяне лишь изрѣдка косили траву или рубили лѣсъ. Въ Черниговскомъ полку было особенно много такихъ земель въ лѣсныхъ частяхъ настоящихъ Городницкаго и Сосницкаго уѣздовъ. Здѣсь слободы продолжали садиться во все продолженіе первой половины XVIII в. Садилъ здѣсь слободы и Полуботокъ, съ помощью своихъ старостъ. Какъ селились эти слободы, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа о населеніи слободы Деревинъ Новоборовицкимъ старостою Полуботка, Иваномъ Райковскимъ. Около села Переписа, на рѣчкѣ Терухѣ, когда то еще за Поляковъ, въ урочищѣ Деревины, стояла буда (поташный заводъ), принадлежавшая Польскимъ панамъ Фащамъ, а когда Поляковъ изъ Малороссіи выгнали, буда была разорена, и на ея мѣстѣ поселились два казака Кусеи, которые, поживши здѣсь нѣсколько лѣтъ, переселились въ с. Овтуничи, откуда и продолжали владѣть распаханными участками. Объ этомъ урочищѣ прослышалъ тогдашній Городницкій сотникъ, Стаховичъ, и сталъ было торговать его у Кусеевъ, но тѣ продавать не захотѣли. Преемникъ Стаховича, Яковъ Ждановичъ продолжалъ торговать Деревинское урочище; Пархомъ Кусей разсказываетъ, что для торга онъ вызванъ былъ Ждановичемъ въ Городню, и здѣсь сотникъ, «подпоивши его горѣлкою, насильно три рубля денегъ далъ ему въ руки, пьяному»; но Кусей купчей не далъ. Затѣмъ узналъ о Деревинскомъ урочищѣ Райковскій и извѣстилъ о немъ Полуботка, который отвѣ-

чалъ приказомъ—купить Деревины, но уже не у Кусеевъ, а у жителей села Переписа, въ составъ земель котораго входило это урочище. Къ этому приказу Полуботокъ прибавилъ, что если Переписцы не продадутъ, то можно начать садить въ Деревинахъ слободу и насильно. Райковскій, начавъ торговать Деревины, предложилъ Переписцамъ «сто золотыхъ (20 р.) денегъ, куфу (бочку) горѣлки и десять осматокъ жита», и кромѣ того, обѣщалъ построить въ Переписѣ церковь, говоря, что онъ самъ и попомъ будетъ. Но Переписцы знали, что если полковникъ станетъ садить слободу, то много земли у нихъ пропадетъ, и Райковскому отказали. Въ это же время, около Переписа сталъ селиться зять генеральнаго есаула Бутовича, Степанъ Тарновскій, получившій отъ тестя въ Городницкой сотнѣ село Овтуничи. Тарновскій тоже мѣтилъ на Деревины и сталъ торговать ихъ у зятя Пархома Кусея, который отдалъ за сестрою третью часть этого урочища. Осипъ Гомельскій, зять Кусеевъ, разсказывалъ, что онъ продалъ свою часть Деревинъ Тарновскому за сорокъ золотыхъ (8 рубл.) и далъ «письмо», которое писалъ въ Солоновкѣ, «только денегъ до бо̀льшаго разсмотрѣнія (понеже о томъ грунтѣ споръ заходилъ) онъ, Гомельскій, у Тарновскаго всѣхъ не бралъ, а въ Городню, для написанія купчаго письма, идти боялся, потому что «сотникъ Городницкій Ждановичъ, за продажу грунтовъ, многихъ казаковъ билъ кіями, забивалъ въ колодки и въ тюрьму закидалъ». Узнавъ о новомъ претендентѣ, Райковскій еще разъ обратился къ Переписцамъ съ предложеніемъ продать Деревины, предупреждая ихъ, что его панъ пишетъ изъ Смоленска (на дорогѣ въ Ладожскій походъ 1721 г.), «что если-бъ Переписцы тоей земли не продали, то приказалъ и насильно селить слободу». Но, какъ видно, насильно садить слободу Райковскому не хотѣлось, во избѣжаніе лишнихъ споровъ съ Тарновскимъ, съ тестемъ котораго Полуботокъ постоянно враждовалъ и не разъ уже его обижалъ. Расторопный староста нашелъ средство склонить Переписцевъ на свою сторону; тутъ же, около Деревинъ, Хоробрицкій казакъ Бизюкъ имѣлъ маленькій «островецъ», на которомъ была его «бортная отчина»; купивши этотъ островецъ, Райковскій сначала сталъ на немъ садить слободу, зная, что Переписцы, увидавъ, что слобода садится и безъ ихъ позволенія, поймутъ, что лучше миромъ уступить своему полковнику то, что̀ онъ со временемъ все-таки отниметъ у нихъ. Райковскій не ошибся: какъ только сталъ онъ садить слободу на Бизюковскомъ грунтѣ, Переписцы согласились на уступку Деревины, и дали въ 1721 г. Райковскому уступную «карту» (имъ же и написанную), по которой Перепсскій атаманъ съ товариствомъ и войтъ съ посполитыми, «имѣя вольную дуброву, прозываемую Деревины, пригодную для поселенія людей, позволили п. Ивану Райковскому, старостѣ Боровицкому, закликать туда на домъ п. Полуботка, полковника Черниговскаго, слободу, наименованную Веселковка, до которой слободы уступили часть своихъ «чертежовъ» въ вольныхъ займахъ, принадлежащихъ къ той дубровѣ». Какъ видно, Райковскій новую слободу назвалъ было Веселковкою, но народъ удержалъ названіе Деревинъ, подъ которымъ и теперь су-

ществуетъ это село въ Городницкомъ уѣздѣ. При такихъ условіяхъ селили Полуботковскіе старосты и другія слободы: Радуль, Мохначи, Илькучу, Тѣльную и пр.

Но еще болѣе пріобрѣталъ Полуботокъ земель посредствомъ «скупли» казачьихъ и крестьянскихъ «грунтовъ», чтобы селить на нихъ новыхъ «подданныхъ», набирая ихъ преимущественно изъ обѣднѣвшихъ или не хотѣвшихъ ходить въ походы казаковъ. Какъ производилась скупля такихъ грунтовъ, можно видѣть изъ того, какъ пріобрѣтены были Полуботкомъ земли въ родовомъ его селѣ Полуботкахъ. Выхлопотавъ себѣ царскую грамоту на такое значительное количество маетностей, Черниговскій полковникъ не могъ включить въ число ихъ села Полуботокъ (около Чернигова), съ которымъ были связаны его предковскія воспоминанія и которымъ поэтому онъ очень интересовался. Село это принадлежало тогда гетману Скоропадскому, которому досталось по первой его женѣ. У Полуботка же въ его родовомъ селѣ было всего одинъ «дѣдовскій дворъ». Только въ 1715 г. удалось Полуботку купить здѣсь нѣсколько небольшихъ участковъ у казака Селивенка за 400 злотыхъ (80 рубл.); черезъ годъ онъ купилъ еще часть Полуботковскихъ земель у какой-то Стріевской. Такимъ образомъ составилось здѣсь у Полуботка маленькое имѣньице, которое онъ затѣмъ и началъ округлять казачьими и «мужичьими» землями. Округленіе это производилось по разсказамъ жителей с. Полуботкова, записаннымъ въ 1719 г., такимъ образомъ:

Терешко Тимошенко разсказывалъ, что какъ продавалъ отецъ его въ 1716 г. Павлу Полуботку свой «дворикъ съ садомъ вишнякомъ и нивку, за десятъ копъ» (5 р.), то онъ узнавши объ этой продажѣ, что отецъ пошелъ уже въ Черниговъ къ Полуботку получать за землю деньги, побѣжалъ было вслѣдъ за отцомъ, но не догналъ его, а засталъ его уже въ полковничьемъ дворѣ, за Стрижнемъ (въ Черниговѣ, гдѣ теперь духовная семинарія), въ то время какъ отецъ стоялъ передъ полковникомъ съ деньгами въ рукахъ. И сказалъ онъ, Тимошенко, Полуботку: милостивый добродѣю, намъ невольно продавать земель своихъ безъ вѣдома панскаго [14]).—Я твоего батька не силовалъ, отвѣчалъ полковникъ, да и кого ему бояться, продавая свое трудовое добро?—А между тѣмъ когда п. Лѣневичъ (управляющій Скоропадскаго) узналъ объ этой продажѣ, то «сажалъ меня въ тынъ (плетень) ночью» и хотѣлъ кіями бить, но я отпросился тѣмъ, что отецъ продалъ землю безъ моего вѣдома.

[14]) Фраза эта требуетъ поясненія. Казаки, жившіе въ маетностяхъ вліятельныхъ державцевъ и желавшіе „спродать“ свои земли, должны были, по заведенному обычаю, предварить объ этой продажѣ державцу, который имѣлъ—или считалъ себя имѣющимъ—преимущественное право на покупку; если державца отказывался отъ покупки, тогда казакъ могъ продать свои земли и другимъ. Если казакъ продавалъ земли въ посторонія руки, не предваривши державцу, то послѣдній, по обычаю, основанному впрочемъ на правѣ сильнаго, могъ отобрать земли отъ покупщика, вернувши ему заплаченныя имъ деньги. Говоря Полуботку, что отецъ его не можетъ продавать земель безъ вѣдома панскаго, Тимошенко разумѣлъ, что о продажѣ нужно предварить сначала Скоропадскаго, державцу с. Полуботокъ.

Радько Бовтрикъ, крестьянинъ Полуботковскій, разсказывалъ, что послѣ того какъ купилъ Черниговскій полковникъ земли у Стріевской, сталъ онъ торговать и мою нивку, находившуюся посреди земель Стріевской; но я отъ продажи отказался; а потомъ староста п. Полуботка два раза приказывалъ ту нивку закопывать, чтобъ присоединить къ панскимъ землямъ; но я не позволялъ и два раза «копачевъ» прогонялъ. Затѣмъ два раза призывалъ меня самъ п. полковникъ, принуждая продать ему ту нивку; но я все отказывался. А въ этомъ году (1719) какъ прислалъ п. Полуботокъ за мною, чтобъ я уступилъ ему ту нивку, то я, не могши больше противиться, пошелъ къ нему въ Черниговъ и взялъ за ту нивку пять копъ.

Крестьянинъ Петро Децикъ разсказалъ, что пришелъ онъ было до такой «мизеріи», что нечѣмъ было кормить и дѣтей, попухшихъ съ голоду, и ходилъ онъ по всему селу, предлагая въ залогъ свою нивку, за хлѣбъ; но въ залогъ никто не бралъ; продавать же не позволялъ панскій господарь (управляющій); но не умирать мнѣ было съ голоду, и я продалъ ту нивку п. полковнику за одинадцать золотыхъ—и т. д.

Кромѣ «скупли» казачьихъ и крестьянскихъ земель, у Полуботка былъ еще и третій способъ для увеличенія своихъ земельныхъ богатствъ—захватъ полковыхъ маетностей, принадлежавшихъ ратушамъ разныхъ сотенныхъ городковъ. Пользуясь властью полковника, Полуботокъ «прилучилъ» такимъ образомъ въ свою «диспозицію» до 300 дворовъ. Такъ напр. села Макишинъ, Дирчинъ и Клочковъ отнялъ онъ отъ ратуши м. Седнева; отъ Городницкой ратуши отнялъ въ Городнѣ до сорока дворовъ и т. д.

Такими способами, за семнадцать лѣтъ своего управленія Черниговскимъ полкомъ, Полуботокъ пріобрѣлъ громадныя маетности, въ которыхъ считалось около 3200 дворовъ. Такихъ богатствъ въ гетманщинѣ не было ни у кого, ни прежде, ни послѣ, кромѣ, разумѣется, Разумовскихъ [16]).

---

[16]) Изъ имѣющихся у насъ числовыхъ свѣдѣній о томъ, какимъ количествомъ дворовъ владѣли Малороссійскіе паны въ 1743 г., видно, что первыми богачами и въ это время оставались Полуботки (сынъ и внукъ Павла), у которыхъ все еще было—1269 дворовъ (у дѣтей Павла много маетностей было отобрано Черниговскимъ полковникомъ Богдановымъ, затѣмъ Борковскими и друг.). За Полуботками слѣдовали Кочубеи, у которыхъ было 1193 дв.; затѣмъ шли: графы Рагузинскіе—522 дв.; Апостолы—518 дв., Корсаки (потомки Симеона Самойловича).—513 дв., Иванъ Лысенко—415 дв., Михаилъ Скоропадскій—405 дв., Дунинъ-Борковскій—382 дв., Игнатій Галаганъ—377 дв., Яковъ Лизогубъ—368 дв., и затѣмъ идутъ владѣльцы, имѣвшіе менѣе 300 дворовъ.

III.

Смерть Скоропадскаго. Полуботокъ заступаетъ временно его мѣсто. Учрежденіе Малороссійской Коллегіи. Отношенія Полуботка къ президенту коллегіи Вельяминову. Современные Полуботку Малороссійскіе полковники. Генеральный судья Чернышъ. Состояніе правосудія. Вельяминовъ собираетъ свѣдѣнія о налогахъ, существовавшихъ при гетманахъ и начинаетъ собирать эти налоги въ казну.

При такомъ богатствѣ Полуботку не доставало только булавы, претендентомъ на которую онъ могъ считать себя уже съ 1708 г., когда не былъ выбранъ въ гетманы потому только, что не успѣлъ заслужить у царя довѣрія. Но съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ: Полуботокъ служилъ службу вѣрно, исправно отбылъ первый Ладожскій походъ и, если наживался на счетъ своихъ полчанъ, то дѣлалъ это такъ ловко, что громкихъ жалобъ противъ себя не возбуждалъ, какъ то было съ его товарищами Чернышемъ, Галаганомъ, Марковичемъ и друг. По всему можно было надѣяться, что за смертью Скоропадскаго выбрать въ гетманы могутъ его, Полуботка, скорѣе чѣмъ напр. Апостола, который былъ въ Мазепинскомъ дѣлѣ замѣшанъ. Народъ тоже привыкалъ видѣть въ Полуботкѣ будущаго своего «рейментара», потому что всю первую половину 1722 г., пока Скоропадскій былъ въ Москвѣ, «войсковыми порядками» гетманщины правилъ Полуботокъ. Скоропадскій вернулся изъ Москвы 27 Іюня, совсѣмъ больной; Полуботокъ, бывшій въ это время дóма, въ Черниговѣ, поспѣшилъ вернуться въ Глуховъ «съ донесеніемъ о своемъ правительствѣ» и перваго Іюля, «ясневельможному болѣзненному кланялся». На другой день Скоропадскій написалъ свое завѣщаніе, а 3-го Іюля 1722 г. умеръ. При кончинѣ его изъ старшинъ присутствовали: полковники—Полуботокъ и Марковичъ, генеральный писарь Савичъ и генеральный есаулъ Жураковскій. «При смерти своей, ясновельможный правленіе дѣлъ поручилъ п. Павлу Полуботку», такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствовали эти лица въ своемъ донесеніи, которое на другой день смерти Скоропадскаго писали въ Сенатъ «съ объявленіемъ о смерти гетманской и съ прошеніемъ опредѣленія—кто бы мѣлъ порядками Малороссійскими вѣдати до избранія новаго гетмана» [17]). Донесеніе повезъ 5 Іюля въ Москву Заецъ, «машталѣръ (кучеръ) двору покойнаго ясновельможнаго», и въ тотъ же день повезли тѣло Скоропадскаго въ Гамалѣевскій монастырь хоронить. Послѣ похоронъ, Полуботокъ съ старшиною вернулся въ Глуховъ 7 Іюля, и въ тотъ же день, въ качествѣ уполномоченнаго умершимъ гетманомъ на

[17]) Свѣдѣнія о дѣятельности Полуботка со времени смерти Скоропадскаго и до отъѣзда его въ Петербургъ лѣтомъ въ 1723 г. взяты нами преимущественно изъ журнала Генеральной Войсковой Канцеляріи, который былъ веденъ подъ наблюденіемъ самого Полуботка. Журналъ этотъ, начатый съ Іюля 1722 г. и доведенный до Января 1724 г., заключаетъ въ себѣ много важныхъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ гетманщины.

правленіе дѣлъ, «велѣлъ готовить во всѣ полки универсалы съ объявленіемъ о смерти гетманской и съ грознымъ увѣщеваньемъ, чтобы какъ старшина всякого чина, такъ и чернь въ прежнемъ находились состояніи, то есть никакого бы не выдумывали легкомыслія, а кто бы имѣлъ начать такое своеволіе, то каждый изъ таковыхъ будетъ вызванъ въ резиденцію гетманскую—Глуховъ, и знатное на тѣлѣ понесетъ каранье». Потомъ чрезъ нѣсколько дней, Полуботокъ, разсудивъ, что чрезъ Зайца онъ не узнаетъ ничего о результахъ своего донесенія, рѣшилъ послать вслѣдъ за нимъ двухъ войсковыхъ товарищей, Семена Рубца и Василія Быковскаго, которыхъ уполномочилъ лично предстательствовать о разрѣшеніи на выборъ новаго гетмана. Послѣ этихъ распоряженій, Полуботокъ поѣхалъ къ себѣ домой, въ Черниговъ, вѣроятно для устройства хозяйства, чтобы затѣмъ возвратиться въ Глуховъ для отправленія рейментарскаго уряда, не сомнѣваясь, что правленіе «Малороссійскими порядками» будетъ поручено ему, хотя на первое время (единственный человѣкъ, могшій соперничать съ нимъ, Миргородскій полковникъ Апостолъ въ это время былъ далеко отъ Малороссіи, въ Персидскомъ походѣ). Въ Глуховъ вернулся Полуботокъ 4-го Августа и, не заходя домой, заѣхалъ къ Савичу--узнать обо всемъ, что случилось безъ него въ Глуховѣ. Важнѣйшія новости заключались въ томъ, что изъ Сената пришелъ указъ, чтобы до избранія новаго гетмана, Малороссійскіе порядки вѣдать Полуботку, обще съ генеральною старшиною и что 21 Іюля пріѣхалъ въ Глуховъ президентъ новоучрежденной Малороссійской Коллегіи, бригадиръ Вельяминовъ. Первое извѣстіе не могло произвести особаго впечатлѣнія: хотя управленіе Полуботку поручалось и «обще съ старшиною», но Полуботокъ зналъ, что составъ этой старшины таковъ, что онъ останется лицомъ самостоятельнымъ; товарищами его являлись: судья Черпышъ, писарь Савичъ, есаулъ Жураковскій и бунчужный Лизогубъ; послѣдніе два были люди болѣе или менѣе безличные; Чернышъ--человѣкъ давно уже скомпрометированный въ глазахъ Русскаго правительства, а Савичъ по своему уряду былъ только начальникомъ гетманской канцеляріи. Другая новость, пріѣздъ Вельяминова, была важнѣе; Полуботокъ уже зналъ ту инструкцію, которую привезъ съ собою призидентъ коллегіи и которая давала ему возможность связать гетманскую власть по рукамъ и по ногамъ. Инструкція, данная президенту Малороссійской Коллегіи, разослана была по Малороссіи, въ печатныхъ листахъ, еще при жизни Скоропадскаго. Ясно было, что правительство желаетъ уничтожить самостоятельность гетмана, передавъ главныя части его власти своимъ чиновникамъ. Для приведенія въ исполненіе этихъ плановъ Петра В., смерть Скоропадскаго благопріятствовала какъ нельзя болѣе; но за гетманомъ стояла еще старшина, которая въ четырнадцать лѣтъ гетманства Скоропадскаго успѣла развить свое самовластіе до крайнихъ предѣловъ. Если не стало гетмана, то осталась старшина, которая безъ борьбы не могла отказаться отъ своихъ привиллегій—почти безконтрольно распоряжаться народнымъ богатствомъ, въ личную свою выгоду. Ставъ во главѣ мѣстнаго управленія, По-

лубботку было два пути: или сдѣлаться помощникомъ Вельяминова при устройствѣ новыхъ порядковъ въ Малороссіи, или пристать къ старшинѣ и противодѣйствовать тому же Вельяминову. Воспитанный на старшинскомъ самовластіи, Полуботокъ не задумался передъ выборомъ и сразу сталъ во главѣ старшины, рѣшившейся по возможности отстаивать старые порядки, съ помощью которыхъ старшина была богата и знатна.

На другой день по возвращеніи въ Глуховъ, Полуботокъ вмѣстѣ съ Савичемъ и Жураковскимъ отправился къ Вельяминову, «гдѣ особаго разговора съ собою не имѣли, только п. полковникъ съ его превосходительствомъ поздоровался (привитался), а писарь съ есауломъ дня добраго ему пожелали, а затѣмъ и разъѣхались». Въ тотъ же день Полуботокъ получилъ отъ Вельяминова первый указъ Малороссійской Коллегіи, «чтобъ по жалобѣ жителей с. Витемли на своего державцу (владѣльца) сотника Погарскаго (Галецкаго) послѣдній былъ немедленно призванъ въ Глуховъ для отвѣта». Полуботокъ нашелъ, что на основаніи инструкціи коллегія можетъ принимать жалобы только по апелляціи на рѣшенія полковыхъ и генеральнаго судовъ, а потому на указъ о вызовѣ Галецкаго отвѣчалъ: «помянутые жители с. Витемли сами жалобы не подавали, а потому мы не знаемъ, по какому ихъ челобитью слѣдуетъ вызвать Галецкаго; по этому Витемляне свою жалобу должны подать прежде намъ; тогда мы вызовемъ Галецкаго и разсудимъ ихъ прежде всего въ судѣ генеральномъ». Этимъ отвѣтомъ Полуботокъ хотѣлъ показать Вельяминову, что лишь тѣ его требованія будутъ исполнены, которыя будутъ основаны на инструкціи и что никакихъ уступокъ противъ инструкціи онъ дѣлать не намѣренъ. Стараясь сохранить свою самостоятельность, Полуботокъ вслѣдъ затѣмъ разослалъ во всѣ полки свой универсалъ, что «по смерти гетманской, по присланной изъ Сената грамотѣ, правленіе дѣлъ Малороссійскихъ содержитъ онъ, полковникъ Черниговскій, почему если бы кто имѣлъ свою на кого приносить апелляцію, или другую какую нужду, то всякій изъ таковыхъ долженъ обращаться къ нему, полковнику, и отъ него требовать рѣшенія». Но Вельяминовъ повидимому не придавалъ особеннаго значенія этимъ первымъ признакамъ противодѣйствія со стороны гетмана (какъ сталъ называться Полуботокъ) потому что, посылая 11 Августа въ Сенатъ свое первое доношеніе изъ Малороссіи, писалъ: «Въ Глуховъ я прибылъ 21 Іюля и съ прибытія моего въ Глуховъ и до сего числа, по всей Малороссіи состоитъ все благополучно, и посполитые Малороссіяне объявленную имъ по печатнымъ листамъ его импер. величества милость (разумѣется указъ объ учрежденіи Коллегіи) съ радостью пріемлютъ; токмо изъ нихъ многіе приходятъ и подаютъ на старшину и на прочихъ знатныхъ людей, въ своихъ обидахъ, челобитныя, по которымъ въ Малороссійской Коллегіи дѣйствія производиться начинаются. И весьма оные желаютъ, чтобъ по ихъ дѣламъ резолюція показана была, какъ о томъ его импер. величества указы повелѣваютъ, а не по ихъ правамъ; понеже какъ здѣсь видно по ихъ прошеніямъ, что весьма обиды имъ отъ здѣшней старшины показаны, токмо тѣхъ дѣлъ въ

окончаніе производить не можно». Затруднялся Вельяминовъ неимѣніемъ у себя «пунктовъ» Богдана Хмельницкаго, новоуказныхъ статей и военнаго устава, которые нужны были для руководства при разрѣшеніи подаваемыхъ жалобъ и о скорѣйшей присылкѣ которыхъ Вельяминовъ просилъ Сенатъ.

По инструкціи, данной Вельяминову 16 Мая 1722 г., онъ обязанъ былъ: 1) принимать и разрѣшать жалобы на постановленія всѣхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ; 2) привести въ извѣстность всякіе денежные и хлѣбные сборы и затѣмъ собирать ихъ въ царскую казну, производя изъ этихъ сборовъ уплату жалованья компанейскимъ и сердюцкимъ полкамъ и 3) наблюдать, чтобы полковники и старшина не отягощали работами и всякими трудностями казаковъ и посполитыхъ [18]). Такимъ образомъ Вельяминову поручалось устроить въ гетманщинѣ администрацію, суды и общественную казну. Всѣ эти отрасли гетманской власти находились дѣйствительно въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, такъ какъ тѣ «права и вольности», по которымъ будто бы управлялся Малороссійскій народъ, никогда не были точно опредѣлены и измѣнялись по произволу всѣхъ властей, начиная отъ гетмана и кончая сотникомъ.

Болѣе всего страдалъ народъ отъ насилій старшины и отъ невозможности добиться суда на послѣднюю. Старшина, не довольствуясь полученными отъ гетмановъ маетностями, старалась увеличивать ихъ на счетъ казаковъ, у которыхъ отнимала земли, а самихъ ихъ верстала въ крестьяне.

Произволъ надъ крестьянами былъ неограниченъ: «державца» фактически былъ воленъ въ жизни и смерти своего подданнаго, и для послѣдняго оставалась одна только возможность избавиться отъ этого гнета—бѣжать куда нибудь подальше, чтобъ не быть пойманному державскими старостами и войтами. Русскому правительству извѣстно было такое положеніе народа въ Малороссіи, но Вельяминовъ былъ безсиленъ измѣнить эти порядки, пока существовалъ старый строй гетманщины. Тѣмъ не менѣе Вельяминовъ инструкцію свою началъ приводить въ исполненіе. Обратилъ онъ вниманіе и на угнетенное состояніе народа. Въ половинѣ Августа Полуботокъ получилъ указъ Коллегіи «о неупотребленіи до жадныхъ (никакихъ) работизнъ казаковъ и не взиманіи у нихъ накладовъ, когда къ суду явятся», и отвѣчалъ, что объ исполненіи этого указа разошлетъ полковникамъ универсалы. Черезъ два дня, 19 Августа, дѣйствительно разосланъ былъ по всѣмъ полкамъ слѣдующій интересный универсалъ: «Писаны во всѣ полки универсалы упоминательные, чтобы паны полковники, старшины полковые, сотники, державцы духовные и свѣтскіе, атаманы и прочіе урядники, отнюдь не дерзали казаковъ до приватныхъ своихъ работизнъ принуждать и употреблять; но имѣють они, казаки, при своихъ слободахъ оставаясь, только войсковыя, чину ихъ казацкому приличныя, отправлять услуги. А если кто вышеписанному явится преслушенъ, и то будетъ на него донесено и вправду доказано

[18]) Полная инструкція въ Чтен. Моск. Общ. 1858 г. кн. 1.

будетъ, таковой безъ пощады, какого бы ни былъ чина, знатно наказанъ будетъ. Также и суды вездѣ по полкамъ должны быть устроены со всякимъ надлежащимъ порядкомъ, такъ чтобъ тяжебныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и другой старшины и безурядовыхъ (не занимающихъ урядовъ) только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуютъ законъ и необходимость, безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательства, никому не наровя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны судить урядники и по сотеннымъ городкамъ и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей корчмы (въ шинковыхъ дворахъ, при піятицѣ) судятъ и на всякаго шею напиваютъ. Нужно установить, чтобы и въ селахъ споры разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ; корчемные же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго, подъ опасеньемъ строгой кары, приказываемъ. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, долженъ апеллировать въ судъ полковой, а на судъ полковой—въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьямъ, предъ которыми тотъ апеллянтъ судимъ былъ, выдать ему свое рѣшеніе на письмѣ, съ подлинною описью всей справы и контроверсіи обѣихъ сторонъ».

Изъ этого универсала ясно видно, что самъ Полуботокъ хорошо зналъ и злоупотребленія старшинской власти противъ казаковъ и несостоятельность суда. Труднѣе рѣшить, вѣрилъ ли Полуботокъ въ возможность исполненія приведеннаго универсала. Исполненіе этого универсала зависѣло исключительно отъ полковниковъ, въ рукахъ которыхъ всецѣло находилась и административная и судебная власти; полковники должны были явиться и защитниками казаковъ отъ насилій, и устроителями тѣхъ судебныхъ порядковъ, которые такъ обстоятельно предуказывалъ Полуботокъ въ своемъ универсалѣ. Полковниками въ это время были: Данило Апостолъ, Михайло Милорадовичъ, Андрей Марковичъ, Игнатій Галаганъ, Антонъ Танскій и Петръ Толстой. Четыре остальные полковничьи уряды оставались въ это время вакантными. Изъ названныхъ полковниковъ только Апостолъ и Толстой могли бы по личному своему характеру сколько нибудь сочувственно отнестись къ указаніямъ Полуботка; но Апостолъ былъ слишкомъ старъ, чтобъ измѣнять тѣ порядки, при которыхъ онъ дожилъ до семидесяти почти лѣтъ; а Толстой за шестилѣтнее свое управленіе полкомъ достаточно уже познакомился съ безсиліемъ своей власти въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было ограждать народъ отъ насилій старшины. За Апостоломъ и Толстымъ оставались еще: сынъ выкреста изъ Евреевъ Марковичъ, Сербъ Милорадовичъ, Запорожецъ Галаганъ и «Волохъ» Танскій; всѣ они давно уже передъ этимъ прославились въ Малороссіи насиліями надъ своими полчанами. Кромѣ того всѣ они поставлены были на полковничьи уряды съ согласія самого царя, какъ люди «непоколебимой вѣрности». Скоропадскаго эти полковники положительно не слушали, а за Полуботкомъ не признавали вовсе никакой власти.

Объ искорененіи административныхъ злоупотребленій съ такими помощниками нечего было и думать, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Полуботокъ хорошо зналъ, что еслибъ онъ и вправду хотѣлъ облегчить народъ отъ самоуправства и насилія старшины, то онъ сдѣлать этого не могъ, пока полковниками оставались названныя нами лица. Замѣнить же этихъ лицъ другими— въ это время властенъ былъ только самъ царь. Улучшать старые порядки Полуботокъ могъ только въ генеральномъ судѣ, на который онъ имѣлъ непосредственное вліяніе. До сихъ поръ генеральнымъ судомъ завѣдывалъ генеральный судья единолично, хотя постановлялъ свои «декреты» въ большинствѣ случаевъ съ согласія гетмана. Въ послѣдніе годы гетманства Скоропадскаго, генеральный судъ потерялъ всякое значеніе, такъ какъ въ это время имъ завѣдывалъ Чернышъ, подкупность котораго была слишкомъ извѣстна въ Малороссіи. На этотъ судъ Полуботокъ могъ бы оказать вліяніе, если бы не нужно было для этого поднимать руку на Черныша, на что Полуботокъ рѣшаться не могъ: Чернышъ прежде всего былъ «генеральною особою», а Полуботокъ, ставши представителемъ всѣхъ этихъ «особъ», долженъ былъ ихъ защищать, а не преслѣдовать. Поэтому Полуботокъ и здѣсь ограничился тѣмъ, что ввелъ въ составъ суда четырехъ второстепенныхъ судей («ассесоровъ»), чтобы дать суду возможность избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ нареканій на безмѣрную «волокиту», такъ какъ Чернышъ очень часто уѣзжалъ въ свои маетности, оставался тамъ по долгу, и въ это время отправленіе правосудія совершенно прекращалось. А между тѣмъ, въ это время въ судъ подано было множество всяческихъ жалобъ, которыя народъ поспѣшалъ заявить, надѣясь на поддержку Вельяминова. Помощники Черныху выбраны были самымъ Полуботкомъ изъ сотниковъ и бунчуковыхъ товарищей, которые, вслѣдствіе своего положенія, являлись раболѣпными слугами и Полуботка и всѣхъ генеральныхъ и негенеральныхъ «особъ». На первый разъ выбраны были: Пироцкій, Тарасевичъ, Уманецъ и Чуйкевичъ. Впослѣдствіи «ассесорами» суда стали назначаться вообще всѣ бунчуковые товарищи, по очереди: одна очередь смѣняла другую.—Въ доказательство того, что приведенный универсалъ Полуботка 19 Августа не только долженъ былъ остаться, но и дѣйствительно остался мертвою буквою, можно бы привести множество фактовъ; но мы ограничимся ссылкою на вышеупомянутый «журналъ», изъ котораго ясно видно, что полковники не обращали никакого вниманія на распоряженія генеральной канцеляріи, вслѣдствіе чего не могло быть и рѣчи о правильныхъ и праведныхъ судахъ. Разсылая по полкамъ универсалъ свой 19 Августа, Полуботокъ хотѣлъ только предупредить выявленія слишкомъ грубыхъ насилій, чтобы обиженные не обращались въ коллегію, которая своимъ судомъ подрывала власть и значеніе старшины. Поэтому, кромѣ приведеннаго универсала, мы и не нашли въ журналѣ никакихъ другихъ распоряженій Полуботка, относительно защиты народа отъ ужасныхъ насилій полковой старшины, въ родѣ случая, приводимаго въ томъ же журналѣ: въ Декабрѣ 1722 г. Полуботокъ пишетъ Лу-

бенскому полковнику Марковичу «листъ», чтобъ онъ приказалъ все заграбленное возвратить Костѣ Шишенку, «у котораго за украденное братомъ его меньшимъ одно ягня, онъ, п. полковникъ, заграбилъ полтораста овецъ и лѣсъ его срубилъ, а п. судья полковой взялъ воловъ—7, коровъ—7, клячъ (лошадей)—5, коней верховыхъ—2, грошей—талярей 10, и сотникъ Лукомскій взялъ копъ 10 и лѣсъ вырубалъ». За это безвинное разореніе Шишенко жаловался на Марковича Полуботку, а тотъ, понимая, что судъ надъ Марковичемъ, по существовавшимъ порядкамъ, невозможенъ, удовлетворяетъ обиженнаго лишь тѣмъ, что пишетъ полковнику письмо, «дабы Костѣ Шишенку все до наименьшаго заграбленное приказалъ нагородить (возвратить) и во всемъ безъ большой турбаціи успокоить». Изъ другихъ примѣровъ мы знаемъ, что такія письма не имѣли никакого значенія, и обиженному оставалось одно средство—обратиться къ личному «милосердію» обидѣвшаго, который иногда и возвращалъ ему частицу «заграбленнаго».

Вельяминовъ съ своей стороны тоже не могъ явиться дѣйствительнымъ защитникомъ народа отъ старшинскаго произвола, такъ какъ смѣщеніе старшины отъ него не зависѣло, а судебная его власть была слишкомъ неопредѣленною, чтобъ съ ея помощью можно было умѣрять тѣ насилія, на которыя ему приносились жалобы. Мы видимъ, что по этимъ жалобамъ Вельяминовъ требовалъ объясненій отъ генеральной канцеляріи, но не знаемъ ни одного примѣра, чтобы насиліе хоть разъ было наказано приговоромъ коллегіи. Главную свою дѣятельность Вельяминовъ обратилъ на тѣ денежные и хлѣбные сборы, о которыхъ говорила его инструкція.

Уже въ первыхъ числахъ Августа Вельяминовъ потребовалъ отъ Полуботка «обстоятельной вѣдомости» о всѣхъ сборахъ, которые слѣдовало собирать въ казну по статьямъ Богдана Хмельницкаго, «сколько ихъ и кому и съ чего сбирается». По разнообразію и неопредѣленности этихъ сборовъ, обстоятельный отвѣтъ былъ труденъ, и потому Полуботокъ, вмѣсто вѣдомостей, писалъ Вельяминову: «Въ Малороссіи за прежнихъ гетмановъ бывалъ сборъ денежный изъ арендныхъ (откупныхъ) доходовъ, для заплаты жалованья компанейскимъ и сердюцкимъ полкамъ и для другихъ войсковыхъ потребностей. А за покойнаго гетмана Скоропадскаго, для тѣхъ же надобностей, собирались «покуховные» деньги, при чемъ этотъ сборъ не распространялся на державскія мастности и шинки, которые и при существованіи арендъ, были также свободны отъ платежей. О количествѣ же тѣхъ сборовъ и о расходѣ въ генеральной канцеляріи ничего неизвѣстно, потому сборы эти изъ полковъ присылались непосредственно въ дворъ гетмана, который расходовалъ ихъ по своей волѣ. Кромѣ этого покуховнаго войсковаго сбора, существуютъ особые сборы, назначенные «на персону гетманскую и на весь его дворовый обиходъ». Сборы эти были: 1) индукта, сборъ отъ купеческихъ товаровъ; 2) стація, денежный сборъ съ посполитыхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ полкахъ; 3) показанщина, сборъ отъ винокуренныхъ

котловъ; 4) поколющина и покабанщина, сборъ отъ помола на водяныхъ мельницахъ; 5) табачная десятина, сборъ отъ табаку, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ разводится; 6) медовая десятина отъ пчельниковъ въ Переяславскомъ полку. Послѣдніе два налога установлены недавно гетманомъ Скоропадскимъ, который обѣщалъ ихъ отмѣнить. 7) Перевозный сборъ, съ двухъ перевозовъ на р. Днѣпрѣ, у Переволочной и Чеховки и 8) ярмарочный сборъ въ нѣкоторыхъ городахъ.

Перечисливъ эти сборы, Полуботокъ прибавляетъ самое главное: «о томъ же, чтобы означенные денежные, хлѣбные и другіе сборы за гетмана Богдана Хмельницкаго, собирались въ казну государеву, какъ сказано въ инструкціи г. бригадиру Вельяминову, то о томъ генеральная канцелярія ничего не знаетъ; только слышно изъ разсказовъ стариковъ, что за Хмельницкаго никакихъ сборовъ въ казну государеву не собирали, но всѣ сборы денежные и хлѣбные и при Хмельницкомъ расходовались на войска и на него гетмана; а послѣ Хмельницкаго, какъ извѣстно уже вполнѣ, всѣ тѣ сборы находились въ распоряженіи гетманской власти, о «каковой прежней милости его пресвѣтлаго величества и теперь мы вѣрные подданные всенижайше просимъ», заканчиваетъ отвѣтъ свой Полуботокъ. Но свѣдѣнія эти были слишкомъ не обстоятельны, чтобы на основаніи ихъ можно было начать сборъ налоговъ; поэтому Вельяминовъ настаивалъ на доставленіи цыфровыхъ свѣдѣній о всѣхъ налогахъ, которые онъ, на основаніи инструкціи, долженъ былъ собирать въ казну. Полуботокъ отправился для личныхъ объясненій по этому вопросу къ Вельяминову, въ коллегію, «гдѣ приговорили хотя и не хотѣли, чтобъ какъ съ козаковъ, такъ и съ мужиковъ, пчельная и табачная десятина собиралась. Также обѣщалъ старшина, по довольной отговоркѣ, сообщить въ коллегію свѣдѣнія о сборахъ, отъ кого и по скольку собирать ихъ» [19]).

Но исполненіе данныхъ Вельяминову обѣщаній затягивалось. Полуботокъ все еще думалъ опереться на инструкцію, въ которой говорилось о сборахъ, «которые надлежитъ собирать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго». Это видно изъ того, что на другой день послѣ обѣщанія доставить вѣдомости о сборахъ, Полуботокъ пишетъ Стародубскому полковнику, чтобы допросилъ старика Середу, бывшаго «подъ часъ Хмельнищины писаремъ, были-ль тогда какіе сборы и что̀ онъ въ допросѣ своемъ скажетъ—прислать въ генеральную канцелярію». Но въ силу даннаго обѣщанія Полуботку надо было что нибудь дѣлать, и вотъ 27 и 28 Августа онъ отдаетъ слѣдующія распоряженія: сначала назначаетъ «на выборъ медовой десятины» двухъ сборщиковъ, Ѳедора Чуйкевича—въ Переяславскій полкъ, а Степана Холодовича въ сотни—Глуховскую, Воронежскую и Кролевецкую; а относительно другихъ мѣстностей, шлетъ полковникамъ «листы» о доставленіи свѣдѣній, на кого именно собиралась до сего вре-

[19]) Журналъ, 25 Августа.

мени медовая десятина, на гетмана или на полковниковъ, и съ однихъ ли посполитыхъ крестьянъ, или и отъ казаковъ, приказавъ въ тоже время собирать ту десятину чрезъ особыхъ сборщиковъ и хранить собранный медъ до особаго распоряженія. Другое распоряженіе было важнѣе: написаны были листы во всѣ полки, «чтобы полковники, поручивъ кому справному свое въ полковомъ городѣ правленіе и взявъ съ собою изъ старшины полковой и изъ сотниковъ по одному человѣку, а изъ каждаго города войта и бурмистра и при нихъ по два человѣка сборщиковъ изъ мѣщанъ, пріѣзжали въ Глуховъ для составленія обстоятельнаго о всѣхъ сборахъ свѣдѣнія». Полуботокъ вызывалъ полковниковъ въ Глуховъ не столько для составленія вѣдомости о сборахъ, какъ для того, чтобы посовѣтоваться съ ними вообще о томъ что́ дѣлать: подчиниться ли безпрекословно распоряженіямъ Вельяминова, или заявить, гдѣ слѣдуетъ, противъ этихъ распоряженій свой протестъ. Но тогдашніе полковники хорошо понимали, что перечить требованіямъ Вельяминова не слѣдуетъ, такъ какъ эти требованія полковничьей власти не умалятъ. Поэтому на зовъ Полуботка полковники въ Глуховъ не поѣхали, а стали высылать однихъ сборщиковъ.

Вельяминовъ между тѣмъ, не получая отъ Полуботка обѣщанныхъ свѣдѣній и потерявъ надежду на ихъ полученіе, началъ дѣйствовать. При помощи тѣхъ сборщиковъ, которыхъ высылали полковники, Вельяминовъ самъ сталъ составлять нужныя вѣдомости [20]). Но добытыя этимъ путемъ свѣдѣнія были крайне сбивчивы, въ особенности по вопросу, должны ли быть обложены сборами и старшинскія имѣнія наравнѣ съ другими. Не желая тратить времени и не надѣясь добыть точныя свѣдѣнія, потому что «прежде сего въ Малороссіи весьма въ сборахъ отправленіе было непорядочное», Вельяминовъ рѣшился обратиться за нужными разъясненіями въ Сенатъ, а до полученія отвѣта далъ инструкцію сборщикамъ, чтобы они «хлѣбные и денежные сборы собирали со всѣхъ необходно, также пчельную и табачную десятину собирать со всей Малороссіи, не выключая никого».

Сборщики посланы были по мѣстамъ и съ помощью офицеровъ Глуховскаго гарнизона приступили къ сборамъ «необходя никого». Это распоряженіе Вельяминова уничтожало всѣ привиллегіи старшины, маетности которой до сихъ поръ были свободны отъ всякихъ налоговъ [21]).

---

[20]) На основаніи свѣдѣній, добытыхъ отъ сборщиковъ, Вельяминовъ составилъ вѣдомость существовавшихъ въ то время въ Малороссіи повинностей.

[21]) Впрочемъ, при Мазепѣ маетности старшины были уже разъ обложены тѣми самыми налогами, которые платили казаки и крестьяне. Въ универсалѣ 1704 г. Мазепа объявилъ, что „скарбецъ войсковый“ отъ постоянно возрастающихъ войсковыхъ расходовъ совсѣмъ истощился, вслѣдствіе чего гетманъ „постановилъ“, чтобы „всякій, кто только села держитъ подъ своею областью, хотя бы былъ и знатнѣйшій, долженъ за свое село платить въ войсковой скарбъ належную арендовую рату, безъ всякой отговорки“. Поэтому

IV.

Полуботокъ жалуется на распоряженія Вельяминова въ Сенатъ. Составленіе этихъ жалобъ. Посылка жалобъ въ Петербургъ. Полуботокъ хлопочетъ получить званіе наказнаго гетмана.

Полуботокъ увидѣлъ, что власть его и личныя привиллегіи старшины исчезаютъ и не зналъ на что рѣшиться, тѣмъ болѣе что мысль его о протестѣ противъ дѣйствій встрѣчена была уже разъ со стороны полковниковъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Но кромѣ жалобъ никакихъ другихъ средствъ къ ограниченію Вельяминовскаго произвола у Полуботка не было. Полуботокъ, посовѣтовавшись съ генеральною старшиною, рѣшилъ жаловаться на Вельяминова въ Сенатъ. Желая придать большее значеніе такой жалобѣ, Полуботокъ задумалъ написать ее въ двухъ видахъ: одну— отъ генеральной старшины, а другую отъ полковой; сія послѣдняя должна была выразить протестъ всего «народа». Жалоба генеральной старшины состояла изъ шести пунктовъ: 1) на требованіе Вельяминова копій со всѣхъ бумагъ, отправляемыхъ изъ генеральной канцеляріи, въ чемъ выражается полнѣйшее недовѣріе къ генеральной старшинѣ; 2) на уничтоженіе Малороссійскихъ судовъ, происходящее отъ того, что коллегія принимаетъ челобитчиковъ, не бывшихъ ни въ полковыхъ, ни въ генеральныхъ судахъ, «при чемъ обжалованныхъ знатныхъ людей и старшину солдатами зыскуютъ»; 3) на присылку коллегіей ежедневныхъ указовъ, съ просьбою замѣнить послѣдніе—указами Сената; 4) на требованіе Вельяминовымъ отъ генеральной старшины вѣдомостей о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ, о которыхъ старшина не имѣетъ никакихъ свѣдѣній; 5) на установленіе небывалыхъ сборовъ подъ именемъ медовой десятины, которая существовала не вездѣ и была уже гетманомъ Скоропадскимъ отмѣнена, на взиманіе табачной десятины, которая шла на гетмана, а теперь въ коллегію сбирается; на взиманіе ярмарковыхъ сборовъ, которые принадлежатъ полковникамъ и, наконецъ, на распоряженіе «о податяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ быть начинаемыхъ, со всѣхъ маетностей, мельницъ и шинковъ старшинскихъ, полковничьихъ и знатнаго товариства», каковыя маетности получены по царскимъ грамотамъ и гетманскимъ универсаламъ и 6) на отказъ коллегіи давать изъ войсковыхъ суммъ средства на содержаніе артиллеріи, войсковыхъ музыкантовъ и

Мазепа приказывалъ, чтобы „арендовую рату“ полковники собирали „отъ всѣхъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ“, предупреждая, что исключеній ни для кого сдѣлано не будетъ, такъ какъ, прибавляетъ гетманъ, достаточно для державцевъ, что они берутъ съ своихъ крестьянъ всякими работами и повинностями. Украинск. журн. 1824 г., № 19—20, стр. 49—51. Подъ „арендовою ратою“ разумѣлся платежъ за право продажи въ извѣстной мѣстности вина, табаку и дегтю. Право это гетманъ отдавалъ на откупъ, „въ аренду“. Аренды были уничтожены Петромъ В. вслѣдъ за измѣною Мазепы.

канцелярій. Къ этой жалобѣ присоединена была другая — отъ полковой старшины; послѣднюю жалобу Полуботокъ съ товарищами представлялъ при такомъ доношеніи: «Въ тѣхъ же нуждахъ Малороссійскихъ съѣхавшіеся въ резиденцію гетманскую до Глухова полковники наказные, старшина полковая, сотники и знатное товариство подали на имя вашего императорскаго величества особую челобитную, которую мы тутъ же прилагаемъ и рабски просимъ милостиваго на оную призрѣнія и рѣшенія». Вторая жалоба заключала въ себѣ только болѣе подробное развитіе пятаго пункта жалобы генеральной старшины объ освобожденіи маетностей старшины и державцевъ отъ всякихъ сборовъ. Изготовлена она была самимъ Полуботкомъ, который понималъ, что для дѣйствительности протеста необходимо было участіе въ немъ представителей отъ всей Малороссіи; но набрать ихъ было трудно: полковники не хотѣли участвовать въ протестѣ, а безъ нихъ боялась ѣхать въ Глуховъ и остальная полковая старшина. Изъ указанія Полуботка на тѣ лица, отъ которыхъ приносилась вторая жалоба, можно подумать, что эта жалоба подписана если не сотнями, то по крайней мѣрѣ десятками лицъ; въ дѣйствительности же жалобу эту подписали всего семнадцать лицъ, въ числѣ которыхъ не было ни одного полковника и ни одного «знатнаго товарища». Незначительное число подписавшихъ было замаскировано формою самихъ подписей: подписывался за цѣлый полкъ одинъ, и говорилъ, что онъ подписывается отъ имени всѣхъ; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ подписей: 1) Вмѣсто старшины полковой полку Черниговскаго, также сотниковъ и товариства того полка, подписался Иванъ Янушкевичъ, писарь полковой Черниговскій, 2) Матвѣй Ивановъ, судья полку Миргородскаго и полковникъ наказный со всею старшиною полковою, сотниками и товариствомъ, 3) Моисей Левицкій, есаулъ полковой Нѣжинскій со всею старшиною полковою, а за сотниковъ того жъ полку и все товариство, я, Иванъ Пироцкій, сотникъ полковый Нѣжинскій, 4) Илья Жила, судья и полковникъ Кіевскій наказный со всею старшиною полковою, сотниками и товариствомъ» и т. д. Однимъ словомъ, представителями полковой старшины являлись: отъ четырехъ полковъ по одному лицу, отъ пяти по два, и только отъ Стародубскаго полка явилось три лица.

Изготовивъ эти жалобы, Полуботокъ почему-то хотѣлъ подать ихъ чрезъ Вельяминова и для этого 17 Сентября отправился съ товарищами въ коллегію. Свиданіе это въ журналѣ описано такъ: «Ихъ мил. панове старшина изволили быть въ Малороссійской Коллегіи, гдѣ когда его м. п. полковникъ Черниговскій предлагалъ г. бригадиру, что то есть здосадою намъ, что в. благородіе всегда насъ указами засылаешь, а намъ съ в. благородіемъ сношеніе и сообщеніе во всякихъ дѣлахъ имѣть указъ императорскаго величества повелѣваетъ, такожъ и копіи только универсаловъ за подписаніемъ рукъ нашихъ, а не каждаго письма въ Малороссійскую Коллегію присылать надлежитъ. Тогда онъ, бригадиръ, между иными какъ

бы досадительными отвѣтами, сказалъ, что я именный императорскаго величества о всемъ томъ указъ таковой имѣю, котораго не только вамъ, старшинѣ Малороссійской, но и присутствующимъ со мною въ коллегіи чинамъ, объявить не можно. А затѣмъ разсердившись и челобитной отъ всей старшины Малороссійской на имя импер. величества написанной съ прошеніемъ объ отмѣнѣ сборовъ, вновь теперь установляемыхъ, не принялъ, но отвѣчалъ, чтобы сами Малороссіяне съ той челобитной или къ самому императорскому величеству или въ Сенатъ ѣхали и тамъ на оную искали резолюціи». У Бантышъ Каменскаго находимъ поясненіе, что «досадительные отвѣты» Вельяминова заключались въ томъ между прочимъ, что онъ сказалъ Полуботку съ товарищами: «Согну я васъ такъ, что и другіе треснутъ. Уже ваши давнины перемѣнить велѣно, а поступать съ вами по новому!» Очень можетъ быть, что Вельяминовъ и грозилъ Полуботку въ этихъ выраженіяхъ, тѣмъ болѣе, что Полуботокъ и самъ долженъ былъ понимать, что «давнины велѣно перемѣнить»; но во всякомъ случаѣ важно показаніе «Журнала», что Вельяминовъ не препятствовалъ Полуботку подавать на него жалобы, зная, что если онъ и неправильно исполняетъ свою инструкцію, то виноватъ въ томъ прежде всего самъ Полуботокъ, не давши ему никакихъ свѣдѣній о прежнихъ порядкахъ и заставивъ его обратиться за этими свѣдѣніями къ сборщикамъ, выбраннымъ изъ полуграмотныхъ мѣщанъ.

Для отсылки жалобъ Полуботокъ выбралъ одного изъ канцеляристовъ— Дмитрія Володьковскаго и Воронежскаго сотника Ивана Холодовича, которому въ день отъѣзда данъ былъ универсалъ на село Пироговку; видно, охотниковъ везти жалобу было мало. Въ половинѣ Сентября Холодовичъ съ Володьковскимъ отправились въ Москву съ жалобами; при этомъ имъ дана была инструкція, чтобъ они по содержанію этихъ жалобъ «отъ всего войска Запорожскаго всепокорственно просили милостиваго презрѣнія и о всѣхъ Малороссійскихъ нуждахъ и трудностяхъ кому надлежатиметъ, словесно, а гдѣ случится и на письмѣ и въ самомъ Сенатѣ предлагали». Кромѣ инструкціи посланцы снабжены были просительными письмами къ Меншикову, Ягужинскому, Головкину, Шафирову, Григорію Долгорукому, Матвѣеву, Стефану Яворскому и Прокоповичу, «съ прошеніемъ милостиваго патронскаго ходатайства». Посылая Холодовича, Полуботокъ позаботился и о себѣ лично: «особенно писанъ листъ отъ его мил. п. полковника Черниговскаго до Ивана Давыдовича Познякова, оберъ-секретаря Сената, о наказничествѣ». Видимо, что Полуботокъ хлопоталъ о томъ, чтобы до избранія новаго гетмана ему быть наказнымъ гетманомъ, безъ раздѣленія власти съ генеральною старшиною [22]). Вельяминовъ зналъ о посланныхъ жалобахъ, но нисколько ими не смущался; чрезъ недѣлю онъ

[22]) Полуботокъ подписывался иногда наказнымъ гетманомъ только на томъ основаніи, что наказничество поручено было ему умирающимъ Скоропадскимъ; Сенатъ не утверждалъ за нимъ этого чина, а войсковая старшина не смѣла этого сдѣлать.

самъ писалъ въ Сенатъ, но писалъ только о своихъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ Малороссіи при исполненіи инструкціи. Донесеніе Вельяминова заключало въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) просьба объ увеличеніи чиновниковъ коллегіи; 2) объ индуктѣ—кому отдать индуктный сборъ, новому ли откупщику (въ замѣнъ Рагузинскаго, которому срокъ оканчивался 1 Ноября 1722 г.), или «на вѣрѣ сборщиковъ опредѣлить», 3) давать ли подводы безъ прогоновъ, по предъявляемымъ безпрогоннымъ подорожнымъ, въ виду сенатскаго указа, чтобъ всѣ ѣдущіе чрезъ Малороссію—платили прогоны; 4) какъ собирать налоги, о которыхъ сборщики дали свѣдѣнія, что таковые прежде не собирались; 5) ратушные сборы—отдавать ли на содержаніе ратушъ; 6) также и церковные доходы—отдавать ли на церкви; 7) давать ли деньги на содержаніе артиллеріи; 8) слѣдуетъ ли освободить отъ сборовъ тѣ маетности, на которыя имѣются царскія грамоты; 9) что дѣлать съ оставшеюся послѣ Скоропадскаго войсковою казною, которой 6104 рубля и 127 червонцевъ; 10) просьба о понужденіи Полуботка съ товарищами быстрѣе исполнять требованія Коллегіи, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ; 11) учитывать ли сборщиковъ за время до учрежденія Коллегіи и 12) просьба о присылкѣ указовъ 1714—21 гг. для отправленія дѣлъ въ Коллегіи.

V.

Порядки сбора налоговъ. Противодѣйствіе Полуботка. Отношенія Полуботка къ „коллегіятамъ". Полуботокъ хочетъ посылать новую челобитную къ царю. Полученіе сенатскаго указа въ отвѣтъ на жалобы Полуботка. Участіе въ этомъ указѣ Менщикова. Публикованіе сенатскаго указа по Малороссіи. Полуботокъ разсылаетъ универсалъ о правильномъ отправленіи правосудія.

Въ ожиданіи разрѣшенія жалобъ и недоумѣній, Вельяминовъ продолжалъ главное свое дѣло—разсылку по Малороссіи сборщиковъ, снабдивъ ихъ инструкціями, которыя впрочемъ не устраняли затрудненій, встрѣчавшихся на каждомъ шагу. Степанъ Холодовичъ, посланный собирать въ трехъ сотняхъ медовую десятину, писалъ Полуботку объ этихъ затрудненіяхъ: «Вотъ уже двѣ недѣли собираю медовую десятину въ Кролевецкой сотнѣ и все еще не успѣлъ окончить своего дѣла, какъ за далекимъ разстояніемъ отъ города хуторовъ, гдѣ находятся пасѣки, такъ и за непослушенствомъ поселенскихъ людей; поэтому прійдется мнѣ затянуть свое дѣло и въ зиму, и трудно будетъ тогда и мнѣ, и людямъ, прійдется тревожить пчелу, когда она будетъ поставлена въ погреба на зиму; да и меду уже будетъ не столько, какъ теперь; часть его отберутъ хозяева, да часть — успѣетъ

съѣсть пчела. Лучше бы разрѣшить мнѣ взыскивать по 20 алтынъ деньгами «за десятую пчелу». До сихъ поръ собралъ въ Кролевецкой сотнѣ четыре бочки меду, который, не знаю, гдѣ дѣвать. Собранныя деньги повелите тоже, куда ихъ сдать. Затрудненія встрѣчаю на каждомъ шагу, напр. бочекъ негдѣ взять, бумаги не за что купить, «а деньги царскія подъ реестромъ», также и отъ непослушанія, благоволите на непослушныхъ, простому народу въ устрашеніе, выслать жолдока или сердюка, для помощи. А въ маетности пана полковника Лубенскаго (Марковича) Добротовѣ староста не только не позволилъ взять десятину, но и пересчитать пчелу не допустилъ. Сотничка Кролевецкая тоже не позволила брать десятины съ своей пасѣки, отговариваясь тѣмъ, что мужъ ея теперь на Ладогѣ службу государеву служитъ». Не больше порядка было и при сборѣ покуховныхъ и другихъ денежныхъ налоговъ. Въ Октябрѣ 1722 г. Полуботъ писалъ своему наказному (полковнику) въ Черниговъ: «Два письма получилъ отъ васъ; въ одномъ извѣщаешь, что п. войтъ Черниговскій, повѣряя вмѣстѣ съ сборщиками винокуренные котлы по околичнымъ Черниговскимъ сотнямъ, велитъ казакамъ вмѣстѣ съ посполитыми—по 2 р. 25 к. отъ котла готовить, т. е. 1 р. 20 к. показанщины на гетмана, 80 к. покуховныхъ и по 25 винницкихъ»; да тѣже сборщики напоминаютъ о пчелиной и табачной десятинѣ, которая у насъ никогда не собиралась. Въ другомъ письмѣ увѣдомляетъ, что присланный изъ Глухова прапорщикъ Суковкинъ подалъ вамъ пункты, по которымъ требуется представить счеты о прежнихъ сборахъ, почему взималось съ вина проданнаго бочками и «косатками», почему съ котловъ и съ шинковъ. На оба эти письма требуешь нашей резолюціи, и мы отвѣчаемъ: заглянь въ инструкцію, данную Черниговскимъ сборщикамъ, въ которой не сказано, чтобы съ казаковъ брать показанщину гетманскую, отъ которой они всегда были свободны, почему отъ казаковъ и нельзя ничего требовать кромѣ покуховнаго сбора: который казакъ куритъ вино и продаетъ его въ своемъ шинку, платитъ по 80 коп. отъ котла да 25 к. «винницкаго» (винница—винокурня). А сборъ гетманской показанщины слѣдуетъ производить съ однихъ только посполитыхъ людей. А медовой и табачной десятины не только около Чернигова не слѣдуетъ сборщикамъ установлять, но и въ степныхъ полкахъ, гдѣ пасѣкъ и табачныхъ левадъ больше, и тамъ той десятины не велѣно брать. Относительно же того, по скольку бралось прежде отъ бочки, косатки и съ шинковъ, о томъ Черниговскій войтъ уже разъ подалъ въ Коллегію вѣдѣніе, которое можешь у того войта списать и отдать присланному прапорщику. Да сверхъ того, объяви ему, что показанщину на гетмана собиралъ п. Павелъ Скоропадскій, отъ котораго прапорщикъ пусть и требуетъ свѣдѣнія о показанщинѣ. А что въ инструкціи того же прапорщика написано, что во всѣхъ Черниговскихъ городахъ, селахъ и деревняхъ, съ державскихъ мельницъ сборъ бывалъ отъ камня, по бочкѣ ржаной муки и по мѣркѣ пшена и крупъ; такъ объ этомъ ты отвѣчай, что такой сборъ

бывалъ при неурожаяхъ, для удовлетворенія «консистентовъ», когда у людей мало было своего хлѣба и случался лѣтъ въ десять раза два, не болѣе. Да тотъ же Скоропадскій знаетъ, съ какихъ мельницъ и какую собиралъ въ нашемъ полку «поколющину» и «покабанщину»; такъ пусть онъ и даетъ нужныя свѣдѣнія прапорщику. А какіе были приходы на полковничій урядъ,—«подсусѣдщина» и ярмарковое и въ полковой скарбъ винницкая показанщина, о томъ войтъ далъ вѣдѣніе здѣсь, въ Глуховѣ. Обо всемъ этомъ переговори, какъ съ п. войтомъ, такъ и съ присланнымъ прапорщикомъ, а письма никому не показывай». При такой безпорядочной обстановкѣ, собирались тѣ налоги, которыми Вельяминовъ вооружалъ противъ себя старшину, старавшуюся всяческими способами отстоять свои «давнины». Отстаивались и тѣ «давнины», которыя Полуботку легко было устранять, чтобъ не раздражать пустяками любившаго порядокъ президента Коллегіи. Въ «журналѣ» читаемъ напр. такую замѣтку: «послано въ Коллегію отвѣтное доношеніе съ дѣломъ Вассы изъ Новгородсѣверска съ Пекалицкимъ, уже въ третій разъ въ Коллегію посылающееся, съ увѣдомленіемъ, что описи дѣлъ въ генеральной канцеляріи никогда прежде не дѣлались, да и некогда ихъ дѣлать и что слѣдуетъ дѣлать ихъ тамъ, гдѣ дѣло слѣдуется. Носилъ Романовичъ, но не принято». Полуботокъ и здѣсь не хотѣлъ уступать, досадуя, что и судъ уходитъ изъ его рукъ.

Но личныя отношенія Полуботка съ товарищами, «коллегіатами», были довольно дружелюбныя, какъ видимъ изъ того же журнала. «Сего перваго числа Ноября (1722 г.) ихъ мил. господа коллегіаты и ихъ мил. панове старшина генеральная банкетовали у его мил. п. полковника Черниговскаго, и яко помянутыя особы на ономъ банкетѣ селенне (торжественно) были приняты, такъ взаимно и гости тамъ охотно и весело гуляли цѣлый день и до поздней ночи». А черезъ три дня «у его мил. п. писаря генеральнаго былъ банкетъ, на которомъ какъ п. п. коллегіаты, такъ и п. колковникъ Черниговскій съ старшиною генеральною банкетовали до ночна».

А между тѣмъ отъ Холодовича и Володьковскаго, жившихъ въ Москвѣ уже другой мѣсяцъ, никакихъ вѣстей не было. Полуботку не ждалось, и онъ задумалъ выправить другихъ посланцовъ прямо уже къ царю, находившемуся въ это время въ Дербентскомъ походѣ. На этотъ разъ Полуботокъ задумалъ послать къ царю представителей отъ всѣхъ полковъ, чтобы такимъ образомъ показать, что проситъ «весь народъ». Въ началѣ Ноября въ журналѣ отмѣчено, что посылается «цедула» [23]) во всѣ полки до п. п. полковниковъ «о намѣревшей быть посылкѣ до его импер. величества, гдѣ теперь превысокою монаршею обрѣтается особою, искаючи въ нуждахъ Мало-

[23]) „Цедулами“ назывались въ отличіе отъ „листовъ“, записки, въ которыхъ сообщались большею частью свѣдѣнія, которыхъ не слѣдовало разглашать; это были „конфиденціальныя“ письма. Именная подпись въ цедулахъ не выставлялась.

россійскихъ милости, чего ради повелѣно, дабы приказали со всякаго полка по двѣ персоны до той выправы прибраться (приготовиться) и коней имѣть въ готовности». Намѣреніе это однакожъ не было исполнено; въ журналѣ, послѣ приведенной выписки рядомъ стоитъ замѣтка: «сія цедула не писана, але (но) оная отставлена»; вѣроятно у Полуботка явился какой нибудь благоразумный совѣтникъ, который объяснилъ ему, что лучше выждать возвращенія царя въ Москву. Совѣтникъ вѣроятнѣе всего могъ явиться изъ числа тѣхъ же «коллегіатовъ», которые во всякомъ случаѣ знали Петра В. лучше, чѣмъ Черниговскій полковникъ. Можетъ быть, этимъ совѣтникомъ былъ прокуроръ коллегіи, Хрущовъ, у котораго 8 Ноября «между гетманствомъ правящіе банкетовали вмѣстѣ съ коллегіатами», какъ замѣчено въ журналѣ. Мы не видимъ, участвовалъ ли въ этихъ банкетахъ самъ Вельяминовъ; но 24 Ноября, въ день именинъ царицы, президентъ съ коллегіатами былъ у Полуботка, «на учтѣ, гдѣ когда зостали довольно утрактованы, разошлись всякъ во свояси по домамъ». На другой день обѣдали у Вельяминова, но изъ старшины приглашены были только Полуботокъ и Лизогубъ; Савичъ, Чернышъ и Жураковскій этой чести удостоены не были.

Наконецъ 26 Ноября Холодовичъ съ Володьковскимъ вернулись изъ Москвы и привезли «презрительное рѣшеніе» Сената, которое въ значительной долѣ удовлетворяло Полуботка: многія мѣры, принятыя Вельяминовымъ, были Сенатомъ не одобрены. Рѣшеніе Сената состояло изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) въ отправленіи дѣлъ, изъ генеральной канцеляріи требовать копіи только важныхъ бумагъ, касающихся всей Малороссіи, а съ челобитныхъ партикулярныхъ—не требовать; 2) въ дѣла челобитчиковъ, въ генеральномъ и другихъ судахъ не бывшія, Коллегіи не вступаться, а велѣно исправлять все по инструкціи, дабы никто ни отъ кого обидимъ не былъ; 3) бригадиру сноситься съ генеральною старшиною не указами, а промеморіями, со всякою учтивостью; 4) сборы денежные по пунктамъ Богдана Хмельницкаго собирать по вѣдомостямъ отъ людей, присылаемыхъ генеральною старшиною, если у послѣдней этихъ вѣдомостей нѣтъ; 5) медовой и табачной десятины не сбирать; не обкладывать сборами и маетностей, которыя полковникамъ, старшинамъ и знатному товариству грамотами и универсалами пожалованы; 6) оставшіеся послѣ Скоропадскаго 5358 рублей отдать въ генеральную канцелярію на войсковые расходы, о которыхъ вѣдомость должна быть представлена въ Коллегію; 7) бригадиру указовъ своихъ, не снесясь съ Полуботкомъ и генеральною канцеляріею, не посылать. Вмѣстѣ съ этимъ указомъ, служившимъ отвѣтомъ на жалобу Полуботка, присланъ былъ и другой, заключавшій въ себѣ разрѣшеніе вопросовъ Вельяминова, которому при этомъ Сенатъ предписывалъ—ратушные сборы расходовать на содержаніе ратуши, а церковнымъ доходамъ только счетъ вести; сборщиковъ прежнихъ лѣтъ не учитывать.

Какъ видимъ, жалоба Полуботка разрѣшена была очень милостиво: маетности старшинъ были освобождены отъ всякихъ налоговъ; подача челобит-

ныхъ въ Коллегію разрѣшалась только въ видѣ апелляцій на мѣстные суды и, наконецъ, Вельяминову приказано было сноситься съ генеральною старшиною—«со всякою учтивостью». Этими милостями Полуботокъ обязанъ былъ Меншикову, для котораго въ это время Полуботокъ имѣлъ важное значеніе по тому вліянію, которое онъ могъ оказать на благопріятное для него разрѣшеніе извѣстнаго Почепскаго дѣла, которое заключалось въ томъ, что Меншиковъ, получивъ отъ Скоропадскаго въ подарокъ мѣстечко Почепъ, хотѣлъ прихватить къ нему Мглинъ и Баклань; вслѣдствіе жалобъ Мглинскихъ и Бакланскихъ казаковъ, по указу Сената въ это время производилась повѣрка правильности Меншиковскаго захвата. На это слѣдствіе посланы были отъ генеральной канцеляріи депутатами Корецкій, наказный Стародубскій полковникъ и Валькевичъ, одинъ изъ лучшихъ дѣльцовъ генеральной канцеляріи. Получивъ «презрительное рѣшеніе», Полуботокъ поспѣшилъ отблагодарить Меншикова: 4 Декабря написанъ былъ листъ къ Валькевичу съ извѣщеніемъ о возвращеніи Холодовича и Володьковскаго съ милостивою на всѣ прошенія резолюціею, къ полученію которой приложилъ ходатайственное свое патронство князь Ал. Дан. Меншиковъ, который при этомъ обнадеживалъ и впредь не оставлять своимъ заступничествомъ Малороссійскій народъ [24]); а чтобы не утратить надежды на такое его заступничество, велѣно Валькевичу съ Корецкимъ «не выхватуючися горячо, поступать полѣтично и обходительно съ стороною Почепскою (т. е. съ повѣреннымъ Меншикова) подъ часъ межи Почепской, держатися указу только».

Полученный сенатскій указъ Полуботокъ спѣшилъ распубликовать по всей Малороссіи, хорошо понимая, какую пріобрѣталъ онъ популярность, добившись побѣды надъ Вельяминовымъ. Полуботокъ разослалъ 3 Декабря во всѣ полки универсалъ свой, въ которомъ, повторивъ содержаніе указа, предписывалъ, «дабы п. полковникъ, получивши универсалъ съ копіей грамоты (т. е. сенатскаго указа), немедленно приказалъ прочитать грамоту и универсалъ въ полковомъ городѣ, вслухъ, публично, при всенародномъ собраніи; а въ другіе сотенные города, мѣстечки, села, державскія и ратушныя, предписывалось разослать списки грамоты и универсала, чтобы всякъ отъ старшаго и до меньшаго, видя таковую милость, были благодарны». Кромѣ того, при этомъ предлагалось, въ виду важности грамоты, какъ акта, устанавливающаго новыя права, «актиковать» ее, «кому сдастся за слушность, въ книги «ратушныя», т. е. вписать грамоту въ актовыя книги на память будущему времени. Въ универсалѣ 3 Декабря Полуботокъ снова предписывалъ озаботиться правильнымъ отправленіемъ правосудія, «понеже ука-

---

[24]) Кажется Полуботокъ получилъ чрезъ Холодовича, отъ Меншикова частное письмо, въ которомъ свѣтлѣйшій не поскупился на обѣщанія. Жена Полуботка показывала въ 1723 г. Елецкому архимандриту Самборовичу письмо мужа „въ которомъ его мил. п. полковникъ, пишучи изъ Глухова, хвалился ласкою князя свѣтлѣйшаго: повелѣлъ ему, п. полковнику, въ нуждахъ своихъ списываться, обѣщаючися во всемъ способствовати“. Русск. Стар. 1876 г. I, 518.

зомъ велѣно всякимъ челобитчикамъ первой въ судахъ нижней степени начинать дѣла; поэтому слѣдуетъ войтамъ, атаманамъ и сотникамъ судить споры людей по самой истинѣ, безъ взятокъ, безволокитно и безъ всякихъ прихотей; затѣмъ рѣшеніе слѣдуетъ закрѣплять на письмѣ, которое и выдавать требующей сторонѣ; а еслибы недовольная сторона, тѣмъ не довольствуясь, на свою шкоду и убытокъ, пожелала обжаловать рѣшеніе въ полковомъ судѣ, то сотенный урядъ обязанъ дать оправданной сторонѣ, сверхъ «декрета», еще и свидѣтельство, выразивши причину недовольства (упорчивости) противной стороны. А если стороны недовольны будутъ рѣшеніемъ и полковаго суда и пожелаетъ которая сторона апеллевать въ генеральный судъ, то таковымъ же образомъ и такими документами судъ полковой, описавши ясно и праведно съ надлежащимъ обстоятельствомъ, все дѣло и контроверсію ихъ, при своемъ рѣшеніи, присылалъ бы обѣ стороны къ намъ, въ генеральный судъ. А если такой порядокъ не будетъ исполняемъ, виновный подвергнутъ будетъ штрафу въ пользу войсковаго скарба, такъ какъ безъ этого нельзя намъ видѣть, былъ ли челобитчикъ въ низшихъ судахъ».

VI.

Вельяминовъ объясняется предъ Сенатомъ по поводу жалобъ Полуботка. Полуботокъ шлетъ въ Сенатъ новыя на Вельяминова жалобы и проситъ разрѣшить избраніе гетмана. Волненія крестьянъ. Универсалъ Полуботка по поводу этихъ волненій. Вельяминовъ рѣшается лично представить царю свои жалобы на распоряженія Полуботка. Вѣсть о возвращеніи Петра В. изъ Дербентскаго похода въ Москву. Полуботокъ посылаетъ царю челобитную объ избраніи гетмана.

Вельяминовъ съ своей стороны находилъ, что указъ Сената во многомъ противорѣчитъ данной ему инструкціи и просилъ у Сената новыхъ разъясненій. Такъ онъ находилъ, что по инструкціи ему велѣно смотрѣть, чтобъ безъ его вѣдома старшина никакихъ универсаловъ не посылала, а теперь Сенатъ разрѣшилъ старшинѣ универсалы свои разсылать и только копіи ихъ сообщать въ Коллегію. Поэтому теперь и выходитъ, что Коллегія узнаетъ о распоряженіяхъ старшины послѣ того, какъ эти распоряженія уже приведены въ исполненіе. Такимъ образомъ Полуботокъ безъ совѣта съ нимъ, Вельяминовымъ, учредилъ въ Глуховѣ, кромѣ генеральнаго, собственный судъ, въ которомъ поставилъ судьями по три человѣка изъ старшинъ каждаго полка, которые и судятъ въ томъ судѣ, помѣсячно перемѣняясь съ другими [25]).

---

[25]) Вельяминовъ говоритъ здѣсь объ установленныхъ Полуботкомъ „ассесорахъ“ генеральнаго суда.

Относительно указанія на неправильный пріемъ челобитныхъ въ Коллегію, мимо мѣстныхъ судовъ, Вельяминовъ отвѣчалъ, что онъ, дѣйствительно, принималъ къ своему разсмотрѣнію дѣла мимо генеральнаго суда, когда приносимы были жалобы на генеральныхъ старшинъ, судью, писаря и есаула, потому что эти лица сами же и судятъ въ генеральномъ судѣ; кромѣ того, Коллегія принимала просьбы еще отъ тѣхъ челобитчиковъ, которые заявляли, что они обращались въ генеральный судъ, но тамъ суда имъ не давали, а только волочили долгое время. О лишнихъ сборахъ Вельяминовъ говорилъ, что установлены они по винѣ самого Полуботка, который не далъ ему средства привести въ извѣстность тѣ налоги, которые установлены были по пунктамъ Хмельницкаго.

Относительно другихъ разъясненій Сената, Вельяминовъ доносилъ, что онъ старался исполнять инструкцію, какъ понималъ, а теперь все будетъ исполнено по указанію Сената. Донесеніе свое Вельяминовъ послалъ въ Сенатъ 12 Декабря. Полуботокъ объ этомъ узналъ, потому что на другой же день отправилъ въ Москву канцеляриста Борзаковскаго съ «грамотами», которыя заготовлены были уже раньше. Борзаковскій повезъ три «грамоты»: 1) съ прошеніемъ объ отмѣнѣ «пожилаго платежа за бѣглыхъ Великороссійской породы людей» и о дозволеніи не возвращать этихъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ; 2) съ прошеніемъ «дабы, за поворотомъ изъ военнаго похода его величества, было исполнено обѣщаніе, присланное чрезъ Рубца и Быковскаго, объ избраніи новаго гетмана вольными голосами войска Запорожскаго», и 3) «съ благодарствіемъ за милостивый указъ, полученный чрезъ Володьковскаго и Холодовича, отмѣнившій трудности и налоги, затѣянные Малороссійской Коллегіей» и о томъ, что «Коллегія, недовольна будучи тѣмъ указомъ, не чинитъ по нему исполненія до повторной его величества резолюціи». Послѣдняя грамота снабжена была особыми «пунктами», въ которыхъ подробно были изложены жалобы на Вельяминова и испрашивались новыя «милости». Въ этихъ пунктахъ Полуботокъ между прочимъ жаловался, что Вельяминовъ разослалъ по Малороссіи офицеровъ съ приказомъ описывать «у всякаго званія людей» мельницы, пивоварни, винокурни, бани, воскобойни, пасѣки и другія доходныя статьи, и что вслѣдствіе этихъ распоряженій, сдѣланныхъ безъ соглашенія съ генеральною старшиною, «народъ былъ возбужденъ, и у иныхъ владѣльцевъ подданные отъ послушенства развратились и справы (споры) давнія отновивши, на владѣльцевъ своихъ и старшину въ Коллегію челобитствовали, мимо старшину генеральную», при чемъ Коллегія за отвѣтчиками посылала безпрогонныя подводы, а генеральную старшину требовала чрезъ солдатъ «безъ всякой учтивости». Затѣмъ Полуботокъ просилъ: 1) о возвращеніи медовой и табачной десятины, собранной у полковниковъ и всякихъ старшинъ и знатнаго войсковаго товариства»; 2) о выдачѣ изъ индуктнаго сбора, по давнему обыкновенію, части на генеральнаго старшину и войсковую канцелярію; 3) о запрещеніи Вельяминову требовать на деньщиковъ хлѣбныхъ припасовъ, такъ какъ онъ уже пользуется тремя маетностя-

ми и 4) объ уменьшеніи постоя драгунскихъ полковъ, которыхъ посполитые крестьяне, за отбытіемъ казаковъ въ походъ, прокормить не могутъ.

Во всѣхъ этихъ просьбахъ и жалобахъ на первомъ планѣ стояли интересы старшины; даже просьба объ уменьшеніи драгунскихъ постоевъ поставлена была такъ, что въ виду имѣлось только облегченіе посполитыхъ крестьянъ, излишнее обремененіе которыхъ постоями невыгодно было для державцевъ. Объ интересахъ народа Полуботокъ не только что не заботился, а напротивъ, жаловался на излишнее къ нимъ вниманіе Коллегіи. Полуботокъ, какъ представитель интересовъ старшины, былъ крайне озабоченъ тѣми волненіями, которыя обнаружились между крестьянами, какъ только послѣдніе увидѣли, что чиновники Коллегіи описываютъ старшинскія и державческія маетности, для обложенія ихъ налогами, наравнѣ съ остальнымъ народомъ. Такое небывалое въ Малороссіи явленіе дѣйствительно не могло не «возбудить» народъ и преимущественно, разумѣется, крестьянъ, почти исключительно отбывавшихъ до сихъ поръ и державческія, и общественныя повинности. Объ этихъ волненіяхъ до Полуботка доходили не только слухи, но и письменныя жалобы. Такъ державца с. Синина Малишевскій въ Сентябрѣ 1722 г. жаловался Полуботку: «Подданные наши села Синина уже лѣтъ сорокъ находящіеся у насъ въ послушенствѣ, по мѣрѣ своей служили намъ, а теперь, съ подговору чьего, или сами собою въ развращеніе пришли и не хотятъ отдавать надлежащаго своего послушенства; сами межъ собою вчинаютъ бунты, сильнѣйшій обижаетъ слабаго, и нѣтъ возможности учинить межъ ними какую либо справедливость, потому что толкуютъ: теперь никто не можетъ мѣшаться въ наши дѣла, а державцы своего не боимся! И опасно теперь мы съ ними обходимся, боясь, чтобы отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьи не пострадать». Полуботокъ не оставлялъ безъ вниманія такихъ жалобъ, предписывая каждый разъ мѣстному полковнику, чтобы крестьяне по прежнему «отдавали послушенство» своему державцѣ, а если кто изъ нихъ явится непослушнымъ, тѣхъ «до вязеня брать и опымъ до послушенства схилять» (склонять). Но эти распоряженія повидимому не производили никакого дѣйствія, такъ какъ крестьяне видѣли, что въ Малороссіи явилась новая власть, гораздо сильнѣе гетмана и что эта власть выслушиваетъ жалобы на державческія притѣсненія, не грозя «тюремнымъ вязенемъ». Полуботокъ тоже видѣлъ, что Коллегія, принимая крестьянскія жалобы, не только возбуждаетъ волненіе въ народѣ, но и окончательно подрываетъ значеніе и его, наказнаго гетмана, и всей старшины. Отказываться отъ этого значенія Полуботокъ не могъ, потому что онъ стремился къ полученію полной власти въ Малороссіи, а этой власти онъ могъ достигнуть только сохраняя то значеніе, которымъ онъ уже пользовался среди старшины. Желая поддержать свое личное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ угодить своей партіи, Полуботокъ разослалъ по полкамъ универсалъ объ ускромленіи крестьянскихъ волненій. Универсалъ былъ разосланъ 13 Декабря, т. е. одновременно съ отправленіемъ Борзаковскаго въ Москву. Полнаго универсала мы не имѣемъ, но содержаніе его до-

вольно полно изложено въ журналѣ: «Писаны во всѣ полки универсалы, повелѣваючи п. п. полковникомъ всѣмъ, въ полкахъ своихъ перестерегать накрѣпко, чтобъ посполиство въ подданствѣ застоючее не показывало никакого самовольства противъ своихъ владѣльцевъ, а гдѣ бы отъ какихъ нибудь подданныхъ могло происходить легкомысленное самовольство и противность, то оныхъ брать въ тюремное заключеніе (до туремнаго вязеня) и по разсмотрѣніи вины, публично карать нещадно». Универсалъ былъ разосланъ не только безъ соглашенія съ Вельяминовымъ, но послѣднему не была даже сообщена и копія его. Узнавъ объ этомъ универсалѣ, Вельяминовъ нашелъ, что Полуботокъ уничтожаетъ всѣ его распоряженія по тому пункту инструкціи, по которому Коллегія обязана была заботиться, чтобы генеральная старшина и полковники посполитыхъ людей не отягощали работами и прочими трудностями и чтобы въ этихъ случаяхъ Коллегія помогала посполитству «по истинѣ». Вельяминовъ хорошо понималъ, что главная его задача, исподовольная замѣна старшинской власти властью Русскихъ чиновниковъ, тогда только будетъ достигнута, когда народъ убѣдится, что новая власть для него лучше старой. Универсалъ 13 Декабря уничтожалъ въ этомъ отношеніи новую власть при самомъ ея зародышѣ, и потому этотъ универсалъ былъ едва ли не главною причиною, заставившею Вельяминова ѣхать въ Москву и тамъ лично доложить царю о невозможности исполнить въ точности инструкцію, пока у Полуботка не будетъ отнята возможность противодѣйствовать распоряженіямъ Коллегіи. Оставалось—ожидать возвращенія царя изъ Персидскаго похода.

А Полуботокъ, съ своей стороны, опираясь на обѣщаніе Меншикова, ожидалъ, что, возвратившись изъ похода, царь разрѣшитъ наконецъ избраніе новаго гетмана. Въ такихъ ожиданіяхъ прошло время до Рождественскихъ праздниковъ. Первый день праздника прошелъ въ «визитахъ» и поздравленіяхъ; сначала «всѣ панове товариство генеральной войсковой канцеляріи, ранкомъ (утромъ) будучи у его мил. п. писаря генеральнаго, отдали винную (должную) належитость, при конгратуляціи тоей урочитости», при чемъ канцеляристъ Матвѣй Себастіановичъ «имѣлъ переру (рѣчь) ex circumstantia lachrimantis Christi, Словенскую». Потомъ «отдали визиту его мил. п. полковнику Черниговскому, наказному гетману Полуботку, до котораго отъ всѣхъ пановъ товариства п. Петра Троцкій говорилъ орацію, апликуючи его въ Малороссіи правленіе къ новорожденному отъ колѣна Юдова вождю Христу Господу». Затѣмъ старшина и «коллегіаты» были въ церкви, откуда всѣ, «г. бригадиръ и прочіе коллегіаты, также п. полковникъ и старшина генеральная, визитовали ясновельможную паню гетмановую Скоропадскую. А по отходѣ всѣхъ отъ п. гетмановой, нѣкоторые п. п. товариство къ его мил. п. полковнику, а нѣкоторые къ п. писарю генеральному до столу прошены. И на другой день такожде». Полуботокъ съ Вельяминовымъ визитами не обмѣнивались. Однакоже на третій день праздника «п. полковникъ Черниговскій съ старшиною генераль-

ною были на банкетѣ у г. бригадира Вельяминова, который тогда своего ангела целебровалъ». Но банкетъ, вѣроятно, не продолжался долго, такъ какъ въ этотъ день получена была въ Глуховѣ давно желанная вѣсть о возвращеніи царя изъ похода въ Москву. Кончились для Полуботка томительныя ожиданія, онъ могъ начать дѣйствовать. Онъ и началъ дѣйствовать немедленно по возвращеніи домой отъ Вельяминова. На первомъ планѣ стоялъ, разумѣется, вопросъ объ избраніи новаго гетмана. Съ челобитьемъ объ этомъ Полуботокъ рѣшилъ отправить къ царю не единичныхъ посланцовъ, а цѣлую депутацію, которая такимъ образомъ должна была передать царю просьбу объ избраніи новаго гетмана, отъ имени не одной старшины, но отъ лица всего народа. Прежде всего Полуботокъ намѣтилъ депутатовъ, числомъ 24 и изготовилъ къ нимъ письма, въ которыхъ объяснялась цѣль посылки въ Москву. Письма были изготовлены немедленно по возвращеніи Полуботка изъ Вельяминовскаго банкета. Время не терпѣло, такъ какъ вмѣстѣ съ вѣстью о возвращеніи царя, пришелъ слухъ, что царь останется въ Москвѣ не долго и уѣдетъ въ Петербургъ, а между тѣмъ интересно было подать челобитье именно въ Москвѣ, гдѣ находились всѣ благопріятели Полуботка, на помощь которыхъ можно было расчитывать. Въ депутаты Полуботокъ выбралъ людей, частью знатныхъ своимъ происхожденіемъ, а частью тѣхъ, на преданность которыхъ могъ вполнѣ расчитывать; между первыми были: Василій Кочубей (сынъ казненнаго), Андрей Миклашевскій, Иванъ Бороздна (впослѣдствіи генер. судья), Петръ Кулябка (зять Апостола) Степанъ Гамалѣя, Григорій Чернякъ, Иванъ Новицкій; изъ преданныхъ выбраны были: Петръ Войцеховичъ, сотникъ Седневскій и зять Полуботка, Григорій Стороженко, сотникъ Иченскій, Григорій Грабянка, судья Гадяцкій и сотники: Пироцкій—Нѣжинскій, Холодовичъ—Воронежскій и Михайло Забѣло-Борзенскій. Изготовивъ письма къ намѣченнымъ депутатамъ, Полуботокъ на другой же день разослалъ ихъ чрезъ полковниковъ, которымъ въ тоже время писалъ, «дабы для посылки съ прошеніемъ къ его импер. величеству о избраніи вольными голосами новаго гетмана, присылали изъ старшины и бунчуковыхъ товарищей назначенныхъ по реэстру лицъ, велѣвши имъ—приготовить денежный запасъ и затѣмъ спѣшить въ Глуховъ на 6 Января, непремѣнно».

Послѣ разсылки этихъ распоряженій, у Полуботка родился вопросъ: удобно ли безъ особаго разрѣшенія посылать депутацію? При томъ же можетъ быть, царь разрѣшитъ избраніе новаго гетмана и безъ депутаціи, особенно если попросить объ этомъ Меншикова, который обнадеживалъ Полуботка и прежде, что какъ только царь вернется изъ похода, сейчасъ же и послѣдуетъ разрѣшеніе на избраніе гетмана.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ вопросовъ, Полуботокъ написалъ Меншикову, прося его «о патронскомъ ходатайствѣ въ исправленіи скораго монаршаго повелѣнія, чтобы немедленно (ижъ бы въ скорости) по давнимъ правамъ, вольными голосами, избрать изъ среды себя (зъ межи себе) новаго гетмана,

безпродолжительно указано было отъ его величества, въ Москвѣ находящагося, пока не отъѣдетъ въ Петербургъ, какъ о томъ слышно». Право свое на такую настоятельную просьбу Полуботокъ объяснялъ Меншикову тѣмъ, что въ царской грамотѣ «за подписомъ руки свѣтлѣйшаго князя присланной, избраніе новаго гетмана отложено до счастливаго возвращенія его величества изъ далечайшаго похода, когда исполнить обѣщено». Когда письмо было изготовлено, Полуботокъ опять остановился надъ вопросомъ: какъ оно будетъ принято Меншиковымъ и есть ли у свѣтлѣйшаго дѣйствительное желаніе помочь дѣлу? Разрѣшить эти вопросы долженъ былъ Борзаковскій, черезъ котораго предполагалось передать письмо Меншикову; Борзаковскому послана была такая инструкція: прежде всего онъ долженъ былъ разузнать «у знатныхъ особъ, скоро ли состоится распоряженіе объ избраніи новаго гетмана» и если узнаетъ, что избраніе станутъ откладывать, то письмо Меншикову должно быть передано немедленно и полученный отвѣтъ тотчасъ же (заразъ-бы) присылать въ Глуховъ. Такой спѣхъ необходимъ, объяснялось Борзаковскому, потому что есть намѣреніе отправить къ царю депутацію, съ челобитьемъ объ избраніи гетмана. Написавъ эту инструкцію, Полуботокъ опять затруднился, не слишкомъ ли рѣшительно онъ требуетъ отвѣта отъ Меншикова, не повредитъ ли эта настойчивость дѣлу? Написано было дополнительное наставленіе Борзаковскому, въ особой «цедулѣ», чтобы онъ прежде отдачи письма выспросилъ мнѣніе Меншикова, умѣстна ли будетъ предполагаемая депутація, для чего долженъ былъ предложить вопросъ свѣтлѣйшему въ такой формѣ: «не нужно ли (чи не треба бъ) отъ полковъ Малороссійскихъ присылки нѣкоторой старшины и знатнаго товариства, съ челобитьемъ къ его величеству?» И затѣмъ, судя по отвѣту, если видно будетъ, что свѣтлѣйшій, «и предь свою склонность являти декляроватиметъ», Борзаковскій письмо долженъ передать; а если отвѣтъ будетъ неблагопріятный, то письмо Меншикову передавать не нужно. Вообще Борзаковскій долженъ былъ сначала убѣдиться, что Меншиковъ не отказывается отъ помощи, и только въ такомъ случаѣ—передать ему письмо. Въ такомъ видѣ инструкція Борзаковскому вмѣстѣ съ письмомъ къ Меншикову отправлена въ Москву 29 Декабря, съ нарочнымъ Оникіенкомъ. Какъ видно, всѣ эти три дня, Полуботокъ немало волновался, не желая упускать времени и боясь излишнею торопливостью испортить дѣло. Отправивъ наконецъ нарочнаго, Полуботку нужно было отдохнуть: 30 Декабря онъ сдѣлалъ банкетъ, на которомъ «какъ паны коллегіаты, такъ и панове старшина генеральная довольно гуляли». Вельяминовъ однакожъ на банкетѣ не былъ (журналъ объ этомъ не преминулъ бы упомянуть): отношенія его къ Полуботку были слишкомъ натянуты, чтобы «гулять» вмѣстѣ на банкетахъ.

VII.

Назначеніе въ нѣкоторые города Малороссіи комендантовъ. Отъѣздъ Вельяминова въ Москву. Полуботокъ посылаетъ къ царю новыя челобитья съ новыми посланцами. Челобитныя остаются безъ отвѣта.

Въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, Полуботокъ надумался написать царю поздравленіе съ возвращеніемъ изъ похода и съ прошлыми праздниками, выбравъ этотъ предлогъ для того, чтобы напомнить царю лично о его обѣщаніяхъ; 12 Января составлено было «писаніе съ повѣншовеніемъ (поздравленіемъ) его величеству изъ низоваго похода возвратившемуся и съ праздниками Рождества Христова и новаго лѣта, при чемъ выражено благодарствіе за учиненную декларацію на прошеніе относительно избранія вольными голосами изъ среди себя гетмана, по давнему обыкновенію, чего ради о исполненіи той монаршей милости приложено прошеніе». Однакожъ поздравленія этого Полуботокъ послать не рѣшился, такъ какъ въ это время полученъ былъ изъ Москвы указъ о назначеніи въ Малороссію кромѣ одного уже бывшаго въ Полтавѣ (Чечерина) еще трехъ комендантовъ: Богданова—въ Черниговъ, Яковлева—въ Переяславль и Пашкова—въ Стародубъ. Къ этому указу Коллегія прислала свое дополненіе, чтобъ полковники тѣхъ полковъ, куда назначены коменданты, требованія послѣднихъ «безъ всякой остановки исполняли». Полуботокъ не зналъ, что эти коменданты предназначались для замѣны впослѣдствіи мѣстныхъ полковниковъ [26]), и поспѣшилъ послать въ Сенатъ свою просьбу: а) «дабы коменданты, гдѣ они есть, по прежнему, только гарнизонными дѣлами управляли, а до полковыхъ дѣлъ не интересовались» и б) чтобы коменданта въ Стародубѣ отставлено, такъ какъ въ этомъ городѣ прежде комендантовъ не бывало; да и въ другіе города, гдѣ ихъ не было, чтобъ коменданты не назначались, какъ обѣщано было и грамотою 1708 г., что гарнизоны изъ Малороссіи будутъ выведены, какъ только Шведы будутъ изгнаны. Посылая это ходатайство 16 Января, Полуботокъ писалъ къ Борзаковскому, чтобъ онъ скорѣе извѣщалъ о ходѣ порученныхъ ему дѣлъ. Въ тоже время Полуботокъ относительно комендантовъ писалъ и Вельяминову, что объ исполненіи полковниками комендантскихъ требованій, распоряженіе сдѣлано не будетъ, такъ какъ объ этомъ нѣтъ царскаго указа, а въ сенатскомъ указѣ сказано только, что коменданты свою должность отправляютъ по инструкціи.

Повидимому, Полуботокъ не хотѣлъ понимать, что назначеніе комендантовъ исходило отъ царя и что Вельяминовъ, разъясняя ихъ обязанности, руководствовался распоряженіями изъ Москвы; возражая противъ этихъ

---

[26]) Соловьевъ, XVIII, изд. 2., стр. 229.

распоряженій въ то время, когда не было уже никакого сомнѣнія, что они исходили отъ самого царя, Полуботокъ безъ пользы усложнялъ свое положеніе, все еще надѣясь, что ставши гетманомъ, ему удастся охранить свою власть отъ притязаній Вельяминова. Между тѣмъ, не получая никакихъ благопріятныхъ извѣстій отъ Борзаковскаго, Полуботокъ сталъ снова помышлять о посылкѣ депутаціи, хотя большинство лицъ, вызванныхъ письмами 28 Декабря, и не подумало съѣзжаться, въ назначенный срокъ въ Глуховъ. А между тѣмъ Вельяминовъ, въ концѣ Января, отправился въ Москву. Важно было, чтобъ вслѣдъ за нимъ ѣхали и депутаты, но такъ какъ ихъ не было, то «ординованы были отъ всей Малороссіи нарочные посланники», въ числѣ шести человѣкъ,вмѣсто предположенныхъ 24-хъ, поѣхали: Василій Кочубей, Степанъ Гамалѣя, Григорій Грабянка, Петръ Войцеховичъ, Иванъ Холодовичъ, Иванъ Доброницкій—все люди малозамѣтные за исключеніемъ перваго, который рѣшился ѣхать вѣроятно съ цѣлію хлопотать о Полтавскомъ полковничествѣ, которое давно было ему обѣщано. Въ челобитной, повезенной этими лицами, повторялось ходатайство о дозволеніи избрать новаго гетмана и прибавлено было новое—«при избраніи новаго гетмана вакантные чины генеральной старшины и полковниковъ укомплектовать годными и заслуженными Малороссійскими людьми». Вмѣстѣ съ просьбою въ Сенатъ, повезено было и письмо къ царю, которое написано было 12 Января. Кромѣ того, посланцамъ дана была инструкція, дабы они гдѣ надлежитъ о исправленіи резолюціи на письмѣ и на словахъ доносили о нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1) объ избраніи новаго гетмана; 2) объ отсрочкѣ похода въ Астрахань; 3) о комендантахъ, чтобы въ Стародубѣ вовсе не было, а другіе чтобы не мѣшались въ полковыя дѣла; 4) о невзыскиваніи «пожилаго» за бѣглыхъ Великороссійскихъ крестьянъ; 5) о невозвращенной Коллегіею тысячѣ р. изъ войсковаго скарба и проч.. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы повезли просительныя письма ко всѣмъ сильнымъ міра: Меншикову, Головкину, Шафирову, Ягужинскому, Апраксину, Долгорукову, Дмитрію Голицыну, Толстому, Мусину-Пушкину, Матвѣеву, Брюсу, Бутурлину, Скорнякову-Писареву, Головину, Макарову, Позднякову, Ѳеодосію Яновскому, Ѳеофану Прокоповичу.

Посланцы отправились въ Москву 30 Января. Нѣтъ сомнѣнія, что для этого посольства время было выбрано самое неудобное. Прежде была надежда хоть на Меншикова, что онъ, интересуясь Почепскимъ дѣломъ, въ чемъ нибудь да поможетъ Полуботку; а теперь и этой надежды не было: возвратившійся царь узналъ, что безъ него состоялся въ Сенатѣ указъ, по которому, подъ видомъ повѣрки правильности захвата Меншиковымъ лишнихъ земель около Почепа, узаконялся этотъ захватъ; отмѣнивши исполненіе этого указа, царь приказалъ дьяка Лосева, который межевалъ Почепщину, привезти въ Москву, заковавъ предварительно въ кандалы [27]). При такомъ

[27]) Вмѣстѣ съ отмѣною указа о Почепскомъ межеваньи, царь вызвалъ въ Москву и тѣхъ лицъ изъ Малороссійской старшины, которыя въ немъ участвовали; по этому вызову 10 Февраля выѣхали въ Москву—Жураковскій, Валькевичъ, Огроновичъ и Чернолуцкій.

повороте Почепскаго дѣла, у Меншикова не было уже побудительныхъ причинъ къ предстательству за избраніе новаго гетмана. Кромѣ того Вельяминовъ въ это время находился въ Москвѣ и конечно успѣлъ уже лично доложить царю о тѣхъ постоянныхъ противодѣйствіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ въ Малороссіи со стороны Полуботка. Но послѣдній, повидимому, ничего не соображалъ, будучи увѣренъ, что не можетъ же Малороссія остаться безъ гетмана. А царь давно уже думалъ совсѣмъ иначе, о чемъ Полуботокъ и не догадывался. Отправивъ своихъ посланцевъ, Полуботокъ сталъ понуждать полковниковъ къ выходу въ Терскій и Ладожскій походы. По приказу изъ Москвы въ Терскій походъ казаки должны были выступить въ началѣ Февраля. Апостолъ, которому приказано было вести этихъ казаковъ, много хлопоталъ, чтобы походъ отсрочить до Апрѣля, когда можно было идти «по травѣ». Полуботокъ, желая угодить старому полковнику, усердно поддерживалъ эту отсрочку; но Коллегія не слушала никакихъ доводовъ. Разославъ приказы о выступленіи казаковъ въ Терскій походъ 2 Февраля, Полуботокъ на другой день отправилъ гонца въ Москву къ Борзаковскому, чтобъ тотъ усиленно просилъ объ отсрочкѣ. Но всѣ хлопоты Полуботка ни къ чему не вели; 18 Февраля полученъ былъ указъ: въ Терскій походъ идти «зимнимъ путемъ», а Ладожскій походъ отложить до 1 Апрѣля. Сдѣлавъ распоряженія по этому указу, Полуботокъ жаловался царю на трудности, происходящія отъ этихъ походовъ Малороссійскимъ обывателямъ, «что чрезъ Ладожскіе походы прошлыхъ двухъ годовъ по 10,000 казаковъ, на каждый походъ, и особенно чрезъ Дербентскій походъ, тоже въ 10,000 казаки лишились не только лошадей и средствъ, но многіе и животъ свой тамъ кончили, а многіе по слабости здоровья на дорогахъ поотставали и до сихъ поръ въ домы свои не возвращались. А теперь снова требуется 10,000 въ Терскій походъ и 5000—въ Ладожскій, что въ Терскій походъ казаки уже наряжены, а для Ладожскаго взять неоткуда, развѣ изъ тѣхъ, которые приготовлены на случай отраженія Татарскихъ набѣговъ. При этомъ же нужно отбыть, прибавлялъ Полуботокъ, еще и постой восьми драгунскихъ полковъ и Меклембургскаго корпуса, отъ которыхъ если освободить дворы тѣхъ казаковъ, что идутъ въ походъ, то вся тяжесть ляжетъ на однихъ посполитыхъ, которые навѣрно станутъ расходиться и въ людяхъ учинится умаленіе» Въ заключеніе Полуботокъ просилъ отмѣнить вовсе Ладожскій походъ. Посылая челобитье свое объ этомъ въ Сенатъ 21 Февраля, Полуботокъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ и особое письмо къ Вельяминову, прося и его предстательства въ нуждахъ народныхъ.

Но на всѣ ходатайства Полуботка никакого отвѣта изъ Москвы не приходило. Приходили однѣ дурныя вѣсти. Сначала Полуботокъ получилъ извѣстіе, что умеръ въ Москвѣ Андрей Борзаковскій, одинъ изъ самыхъ ловкихъ его агентовъ; а въ концѣ Февраля, Полуботокъ узналъ и о другой, еще болѣе чувствительной для него потерѣ: 20 Февраля въ Москвѣ умеръ зять его — Петръ Войцеховичь, самый близкій человѣкъ изъ шести

«посланниковъ» [28]). Затѣмъ въ Мартѣ мѣсяцѣ пришла вѣсть что царь оставляетъ Москву и ѣдетъ въ Петербургъ, не разрѣшивши ни одного изъ ходатайствъ, представленныхъ ему Кочубеемъ съ товарищами. Узнавъ объ этомъ, Полуботокъ отправилъ (17 Марта) посланцамъ такое наставленіе, «что еслибы ихъ на Москвѣ оставлено, давши рѣшеніе только на малые какіе интересы, а о томъ, для чего главнымъ образомъ посланы, резолюціи не учинено, то имѣютъ они ѣхать и въ С. Петербургъ и тамъ всячески стараться—на похвалу себѣ и всей отчизнѣ—получить резолюцію на порученное имъ дѣло». И если придется ѣхать въ С. Петербургъ, продолжалъ Полуботокъ, то въ случаѣ нужды, могутъ у кого нибудь взять денегъ въ долгъ, потому что если «въ скарбѣ войсковомъ и есть какія деньги, то не безъ нужды въ нихъ и здѣсь, въ Глуховѣ». Жураковскому, который находился въ это время въ Москвѣ по Почепскому дѣлу, Полуботокъ писалъ «съ просительнымъ предложеніемъ», что когда онъ окончитъ свое дѣло, для котораго туда вызванъ, то чтобъ «изволилъ приняться отъ усердія своего (зъ горливости своей) и за общенародный всей отчизны интересъ, такъ какъ ему принадлежитъ первенство между всѣми посланниками, которые до сихъ поръ безрезультатно тамъ живутъ и порученнаго имъ дѣла въ исполненіе не приводятъ, а онъ прилежнымъ своимъ старательствомъ можетъ ускорить полученіе резолюціи о пользахъ Малороссійскаго отечества, а въ особенности объ избраніи гетмана».

Но посланцы лучше Полуботка видѣли тщету своихъ ходатайствъ, на которыя имъ не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, и къ концу Марта стали выбираться изъ Москвы домой. Только Грабянка и Гамалѣя остались тамъ, думая пробраться и въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, Полуботокъ писалъ послѣднимъ двумъ «похваляючи имъ тое, что они два по усердію своему къ общему дѣлу, остались въ Москвѣ», и тутъ же снова повторяетъ свое «предложеніе», чтобъ они сколь возможно старались «доходить порученные имъ интересы», для чего, если нужно, могутъ ѣхать и въ Петербургъ. Относительно средствъ для жизни, Полуботокъ совѣтовалъ посланцамъ сдѣлать заемъ «у кого изъ архіереевъ, на имя п. п. правителей, только бы не излишне». Помочь личными своими средствами Полуботокъ, какъ видно, скупился. Оставленные безъ средствъ, вернулись скоро по домамъ и Грабянка съ Гамалѣею.

---

[28]) Тѣло Войцеховича привезено было на родину. Зап. Марков. I, 14.

VIII.

Полуботокъ задумываетъ послать къ царю съ новою челобитною—всѣхъ наличныхъ полковниковъ. Полковники ѣхать не соглашаются.

Полуботокъ увидѣлъ, что посланцы его, съ Жураковскимъ во главѣ, не добились никакихъ результатовъ и такой неуспѣхъ этого посольства приписывалъ малочисленности депутатовъ, на которыхъ въ Москвѣ поэтому и не смотрѣли, какъ на посланцевъ «отъ всего народа». На Воскресенскихъ праздникахъ Полуботокъ задумалъ послать въ Петербургъ, куда переѣхалъ царь изъ Москвы, депутацію, составленную изъ всѣхъ наличныхъ полковниковъ, которые должны были предварительно заручиться челобитными отъ всѣхъ своихъ полчанъ. Такое посольство уже будетъ имѣть полное право, думалъ Полуботокъ, ходатайствовать отъ имени всего народа. Сейчасъ же послѣ праздниковъ Полуботокъ сталъ приводить свою мысль въ исполненіе. Прежде всего онъ написалъ Лизогубу, бывшему въ это время дóма, чтобы тотъ немедленно пріѣзжалъ въ Глуховъ, «запасшись приборомъ надобнымъ не только въ Глуховѣ, но и дальше, такъ какъ съ прочими намѣряющимися особами будетъ ординованъ въ Петербургъ, къ императорскому величеству, въ нужныхъ интересахъ Малороссійскихъ». Вмѣстѣ съ Лизогубомъ вызывался и Дмитрій Володьковскій, какъ человѣкъ уже бывалый въ столичныхъ поѣздкахъ. Потомъ были «написаны листы до наказныхъ полковниковъ Стародубскаго, Переяславскаго и Полтавскаго съ старшиною и съ другими полчанами тѣхъ полковъ, чтобы они, снарядивши челобитную на имя императорскаго величества и оную руками всѣхъ полчанъ, старшины и черни, также гражданскихъ урядниковъ и знатныхъ мѣщанъ, закрѣпленную, объ опредѣленіи на вакантныя мѣста полковниковъ,—привозили сюда въ Глуховъ, къ недѣлѣ Мироносицъ, откуда они паны наказные, также и п. полковникъ Прилуцкій въ означенный путь къ С.-Петербургу имѣютъ быть ординованы, въ числѣ прочихъ особъ съ протестомъ о гетманѣ и полковникахъ на вакантныя мѣста». Какъ видно, Полуботокъ захочивалъ наказныхъ полковниковъ къ поѣздкѣ въ Петербургъ—возможностью для нихъ сдѣлаться «цѣлыми» полковниками; но и при этомъ Полуботокъ не надѣялся на успѣхъ своего плана, зная уже по опыту, какъ тяжела Малороссійская старшина бывала на подъемъ, когда дѣло касалось «общенародныхъ интересовъ», и потому письма къ наказнымъ полковникамъ должны были отвезти расторопнѣйшіе изъ канцеляристовъ: Николай Ханенко—въ Стародубъ, Василій Быковскій—въ Полтаву и Андрей Володьковскій; всѣ они были уроженцы тѣхъ полковъ, куда посылались и потому сами могли помогать «снаряженію» челобитныхъ. Но такъ какъ въ это время Коллегія зорко уже слѣдила за всѣми дѣйствіями Полуботка, то для

посылки трехъ канцеляристовъ найденъ былъ благовидный предлогъ: Ханенко, Быковскій и Володьковскій официально посылались «для ревизіи казаковъ въ томъ, что якобы за небреженіемъ старшины, въ походы Терскій и Ладожскій, посланы казаки тѣже, которые были уже въ походѣ 1722 г. и что кромѣ того, за поблажкою старшины, выправлены были въ походы бѣднѣйшіе, а богатые остались по домамъ». Предлогъ былъ придуманъ искусный; противъ него Коллегія не могла сдѣлать возраженій. Но разумѣется никакихъ разслѣдованій быть не могло о дѣйствіяхъ той старшины, которую нужно было склонять къ снаряженью челобитной. Самый близкій подручникъ Полуботка—Лизогубъ, вызванный письмомъ 18 Апрѣля, писалъ наказному гетману, что прежде возвращенія въ Глуховъ онъ хочетъ окончить свое дѣло съ Троицкимъ монастыремъ (подъ Черниговымъ) за какія-то мельницы. На это письмо Полуботокъ 1 Мая отвѣчалъ, «чтобъ его милость не устранялся отъ общихъ трудовъ, которые по указу монаршему велѣно править ему совокупно съ прочими»; но тутъ же обѣщалъ ему помощь въ дѣлѣ съ Троицкими монахами, «только бы безъ отлагательства и отговорокъ» пріѣзжалъ въ Глуховъ, гдѣ его «охотне чекаютъ» (ожидаютъ). Также точно «отмовлялся» (отговаривался) отъ поѣздки въ Петербургъ и Галаганъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, разсерженный Полуботокъ 6 Мая писалъ Прилуцкому полковнику, что такъ какъ онъ отъ поѣздки въ Петербургъ отказывается, то пусть пріѣзжаетъ въ Глуховъ для отвѣта противъ жалобъ, поданныхъ на Галагана въ судъ, «а если бы и за симъ не пріѣхалъ въ Глуховъ, то когда челобитчики на него удадутся въ Коллегію, бо́льшая учинится ему трудность и турбація». Это былъ обыкновенный пріемъ Полуботка — грозить Коллегіей непослушной старшинѣ [29]). Но старшина и сама понимала безсиліе личной власти наказнаго гетмана и, не раздѣляя его личныхъ интересовъ, постоянно ставила Полуботка въ затруднительное положеніе. Грозя Галагану въ письмѣ 6 Мая судомъ, Полуботокъ черезъ два дня послѣ этого писалъ Чернышу, «чтобъ онъ крайне (наконецъ) увѣдомилъ, если по должности своей судейскаго званія, впредь до судовыхъ дѣлъ пріймется и оныя отправлять будетъ или уже совсѣмъ намѣренъ отъ дѣлъ судейскихъ устраниться?» «Отвѣтъ нуженъ», пояснялъ Полуботокъ, «чтобъ знать что отвѣчать — когда гдѣ спросятъ» (разумѣется Коллегія). Значитъ, и самъ Полуботокъ хорошо понималъ, что его угрозы судомъ не дѣйствительны, такъ какъ главный

---

29) Въ „журналѣ“ эти угрозы встрѣчаются часто, напр. „9 Мая 1723 г. отправленъ листъ до п. полковника Кіевскаго, абы для отвѣтствія сборщицкаго немедленно въ Глуховъ пріѣзжалъ; если-жъ бы не мѣлъ пріѣхати, то и не хотячаго намѣрена Коллегія Малороссійская зискати“. 13 Мая, по неоднократныхъ указахъ до п. Федора Кочубея писанныхъ, посланъ нарочный казакъ по него, абы заразъ, безъ жаднаго умедленія, прибувалъ въ Глуховъ, для раздѣлу имѣнія Лисовскаго, а когда и по сему ослушенъ явится, то зъ Коллегіи нарочніи солдаты посланы будутъ и не хотечого его сюда препроводити мѣютъ“.

отправитель правосудія, генеральный судья, пренебрегалъ своими обязанностями на столько, что Полуботокъ вынужденъ былъ говорить объ этомъ въ официіальной бумагѣ, давая тѣмъ самымъ Коллегіи полное право утверждать, что челобитчики старшинскаго суда добиться не могутъ.

IX.

Результатъ личныхъ жалобъ Вельяминова на Полуботка. Рѣшеніе Петра В. по этимъ жалобамъ. Вызовъ Полуботка съ товарищами въ Петербургъ. Назначеніе кн. М. М. Голицына командиромъ Малороссійскихъ полковъ. Полуботокъ передъ отъѣздомъ посылаетъ къ царю новыхъ депутатовъ съ челобитными объ избраніи гетмана и проч.

Собираясь посылать новую депутацію для разрѣшенія просьбы о выборѣ гетмана, Полуботокъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о результатахъ Вельяминовскихъ докладовъ царю; между тѣмъ вокругъ наказнаго гетмана совершались факты, изъ которыхъ ясно было, что власть Коллегіи растетъ: въ концѣ Марта Полуботокъ получилъ извѣстія изъ полковъ, что Коллегія разослала къ сборщикамъ новые «указы и формуляры», по которымъ велѣно производить сборы по прежнему «со всѣхъ безобходно, державскихъ и старшинскихъ пожитковъ». Получивъ эти извѣстія, Полуботокъ увидѣлъ въ этихъ указахъ и формулярахъ новый произволъ Коллегіи, куда тотчасъ же и послалъ запросъ: «чего ради надъ указъ (вопреки указу) импер. величества, не согласясь съ войсковою канцеляріею, указы въ полки разсылаетъ и на какомъ основаніи установляетъ отмѣненные сборы?» Отвѣта на запросъ не послѣдовало. Другой случай: казаки села Погребковъ (Глуховск. у.), поверстанные тамошнимъ державцею Андреемъ Лизогубомъ въ крестьяне, — жаловались на это насиліе въ Коллегію; послѣдняя, разобравъ жалобу, повернула жалобщиковъ снова въ казаки. Лизогубъ (братъ генер. бунчучнаго) просилъ Полуботка, чтобы по крайней мѣрѣ земли, на которыхъ сидѣли эти казаки, оставлены были за нимъ, державцею. Въ отвѣтъ на эту просьбу Полуботокъ выдалъ (28 Марта) «открытый листъ до самозваннаго атамана Погребскаго съ товариствомъ, въ казачество стремящихся и до войта тамошняго съ посполитыми, чтобы жители Погребскіе, особенно тѣ, что̀ изъ мужиковъ въ казаки тѣснятся и на время указомъ Коллегіи въ казаки вписаны, не смѣли до дальнѣйшаго распоряженія продавать грунтовъ своихъ въ чужія руки, безъ разрѣшенія державцы», да чтобы и вообще «Погребскіе подданные, не засматриваясь на тѣхъ самозванныхъ казаковъ, отдавали п. Лизогубу во всемъ послушенство и чтобы никто сверхъ указамъ коллегійскимъ отъ

подданства увольненнымъ, въ казаки тѣсниться не смѣлъ; а кто бы не хотѣлъ п. Лизогубу повиноваться, тѣхъ присылать въ Глуховъ, забивши въ колодки, для наказанія и жестокаго штрафа». И изъ этого распоряженія видно, что Полуботокъ, не справляясь, откуда Коллегія взяла власть переписывать крестьянъ въ казаки безъ согласія войсковой канцеляріи, продолжалъ дѣлать свои распоряженія, которыя въ виду появленія новой и большей власти являлись почти недѣйствительными.

Въ концѣ Апрѣля Полуботокъ получилъ изъ Коллегіи копію сенатскаго указа объ отмѣнѣ Ладожскаго похода на 1723 годъ; пославъ универсалы о возвращеніи выступившихъ уже въ походъ казаковъ домой, Полуботокъ счелъ себя обиженнымъ, что сенатскій указъ не былъ присланъ непосредственно въ генеральную канцелярію, а полученъ только въ копіи изъ Коллегіи. Желая предупредить такой порядокъ, которымъ подрывалось уже всякое его значеніе, Полуботокъ на другой же день послалъ царю свое ходатайство о направленіи указовъ по прежнему, непосредственно въ генеральную канцелярію. Донося царю, что указъ объ отмѣнѣ Ладожскаго похода исполненъ, Полуботокъ тутъ же просилъ, «чтобъ впредь о такихъ и подобныхъ дѣлахъ, касающихся до Малороссійскаго правленія, велѣть присылать Малороссійскимъ правителямъ особые монаршіе указы, а не чрезъ Коллегію; понеже нынѣ, по смерти гетмана Скоропадскаго, пояснялъ Полуботокъ, всѣ дѣла и порядки велѣно вѣдать и управлять онымъ правителямъ по правамъ Малороссійскаго народа».

Полуботокъ и не догадывался, что въ это время «вѣдѣніе дѣлъ и порядковъ Малороссійскаго народа» было уже почти всецѣло передано въ Коллегію, а Малороссійскіе правители вызывались въ Петербургъ.

Вельяминовъ прибылъ въ Москву въ началѣ Февраля и, какъ видно, представилъ царю обстоятельный докладъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Вельяминовъ жаловался Петру Великому на неисполненіе Полуботкомъ его требованій относительно доставленія свѣдѣній о существовавшихъ въ Малороссіи налогахъ и вообще па произволъ генеральной старшины въ ея распоряженіяхъ, противодѣйствующихъ распоряженіямъ его, Вельяминова. Мы не имѣемъ доклада Вельяминова съ его жалобами, но содержаніе этого доклада видно, какъ изъ указа 16 Апрѣля 1723 г., такъ и изъ тѣхъ пунктовъ обвиненія, которые предъявлены были Полуботку и его товарищамъ въ Сентябрѣ того же года [30]). Изъ этихъ пунктовъ видно, что Вельяминовъ жаловался: 1) что Полуботокъ разослалъ безъ вѣдома Коллегіи универсалъ свой 13 Декабря объ ускромленіи крестьянъ; 2) что старшина самовольно раздала маетности Галецкому, Кутневскому и Ханенку; 3) что устроенъ былъ кромѣ генеральнаго суда другой какой-то судъ (разумѣется назначеніе «ассесоровъ»

[30]) Русск. Стар. 1875, I, 509 и слѣд. Многія собственныя имена здѣсь переиначены, вѣроятно, писцами Коллегіи; названы Кожуховскій—Кожуровскимъ, Генваровскій—Головаревскимъ, Галецкій—Голезнымъ, Ханенко—Хоменкомъ и проч.

въ генеральный судъ); 4) что споръ Ломаки съ Пилатовичемъ рѣшенъ былъ въ генеральномъ судѣ неправильно, за взятку, данную Чернышу Пилатовичемъ и проч.

Первымъ слѣдствіемъ этихъ жалобъ былъ именной указъ 27 Февраля о томъ, чтобы «объявить казакамъ и прочимъ служилымъ Малороссіянамъ, что въ Малороссійскіе полки по ихъ желанію опредѣляются полковники изъ Русскихъ» [31]). Но этотъ указъ объявленъ былъ гораздо позже, вѣроятно, по представленію Вельяминова, который хотѣлъ выждать болѣе удобное время для объявленія этого распоряженія; поэтому лица, предназначенныя въ полковники, отправлены были въ Малороссію, сначала, какъ мы видѣли, въ качествѣ комендантовъ полковыхъ городовъ.

Затѣмъ изъ послѣдовавшихъ, по докладу Вельяминова, рѣшеній Петра Великаго составленъ былъ общій указъ 16 Апрѣля [32]), заключавшій въ себѣ разъясненіе и дополненіе инструкціи 16 Мая 1722 г. Главныя статьи этого указа были: 1) обстоятельное разрѣшеніе вопроса о налогахъ, при чемъ было указано: всѣ налоги сбирать по прежнему, но привлечь къ нимъ и «старшину, знатныхъ казаковъ (державцевъ), войсковыхъ товарищей, монастыри и церкви и брать со всѣхъ ровно, отъ высшихъ и до низшихъ чиновъ, не выключая никого»; 2) предоставленіе права Коллегіи разрѣшать жалобы казаковъ, вписанныхъ державцами въ крестьянство и писать челобитчиковъ въ казаки по прежнему; 3) порученіе Коллегіи составить подворные списки казачьяго и крестьянскаго населенія Малороссіи; 4) разрѣшеніе Вельяминову сноситься съ полковою старшиною, минуя генеральную канцелярію, если послѣдняя будетъ медлить въ исполненіи распоряженій Коллегіи; 5) запрещеніе генеральной старшинѣ разсылать свои универсалы «о важныхъ дѣлахъ», безъ предварительнаго утвержденія ихъ Коллегіей и 6) отмѣна разныхъ съ народа «непотребныхъ» поборовъ, установленныхъ старшиною въ личную свою пользу, какъ-то: ярмарочныхъ сборовъ отъ возовъ за мѣста, отъ продажи скота, лошадей и хлѣба, праздничныхъ подарковъ, «Мазепщины» и разныхъ другихъ [33]). Наконецъ, въ указѣ 16 Апрѣля было сказано: «что же полковникъ Полуботокъ и старшина, не взирая на данные имъ наши указы, послали нѣкоторые указы безъ совѣту съ президентомъ Коллегіи, того ради велѣно для отвѣта быть сюда полковнику Полуботку и изъ старшины—Савичу и Чернышу». Вслѣдъ за этимъ указомъ, 29 Апрѣля изданъ былъ другой, по которому князь Го-

---

31) П. С. Зак., VII, № 4173.

32) Тамъ же, № 4196.

33) Всѣ свѣдѣнія объ этихъ поборахъ, Вельяминовъ добылъ отъ сборщиковъ, при составленіи тѣхъ вѣдомостей о налогахъ, отъ доставленія которыхъ уклонялся Полуботокъ. Изъ всѣхъ отмѣненныхъ поборовъ особенно тяжелъ былъ для народа такъ называемый „ралецъ“, заключавшійся въ подаркахъ, которые какъ казаки, такъ и крестьяне должны были подносить сотенной и полковой старшинѣ два раза въ годъ, на Рождество и Пасху. Тяжесть этихъ поборовъ для народа хорошо понимала сама старшина, какъ видно изъ письма, которое писалъ Скоропадскій Полуботку въ Мартѣ 1722 г. изъ Москвы.

лицынъ (Мих. Мих.) назначенъ главнымъ командиромъ надъ всѣми нерегулярными войсками, въ томъ числѣ и надъ Малороссійскими казаками; въ указѣ пояснялось, что «во всемъ томъ, что̀ будетъ касаться до воинскихъ отправленій», Малороссійская Коллегія подчиняется Голицыну.

На основаніи указа 16 Апрѣля, вся власть, принадлежавшая прежде гетману, передавалась Коллегіи. Генеральная старшина должна была только исполнять распоряженія Коллегіи, какъ прежде исполняла распоряженія гетмана. Привиллегіи старшины и державцевъ относительно свободности ихъ имѣній отъ налоговъ были уничтожены. Уничтоженіе поборовъ, которые старшина произвольно собирала въ личную свою пользу съ народа, давало послѣднему никѣмъ неожиданныя льготы. Петръ Великій понималъ, какія коренныя измѣненія производилъ означенный указъ во всемъ общественномъ строѣ Малороссіи и, не смотря на тѣ значительныя облегченія, которыя давались по этому указу народу, конечно, съ цѣлію привлечь его на свою сторону, императоръ повидимому опасался, что обнародованіе указа 16 Апрѣля можетъ встрѣтить большій или меньшій протестъ со стороны старшины, терявшей свои привиллегіи и власть. Въ предупрежденіе всѣхъ случайностей, Полуботокъ и главные два его помощника вызывались въ Петербургъ, а Голицыну дано было полномочіе—«велѣть по своему разсмотрѣнію выдтить въ поле всѣмъ, въ Малой Россіи обрѣтающимся полкамъ и Черкасамъ», подъ видомъ «осторожности для охраненія Украины отъ Татарскаго нападенія» [31]). Кромѣ того, въ виду этихъ предосторожностей, порядокъ обнародованія указа 16 Апрѣля предоставленъ былъ усмотрѣнію Вельяминова, который нашелъ нужнымъ привести его въ исполненіе по частямъ; такимъ образомъ статья указа объ обложеніи налогами всѣхъ владѣній, не исключая и старшинскихъ, была приведена въ исполненіе, какъ мы видѣли, уже въ Мартѣ, прежде составленія полной редакціи указа 16 Апрѣля. Вельяминовъ распорядился дать объ этомъ какъ бы свой личный приказъ непосредственно сборщикамъ, не извѣщая Полуботка о послѣдовавшемъ рѣшеніи императора. Обнародованіе и приведеніе въ исполненіе другихъ частей указа Вельяминовъ отложилъ до возвращенія своего въ Глуховъ. Но предварительно онъ хотѣлъ выпроводить оттуда Полуботка, для чего не задолго до своего отъѣзда изъ Москвы послалъ въ Глуховъ указъ о вызовѣ Полуботка съ его товарищами въ Петербургъ. Почему-то найдено было нужнымъ указъ этотъ послать отъ имени Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Голицына, находившагося тогда въ Москвѣ. Указъ о вызовѣ привезенъ былъ въ Глуховъ 22 Мая, особымъ курьеромъ, княземъ Енгалычевымъ. Повидимому, вызовъ этотъ смутилъ Полуботка болѣе всего въ томъ отношеніи, что та депутація, которую онъ задумалъ на Воскресенскихъ праздникахъ, до сего времени не была отправлена; поэтому, вслѣдъ за полученіемъ указа, Полуботокъ прежде всего сталъ снаряжать депутацію, которая должна была предварить прибытіе его въ Петербургъ. Но

---

31) П. Собр. Зак. VII, № 4200.

вмѣсто депутаціи «отъ всего народа» пришлось послать только пять человѣкъ, случившихся въ это время въ Глуховѣ: Петра Корецкаго и Ивана Кирпича, наказныхъ полковниковъ Стародубскаго и Переяславскаго, Григорія Гробянку и двухъ канцеляристовъ: Николая Ханенка и Дмитрія Быковскаго. Написать челобитныя было недолго; Полуботокъ затруднился только тѣмъ обстоятельствомъ, что депутація выправлялась уже послѣ полученія указа о вызовѣ его самого въ Петербургъ. Въ этомъ обстоятельствѣ царь могъ увидѣть, что депутація выслана «происками правителей», а не по желанію народа. Поэтому Полуботокъ рѣшилъ послать депутацію заднимъ числомъ; какъ видно по «журналу», депутація отправлена была изъ Глухова 24 Мая, а между тѣмъ въ журналѣ записано: «сего числа 13 (Мая) отправлена експедиція отъ всего Малороссійскаго народа до Его Императорскаго Величества [35])».

Корецкій съ товарищами повезъ царю три челобитныхъ, «за руками п. п. правящихъ». Значитъ челобитныхъ «за руками старшины и черни», которыхъ желалъ Полуботокъ, агенты его не добыли. Первая челобитная заключала въ себѣ четыре просьбы: 1) объ избраніи гетмана, 2) о замѣщеніи полковыхъ вакансій въ Стародубѣ, Переяславлѣ и Полтавѣ; 3) объ отмѣнѣ «пожилаго платежу» за бѣглыхъ крестьянъ и 4) объ уменьшеніи воинскихъ постоевъ. Остальныя двѣ челобитныя заключали въ себѣ старыя просьбы— о возвращеніи изъ Коллегіи неправильно взятыхъ налоговъ, объ отмѣнѣ комендантовъ въ Стародубѣ и Полтавѣ, о неправильномъ требованіи Вельяминовымъ хлѣбнаго жалованья и проч. Депутаты снабжены были письмами, какъ и прежде, къ Меншикову, Головкину и друг. сильнымъ людямъ. Къ этимъ письмамъ прибавлена была челобитная и «до самой Государыни Импе-

---

[35]) Отправка „експедиціи" заднимъ числомъ явственно видна изъ журнала за Май мѣсяцъ: всѣ бумаги, отправленныя въ этотъ мѣсяцъ изъ генеральной канцеляріи, записывались послѣдовательно, начиная съ 1-го числа по 24-е включительно. Полученіе указа о вызовѣ Полуботка въ Петербургъ (22 Мая) въ журналѣ не записано, хотя о полученіи его въ этотъ день упоминается въ журналѣ нѣсколькими днями позже. Затѣмъ послѣ 24 Мая „експедиція" въ Петербургъ отмѣчается такъ: „сего числа 13 отправлена експедиція отъ всего Малороссійскаго народа" и проч. и потомъ продолжается записка отправленныхъ бумагъ послѣдовательными числами 14, 15, 16, 17 и 18 Мая, а послѣ 18-го Мая отмѣчается 25 Мая и послѣдующія числа до конца Мая. Такимъ образомъ Майскія числа 13—18 въ журналѣ показаны два раза: въ первый разъ на своемъ мѣстѣ, а во второй между 24 и 25 числами Мая. Для скрытія дѣйствительнаго дня отправки депутаціи составитель журнала, помѣтивъ отправленіе ея 13-мъ числомъ, продолжалъ нѣкоторое время и другія бумаги отмѣчать заднимъ числомъ; но не доведя этихъ чиселъ до 25 Мая, ограничился только пятью днями и затѣмъ началъ отмѣчать дѣйствительное время отправленія бумагъ. Какъ видно, Полуботку нужно было скрыть по журналу дѣйствительный день отправленія депутаціи, на тотъ случай, еслибы Коллегія вздумала провѣрять это обстоятельство. Вѣроятно, для этого же въ журналѣ вырѣзанъ одинъ листъ, на которомъ записано было дѣйствительное отправленіе 13 Мая и замѣненъ новымъ, такъ какъ прежній листъ заключалъ въ себѣ, должно быть, какую нибудь явную улику въ неправильности отмѣтокъ между 24 и 25 Мая.

ратрицы» объ исходатайствованіи «пожелательнаго указа». На этотъ разъ депутатамъ даны были средства на поѣздку изъ войсковой казны (2010 злотыхъ и 123 червонца,—около 700 рублей).

X.

Полуботокъ готовитъ новыя челобитныя для личнаго представленія ихъ Петру Великому Распоряженія Полуботка передъ выѣздомъ въ Петербургъ. Отъѣздъ.

Отправивъ депутацію, Полуботокъ сталъ собираться и самъ; но онъ рѣшился ѣхать къ царю не съ пустыми руками, а хотѣлъ, воспользовавшись случаемъ, лично представить ему новыя челобитныя, опять таки отъ имени «всего Малороссійскаго народа». Для составленія и подписанія челобитныхъ, Полуботокъ рѣшилъ вызвать полковую старшину въ Глуховъ; 24 Мая, «посланъ указъ до п. полковника Прилуцкаго, чтобъ пріѣзжалъ въ Глуховъ для важнаго войсковаго интереса, безъ умедленія, а тотъ интересъ будетъ ему объявленъ по пріѣздѣ»; 26 Мая «посланы указы до п. полковника Гадяцкаго, такожъ до п. п. наказныхъ полковниковъ Миргородскаго, Лубенскаго и Переяславскаго, до п. полковника Прилуцкаго, бы на день 31 Мая съ старшиною и съ сотниками своими, скоро-наскоро пріѣзжали въ Глуховъ, для свиданія, понеже панове Малороссійскіе имѣютъ сихъ временъ отъѣзжать въ Петербургъ». Вызывалась старшина только изъ тѣхъ полковъ, гдѣ Полуботка могли послушать. Танскаго и Толстаго Полуботокъ не звалъ, зная, что тѣ не пріѣдутъ; наказный Стародубскій (Чернолуцкій) былъ въ Глуховѣ; Полтава была далека, а представителемъ Черниговскаго полка—Полуботокъ былъ самъ. Разославъ эти приглашенія, Полуботокъ 30 Мая послалъ въ Петербургъ нарочнаго Якова Карпѣку съ отвѣтомъ на указъ о вызовѣ, донося, что «п. п. правящіе Малороссію въ указный путь готовы»; къ этому донесенію прибавлена была просьба о высылкѣ подорожной, «хотя на 70 подводъ», такъ какъ «за дальностью пути, ѣхать на своихъ лошадяхъ будетъ трудно». Подорожную Полуботокъ могъ получить и отъ Вельяминова, а потому кажется, что Карпѣка посланъ былъ для того только, чтобы выиграть время и имѣть возможность дождаться полковой старшины, для подписи челобитныхъ. Отъѣздъ Карпѣки отмѣченъ былъ опять заднимъ числомъ: поѣхалъ онъ 30 Мая, но въ Журналѣ днемъ отъѣзда показано 23 Мая, т. е. будто донесеніе послано вслѣдъ за полученіемъ указа о вызовѣ. Карпѣка повезъ, между прочимъ, и дополнительное наставленіе депутатамъ, которые «смотря по обстоятельствомъ (по латвости тамошняго поведенія)

должны были стараться повезенныя челобитныя представить въ Сенатъ до пріѣзда п. п. правителей и въ разрѣшеніе ихъ—доходить резолюцій».

Но всѣ предположенія Полуботка должны были измѣниться, такъ какъ перваго Іюня возвратился въ Глуховъ Вельяминовъ, который, разумѣется, сталъ торопить отъѣздъ старшины. Привезя съ собою указъ 16 Апрѣля, Вельяминовъ послалъ его въ войсковую канцелярію 5 Іюня, не въ копіи, а въ своей промеморіи [36]), при чемъ статья объ отмѣнѣ старшинскихъ поборовъ съ народа была исключена изъ указа. А на другой день 6 Іюня «подалъ въ канцелярію копіистъ Коллегіи монаршую грамоту, изъ Сената присланную, о выходѣ въ походъ старшинѣ генеральной и всему войску Малороссійскому, при главномъ командирѣ князѣ Голицынѣ». Получивъ послѣдній указъ, Полуботокъ написалъ полковникамъ универсалъ съ приказомъ собираться въ походъ; но прежде разсылки его по полкамъ, универсалъ былъ посланъ въ Коллегію для утвержденія его подписью Вельяминова, какъ установлялъ указъ 16 Апрѣля. Затѣмъ Полуботокъ спѣшилъ закончить подписями тѣ челобитныя, которыя онъ рѣшилъ представить царю лично. Челобитныхъ было приготовлено двѣ: одну должна была подписать генеральная старшина и полковники, а другую—полковая старшина и сотники. Но полковая старшина, приглашенная письмами 26 Мая, съѣхаться, повидимому, не успѣла или не хотѣла. Изъ полковъ Миргородскаго, Гадяцкаго и Прилуцкаго никто не пріѣхалъ; изъ Лубенскаго, кажется,—тоже: по крайней мѣрѣ наказной Лубенскій не пріѣзжалъ, хотя это былъ зять Полуботка [37]). По близости Прилуцкаго полка къ Глухову, Полуботокъ рѣшилъ послать челобитную для подписи въ Прилуки; 3 Іюня «писанъ листъ до п. обознаго Прилуцкаго съ предложеніемъ, что такъ какъ, послѣ троекратнаго писанія, тамошній полковникъ (Галаганъ) для свиданія съ п. п. правителями передъ отъѣздомъ ихъ въ Петербургъ пріѣхать въ Глуховъ не захотѣлъ, то въ Прилуку посылается чрезъ канцеляриста Филиппа Борзаковскаго самая челобитная, которую правители намѣрены подать царю, для подписи ея обознымъ и другою старшиною, если они найдутъ эту челобитную для себя полезною». Не пріѣхалъ въ Глуховъ и Апостолъ, только что передъ тѣмъ вернувшійся изъ Царицынскаго похода; но послать къ нему челобитную для подписи Полуботокъ уже не успѣлъ; нужно было спѣшить выѣздомъ; поэтому Апостолу послана была

---

36) Въ этой промеморіи между прочимъ Вельяминовъ снова требовалъ подробныхъ вѣдомостей о тѣхъ сборахъ, какіе установлены были въ прежнее время. На это требованіе Полуботокъ послалъ короткій отвѣтъ: „о помянутыхъ зборахъ и доходахъ, почему съ чего сбирались, о якихъ вѣдали, прошлаго года 1722 Августа 11, пунктами, въ оную Коллегію объявили“. Полуботъ оставался послѣдовательнымъ.

37) Изъ Записокъ Якова Марковича (онъ былъ въ это время Лубенск. наказн. полковникомъ) видно, что онъ выѣхалъ изъ Глухова 18 Мая и затѣмъ не ѣздилъ туда до осени 1722 г.; впрочемъ въ рукописи записокъ вырванъ листъ, заключавшій въ себѣ числа 19—31 Мая и 1—22 Іюня. Въ печатныхъ Запискахъ этотъ пропускъ не оговоренъ, какъ и другіе.

копія челобитной для того, «что если схочетъ отъ полку своего снарядить такое челобитье, то изволитъ и въ тропы (вслѣдъ за Полуботкомъ) куда надлежитъ посылать». Затѣмъ Полуботокъ собрался выѣзжать, не ожидая уже возвращенія Карпѣки; Вельяминовъ торопилъ, приславъ подорожную отъ себя. Деньги на дорогу взяты были изъ войсковаго скарба: 400 р. «на подъемъ п. п. правителямъ въ дорогу» и 400 р. «на дорогу для всякой потребы». Получивъ подорожную и взявъ съ собою десять компанейцевъ, Полуботокъ съ товарищами выѣхалъ изъ Глухова въ Петербургъ 13 Іюня. Выѣхалъ онъ все еще съ надеждою отстоять свои «права и вольности», такъ какъ повезъ съ собою новыя челобитныя, главнымъ содержаніемъ которыхъ была просьба объ отмѣнѣ налоговъ съ старшинскихъ имѣній [38]).

XI.

Жураковскій и Лизогубъ остаются правителями „войсковыхъ дѣлъ". Хлопоты ихъ о посылкѣ въ Петербургъ дополнительныхъ челобитныхъ. Отвѣтъ Петра В. на просьбу объ избраніи гетмана. Указы о ревизіи и о походѣ казаковъ подъ начальствомъ кн. Голицына. Производство ревизіи. Походъ казаковъ къ Буцкому Броду. Отъѣздъ въ походъ Жураковскаго и Лизогуба. Посѣщеніе ими казацкаго лагеря. Разговоръ съ полковниками о нуждахъ народныхъ. Свиданіе съ кн. Голицынымъ.

За отъѣздомъ Полуботка, правителями «войсковыхъ дѣлъ и порядковъ» остались Василій Жураковскій [39]) и Яковъ Лизогубъ [40]). Ни тотъ ни другой не были позваны въ Петербургъ потому видно, что Вельяминовъ былъ увѣренъ, что отъ нихъ не будетъ никакихъ протестовъ. Жураковскій и Лизогубъ занимали до этого такіе уряды, на которыхъ они не могли имѣть никакого вліянія на дѣла гетманщины; Полуботка они поддерживали только въ

---

[38]) Послѣ отъѣзда Полуботка, Жураковскій и Лизогубъ писали 3 Іюля Гадяцкому полковнику Милорадовичу, что „передъ отъѣздомъ п. п. правителей въ Петербургъ, обще отъ всей Малороссіи за подписомъ руки п. п. полковниковъ цѣлыхъ и наказныхъ, написана царю челобитная съ прошеніемъ объ отставкѣ сборовъ; а потомъ изъ полковъ особенныя присланы челобитныя, въ той же матеріи. Такую челобитную предлагалось и Милорадовичу „снарядить, если заблагоразсудитъ и прислать въ Глуховъ для отправки вслѣдъ за правителями, въ Петербургъ. А для образца челобитныхъ одной общей, а другой полковой, копіи посланы". Предлагая Милорадовичу послать челобитную отъ Гадяцкаго полка, Жураковскій и Лизогубъ нѣсколько извращали фактъ относительно количества подписей, добытыхъ Полуботкомъ.

[39]) Сынъ Нѣжинскаго полковника Якова Жураковскаго, вышедшаго въ старшину изъ Глуховскихъ казаковъ.

[40]) Сынъ Ефима и внукъ Якова Лизогубовъ, занимавшихъ послѣдовательно урядъ Черниговскаго полковничества въ продолженіи 22 лѣтъ (1687—1705 г.).

силу подчиненности тѣхъ же своихъ урядовъ. При этомъ Лизогубъ, повидимому, вовсе не раздѣлялъ взглядовъ Полуботка относительно пользы его протестовъ противъ Вельяминовскихъ распоряженій. Уѣхавъ въ началѣ Апрѣля изъ Глухова къ семьѣ, Лизогубъ, не смотря на всю настойчивость приглашеній Полуботка скорѣй возвращаться въ Глуховъ, вернулся сюда въ одинъ день съ Вельяминовымъ, перваго Іюня. Лизогубъ принадлежалъ, какъ видно, къ той партіи (Галаганъ, Милорадовичъ, Танскій, Яковъ Марковичъ), которая хорошо понимала, что при обладаніи такими значительными маетностями, какія уже имѣла старшина, послѣдняя не обѣднѣетъ отъ тѣхъ нововведеній, которыя принесла съ собою Коллегія и что податливостью удобнѣе всего сохранить за собою свои богатства. Лизогубъ же, унаслѣдовавъ лучшія маетности дѣда и отца, бывшихъ Черниговскихъ полковниковъ, былъ въ это время однимъ изъ видныхъ богачей гетманщины. Жураковскій, напротивъ, раздѣлялъ взгляды Полуботка о возможности отстоять старыя привиллегіи и за отъѣздомъ Черниговскаго полковника старался, насколько могъ, продолжать защиту старшинскихъ интересовъ.

Уѣзжая въ Петербургъ, Полуботокъ поручилъ Жураковскому заботу о присылкѣ дополнительныхъ челобитныхъ отъ полковъ. Порученіе это было исполнено насколько возможно: Жураковскій успѣлъ добыть дополнительныя челобитныя отъ Апостола и Милорадовича. Въ тоже время представился удобный случай для отправки ихъ и въ Петербургъ. Въ «журналѣ» 4 Іюня, отмѣчено: «сего числа полученъ указъ изъ Правительствующаго Сената для публикаціи онаго, объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ сборовъ». Никакихъ поясненій при этомъ въ журналѣ сдѣлано не было, хотя повидимому указъ заключалъ въ себѣ разрѣшеніе интереснаго вопроса—объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ «налоговъ». Но дѣло въ томъ, что этотъ указъ заключалъ въ себѣ только одну статью изъ указа 16 Апрѣля, объ уничтоженіи «непотребныхъ» сборовъ, которые старшина собирала съ народа въ свою пользу. Понятно, что этому указу въ генеральной канцеляріи не обрадовались. Но Жураковскій воспользовался этимъ указомъ, чтобы повторить уже отъ себя и Лизогуба просьбу объ отмѣнѣ налоговъ съ имѣній старшины. Донося о полученіи указа, полученнаго 4 Іюня, Жураковскій писалъ, что «если государь изволилъ отмѣнить сборы съ простаго здѣшняго народа, между которымъ большинство состоитъ изъ посполитыхъ людей, то паче да благоизволитъ его величество явити такую жъ милость Малороссійской старшинѣ, а также заслуженнымъ рядовымъ казакамъ [41]) съ дѣда и отца вѣрно служащимъ его величеству, чтобъ новоналоженные на нихъ сборы были отмѣнены ради всегдашнихъ ихъ службъ». Отправляя эту челобитную 18 Іюля чрезъ Василія Быковскаго, Жураковскій съ нимъ послалъ и дополни-

---

[41]) Указъ 16 Апрѣля отмѣнялъ старшинскіе поборы какъ съ крестьянъ, такъ и съ казаковъ; но здѣсь Жураковскій говоритъ о заслуженныхъ казакахъ, подъ которыми разумѣлись „державцы“, владѣльцы маетностей.

тельныя челобитныя. Около этого же времени долженъ былъ быть полученъ въ генеральной канцеляріи и указъ 23 Іюня, служившій повидимому отвѣтомъ на челобитную, повезенную Корецкимъ и заключавшій въ себѣ категорическій отвѣтъ на просьбу объ избраніи гетмана: «Понеже всѣмъ извѣстно, что отъ времени перваго гетмана Богдана Хмельницкаго, даже до Скоропадскаго, всѣ гетманы явились измѣнниками и какое бѣдство терпѣло наше государство отъ того, а наипаче Малая Россія, какъ еще свѣжая память есть о Мазепѣ; того ради во избраніи въ гетманы зѣло вѣрнаго и извѣстнаго человѣка сыскать надлежитъ, о чемъ непрестанное стараніе имѣемъ; а пока оной сыщется, нынѣ опредѣлено правительство, дабы лучшую пользу тому краю чинило и крѣпкая дана (ему) инструкція, и тако остановки въ дѣлахъ до избранія гетмана не будетъ, и для того въ семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ» [42]). Этимъ указомъ предупреждались всѣ будущія челобитныя объ избраніи гетмана, такъ какъ царь объявилъ, что онъ самъ выберетъ гетмана, а пока—его замѣняетъ Коллегія. Полученіе этого указа въ журналѣ вовсе не отмѣчено потому должно быть, что онъ уничтожалъ всѣ надежды на возвращеніе «давнинъ». За отъѣздомъ Полуботка въ Петербургъ на рукахъ новыхъ правителей остались два важныхъ дѣла: ревизія всего населенія Малороссіи и Голицынскій походъ. Въ день отъѣзда Полуботка, Вельяминовъ прислалъ въ генеральную канцелярію утвержденный имъ указъ [43]) о ревизіи, а на другой день—указъ о приготовленіи казаковъ къ походу подъ начальствомъ Голицына.

По первому указу слѣдовало произвести въ Малороссіи подворную народную перепись, главная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы составить обстоятельный списокъ казаковъ и преградить старшинѣ наконецъ возможность «притягать» казаковъ себѣ въ «подданство». До сихъ поръ хотя и велись казачьи списки, такъ называемые «компуты», но велись неисправно и часто терялись, такъ что въ случаѣ казачьихъ жалобъ за «притяганіе ихъ въ подданство», не по чему было справиться—дѣйствительно ли жалобщикъ принадлежитъ къ казачьему сословію. Для исполненія этого указа, въ каждый полкъ назначены были преимущественно изъ бунчуковыхъ [44]) товарищей, по два «ревизора», которымъ при этомъ поручалось: «составить именной списокъ всѣхъ таковыхъ, кто есть прямой отъ дѣда и отца казакъ, на-

---

[42]) Полн. Собр. Закон. VII, № 4252.

[43]) Съ этого времени универсалы „правителей“ стали называться по распоряженію Вельяминова, указами.

[44]) Ревизорами назначены были: въ полкъ Стародубскій—Иванъ Мокріевичъ и Тимоѳей Самойленко; въ Черниговскій—Иванъ Борозна изъ Горска и Семенъ Рубецъ; въ Нѣжинскій—Василій Полуницкій и Демьянъ Бутовичъ; въ Прилуцкій—Василій Томара и Василій Гамалѣя; въ Кіевскій—Якимъ Гречаный и Андрей Раковичъ; въ Переяславскій—Степанъ Забѣла и Иванъ Тернавіотъ, въ Лубенскій—Василій Кочубей и Трощинскій, въ Гадяцкій—Яковъ Новицкій и Степанъ Гамалѣя; въ Миргородскій—Андрей Кандиба и Иванъ Армашенко и въ Полтавскій—Яковъ Гречаный и Якимъ Кулябка.

чиная отъ обознаго (полковаго) и кончая наименьшимъ; списки составить по каждой сотнѣ и по каждому куреню особо, написавъ всякаго по имени и по прозванію или по отчеству, не обходя и куренчиковъ; затѣмъ весь такой списокъ внести полностью въ особенный компутъ, который, закрѣпивъ ревизорскими подписями, присылать въ генеральную канцелярію не позже 28 Іюля». Вмѣстѣ съ тѣмъ, ревизоры должны были составить списки и тѣхъ посполитыхъ людей, которые бьютъ челомъ о казачествѣ на томъ основаніи, что отцы и дѣды, а иные и сами—прежде казачью службу служили. По составленіи списковъ такихъ посполитыхъ, ревизорамъ предписывалось обстоятельно изслѣдовать на основаніи старыхъ казачьихъ реэстровъ, дѣйствительно ли отцы и дѣды ихъ прежде казаковали и тѣхъ, которые окажутся казаками, записывать въ казачьи списки; если же гдѣ не будетъ старыхъ реэстровъ, тамъ изслѣдованіе производить на основаніи людскихъ свидѣтельствъ. По составленіи казачьихъ списковъ ревизоры должны были такимъ же точно образомъ переписать и посполитыхъ людей, не минуя ничьихъ селъ, ни маетностей—духовныхъ и мірскихъ, ни Малороссійскихъ, ни Великороссійскихъ державцевъ; при этомъ, посполитыхъ слѣдовало раздѣлить на два разряда—богатыхъ (можнѣйшихъ) и бѣдныхъ (убогшихъ). По окончаніи переписи, ревизоры должны были составить по каждому полку общій подворный списокъ казаковъ и крестьянъ. Въ заключеніе предписывалось ревизорамъ, чтобы они «при той ревизіи никакихъ обидъ и трудностей людямъ не затѣвали, подъ жестокимъ штрафомъ». Указомъ этимъ задано было ревизорамъ трудное дѣло. Главная трудность заключалась въ справедливомъ отдѣленіи казаковъ отъ посполитыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ревизоры встрѣчали казаковъ, которыхъ отцы и дѣды «казаковали», а они сами находились уже въ «подданствѣ»; можно сказать, что не было той маетности, гдѣ бы нельзя было встрѣтить казаковъ, повернутыхъ старшиною въ посполитыхъ крестьянъ. Ревизоры были сами державцами, сами имѣли подданныхъ изъ казаковъ, и тѣмъ труднѣе было для нихъ отнестись безпристрастно къ этому дѣлу. Шестинедѣльный срокъ, назначенный для окончанія ревизіи, былъ разумѣется слишкомъ короткій, тѣмъ болѣе, что ревизія начата была только съ Іюля. Ревизоры на каждомъ шагу встрѣчали вопросы, которыхъ сами не умѣли разрѣшить, спрашивали генеральную канцелярію, а та въ свою очередь—Коллегію. Дѣло должно было затянуться. Къ концу 1723 г. однакоже ревизія кое-какъ была кончена, оставивъ, какъ и слѣдовало ожидать, множество казаковъ въ крестьянствѣ, особенно въ маетностяхъ вліятельныхъ державцевъ [45]).

[45]) Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ „журнала": 1) „По письму Кочубея и Трощинскаго, писанному съ выраженіемъ тѣмъ, что приказчикъ генерала Вейсбаха, въ селѣ Андреяшевкѣ, не только двороваго числа людей, но и казаковъ, въ томъ же селѣ содержимыхъ, не допускаетъ ревизовать, о чемъ доносятъ ревизоры и прочихъ полковъ, писана промеморія въ Коллегію для совѣта о противодѣйствіи помянутаго Андреяшевскаго и прочихъ Великороссійскихъ приказчиковъ, какое въ томъ Коллегіи будетъ раз-

По другому указу, о приготовленіи къ походу, казаки должны были собраться только въ полки и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Чрезъ десять дней получено было чрезъ Коллегію распоряженіе самого Голицына: «послать изъ войсковой канцеляріи указы въ Малороссійскіе, компанейскіе и сердюцкіе полки, и къ бунчуковымъ, чтобы были во всякой готовности къ походу, а казаки были-бъ сами, не посылая вмѣсто себя работниковъ и сторожа по прежнему Малороссійскому обыкновенію, нынѣ для извѣстія о непріятелѣ, по чертѣ—посылается ли?» Какъ видно, Голицынъ самъ еще не рѣшилъ, куда направить это войско и отдалялъ безцѣльный свой походъ приказами, не имѣвшими особеннаго значенія.

Жураковскій понималъ, что Голицынъ, назначенный главнымъ надъ Украиною командиромъ, имѣетъ власть распоряжать не только военныя, но и гражданскія дѣла; поэтому онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Голицына, надѣясь, не поможетъ ли онъ умѣрить требовательность Вельяминова. Прослыхавъ, что Голицынъ прибылъ въ слободскіе полки, Жураковскій послалъ къ нему канцеляриста Романовича «для свѣдченя подорожной, гдѣ будетъ возможно, учинности», при чемъ посланцу врученъ былъ и «меморіалъ о нуждахъ» для представленія Голицыну, если будетъ удобно. Главныя нужды на этотъ разъ заключались въ томъ, что старшина затруднялась—брать или не брать съ собою въ походъ «куренчиковъ», которые «нужны старшинамъ и прочимъ особамъ для походу и посылокъ, по давнему обыкновенію» [46]). Выславъ Романовича, Жураковскій въ тоже время совѣтовалъ и Гадяцкому полковнику Милорадовичу, чтобы и онъ, «провѣдавши приближеніе Голицына къ Украинѣ, поспѣшилъ отдать вмѣстѣ съ своею старшиною особѣ князя надлежащую венерацію при музыкѣ войсковой».

Прибывъ въ слободскіе полки, Голицынъ снова прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки были готовы и «дабы всѣ, прибравшися на четыре мѣсяца въ харчевой запасъ и порядокъ (одежда и оружіе) крайнюю имѣли поготовность, за три дня по полученіи указа, выйти въ поле». Вслѣдъ за

сужденіе?“ 2) По донесенію ревизоровъ Забѣлы и Тернавіота, что генеральши Кантакузиновой приказчикъ казаковъ старинныхъ до 20 человѣкъ или больше снова до подданства насиліемъ нудитъ, бьетъ и въ колодки забиваетъ, писана промеморія въ Коллегію. 3) По донесенію Семена Лизогуба (брата Якова Лизогуба) писано ревизорамъ Черниговскаго полку, чтобы въ маетностяхъ его, Лизогуба, да и въ другихъ—тѣхъ казаковъ, которые изъ крестьянъ въ казачество протиснулись и въ компуты казацкіе записаны, изъ подданства выключать теперь не дерзали, до слѣдующихъ распоряженій.

[46]) „Куренчиками“ назывались казаки, которые во время похода наряжались для личныхъ услугъ того или другаго полковаго урядника, который и поручалъ въ ихъ завѣдываніе свой походный „курень“ (ставка, нѣсколько походныхъ палатокъ, для хозяина и его прислуги). Старшина, получая отъ гетмана или полковника въ свое распоряженіе куренчиковъ, часто продолжала пользоваться ихъ услугами и по возвращеніи домой изъ похода. Случалось, что, оставляя при себѣ куренчиковъ послѣ похода, старшина мало по малу обращала ихъ сначала въ дворовыхъ служителей, а потомъ и въ крестьянъ.

полученіемъ этого распоряженія Вельяминовъ поѣхалъ изъ Глухова—догонять Голицына. Въ это время правители прослышали, что бригадиръ хочетъ отстранить ихъ отъ участія въ походѣ; а между тѣмъ Жураковскому очень хотѣлось повидаться съ Голицынымъ, чтобы лично заявить ему о разныхъ «нуждахъ». Поэтому рѣшено было, что Лизогубъ тоже поѣдетъ догонять Голицына и постарается доложить ему составленные для этого «пункты» о разныхъ нуждахъ. Выѣхавъ 22 Іюля, въ сопровожденіи Прилуцкаго обознаго Огроновича и канцеляриста Столповскаго, Лизогубъ направился въ Гадячъ, гдѣ долженъ былъ разузнать о мѣстопребываніи Голицына. Вслѣдъ за выѣздомъ Лизогуба, въ Глуховѣ полученъ былъ новый приказъ «главнаго командира» выступить полкамъ къ Буцкому Броду [47]), при чемъ полки Миргородскій, Лубенскій, Полтавскій и Нѣжинскій должны были выставить по 1500 казаковъ, а остальные по 1000. Но въ этомъ приказѣ ни слова не было сказано о томъ, кто долженъ предводительствовать полками. Жураковскій еще болѣе встревожился и немедленно написалъ Лизогубу, чтобы тотъ настоятельно хлопоталъ у Голицына о порученіи команды надъ полками—генеральной старшинѣ, т. е. ему Жураковскому и Лизогубу. Но сей послѣдній не спѣшилъ «отдавать должную визиту» новому командиру, такъ какъ 31 Іюля Жураковскій неожиданно получилъ отъ него письмо, съ извѣстіемъ, что онъ пока остановился въ Гадячѣ, откуда думаетъ отправиться въ Сорочинцы (мѣстечко Миргород. у.) къ Апостолу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ уже ѣхать къ Голицыну. Повидимому, Лизогубъ затруднялся представить Голицыну тѣ «пункты», которые везъ изъ Глухова, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Голицынымъ уже находился Вельяминовъ. Такъ, кажется, объяснялъ себѣ причину медленности бунчучнаго и Жураковскій, потому что вслѣдъ за этимъ писалъ ему: если Голицынъ отъѣхалъ отъ Гадяча куда далеко, то бунчучному нечего терять напрасно время, а слѣдуетъ возвратиться въ Глуховъ, гдѣ много всякихъ дѣлъ, особенно по приготовленіямъ къ походу, въ который, можетъ быть, и имъ прійдется «рушить». Къ этому Жураковскій добавлялъ, что если Лизогубъ не рѣшится ѣхать къ Голицыну, то пусть пошлетъ къ нему вмѣсто себя Прилуцкаго обознаго (Огроновича) и канцеляриста Столповскаго, которые и представятъ князю «повезенные пункты». При этомъ Лизогубъ долженъ былъ (училъ Жураковскій) написать Голицыну на взятомъ изъ Глухова бланкѣ, съ подписью генеральнаго есаула, зачѣмъ посылаются Огроновичъ и Столповскій и, скрѣпивъ представленіе и своею подписью, мѣстомъ написанія означить—Глуховъ. Лизогубъ обрадовался такому исходу своего порученія и извѣстилъ Жураковскаго, что возвращается въ Глуховъ, но думаетъ заѣхать прежде домой, въ Седневъ. Есаулъ потерялъ терпѣніе и отвѣчалъ, что «бунчучный, не исполнивъ главнаго порученія, думаетъ побывать еще и дома; а здѣсь (въ Глуховѣ) по запросу Коллегіи Вельяминовъ извѣщенъ, что онъ, Лизогубъ, отправленъ

[47]) На р. Орели, въ теперешнемъ Константиноградскомъ уѣздѣ.

въ «нуждахъ» къ Голицыну. Нельзя не удивляться, прибавлялъ Жураковскій, такому его поведенію, о которомъ если бы знать раньше, то разумѣется никто бы и не тревожилъ п. бунчучнаго, такъ какъ вмѣсто его могъ быть посланъ къ князю кто нибудь, который съ охотою взялся бы доложить Голицыну о тѣхъ нуждахъ, ради которыхъ собственно Лизогубъ и ѣхалъ». Бунчучный передалъ свое порученіе Столповскому (Огроновичъ по видимому тоже уклонился), но и тотъ не рѣшился ѣхать съ нимъ къ Голицыну и всѣ полученныя отъ Лизогуба бумаги переслалъ въ Глуховъ къ Жураковскому. Въ отвѣтъ Столповскому было написано, «не очень его похваляючи за функціальную его неисправность, чего ради муситъ (долженъ будетъ) самъ п. есаулъ генеральный съ мѣста правленія своего двинуться и въ нуждахъ потребныхъ до генерала поѣхать».

Но и Жураковскій не поѣхалъ, потому что вскорѣ за тѣмъ въ Глуховѣ полученъ былъ ордеръ Голицына, «дабы старшинѣ генеральной и бунчуковому товариству съ полками рейменту гетманскаго, въ походъ, на урочище къ Буцкому броду, тотчасъ выступить». Жураковскій обрадовался, что получилъ возможность видѣть Голицына и спѣшно сталъ готовиться къ походу, «какъ бывало прежде обыкновенно генералитету войска Запорожскаго маршъ воспринимать». Разумѣется, теперь нельзя было думать о той обстановкѣ, при которой прежде гетманы выходили въ походъ, но нѣкоторое подобіе этой обстановки все-таки было. Для сопровожденія «генералитета» назначены были: 1) нѣсколько бунчуковыхъ товарищей; 2) капеллянъ съ дьячкомъ; 3) пять трубачей, два сурмача и одинъ добошъ; 4) артиллерійскій атаманъ съ двумя казаками; 5) хорунжій и писарь; 6) шесть пушкарей, шесть армашей пѣшихъ и четыре верховыхъ; 7) шесть казаковъ на палубы (обозъ); 8) коновалъ, кузнецъ и два шорника и 9) двадцать пять рядовыхъ казаковъ. Впрочемъ и этотъ скудный штабъ собрать было не легко: посылали въ Стародубъ, чтобъ оттуда прислали двухъ трубачей «Остапа да Лаврѣна, въ походъ потребныхъ». Но «войсковыхъ знаковъ» [48]) недоставало; они были запечатаны Вельяминовымъ еще въ Августѣ 1772 г. и хранились «подъ крѣпкою кустодіею». Жураковскій писалъ Вельяминову 14 Августа, чтобы «изволилъ знакъ войсковой (знамя) и котлы до походу съ-подъ караулу выдать», но бригадиръ и не отвѣчалъ на эту просьбу. Ждать было некогда, и 18 Августа Жураковскій съ Лизогубомъ выступили послѣ обѣда, въ походъ, пославъ впередъ донесеніе Голицыну, что оные полки на указанное имъ мѣсто уже прибыли и въ «кампаментахъ» расположились, а другіе

---

[48]) Войсковые знаки („клейноды“) составляли: 1) гетманская булава; она была серебряная, а для Разумовскаго была изготовлена — золотая, съ алмазными украшеніями; 2) знамя большое (корогва), которое прикрѣплялось къ древку; 3) знамя малое (значокъ или прапоръ), также прикрѣплялось къ древку; 4) бунчукъ, который прикрѣплялся къ древку съ желѣзнымъ копьемъ; 5) серебряныя литавры (котлы), которыя везъ въ походъ верховой „добошъ“; сѣдло добоша украшалось бархатнымъ чепракомъ; 6) серебряныя трубы и сурмы и 7) войсковая печать.

за дождливымъ временемъ еще идутъ къ тому мѣсту; и что выступать вмѣстѣ съ полками генеральная старшина опасалась, не получая на то отъ князя приказа; а теперь хоть и выступила, но идетъ «безъ надлежащихъ войсковыхъ знаковъ, безъ знамени, безъ котловъ и другихъ знаковъ, которыхъ Коллегія не выдала; и невѣдомо, какимъ образомъ безъ оныхъ знаковъ командирамъ генеральнымъ въ полѣ содержать правленіе». Жураковскій надѣялся, что пойдетъ въ походъ за «наказнаго гетмана», а Вельяминовъ находилъ, что «правителямъ» вовсе не слѣдуетъ оставлять Глухова, гдѣ безъ нихъ должно было остановиться «правленіе дѣлъ». Поэтому не успѣли правители переправиться чрезъ Пселъ у Веприка, какъ встрѣчены были 24 Августа посланцомъ отъ Голицына съ приказомъ—возвратиться въ Глуховъ, «для правленія дѣлъ обще съ Малороссійскою Коллегіею и до обозу не ѣхать». Но Коломакъ, гдѣ стояли въ это время таборомъ Малороссійскіе полки, былъ слишкомъ близокъ, чтобы возвращаться въ Глуховъ, не повидавшись по крайней мѣрѣ съ полковниками, поговорить съ которыми о «нуждахъ» было такъ удобно. Жураковскій рѣшился побывать въ таборѣ и, бросивъ свой обозъ, отправился туда налегкѣ; Лизогубъ ему сопутствовалъ. Утромъ 26 Августа правители были уже въ «наметѣ» (палаткѣ) Апостола. Свиданіе было интересное; поговорить было о чемъ. Содержаніе разговоровъ изложено въ «журналѣ» довольно подробно: шесть часовъ говорили правители съ полковникомъ о многихъ Малороссійскихъ интересахъ, о смотрѣ Голицынымъ Малороссійскихъ полковъ, о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ—никогда въ Малой Россіи не бывалыхъ; совѣтовались о посылкѣ къ царю челобитной объ отмѣнѣ новыхъ сборовъ въ виду частыхъ походовъ; говорили, чтобъ челобитную послать немедленно изъ-подъ Коломака, выбравъ для посылки двухъ человѣкъ изъ старшины полковой. Затѣмъ правители отправились въ свой наметъ, гдѣ ихъ немедленно «визитовали» Милорадовичъ, Галаганъ и Григорій Буцкій, наказный Полтавскій, которые, побывъ недолго у правителей, вмѣстѣ съ послѣдними отправились опять къ Апостолу. Здѣсь правители жаловались полковникамъ на Вельяминова, что не позволилъ взять въ походъ ни знамени, ни котловъ; потомъ опять говорили о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ и другихъ нуждахъ Малороссійскихъ. Затѣмъ Апостолъ просилъ старшину къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствовали кромѣ хозяина Жураковскій, Лизогубъ, Милорадовичъ, Галаганъ, Гаврила Бурляй, полковникъ сердюцкій, два бунчуковыхъ, Ѳедоръ и Семенъ Карпѣки и канцеляристъ Андрей Володьковскій. За обѣдомъ продолжалась бесѣда «о многихъ трудностяхъ и тяжестяхъ людскихъ, о судахъ генеральныхъ, о какихъ-то Жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссіи [49]);

[49]) Намекъ на Лубенскаго полковника, Андрея Марковича, по тому поводу, что сынъ его Яковъ (авторъ „Дневныхъ Записокъ") въ это время предводительствовалъ Лубенскимъ полкомъ, не бивъ прежде ни въ одномъ походѣ и имѣя отъ роду только 27 лѣтъ. Старые полковники оскорблялись его товариществомъ и намекали на Еврейское происхожденіе его отца, который былъ сыномъ выкрещеннаго Еврея.

также о неудовольствіяхъ п. Якова Марковича, наказнаго Лубенскаго, съ его полчанами, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы, окованныхъ; о неправильно произведенномъ слѣдствіи по старой жалобѣ полковницы Бороховички на вдову своего внука [50]). Послѣ обѣда полковники совѣтовали правителямъ—ѣхать къ Голицыну, представиться ему и, если можно, поговорить съ нимъ о дѣлахъ. Тѣ немедленно же рѣшились послѣдовать совѣту и только зайдя въ наметъ къ Галагану, «гдѣ по трактаментѣ меленько забавившись, якъ бы дзигаровую годину» (часъ времени), выѣхали изъ табора по направленію къ Ахтыркѣ, гдѣ находился въ это время Голицынъ. Полковники Милорадовичъ, Галаганъ и Буцкій съ старшиною и «многимъ товариствомъ полковъ своихъ» проводили правителей версты за четыре отъ лагеря и тамъ, «пожегнавшись (простившись) разъѣхались». Утромъ 28 Августа правители пріѣхали въ Ахтырку и немедленно отправились къ Голицыну «для отданія визиты». Тотъ встрѣтилъ ихъ вопросомъ: кто они такіе? Узнавъ, что передъ нимъ правители Малороссійской войсковой канцеляріи, Голицынъ «съ гнѣвомъ выговаривалъ, для чего они не предупредили своимъ пріѣздомъ прихода полковъ къ Буцкому Броду и порядковъ тамъ не устроили. И если бы отъ непріятеля учинилось какое въ это время нападеніе, добавилъ Голицынъ, то отвѣчать пришлось бы никому, какъ Жураковскому и Лизогубу. Наконецъ Голицынъ объявилъ, что о такомъ ихъ нерадѣніи будетъ писать въ Сенатъ. Выслушавъ князя, правители объяснили, что причина ихъ медленности произошла отъ того, что Коллегія не выдала ни «знаковъ войсковыхъ», ни провіанта для артиллерійскихъ служителей; да тутъ же прибавили, что «изъ оной Коллегіи затѣвается въ сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ трудность, къ которой они не обыкли». Послѣ этого объясненія, князь «ласковѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ дискурсѣ показался» и, пригласивъ правителей къ себѣ на обѣдъ, отпустилъ ихъ на квартиру; относительно же отказа Коллегіи въ выдачѣ «знаковъ» и провіанта «никакой резолюціи не учинилъ». Часа черезъ четыре отъ князя пришелъ офицеръ—звать правителей къ обѣду. Жураковскій и Лизогубъ взяли съ собою и спутниковъ своихъ: тѣхъ же двухъ Карпѣкъ и Володьковскаго и—«пришедши, у столу засѣли и много о сборахъ, что Коллегія въ Малой Россіи собираетъ, и о Черниговскомъ полковникѣ разговаривали»; упоминали и о Яковѣ Марковичѣ который получилъ полкъ точно отцовское наслѣдство. Относительно Марковича князь согласился, что дѣйствительно было бы странно, если бы напр. Ахтырскій полковникъ, куда нибудь уѣзжая, урядъ свой поручилъ сыну, минуя полковую старшину. «И по многихъ разговорахъ, изволилъ князь старшину генеральную отпустить въ Глуховъ, для правленія дѣлъ, хотя и просили его сіятельство «забавитися въ обозѣ» (пробыть нѣкоторое время въ лагерѣ). Жураковскій надѣялся, что послѣ свида-

50) Дѣло шло о жалобѣ вдовы стараго полковника на насилія дочери генеральнаго писаря Савича, который, видно, своимъ заступничествомъ не далъ Бороховичкѣ возможности добиться праваго суда. См. Русск. Арх. 1875 г., кн. I, стр. 317.

нія съ Голицынымъ побываетъ еще разъ въ лагерѣ и будетъ вести дальнѣйшую съ полковниками рѣчь о челобитной. Вышло иначе. Поэтому, вернувшись отъ князя на квартиру, Жураковскій сейчасъ послалъ гонца къ Апостолу съ извѣстіемъ, что заѣхать въ лагерь не позволено и съ просьбою—выѣхать для свиданія и разговоровъ къ селу Рублевкѣ, чрезъ которую правители должны были проѣзжать на возвратномъ пути. Но Апостолъ не пріѣхалъ. Жураковскому пришлось ни съ чѣмъ ѣхать назадъ, въ Глуховъ, для продолженія того же тяжелаго «правленія дѣлъ обще съ Коллегіей». Правителямъ видимо не хотѣлось возвращаться подъ Вельяминовскій надзоръ: отъ Гадяча до Глухова (менѣе 200 верстъ) они ѣхали налегкѣ (обозъ и артиллерія отправлены были особо) цѣлую недѣлю, замѣшкавъ по дорогѣ только въ Ромнѣ, гдѣ «банкетовали» цѣлый день у матери того самаго Якова Марковича, на котораго такъ нападали и въ лагерѣ и у Голицына.

XII.

Апостолъ ищетъ гетманства. Отношенія его къ умершему Скоропадскому. Походъ къ Буцкому Броду. Стоянка на Коломакѣ. Составленіе челобитныхъ къ царю „отъ войска“ объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ налоговъ. Отсылка Коломацкихъ челобитныхъ въ Петербургъ.

Апостолъ не выѣхалъ для вторичнаго свиданія съ Жураковскимъ и Лизогубомъ, потому вѣроятно, что считалъ это свиданіе лишнимъ, такъ какъ челобитныя въ это время у него почти были готовы; оставалось только дополнить ихъ подписями старшины двухъ полковъ, которые тогда еще не поспѣли къ Коломаку. Притомъ же у Апостола были свои особые планы, которыми дѣлиться съ правителями онъ не желалъ. Апостолъ былъ старѣйшимъ изъ Малороссійскихъ полковниковъ и пользовался несравненно большею популярностью въ «войскѣ», чѣмъ Полуботокъ. Выбранный около 1682 г., еще при Самойловичѣ, въ полковники молодымъ человѣкомъ, которому не было и тридцати лѣтъ (род. 1654 г.), Апостолъ умѣлъ удержать за собою Миргородскій перначъ послѣдовательно въ продолженіи сорока четырехъ лѣтъ. Бывши однимъ изъ главныхъ сторонниковъ Мазепы, онъ пошелъ было за нимъ и къ Шведамъ; но скорѣе всѣхъ уразумѣлъ шаткость надеждъ стараго своего товарища, оставилъ его, вернулся къ царю и не только былъ прощенъ, но остался и на своемъ урядѣ. Никто такъ искусно не выпутался изъ Мазепинскаго дѣла, какъ Апостолъ, и изъ одного этого случая нельзя не видѣть у Апостола замѣчательной ловкости приноравливаться къ обстоятельствамъ и умѣть ими пользоваться. Только съ помощью этой

ловкости и можно было сохранять полковничій урядъ такъ долго, какъ это не удавалось ни одному изъ полковниковъ во все время существованія гетманщины. Кромѣ того, у Апостола было другое достоинство: онъ не имѣлъ враговъ, потому что никогда не преслѣдовалъ своихъ интересовъ въ явный вредъ другимъ. При Скоропадскомъ, правда, явились у него враги въ лицѣ гетманши и брата ея Лубенскаго полковника, Андрея Марковича; но нельзя было и перенести той обиды, которую сдѣлала Настасья Марковна зятю Апостола, Андрею Горленку, отнявъ у него посредствомъ разныхъ канцелярскихъ ухищреній всѣ маетности [51]). Но Марковичи были на столько непопулярны въ Малороссіи, что вражда съ ними только усиливала популярность Апостола.

Когда умеръ Скоропадскій, главнымъ претендентомъ на булаву явился Полуботокъ, а не Апостолъ, только вслѣдствіе личныхъ отношеній того и другаго къ семьѣ умершаго гетмана. Полуботокъ былъ тестемъ любимаго племянника гетманши,—Якова Марковича, и по одному этому обстоятельству становился въ отношенія очень близкія къ Скоропадскому. Апостолъ былъ открытый врагъ гетманши. Выдвинутъ же былъ Полуботокъ на первое мѣсто послѣ смерти Скоропадскаго не общественнымъ мнѣніемъ, а вліяніемъ его сватьи—Настасьи Марковны. Самъ Скоропадскій предпочтеніе отдавалъ Апостолу, уже за одну его многовременную войсковую службу. Уѣзжая въ началѣ 1722 года въ Москву на неопредѣленное время, Скоропадскій хотѣлъ на время своего отсутствія передать свой урядъ Апостолу; но сей послѣдній отказался мѣшаться въ тѣ дѣла, гдѣ первенствовала Настасья Марковна, и только послѣ отказа Апостола гетманскій урядъ былъ порученъ Полуботку [52]). Умирая Скоропадскій, какъ говорятъ, «правленіе дѣлъ» поручилъ Полуботку; если свидѣтельство это, исходящее главнымъ образомъ отъ Полуботка же, и вѣрно, то естественно, что Настасья Марковна тутъ была главнымъ рѣшителемъ вопроса, въ чьи руки будетъ отдана судьба семьи умершаго гетмана. Притомъ же и Апостолъ въ это время былъ далеко отъ Малороссіи: лѣтомъ 1722 г., Апостолъ былъ вмѣстѣ съ царемъ, въ Персидскомъ походѣ. Тутъ онъ узналъ и о смерти Скоропадскаго. Въ Ноябрѣ Апостолъ былъ отпущенъ съ своимъ отрядомъ домой, съ тѣмъ, чтобъ весною привелъ новый отрядъ казаковъ въ Астрахань, послѣ чего царь обѣщалъ ему отпускъ [53]). Вернулся Апостолъ домой только къ Рождеству. Увѣдомляя Полуботка о приготовленіи новаго, десятитысячнаго отряда на весну, Миргородскій полковникъ, между прочимъ, совѣтовалъ пополнить этотъ отрядъ преимущественно компанейцами и сердюками, для которыхъ,

---

[51]) См. Русск. Арх. 1875 г., II, 255.

[52]) Выѣхавъ изъ Глухова 3 Января, Скоропадскій только изъ Сѣвска 5 Января написалъ Полуботку „листъ съ порученіемъ команды надъ всею Украйною, въ небытности панской, понеже п. полковникъ Миргородскій въ томъ отмовился и не хотѣлъ оной приняти“ Діаріушъ Ханенка въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1858 г.

[53]) Записки Марков. I, 9.

какъ бездомныхъ, походъ былъ гораздо легче, чѣмъ для регистровыхъ, которые много несли убытковъ, покидая свои хозяйства на лѣтнее время. Полуботокъ отвѣчалъ Апостолу 12 Января, «виншуючи (поздравляя) его съ возвращеніемъ изъ похода, такожъ съ благодатію новорожденнаго Христа и новозачатымъ годомъ»; при этомъ Полуботокъ послалъ Апостолу копію грамоты, полученной въ отвѣтъ на просьбу объ избраніи гетмана и увѣдомлялъ о намѣреніи «генеральной старшины» послать новую челобитную чрезъ выборныхъ отъ всѣхъ полковъ, съ ходатайствомъ о томъ же, «для чего прошено п. Миргородскаго, чтобы до резиденціи гетманской изволилъ пріѣхать для совѣту и выправы выборныхъ особъ въ Москву». Относительно предложенія о замѣнѣ для похода регистровыхъ компанейцами, Полуботокъ извѣщалъ Апостола «цѣдулою», что Вельяминовъ «весьма не соизволяетъ выправить въ походъ компанейцовъ и сердюковъ; однакожъ онъ, Полуботокъ, вмѣстѣ съ старшиною генеральною, приказалъ и тѣмъ, и другимъ, «быть къ походу въ поготовности». Изъ этого отвѣта видно, что Полуботокъ относился къ Апостолу съ полнымъ вниманіемъ и предупредительностью.

Въ Глуховъ Апостолъ не поѣхалъ, потому что не хотѣлъ помогать Полуботку: онъ самъ искалъ булавы и не зналъ только, какъ сдѣлать первые шаги въ своемъ исканіи. А между тѣмъ 18 Февраля полученъ былъ уже царскій указъ, чтобъ отрядъ, который долженъ былъ вести Апостолъ въ Астрахань, выходилъ «зимнимъ путемъ». Передъ выходомъ въ походъ, въ Мартѣ Апостолъ рѣшилъ обратиться непосредственно къ Петру и просить не о разрѣшеніи выбора новаго гетмана, а о пожалованіи гетманомъ его, Апостола. Царю было написано такое письмо: «Вашему императорскому величеству небезъизвѣстно есть, что я службу вашему императорскому величеству производжу яко полковникъ тому уже больше сорока лѣтъ безъ всякаго порока, чего ради, видя ваше императорское величество мою вѣрную службу, многажды отъ вашего величества милостивымъ словомъ призрѣнъ былъ; а понеже нынѣ въ Малороссіи гетмана не обрѣтается, а старѣе меня изъ Малороссійскихъ полковниковъ никого нѣтъ, да повелитъ ваше державство меня нижайшаго вашего раба пожаловать за мою вѣрную службу въ Малороссіи гетманомъ на мѣсто умершаго гетмана Скоропадскаго, за которую вашего императорскаго величества высочайшую милость долженъ всегда на службѣ вашего императорскаго величества кровь свою проливать». Изъ этой просьбы Апостола видно, что онъ понималъ намѣреніе Петра—уничтожить «вольное избраніе». Отославъ письмо въ Москву, такъ что Полуботокъ ничего объ этомъ и не зналъ, Апостолъ поспѣшилъ въ Астраханскій походъ. Изъ похода Апостолъ вернулся въ началѣ Іюня, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ Полуботка въ Петербургъ; отъ Полуботка прислана была Апостолу, какъ мы видѣли уже, копія изготовленной челобитной, съ приглашеніемъ составить такую же и отъ Миргородскаго полка. Въ челобитной главнымъ образомъ просили объ отмѣнѣ вновь установленныхъ сборовъ и объ уменьшеніи «консистентовъ»; о выборѣ гетмана уже не упоминалось. Апостолъ

не отказался отъ присоединенія къ такой челобитной, но прежде пожелалъ познакомиться съ «статьями» Хмельницкаго, чтобы знать, насколько новые сборы согласовались съ Переяславскимъ договоромъ 1654 г. Въ «журналѣ» находимъ слѣдующія двѣ отмѣтки, одна, 21 Іюня: «по желанію его м. п. полковника Миргородскаго, послана къ нему копія статей Богдана Хмельницкаго»; а другая 30 Іюня: «объявлено листомъ до п. полковника Миргородскаго, что присланная отъ всего полка Миргородскаго челобитная, съ копіями монаршихъ грамотъ, и листъ, писанный до полковника Черниговскаго, приняты, и тое все послано будетъ въ Петербургъ до належныхъ рукъ». Челобитная Апостола послана была къ Полуботку, повидимому, чрезъ Быковскаго, 18 Іюля.

Въ половинѣ Августа, 1723 года Апостолъ выступилъ въ походъ къ Буцкому Броду. Полки должны были собраться сначала на рѣчкѣ Коломакѣ [54]) Полтавскаго уѣзда, гдѣ князь Голицынъ предварительно хотѣлъ имъ сдѣлать смотръ. Въ концѣ Августа, какъ мы видѣли уже, у Коломака собрались всѣ полковники и полковая старшина, хотя нѣкоторые полки еще и не подошли туда. Апостолъ хотѣлъ воспользоваться этимъ собраніемъ старшины, чтобы написать здѣсь ту общую челобитную отъ всего войска, которой не успѣлъ изготовить Полуботокъ. Марковичъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что Апостолъ 3 Сентября «присылалъ къ Нѣжинскому полковнику (Толстому) листъ отъ старшины генеральной и двѣ суплики для подписи о избраніи гетмана и объ отставкѣ сборовъ». Подъ упоминаемымъ листомъ разумѣется конечно то письмо, которое Полуботокъ писалъ Апостолу наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, при посылкѣ копіи челобитной. А «двѣ суплики» явились, должно быть, по мысли самого Апостола; одна заключала просьбу объ отмѣнѣ сборовъ, по образцу Полуботковой, но съ передѣлками, добавленными Миргородскимъ полковникомъ послѣ того какъ онъ перечиталъ Переяславскій договоръ [55]). Другая челобитная—объ избраніи гетмана составлена была Апостоломъ самостоятельно. Марковичъ [56]) разсказываетъ, что 5 Сентября, по зову Апостола, «онъ ѣздилъ къ нему со всею старшиною (Лубенскаго полковника), и подписался

---

[54]) Соловьевъ, XVIII, 231.

[55]) Объ этихъ передѣлкахъ упоминаетъ и указъ 8 Февраля 1725 г., гдѣ говорится, что Апостолъ, „будучи въ полкахъ на Коломакѣ, въ челобитной, присланной къ нему отъ старшины, много переправилъ и нѣкоторые пункты прибавилъ и, приложа самъ руку, другихъ полковниковъ и полковую старшину прикладывать заставливалъ“. Полн. Собр. Зак. VII, № 4651.

[56]) Записки Як. Марковича. Мы пользовались подлинникомъ этихъ Записокъ, хранящихся у правнука ихъ автора—Парм. Андр. Марковича, въ с. Сварковѣ Глуховск. уѣзда. Изъ подлинника видно, что Коломацкія челобитныя подписывались въ Сентябрѣ, а не въ Августѣ, какъ показано по ошибкѣ въ печатныхъ Запискахъ. Замѣтимъ кстати, что Записки Якова Марковича изданы въ сокращенномъ видѣ; въ подлинникѣ мы нашли очень много интересныхъ мѣстъ, не попавшихъ въ печать. Жаль будетъ, если Записки не дождутся полнаго ихъ изданія.

на суплѣкѣ»; но подписавшись, говорилъ о нѣкоторыхъ терминахъ, что оные досадны кажутся, вмѣсто протесту. «На другой день, прибавляетъ Марковичъ, писарь полковой Савицкій приносилъ ко мнѣ другую суплѣку, до п. Миргородскаго писанную и подписанную отъ старшины, на которой я не подписался». Эти неполныя указанія даютъ возможность догадываться, что въ челобитной объ отмѣнѣ сборовъ помѣщены были «досадные термины», заключавшіеся вѣроятно въ ссылкѣ на Переяславскій договоръ и что въ другой челобитной говорилось—объ избраніи гетмана. Послѣдняя челобитная (если ее привозилъ Савицкій 6 Сентября) показалась Марковичу настолько неумѣстною, что онъ не рѣшился ее и подписывать, вѣроятно въ виду указа 23 Іюня, въ которомъ было сказано, что новыми просьбами о выборѣ гетмана «докучать не надлежитъ». Авторъ «Дневныхъ Записокъ» былъ человѣкъ очень осторожный и съ Вельяминовымъ уживался какъ нельзя лучше. Обѣ челобитныя остались у Апостола до возвращенія его изъ похода. Вернувшись въ концѣ Сентября домой, Апостолъ отослалъ челобитныя въ Глуховъ. Для отправки ихъ къ царю, Жураковскій выбралъ двухъ сотниковъ (такъ говорено было и на Коломакѣ)—Новгородсѣверскаго Семена Галецкаго и Сенчанскаго Кирилла Криштофенка. Но въ это время Вельяминовъ вѣроятно имѣлъ уже приказъ не пускать больше посланцевъ въ Петербургъ, потому что, узнавъ о предположенной посылкѣ Галецкаго и Криштофенка, онъ немедленно ихъ арестовалъ. Въ «журналѣ» 9 Октября отмѣчено: «Отправлена промеморія въ Малороссійскую Коллегію съ требованіемъ извѣстія, для чего удержаны въ оной Коллегіи за арештомъ сотники Галецкій и Криштофенко, которые предназначены для отправки къ императорскому величеству отъ всего войска челобитной и для чего запрещено Глуховскому атаману дать этимъ лицамъ подводы». Разумѣется, отвѣта на этотъ запросъ получено не было. Жураковскій поставленъ былъ въ большое затрудненіе, изъ котораго вышелъ тѣмъ, что рѣшилъ послать челобитныя помимо вѣдома Вельяминова. Въ журналѣ 21 Октября читаемъ: «войсковой канцеляристъ Иванъ Романовичъ отправленъ Октоврія 20 въ С.-Петербургъ, до его импер. величества въ высокоправительствующій Сенатъ съ грамотами [57])».

Челобитныя, повезенныя Романовичемъ, рѣшили судьбу Полуботка.

---

[57]) Листъ, на которомъ записана эта замѣтка, писанъ другимъ почеркомъ, чѣмъ смежные съ нимъ листы и вклеенъ въ рукопись на мѣсто другаго, на которомъ отмѣтка о посылкѣ Романовича записана была вѣроятно съ бо́льшими подробностями, т. е. съ обозначеніемъ содержанія „грамотъ", какъ это дѣлалось при отмѣткахъ о другихъ посылкахъ въ Петербургъ. Но затѣмъ Жураковскій вѣроятно счелъ нужнымъ скрыть содержаніе челобитныхъ, посланныхъ чрезъ Романовича, и прежній листъ былъ замѣненъ новымъ, на которомъ отмѣтка о посылкѣ Романовича написана болѣе крупнымъ письмомъ чѣмъ остальной текстъ, для того чтобы не оставалось пробѣла. Новый листъ вѣроятно былъ вклеенъ, когда получена была вѣсть о пріѣздѣ въ Малороссію Румянцова.

XIII.

Пребываніе Полуботка въ Петербургѣ. Добавленіе, сдѣланное Полуботкомъ въ привезенной имъ челобитной объ уничтоженіи Малороссійской Коллегіи. Гнѣвъ царя. Посылка Румянцова въ Малороссію для слѣдствія о томъ, какъ составлена челобитная, поданная Полуботкомъ. Допросъ Полуботка по жалобамъ, поданнымъ Вельяминовымъ.

Выѣхавъ изъ Глухова 13 Іюня, Полуботокъ съ товарищами доѣхалъ въ Петербургъ нескоро: онъ останавливался въ Москвѣ вѣроятно съ цѣлью развѣдать о причинахъ своего вызова. Повидавшись здѣсь съ разными своими «патронами», Полуботокъ въ половинѣ Іюля увѣдомлялъ Жураковскаго «о доброй акцептаціи въ день ангела импер. величества, оказанной ему съ товарищами отъ высокихъ лицъ». Въ Москвѣ Полуботокъ оставался недѣли двѣ, потому что въ Петербургъ пріѣхалъ 3 Августа. Государю старшины представились 6 Августа на островѣ Котлинѣ. Представленіе обошлось повидимому благополучно, такъ какъ затѣмъ Черниговскій полковникъ «визитовалъ» разныхъ вельможъ, и послѣдніе принимали его привѣтливо [58]). Изъ этого перваго пріема можно заключить, что первоначальною цѣлью вызова Полуботка и двухъ его товарищей въ Петербургъ было—лишь временное удаленіе ихъ изъ Глухова, чтобы они своимъ противодѣйствіемъ не помѣшали Вельяминову привести въ исполненіе указъ 16 Апрѣля. Никакихъ запросовъ, никакихъ объясненій отъ Полуботка въ Петербургѣ не требовали, пока онъ самъ не подалъ къ тому повода новою своею челобитною, въ которой шелъ дальше прежнихъ своихъ исканій. Въ этомъ случаѣ Полуботокъ дѣйствовалъ не соображаясь съ обстоятельствами, имѣя въ виду добиться во что бы то ни стало возстановленія отнятыхъ у старшины привиллегій. Изъ всего хода дѣлъ за первое полугодіе 1723 г., т. е. за то время, когда Петръ вернулся изъ Персидскаго похода, нельзя было не убѣдиться, что царь задумалъ уничтожить обособленіе Малороссіи, выставляя главною причиною этого уничтоженія—угнетеніе народа старшиною. Между тѣмъ Полуботокъ слалъ царю одну челобитную за другою и слалъ ихъ въ то время, когда главные вопросы его домогательствъ категорически были уже разрѣшены въ указѣ 16 Апрѣля, заключавшемъ въ себѣ отвѣты на всѣ просьбы Полуботока, кромѣ вопроса объ избраніи гетмана. Затѣмъ и этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ указомъ 23 Іюня. Въ Апрѣльскомъ указѣ опредѣлены были отношенія Коллегіи къ мѣстной администраціи и сказано было—какіе налоги должны остаться и не могутъ быть отмѣнены; во второмъ указѣ данъ былъ положительный отвѣтъ на просьбы о выборѣ гетмана, что до пріисканія царемъ на это мѣсто вѣрнаго человѣка «докучать о семъ дѣлѣ не надле-

[58]) Костомаровъ. Русск. Старина 1876, I, 509.

житъ». Но и въ виду такихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, данныхъ царемъ, твердость характера котораго Полуботку хорошо была извѣстна, онъ все еще мечталъ, что «давнины» вернуть можно, если только царь повѣритъ, что возвращенія ихъ желаетъ вмѣстѣ съ старшиною и народъ. Но отношенія народа къ старшинѣ царю хорошо были извѣстны уже по однимъ докладамъ Вельяминова, и на этихъ отношеніяхъ царь главнымъ образомъ и строилъ свою реформу гетманщины. Привезя съ собою новую челобитную объ отмѣнѣ налоговъ, Полуботокъ не сразу ее подалъ; онъ поджидалъ дополненій къ ней изъ Малороссіи (напр. отъ Миргородскаго полка) и осматривался, какъ его примутъ и что̀ станутъ говорить. Видя, что приняли его вовсе не сурово, что никакихъ запросовъ по жалобамъ Вельяминова ему еще не дѣлаютъ, Полуботокъ ободрился и нашелъ возможнымъ къ ходатайству объ отмѣнѣ налоговъ прибавить новое о томъ, чтобы «вмѣсто Малороссійской Коллегіи учинить генеральный судъ въ седьми персонахъ». Сдѣлать эту прибавку въ привезенной челобитной было нетрудно, такъ какъ предусмотрительный Полуботокъ привезъ съ собою кромѣ челобитной еще и «бланкетъ», на которомъ находились однѣ подписи старшины и въ которой можно было вписать челобитную въ измѣненномъ видѣ. Въ такой бланкетъ и было вписано новое ходатайство о томъ, чтобы Коллегіи не быть, а вмѣсто ея учредить семичленный генеральный судъ. Свѣдѣнія о такомъ дополненіи челобитной изложены въ указѣ 8 Февраля 1725 г., по словамъ котораго Полуботокъ, Чернышъ и Савичъ въ допросахъ своихъ сказали, что «первая челобитная была у нихъ написана въ Глуховѣ Малороссійскимъ письмомъ, къ которой и руки приложены были, а на бланкетѣ руки прикладывали будто для того, чтобъ ту челобитную переписать Великороссійскимъ письмомъ; что на этомъ бланкетѣ они и переписали челобитную въ Петербургѣ, Великороссійскимъ письмомъ, при чемъ сами добавили, чтобъ вмѣсто Коллегіи учинить судъ генеральный, безъ вѣдома Малороссійскаго народа». Челобитная въ новомъ видѣ, съ помощью «бланкета» [59]), изготовлена была въ двухъ спискахъ, которые и поданы были Полуботкомъ, по свидѣтельству современника, 13 Сентября; одну челобитную подали—«въ Иностранную Коллегію, съ прошеніемъ милости, отъ всей Украины, объ оставленіи (отмѣнѣ) сборовъ, о ненарушимомъ содержаніи судовъ, правъ и вольностей казацкихъ, грамотами отъ царя Алексѣя Михайловича за гетмана Хмельницкаго утвержденныхъ и отъ самого же его импер. величества при поставленіи на гетманство Скоропадскаго конфирмованныхъ». Въ Сенатъ подана была другая, такая же, но съ особыми пунктами: о доходахъ гетманскихъ, съ чего собирались и куда расходились, о платѣ войску комонному (компанейцамъ) и пѣхотному (сердюкамъ), о канцеляріи, о слугахъ войсковыхъ и полковыхъ, т. е. трембачахъ и арматахъ, о

59) Мы видѣли уже, что и Лизогубъ, отправляясь къ Голицыну, для представленія ему „меморіала о нуждахъ“, снабженъ былъ такими „бланкетами“, которые, значитъ, вообще практиковались въ генеральной канцеляріи.

полковыхъ канцеляріяхъ, о покуховномъ (налогѣ), о станціи войска драгунскаго, какъ много коштуетъ (стоитъ) и о прочихъ всѣхъ нуждахъ [60])».

На этотъ разъ подача челобитныхъ не на шутку разсердила Петра Великаго: онъ не предполагалъ такой настойчивости со стороны Полуботка послѣ того, когда вызовомъ его въ Петербургъ достаточно ясно было показано Черниговскому полковнику, что правительство неодобрительно смотритъ на его противодѣйствія введенію новыхъ порядковъ въ Малороссіи. Гнѣвъ царя былъ тѣмъ сильнѣе, что Малороссійская старшина осмѣлилась заявить совсѣмъ новое требованіе—объ уничтоженіи того учрежденія, безъ котораго было немыслимо введеніе въ Малороссіи новыхъ порядковъ, задуманныхъ Петромъ. Ко всему этому прибавлялось заявленіе, что челобитная подается отъ имени «всей Украйны», т. е. отъ всего народа. Петръ Великій былъ достаточно знакомъ съ внутреннимъ бытомъ гетманщины, чтобъ не понять, что старшина при этомъ злоупотребляетъ именемъ народа. Поэтому вслѣдъ за подачею челобитной 13 Сентября, Петръ Великій нарядилъ бригадира Румянцова—произвести на мѣстѣ, въ Малороссіи, слѣдствіе о томъ, насколько народъ дѣйствительно участвовалъ въ этой челобитной. Такъ разсказываетъ тотъ же современникъ, продолжатель Черниговской лѣтописи, какъ видно, близко знакомый съ исторіей Полуботка: «а послѣ поданя оныхъ челобитныхъ, наряженъ и посланъ тогожъ-часу на Украйну гвардіи-майоръ А. И. Румянцовъ, для спросу старшины и черни Малороссійской о тѣхъ челобитныхъ—всѣ ли о томъ вѣдаютъ и просятъ; и уже съ того часа видѣли быть монарху загнѣваннаго». Не ограничиваясь этимъ распоряженіемъ, разгнѣванный Петръ приказалъ произвести допросъ Полуботку и его двумъ товарищамъ, по тѣмъ пунктамъ, которые представлены были царю Вельяминовымъ весною, въ доказательство противодѣйствія со стороны Полуботка распоряженіямъ Коллегіи. Подробности этого слѣдствія недавно извлечены изъ Государственнаго Архива г. Костомаровымъ и помѣщены въ его статьѣ о Полуботкѣ [61]). Изъ нихъ видно, что Вельяминовъ, жалуясь царю на противодѣйствіе со стороны старшины распоряженіямъ Коллегіи, указалъ нѣсколько случаевъ злоупотребленій властью со стороны Полуботка и его товарищей. Но никакого обвиненія по этимъ отдѣльнымъ случаямъ нельзя было произнести уже потому, что не было никакой возможности ихъ обслѣдовать. Вельяминовъ обвинялъ Полуботка напр. въ устройствѣ какого-то своего суда, кромѣ генеральнаго. Обвиняемыхъ спрашивали: были ли такіе суды при прежнихъ гетманахъ? Обвиняемые отвѣчали, что были. Поэтому слѣдствіе это, возникшее вслѣдствіе случайнаго гнѣва за подачу челобитныхъ 13 Сентября, ника-

---

[60]) Свѣдѣніе это помѣщено въ имѣющемся у насъ спискѣ Черниговской лѣтописи. Списокъ этотъ гораздо исправнѣе и полнѣе напечатаннаго г. Бѣлозерскимъ (Кіевъ 1856); оканчивается онъ 1725 годомъ, извѣстіемъ о смерти въ Петербургѣ Савича и Кирнича.

[61]) Русск. Стар. 1876 г., I.

кихъ результатовъ и не имѣло; оно такъ и кончилось ничѣмъ. Въ тоже время и вспыхнувшій гнѣвъ Петра какъ будто стихалъ; по крайней мѣрѣ, наряженный для слѣдствія, Румянцовъ въ Малороссію не спѣшилъ.

XIV.

Полуботокъ предупреждаетъ Жураковскаго съ Лизогубомъ и свою семью о пріѣздѣ Румянцова и наставляетъ, что̀ слѣдуетъ сдѣлать въ виду этого пріѣзда.

Поѣздки Румянцова Полуботокъ боялся больше, чѣмъ допросовъ по жалобамъ Вельяминова, такъ какъ онъ успѣлъ добыть отъ сенатскихъ подъячихъ копію инструкціи, данной Румянцову, въ которой между прочимъ находились такіе вопросы: о челобитной, которая отъ старшины подана, вѣдаютъ ли старшина и казаки? какія начинены обиды отъ старшины казакамъ въ отнятіи земель и мельницъ? [62]) Полуботокъ зналъ, что если произведено будетъ на мѣстѣ обстоятельное слѣдствіе о дѣйствительномъ участіи «старшины и черни» въ составленіи челобитной, то окажется, что чернь вовсе не вѣдала никакихъ челобитныхъ, а изъ старшины громадное большинство ничего не знало о включеніи въ послѣднюю челобитную ходатайства объ уничтоженіи Коллегіи. Да кромѣ того, Полуботокъ хорошо зналъ и то, что какъ только явится въ Малороссію царскій чиновникъ для слѣдствія, то ему непремѣнно будутъ поданы отъ народа жалобы на насилія той самой старшины, которой интересы такъ горячо отстаивали челобитныя. Обо всемъ этомъ нужно было предупредить близкихъ людей, оставшихся въ Малороссіи, чтобы не дать возможности царскому чиновнику собрать улики въ тѣхъ насиліяхъ, которыми старшина разоряла народъ и въ защиту отъ которыхъ народа, между прочимъ, и установлена была, по объясненію царя, Малороссійская Коллегія. О мѣрахъ, принятыхъ вслѣдствіе этихъ опасеній Полуботкомъ, находимъ свѣдѣнія въ указѣ 8 Февраля 1725 г.; изъ нихъ видно, что сначала послано было къ Жураковскому и Лизогубу письмо чрезъ слугу Савича-Рублевскаго, съ увѣдомленіемъ о посылкѣ Румянцова и наставленіемъ, «чтобъ они внушили народу, ежели придетъ до приватнаго или до публичнаго вопросу, чтобъ всѣ единогласно говорили такъ, какъ въ челобитной написано, для чего и копію съ той челобитной къ нимъ послали». Болѣе подробное наставленіе, что̀ дѣлать въ виду пріѣзда Румянцова, было изложено въ особой «меморіи», которую долженъ былъ отвезти въ Малороссію Быковскій, присланный въ Петербургъ

---

[62]) Соловьевъ, XVIII, 234.

съ Іюльскою челобитною. Въ этой меморіи, составленной Николаемъ Ханенкомъ, между прочимъ было написано, «что полковника Кіевскаго (Антона Танскаго) предостеречь, дабы какъ возможно примирился съ сотникомъ Кобыжскимъ Мандрикою [63]), чтобъ подъ часъ розыску не было челобитья на него, которое не только ему, но и всей старшинѣ повредитъ; также и другимъ полковникамъ, цѣлымъ и наказнымъ, а особливо Якову Марковичу—дать знать, чтобъ обидимыхъ наградили для своей пользы. А о составной челобитной, поданной 13 Сентября, которую они (Полуботокъ съ товарищами) подали—подписавшимся персонамъ и другой старшинѣ внушить, а лучше и копіи однимъ только подписавшимся дать, чтобы силу въ ней изображенную добрѣ выразумѣли и утвердили, будто на такой властной челобитной они подписались, въ чемъ бы согласовали атамановъ, чернь и посполство, и чтобъ въ семъ отчизнѣ ихъ противномъ или счастливомъ случаѣ поработать».

XV.

Романовичъ привозитъ Коломацкія челобитныя и подаетъ ихъ царю. — Арестъ Полуботка и его товарищей.—Распоряженія Журавовскаго съ Лизогубомъ, въ ожиданіи Румянцова.—Пріѣздъ Румянцова въ Глуховъ и разъѣзды его по Малороссіи.—Результаты Румянцовскаго слѣдствія.—Смерть Полуботка.—Историческое его значеніе.

Пока Полуботокъ снаряжалъ Быковскаго въ Малороссію, оттуда прибылъ Романовичъ и привезъ съ собою новыя—Коломацкія челобитныя. Романовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 10 Ноября, въ Воскресенье, и въ тотъ же день подалъ челобитныя непосредственно царю. Въ Черниговской лѣтописи представленіе царю челобитныхъ описано подробно: «И когда челобитныя канцеляристъ Романовичъ подалъ до рукъ самому императорскому величеству, выходившему изъ церкви св. Троицы по службѣ Божой (послѣ обѣдни), такъ сейчасъ въ кофейный домъ войдя и вычитавши тамъ челобитныя, императоръ вышелъ изъ того дома и въ тотъ же моментъ изволилъ приказать своими устами генералъ-майору А. И. Ушакову, съ великимъ гнѣвомъ и яростью, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судью Ивана Черныша, писаря Семена Савича, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ кто съ ними тамъ былъ (кто-зъ ими ассистовалъ), отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши свое-

---

63) Дѣло шло о томъ, что Танской самовольно смѣстилъ Кобыжскаго сотника Мандрыку и не хотѣлъ возвратить ему сотничьяго уряда, не смотря на настояніе Полуботка.

ручно сабли, тотъ же генералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ препроводить въ каменный замокъ Петербурзскій» [64]).

Подача Коломацкихъ челобитныхъ истощила терпѣніе Петра Великаго, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключались и «досадные термины», и просьба о гетманѣ, о которомъ запрещено было просить. Мы не знаемъ, извѣстно ли было содержаніе Коломацкихъ челобитныхъ Полуботку; но какъ бы то ни было, начало положено было Черниговскимъ полковникомъ, онъ долженъ былъ и отвѣчать. Вслѣдъ за арестомъ челобитчиковъ Румянцовъ долженъ былъ выѣхать въ Малороссію для производства слѣдствія. Гнѣвъ Петра не могъ уже потухнуть: при арестѣ имущества Полуботка и товарищей его [65]), въ ихъ бумагахъ найдена была черновая меморія, приготовленная Ханенкомъ для Быковскаго, изъ которой царь убѣдился, что старшина обманывала правительство, предстательствуя о личныхъ своихъ нуждахъ именемъ того народа, насилія свои надъ которымъ тутъ же сама выявляла. Румянцову данъ былъ приказъ забрать бумаги арестованной старшины и на мѣстѣ, въ Малороссіи. Но прежде чѣмъ слѣдователь выѣхалъ туда, Полуботокъ, по видимому, успѣлъ его предупредить, передавъ на Украину содержаніе Ханенковской «меморіи», изустно, чрезъ слугу своего Поляка, Николая Лаговича. Въ указѣ 8 Февраля говорится, что не успѣвъ послать въ Малороссію Быковскаго съ меморіей, Полуботокъ съ товарищами «того ради еще замыслили въ тоже время какъ бригадиръ Румянцовъ на Украину отправлялся, послать отъ себя въ Малую Россію Полуботкова человѣка, Лаговича, которому написавъ меморію, заставили честь и твердить, дабы могъ, пріѣдучи въ Малороссію, оставшимъ старшинамъ сказать словесно, чтобъ полковники предложили полковой старшинѣ и сотникамъ, дабы они обидимымъ награжденіе чинили, чтобъ обидимые предъ Румянцовымъ на нихъ, старшину, въ обидахъ не жаловались, такожъ и въ домахъ своихъ приказывали сказать, чтобы они обидимымъ учинили такое же награжденіе. И какъ онъ, Лаговичъ, по ихъ приказу, ту меморію наизустъ вытвердилъ, тогда оную они старшина велѣли ему Лаговичу изодрать». Предосторожности эти были необходимы лишь въ то время, когда Полуботокъ былъ уже въ крѣпости; до того—меморія могла быть отдана и на письмѣ. Сообщеніе съ Лаговичемъ могло быть и изъ крѣпости, такъ какъ

[64]) Точно очевидецъ записалъ. Таже лѣтопись, говоритъ, что при этомъ, кромѣ Полуботка, Черныша и Савича были арестованы: извѣстные уже намъ Григорій Грабянка, Иванъ Кирничъ, Петръ Корецкій, Дмитрій Володьковскій, Николай Ханенко, Василій Быковскій и неизвѣстные мелкіе урядники: Степанъ Носовичъ, Иванъ Римша и Осипъ Гавриловъ. Романовичъ былъ также арестованъ. Ср. Соловьевъ XVIII, 235 и Костомаровъ, 515.

[65]) „А слугъ всѣхъ на господѣ (на квартирахъ) гдѣ стояли подъ караулъ побрано и всѣ пожитки, у кого що было, сукнѣ (одежду) и деньги отобрано, попечатано и на Шафѣровъ дворъ препровожено“. Черн. Лѣтопись. Есть извѣстіе современника, что у Полуботка при этомъ арестовано было 4000 червонцевъ. Сборн. Русск. Истор. Общ. III, 395.

матеріальныя средства у старшины были большія; при томъ, заключеніе было одиночное только на первыхъ дняхъ. Черниговская лѣтопись говоритъ, что при арестѣ «съ первого часу порознь были посажены; потомъ по четыре человѣка случены, а далѣе чрезъ нѣсколько недѣль по одному снова разведены». Какъ бы то ни было, но семья Полуботка была предупреждена, такъ какъ бумаги арестованнаго полковника въ Черниговѣ были сожжены до пріѣзда Румянцова. (Соловьевъ XVIII, 238).

Предупреждены были о посылкѣ Румянцова, какъ мы видѣли, и Жураковскій съ Лизогубомъ. «Правители» всполошились и прежде всего разослали по городамъ «научительные пункты», какъ и что говорить Румянцову и чтобъ «обидимыхъ наградили для своей пользы». Полковая старшина тоже струхнула. Испугался самъ Галаганъ, стоявшій внѣ всякаго подозрѣнія относительно соучастія въ Полуботковскихъ челобитныхъ, но чувствовавшій за собою немало грѣховъ въ разныхъ «обидахъ». Смѣстивъ самовольно полковаго есаула Панченка, безъ всякой вины сего послѣдняго, еще при Скоропадскомъ, Галаганъ безнаказанно затѣмъ обижалъ его, запрещая пользоваться маетностями, данными отъ гетмана. Панченко жаловался много разъ Скоропадскому, но сей послѣдній былъ безсиленъ передъ Галаганомъ. Когда настала Коллегія, Панченко обратился за защитою къ Вельяминову, который и требовалъ объясненій изъ генеральной канцеляріи. Полуботокъ нѣсколько разъ вызывалъ Галагана на судъ съ Панченкомъ, въ Глуховъ; но Прилуцкій полковникъ считалъ униженіемъ слушать Черниговскаго полковника, хотя этотъ и грозилъ ему Коллегіей. Прослыхавъ же о пріѣздѣ Румянцова, Галаганъ поспѣшилъ въ Глуховъ и здѣсь, 31 Октября, составилъ съ Панченкомъ мировое прошеніе, которое ради его необычайности внесено было даже въ «журналъ» [66]). Самъ Жураковскій съ Ноября обнаружилъ крайнюю дѣятельность въ разсмотрѣніи жалобъ на всяческія насилія, спѣша, по совѣту Полуботка изъ Петербурга, на сколько возможно удовлетворить «обидимыхъ». Разсылая по этому поводу «листы» по полкамъ, Жураковскій очень часто напоминалъ старшинѣ и судьямъ, чтобы не обижали просителей «накладами», т. е. взятками [67]). А между тѣмъ Румянцовъ уже ѣхалъ въ

66) Въ мировомъ прошеніи между прочимъ было сказано: „будучи мы (Галаганъ и Панченко) отъ нѣсколькихъ лѣтъ въ спорѣ и желая оный окончить миромъ, постановили такія условія. Я, полковникъ Прилуцкій, хотя было въ томъ спорѣ и удалилъ п. Григорія Панченка, есаула моего полковаго, отъ его уряда, однакожъ, на основаніи данныхъ ему на тотъ рангъ гетманскихъ универсаловъ, обязываюсь возвратить ему, Панченку, тотъ чинъ есаульства и обѣщаю оказывать ему, какъ полковой особѣ, всякую охрану и уваженіе. Также обязываюсь предать забвенію всѣ тѣ укоризны, которыя сказаны были мнѣ въ томъ спорѣ Панченкомъ и мстить ему за то не буду“ и т. д.

67) Вотъ интересный примѣръ такихъ предостереженій. „13 Ноября писанъ листъ до наказнаго полковника Стародубскаго, жебы (чтобы) ослушнаго праву Косовича велѣлъ на армату (пушку) осадити, а жалобливаго (истца) Исака Костирченка, жителя и казака Колодезскаго, належите (надлежащимъ образомъ) уконтентовалъ, тилько жъ бы накладовъ жадныхъ (никакихъ) отъ обоихъ сторонъ не бралъ. Въ семъ же листѣ цѣдулою писано от-

Малороссію. Пріѣхалъ онъ въ Глуховъ 24 Ноября, утромъ и, по случаю имянинъ императрицы, прежде всего побывалъ въ церкви; потомъ отправился къ Скоропадской, куда приглашены были по этому случаю на обѣдъ «коллегіаты» и Жураковскій съ Лизогубомъ. Послѣ обѣда «гуляли довольно» [68]). Черезъ два дня, 26-го, Румянцовъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ тѣхъ же коллегіатовъ, Жураковскаго съ Лизогубомъ и другихъ Глуховскихъ чиновниковъ; женатые приглашены были вмѣстѣ съ женами. Послѣ обѣда играли въ карты. Румянцовъ былъ опытный человѣкъ и искусный слѣдователь; онъ явился въ Малороссію не грознымъ судьею, а привѣтливымъ царскимъ гвардейцемъ, умѣвшимъ расположить къ себѣ даже нелюдимое въ то время женское общество. Румянцовъ понималъ, что этимъ способомъ онъ скорѣе и лучше узнаетъ то, что̀ ему нужно. Помощниками онъ привезъ себѣ людей близкихъ: брата Никиту и зятя графа Матвѣева, которые ходили по гостямъ вмѣстѣ съ Румянцовымъ и вслушивались въ мѣстныя росказни. 3 Декабря зашли утромъ къ гетманшѣ и «выпивши чарокъ по десять водки», пошли обѣдать къ Кошелеву (члену Коллегіи); на другой день была «вечеринка» у Якова Марковича; были: Румянцовъ, Вельяминовъ и другіе и «долго просидѣли». Но чрезъ нѣсколько дней Румянцовъ долженъ былъ выявить свои слѣдовательскія обязанности: 11 Декабря, пришелъ въ генеральную канцелярію полковникъ Кошелевъ и забралъ тамъ двѣ «скриньки» (сундучки) канцеляриста Валькевича съ бумагами, а самъ Валькевичъ былъ арестованъ. Въ тотъ же день, сотники Галецкій и Криштофенко (черезъ которыхъ сначала предполагалось отправить Коломацкія челобитныя) повезены были въ Петербургъ, и поставлены были караулы въ дворахъ Семена Савича и Черниговскаго судьи Василія Томары. Съ 13 Декабря Румянцовъ началъ объѣздъ Малороссіи, отправившись прежде всего въ Стародубъ, гдѣ думалъ найти самую удобную почву для полученія нужныхъ свѣдѣній, такъ какъ Стародубцы давно уже заявляли желаніе имѣть полковника изъ Великороссіянъ. Сопровождалъ Румянцова въ его объѣздѣ подъѣхавшій изъ Петербурга Протасьевъ, который, будучи резидентомъ при Скоропадскомъ, болѣе или менѣе зналъ Малороссію и могъ сдѣлать слѣдователю полезныя указанія. Изъ Стародуба Румянцовъ проѣхалъ на Черниговъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Переяславъ и Прилуку. 10 Января онъ былъ въ Лохвицѣ, откуда направился въ Миргородъ и въ Полтаву. Изъ Полтавы ѣдучи въ Га-

---

вѣтно, въ осторожность, что за наклады сей справы (спорнаго дѣла) якобы накупилъ наперу и смолки (сургучу) а що осталось, тое будто жалобливому возвратилъ, то жебы тая смолка смолою до его не пристала, отъ которой и долго не отдерется". Накладами назывались собственно судебныя издержки, которыя судья опредѣлялъ по своему усмотрѣнію. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, наказный Стародубскій полковникъ оправдывался, что „наклады" употреблены на бумагу и сургучъ, а Жураковскій предупреждаетъ, что въ виду пріѣзда Румянцова, сургучъ можетъ такъ пристать къ полковнику, что онъ и не оторветъ его.

[68]) „Журналъ" и Марковичъ I, 31 и слѣд.

дячъ, Румянцовъ приглашенъ былъ па сватьбу: выходила замужъ за майора Еропкина вдова Марья Семеновна Бороховичъ, дочь Семена Савича, сидѣвшаго въ это время съ Полуботкомъ въ крѣпости. Въ Лубны Румянцовъ не заѣзжалъ, потому что тогдашній Лубенскій наказный Яковъ Марковичъ, для личныхъ своихъ удобствъ, полковое правленіе устроилъ въ Ромнѣ, въ домѣ отца. Ромномъ Румянцовъ окончилъ свой объѣздъ. Пріѣхалъ онъ въ Ромепъ 1 Февраля, гдѣ предупредительный наказный полковникъ встрѣтилъ его пушечными выстрѣлами. Пробывъ въ Ромнѣ четверо сутокъ, по утрамъ производя слѣдствіе, а по вечерамъ играя въ карты, Румянцовъ отсюда вернулся въ Глуховъ. Объѣзжая полковые города, Румянцовъ предварительно посылалъ приказъ собрать въ городъ всю полковую старшину и по нѣскольку десятковъ рядовыхъ казаковъ отъ всякой сотни и затѣмъ опрашивалъ всѣхъ, преимущественно объ участии въ челобитной, поданной Полуботкомъ 13 Сентября. Негласные распросы въ отвѣтъ на полученную отъ царя инструкцію шли своимъ чередомъ. Получивъ полномочіе отъ Петра В. замѣнять подозрительную старшину новою, Румянцовъ поставилъ по своему выбору двухъ наказныхъ полковниковъ: въ Переяславѣ—Барышпольскаго сотника Степана Афендика, вмѣсто Лукаша, и въ Полтавѣ—Савву Тарануху, вмѣсто Буцкаго [69]). Въ Гадячь на мѣсто сидѣвшаго въ крѣпости Грабянки, судьею назначилъ Штишевскаго. Все это были люди пришлые (Афендикъ былъ «Волохъ», а Тарануха и Штишевскій—Запорожцы) и потому представлялись Румянцову болѣе надежными чѣмъ мѣстные люди, связанные между собою родствомъ и кумовствомъ. По дорогѣ Румяцову подано было множество всяческихъ жалобъ на насилія старшины и державцевъ, на медленность судовъ, на неправильное расквартированіе Великорусскаго войска; разобрать всѣ эти жалобы Румянцовъ конечно не могъ, а между тѣмъ, нужно было дать какой нибудь отвѣтъ жалобщикамъ, которые смотрѣли на бригадира, какъ на посланника царской правды. Румянцовъ распорядился въ каждый полкъ назначить по два чиновника, одного изъ офицеровъ Глуховскаго гарнизона, а другаго—изъ бунчуковыхъ товарищей, которымъ и поручено было

---

[69]) Назначая Афендика наказнымъ въ Переяславскій полкъ, Румянцовъ далъ ему при этомъ слѣдующій указъ: „Г. сотникъ Барышпольскій Афендикъ. По именному его имп. величества указу, вѣдать тебѣ сей Переяславскій полкъ до указу, за полковника и будучи въ ономъ урядѣ, со всею старшиною и со всѣмъ посполитствомъ своего полку имѣть доброе снисходителъство и управлять всѣ дѣла какъ въ началѣ (начальствѣ) по е. и. в. указамъ, такъ и суды полковые, какъ вѣрному и доброму подданному е. и. в. человѣку надлежитъ, не такъ какъ прежде было, что для своихъ прихотей или смотря на лицо, что бѣдный на богатаго никакого суда не найдетъ, но по самой христіанской совѣсти и сущей правдѣ, дабы въ чемъ ты не могъ быть судимъ предъ Богомъ и предъ е. и. в. А если будешь поступать противъ е. и. в. указовъ, что послабно или въ судѣхъ бѣднимъ людемъ чинить волокиту, то не токмо сей и прежній чинъ можешь потерять, но и животъ свой". Арх. Черниг. Двор. Депут. Собранія, дѣло о родѣ Афендиковъ.

розсмотрѣть эти жалобы. Чиновники назначены были въ Мартѣ и разбирали жалобы цѣлое лѣто 1724 г., пока пріѣздъ Румянцова не былъ забытъ.

Уѣзжая изъ Глухова въ половинѣ Декабря, Румянцовъ рѣшилъ уже въ то время арестъ двухъ генеральныхъ урядниковъ и Миргородскаго полковника, но рѣшеніе это было приведено въ исполненіе Вельяминовымъ, пока Румянцовъ разъѣжалъ по Малороссіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Румянцова, членъ Коллегіи, Сухаревъ отправленъ былъ для ареста Апостола, а въ первые дни новаго 1724 г., арестованы были и Жураковскій съ Лизогубомъ. На мѣсто ихъ, для правленія дѣлъ, Румянцовъ долженъ былъ выбрать, по указанію Петра, изъ такихъ, которые къ дѣлу Полуботка не приставали и «желали быть Коллегіи». Такими выбраны были: «правители генеральной канцеляріи Иванъ Левенецъ, Ѳедоръ Нетребичь-Гречаный и Иванъ Мануйловичъ, люди смирные и не изъ друзей Полуботка, особенно послѣдній, который недавно былъ сосланъ, по враждѣ, Черниговскимъ полковникомъ на Сулакъ. Вернувшись 6 Февраля въ Глуховъ, Румянцовъ дополнялъ здѣсь свое слѣдствіе больше мѣсяца; многіе были арестованы, но изъ нихъ отправлены были въ Петербургъ только семь: Апостолъ, Жураковскій, Лизогубъ, Галецкій, Криштофенко, Валькевичъ и Данило Забѣла. Остальные оставались въ Глуховѣ. Имѣнія Полуботка, Савича, Черныша и Апостола были описаны и арестованы [70]). Поручено было Румянцову разслѣдовать еще слухи о томъ, что Полуботокъ будто бы велъ изъ Глухова переписку съ Орликомъ; по слухъ этотъ былъ пущенъ Михайломъ Барковскимъ изъ старой вражды къ Полуботку за то, что онъ вписалъ въ свою грамоту принадлежавшее прежде Барковскимъ село Орловку, и разумѣется слухъ этотъ не имѣлъ никакихъ основаній [71]). Кромѣ того донесено было, что Полуботокъ съ товарищами изъ Петербурга послалъ какое-то письмо на Запорожье; по этому доносу, Петръ писалъ Румянцову: «потщитесь послать кого въ Запорожье (и лучше изъ такихъ, которые гораздо озлоблены отъ старшинъ), дабы то письмо достать, которое писала старшина къ нимъ, и денегъ можете за то употребить до 5000 изъ взятыхъ старшинскихъ, и чаю за сію сумму сіе получить можно» [72]). Но это порученіе, посланное Петромъ В. 14 Марта 1724 г., уже не застало Румянцова въ Малороссіи: 15 Марта онъ выѣхалъ изъ Глухова въ Петербургъ.

Что же открылъ Румянцовъ? Открылъ онъ, что народъ дѣйствительно не принималъ никакого участія въ тѣхъ челобитныхъ, которыя Полуботокъ съ товарищами подавалъ его именемъ царю и что Полуботокъ, желая скрыть отъ Румянцова свои личныя насилія относительно народа, научалъ чрезъ свою семью какого-то отставнаго ката (палача) убить значковаго товарища Ивана Загоровскаго и нѣкоторыхъ другихъ казаковъ, которые могли раскрыть Ру-

---

[70]) Опись имѣнія Полуботка, движимаго и недвижимаго, составленная по этому случаю, напечатана потомкомъ его, въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и др. 1863 г.

[71]) Подробности у Костомарова. Русск. Старина 1876 г.

[72]) Соловьевъ XVIII, 238.

мянцову его насилія. Какая-то крамарка (торговка) Матвѣиха и убита была съ этою цѣлью тѣмъ же палачемъ [73]). Но гораздо больше матеріаловъ для обвиненія Полуботка должны были дать канцеляристъ Петръ Валькевичъ и войсковой товарищъ Данило Забѣла, которые, будучи чѣмъ-то недовольны на Черниговскаго полковника, добровольно явились обвинителями послѣдняго передъ царемъ. Вытребованные въ Петербургъ, они сообщили царю все, что̀ знали о Полуботкѣ и его товарищахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ народу. Показанія Забѣлы могли быть преувеличены, такъ какъ это былъ человѣкъ безпокойнаго характера, мечтавшій о передѣлкѣ всего общественнаго строя Малороссіи. Показанія Валькевича должны были быть солиднѣе: это былъ одинъ изъ лучшихъ дѣльцовъ генеральной канцеляріи, которому самъ Полуботокъ давалъ такія важныя порученія, какъ депутатство въ Почепскомъ дѣлѣ; современникъ говоритъ, что Валькевичъ «хотя былъ и дикаго нрава, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ». Валькевичъ хорошо зналъ всѣ общественныя условія гетманщины и въ своемъ «доношеніи на Полуботка», вѣроятно, раскрылъ царю всѣ злоупотребленія старшинской власти относительно народа. Не даромъ же Петръ В., познавъ «дарованія Валькевича при случаѣ взятія Полуботка подъ стражу, предлагалъ ему остаться при его особѣ», какъ разсказываетъ тотъ же современникъ [74]). Мы полагаемъ, что Петръ В. добылъ этимъ путемъ такія подробныя свѣдѣнія о Полуботкѣ и его товарищахъ, что слѣдствіе Румянцова было уже не важно. По разсказу Соловьева, вслѣдъ за возвращеніемъ Румянцова дѣло Полуботка отдано была въ вышній судъ, гдѣ Черниговскаго полковника и его товарищей стали допрашивать— о разсылкѣ устрашительныхъ для народа универсаловъ, объ учрежденіи въ генеральномъ судѣ «ассесоровъ» и проч.; но допросы по этимъ пунктамъ, составленнымъ Вельяминовымъ, произведены были еще въ Сентябрѣ 1723 г.: такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ г. Костомаровъ, напечатавшій полный текстъ этихъ допросовъ [75]).

Слѣдовательно, послѣ возвращенія Румянцова изъ Малороссіи, весною 1724 г., допросы Пулуботку и его товарищамъ произведены были по другимъ обвиненіямъ, которыя приведены въ указѣ 8 Февраля 1725 г., т. е. за подлогъ челобитной, поданной 13 Сентября 1723 г., посылки Лаговича въ Малороссію для предупрежденія Глуховской старшины и семьи Полуботка о пріѣздѣ Румянцова и о раскрытыхъ фактахъ относительно разныхъ

---

[73]) Соловьевъ XVIII. изд. 2, 238 и 341. О Загоровскомъ мы нашли въ одномъ рукописномъ указѣ 1718 г. извѣстіе, что онъ ѣздилъ въ Петербургъ еще въ 1716 г. доносить на Черниговскаго полковника, Павла Полуботка и, не заставъ министровъ, возвратился и за то былъ взятъ по приказу гетмана въ Глуховъ, скованъ и воженъ съ двумя разбойниками къ пыткѣ, что смертно устрашился (пытки) и чаялъ, что надъ нимъ будетъ такъ учинено, какъ надъ Кочубеемъ. Отсюда понятна предосторожность Полуботка—сбыть человѣка, который могъ раскрыть Румянцову его насилія надъ народомъ.

[74]) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ. Спб. 1799, IV, 324.

[75]) Русск. Старина 1876 г.

злоупотребленій старшины. Какіе были результаты этихъ допросовъ, мы не знаемъ, такъ какъ архивныя свѣдѣнія по этому предмету, если они существуютъ, еще не обнародованы. Можно думать, что Румянцовское слѣдствіе, дополненное показаніями Забѣлы и Валькевича, дало возможность Петру В. убѣдиться въ главномъ для него вопросѣ, что уничтоженіе гетманской власти и установленіе Коллегіи—не грозило никакими серьезными протестами со стороны населенія Малороссіи, такъ какъ заявленные Полуботкомъ протесты исходили отъ одной только старшины, которая была совершенно разъединена съ народомъ.

Слѣдствіе Румянцова вполнѣ успокоило Петра на счетъ того, что задуманное имъ преобразованіе Малороссіи не встрѣтитъ тѣхъ препятствій, которыхъ онъ сталъ было опасаться послѣ докладовъ Вельяминова. Такой поворотъ въ мнѣніи Петра В. относительно безопасности протестовъ Полуботка оказалъ вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Черниговскаго полковника и его товарищей: онъ не поступилъ съ ними такъ круто, какъ поступалъ вообще съ тѣми, которые мѣшали въ чемъ либо его предначинаніямъ. Полуботокъ и его товарищи оставлены были въ крѣпости до болѣе дальняго времени, отъ котораго вѣроятно Петръ В. и ждалъ отвѣта—чѣмъ рѣшить судьбу Малороссійской старшины. Но Полуботокъ умеръ въ крѣпости раньше, чѣмъ послѣдовало это рѣшеніе [76]).

* *
*

Мы прослѣдили общественную дѣятельность Полуботка по архивнымъ свѣдѣніямъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, и должны прійти къ тѣмъ же почти выводамъ, которые сдѣланы уже авторомъ Исторіи Россіи. Книжная популярность Полуботка, начало которой положено было авторомъ Исторіи Руссовъ, основанная на томъ, что Полуботокъ будто бы явился защитникомъ старыхъ порядковъ Малороссіи во имя интересовъ народа, не сходится съ дѣйствительностью. Изо всей дѣятельности Черниговскаго полковника мы этого не видимъ, а видимъ, что Полуботокъ прежде всего былъ честолюбцемъ, искавшимъ гетманства; затѣмъ видимъ, что онъ дѣйствительно былъ защитникомъ старыхъ порядковъ, но только тѣхъ, съ которыми связывались личные интересы его сословія. Народные интересы были настолько противоположны интересамъ старшины, которую только Полуботокъ и отстаивалъ, что народъ обрадовался учрежденію Коллегіи и поспѣшилъ заявить Вельяминову всѣ свои жалобы, старыя и новыя, на удовлетвореніе которыхъ мѣстнымъ судомъ онъ давно уже потерялъ надежду. Народъ хорошо понималъ, что та старшина, которая беззаконно наживалась на его счетъ, не могла въ одно и тоже время быть и защитницею его. Полуботокъ, нажившій

---

[76]) „Декабря 18 (у Марковича 17-го) преставился въ замку Петербурзскомъ, подъ карауломъ, полковникъ Черниговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви Св. Сампсонія, за Малою Невою, 29 Декабря". Черниг. Лѣт.

громадныя богатства на счетъ народа, также точно не могъ явиться его защитникомъ противъ насилій своихъ собратовъ, не ставъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Когда въ началѣ 1724 г. всѣмъ стало уже извѣстно, что Полуботокъ и Чернышъ посажены церемъ «въ темницу», народъ положительно былъ увѣренъ, вслѣдъ за тѣмъ, что условія его жизни измѣнятся къ лучшему. Въ Апрѣлѣ 1724 г. крестьяне села Подолковъ говорили: «не станемъ панщины робить, годи (довольно) уже, Полуботка и Черныша немашъ (нѣтъ), то и сихъ пановъ не будетъ, которымъ теперь приказано начальство» [77]).

Говорятъ, что въ Малороссіи, между интеллигенціею, составилось и укрѣпилось мнѣніе о Полуботкѣ, какъ о смѣломъ, благородномъ и рѣшительномъ героѣ, пожертвовавшемъ своею свободою и даже самою жизнью за права своей родины. Но откуда же идетъ это мнѣніе какъ не отъ автора «Исторіи Руссовъ,» который, вложивъ въ уста Полуботка смѣлую рѣчь, будто бы сказанную имъ Петру В., при арестѣ 10 Ноября 1723 г., создалъ его репутацію, какъ народнаго героя. Затѣмъ мнѣніе это было поддержано двумя другими историками Малороссіи (Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ), которые, принявъ на вѣру свидѣтельство «Исторіи Руссовъ», безъ критики повторяли разсказъ о героизмѣ Полуботка и вводили своихъ современниковъ въ историческое заблужденіе. Изученіе внутренняго быта современной Полуботку гетманщины, съ помощью котораго только и можно было провѣрить свидѣтельство «Исторіи Руссовъ»,—оставалось въ сторонѣ; къ нему не обращались, потому что въ этомъ изученіи не было потребности, такъ какъ общество довольствовалось исторіей героевъ, вовсе не интересуясь исторіей народа.

Изученіе народной жизни въ періодъ гетманщины начинается только теперь. Результаты этого изученія, надѣемся, еще болѣе подтвердятъ нашъ выводъ, что Полуботокъ если и былъ героемъ, то героемъ одного только «шляхетства» (къ которому по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежалъ и авторъ «Исторіи Руссовъ»), и что народнымъ героемъ онъ не былъ и не могъ быть.

Александръ Лазаревскій.

---

77) Записки Черниговскаго Стат. Комитета I, 58. Подъ „панами, которымъ приказано начальство", разумѣются назначенные Румянцовымъ „правители". Село Подолки принадлежало одному изъ нихъ, Гречаному.

Переписка Екатерины Великой съ Германскимъ императоромъ Іосифомъ II-мъ *.

1774—1790.

1.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 26 Мая 1774.

Государь мой братъ! Постоянные взаимные интересы, существующіе между моимъ государствомъ и государствами, которыя находятся подъ управленіемъ августѣйшаго дома вашего императорскаго величества, не допускаютъ ни одну изъ двухъ державъ завистливымъ окомъ взирать на выгоды другой и относиться съ недоброжелательствомъ къ ея преуспѣянію. Считая себя свободною отъ подобныхъ подозрѣній, рѣшаюсь обратить вниманіе в. в-ва на тревожныя опасенія Польши, какъ по поводу окончательнаго проведенія новыхъ границъ Австріи до Сбруца (послѣ того какъ Польша считала себя обезпеченною договоромъ, что границы эти не будутъ простираться далѣе Серета), такъ равно и по поводу опредѣленія границъ для вновь пріобрѣтенныхъ владѣній короля Прусскаго, нашего союзника. Если въ настоящемъ случаѣ я уступаю естественному чувству состраданія къ бѣдствіямъ народа, состоящаго въ столь непосредственныхъ отношеніяхъ съ моимъ государствомъ, то не менѣе того руководитъ мною и мысль о существенной пользѣ, заключающейся въ согласіи и единодушіи трехъ дворовъ, которые приняли на себя устройство Польскихъ дѣлъ, предварительно начертавъ для себя систему дѣйствій какъ относительно внутренняго устройства Польши, такъ и относительно границъ ея владѣ-

*) Переведена съ Французскихъ подлинниковъ (изъ Австрійскихъ и нашихъ архивовъ), напечатанныхъ въ 1869 году въ Вѣнѣ Альфредомъ Арнетомъ. Въ Русскомъ переводѣ (который сдѣланъ по нашей просьбѣ Иваномъ Михаиловичемъ Живаго) исключены письма безсодержательныя, т. е. наполненныя одними привѣтствіями, а въ остальныхъ опущены обычныя начала и окончанія, повторительныя вѣжливости и взаимныя дружественныя завѣренія: они только затрудняютъ чтеніе этой чрезвычайно вѣрной переписки, доселѣ извѣстной у насъ по немногимъ выдержкамъ въ статьѣ г-на Брикнера (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. часть CXLX). П. Б.

ній. Для осуществленія этого плана пришлось преодолѣть нежеланіе одного государства согласиться на уступку нѣсколькихъ областей; пришлось сдерживать зависть всей Европы, вызванную столь значительными земельными пріобрѣтеніями; но единодушіе, управлявшее этимъ предпріятіемъ, обеспечивало его успѣхъ до того предѣла, котораго удалось достигнуть. Я не имѣю нужды доказывать, что лишь при условіи такого единодушія дѣло можетъ быть доведено до конца и упрочено на всегда; посему это единодушіе, это взаимное довѣріе должны составлять предметъ живѣйшей заботливости для каждаго изъ трехъ дворовъ. Такъ какъ за основныя начала, на которыхъ утверждалось все соглашеніе и которыя были изысканы и предложены именно дворомъ в. величества были приняты соблюденіе равенства при раздѣлѣ, равновѣсіе между тремя державами, и существованіе Рѣчи Посполитой (какъ державы, разграничивающей владѣнія этихъ державъ): то и въ настоящее время три двора не могутъ упустить изъ виду этихъ основаній, не колебля тѣмъ самымъ, какъ во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ державамъ, того согласія, которое способно внушать уваженіе завидующимъ державамъ лишь по стольку, по скольку существуетъ убѣжденіе въ прочности этого согласія. Безъ сомнѣнія, уже обращено вниманіе на неопредѣленность Австрійскихъ границъ; не осталось, конечно, незамѣченнымъ и измѣненіе въ границахъ Пруссіи, и изъ этого прежде всего будетъ выведено то заключеніе, что между двумя дворами, повидимому стремящимися въ полномъ единодушіи къ одной цѣли, замѣшалась зависть. Съ другой стороны не замедлятъ предположить со стороны Россіи тѣмъ больше недовольства, что ее считаютъ наименѣе выигравшею при раздѣлѣ. Сколько пружинъ будетъ затѣмъ пущено въ ходъ, дабы усилить эти поводы къ распрѣ! Если бы дѣло шло о томъ только, чтобы предоставить этимъ пружинамъ полную свободу дѣйствія въ теченіи какого либо даннаго срока, противупоставивъ имъ соотвѣтствующую силу отпора, тогда бы можно было поручиться за ихъ неуспѣхъ; но вѣдь поле можетъ остаться открытымъ очень на долго. Доведенная до крайности, Польша будетъ искать спасенія въ самомъ безсиліи своемъ и заявитъ свой протестъ распущеніемъ сейма, т. е. представителей народа. Въ такомъ случаѣ все дѣло остановится на томъ пунктѣ, на какомъ оно стоитъ теперь, и взаимныя обязательства трехъ державъ сведутся къ предварительной гарантіи, условленной до соглашенія съ Польшею и не соображенной съ размѣрами дѣйствительныхъ уступокъ, на которыя она согласится. Все должно склонять три двора къ тому, чтобы не оставить неполною взаимной связи, которая должна сохраняться вѣчно между тремя дер-

жавами, представляя собою новый интересъ, который былъ созданъ ихъ благоразуміемъ и умѣренностью и который имъ нынѣ предлежитъ отстаивать.

В. в. благоволите взвѣсить въ своей мудрости и съ свойственной вамъ справедливостію, уравновѣшивается или превышается всѣми этими соображеніями та жертва, которой потребовало бы отъ вашего августѣйшаго дома согласіе не расширять своихъ границъ далѣе Серета. Что̀ до меня касается, то мое довѣріе къ просвѣщенному уму в. в-ва и стольже искреннія, сколько и безкорыстныя чувства уваженія и дружбы, которыя я питаю къ в. в-ву и къ императрицѣ-королевѣ, вашей родительницѣ, никогда не дозволятъ мнѣ опасаться, что в. в. примете за желаніе поселить въ умѣ вашемъ напрасныя опасенія, ту истину, которую я высказываю вамъ потому только, что сама чувствую и сознаю ее. Если три двора желаютъ доказать, что въ соглашеніи, состоявшемся между ними относительно Польши, и въ тѣхъ общихъ дѣйствіяхъ, которыя изъ онаго проистекли, они руководились не столько желаніемъ пріобрѣтеній, сколько возвышенными политическими видами на обеспеченіе прочнаго порядка и спокойствія, каковыя требуются благосостояніемъ и безопасностью ихъ собственныхъ владѣній, въ сопредѣльномъ государствѣ, столь часто становящемся игралищемъ смутъ и безначалія; если при раздѣлѣ, который былъ вызванъ таковымъ желаніемъ, имѣлось въ виду соблюсти взаимное равновѣсіе чрезъ увеличеніе владѣній, соотвѣтственно могуществу каждой изъ трехъ державъ; если они дѣйствительно руководились этой идеей, самой благородной и самой величавой въ свѣтѣ подъ видомъ какой это дѣло можетъ быть представлено Европѣ: то нельзя льстить себя надеждою на успѣхъ, разсчитывая на одно лишь безсиліе Польши и считая ее какъ бы вовсе не существующей. Отчаяніе будетъ источникомъ, въ которомъ Польша почерпнетъ средство для противодѣйствія дальнѣйшимъ отягощеніямъ ея участи, къ которому она по крайней мѣрѣ обратится. Смѣю утверждать это, и посолъ в. в-ва въ Варшавѣ не скроетъ отъ васъ, до какой степени дошло это расположеніе—прервать всѣ переговоры и протестовать. Кто знаетъ, взрывъ онаго задерживается, быть можетъ, только на нѣсколько недѣль ожиданіемъ послѣдствій, какія будетъ имѣть отправленіе пословъ къ нашимъ тремъ дворамъ. Если, послѣ всѣхъ утратъ, понесенныхъ Польшею, въ ея участи не послѣдуетъ никакого облегченія: то неотразимо наступитъ предѣлъ, за которымъ сдѣлается невозможнымъ далѣе сдерживать націю, и этого тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать, что, по мѣрѣ продолженія сейма, настроеніе замѣтно измѣняется къ худшему и все болѣе угрожаетъ общимъ разнузданіемъ умовъ.

Умолчать о такомъ положенiи дѣла съ моей стороны значило бы не исполнить того, что̀ требуется отъ меня интересами союза и общаго дѣла, и сдержанность съ моей стороны въ настоящемъ случаѣ была бы не согласна съ чувствами глубокаго уваженiя и искренней дружбы, съ которыми остаюсь, государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрая сестра и другъ

Екатерина.

2.

Iосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 16 Iюля 1774 г.

Государыня моя сестра! Драгоцѣнныя заявленiя довѣрiя и прiязни, которыя Вашему Императорскому Величеству угодно было даровать мнѣ въ письмѣ, врученномъ мнѣ отъ вашего имени вашимъ посланникомъ, княземъ Голицынымъ, столько же преисполнили меня чувствительной признательностью, сколько и доставили мнѣ удовольствiя, тѣмъ совершеннымъ соотвѣтствiемъ нашихъ взаимныхъ чувствъ, которое я усматриваю изъ этого письма. Дѣйствительно, Государыня, на сколько я въ настоящее время въ состоянiи о томъ судить, ваша держава и ваши интересы представляютъ всѣ условiя, необходимыя для того, чтобы навсегда находиться въ узахъ самаго полнаго согласiя съ державою моей августѣйшей родительницы. Это согласiе должно составлять счастiе государей, которое въ моей мысли представляется нераздѣльнымъ отъ счастiя ихъ подданныхъ. Что̀ касается до меня лично, то вы можете судить о чувствахъ, которыя, исполненный желанiя блага моему отечеству и побуждаемый стремленiемъ содѣлаться достойнымъ славы, я долженъ испытывать, имѣя удовольствiе впервыя собственноручно засвидѣтельствовать В. В-ву (достигающей съ такимъ блескомъ обѣихъ этихъ цѣлей въ своемъ собственномъ государствѣ, во очiю цѣлой Европы) всю глубину моего удивленiя къ вамъ и неизмѣнной прiязни, которыхъ я желалъ бы только имѣть случай представить вамъ возможно болѣе существенныя доказательства. Подъ влiянiемъ этихъ самыхъ чувствъ я ни на одну минуту не умедлилъ сообщенiемъ вашего драгоцѣннаго и важнаго по содержанiю письма ея величеству моей августѣйшей родительницѣ, и въ виду сего, могу только сослаться на все, что̀ она по этому поводу будетъ писать Вашему Императорскому Величеству. Если смѣю льстить себя надеждой, что симъ я исполнилъ все, чего В. В.

изволили желать съ моей стороны, то почту себя весьма счастливымъ, будучи проникнутъ желаніемъ сдѣлать угодное В. В-ву и удостовѣрить В. В. въ неизмѣнныхъ чувствахъ глубокаго уваженія и искренней пріязни, съ которыми есмь Вашего Императорскаго Величества добрый братъ, кузенъ и другъ

Іосифъ.

После свиданія въ Могилевѣ.

3.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 27 Августа 1780.

Государь мой братъ! Возсылаю благодаренія къ Небу по случаю благополучнаго возвращенія в. и. в-ва въ Вѣну. Мои тревоги по поводу всякихъ дорожныхъ случайностей прекратились только въ ту минуту, когда я получила это пріятное извѣстіе. Способъ, который ваше величество изволили избрать для извѣщенія меня о томъ, не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію относительно состоянія здоровья и пріятнаго настроенія духа, которыми пользовались вы и все ваше августѣйшее семейство при отправленіи курьера. Мнѣ не было извѣстно о крѣпкомъ снѣ графа Фалькенштейна въ проѣздъ его черезъ Митаву, и это еще болѣе утвердило меня въ мнѣніи, составленномъ мною о графѣ, что онъ умѣетъ найтись во всѣхъ обстоятельствахъ. Я увѣрена точно также, что и въ Польшѣ онъ не нуждался ни во мнѣ, ни въ моемъ посланникѣ, чтобы прекрасно выйти изъ затруднительнаго положенія, и что всякая преграда, какая могла бы встрѣтиться на его пути, должна будетъ посторониться предъ нимъ и очистить ему дорогу. Мнѣ остается только поздравить графа съ тѣмъ счастіемъ, которымъ онъ наслаждается въ настоящую минуту. Пускай это счастіе будетъ всегда равняться его добродѣтелямъ: таково желаніе той, которую ему угодно было осчастливить выраженіями своего сочувствія. Я увѣрена, что его природное краснорѣчіе и очарованіе, присущее его бесѣдѣ, доставятъ ему гораздо болѣе слушателей, чѣмъ самый предметъ его путевыхъ разсказовъ; но это нисколько не уменьшаетъ моей искренней признательности. Безъ сомнѣнія, немалое право на сисканіе благословеній Восточной церкви составляютъ сопутствующія вамъ благожеланія ея главы, но не слѣдуетъ пренебрегать и патріархомъ съ его подвижниками. Не правда ли, что для того, чтобы Могилевскій епископъ могъ

священнодѣйствовать съ достоинствомъ, нужно бы единодушное содѣйствіе всего его клира? По этому поводу можно было бы, совершенно естественно, сказать кое-что о Ватиканѣ, но пора окончить мое письмо. Я говорю уже не съ графомъ Фалькенштейномъ, а съ верховнымъ владыкою священной Римской имперіи, возвратившимся въ свою Вѣнскую резиденцію.

4.

Екатерина Іосифу.

Число не означено (Октябрь 1780).

Государь мой братъ! Письмо, которое в. и. в-ву было угодно написать мнѣ отъ 23 Сентября, было получено мною на другой день по отъѣздѣ принца Прусскаго. Если путешественники, удостоившіе Россію своимъ посѣщеніемъ въ настоящемъ году, и доставили мнѣ какое либо безпокойство, то оно не имѣло инаго источника, кромѣ наполнявшаго мою душу ненасытнаго желанія, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ могли остаться довольны нами. То, что̀ первый изъ нихъ увезъ съ собою отсюда, для него не новость: ибо тоже самое напутствовало его отовсюду, гдѣ только онъ появлялся. Онъ успѣлъ внушить намъ всѣ тѣ чувства, которыя вездѣ не могутъ не вызываться его появленіемъ, и только (признаюсь въ этомъ) сдѣлалъ насъ требовательными относительно тѣхъ, кого намъ придется увидѣть въ будущемъ. Нелегко и опасно было явиться непосредственно вслѣдъ за нимъ. Говоря только за себя одного, принцъ Прусскій былъ бы совершенно правъ, такъ какъ дѣло его предшественника было выиграно заранѣе въ той части Европы, которую ему было угодно посѣтить.

Давно уже онъ смотрѣлъ на нее очами, пріученными видѣть людей и вещи, о которыхъ нельзя составить вѣрнаго понятія, если отъ самой колыбели имѣешь передъ глазами вѣчно все одинъ и тотъ же предметъ, какъ бы впрочемъ этотъ предметъ ни былъ полезенъ.

Надѣюсь, что принцъ де-Линь, о которомъ в. и. в. удостоили упоминать въ разговорѣ со мною, выѣхалъ отсюда столько же довольный нами, какъ мы—имъ.

Отъ всего сердца желаю и смѣю надѣяться, что въ гороскопѣ двухъ новыхъ крѣпостей въ Чехіи не заключается ничего зловѣщаго [1]).

Въ скоромъ времени мы узнаемъ, которой изъ сторонъ поблагопріятствуетъ счастіе. Не знаю, почему я сомнѣваюсь что-то на счетъ рѣшительныхъ ударовъ, о которыхъ упоминаетъ в. и. в.; потому развѣ, что таковыхъ за эту войну до сихъ поръ мнѣ еще не случилось видѣть.

Мнѣ весьма отрадно все, что̀ в. и. в. изволите говорить о е. к. в. великомъ-герцогѣ Тосканскомъ [2]). Съ весьма высокимъ личнымъ уваженіемъ къ сему государю у меня соединяется множество новыхъ и давнишнихъ одолженій, которыми я ему обязана. Ни одинъ государь не сдѣлалъ болѣе его для моего флота. Я буду счастлива всякій разъ, когда представится случай доказать ему по сему поводу мою чувствительнѣйшую признательность.

5.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 13 Ноября 1780.

Государыня моя сестра! Ни для вашего добраго сердца, ни для дружбы, столь отрадными изъявленіями которой В. И. В. благоволите дарить меня, не можетъ быть безразлично узнать въ возможноскорѣйшемъ времени, въ какой мѣрѣ письмо, дорогое письмо, которое я недавно получилъ съ почтою, сдѣлало меня счастливымъ, и сколько утѣшенія оно мнѣ доставило. Не фразами подобаетъ мнѣ выражать В. В-ву мою признательность; В. В. умѣли чувствительно тронуть мое сердце лестными знаками продолженія вашей дружбы; вы ободрили и подняли мой духъ сочувственнымъ одобреніемъ, которое вы мнѣ изволите оказывать. Словомъ, дозвольте увѣрить В. В., что вы пріобрѣли самыя несомнѣнныя права въ моемъ сердцѣ и умѣ. Да, Государыня, вы доставили мнѣ на минуту то сладкое удовлетвореніе, которое выше случайностей и превратностей судьбы и которое имѣетъ истинную цѣну только для того, кто старался сдѣлаться достойнымъ чувствовать это счастіе: я разумѣю—внутреннее довольство самимъ собою. Читая письмо ваше, я не могъ удержаться, чтобы не сказать себѣ самому: ты не совсѣмъ

---

[1]) Терезіенштатъ и Іозефштатъ.

[2]) Братѣ Іосифа, будущемъ императорѣ Леопольдѣ.

даромъ потерялъ и не совсѣмъ дурно употребилъ прожитые тобою годы; Екатерина удостоиваетъ тебя своего одобренія, и въ эту минуту я мысленно опровергъ вѣщее слово, остроумно сказанное обо мнѣ Вольтеромъ, по поводу того, что, проѣзжая не подалеку отъ его мѣстопребыванія, я не счелъ нужнымъ добиваться свиданія съ нимъ. Онъ выразился по этому случаю, что другіе государи, и особенно великіе люди изъ нихъ, разобравъ между собой всѣ добродѣтели и всѣ блестящія качества, на мою долю оставили только одно, не показавшееся ни для кого изъ нихъ привлекательнымъ, и потому, видно, забракованное ими: именно—скромность, которую я и присвоилъ себѣ и которою одинъ только имѣю притязаніе украшаться. Въ ту минуту, когда я размышлялъ такимъ образомъ, я былъ далекъ отъ скромности и не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться съ моей августѣйшей родительницей и еще съ двумя-тремя добрыми и искренними друзьями, которыхъ имѣю счастіе считать у себя, содержаніемъ письма В. И. В-ва. Они раздѣлили со мною удовольствіе, которое я самъ испытывалъ по этому поводу. В. И. В. несравненно лучше меня изволите знать людей и тѣ пружины, которыя управляютъ дѣйствіями правительствъ; потому В. В. еще разъ совершенно вѣрно предусмотрѣли то, чего я не могъ вообразить, а именно, что настоящая морская кампанія принесетъ еще меньше результатовъ, нежели предъидущія. Дѣйствительно, какъ съ той, такъ и съ другой стороны не было сдѣлано попытки предпринять что нибудь рѣшительное. Я, право, думаю, что это просто насмѣшка надъ честью воюющихъ державъ и что съ обѣихъ сторонъ хотятъ только раззорять другъ друга обоюдно, истощая запасъ гиней и луидоровъ. Какъ можно было подумать, что превосходныя силы, собранныя союзниками въ Америкѣ, цѣлый корпусъ, ими тамъ выставленный, не попытаются ничего предпринять; что Соляно [2]) отправится чуть ли не за табакомъ въ Гавану, что Гишенъ [3]) вернется въ Парижъ наслаждаться оперой, что Рошамбо [4]) застрянетъ въ своихъ окопахъ, что д'Эстэнъ [5]) проживетъ три мѣсяца въ Мадридѣ, забавляясь вмѣстѣ съ королемъ охотой по бекасамъ; и что Англичане, имѣя въ сборѣ тридцать шесть линейныхъ кораблей, будутъ только прогуливаться по морю, и что, когда Гишенъ возвратится съ десятью кораблями и большимъ транспортомъ, про-

[1]) Тогда шла война за освобожденіе Американскихъ штатовъ между Англіею съ одной стороны, Франціею и Испаніею съ другой.

[2]) Испанскій адмиралъ.

[3]) Французскій адмиралъ.

[4]) Главнокомандующій Французскими войсками, которыя дрались въ Америкѣ противъ Англичанъ.

[5]) Французскій морякъ.

зѣвавъ одинъ изъ ихнихъ, они уйдутъ обратно въ свои гавани, вмѣсто того, чтобы начать бой съ Французскою эскадрою. Мало того, и для кампаніи будущаго года не заботятся ни о какихъ другихъ мѣропріятіяхъ, кромѣ смѣны одного министра, заключенія жалкаго займа въ Испаніи, и безконечныхъ интригъ по выборамъ новыхъ членовъ Парламента, который имѣетъ подавать совѣты королю и народу. Повидимому, тамъ гораздо болѣе заняты самими совѣтниками, чѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое такъ нуждается въ хорошемъ совѣтѣ.

Наконецъ (да проститъ мнѣ В. И. В.) мнѣ, право, сдается, что вся война эта очень походитъ на крупную, бѣшеную, азартную игру, которую министры этихъ трехъ державъ затѣяли между собою для удержанія за собою своихъ мѣстъ и въ которой государи ровно ни при чемъ, кромѣ того только, что предоставляютъ въ ихъ распоряженіе свое имя, свои финансы, свою честь и благосостояніе своихъ государствъ, оставляя исходъ дѣла на произволъ судьбы. Или ужъ нѣтъ ли у нихъ между собою негласнаго условія тянуть игру, между тѣмъ какъ бѣдные Американцы потерпѣли пораженія, почти обанкрутились и съ трепетомъ, сидя въ бѣдѣ, ждутъ, не явится ли кто нибудь на выручку. Отсутствіе единства, отсутствіе энергіи въ рѣшеніяхъ и въ выполненіи оныхъ съ отвагою и соблюденіемъ тайны, отсутствіе умѣнья примѣнить и сосредоточить всѣ средства къ единой цѣли заставляютъ предполагать, что медлительныя и вялыя распоряженія, которыя мы видимъ за эту войну, исходятъ не отъ такой головы, которая была бы умѣла все обнять, все предусмотрѣть и исполнить, головы, способной имѣть въ виду одно лишь благо государства, страшиться исхода событій только для государства и ничего не страшиться за себя. Кто же лучше В. И. В-ва судитъ обо всемъ этомъ? Вы съумѣли воспользоваться всѣми обстоятельствами для того, чтобы возвысить славу своей державы, покорить враговъ вашихъ и заставить другія державы искать вашей пріязни и дорожить ею болѣе, чѣмъ это удавалось когда либо и какой либо другой Европейской націи. Если бы задумывать и устроивать все это приходилось вашимъ министрамъ, а вы, съ своей стороны, только бы слѣдовали смѣло ихъ внушеніямъ: вы, Государыня, были бы, конечно, далеки отъ той степени славы и того права на довольство собою, которыя вы стяжали. Вашей энергіи, вашему мужеству, вашему постоянству и тому, какъ вы умѣли заставить себѣ повиноваться, этимъ качествамъ, за которыя Россійская Имперія будетъ вѣчно благословлять ваше царствованіе, имъ и единственно имъ обязана эта Имперія быстрыми и, смѣю сказать, почти неимовѣрными успѣхами, которыхъ за семнадцать лѣтъ вашего прав-

ленія она успѣла достигнуть какъ въ мнѣніи и уваженіи иностранцевъ, такъ и въ силѣ, богатствѣ и просвѣщеніи внутри государства.

Двѣ крѣпости, начало постройки которыхъ я недавно имѣлъ случай видѣть, безъ сомнѣнія, не представляютъ никакихъ данныхъ для зловѣщаго гороскопа. Чехія такъ часто подвергалась, со стороны сосѣдей, нападеніямъ, вызваннымъ большею частію одною прихотью, и особенно—удобствомъ нападенія, что мнѣ представлялось существенно-важнымъ имѣть тамъ на всякій случай два вѣрныхъ оборонительныхъ пункта. В. И. В-ву хорошо извѣстно, что, обыкновенно, замки и запоры у дверей дома служатъ только выраженіемъ основательнаго недовѣрія и предосторожности. Кто знаетъ, можетъ даже случиться, что двѣ эти крѣпости получатъ въ моихъ глазахъ особую цѣну, доставивъ мнѣ случай и облегчивъ возможность быть полезнымъ В. И. В-ву и существенно способствовать вашей славѣ, сдѣлавшись на дѣлѣ самымъ усерднымъ другомъ вашимъ, какого только В. В. можете имѣть.

Мнѣ извѣстно, что принцъ де-Линь былъ осыпанъ знаками вашего благоволенія и что онъ проникнутъ чувствомъ глубокой признательности. Онъ еще не пріѣзжалъ сюда и продолжаетъ заниматься устройствомъ или разстроиваніемъ своихъ дѣлъ въ Польшѣ. Я его ожидаю съ нетерпѣніемъ, чтобы на досугѣ и подробно побесѣдовать о всѣхъ милостяхъ и отличіяхъ, которыхъ Вашему Величеству угодно было его удостоить. Я отправилъ къ графу Кобенцелю два портрета: одинъ, меньшихъ размѣровъ, королевы Неаполитанской, другой, побольше, королевы Французской. Первый очень неудовлетворителенъ по работѣ, но онъ только что полученъ изъ Неаполя, и, какъ увѣряютъ, очень похожъ. На другомъ лице хорошо, но выраженіе физіономіи у Французской королевы, сестры моей, въ подлинникѣ гораздо лучше; какъ бы то ни было, они могутъ помочь возстановленію нашей фамильной репутаціи, жестоко пострадавшей въ тѣхъ портретахъ моихъ двухъ сестеръ, которые находятся въ вашемъ Чесменскомъ дворцѣ. Къ портретамъ осмѣливаюсь присоединить мизерере, Римской композиціи, не боясь отлученія, которое папа, повидимому великій знатокъ музыки, объявилъ, говорятъ, за распространеніе этого произведенія въ чужихъ краяхъ.

Ко всему лестному, что̀ Вашему Величеству угодно было выразить лично мнѣ, вы изволите еще присоединить драгоцѣнное изъявленіе вашего удовольствія моему брату великому герцогу Тосканскому по поводу того, что̀ онъ имѣлъ случай сдѣлать для флотовъ В. И. В-ва. Я постараюсь, не теряя ни одной минуты, доставить ему утѣшеніе прочитать то, что̀ вамъ угодно было выразить на его счетъ, и ручаюсь за удовольствіе и благодарность, съ ко-

торыми онъ объ этомъ узнаетъ; его образъ мыслей совершенно сходенъ съ моимъ, и онъ желалъ бы только имѣть поболѣе случаевъ для того, чтобы засвидѣтельствовать В. В-ву свою преданность и почтительнѣйшее уваженіе.

Я плохой газетчикъ и, слѣдовательно, не могу сообщить В. В-ву никакихъ извѣстій, не зная ничего интереснаго. Я не чувствую расположенія передавать В. В-ву грезы, измышленія или политическіе призраки, которые потомъ какъ нарочно опровергаются фактами, зная къ тому же, что этимъ я не могъ бы никакъ угодить В. В-ву. У меня слишкомъ спокойный сонъ, чтобы всякую минуту грезить о привидѣніяхъ и въ каждомъ дѣйствіи другихъ усматривать поводы къ опасеніямъ и грозныя послѣдствія. Еще менѣе чувствую я себя способнымъ къ клеветѣ или къ злонамѣренному истолкованію чужихъ настроеній; ни то ни другое недостойно В. В-ва. Это вѣдаетъ всякій, кто способенъ отдавать вамъ справедливость и знаетъ, какъ глубоко вы умѣете понимать и узнавать людей и вещи. Потому ограничиваюсь усерднѣйшею просьбою не лишать меня возможности опровергнуть все двусмысленное, что̀ могли и еще впередъ могутъ постараться довести до свѣдѣнія В. В-ва на мой счетъ.

Чистосердечіе и правдивость составляютъ отличительную черту моего характера; я съ ними всегда хорошо уживался на свѣтѣ, и мои дѣйствія никогда не окажутся въ противорѣчіи съ словами, которыя мнѣ внушены сердцемъ и убѣжденіемъ.

6.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 20 Ноября 1780.

До сего дня мнѣ было неизвѣстно изреченіе моего стараго пріятеля Вольтера. Мнѣ по этому поводу жаль за него; но ручаюсь, что этотъ же самый Вольтеръ, у котораго это сболтнулось въ минуту досады подъ вліяніемъ задѣтаго самолюбія, если бы онъ имѣлъ счастіе видѣть того, на чей счетъ онъ такъ ошибся, и побесѣдовать съ нимъ полчаса, этотъ самый Вольтеръ, говорю я, имѣвшій душу, способную восхищаться всѣмъ великимъ и прекраснымъ, понялъ бы все нравственное величіе скромности, являющейся въ сопутствіи самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей; тогда въ одинъ го-

лось съ нами онъ затянулъ бы пѣснь: «Благословенно чрево, носившее тебя» *), и закончилъ бы пѣснью святаго Симеона.

Я должна согласиться съ в. в-вомъ что эта война гораздо болѣе раззорительна въ финансовомъ отношеніи, нежели обильна событіями, и что, если и были превосходные замыслы, то они были выполнены очень слабо. Мнѣ кажется, что заинтересованные въ ней не съ той ноги пошли. Грустно видѣть, безъ сомнѣнія, что головы, преисполненныя отмѣннаго благоразумія, успѣли сдѣлать гораздо менѣе того, что̀ въ другое время удавалось другимъ съ головою, менѣе набитою всякимъ благоразуміемъ. Но есть ли какая нибудь возможность все подчинить разсчету и совершенно избѣжать риска? Кто стремится къ этому, тотъ навѣрное упуститъ бездну случаевъ, гдѣ иногда, съ маленькимъ рискомъ, можно выиграть очень много при помощи другихъ качествъ, которыя также не слѣдуетъ вовсе вычеркивать изъ списка и каковы напримѣръ отвага и вдохновеніе минуты, не только имѣющія свою цѣну, но нерѣдко рѣшавшія успѣхъ дѣла и одержавшія верхъ надъ мнимымъ благоразуміемъ. Благоразуміе, безъ сомнѣнія, вещь превосходная, для того чтобы сидѣть сложа руки, наживать подагру и погружать въ усыпленіе самыхъ бодрыхъ и дѣятельныхъ; но, сказать правду, я въ немъ не знатокъ; потому съ своей стороны и могу похвалиться только—нѣкоторой у д а ч е й.

Гороскопъ двухъ крѣпостей я составляла въ присутствіи принца де-Линя; льщу себя надеждою, что онъ отдастъ мнѣ справедливость и напомнитъ в. и. в-ву чувства, внушенныя мнѣ вашею особою.

Тысячу разъ благодарю в. в. за портреты обѣихъ королевъ, Французской и Неаполитанской; у первой я нашла глаза графа Фалькенштейна. Кромѣ того, приношу благодарность и за мизерере, который, не взирая на папское отлученіе, доѣхалъ до Петербурга и тотчасъ напомнилъ мнѣ Смоленскій Ватиканъ и пророческія пѣснопѣнія, которыя я тамъ возглашала. Думаю, что нарочно для того, чтобы положить конецъ этимъ моимъ возглашеніямъ, Пій VI прислалъ мнѣ на дняхъ собственноручное письмо, въ заключеніи котораго онъ увѣщеваетъ меня перейти въ его приходъ и возносить мольбы ко Всевышнему о моемъ просвѣщеніи. Находя, что съ его стороны это очень учтиво, въ скоромъ времени постараюсь отплатить не менѣе учтивымъ отвѣтомъ.

Совершенно согласна съ в. и. в-вомъ что ремесло газетчиковъ не достойно нашего положенія. Высказываемое вами презрѣніе къ мелочнымъ уловкамъ—для своихъ видовъ пускать въ ходъ измышленія и политическіе призраки, вполнѣ соотвѣтствуетъ вашему благород-

---

*) Мать Іосифа еще была тогда жива.

ному образу мыслей. Я всегда говорила: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ подобнымъ средствамъ; безъ всякой пользы для себя, они роняютъ свой кредитъ. Не думаю, чтобы кто нибудь вздумалъ явиться ко мнѣ съ чѣмъ либо подобнымъ; а если бы что нибудь такое дошло до меня, то прошу в. в. быть увѣреннымъ, что это не могло бы имѣть никакого вліянія на мой образъ мыслей.

7.

Іосифъ Екатеринѣ.

1 Января 1781.

Государыня моя сестра! Если В. В-ву когда либо довелось испытать истинное горе, то вы имѣли, безъ сомнѣнія, случай оцѣнить по достоинству все значеніе, какое въ подобномъ положеніи можетъ имѣть дружба, и всю отраду, какую она можетъ доставить. Изволите же, В. И. В., судить о томъ, что̀ долженъ былъ испытать я, когда, впервыя прійдя въ себя послѣ разразившагося надо мною удара, огорченный до глубины сердца, убитый подъ впечатлѣніемъ постигшей меня утраты [1]), я удостоился столь лестныхъ доказательствъ вашей дружбы и благоволенія. Заразъ три дорогихъ письма ваши, и сверхъ того гласное и столь отмѣнное свидѣтельство вашей пріязни въ ускоренной, еще прежде полученія письма отъ меня, присылкѣ князя Волконскаго! [2]) Неужели суждено, воскликнулъ я, что моимъ счастіемъ я всегда буду обязанъ той или другой императрицѣ? Ваши выраженія, исполненныя благосклонности и добраго участія, растрогали меня до слезъ, и я вполнѣ понялъ, какое счастіе, что я имѣлъ случай познакомиться съ вами и совершилъ путешествіе, которому обязанъ вашимъ столь благосклоннымъ обо мнѣ мнѣніемъ. Для моего самолюбія совершенно достаточно одной вашей дружбы и вашего уваженія, и будь я только графомъ Фалькенштейномъ, я никогда бы не пожелалъ ничего болѣе, какъ только продолжать оставаться достойнымъ ихъ. Но этимъ публичнымъ оказательствомъ столь отмѣннаго вниманія, при томъ со стороны государыни, значеніе которой такъ сильно въ Европѣ, В. И В-во оказали мнѣ высшую услугу, какая только въ вашей

[1]) Мать Іосифа, Марія Терезія скончалась 29 Ноября 1780.

[2]) Екатерина послала его въ Вѣну, еще до полученія оттуда формальнаго оповѣщенія о кончинѣ Маріи Терезіи, въ чемъ заключалась особливая любезность.

власти. Уже не какъ графъ Фалькенштейнъ, столь искренно вамъ преданный, но какъ представитель государства, какъ глава двадцати милліоновъ народа, обязанъ я принести В. В-ву благодарность за этотъ поступокъ, который, по своей гласности, производитъ и долженъ производить впечатлѣніе, самое вожделѣнное для начала моего царствованія. Со времени грустнаго событія, поставившаго меня во главѣ монархіи, очи цѣлой Европы, обращенные на меня, хотятъ судить и узнавать меня; самые мои подданные находятся въ безмолвномъ ожиданіи, не зная, чего надѣяться или чего страшиться; множество дѣйствительно мнѣ присущихъ недостатковъ, и бездна другихъ, которые стараются такъ усердно приписать мнѣ, множество злонамѣренныхъ слуховъ, распускаемыхъ на мой счетъ, оправдываютъ эти недоумѣнія и усиливаютъ любопытство. Я это чувствую, вижу это и какъ ни мало во мнѣ отъ природы робости, тѣмъ не менѣе это щекотливое положеніе дѣлаетъ меня болѣе осмотрительнымъ, болѣе мнительнымъ, болѣе медлительнымъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ; и вотъ въ такую-то минуту, когда я, какъ новичекъ, начинаю ремесло правленія, въ эту самую минуту такой мастеръ въ царственномъ дѣлѣ, какъ вы, Государыня, видѣвшій и знающій меня, являетъ мнѣ публично залогъ своего уваженія. Не должно ли это заранѣе благопріятно расположить всѣхъ въ мою пользу? И дѣйствительно, я уже замѣчаю произведенное этимъ сильное впечатлѣніе. Чтò касается до меня лично, то это возвращаетъ мнѣ энергію и бодрость для осуществленія того добра, которое я способенъ сдѣлать, исполняя меня въ тоже время признательностью къ той, кому я обязанъ этимъ благодѣяніемъ, той, которая, одна лишь, могла мнѣ его оказать и не упустила единственной, исключительной минуты, въ которую я могъ почувствовать цѣну этого благодѣянія во всемъ его объемѣ.

Если возвышенный умъ В. И. В-ва, въ ту минуту, когда было рѣшено отправленіе князя, предусмотрѣлъ послѣдствія, которыя оно должно было имѣть, предусмотрѣлъ и то, въ какой степени я нуждался въ ономъ: то я не знаю, чтò сказать о такой прозорливости. Но если же ваше прекрасное сердце въ это время было движимо единственно участіемъ и состраданіемъ, въ виду глубокой скорби и истиннаго несчастія вашего друга; если, слѣдуя влеченію вашего прекраснаго сердца, вы желали подарить ему какъ можно скорѣе доказательство участія въ его горѣ: то и я съ своей стороны считаю долгомъ не скрыть отъ васъ счастливыхъ послѣдствій, которыя имѣло для меня это дорогое вниманіе.

Но я слишкомъ заговорился и боюсь наскучить. Простите, В. И. В. Развѣ я умѣлъ когда нибудь кончить бесѣды, которыя имѣлъ счастіе вести съ вами? Чего бы я не далъ теперь за возможность

говорить совершенно откровенно обо всѣхъ моихъ мысляхъ съ вами, которую, бывало, во время нашихъ бесѣдъ, я наблюдалъ такъ пристально. Выраженіе физіономіи, нахмуренная бровь, по поводу сообщаемыхъ мною идей, для меня рѣшали бы за или противъ: такъ ясно видѣлъ я во всемъ ходѣ правительственныхъ дѣлъ полезныя дѣйствія мудрыхъ законовъ, исходившихъ отъ В. И. В-ва. Какъ желалъ бы я съумѣть подражать онымъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ и съ такими же благотворными послѣдствіями.

Доселѣ я заваленъ занятіями и, пока успѣешь заставить служащихъ думать по своему, особенно когда застарѣлые предразсудки застилаютъ имъ глаза и заграждаютъ еще болѣе пониманіе, нежели слухъ, приходится идти въ моленную и проповѣдывать новую вѣру. Я впрочемъ надѣюсь все-таки имѣть въ своей миссіонерской дѣятельности болѣе удачи, нежели мой дорогой духовный отецъ Пій VI, который затѣваетъ обращать въ свою вѣру В. И. В. Пусть онъ бережется, какъ бы скорѣе В. В. не совратили его. Что̀ до меня, то, хотя я со всѣмъ подобающимъ уваженіемъ цѣлую мысленно его туфлю, тѣмъ не менѣе предвижу, что мы будемъ съ нимъ иногда расходиться въ мнѣніяхъ не относительно догматовъ, конечно, но по вопросамъ государственнымъ и по поводу предѣловъ, столь неуловимыхъ, между церковью и государствомъ.

8.

Іосифъ Екатеринѣ.

1 Января 1781 (второе письмо отъ того же числа).

Мое всегдашнее правило, весьма удобно согласимое (какъ мнѣ кажется) съ обязанностями относительно союзниковъ, есть стараться, независимо отъ этого, быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми державами, по скольку это человѣчески возможно, по ихъ характеру и образу дѣйствій. Этому правилу я обязанъ полученнымъ мною отъ Англіи конфиденціальнымъ сообщеніемъ о существованіи вѣрныхъ признаковъ, что въ скоромъ времени В. И. В. преднамѣреваетесь предложить ей свое посредничество, при чемъ Англія заявляетъ готовность съ признательностью принять такое посредничество.

Думаю, что В. И. В-ву можетъ быть полезно или пріятно знать заранѣе, для вашихъ собственныхъ соображеній, каковы, въ виду

предположенной случайности, намѣренія Англіи; исключительно въ этихъ видахъ имѣю честь сообщить вамъ объ оныхъ.

Графъ Кобенцель донесъ мнѣ, что В. И. В. соблаговолили не утаить отъ него, что вы были бы не прочь заключить со мною договоръ въ видахъ взаимнаго ручательства нашихъ владѣній, въ полномъ составѣ или съ нѣкоторыми изъятіями. Во всякомъ случаѣ предварительное одобреніе, съ которымъ вамъ угодно было отнестись къ этой мысли и безобидному по отношенію ко всѣмъ другимъ державамъ соглашенію желаніе коего появилось у меня тогда же, когда я имѣлъ честь познакомиться съ вами) чрезвычайно пріятно мнѣ, въ виду питаемаго мною искренняго намѣренія изгладить до послѣдняго слѣда все, что̀ когда либо могло поселить холодность въ отношеніяхъ между нами, и съ этой цѣлью установить какъ можно болѣе связующихъ поводовъ между В. И. В-омъ и мною.

Посему я со всею поспѣшностью отдалъ князю Кауницу приказаніе изложить письменно и отправить съ этимъ же курьеромъ къ графу Кобенцелю необходимыя инструкціи и полномочія, дабы онъ могъ договориться съ министрами В. И. В-ва относительно всего, что̀ вы изволите найти удобнымъ и обоюдно-полезнымъ. Именно такъ, (я нахожу) слѣдуетъ вести переговоры съ Государынею, которая, несравненно превосходя меня въ мудрости, притомъ столь отлично умѣетъ принимать въ разсчетъ потребности другихъ, и въ тоже время тонко чувствовать всѣ требованія чести и приличія.

9.

Іосифъ Екатеринѣ.

10 Января 1781.

Государыня моя сестра! Я не предвидѣлъ, конечно, что то, о чемъ я недавно имѣлъ честь передавать В. И. В-ву относительно намѣреній Лондонскаго двора, имѣетъ осуществиться такъ скоро, и еще менѣе предвидѣлъ, что это осуществится такимъ именно образомъ. Вотъ и я, стало быть, записался въ вѣстовщики, и, сказать правду, мой первый опытъ вышелъ очень неудаченъ, такъ какъ мнѣ пришлось сообщить В. В-ву за новость что̀ для васъ вовсе не было новостью и о чемъ вы уже имѣли въ рукахъ самыя достовѣрныя свѣ-

дѣнія чрезъ отвѣтъ, данный лордомъ Стормонтомъ вашему посланнику г-ну Симолину. Но, если мнѣ и пришлось разъ играть роль тѣхъ пріятныхъ особъ, которыя даже здороваться имѣютъ привычку съ таинственнымъ видомъ и на ухо, то по крайней мѣрѣ я не погрѣшилъ умолчаніемъ предъ В. И. В. и дѣйствительно передалъ вамъ все, чтò мнѣ самому въ то время было извѣстно. Я не воображалъ, что Англія припомнитъ вѣжливыя предложенія, нѣкогда сдѣланныя ей, также какъ и Франціи и Испаніи, по заключеніи Тешенскаго мира и не возобновлявшіяся съ того времени, и пожелаетъ формально присоединить мое посредничество къ вашему, Государыня. Не скрою отъ В. И. В-ва, что такой образъ дѣйствія со стороны Англійскаго двора былъ мнѣ весьма пріятенъ, свидѣтельствуя объ уваженіи и даже довѣріи, весьма пріятныхъ и лестныхъ для такого новичка, какъ я, и притомъ въ столь важную эпоху, какова наша. Но я чувствовалъ бы себя еще болѣе польщеннымъ, если бы В. И. В. удостоили эту мѣру своего одобренія и благоволили принять меня соучастникомъ въ дѣлѣ, столь благотворномъ, какъ заключеніе мира. Представленіе, согласно вашимъ приказаніямъ сдѣланное лорду Стормонту вашимъ посланникомъ, обнимаетъ собою все и все выражаетъ, такъ что добавить къ нему рѣшительно нечего. Посему я приказалъ изложить мой отвѣтъ Англіи возможно ближе къ образцу, такъ прекрасно вами для меня предначертанному; я поручилъ графу Кобенцелю сообщить этотъ отвѣтъ министрамъ В. И. В-ва и вступить съ ними въ соглашеніе относительно всего, чтò могло бы быть угодно В. И. В-ву какъ въ видахъ успѣшнаго приведенія къ концу, такъ и въ видахъ ускоренія этого великаго дѣла. Вы изволите замѣтить нѣкоторую разницу въ тонѣ изложенія, разницу, подобающую государю сухопутному, между тѣмъ, какъ повелительница хорошо-вооруженныхъ линейныхъ кораблей, разъѣзжающихъ по морямъ, имѣетъ право говорить съ бòльшею твердостію.

Въ своей деклараціи вы изволите упоминать объ уступкѣ или обмѣнѣ какой либо, менѣе важной, части владѣній. Это и особенно обращеніе ко взаимной уступчивости съ одной стороны напомнили мнѣ бесѣды, которыя я имѣлъ счастіе вести съ В. И. В. (онѣ слишкомъ глубоко напечатлѣлись въ моей душѣ, чтобы я могъ когда либо забыть про нихъ, и память о нихъ слишкомъ отрадна для меня, чтобы я могъ о нихъ не вспоминать); съ другой стороны мнѣ показалось, что В. И. В. въ этомъ случаѣ изволите разумѣть, главнымъ образомъ, бѣдныхъ Американцевъ, судьба которыхъ, какъ я могъ замѣтить, возбуждаетъ ваше участіе. Такъ какъ отвѣтъ Англіи показался мнѣ въ этомъ пунктѣ рѣзко опредѣленнымъ, то полагаю, что я поступилъ согласно съ видами В. И. В-ва, давъ замѣтить въ

концѣ моего отвѣта (хотя и безъ заявленія какихъ либо положительныхъ требованій), что если хотятъ мира, то не слѣдуетъ взаимно требовать другъ отъ друга ничего, кромѣ удобоисполнимаго, такого, на что каждая изъ державъ, находясь на мѣстѣ другой, считала бы возможнымъ согласиться.

Немножко удивительно, что въ то время, когда ведутся переговоры о замиреніи, Англія объявляетъ войну Голландіи; повидимому, генію В. И. В-ва будетъ предоставлено найти средство распутать этотъ хаосъ, оказать человѣчеству эту великую услугу и примирить, наконецъ, державы, которыя, повидимому, всё одинаково желаютъ мира, но также мало умѣютъ мириться, какъ и воевать. Я съ полнымъ довѣріемъ и особеннымъ удовольствіемъ присоединяюсь къ В. И. В-ву и не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ, до какой степени меня трогаетъ мысль о томъ, въ чемъ мнѣ видится такое доброе предзнаменованіе для будущаго. Я разумѣю, что всѣмъ, пріятнымъ, почетнымъ и отраднымъ, что̀ я испыталъ за нѣсколько часовъ моего царствованія, всѣмъ этимъ я обязанъ В. И. В-ву. И съумѣю ли я найти достаточно словъ, чтобы выразить чувство моей сердечной пріязни и высокаго уваженія? Нѣтъ! Онѣ глубоко напечатлѣны въ моемъ сердцѣ, и я могу только увѣрить В. И. В., что на всю жизнь пребуду и пр. *).

10.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 15 Января 1781.

Вашей скромности угодно было приписать пріѣзду моего курьера то, что̀ единственно составляетъ достойный плодъ вашихъ собственныхъ возвышенныхъ добродѣтелей. Онѣ, я въ томъ увѣрена, превратятъ въ ничто необдуманныя сужденія той несвѣдущей и потому

*) Своему канцлеру, князю Кауницу, императоръ Іосифъ писалъ отъ 9 Января 1781: „Любезный князь. Вотъ мое письмо къ Императрицѣ; прошу васъ добавить въ немъ или выкинуть, что̀ хотите; но слѣдуетъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ женщиною, которая думаетъ только о самой себѣ и которой до Россіи также мало заботы, какъ и мнѣ: потому необходимо щекотать ея самолюбіе. Ея кумиръ—тщеславіе; она избалована безумнымъ счастіемъ и непомѣрнымъ поклоненіемъ на перерывъ всей Европы. Дѣлать нечего, видно приходится выть съ волками, только бы достигнуть доброй цѣли. Что̀ за дѣло до формы, въ какой она можетъ быть достигнута!“ Такъ лукавилъ Іосифъ, оправдываясь передъ старымъ своимъ канцлеромъ въ сношеніяхъ съ Екатериной. Ссылка на безумное счастіе напоминаетъ намъ начальныя строки автобіографическихъ Записокъ Екатерины, а также и извѣстныя слова Суворова: счастіе, счастіе; надобно же и умѣнье. П. Б.

всегда слѣпой толпы, о которой вы изволите говорить. Я глубоко убѣждена, что все, что̀ совершитъ в. и. в. будетъ благодѣтельно, велико и прекрасно, что все это будетъ совершено безъ излишней торопливости и съ благоразуміемъ, вамъ столь свойственнымъ. В. И. В., всеконечно, не нуждаетесь въ моемъ одобреніи, и не мнѣ, конечно, внушить вамъ бодрость и энергію; но мой голосъ всецѣло принадлежитъ вамъ. Я не таю этого отъ кого бы то ни было и убѣдительно прошу васъ считать меня въ числѣ глашатаевъ вашихъ возвышенныхъ качествъ; ни на минуту не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете честь моей прозорливости. Этотъ глашатай, исполненный довѣрія, не считаетъ чрезмѣрною смѣлостью льстить себя надеждою, что в. и. в. благоволите присоединить свой голосъ къ моему для вразумленія Порты относительно точнаго исполненія Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго трактата и проистекшихъ изъ него соглашеній. Этимъ господамъ, видно, захотѣлось каждый день выкидывать изъ него по статьѣ: то они не желаютъ допустить консула въ Молдавіи или въ Валахіи, то придираются по случаю отправки или прибытія въ Константинополь пакетбота, то хотятъ оттянуть у насъ назадъ выговоренныя нами таможенныя льготы. Вѣдь я отъ нихъ ничего не требую, кромѣ того, что̀ письменно изложено въ мирномъ трактатѣ и въ вышеупомянутомъ соглашеніи. Одно слово в. и. в-ва въ мою пользу, я въ томъ увѣрена, принесетъ много пользы, и я сочла бы себя за это безконечно обязанною вамъ.

Вашъ духовный папаша Пій VI получилъ отъ меня отвѣтъ, который будетъ ему, вѣроятно, не по душѣ; но какъ быть? У всякаго свои правила. Изложивъ предъ нимъ начала терпимости, которыя (в. и. в. изволили видѣть) у насъ въ полномъ примѣненіи на дѣлѣ, безъ ущерба для кого бы то ни было, я заключила мое посланіе молитвою ко Господу «о соединеніи всѣхъ». Мой долгъ, какъ главы Греко-Россійской церкви, полагаю, требовалъ бы отъ меня рекомендовать благосклонности и добродѣтелямъ в. и. в-ва находящихся въ вашихъ владѣніяхъ жителей православнаго Греческаго вѣроисповѣданія; но это было бы излишне: я увѣрена, что они будутъ всегда готовы сражаться за в. в. противъ кого вамъ будетъ угодно, а человѣчность в. в-ва мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна.

11

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 22 Января 1781.

Весьма обязана вашему императорскому величеству за сообщеніе добраго расположенія Англіи къ принятію предложеній о посредничествѣ, съ которыми я обратилась къ ней, равно какъ и къ Франціи и Испаніи, сообщивъ этимъ державамъ соглашеніе, заключенное нейтральными державами. Письмо вашего императорскаго величества не только подтверждаетъ мнѣ добрую вѣсть о таковомъ настроеніи Англіи, но въ тоже время извѣщаетъ меня о желаніи Лондонскаго двора къ моему посредничеству присоединить посредничество вашего императорскаго величества. Курьеръ, прибывшій на этихъ дняхъ прямо изъ Лондона, доставилъ мнѣ отвѣтъ Англіи и тѣже самыя вѣсти. Я, конечно, далека отъ мысли отказаться отъ столь почетнаго для меня предложенія. Дозвольте, в. и. в., выразить вамъ мою радость и удовольствіе по поводу возможности совмѣстно съ вами участвовать въ оказаніи столь существенной услуги человѣчеству, какою было бы прекращеніе пролитія человѣческой крови. При всемъ томъ, не смотря на столь основательный отвѣтъ в. и. в-ва, мнѣ предвидится гораздо болѣе трудностей въ этомъ дѣлѣ, нежели въ томъ, которое вамъ было угодно предложить мнѣ и по которому вы изволили снабдить графа Кобенцеля инструкціями и полномочіями. И такъ, вотъ одно изъ моихъ предсказаній исполняется! Я была совершенно приготовлена къ полученію этихъ предложеній и привѣтствовала ихъ не только съ удовольствіемъ, но даже (смѣю сознаться въ томъ предъ в. и. в., любящимъ истину и достойнымъ слышать ее) съ радостію: ибо никогда не могла я свыкнуться съ мыслію объ уничтоженіи давнишнихъ обязательствъ, основанныхъ на неоспоримой общности интересовъ. Я потеряла не болѣе времени, нежели сколько нужно для удовлетворенія формальностямъ, которымъ подчиняется каждый изъ насъ, и прошу васъ вѣрить чувству весьма большаго удовольствія, съ которымъ я приказала моимъ министрамъ выслушать вашего посланника и вступить съ нимъ въ переговоры къ улаженію дѣла, столь драгоцѣннаго для дружбы, которую я на всегда посвятила в. и. в-ву, какъ союзъ нашихъ державъ.

Настоящій годъ, повидимому, предназначенъ для событій, всякаго рода договоровъ и даже браковъ. Датская королева пожелала на

чать переговоры о бракѣ наслѣднаго принца съ младшею сестрою моей невѣстки. Спросили моего мнѣнія: я отвѣчала, что молодыя лѣта принца даютъ возможность не разъ подумать объ этомъ дѣлѣ и что я не предполагаю, чтобы родители принцессы такъ ужъ торопились выдать ее замужъ.

12.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 28 Января 1781.

Государь мой братъ! В. и. в. разрѣшили мнѣ не только говорить съ вами съ полнымъ довѣріемъ, но доводить до вашего свѣдѣнія даже тѣ ложные слухи, которые желаютъ распускать ваши завистники; благоволите же нынѣ дозволить мнѣ взяться за перо, чтобы побесѣдовать съ вами о дѣлѣ, о которомъ я въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не рѣшалась прервать молчаніе: до такой степени этотъ предметъ мнѣ представлялся непріятнымъ. Я разумѣю дѣло Юліуса *), о которомъ я намѣрена теперь вести рѣчь. В. и. в-ву и е. и в. достославной памяти почившей августѣйшей родительницѣ вашей было угодно прошедшею весною сообщить мнѣ черезъ графа Кобенцеля сокращенное изложеніе этого дѣла. Я никогда не забуду довѣрія, которое вамъ угодно было оказать мнѣ въ этомъ случаѣ, положившись на мое рѣшеніе.

Желая тѣмъ лучше соотвѣтствовать этому, столь лестному для меня, довѣрію, я, прежде моего отъѣзда въ Могилевъ, приказала моему посланнику въ Варшавѣ наиближайшимъ образомъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ, которое до этихъ поръ было извѣстно мнѣ только по слухамъ. Записку, составленную по этому случаю графомъ Штакельбергомъ, я приказала вручить графу Кобенцелю

*) Бывшій капитанъ Австрійской службы, баронъ Карлъ Юліусъ, проживавшій въ качествѣ частнаго человѣка въ Варшавѣ, получилъ отъ Австрійскаго посла, барона Ревицкаго порученіе завербовать обратно на Австрійскую службу Австрійскихъ дезертировъ. Онъ былъ обвиненъ въ завербованіи въ предѣлахъ Польской земли на военную службу къ иностранному государю подданныхъ Рѣчи Посполитой, и какъ государственный измѣнникъ, приговоренъ къ изгнанію изъ Польши и къ конфискованію имущества. Но вслѣдствіе энергическаго требованія Іосифа, настоятельно поддержаннаго Екатериною, Польское правительство нашлось вынужденнымъ уплатить барону Юліусу вознагражденіе въ 20,000 червонцевъ и снять запрещеніе, наложенное на его имѣнія. (Примѣчаніе Вѣнскаго издателя этой переписки).

и, вполнѣ полагаясь на правосудіе в. и. в-ва, нынѣ осмѣливаюсь просить в. и. в-во, при чтеніи этой записки, внимать одному только величію вашей собственной души, одному только природному великодушію вашему. Да обратится же это дѣло, одно изъ первыхъ дѣлъ царствованія, на которое нынѣ обращенъ взоръ всего міра, всецѣло къ вашей славѣ; таковы мои искреннія и пламенныя желанія. Да заставитъ в. и. в. еще разъ умолкнуть завистниковъ, которые пытаются разглашать, что это дѣло служитъ лишь предлогомъ для преслѣдованія людей, расположенныхъ къ Россіи, путемъ конфискованія ихъ имущества, и въ особенности короля Польскаго и его фамиліи, и что это одно лишь предисловіе къ нѣкоторымъ проектамъ, которые якобы возложены на г. Тугута [1]) и г. де-Каше [2]) и которыхъ они будто бы вовсе не скрываютъ. Ихъ также обвиняютъ въ крайней горячности выраженій и довольно несдержанныхъ рѣчахъ, походящихъ на давнишнія предубѣжденія. Я далека отъ того, чтобы давать вѣру показаніямъ, которыя мнѣ представляются столько же преувеличенными, сколько и несогласными съ заявленіями дружбы и непрерывнаго довѣрія, которыхъ в. и. в-ву угодно было удостоивать меня съ той минуты, когда я имѣла счастіе познакомиться съ вами. Чтобы отвѣчать на это полною взаимностію, я почла нужнымъ довести до свѣдѣнія в. и. в-ва, что̀ по этому поводу доходитъ и, вѣроятно, не перестанетъ доходить до меня впредь до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно улажено это дѣло, о которомъ, желая по возможности содѣйствовать уладенію онаго, я приказала вице-канцлеру графу Остерману отправить письмо моему посланнику въ Варшавѣ, дабы и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ къ окончанію онаго, если бы в. и. в. благоволили приказать вашему тамошнему уполномоченному договориться съ нимъ по сему поводу.

---

1) Баронъ Францъ Тугутъ, получившій впослѣдствіи такую извѣстность Австрійскій министръ.

2) Бенедиктъ де Каше, Австрійскій повѣренный въ Польшѣ.

13.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 24 Февраля 1781.

Заразъ два дѣла столь важныя, какъ тѣ, на совершеніе которыхъ совмѣстно съ вами и при вашемъ содѣйствіи В. И. В-ву угодно подавать мнѣ надежду, способны (какъ то, такъ и другое) восхитить и избаловать меня на всю мою остальную жизнь, въ которой подобные случаи, безъ сомнѣнія, никогда уже болѣе не повторятся. Если бы В. И. В-во почли нужнымъ имѣть какое либо подтвержденіе моего образа мыслей, то можете быть увѣренною, что я воспользовался бы съ величайшею готовностью первымъ, представившимся для сего, удобнымъ случаемъ.

Вамъ благоугодно было мое содѣйствіе для убѣжденія Порты къ точному исполненію Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Я вижу въ этомъ честь для себя и знакъ снисхожденія, которое вамъ угодно оказать этимъ неразумнымъ мусульманамъ. В. В. не нуждаетесь ни въ чьемъ содѣйствіи: Румянцовы, Потемкины, Орловы, Долгорукіе, Репнины, Каменскіе и столько другихъ уже такъ хорошо проучили ихъ и всегда готовы повторить преподанный имъ урокъ, что В. И. В-ву стоитъ сказать одно слово, чтобы ихъ образумить. Тѣмъ не менѣе я тотчасъ же отправилъ приказаніе моему интернунцію въ Константинополѣ и, не пускаясь съ нимъ въ большія подробности, предписалъ ему просто за просто снестись съ господиномъ Стахѣевымъ, посланникомъ В. И. В-ва и предложить ему свое содѣйствіе, сообразно съ видами В. И. В-ва относительно точнаго и строгаго выполненія всѣхъ статей, заключающихся въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирномъ договорѣ. Я даже посовѣтовалъ ему въ этомъ дѣлѣ пустить въ ходъ Нѣмецкій языкъ, энергическіе звуки котораго, какъ мнѣ кажется, могутъ оказаться болѣе убѣдительными, чѣмъ мягкость и нѣжная гладкость языка Французскаго. Почту себя счастливымъ, если послѣдствія оправдаютъ мое предположеніе предъ В. И. В-вомъ, и отвѣчаю за искренность руководившихъ мною намѣреній.

Участіе, которое В. И. В-ву угодно оказывать добрымъ вѣрноподданнымъ Греческаго вѣроисповѣданія, находящимся въ предѣлахъ моей державы, можетъ только усилить то участіе, съ которымъ я самъ всегда къ нимъ относился. Свобода въ дѣлѣ мысли и вѣры, которую вы, Государыня, предоставляете каждому въ ва-

шемъ государствѣ, и право, которымъ пользуется въ немъ всякій, слѣдовать своей вѣрѣ, только убѣждаетъ меня (даже становясь на почву самыхъ строгихъ казуистовъ и воззрѣній моего духовнаго папаши Пія VI) въ существованіи лишь слѣдующей разницы между положеніемъ дѣлъ у васъ и тѣмъ, что̀ происходитъ въ другихъ мѣстахъ: вы, Государыня, заставляете людей всѣхъ безъ различія народностей и вѣры, населяющихъ вашу обширную имперію, на землѣ радостно идти путемъ общаго и единодушнаго содѣйствія благу государства, основанному на усердномъ и точномъ исполненіи вашихъ предначертаній, предоставляя каждому по смерти устраиваться, какъ онъ самъ разумѣетъ, относительно мѣста и пути, которыя будутъ имъ отведены въ вѣчности. Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ нетерпимые люди выбиваются изъ силъ представить для всѣхъ душъ одинъ общій маршрутъ во мракъ вѣчности, а чрезъ то покамѣстъ лишаютъ себя того согласія стремленій, того единенія, въ направленіи воль и дѣйствій со стороны живыхъ людей, каковыхъ требуетъ благоустроенное свѣтское правительство. И это жалкое воззрѣніе, это тщеславное мнѣніе, будто можно силою заставить человѣческія души идти въ рай, къ несчастію столько уже надѣлали зла и оказываются такъ глубоко укоренившимися во многихъ умахъ, что приходится лишь съ большою осторожностію и мало по малу останавливать проявленія и ослаблять послѣдствія оныхъ.

Ободряемый благосклонностью В. И. В-ва, я не могъ отказаться отъ желанія съ этимъ самымъ курьеромъ доставить графу Кобенцелю нѣчто какъ бы на память объ е. в-вѣ моей почившей родительницѣ; это—экранъ, не имѣющій иной цѣны, кромѣ того только, что онъ былъ вышитъ въ Вѣнѣ по приказанію покойной не задолго до ея кончины. Она оставила мнѣ завѣтъ раздать всѣмъ ея дѣтямъ, внукамъ и друзьямъ что нибудь на память о ней, и всегда помня, что В. И. В-ву угодно именоваться моимъ другомъ, я вздумалъ самымъ дѣломъ оправдывать это имя. Отчего бы, сказалъ я самъ себѣ, Е. И. В-ву не принять отъ меня бездѣлицу, способную иногда напоминать о томъ мѣстѣ, откуда эта вещь прислана? Если только В. И. В-ву угодно будетъ на то соизволить, г. Кобенцелю поручено мною доставить этотъ экранъ въ вашу пріемную, и В. И. В. окажете мнѣ особый знакъ милостиваго и дружескаго расположенія, удостоивъ удѣлить гдѣ нибудь въ вашихъ покояхъ мѣстечко для этого предмета.

Вотъ состояніе вашего здоровья, Государыня моя сестра, такъ мнѣ вовсе не по душѣ: точныя свѣдѣнія, которыя я постоянно стараюсь имѣть о немъ, вовсе не успокоиваютъ меня касательно ревматизма, который продолжаетъ тревожить В. И. В. Бога ради, ус-

покойте меня на этотъ счетъ, и вѣрьте, что я никому въ мірѣ не уступлю въ томъ, что̀ касается самаго искренняго и чуждаго всякихъ корыстныхъ видовъ участія, принимаемаго мною въ личномъ благополучіи В. И. В-ва. Если бы для того, чтобы быть здоровѣе, В. И. В-ву потребовалось попутешествовать еще тысячу-другую верстъ: то, Бога ради, сдѣлайте это; только благоволите не позабыть при этомъ, что мнѣ захочется участвовать въ этой поѣздкѣ, хотя бы потомъ опять стали говорить, что я на каждой станціи потребляю горячіе пирожки, которыхъ я въ самомъ дѣлѣ и въ глаза не видалъ.

*

(Отдѣльный листокъ отъ того же числа).

Заключеніе оборонительнаго и дружественнаго договора, основаннаго на началахъ взаимнаго ручательства на которое В. И. В. столь благосклонно и въ столь лестной для меня формѣ благоволили изъявить свое соизволеніе (разрѣшивъ вашимъ министрамъ выслушать по этому предмету заявленія графа Кобенцеля) на столько же льститъ чувствованіямъ моего сердца, на сколько въ тоже время (я въ томъ не сомнѣваюсь, будучи убѣжденъ въ справедливости и уваженіи къ чужимъ интересамъ, которыми отличены всѣ, даже политическія, дѣянія В. И. В-ва, и которыя вполнѣ отвѣчаютъ моимъ собственнымъ чувствамъ и правиламъ) имѣетъ послужить и къ обоюдной выгодѣ нашихъ двухъ державъ. Союзъ этотъ снова укрѣпитъ систему взаимности выгодъ, которая давно уже была признана соотвѣтствующею пользамъ той и другой державы, и въ исторіи которой лучшее время моей жизни, т. е. то время, когда я имѣлъ счастіе заслужить дружбу В. И. В-ва, имѣетъ составить важнѣйшую эпоху.

Что̀ касается до нашего посредничества, то В. И. В. изволили оказать мнѣ особый знакъ благосклонности, благоволивъ призвать меня къ участію въ этомъ столь благодѣтельномъ предпріятіи, которому однѣ вы, Ваше Величество, дали движеніе вашими декларацiями, учрежденіемъ морскаго союза, вооруженіемъ и выступленіемъ въ море вашего флота, наконецъ всѣмъ вѣсомъ вашего авторитета, успѣвъ тѣмъ самымъ привлечь къ себѣ полное довѣріе и уваженіе воюющихъ сторонъ, между тѣмъ какъ я, по моему положенію, могъ только удивляться и сочувствовать величію и достоинству вашихъ тщаній, направленныхъ къ возстановленію Европейскаго мира. Я весьма желалъ бы имѣть возможность сообщить В. И. В-у еще какія либо подробности о положеніи, въ какомъ въ данную минуту находятся предварительные переговоры, имѣющіе подготовить миръ. Но

все, что̀ обстоятельства дозволили мнѣ узнать за послѣднее время, заключается только въ томъ, что я получилъ отъ Испанскаго короля отвѣтъ, въ которомъ онъ весьма дружественно изъявляетъ свое согласіе принять мое посредничество, присоединивъ оное къ давно желанному имъ посредничеству В. И. В-ва. Съ минуты на минуту ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій изъ Франціи, которой Испанія (какъ Мадридскій дворъ меня о томъ увѣдомилъ) съ совершенною ясностію заявила свои намѣренія по этому предмету; относительно Англіи мнѣ точно также извѣстно только то, что отвѣтъ, отправленный мною въ Лондонъ, былъ принятъ тамъ довольно сочувственно. Какъ скоро буду въ состояніи сообщить В. И. В-ву какія нибудь другія, болѣе интересныя, подробности, я, конечно, не премину воспользоваться этимъ случаемъ, почитая себя слишкомъ счастливымъ, когда представляется поводъ побесѣдовать съ В. И. В-омъ безъ опасенія быть слишкомъ нескромнымъ.

Въ столь обязательной деликатности, съ которою В. И. В. изволили сообщить мнѣ о письмѣ вдовствующей королевы Датской по поводу предположеній о брачномъ союзѣ наслѣднаго принца съ младшей сестрой великой княгини, вашей невѣстки, я увидѣлъ самое несомнѣнное доказательство вашего личнаго дружескаго расположенія и благосклоннаго желанія поддержать и еще болѣе упрочить наши дружескія отношенія. Приношу по этому поводу В. И. В-ву выраженіе моей безпредѣльной признательности: поступать такимъ образомъ значитъ знать, что̀ есть истинная дружба. Я полагаю, что хорошо поступилъ съ своей стороны, сообщивъ объ этомъ моему брату въ Тоскану и добавивъ къ этому всѣ соображенія, на которыя это извѣстіе наводитъ; ласкаю себя надеждою, что его отвѣтъ доставитъ мнѣ случай еще разъ побесѣдовать съ В. И. В-ву объ этомъ предметѣ.

Вчерашній курьеръ доставилъ мнѣ письмо, которое В. И. В-ву было угодно написать мнѣ по дѣлу Юліуса. Чувствую всю цѣну вашего довѣрія; мнѣ, какъ и всякому, кто привыкъ мыслить и чувствовать искренно, ничто не можетъ доставить бо̀льшаго удовольствія, какъ возможность разсѣять въ глазахъ людей, удостоенныхъ вниманіемъ В. И. В-ва, сомнѣнія и измышленія, кои для иныхъ людей пріятно изобрѣтать на вашъ счетъ. В. И. В. не можете оказать мнѣ большей милости, какъ если изволите всегда поступать такимъ же образомъ и по отношенію ко мнѣ. Что̀ касается до самаго дѣла, то я долженъ почтительнѣйше довести до свѣдѣнія В. И. В-ва тотъ фактъ, что повелѣніе о наложеніи секвестра на имѣніе виновниковъ въ столь же возмутительномъ, сколько и несправедливомъ веденіи этого дѣла и отнятіи имущества у Юліуса, состоялось еще при жизни е. в. почившей императрицы и скрѣплено ея собственно-

ручною подписью отъ 15-го истекшаго Ноября. И такъ мною, по смерти ея, лишь оставлено въ силѣ то, что̀ я не имѣлъ никакаго повода измѣнять, такъ какъ (мнѣ по неволѣ приходится высказать это) дѣйствія короля и многихъ изъ числа его совѣтниковъ были и продолжаютъ быть возмутительными и непристойными по тѣмъ незаконнымъ поступкамъ и недостойнымъ уловкамъ всякаго рода, къ какимъ они позволяютъ себѣ прибѣгать. Въ настоящее же время, когда В. И. В-ву угодно было сообщить мнѣ, что вы изволили отправить графу Штакельбергу болѣе опредѣленныя инструкціи съ цѣлію улаженія этого дѣла, я съ полнымъ довѣріемъ чрезъ того же курьера, который везетъ настоящее письмо и который имѣетъ заѣхать въ Варшаву, отправляю моему тамошнему посланнику Тугуту повелѣніе сообразоваться, на сколько будетъ только возможно, съ предложеніями, которыя сдѣлаетъ ему вашъ посланникъ на основаніи полученныхъ имъ новыхъ повелѣній В. И. В-ва, всегда основанныхъ на строгой справедливости и на сознаніи того, чего требуетъ чувство собственнаго достоинства. Дабы возможно скорѣе исполнить желаніе В. И. В-ва и ни мало не стыдясь доказать предъ цѣлою Европою, какъ глубоко я чту ваши желанія, я приказываю г. Тугуту, чтобы онъ, какъ скоро достигнетъ соглашенія съ графомъ Штакельбергомъ, немедленно далъ знать о томъ кому слѣдуетъ въ Львовѣ, гдѣ уже приказано тотчасъ, по полученіи сего увѣдомленія и не дожидаясь дальнѣйшихъ предписаній, приступить къ снятію секвестра.

Что касается до другихъ вѣстей, которыя, надобно думать, распускаются на мой счетъ и на счетъ приписываемыхъ мнѣ проектовъ, то могу честью увѣрить В. И. В., что относительно Польши я не имѣю и не могу имѣть никакихъ намѣреній, которыя бы не были совершенно согласны съ вашими собственными, въ виду совершеннаго тождества нашихъ интересовъ касательно продолженія въ Польшѣ существующей тамъ анархіи и проистекающаго изъ оной безсилія. Такимъ образомъ, если бы мой полномочный посланникъ и повѣренный вздумали говорить въ другомъ тонѣ, то этимъ они жестоко скомпрометировали бы себя; но я полагаю, что просто лишь нѣкоторое раздраженіе, которое очень способенъ вызвать тотъ способъ, какимъ обыкновенно дѣйствуютъ въ Варшавѣ, заставило ихъ сказать что нибудь лишнее. Тоже самое чувство досады, возбужденное и въ тѣхъ, кто ихъ слушалъ, вѣроятно, въ свою очередь, вызвало преувеличенія въ донесеніяхъ этихъ послѣднихъ по сему поводу. А во всемъ этомъ виноватъ все этотъ третій участникъ въ раздѣлѣ Польши, который по своему положенію, извлекая почти одинъ всю выгоду изъ раздѣла, забралъ въ свои руки всѣ пункты вывоза, обираетъ пошлины со всѣхъ предметовъ

вывозной торговли и держитъ эту торговлю въ полной зависимости отъ своего произвола, самымъ безжалостнымъ и раззорительнымъ для Рѣчи Посполитой образомъ. Очень можетъ статься, что Прусскій король не пренебрегаетъ никакими средствами, какъ крупными, такъ и мелкими, для извлеченія своихъ выгодъ, подбираетъ себѣ партію, интригуетъ въ Польшѣ и старается смѣшать карты, чтобы имѣть случай опять, какъ говорится, половить рыбу въ мутной водѣ. Что же касается, меня, то, кромѣ нѣкоторыхъ внутреннихъ мѣропріятій для благосостоянія Галиціи, весьма въ нихъ нуждающейся, у меня нѣтъ и быть не можетъ никакой охоты стремиться къ пріобрѣтенію болѣе непосредственнаго вліянія на внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой, со стороны которой я требую только соблюденія должнаго ко мнѣ уваженія и такихъ отношеній, которыя я считаю соотвѣствующими моему достоинству.

14.

Іосифъ Екатеринѣ.

6-го Марта 1781 года.

Государыня моя сестра! Въ то самое время, когда я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и самымъ искреннимъ желаніемъ ожидалъ извѣстій о подписаніи договора, давно желаннаго мною и уже какъ бы заранѣе начертаннаго въ моемъ сердцѣ, въ то самое время я къ величайшему прискорбію узнаю отъ графа Кобенцеля о непреодолимомъ затрудненіи, которое противится исполненію самыхъ завѣтныхъ моихъ желаній и, осмѣлюсь такъ выразиться, обоюдной пользѣ нашихъ двухъ государствъ и нашей личной дружбѣ, хотя послѣдняя нуждалась, конечно, не въ усиленіи, а только въ торжественномъ подтвержденіи или освященіи въ столь лестной для меня формѣ гласнаго договора.

Къ несчастію, то, чего угодно желать В. И. В-у, составляетъ единственное, чего не находится въ моей власти; ибо я не воленъ въ моемъ титулѣ и въ единственной прерогативѣ, еще за нимъ остающейся. То и другое ввѣрено мнѣ курфирстами имперіи, передъ которыми я за нихъ отвѣтственъ. Благоволите, Бога ради, поставить себя на одну минуту на мое мѣсто и, достаточно зная, какъ я мыслю и на сколько я привыкъ цѣнить вещи только по ихъ дѣй-

ствительному достоинству, извольте судить, что̀ я долженъ чувствовать, благодаря тому, что я, конечно, не въ качествѣ государя Австрійской монархіи, но будучи облеченъ призракомъ власти, имѣющей одно лишь почетное значеніе и связанной съ моимъ императорскимъ саномъ, тѣмъ самымъ не только въ настоящее время, но и на всегда, какъ за себя, такъ и за моихъ преемниковъ, пока будутъ императоры изъ моего дома, нахожусь въ невозможности заключить союзъ или договоръ съ В. И. В-вомъ и вашими преемниками, и что слѣдовательно мы не можемъ вступить между собою ни въ какое соглашеніе даже относительно совмѣстнаго участія нашего въ дѣлѣ посредничества. Эта мысль, при воззрѣніяхъ, которыя я усвоилъ себѣ на дѣйствительные интересы моей державы, при ничтожномъ значеніи, которое я придаю всему, что̀ относится къ этикету и внѣшней формѣ, при моемъ высокомъ понятіи о величіи духа В. И. В-ва, которое сообщаетъ истинный вѣсъ и значеніе вашему могуществу, эта мысль наполняетъ мою душу прискорбіемъ, о силѣ котораго предоставляю судить вамъ однѣмъ.

Несомнѣнно, что, еслибы я могъ слѣдовать единственно моимъ личнымъ желаніямъ, то, для того, чтобы только это дѣло могло состояться, я бы съ радостію подписалъ мое имя, подъ чѣмъ бы только заблагоразсудилось В. И. В-ву. Говорю это совершенно искренно; знай я только, какъ это сдѣлать, я даже съ удовольствіемъ сложилъ бы обратно въ руки курфирстовъ тяжелое бремя предоставленнаго мнѣ ими титула, составляющаго единственный источникъ настоящаго, столь прискорбнаго для меня затрудненія, такъ какъ В. И. В. не сомнѣваетесь, конечно, что мнѣ бы и въ голову не могло прійти сообразить, чтобы я, въ качествѣ только государя Австрійской монархіи, могъ имѣть хотя бы малѣйшее притязаніе на какое либо преимущество предъ В. И. В. Впрочемъ, мнѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ аргументамъ или ссылкамъ на всевозможные прецеденты въ доказательство невозможности, въ которой я нахожусь исполнить волю В. И. В-ва. Я могу только умолять В. И. В. на минуту поставить себя на мое мѣсто и почувствовать, какая тяжкая жертва для меня—эта необходимость отказаться отъ того, что̀ составляло предметъ моихъ живѣйшихъ желаній, ради обязанностей налагаемыхъ на меня постомъ, занимаемымъ мною въ качествѣ императора Германскаго. Я могу только умолять В. И. В. посудить о томъ, какое безконечное счастіе было бы для меня, если бы В. И. В. благоволили снизойти на столько, чтобы оставить все въ томъ самомъ видѣ, какъ было прежде, отдавъ справедливость моей доброй волѣ, но признавъ въ тоже время невозможность, въ какую я поставленъ—поступиться преимуществомъ, которое ввѣрено мнѣ только временно: ибо будь оно только въ моей волѣ, я, конеч-

но, ни на одну минуту не задумался бы представить его вамъ, Государыня.

Если, тѣмъ не менѣе, по этой причинѣ В. И. В-ву не угодно будетъ заключить письменнаго договора, то не допустимъ, по крайней мѣрѣ, никакой перемѣны въ нашемъ образѣ мыслей и въ нашихъ убѣжденіяхъ и будемъ при всякомъ имѣющемъ представиться случаѣ давать другъ другу доказательства того взаимнаго сочувствія, той взаимной пріязни и того самаго тожества началъ и выгодъ, которыя именно мы имѣли въ виду установить настоящимъ договоромъ. Чувствую, конечно, что подписаніе гласнаго и торжественнаго договора было-бы предпочтительнѣе, особливо въ виду тѣхъ державъ, въ интересы коихъ вовсе не входитъ видѣть установленіе между нами отношеній тѣснаго союза, и которыя, быть можетъ, даже не совсѣмъ непричастны и этому, встрѣтившемуся намъ, затрудненію. По крайней мѣрѣ, мнѣ положительно извѣстно, что эти державы уже успѣли провѣдать объ этомъ обстоятельствѣ и, по своему всегдашнему обычаю, спѣшатъ оповѣстить о немъ и другихъ. Но, какъ бы то ни было, для меня останется навсегда безконечно лестнымъ, что я имѣлъ случай видѣть столь благосклонное расположеніе ко мнѣ В. И. В-ва и узнать единственное обстоятельство, которое можетъ составить препятствіе къ нашему союзу.

Г-ну Кобенцелю поручено, кромѣ того, сообщить министрамъ В. И. В-ва проектъ незначительнаго измѣненія въ важной секретной статьѣ условій, о которомъ ему было передано по повелѣнію В. И. В-ва. Надѣюсь, вы изволите найти, что предлагаемое изложеніе этой статьи не допускаетъ ни на минуту сомнѣнія въ искренности моихъ чувствъ и въ моей полной готовности и твердомъ желаніи быть во всѣхъ случаяхъ, и особенно на случай войны съ Турціей, возможно болѣе и возможно существеннѣе полезнымъ В. И. В-ву, и я бы желалъ только заранѣе узнать намѣренія В. И. В-ва по сему предмету, дабы имѣть возможность заблаговременно и исподволь согласовать съ оными мои собственныя распоряженія.

Теперь уже единственно отъ В. И. В-ва будетъ зависѣть рѣшить, угодно ли будетъ вамъ имѣть союзника не только по чувствамъ сердца, но и въ силу формальнаго обязательства, или же буде В. И. В-ву неугодно будетъ соизволить на неизбѣжныя въ такомъ случаѣ формальности, имѣть во мнѣ по прежнему и не взирая ни на что, преданнаго и искренняго друга, единственно во имя величайшихъ нравственныхъ правъ, которыя В. И. В. пріобрѣли на всю мою душу и на всю пріязнь и неизмѣнную привязанность, какія я только способенъ питать.

15.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 4-го Марта 1781 г.

Вашими дѣяніями в. и. в. ежедневно обличаете всю лживость вашихъ завистниковъ. Тотъ самый императоръ, котораго считали такимъ войнолюбивымъ, начинаетъ свое царствованіе тѣмъ, что является миротворцемъ среди другихъ народовъ. В. и. в-во пріобрѣтете себѣ этимъ право на ихъ благословенія, къ коимъ имѣютъ присоединиться и благословенія людей всѣхъ вѣроисповѣданій, какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ вашъ образъ мыслей относительно свободы для каждаго въ выборѣ пути къ царству небесному. Осмѣливаюсь ободрить в. в. въ столь прекрасномъ подвигѣ и увѣрить, что въ дѣлѣ вѣротерпимости вы встрѣтите гораздо менѣе противодѣйствія, чѣмъ бы можно было ожидать. Я говорю въ этомъ случаѣ немножко по собственному опыту: оказалось, что всѣ пустились сочувствовать кроткимъ мѣрамъ, какъ скоро я объявила, что ненавижу притѣсненія за вѣру, и мнѣ довелось видѣть, какъ прежніе гонители становились такими ревностными проповѣдниками реформъ, что потомъ мнѣ уже самой пришлось заставлять ихъ молчать, такъ какъ они въ своемъ усердіи заходили далѣе моихъ собственныхъ намѣреній. Человѣческая природа всегда и вездѣ одинакова, и потому я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что в. и. в-ву не трудно будетъ согласить умы и направить ихъ къ общему благу вашихъ подданныхъ, къ которымъ вы относитесь какъ родной отецъ, и между которыми (я въ томъ увѣрена) для васъ не будетъ пасынковъ, потому только, что они избрали себѣ другой путь къ вѣчности.

Драгоцѣнный экранъ, которымъ я обязана дружеской благосклонности в. и. в-ва, помѣщенъ въ моемъ Эрмитажѣ, куда я хожу каждый день повидать его. Эти прогулки немало помогутъ мнѣ окончательно вылѣчиться отъ незначительнаго ревматизма, который остается у меня въ лѣвой рукѣ и о которомъ я не осмѣлилась бы упомянуть въ письмѣ къ в. и. в-ву, если бы вы не изволили выразить желанія узнать, въ какомъ положеніи моя болѣзнь. Первый припадокъ оной я почувствовала на дорогѣ между Нарвою и Гдовомъ, и боли продолжали усиливаться до конца Ноября, когда я рѣшилась употребить шпанскія мушки. Съ тѣхъ поръ боли постепенно уменьшаются; надѣюсь, что мнѣ можно будетъ обойтись и

безъ Царицынскихъ водъ, на которыя я этою зимою совсѣмъ было рѣшилась ѣхать искать облегченія *). Но, признаюсь, послѣ Могилевскаго мнѣ трудно найти привлекательность въ какомъ нибудь другомъ путешествіи, хотя бы и на каждой станціи можно было доставать наилучшіе въ свѣтѣ горячіе пирожки.

16.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 5 Марта 1781 г.

Государь мой братъ! Такъ какъ желанія в. и. в-ва видѣть возстановленіе между нами оборонительнаго договора, основаннаго на взаимной дружбѣ и обоюдноручательствѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ моимъ собственнымъ желаніямъ, то я съ самой искренней готовностью и удовольствіемъ приказала моимъ министрамъ выслушать по этому предмету предложенія посланника в. и. в-ва; результатъ ихъ совѣщаній въ настоящую минуту уже доставленъ на воззрѣніе в. и. в-ва. Прошу в. и. в. быть увѣреннымъ, что тѣже самыя чувства искреннѣйшей пріязни вы встрѣтите всегда и во всѣхъ моихъ поступкахъ по отношенію къ в. и. в-ву и мнѣ было бы истинно прискорбно, если бы какія либо затрудненія формальнаго свойства могли нанести ущербъ сущности дѣла.

Все, что̀ в. и. в-ву угодно было высказать мнѣ лестнаго по поводу нашего совмѣстнаго посредничества, я принимаю, какъ новое свидѣтельство вашего благосклоннаго и дружескаго расположенія ко мнѣ. Такъ какъ короли Французскій и Испанскій согласны признать насъ обоихъ въ качествѣ посредниковъ, то позвольте мнѣ, в. и. в., поздравить себя съ возможностью вмѣстѣ съ вами содѣйствовать достиженію столь благодѣтельной цѣли. Для блага человѣчества я желала бы, чтобы можно было скорѣе уладить перемиріе; это послужило бы подготовкою къ заключенію самаго мира.

---

*) Князь Орловъ ѣздилъ на Царицынскія воды.

17.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 17 Марта 1781 г.

Государыня моя сестра! Съ эстафетою изъ Варшавы получено мною извѣстіе о предварительномъ соглашеніи, состоявшемся при посредствѣ В. И. В-ва, съ королемъ Польскимъ по непріятному дѣлу Юліуса. Это обстоятельство доставляетъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ поводовъ, которыми я всегда пользуюсь съ такой радостью, посредствомъ настоящихъ строкъ засвидѣтельствовать предъ В. И. В-омъ, что я тотчасъ-же и съ удовольствіемъ присоединился къ предложенному соглашенію, не справляясь ни съ чѣмъ, кромѣ желанія сдѣлать угодное В. И. В-ву даже въ бездѣлицѣ. Я немедленно приказалъ снять секвестръ, не вступая ни въ какія дальнѣйшія разбирательства, что̀ можно было бы еще возразить съ точки зрѣнія права. Для меня достаточно было узнать желаніе В. И. В-ва, чтобы моя воля, ставшая почти синонимомъ собственной вашей, немедленно согласовалась съ этимъ желаніемъ. Дабы и на самое отдаленное будущее обезпечить священнѣйшими и неразрывными узами продолженіе соединяющихъ насъ взаимныхъ отношеній, я, воспользовавшись столь дружественнымъ извѣщеніемъ, которымъ В. И. В. изволили почтить меня въ недавнее время насчетъ устройства будущей судьбы младшей принцессы Виртембергской, написалъ моему брату великому герцогу Тосканскому и въ настоящее время уполномоченъ имъ сообщить, что онъ отдаетъ себя совершенно въ руки В. И. В-ва во всемъ, касающемся будущихъ соглашеній по поводу заключенія брачнаго союза между моимъ племянникомъ Францомъ и названною принцессою. Если бы я, по моей всегдашней откровенности, осмѣлился въ настоящемъ случаѣ выразиться предъ вами по-просту, то я сказалъ бы, что письмомъ вашимъ, Государыня, вамъ угодно было сказать мнѣ: «Другъ мой, если вы хотите заручиться принцессою Виртембергской для своего племянника, то пора дѣйствовать», на что я съ своею стороны, списавшись съ братомъ, въ настоящее время отвѣчаю вамъ такъ: «Этотъ бракъ дорогъ мнѣ, потому что вы изволите ему сочувствовать и потому что онъ такъ тѣсно сближаетъ меня съ великимъ княземъ и великою княгинею. Устройте же этотъ бракъ, обезпечьте мнѣ его заключеніе: я вручаю вамъ судьбу моего племянника». Прежде этого я не хотѣлъ позволить себѣ ни-

какой прямой попытки въ этомъ направленіи и осмѣливаюсь даже приложить при семъ письмо къ государынѣ великой княгинѣ, которымъ сообщаю ей о моихъ желаніяхъ, прося В. И. В. передать оное по назначенію, или не передавать, смотря потому, какъ вы сами изволите заблагоразсудить; ибо я желаю, чтобы В. И. В. однѣ и одними вашими руками благоволили устроить будущее счастіе моего племянника, а между нами тѣсную родственную связь подобно тому, какъ В. И. В. уже изволили признать, въ чемъ заключается взаимная выгода нашихъ имперій. Я желалъ-бы, чтобы В. И. В., которой уже суждено было и на моряхъ, и въ вашихъ собственныхъ владѣніяхъ, создать такъ много новаго и невиданнаго прежде, благоволили упрочить навсегда и эту личную, тѣснѣйшую, дѣйствительнѣйшую связь между нашими двумя державами.

Возрастъ жениха не допускаетъ еще назначить срока для заключенія этого брака; а до тѣхъ поръ будетъ очень легко уладить все необходимое, между прочимъ и относительно наставленія принцесы въ католической вѣрѣ, которую исповѣдуетъ жениховъ родитель. Не могу выразить В. И. В-ву, въ какой восторгъ приводитъ меня мысль объ этомъ бракѣ, если только ему суждено состояться, и о томъ, что этимъ я буду обязанъ вамъ одной, В. И. В. Несчастенъ тотъ, кто стыдится чувства признательности къ своимъ друзьямъ. Намекъ, который В. И. В-ву угодно было съ такой любезностью сдѣлать мнѣ, мгновенно превозмогъ какъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ моего брата, всѣ, впрочемъ вполнѣ законныя, соображенія, ради которыхъ мы, было, рѣшились не связывать молодаго человѣка никакими обязательствами до вступленія его въ болѣе зрѣлый возрастъ, когда онъ будетъ въ состояніи самъ сдѣлать для себя выборъ. Только единственность представляющагося случая и страхъ упустить оный могли заставить насъ съ удовольствіемъ отказаться отъ всѣхъ этихъ соображеній. Благоволите же, В. И. В., взять на себя устроить это дѣло и извѣстить меня о томъ, когда мнѣ будетъ должно обратиться непосредственно въ Виртембергъ.

18.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 23 Марта 1781 г.

Открывая драгоцѣнное письмо, которымъ я обязана благосклонности в. и. в-ва, могла ли я думать, что вслѣдъ за окончательнымъ улаженіемъ непріятнаго дѣла Юліуса, о которомъ вы изволите извѣщать меня въ столь лестныхъ для меня выраженіяхъ и за которое я осмѣливаюсь свидѣтельствовать в. и. в. мою искреннѣйшую признательность, я найду въ томъ же самомъ письмѣ нѣчто до такой степени интересное, какъ предложеніе о бракѣ между эрцъ-герцогомъ Францомъ, старшимъ сыномъ е. королевскаго в. великаго герцога Тосканскаго съ младшею изъ сестеръ моей невѣстки?! Я уже разъ позволила себѣ заявить в. и. в-ву, какъ съ вами пріятно имѣть дѣло; ваше послѣднее письмо убѣждаетъ меня еще въ томъ, что в. и. в. имѣете даръ угадывать лучшія мысли. Такъ какъ в. и. в-ву угодно было это дѣло, вполнѣ согласное съ моими собственными желаніями, ввѣрить моимъ стараніямъ: то я представлю вамъ сейчасъ точный отчетъ о всемъ, чтò я успѣла сдѣлать для того, чтобы дать ему надлежащій ходъ; по дѣйствіямъ моимъ изволъте судить о степени моего сочувствія и готовности.

Вслѣдъ за полученіемъ вашего письма я въ тотъ же самый вечеръ передала моимъ дѣтямъ письма, которыми в. и. в-ву угодно было почтить ихъ. Они приняли ихъ съ благодарностію и полнымъ сочувствіемъ, и я позволяю себѣ приложить ихъ отвѣтъ. Затѣмъ, на другой же день я отправила курьера въ Монбельяръ къ герцогу Фридриху Евгенію и его супругѣ, написавъ имъ, что имѣю порученіе предварительно узнать ихъ намѣренія по дѣлу такой великой важности для ихъ фамиліи и, особенно, для ихъ младшей дочери, принцессы Елизаветы (мои дѣти написали съ тѣмъ же курьеромъ). Я просила герцога и герцогиню не замедлить отвѣтомъ и не скрыла отъ нихъ моего намѣренія отправить къ в. и. в-ву настоящаго курьера съ извѣстіемъ, что я уже написала къ нимъ по этому поводу. Не сомнѣваюсь, что ихъ отвѣтъ придетъ около 21-го Апрѣля нашего стиля.

P. S. Относительно самой принцессы вотъ чтò извѣстно мнѣ; не сомнѣваясь, что в. и. в-ву извѣстно болѣе моего, тѣмъ не менѣе не могу отказать себѣ въ удовольствіи сообщить вамъ, что и характеромъ, и наружностью она, говорятъ, очень похожа на мою невѣстку.

19.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 6 Апрѣля 1781 г.

Государь мой братъ! Исполненная дружбы, признательности и всѣхъ чувствованій, какія только способны внушить особа и августѣйшій санъ в. и. в-ва, я не уступаю в. и. в-ву въ желаніи видѣть проэктированный между нами договоръ окончательно скрѣпленнымъ подписями уполномоченныхъ. Не смотря на то, дѣло это до сихъ поръ задерживалось затрудненіями формальнаго свойства, вопреки и признаннымъ нами интересамъ нашихъ обоихъ государствъ, и единодушной волѣ двухъ государей, совершенно согласныхъ между собою относительно начала, на которомъ должны быть основаны всѣ справедливыя международныя отношенія, и который состоитъ въ томъ, чтобы каждая сторона не предлагала другой ничего такого, на что̀ она не могла бы согласиться сама, находясь на мѣстѣ другой стороны.

Вопросъ о формальностяхъ, по самой сущности своей, такого щекотливаго свойства, что не допускаетъ ни спора, ни переговоровъ.

В. и. в. изволили сослаться на вашу капитуляцію и откровенно объяснить мнѣ вашъ личный образъ мыслей на этотъ счетъ, которому я съ своей стороны могу только вполнѣ сочувствовать. Позволю себѣ указать на опытъ прошедшаго времени. Моею декларацією 1762 года не было нанесено никакого ущерба высокому положенію и прерогативамъ в. и. в-ва; это достаточно свидѣтельствуется девятнадцатью годами, протекшими съ тѣхъ поръ. Въ этомъ актѣ я не выговорила для себя никакого измѣненія относительно обычнаго при сношеніяхъ между нашими дворами церемоніала, который (что̀ въ деклараціи именно выражено) оставленъ безъ всякихъ измѣненій, какъ было прежде. Рѣчи и дѣйствія моихъ посланниковъ могли только согласоваться съ этою декларацією, какъ это было высказано (и тѣми же самыми словами) и графомъ Панинымъ при объясненіи его съ княземъ Лобковичемъ *). Совершенно такое же содержаніе, какъ исходящія изъ одного общаго источника, имѣютъ и инструкціи ко всѣмъ моимъ посланникамъ. Я сошлюсь на представителей в. и. в-ва при иностранныхъ державахъ: поданъ ли имъ былъ кѣмъ либо изъ моихъ поводъ къ непріятнымъ прере-

*) Князь Іосифъ Лобковичъ, бывшій Австрійскій посланникъ въ Россіи.

каніямъ? Согласно всему вышесказанному, я приказала моему посланнику при в. и. в-ѣ, князю Голицыну, передать князю Кауницу предложенія, способныя устранить затрудненія, которыя противятся заключенію договора, столько желаннаго и полезнаго для обѣихъ сторонъ, безъ ущерба для высокаго сана, который мы оба носимъ.

20.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 20 Мая 1781 г.

Государыня моя сестра! В. И. В. не можете сомнѣваться какъ въ моемъ усердіи, такъ и въ сердечной и неизмѣнной привязанности моей къ вашей особѣ. По сему В. И. В. можете судить о тяжкой борьбѣ, какая происходила въ душѣ моей и какой въ подобной степени еще никогда я не испытывалъ. Лишь этому обстоятельству извольте приписать запозданіе моего отвѣта на три вашихъ письма. Но что же дѣлать, если мое полнѣйшее желаніе сдѣлать угодное В. И. В-ву и всегда и во всемъ сообразоваться съ намѣреніями В. И. В-а оказалось невозможнымъ согласить съ единственною вещью въ мірѣ, не зависящею отъ моей, а потому самому, стало быть, и отъ вашей воли. Я говорю объ охраненіи прерогативъ, присвоенныхъ сану, который я ношу по избранію; поступиться этими прерогативами или даже только допустить сомнѣніе по отношенію къ онымъ относительно какого либо одного изъ Европейскихъ государей, значило бы тѣмъ самымъ неизбѣжно и навсегда утратить оныя и относительно всѣхъ остальныхъ государей, уже не говоря объ укоризнахъ, которыя я чрезъ то навлекъ бы на себя со стороны Германскаго союза. Не имѣю нужды просить В. И. В. быть совершенно увѣренною, что ничто въ мірѣ, кромѣ одной лишь безусловной невозможности устоять противъ неумолимаго требованія долга, не могло бы заставить меня остановиться въ исполненіи того, что̀ составляло желаніе такой Государыни и такого друга, какъ В. И. В., и помѣшать заключенію союза, который къ нашему обоюдному удовольствію и взаимной выгодѣ долженствовалъ сблизить насъ еще тѣснѣе въ интересахъ какъ нашихъ государствъ, такъ и искренней дружбы, возникшей между нами изъ нашего личнаго знакомства.

Тотъ, или тѣ, для кого важно мѣшать, елико возможно, всякому сближенію между нами, позаботились въ весьма невыгодномъ для насъ смыслѣ разгласить повсюду о затрудненіяхъ, возникшихъ въ настоящемъ случаѣ по поводу этикета: поэтому объ нихъ, къ несчастію, узнала вся Европа, въ настоящее время очень пристально выжидающая, каковъ будетъ исходъ этихъ затрудненій. Это обстоятельство даетъ мнѣ смѣлость предложить В. И. В-ву прибѣгнуть къ средству, которое можетъ спасти насъ обоихъ. Чтобы сдѣлать видъ, что мы подчинились необходимости, чтобы имѣть право безъ обмана заявить какъ предъ нашими союзниками, такъ равно и предъ всѣми другими дворами, что предполагавшійся между нами союзъ не состоялся, и въ тоже время достигнуть благодѣтельной цѣли, составляющей предметъ всѣхъ нашихъ желаній, для этого я, по зрѣломъ размышленіи, не вижу инаго средства, кромѣ того, какое мнѣ благоволили открыть дружба и неистощимый геній В. И. В-ва, а именно—оформить всѣ взаимныя обязательства, имѣвшія составить сущность предполагавшагося договора, (включая и тайную статью онаго) въ видѣ писемъ. Смѣя ласкать себя надеждою, что В. И. В. изволите приказать вашимъ посланникамъ, какъ я уже приказалъ моимъ, увѣрить, кого слѣдуетъ, что предполагавшійся договоръ не состоялся, я спѣшу теперь же представить В. И. В-ву мое письмо въ двухъ экземплярахъ: изъ нихъ одинъ весь написанъ мною собственноручно, на другомъ же имѣется только одна моя бланковая подпись. Предоставляя затѣмъ на собственное В. И. В-ву усмотрѣніе избрать тотъ изъ двухъ способовъ, который вы изволите найти наиболѣе удобнымъ для себя или наиболѣе соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, надѣюсь, что В. И. В. съ своей стороны благоволите тѣмъ или другимъ изъ этихъ двухъ способовъ доставить мнѣ отъ себя письмо тождественнаго содержанія и такимъ образомъ уладить это дѣло, съ которымъ не справиться бы всѣмъ дипломатическимъ корпусамъ на свѣтѣ, если бы не дружественное расположеніе В. И. В-ва, указавшее къ тому путь и средства. Но дозвольте мнѣ, В. И. В., присоединить къ сему и повергнуть на вашъ мудрый судъ еще другое соображеніе, величайшей важности, по которому мнѣ представляется безусловно необходимымъ гласно заявить о томъ, что этотъ договоръ по поводу котораго уже постарались съ такимъ коварствомъ и недоброжелательствомъ поднять тревогу въ цѣлой Европѣ) не состоялся. Иначе, можно себѣ вообразить, въ какія интриги, въ какіе контръ-проэкты кинутся различные Европейскіе дворы, а особливо если сдѣлается преждевременно извѣстнымъ содержаніе тайной сепаратной статьи, касающейся Оттоманской Порты. Въ такомъ случаѣ, конечно, не замедлятъ огласить и эту статью, притомъ въ самомъ ненавист-

номъ истолкованіи, сообразно съ своими собственными цѣлями и постояннымъ желаніемъ вездѣ вредить и мутить. Это могло бы имѣть самыя непріятныя послѣдствія для насъ и нашихъ общихъ выгодъ. Это обстоятельство заставляетъ меня еще болѣе сочувствовать предложенной В. И. В-вомъ формѣ писемъ, именно въ видахъ болѣе вѣрнаго соблюденія тайны. Это необходимо тѣмъ болѣе, что Прусскій король, уже получивъ только нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о предположенной въ договорѣ между нами секретной статьѣ касательно Порты, воспользовался этимъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, самымъ недоброжелательнымъ образомъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Константинополѣ, словомъ — вездѣ, гдѣ только оказалось возможнымъ.

Чтобы не остаться по этому предмету при однихъ только голословныхъ заявленіяхъ, осмѣливаюсь, руководствуясь безусловнымъ довѣріемъ, которое я питаю къ В. И. В-ву, приложить при семъ въ подлинникѣ несомнѣнное доказательство сообщаемаго мною факта, которое было мнѣ самому доставлено однимъ пріятелемъ. Считаю излишнимъ просить В. И. В. о сохраненіи этого документа въ строгой тайнѣ; ибо авторъ онаго, по видимому, располагаетъ средствами, благодаря коимъ развѣ немногое только изъ происходящаго при дворѣ В. И. В-ва остается ему неизвѣстнымъ *).

Что̀ касается до нашего совмѣстнаго посредничества, то, безъ сомнѣнія, и на это дѣло не могло остаться безъ прямаго вліянія затрудненіе, возникшее по поводу этикета. Къ тому же открытіе кампаніи, которая въ настоящее время находится въ полномъ разгарѣ, увѣренность, что отсрочка не можетъ повредить успѣху дѣла, и, кромѣ того, надежда на скорую, съ минуты на минуту, развязку затрудненій, которыя остановили заключеніе нашего договора, заставляли меня пока откладывать всякое совмѣстное предложеніе отъ нашего общаго имени по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, чтобы не терять времени, и въ виду того, что В. И. В., по видимому, желали бы предать дѣлу мира болѣе быстрое движеніе, въ настоящее время, при участіи вашего посланника князя Голицына, изготовляется общая отъ насъ обоихъ декларація къ воюющимъ сторонамъ, о чемъ Кобенцель будетъ имѣть честь сообщить министерству В. И. В-ва. Эта декларація не преминетъ произвести хорошее дѣйствіе, будучи всецѣло основана на тѣхъ началахъ справедливости по отношенію ко всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ, которыя В. И. В. изволили предначертать съ такою мудростію и безпристрастіемъ. Затѣмъ имѣлось въ виду только примѣниться къ

*) Говорится о Фридрихѣ Великомъ, про котораго сама Екатерина, обзывая его старымъ Иродомъ, писала Гримму, что онъ вмѣшивался во всѣ ея дѣла и имѣлъ лазутчиковъ въ ближайшемъ ея окруженіи. П. Б.

тѣмъ общимъ основаніямъ, которыя находящіеся въ Вѣнѣ послы воюющихъ державъ были отъ своихъ дворовъ уполномочены заявить. Если это столь благодѣтельное начинаніе имѣетъ увѣнчаться успѣхомъ и привести къ миру, тогда, безъ сомнѣнія, снова будетъ поднятъ вопросъ объ альтернативѣ; въ такомъ случаѣ, какъ всегда и во всемъ, я совершенно полагаюсь на справедливость и великодушную ко мнѣ дружбу В. И. В-ва и потому смѣло рѣшаюсь на настоящую попытку.

Вы можете быть увѣрены, Государыня моя сестра, что я былъ чувствительно тронутъ предупредительною обязательностію, съ которою В. И. В-ву угодно было отнестись къ сдѣланному мною предложенію насчетъ вступленія моего племянника въ бракъ съ принцессою Виртембергскою, и содѣйствіемъ, которое вы изволили оказать этому дѣлу. Съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ ожидаю я теперь вашего рѣшительнаго отвѣта и удостовѣренія въ надеждѣ, что симъ путемъ будутъ упрочены на самыя отдаленныя времена узы родства и дружбы, долженствующія содѣлаться залогомъ счастія и источникомъ взаимной пользы для нашихъ государствъ и искренняго утѣшенія для меня лично. Если вѣрить слухамъ, почти всеобщимъ, я имѣю поводъ опасаться, что и въ этомъ случаѣ встрѣчу на моей дорогѣ того, кто, по видимому, поставилъ себѣ за непремѣнное правило всегда и вездѣ систематически противодѣйствовать всему, что̀ только можетъ обѣщать существенную пользу моему государству или даже только личное удовлетвореніе мнѣ и моей фамиліи. Но я слишкомъ твердо увѣренъ въ благосклонности В. И. В-ва, чтобы предаваться какому либо тревожному чувству по этому поводу. Вы изволили объявить, что считаете это дѣло вашимъ собственнымъ дѣломъ, а мнѣ извѣстно, что В. И. В. ничего не дѣлаете на половину.

21.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 21 Мая 1781 года.

Государыня моя сестра! Извѣстившись о желаніи В. И. В-ва закрѣпить узы личной дружбы и взаимнаго расположенія, соединяющія насъ (въ особенности со счастливой поры нашего личнаго знакомства) узами политическаго союза, по скольку оныя могутъ быть соглашены съ выгодами нашихъ обоихъ государствъ, я ни на минуту не поколебался въ полной готовности содѣйствовать осу-

ществленію намѣреній, столь благодѣтельныхъ и столь соотвѣтствующихъ моимъ собственнымъ желаніямъ. Существующее между нами полное взаимное довѣріе, проистекающее изъ вышесказаннаго двойственнаго источника, ставитъ насъ выше формальностей, предписываемыхъ обычаемъ при заключеніи такого рода договоровъ.

Въ виду сего мы согласились, не подчиняясь этимъ формальностямъ, сообщить союзу, въ который мы нынѣ намѣрены вступить, возможно явственнѣе—печать тѣхъ личныхъ чувствъ, которыя внушили намъ самую мысль объ этомъ союзѣ, и заключить оный непосредственно отъ лица къ лицу, отъ государя къ государю. На сей конецъ мы избрали форму писемъ, въ которыхъ мы, излагая принимаемыя нами обоюдныя обязательства, взаимно обѣщаемся какъ за себя, такъ и за всѣхъ наслѣдниковъ и преемниковъ нашихъ, что все, что̀ будетъ договорено между нами въ настоящихъ письмахъ, будетъ какъ для насъ, такъ равно и для преемниковъ нашихъ, имѣть значеніе, столько же обязательное и столько же священное, какъ если бы все сіе было изложено въ формѣ самаго торжественнаго договора, какой только можетъ существовать. Утвердивъ такимъ образомъ сіи обязательства на основаніи столь незыблемомъ и священномъ, обѣщаюсь В. И. В-ву, за себя и за своихъ преемниковъ, точно такъ же какъ и В. И. В-во съ своей стороны обѣщаетесь мнѣ:

Хранить и соблюдать постоянно искреннія дружественныя отношенія между нами и нашими государствами. Въ виду сего я имѣю обращать все мое тщаніе на поддержаніе съ В. И. В-вомъ тѣсныхъ дружественныхъ сношеній путемъ переписки, избѣгая всего, что̀ могло бы послужить въ ущербъ онымъ и прилагая всѣ старанія къ тому, дабы во всякомъ случаѣ содѣйствовать пользѣ, чести и выгодѣ В. В-ва, на сколько сіе окажется возможнымъ согласовать съ благомъ и съ интересами моей собственной державы.

Полагая обоюдно полезнымъ подтвердить договоръ, заключенный нами 25 Іюля 1772 г., равно какъ и договоръ Тешенскій, заключенный при посредствѣ В. И. В-ва и короля Франціи, симъ снова подтверждаю оба сіи договора во всемъ ихъ объемѣ, такъ какъ бы оные вмѣстѣ со всѣми другими актами, ихъ сопровождавшими, были дословно занесены въ настоящее письмо.

За симъ обязуюсь предъ В. И. В-омъ и даю торжественное обѣщаніе какъ В. И. В-ву, такъ равно и всѣмъ наслѣдникамъ и преемникамъ вашимъ, гарантировать и защищать противъ посягательствъ со стороны какой бы то ни было державы всѣ государства, области и территоріи, находящіяся въ обладаніи В. И. В-ва въ настоящее время, за единственнымъ исключеніемъ владѣній В. И. В-ва въ Азіи, для обороны коихъ я не считаю себя обязаннымъ къ оказанію того со-

дѣйствія, которое обязуюсь оказывать во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ о семъ будетъ изъяснено ниже.

Въ виду сей гарантіи я имѣю всегда, въ согласіи съ В. И. В-омъ, стараться объ изысканіи и принятіи мѣръ, какія представятся намъ наиболѣе могущими способствовать поддержанію мира въ Европѣ. Въ случаѣ же, чего Боже сохрани, если владѣніямъ В. И. В-ва будетъ угрожать вторженіе непріятеля, я употреблю всѣ мои усилія для воспрепятствованія оному путемъ дипломатическимъ; если же эти усилія не приведутъ къ желанному результату, то симъ же обязуюсь оказать В. И. В-ву военную помощь корпусомъ въ десять тысячъ человѣкъ пѣхоты и въ двѣ тысячи кавалеріи, при соотвѣтствующемъ количествѣ походной артиллеріи и военной аммуниціи. Сей корпусъ имѣетъ состоять на моемъ жалованьѣ и ежегодно пополняться рекрутскимъ наборомъ; Ваше же Императорское Величество изволите принять на себя продовольствованіе онаго какъ въ походное время, такъ и во время стоянія на квартирахъ, наравнѣ съ вашими собственными войсками, и изволите сдѣлать распоряженіе, дабы люди означеннаго отряда употреблялись не иначе, какъ на основаніи правилъ, установленныхъ и общепринятыхъ относительно вспомогательныхъ войскъ. Обѣщанныя мною В. И. В-ву войска имѣютъ выступить въ походъ черезъ три мѣсяца по заявленіи на то требованія В. И. В-ва. Если же бы таковое требованіе послѣдовало въ Декабрѣ, Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ, тогда не потребуется, въ виду неблагопріятнаго времени года, выступленія оныхъ войскъ за предѣлы моихъ владѣній; но оныя имѣютъ быть придвинуты возможно ближе къ моимъ границамъ, и мною, совмѣстно съ В. И. В., будетъ испрошенъ для оныхъ, въ случаѣ надобности, свободный пропускъ чрезъ владѣнія третьяго государства.

Хотя доставленіе сего вспоможенія простирается на всѣ владѣнія, въ коихъ В. И. В-во могли бы подвергнуться нападенію, за единственнымъ только исключеніемъ владѣній В. И. В-ва, находящихся въ Азіи, тѣмъ не менѣе въ виду слишкомъ значительной отдаленности отъ моихъ предѣловъ тѣхъ владѣній В. И. В-ва, которыя пограничны съ Швеціей (что̀ дѣлаетъ отправленіе туда моихъ войскъ, въ случаѣ нападенія на В И. В-во съ этой стороны, если не безусловно невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ) я въ таковомъ случаѣ, въ замѣнъ сего, обязуюсь доставлять В. И. В-ву ежегодную субсидію въ четыреста тысячъ рублей, каковая сумма имѣетъ быть уплачиваема въ опредѣленные сроки, черезъ каждые три мѣсяца по сту тысячъ рублей за каждую четверть года.

Въ случаѣ же, если бы, доставивъ В. И. В-ву вспоможеніе, къ оказанію коего я симъ обязался, я затѣмъ самъ подвергся нападенію въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ и чрезъ то былъ постав-

ленъ въ необходимость отозвать свои войска для защиты моихъ собственныхъ владѣній: то предоставляю себѣ право сдѣлать это, но не иначе какъ за два мѣсяца предваривъ о томъ В. И. В. Равнымъ образомъ, если бы случилось такъ, что въ то время, когда со стороны В. И. В-ва послѣдуетъ вышесказанное требованіе о доставленіи вспомогательнаго войска, я самъ былъ вовлеченъ въ войну, въ таковомъ случаѣ и на все время, пока таковая война будетъ продолжаться, я освобождаюсь отъ оказанія обѣщанной помощи.

Если помощь, обѣщаемая мной В. И. В-ву, окажется недостаточною для обороны В. И. В-а противъ нападеній вашихъ непріятелей, въ такомъ случаѣ я не замедлю, безъ потери времени, договориться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ относительно оказанія болѣе значительнаго вспоможенія, обязуясь въ тоже время не заключать мира или перемирія, въ коихъ бы не было включено и В. И. В-во, дабы В. И. В-во не могли подвергнуться нападенію съ какой либо стороны въ отмщеніе за помощь, оказанную мнѣ.

Признавая значеніе, которое Польша, въ виду сопредѣльности сего государства съ вашими владѣніями, имѣетъ для В. И. В-ва, и притомъ въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, имѣющихъ одинаковую важность и для меня самого, признаю, я что увѣренность въ продолженіи политическаго существованія оной не можетъ быть безразлична для насъ обоихъ, и посему обѣщаюсь предъ В. И. В-мъ наблюдать за поддержаніемъ порядка и спокойствія внутри предѣловъ Рѣчи Посполитой и гарантировать какъ сохраненіе ея конституціи, въ томъ видѣ, въ какомъ оная была установлена на сеймѣ 1773 года, такъ равно и неприкосновенность ея настоящихъ владѣній, согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Польшею и нами въ томъ же 1773 году.

Я имѣю предписать моимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ постоянно оказывать дружественное содѣйствіе представителямъ В. И. В-ва и дѣйствовать въ совершенномъ согласіи съ ними во всѣхъ случаяхъ, могущихъ коснуться нашихъ общихъ выгодъ.

Желая явить доказательство моихъ дружественныхъ чувствъ къ В. И. В-ву я торжественно гарантирую совершенную е. и. в. великимъ княземъ Всероссійскимъ, по размѣнному договору съ е. в. королемъ Датскимъ, уступку графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, въ недавнее время возведенныхъ на степень герцогствъ и предоставленныхъ въ вѣчное и неотъемлемое владѣніе младшей линіи свѣтлѣйшаго дома Гольштинскаго, и именно е. в-ва герцога Фридриха-Августа, въ настоящее время епископа Любскаго, а по немъ—его наслѣдниковъ и преемниковъ.

Мнѣ извѣстны намѣренія Вашего Императорскаго Величества, направленныя къ тому, чтобы, вступая со мною къ обоюдной выгодѣ обѣихъ нашихъ державъ въ настоящее соглашеніе, въ то же время какъ съ своей стороны не нарушать при томъ никакихъ иныхъ договоровъ и обязательствъ, предварительно сего заключенныхъ В. И. В-омъ, такъ равно не требовать того и съ моей стороны, тѣмъ болѣе что настоящее соглашеніе имѣетъ съ обѣихъ сторонъ характеръ чисто оборонительный. Въ виду сего я могу только радоваться, встрѣчая въ столь справедливыхъ и достохвальныхъ началахъ совершенное соотвѣтствіе съ правилами, которымъ я самъ вездѣ ставилъ себѣ за честь слѣдовать. Потому самому и новыя отношенія, въ которыя я нынѣ вступаю, получаютъ въ глазахъ моихъ еще бо̀льшую цѣну, благодаря тому, что я встрѣчаю счастливую возможность согласить съ искреннею вѣрностью прежнимъ союзникамъ нашимъ утѣшеніе пріобрѣсти для моей имперіи новую союзницу въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества, къ особѣ которой я питаю такую дружбу и такую преданность, какихъ мы двое представляемъ едвали не единственный примѣръ между государями. Эти чувства, собственно говоря, не дозволяютъ мнѣ предполагать какой либо срокъ для продолженія силы обязательствъ, въ которыя мы нынѣ взаимно вступаемъ. Но такъ какъ оныя соображены единственно съ настоящими обстоятельствами, каковыя со временемъ могутъ на столько измѣниться, что потребуютъ мѣропріятій, соотвѣтственно измѣнившемуся положенію дѣлъ: то я признаю за благо не распространять силы настоящихъ обязательствъ на время далѣе осми лѣтъ, имѣя намѣреніе и обѣщая Вашему Императорскому Величеству возобновить оныя, смотря по обстоятельствамъ, прежде истеченія означеннаго срока, а до тѣхъ поръ соблюдать оныя ненарушимо во всей точности и въ силѣ по смыслу священныхъ обязанностей, налагаемыхъ самымъ торжественнымъ договоромъ, какъ сіе изъяснено мною выше, въ началѣ сего письма.

22.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 21 Мая 1781.

Государыня моя сестра! Сходственность положенія, въ которомъ мы находимся относительно Оттоманской Порты и удобство, доставляемое намъ географическими условіями нашихъ владѣній для

оказанія другъ другу взаимной помощи въ случаѣ какихъ либо замѣшательствъ съ этой стороны, побудили насъ вступить въ болѣе тѣсное и специальное соглашеніе относительно этой державы и возобновить съ этою цѣлью въ болѣе соотвѣтственномъ настоящимъ обстоятельствамъ видѣ секретныя условія, издавна входившія въ договоры, заключенные нашими предшественниками. Руководствуясь постоянно чувствами дружбы, питаемой мною къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, и въ тоже время обрѣтая въ семъ нашу обоюдную выгоду и обоюдный интересъ, ручаюсь В. И. В-ву какъ за себя, такъ и за моихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, что всѣ обѣщанія, изложенныя въ настоящемъ письмѣ, будутъ какъ для меня, такъ и для нихъ на столько же обязательными, священными и ненарушимыми, какъ если бы оныя были облечены въ формѣ торжественнѣйшаго договора, и что таковыми же я буду почитать и всѣ обязательства, какія В. И. В. изволите принять на себя въ письмѣ, которое я имѣю получить отъ васъ.

Въ виду сего я обѣщаю В. И. В-ву спеціально и особливо гарантировать и дѣйствительно гарантирую, какъ отъ моего собственнаго, такъ равно и моихъ наслѣдниковъ и преемниковъ имени, не только всѣ владѣнія В. И. В-ва, но и всѣ трактаты, договоры и условія, какіе только когда либо были заключаемы между Портою и державою В. И. В-ва, а именно: договоръ отъ 9-го Октября 1704 года касательно границъ Азовской и Кубанской, договоръ (о вѣчномъ мирѣ), заключенный въ Кучукъ-Кайнарджи 10 Іюля 1774, конвенцію 4 Апрѣля 1775 года касательно Кинбурна съ прилегающею къ оному землею, и, наконецъ, дополнительный договоръ, заключенный и подписанный въ Константинополѣ 10 Марта 1779 года.

Обѣщаюсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ самымъ рѣшительнымъ и положительнѣйшимъ образомъ склонять Порту къ строгому и точному соблюденію оною всего, заключающагося въ вышеупомянутыхъ актахъ; въ случаѣ же нарушенія оныхъ съ ея стороны, употреблять самыя дѣятельныя дружественныя старанія для отклоненія оной отъ таковыхъ нарушеній. Буде же эти старанія не приведутъ къ желаемому результату, и Порта станетъ упорствовать въ неисполненіи принятыхъ ею обязательствъ, въ цѣломъ составѣ или какой либо части оныхъ, или же, чего Боже сохрани, дозволитъ себѣ явное нарушеніе мира или даже вторженіе въ предѣлы Вашего Императорскаго Величества: въ такомъ случаѣ черезъ три мѣсяца, послѣ того, какъ о томъ послѣдуетъ заявленіе со стороны В. И. В-а, обязуюсь объявить Турціи войну и предпринять диверсію непосредственно въ ея владѣнія съ военными силами, равными тѣмъ, которыя будутъ выставлены Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Буде же В. И. В. изволите признать за благо, по

предварительномъ соглашеніи со мною, ввести въ дѣло свой флотъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ для содѣйствія военнымъ операціямъ на сушѣ или для произведенія болѣе ощутительной диверсіи на берегахъ Оттоманской Имперіи, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ вступить между собою въ соглашеніе насчетъ соотвѣтствующаго усиленія военныхъ средствъ и съ моей стороны.

Поелику же всякая война влечетъ за собою издержки, дающія неоспоримое право на вознагражденіе, то на основаніи установленнаго между нами начала полной взаимности и полнаго уравненія средствъ и силъ, которыя мы обязуемся употребить въ дѣло въ продолженіи означенной войны, я предоставляю себѣ договориться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ какъ относительно предмета и размѣровъ такого вознагражденія, такъ и относительно операціоннаго плана, который имѣетъ быть выполненъ съ той и другой стороны. Сверхъ сего, я уже въ настоящее время принимаю предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ обязательство, что если въ продолженіи предполагаемой войны противъ Оттоманской Порты, Ваше Императорское Величество подвергнетесь враждебному нападенію со стороны какой либо иной державы, я, почитая сіе не только за casus foederis [1]), но и за дѣло, въ одинаковой мѣрѣ общее намъ обоимъ, въ таковомъ предположеніи открыто приму сторону Вашего Императорскаго Величества и почту себя обязаннымъ оказать В. И. В-ву всякую помощь, какую только будетъ отъ меня зависѣть оказать, не подвергая опасности моихъ собственныхъ владѣній и обязуясь какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не заключать отдѣльнаго мира или перемирія, помимо Вашего Императорскаго Величества. Прошу Ваше Императорское Величество придавать всѣмъ вышеизложеннымъ обязательствамъ то самое значеніе, какое придаю имъ я самъ, и относиться къ онымъ съ такимъ же довѣріемъ, какъ если бы оныя были изложены въ формѣ самаго торжественнаго договора, какъ мною уже было изъяснено выше, въ той самой силѣ, какъ и я, въ свою очередь, буду вполнѣ довѣрять тѣмъ обязательствамъ, которыя Ваше Императорское Величество съ своей стороны изволите принять относительно меня [2]).

---

[1]) Обстоятельство, при которомъ союзъ вступаетъ въ силу и отъ союзниковъ требуется выполненіе принятыхъ ими обязательствъ.

[2]) Подобное же письмо было написано и Екатериною Іосифу, отъ 24 Мая 1781 года въ Царскомъ селѣ.

23.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 26 Мая ст. ст. 1781.

Государь мой братъ! Письмо в. и. в-ва отъ 20 Мая ст. ст. съ приложеніями отъ 21 Мая утверждаетъ меня въ убѣжденіи, что есть души такого закала, для коихъ не существуетъ никакихъ препятствій. Говорю это въ виду тѣхъ немаловажныхъ затрудненій, которыя устраняются нынѣ драгоцѣнными документами, начертанными рукою в. и. в-ва. Я не колеблюсь въ выборѣ изъ двухъ экземпляровъ, которые в. и. в. было угодно доставить мнѣ, и съ дозволенія в. и. в. оставляю себѣ тотъ, который написанъ вашимъ августѣйшимъ и драгоцѣннымъ почеркомъ. Къ прилагаемымъ при семъ двумъ письмамъ присоединяю дубликатъ, подписанный в. и. в-омъ въ томъ видѣ, какъ оный полученъ мною. Смѣю ласкать себя надеждою, что в. и. в. не изволите найти неумѣстнымъ, чтобы годовщина лучшаго и достопамятнѣйшаго въ моей жизни дня, того дня, когда я имѣла счастіе впервыя увидѣть в. и. в. въ Могилевѣ, содѣлалась днемъ подписанія документовъ, которыми скрѣпляется торжественный союзъ, составляющій послѣдствіе этого свиданія, и которые я при семъ имѣю честь препроводить в. и. в-ву. Благоволите вѣрить чувствамъ искренней радости, сердечнаго удовольствія, полнаго усердія и, прежде всего, признательности, одушевлявшимъ меня во время писанія оныхъ. Велика радость, которую я испытываю, видя, что дѣла наши принимаютъ свой естественный ходъ. Согласно съ желаніями в. и. в-ва, я приказала моимъ министрамъ увѣрить всѣхъ, кого слѣдуетъ, что проектированный договоръ не состоялся, и въ тоже время сообщить всѣмъ моимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, что, хотя предполагавшееся соглашеніе и не состоялось вслѣдствіе затрудненій, встрѣтившихся относительно церемоніала, тѣмъ не менѣе они обязываются дѣйствовать при всякомъ представившемся случаѣ не иначе, какъ въ полномъ согласіи съ представителями в. и. в-ва и относиться къ нимъ съ совершеннымъ довѣріемъ, въ виду добраго согласія и дружбы, существующихъ между нами. Надѣюсь, что эти предосторожности вмѣстѣ съ тѣмъ, что я ни на минуту не выпускала изъ моихъ рукъ этихъ документовъ, которые держу у себя подъ замкомъ, не допустятъ кого бы то ни было имѣть о нихъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Относительно до измышленій въ родѣ того, какого в. и. в-ва угодно было сообщить мнѣ письменный образецъ, который сохранится въ строгой тайнѣ (такъ какъ его не читалъ никто, кромѣ меня самой), то изобрѣтать ихъ столь же легко для людей, подозрительныхъ по ремеслу, сколь трудно противодѣйствовать онымъ иначе, какъ развѣ относясь къ нимъ возможно равнодушнѣе, на сколько лишь позволяетъ благоразумная осторожность. Что̀ касается до благодѣтельнаго мира, я могу только сослаться на то, что̀ моими министрами будетъ по сему поводу заявлено графу Кобенцелю, и прошу в. и. в. вѣрить, какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, что вы изволите найти во мнѣ всегда чувства самой искренней пріязни и что я постараюсь избѣжать всего, что̀ можетъ подать поводъ къ непріятнымъ пререканіямъ, о которыхъ я бы желала, чтобы никогда не было и помину.

Мнѣ весьма пріятно, что я угодила в. и в-ву моей поспѣшностью по поводу переговоровъ, которые в. и. в-ву было угодно возложить на меня относительно брака е. к. в. эрцгерцога Франца съ принцессою Виртембергскою. По этому поводу ссылаюсь на то, что̀ графъ Кобенцель, вѣроятно, довелъ уже до вашего свѣдѣнія изъ показаннаго ему мною письма, которое я получила отъ герцога Фридриха Евгенія, родителя принцессы. Предоставляю себѣ написать объ этомъ дѣлѣ в. и. в-ву еще въ другой разъ, когда буду имѣть возможность сдѣлать это въ томъ смыслѣ, въ какомъ желала бы видѣть окончаніе самаго дѣла. Иными словами, я желала бы безотлагательно передать счастіе и руку принцессы Елисаветы Виртембергской въ распоряженіе в. и. в-ва для принца, вашего племянника. Надѣюсь имѣть удовольствіе въ скоромъ времени сдѣлать в. и. в-ву сообщеніе такого именно содержанія, и тѣмъ достойно соотвѣтствовать довѣрію, которое вамъ угодно было мнѣ въ этомъ случаѣ оказать.

Я могу только желать, чтобы путешествіе, задуманное в. и. в-омъ, совершилось къ вашему полному удовольствію. Куда бы в. и. в. ни изволили направить свой путь, всюду мои благожеланія послѣдуютъ за вами; но истинную отраду для меня составляетъ надежда, что в. и. в. со временемъ изволите исполнить обѣщаніе, данное нѣкогда графомъ Фалькенштейномъ, и что Херсону суждено будетъ счастіе видѣть в. и. в.

24.

Іосифъ Екатеринѣ *).

Безъ обозначенія числа (Іюнь 1781).

Управившись съ дѣлами, которыми я былъ такъ заинтересованъ, имѣю честь увѣдомить В. И. В., что я въ скоромъ времени разсчитываю отправиться въ Брюссель для обозрѣнія Нидерландовъ, единственной области моего государства, съ которою я еще не успѣлъ лично познакомиться. Такъ какъ мое отсутствіе можетъ продолжиться мѣсяца полтора или два, то я распорядился такъ, чтобы отвѣтныя письма В. И. В-ва и все, что вамъ будетъ угодно мнѣ сообщить, доставлялись мнѣ безъ всякаго промедленія. Быть можетъ, близость къ Франціи доставитъ мнѣ утѣшеніе свидѣться хотя на короткое время съ сестрой моей, королевой Французской. Зная меня, В. И. В. не сочтете за банальную фразу, если, согласно съ самою строгою истиною, я осмѣлюсь увѣрить васъ, что, не взирая на весь интересъ, который для меня можетъ имѣть настоящее путешествіе, я, внѣ всякаго сравненія, предпочелъ бы опять своротить на Могилевъ, Петербургъ, Херсонъ, однимъ словомъ всюду, куда бы ни заблагоразсудилось В. И. В-ву, чтобы въ вашемъ обществѣ наслаждаться тѣми интересными и поучительными бесѣдами, которыя однѣ только В. И. В. съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ умѣете вызвать. Я все еще питаю надежду, которую нѣкогда В. И. В. (замѣтивъ на сколько я былъ огорченъ необходимостью разлуки) благоволили подать мнѣ, выразившись, что «только гора съ горою не сходится».

25.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 4 Іюля 1781.

Государь мой братъ! Позволю себѣ на этотъ разъ побесѣдовать съ в. и. в-вомъ о предметѣ, особенно близко меня занимающемъ. Таково дѣйствіе великаго примѣра! Нѣсколько времени тому назадъ, сынъ мой заявилъ мнѣ о своемъ желаніи побывать за границею, и особливо въ Италіи. Я могла только одобрить такое же-

*) По видимому, только отрывокъ письма.

ланіе, способное такъ много обогатить запасъ его свѣдѣній. Осмѣливаюсь просить в. и. в. соизволить на проѣздъ его чрезъ владѣнія в. и. в-ва и разрѣшить ему и его супругѣ имѣть смѣлость представиться вамъ этою зимою въ Вѣнѣ. Они выѣдутъ, слѣдуетъ полагать, не ранѣе конца Сентября, такъ какъ предварительно ихъ отъѣзда должна быть привита оспа моимъ внукамъ. Маршрутомъ отъ Могилева и Кіева до Бродъ для нихъ послужитъ путь, намѣченный въ прошедшемъ году графомъ Фалькенштейномъ. Мнѣ будетъ истинно пріятно поручить ихъ в. и. в-ву. Преисполненная безпредѣльнаго довѣрія къ благосклонному вниманію в. и. в-ва, я не сомнѣваюсь, что, благодаря оному, они воспользуются въ Вѣнѣ всѣмъ, на что только даютъ право священные законы гостепріимства, и, твердо уповая на дружбу в. и. в-ва, ласкаю себя надеждою, что ваше высокое покровительство доставитъ имъ столь же благосклонный пріемъ и при дворѣ его королевскаго высочества великаго герцога Тосканскаго, съ которымъ моимъ путешественникамъ предстоитъ въ будущемъ вступить въ столь близкую родственную связь и который впрочемъ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ явилъ уже столько доказательствъ своего расположенія къ Россіи.

26.

Іосифъ Екатеринѣ.

Брюссель, 23 Іюля 1781.

Возвращаясь изъ Голландіи черезъ Спа, я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться тамъ съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ и г. фонъ-Гриммомъ *), которымъ, подобно мнѣ, выпало на долю счастіе испытать на себѣ благоволеніе В. И. В-ва. Благодаря этому, я отвелъ душу и пережилъ отрадныя минуты, припоминая вмѣстѣ съ ними

*) По поводу этой встрѣчи Іосифъ писалъ князю Кауницу отъ 24 Іюля 1781 года:

„Въ Спа я имѣлъ случай видѣться за̀ просто съ принцемъ Генрихомъ. Признаться, я вовсе не довѣряю ему, и мнѣ кажется, что его ссора съ королемъ дѣло, нарочно условленное между ними, какъ, по пословицѣ, бываетъ между двумя ворами на ярмаркѣ. Я могъ вытянуть изъ него только одно то, что онъ уповаетъ на милость Божію, что король долго не протянетъ. Тогда онъ надѣется имѣть вліяніе на умъ своего племянника, который, по его словамъ, совершенно инаго образа мыслей, чѣмъ король, его дядя, особенно что касается милліона мелкихъ интригъ и каверзъ. Впрочемъ я соблюлъ относительно его всевозможную вѣжливость и даже принялъ приглашеніе къ обѣду, за которымъ присутствовали аббатъ Райнальь и г. фонъ-Гриммъ. Словомъ, я, кажется, нашелъ средство удовлетворить оба общества, какъ Англійское, такъ и Французское, такъ какъ, чтобы никого не задѣть, всего лучше—идти прямою дорогою“.

все, чего я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ въ прошедшемъ году, когда наслаждался бесѣдою В. И. В-ва, въ очарованіяхъ которой проявляетъ себя въ одно и тоже время и правосуднѣйшая, мудрѣйшая изъ законодательницъ и счастливѣйшая изъ Государынь, разливающая благо среди своихъ собственныхъ обширныхъ владѣній и заставляющая всю Европу преклоняться предъ своимъ авторитетомъ. Впрочемъ, бесѣдуя съ В. И. В-омъ, забываешь о томъ благоговѣніи, которое способно внушить всё это, и видишь предъ собою только просвѣщеннѣйшую, снисходительнѣйшую и очаровательнѣйшую изъ женщинъ.

27.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 3 Августа 1781 г.

Государь мой братъ! В. и. в-ву угодно осыпать меня доказательствами вашего лестнаго вниманія и поводами къ особому удовольствію. Баронъ Димсдэль передалъ мнѣ письмо, которое вы изволили написать мнѣ изъ Брюсселя отъ 28 Іюня. Каждое слово въ этомъ драгоцѣнномъ письмѣ способно только усилить чувства моей признательности къ в. и. в-ву. Вы стремитесь уподобиться Божеству: какъ оно обѣщаетъ простирать свои благословенія даже до четвертаго колѣна, такъ точно и в. и. в. изволите простирать свою внимательность до участія въ привитіи оспы моимъ внукамъ. Никакіе государственные труды и заботы не въ состояніи помѣшать вамъ сочувствовать тревогамъ, которыя предстоитъ испытать отцу, матери и бабушкѣ, когда наступитъ дѣйствіе оспы. Между частными людьми это называется—пріобрѣсти право на привязанность цѣлой семьи; ибо ничто касающееся этой семьи, ни крупное, ни мелочи, не ускользаетъ отъ вниманія в. и. в-ва. Оттого-то для в. и. в-ва такъ легко покорять себѣ умы и сердца: сошлюсь въ томъ на ваши путешествія, во время которыхъ общее удивленіе сопровождаетъ и привѣтствуетъ каждый шагъ вашъ. Стоитъ, впрочемъ, разъ увидѣть в. и. в., чтобы послѣ того не хотѣлось смотрѣть ни на кого другаго. Говорю это по личному опыту. Наши Петергофскіе праздники, о которыхъ вы удостоиваете вспоминать, въ этомъ году утратили всякую привлекательность. Я не переступила за порогъ

своихъ покоевъ; но гроза вздумала отдать мнѣ визитъ въ моемъ собственномъ покоѣ, при чемъ молнія порядкомъ задѣла камергера Ланскаго и сдѣлала ему синякъ, но затѣмъ туча разсѣялась, не причинивъ никакого дальнѣйшаго вреда.

28.

Іосифъ Екатеринѣ.

9 Октября 1781.

Съ этимъ же самымъ курьеромъ я отправляю къ графу Кобенцелю заявленіе моего согласія на участіе въ вооруженномъ нейтралитетѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ В. И. В., кажется, изволили онаго желать. Если бы еще требовались какія нибудь доказательства, то, думаю, это обстоятельство могло бы послужить таковымъ для убѣжденія В. И. В-ва въ томъ, какое наслажденіе доставляетъ мнѣ возможность сообразоваться съ вашими желаніями во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Къ счастію, десять мѣсяцевъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ бразды правленія перешли въ мои руки, доставили мнѣ случаи всякаго рода и разбора, какіе не часто встрѣчаются въ жизни одного человѣка, для доказательства В. И. В-ву всей дѣйствительности, всей искренности и неизмѣнности моей преданности. Я часто перебираю въ мысляхъ всѣ эти случаи, съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что по поводу каждаго изъ оныхъ В. И. В-ву угодно было оказать мнѣ столько взаимной пріязни и очаровательной благосклонности. Для всякаго, расположеннаго мыслить и дѣйствовать прямодушно, какое счастіе и какъ легко имѣть дѣло и вести переговоры съ В И. В-омъ! Это-то самое, свойственное моему характеру, прямодушіе побуждаетъ меня откровенно сообщить В. И. В-ву, что я дѣйствительно предлагалъ принцу Евгенію Виртембергскому, обезпечивъ предварительно формальнымъ брачнымъ предложеніемъ и всѣми изъ онаго проистекающими обязательствами положеніе принцессы, его дочери, затѣмъ принять на себя какъ всё ея содержаніе, такъ равно и попеченіе о наставленіи ея въ католическомъ вѣроисповѣданіи, составивъ для нея въ этихъ видахъ особый дворъ впредь до того времени, когда возрастъ моего племянника сдѣлаетъ возможнымъ заключеніе самаго брака. Признаюсь, это представлялось мнѣ способнымъ удовлетворить всѣхъ какъ въ настоящемъ,

такъ и въ будущемъ, и тѣмъ болѣе, что какъ помѣщеніе, предназначенное для принцессы, такъ и ея образъ жизни въ ономъ не представляли бы ни малѣйшаго подобія и ни одного изъ неудобствъ жизни въ монастырѣ. Впослѣдствіи, въ дополненіе къ этому проекту, я даже предложилъ Монбельярскому двору приступить или къ подписанію брачнаго договора, или къ совершенію заочнаго брака; но, узнавъ, что эта мысль встревожила великую герцогиню, о чемъ В. И. В. изволили сообщить мнѣ вмѣстѣ съ вашими собственными мыслями по сему предмету, я поспѣшилъ тотчасъ же дать знать въ Монбельяръ, что отказываюсь отъ моихъ предположеній и прошу считать ихъ какъ бы не существовавшими. Посему принцесса Елисавета имѣетъ возвратиться во свояси вмѣстѣ съ своими родителями, и все дальнѣйшее имѣетъ быть улажено или во время ихъ пребыванія здѣсь или послѣ, въ свое время. Вотъ полное, со всею мнѣ свойственною и извѣстною В. И. В-ву откровенностью, изложеніе всего, что̀ произошло по этому поводу. Я потому только не извѣстилъ объ этомъ В. И. В. на первыхъ же порахъ, что прежде желалъ выждать, пока что нибудь будетъ улажено съ родителями принцессы. Одновременно извѣщаю объ этомъ и. е. в. великую княгиню и въ томъ именно смыслѣ, что всѣ предположенія на этотъ счетъ пока оставлены до времени.

Весьма опасаюсь, что постоянные дожди приведутъ дороги въ отвратительное состояніе, и что, вслѣдствіе сего, путешествіе ихъ императорскихъ высочествъ, особенно въ Галиціи, будетъ очень неудобно. Это обстоятельство безпокоитъ меня, тѣмъ болѣе, что я не могу, какъ сначала предполагалъ навѣрное, выѣхать къ нимъ на встрѣчу до Бродъ: неотложныя обязанности, потребовавшія моего возвращенія въ Вѣну и пребыванія здѣсь, заставили меня отказаться отъ этого столь привлекательнаго для меня намѣренія.

Кому лучше В. И. В-ва извѣстно, какъ трудно достигать добрыхъ цѣлей и творить добро, особенно когда приходится бороться съ прежними предначертаніями и когда притомъ хотѣлось бы дѣйствовать на умы не силою, а убѣжденіемъ! Въ скоромъ времени я буду имѣть возможность представить на усмотрѣніе В. И. В-ва одно проэктируемое мною мѣропріятіе съ цѣлію обезпечить вѣротерпимость въ моемъ государствѣ, и оно, надѣюсь, удостоится вашего одобренія. Если я не успѣлъ сдѣлать всего, что̀ могло представляться необходимымъ съ точки зрѣнія разумности и справедливости, то будетъ достигнуто, по крайней мѣрѣ, самое существенное.

И такъ, вотъ окончилась еще одна блистательная морская кампанія; остается видѣть, что-то сдѣлаетъ г. де-Крильонъ въ Миноркѣ. Странно, что при такомъ самохвальствѣ и съ такими зна-

чительными силами и издержками, Бурбонскіе дворы заканчиваютъ каждую изъ своихъ кампаній одними только обѣщаніями новой блестящей кампаніи на слѣдующій годъ, и не смотря на то, ни жажда мира, которую раздѣляютъ даже сами холоднокровные Голландцы, ни особыя тщанія, которыя прилагались для этой цѣли В. И. В-вомъ, по видимому, еще не восторжествовали въ ихъ совѣтахъ.

29.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 5 Октября 1781 г.

Государь мой братъ! Генералъ-маіоръ Самойловъ передалъ мнѣ письмо, которымъ в. и. в. изволили почтить меня отъ 8 Сентября и которое содержитъ новыя драгоцѣннѣйшія доказательства вашей дружеской благосклонности. Какъ за это письмо, такъ и за другое, предшествовавшее оному, осмѣливаюсь принести в. и. в-ву выраженіе моей усерднѣйшей благодарности. Но въ виду того, что въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ со мною благоволитъ бесѣдовать графъ Фалькенштейнъ, я надѣюсь, мнѣ дозволено будетъ и отвѣчать ему же. Прежде всего я имѣю сказать графу, что послѣ столькихъ путешествій и разъѣздовъ, задуманныхъ и совершенныхъ имъ за послѣдніе полтора года по различнымъ государствамъ, съ его стороны въ высшей степени любезно сохранить память о старыхъ знакомыхъ, находящихся отъ него въ такомъ далекѣ, и что и со стороны простаго, частнаго человѣка было бы очень мило къ такой памяти присоединить еще повѣствованіе о своихъ путевыхъ приключеніяхъ. Когда же лице, поступающее такимъ образомъ, есть первый государь католическаго міра, то остается согласиться по крайней мѣрѣ, что это лицо соединяетъ въ себѣ всѣ пріятныя качества частнаго свѣтскаго человѣка съ добродѣтелями, составляющими украшеніе престоловъ. В. и. в. въ своихъ путешествіяхъ пользовались великимъ преимуществомъ надъ своими современниками: вы имѣли случай изучать людей на мѣстѣ, среди ихъ домашней обстановки и разнообразныхъ условій, въ которыя они поставлены Провидѣніемъ, между тѣмъ какъ большая часть другихъ государей знаютъ только непосредственно окружающее ихъ. Если тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ объясняется и

чудачество Голландцевъ, которыхъ в. и. в. изволите мнѣ описывать, въ такомъ случаѣ все вниманіе останавливается невольно на просвѣщенномъ долготерпѣніи того, кто съ такимъ благодушіемъ благоволилъ переносить докучное любопытство этихъ неучей. Не смотря на то, повѣствованіе в. и. в-ва свидѣтельствуетъ, что даже на такихъ людей, даже и на ихъ толстые черепа слово оказываетъ свое обаяніе.

P. S. Мои путешественники плохо подвигаются впередъ. 19-го Сентября они выѣхали отсюда, а 30-го Сентября изъ Полоцка.

30.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 17 Октября 1781 г.

Присоединеніемъ къ вооруженному нейтралитету, на которое в. и. в-ву угодно было соизволить согласно моему желанію (за что я считаю себя безконечно обязанною в. и. в-ву) вы изволили предъ лицомъ цѣлой Европы явить свидѣтельство вашего августѣйшаго сочувствія справедливымъ началамъ независимости морской торговли нейтральныхъ державъ. Но, помимо сего, я съ этой минуты поздравляю себя съ правомъ носить такъ давно желанное и въ настоящее время драгоцѣнное равно и разсудку, и сердцу моему — имя вашей союзницы. Если за десять мѣсяцевъ вашего благословеннаго царствованія, в. и. в-ву угодно было явить мнѣ столько неопровержимѣйшихъ доказательствъ великихъ качествъ, которыми Провидѣніе одарило в. и. в.; если, рядомъ со всѣми этими совершенствами вы благоволили обнаружить столько дружескаго и искренняго расположенія ко мнѣ лично: то неужели съ моей стороны будетъ уже слишкомъ смѣло, если, давъ волю восторгу, который способны внушать одни только герои, я позволю себѣ предсказать, что присоединеніе в. и. в-ва къ вооруженному нейтралитету вызоветъ болѣе миролюбивое настроеніе даже и среди наиболѣе строптивыхъ?

Какъ отрадно и какъ рѣдко встрѣтить такой образъ дѣйствій, какой в. и. в. изволили явить по поводу предложеній, сдѣланныхъ в. и. в-омъ герцогу Фридриху Евгенію Виртембергскому. В. и. в. уступаете тревогамъ матери, безпокойству сестры, берете назадъ ваши предположенія, строите планы, направленные къ счастію другихъ;

но въ тоже время никого не желаете огорчить! В. и. в. изволите сообщать мнѣ, что отлагаете всякія дальнѣйшія мѣропріятія впредь до прибытія въ Вѣну родителей принцессы Елисаветы. Не сомнѣваюсь, что столь мудрый образъ дѣйствованія исполнитъ сердца всѣхъ членовъ этого семейства чувствами глубочайшей признательности къ в. и. в-ву и приведетъ къ исходу, согласному съ видами и желаніями в. и. в-ва. Я написала моей невѣсткѣ то, что̀ вамъ угодно было сообщить мнѣ по этому поводу; но имѣю основаніе думать, что сообщеніе, съ которымъ в. и. в-ву угодно было самимъ обратиться къ ней по тому же самому предмету, предваритъ мое письмо, такъ какъ я полагаю, что въ настоящее время мои путешественники находятся между Кіевомъ и Бродами, стало быть уже на болѣе близкомъ разстояніи отъ Вѣны, нежели отъ Петербурга. Никакія неудобства путей сообщенія не помѣшаютъ имъ предстать предъ в. и. в-омъ для того, чтобы вкусить счастіе, которое ихъ ожидаетъ вблизи васъ. Ни я, ни они не могли, конечно, разчитывать на то счастіе, которое в. и. в. готовили имъ въ Бродахъ; но такъ какъ в. и. в представляете собою на землѣ одно изъ совершеннѣйшихъ подобій Божества, то не слѣдуетъ удивляться, что ваши пути и намѣренія, направленные ко благу и счастію человѣчества, столько же не поддаются предусмотрѣнію остальныхъ смертныхъ, какъ и пути самого Божественнаго Промысла. Мысль в. и. в-ва, неусыпно занятая счастіемъ вашихъ подданныхъ, ни во что̀ ставитъ труды. Затрудненія, которыя в. и. в. изволите испытывать, потому что предпочли путь убѣжденія—способу: «хочешь не хочешь, а полѣзай», вознаградятся быстротою, съ какою окажутся благія послѣдствія начала, дѣлающаго столько же чести вашему сердцу, сколько и вашему великодушію. Рукоплесканія и сочувствіе сторонниковъ вѣротерпимости в. и. в. уже снискали себѣ самою вѣротерпимостью; но не менѣе несомнѣнно и то, что какъ скоро нетерпимые убѣдятся въ непоколебимости вашихъ возвышенныхъ правилъ, они также не замедлятъ стать подъ знамя терпимости и устыдятся говорить противное тому, что̀ угодно в. и. в-ву.

Судя по тому, что̀ приходится видѣть за эту войну, подумаешь, право, что обширныя вооруженія и громадныя издержки составляютъ самыя неблагопріятныя условія для достиженія успѣха. Восемьдесятъ кораблей подъ командой г. д'Орвилье [1]) и многочисленныя эскадры донъ-Люиса де-Кордова [2]) заставили меня не разъ вспоминать нашего адмирала Ласси, который, бывало, всегда просилъ, что-

[1]) Французскій адмиралъ графъ Луи д'Орвилье.
[2]) Испанскій адмиралъ.

бы ему никакъ не давали болѣе 25—30 тысячъ человѣкъ, на томъ основаніи, говорилъ онъ, что бо́льшее число могло-бы его только затруднить. Несомнѣнно одно, что на морѣ быстрота движеній опредѣляется самымъ плохимъ на ходу кораблемъ. Если правда, что г. де Крильонъ отложилъ осаду форта С. Филиппа до весны, то можно ожидать, что какая нибудь Англійская эскадра успѣетъ помѣшать успѣху осады. Что касается проволочекъ относительно заключенія мира, то я приказала сообщить министрамъ в. и. в-ва послѣднія извѣстія, полученныя мною по этому предмету изъ Англіи.

31.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 1-го Декабря 1781 года.

Государь мой братъ! Какою новою благодарностью обязана я в. и. в-ву за всѣ милости, которыми вы изволили осыпать графа и графиню Сѣверныхъ! Ихъ письма, при которыхъ я нашла и то письмо, которое в. и. в-ву угодно было вручить моему сыну, для доставленія мнѣ, исполнены изъявленій живѣйшаго удовольствія и признательности къ в. и. в-ву. Прежде всего эта радость нечаянной встрѣчи съ графомъ Фалькенштейномъ, которая выпала имъ на долю при выходѣ изъ экипажа въ Троппау, и неожиданное счастіе—изъ Троппау до Вѣны доѣхать въ одномъ съ нимъ экипажѣ! Всѣ бесѣды, которыми сопровождался этотъ переѣздъ, неизгладимо напечатлѣлись въ ихъ памяти. Затѣмъ, при самомъ прибытіи въ Вѣну, имъ довелось быть свидѣтелями слезъ умиленія, блеснувшихъ въ очахъ ихъ очаровательнаго хозяина (извините за выраженія: онѣ принадлежатъ имъ) въ минуту свиданія графини Сѣверной съ ея родителями. Они сообщаютъ мнѣ, какъ новость, точно я могла сомнѣваться въ этомъ, что в. и. в. обожаемы всѣми, и что это чувство можно читать во взорахъ всѣхъ и каждаго. Они описываютъ мнѣ, какъ умиляетъ ихъ зрѣлище этого обожанія, которое способенъ внушить каждый поступокъ в. и. в-ва, какъ очаровательны благосклонность в. и. в-ва и ваша доступность всѣмъ и каждому, какъ в. и. в-ва достаетъ на все, и какъ просто непостижимо, какимъ образомъ в. и. в. умѣете соединять самую неутомимую дѣятельность съ изумительною ровностью характера. Графъ Сѣверный гордится довѣріемъ, которое в. и. в. изволили оказать ему, введя его въ вашъ рабочій кабинетъ, позна-

комивъ съ распредѣленіемъ въ ономъ вашихъ бумагъ и бесѣдуя съ нимъ о дѣлахъ государственнаго правленія; онъ говоритъ, что онъ былъ обрадованъ этимъ до умиленія. Простите в. и. в., что я передаю вамъ во всей ихъ наивной непосредственности сердечныя изліянія, которыя заключаются въ только что полученныхъ мною письмахъ. Я сочла это своимъ долгомъ, дабы в. и. в. имѣли случай видѣть, во всей ихъ неприкрашенной искренности, чувства, которыя составляютъ плодъ вашихъ милостей.

32.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 7 (18) Декабря 1781 г.

Я раздѣляю мнѣніе в. и. в-ва, что ужъ, если и въ эту сессію Англійскій Парламентъ не будетъ отличаться бурнымъ характеромъ, то послѣ этого отъ него нечего и ожидать; но мнѣ кажется, что вотъ уже двадцать лѣтъ онъ видитъ, какъ его правительство дѣлаетъ промахи на каждомъ шагу, и какъ ему приходится отдавать народныя деньги для того только, чтобы каждый Англичанинъ въ отдѣльности платился за одобреніе Парламентомъ нелѣпыхъ распоряженій министровъ. Конечно, по мнѣнію лорда Чатама *) и моему собственному, нашлось бы не одно средство для того, чтобы поднять Англію; но мнѣ, какъ участвующей въ дѣлѣ умиротворенія, не пристало занимать свое воображеніе проэктами воинственнаго свойства.

33.

Екатерина Іосифу

Петербургъ, 3 Января 1782 г.

Государь братъ мой! Въ довершеніе милостей, которыми в. и. в. не переставали осыпать моего сына во время его пребыванія въ Вѣнѣ, вы благоволили присоединить еще доказательство столь пол-

*) Екатерина питала особенное уваженіе къ памяти лорда Чатама (Питта Старшаго), умершаго за три года передъ тѣмъ.

наго и сердечнаго довѣрія, сообщивъ ему о тѣхъ новыхъ узахъ, которыя въ настоящее время сблизили насъ еще тѣснѣе во имя нашей личной дружбы и взаимной выгоды нашихъ обоихъ государствъ. Такъ какъ при этомъ в. и. в. сами изволили поставить на видъ справедливость и необходимость для обѣихъ державъ сохраненія всѣхъ другихъ международныхъ отношеній, то смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія—сохранить все это въ самой строгой тайнѣ, сдержитъ свое слово, согласно съ желаніемъ в. и. в-ва, какъ ни мало впрочемъ его юные годы обезпечиваютъ его со стороны людей, дѣлающихъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ. Судя по письму моего сына, онъ, кажется, чувствуетъ, какое счастіе въ его жизни составилъ тотъ моментъ, когда онъ имѣлъ честь представиться в. и. в-ву, такъ какъ онъ благодаритъ меня, что я выбрала именно настоящее время для отправленія его въ Вѣну.

Надежда, которую в. и. в. изволите поддерживать во мнѣ, что по возвращеніи сюда сынъ мой воспользуется познаніями, пріобрѣтенными въ путешествіи, безъ сомнѣнія, можетъ только безконечно утѣшать сердце матери. Размышленіе и опытъ убѣдили меня, что умъ государей, какъ и всякаго другаго человѣка, имѣетъ нужду въ зрѣлости; что одного усердія, однихъ познаній и доброй воли еще далеко недостаточно; что на свѣтѣ есть многое, чему можетъ научить одно лишь время, этотъ величайшій изъ наставниковъ, и что, безъ сомнѣнія, каждый возрастъ приноситъ съ собою свое особое, ему свойственное, воззрѣніе на вещи. Вотъ причина, по которой молодымъ людямъ такъ мало или вовсе не нравятся совѣты людей пожилыхъ, а пожилымъ людямъ еще менѣе по сердцу совѣты дѣтей. Тоже самое испытываю и я; признаюсь, я была бы болѣе рада за моего сына, если бы онъ продолжалъ пользоваться живымъ примѣромъ в. и. в-ва вмѣсто того, чтобы ѣхать на карнавалъ въ Венецію и въ Неаполь; но было бы совершенно непростительно болѣе злоупотреблять снисходительностію, которую в. и. в. благоволили оказывать моимъ путешественникамъ.

34.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 12-го Января 1782 г.

Образъ дѣйствій Англичанъ, мнимая блокада Гибралтара, которой на самомъ дѣлѣ какъ бы вовсе и не было, и осада Магона, также только на однихъ словахъ, возвращеніе Французскихъ войскъ на королевскомъ военномъ флотѣ для того только, чтобы справить масляницу въ Парижѣ и услаждаться въ оперѣ разными привѣтствіями въ стихахъ и прозѣ, все это представляетъ любопытный матеріалъ для исторіи событій и нравовъ осмнадцатаго вѣка въ тамошнихъ мѣстахъ. Если способны поднимать у кого нибудь желчь историческія событія такого рода, то безъ сомнѣнія у людей съ сильнымъ духомъ, которымъ тяжело видѣть, какъ другіе дѣйствуютъ безъ той энергіи, которая свойственна имъ самимъ; ибо одна только энергія и способна на великія дѣла.

Намѣреніе Пія VI-го пожаловать въ Вѣну, для личныхъ объясненій съ в. и. в-вомъ, дѣлаетъ ему по истинѣ честь, хотя онъ, конечно, и ничего не выиграетъ отъ этого. Отъ души желаю, чтобы онъ догадался съ собою привезти в. и. в-ву ключи Рима или предложить вамъ изгнаніе изъ Европы враговъ христіанскаго имени, въ каковомъ случаѣ убѣдительнѣйше прошу в. и. в. разсчитывать и на вашу покорную союзницу.

35.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 19-го Февраля 1782 года.

Предстоящая кампанія должна будетъ рѣшить, на сколько искренно воюющія державы желаютъ мира. До сихъ поръ что-то не видать, чтобы онѣ серьезно помышляли объ этомъ.

Что̀ до меня касается, то я еще ожидаю окончательнаго рѣшенія святѣйшаго отца, чтобы узнать, дѣйствительно ли мнѣ суждена честь видѣть его у себя въ Вѣнѣ. До сихъ поръ впрочемъ онъ, кажется, пребываетъ въ полной рѣшимости осуществить это намѣре-

ніе, и чрезъ то снискать въ исторіи знаменитость, для достиженія которой онъ, по видимому, не усматриваетъ болѣе легкихъ способовъ. Во всякомъ случаѣ, не забота объ изгнаніи изъ Европы враговъ Христова имени побуждаетъ его двинуться съ мѣста, а недочетъ въ доходахъ его казны, значительно исхудавшей вслѣдствіе устраненія разныхъ злоупотребленій. Подобнаго предложенія я могъ бы ожидать, конечно, не отъ главы Римской церкви, а развѣ отъ той, которую Провидѣніе поставило во главѣ церкви Восточной, и подъ знамя которой я всегда готовъ стать, на призывъ которой всегда готовъ отозваться. В. И. В-ву не могло остаться неизвѣстнымъ, что̀ по этому послѣднему поводу Берлинскій дворъ изволить въ настоящее время разглашать по всей Европѣ, особенно въ Константинополѣ и во Франціи, а равно и то, какимъ образомъ дворъ этотъ истолковываетъ направленныя яко бы къ этой цѣли и въ виду именно близкаго осуществленія оной всѣ, даже внутреннія, распоряженія и мѣры, которыя предпринимаются В. И. В-омъ въ своемъ собственномъ государствѣ. Не трудно понять, куда все это клонится: такъ-какъ о войнѣ съ Портою (какъ В. И. В. и сами изволите очень хорошо знать) нѣтъ и рѣчи, то, распуская въ настоящее время подобные слухи, Прусскій король впослѣдствіи будетъ имѣть возможность приписать себѣ въ Константинополѣ, во Франціи и вездѣ всю честь, яко бы онъ одинъ съумѣлъ предотвратить эту войну. Съ другой стороны, если бы посредствомъ этихъ ложныхъ слуховъ ему удалось натравить Французовъ или даже Порту на какую нибудь необдуманную выходку, то вся выгода въ такомъ случаѣ достанется опять на долю его одного, такъ-какъ онъ съ одной стороны надѣется этимъ способомъ замутить мои добрыя отношенія къ Франціи, которыя ему очень не по душѣ; а съ другой, если Порта, поддавшись его коварнымъ внушеніямъ, сама накличетъ на себя войну, онъ можетъ разсчитывать (пока онъ остается въ такой силѣ у насъ въ тылу), на вѣрняка и безъ выстрѣла, захватить на свой пай лучшую долю или въ Польшѣ, или въ Мекленбургѣ, или хоть гдѣ нибудь въ Лужицахъ. Онъ увѣренъ, наконецъ, что во всякомъ разѣ, въ случаѣ войны съ Портою, намъ придется купить его соизволеніе или невмѣшательство и притомъ за такую цѣну, какую ему самому будетъ угодно назначить.

36.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 11 Марта 1782 г.

Безъ сомнѣнія, столько же прискорбно для человѣчества, что воюющія державы оказываютъ такъ мало склонности къ заключенію мира, сколько не утѣшительна и для державъ-посредницъ несомнѣнная увѣренность въ томъ, что, не взирая на всю чистоту намѣреній съ ихъ стороны, ихъ добрыя услуги остаются до сихъ поръ совершенно безуспѣшными. Такъ-какъ папа располагаетъ вести переговоры объ интересахъ своей казны, а не о пользахъ христіанскаго міра, то я надѣюсь, что для блага этой самой казны в. и. в. постараетесь сократить срокъ пребыванія его святѣйшества въ Вѣнѣ. Что̀ касается слуховъ, распускаемыхъ о предстоящемъ якобы съ нашей стороны разрывѣ съ Портою и о новомъ раздѣлѣ Польши, то признаюсь в. и. в-ву, что, давно привыкнувъ сносить и презирать клевету, я не обращала никакого вниманія на эти сплетни, которыя, кажется, нѣкоторые желаютъ возвести на степень новой отрасли въ политикѣ. Несравненно лучше было бы подумать о томъ, что̀ могло бы послужить общему благу всѣхъ державъ. Записка, сообщенная графу Кобенцелю моимъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, выясняетъ очевидную необходимость для всей Европы, путемъ единодушнаго соглашенія всѣхъ націй, установить общія и незыблемыя основанія для торговли нейтральныхъ державъ. Царствованію в. и. в-ва судьба предоставляетъ славу установленія такого международнаго кодекса.

37.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 31 Марта 1782 г.

Не завидую рѣдкому преимуществу, которымъ в. и. в. изволите наслаждаться въ настоящее время, живя дверь объ дверь съ Піемъ VI-мъ. Говоря откровенно, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы папа поскорѣе убрался изъ Вѣны; и сама не знаю почему, но я не

могу, безъ нѣкотораго тревожнаго чувства, помышлять объ этомъ посѣщеніи. Итальянская духовная особа для всѣхъ не католиковъ составляетъ предметъ нѣкотораго страха. Вотъ васъ, в. и. в-во, такъ я бы безъ всякаго чувства опасенія увидѣла у воротъ Капитолія. Если бы я могла, какъ то угодно воображать в. и. в-ву, явиться третьимъ лицемъ въ бесѣдахъ между вами и святѣйшимъ отцемъ, то я, конечно, могла бы повести рѣчь только въ духѣ Восточной церкви, и этимъ бы такъ насолила его святѣйшеству, что онъ скорёхонько убрался бы обратно во свояси въ Римъ, и вся вина въ такомъ случаѣ пала бы на меня одну, и безъ того уже имѣющую счастіе пользоваться ею отлученіемъ, что впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ быть совершенно здоровою.

38.

Екатерина Іосифу.

Въ Царскомъ Селѣ, 9 (20) Мая 1782 г.

Государь мой братъ! Узнавъ объ отъѣздѣ папы изъ Вѣны, прошу позволенія принести по этому поводу в. и. в-ву мои искреннѣйшія поздравленія. Набожныя души, навѣрно, совсѣмъ на оборотъ, осыпали таковыми в. и. в. по случаю прибытія святѣйшаго отца; но мнѣ позвольте порадоваться, что в. и. в. освободились отъ этого бремени, гнётъ котораго чувствовался и мною, въ силу живаго участія, принимаемаго мною во всемъ, что̀ касается в. и. в-ва; что̀ ни говорите, а духовная особа такого свойства, какъ эта,— мёбель крайне неудобная. Болѣзнь глазъ, которою страдаете в. и. в., вызвала въ душѣ моей совсѣмъ инаго рода тревожное чувство, заставившее меня опасаться даже, не замѣшалось ли ужъ тутъ— дарованіе чудесъ. Можетъ быть, что ко всему этому съ моей стороны примѣшиваются предубѣжденія, но что дѣлать? Онѣ всосаны мною вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, и я съ ними сжилась. Слава Богу, что какъ то, такъ и другое искушеніе исчезли одновременно. Благоволите, в. и. в., видѣть въ томъ, что̀ я позволяю себѣ высказывать вамъ по сему поводу, лишь выраженіе моей искренней пріязни. Тоже самое побужденіе заставляетъ меня откровенно высказаться передъ вами и на счетъ настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ. В. и. в-ву извѣстно, что однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Англійскаго министерства было принятіе предло-

женія Голландской республики, выраженнаго въ доставленномъ мнѣ оною отвѣтѣ,—приступить къ переговорамъ о мирѣ на условіяхъ нейтралитета, которыхъ она домогалась и которыя не разъ до сихъ поръ были ею заявляемы какъ письменно, такъ и устно, черезъ посредство ея посланника. Объ этомъ обстоятельствѣ было сообщено моими министрами въ Гагу Генеральнымъ Штатамъ и принцу Оранскому. Я еще не получила отвѣта; но, извѣстившись о допущеніи въ Гагѣ делегата отъ Американскаго конгресса, и въ тоже время о сильномъ броженіи умовъ, въ большинствѣ болѣе расположенныхъ къ войнѣ, нежели къ миру, я имѣю всѣ основанія предполагать, что на этотъ разъ охотники раздувать огонь опять возмутъ верхъ надъ тѣми, которые желали бы залить пожаръ. Съ другой стороны мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что наши давнишніе пріятели Англичане сильно нуждаются въ заключеніи мира. Новое министерство желаетъ онаго, и очень похоже на то, что они не станутъ болѣе ломаться, чтобы пойти на сдѣлку съ своими колоніями. По совѣсти и въ качествѣ доброжелательной посредницы, я сочла долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія в. и. в-ва, дабы, въ случаѣ, если вы изволите найти, что дворы Бурбонской фамиліи въ самомъ дѣлѣ такъ расположены въ пользу возстановленія мира, какъ они о томъ всегда заявляли, можно было предложить имъ открытіе мирнаго конгресса при болѣе благопріятныхъ видахъ на успѣхъ, нежели какіе имѣлись до сихъ поръ, особливо если бы оказалось возможнымъ пріискать какой либо способъ для удовлетворенія Испаніи. Что̀ касается притязаній этой послѣдней на счетъ уступки Гибралтара, я желала бы напередъ знать объ этомъ предметѣ мысли в. и. в., такъ какъ этотъ портъ составляетъ ключъ къ Средиземному морю, и потому въ его судьбѣ заинтересованы всѣ остальныя державы, дабы плаваніе принадлежащихъ имъ судовъ по этому морю не подвергалось никакимъ стѣсненіямъ и не было поставлено въ зависимость отъ доброжелательства или недоброжелательства тѣхъ, кому впредь достанется владѣть этою крѣпостью

39.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 1 Іюня 1782 года.

Участіе и, смѣю сказать, дружеское расположеніе, съ которымъ В. И. В-ву угодно было выразиться по поводу папы, этой Итальянской духовной особы, отяготившей меня своимъ посѣщеніемъ, вызвали во мнѣ живѣйшую признательность; но по отношенію къ В. И. В-ву это чувство съ моей стороны составляетъ нѣчто до такой степени должное и такъ хорошо извѣстно вамъ, что я не осмѣливался до сихъ поръ надоѣдать В. И. В-ву новыми заявленіями онаго, не имѣя сообщить ничего другаго, болѣе интереснаго. Папа не добился, конечно, ничего существеннаго; я постарался однако найти способъ обойтись съ нимъ такъ, чтобы избѣжать всякаго скандала и ссоры. Ему пришлось даже публично и письменно засвидѣтельствовать, что онъ нашелъ какъ меня, такъ и моихъ подданныхъ твердыми въ вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе чистосердечно признаюсь В. И. В-ву, что въ продолженіи трехъ часовъ, которые я аккуратно каждый день проводилъ съ нимъ, пустословя по части богословія и такихъ предметовъ, о коихъ мы нерѣдко оба пересыпали одни слова, иногда сами не понимая того, что̀ говоримъ, намъ случалось иногда вдругъ замолчать и уставиться другъ на друга, какъ будто желая сказать, что мы оба ровно ничего не смыслимъ по этой части, а это бывало утомительно и несносно.

Перемѣна министерства въ Англіи подавала поводъ ожидать совершенной перемѣны въ началахъ и въ системѣ дѣйствій, по крайней мѣрѣ проявленія дружныхъ усилій и стараній, направленныхъ къ тому, чтобы выпутаться изъ критическаго положенія, въ которомъ находится въ настоящее время Англійское государство. Не тутъ-то было: прежнее министерство, которое, думая о томъ только, какъ бы удержаться на мѣстѣ, такъ часто заставляло короля поступать вопреки здравому смыслу, смѣнилось настоящимъ, которое, опять таки думая только о себѣ, кидается въ другую, противуположную крайность и, для достиженія мира, сулитъ, уступаетъ, соглашается, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ мелкимъ уловкамъ и всякаго рода кривымъ путямъ, которые всѣ въ равной мѣрѣ обнаруживаютъ его несостоятельность и его безсиліе. Имѣя въ виду только одну свою личную выгоду и интересъ минуты, оно не колеблется жертвовать интересами своего отечества и не хочетъ знать тѣхъ, кому слѣдовало бы ему довѣриться. Что̀ до меня касается,

то, какія бы послѣдствія ни вышли изъ нашего посредничества, я всегда буду радъ присоединиться къ воззрѣніямъ В. И. В-ва и содѣйствовать вамъ во всемъ, что̀ вы изволите признать за благо. Здѣсь у насъ, согласно съ желаніемъ, которое В. И. В. изволили заявить, составленъ пока только вчернѣ весьма, разумѣется, несовершенный и подлежащій просмотру и исправленію В. И. В-ва, проектъ кодекса для огражденія морской торговли нейтральныхъ державъ. Это дѣло представляетъ столько трудностей и въ тоже время долженствуетъ составить такую достославную эпоху въ исторіи, которую на всѣ будущія времена будутъ благословлять всѣ морскія, не пиратствующія державы, что я почту себя весьма счастливымъ, если буду чѣмъ либо въ состояніи способствовать доставленію этого блага всѣмъ ведущимъ морскую торговлю державамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безсмертія—благодѣтельницѣ человѣчества, которая одна могла задумать и своимъ авторитетомъ и могущественнымъ вліяніемъ заставить другихъ приступить къ соглашенію, столь справедливому и благотворному для цѣлаго міра.

40.

Іосифъ Екатеринѣ.

11 Іюня 1782 года.

Все, что̀ В. И. В. изволите писать мнѣ по поводу воспаленія глазъ, которымъ я страдалъ, безконечно тронуло меня; теперь моимъ глазамъ лучше, хотя они все еще требуютъ большой осторожности, до такой степени, что я не рискнулъ еще написать своею рукою первое, прилагаемое при семъ, письмо къ В. И. В-ву. Всѣ соображенія, которыя В. И. В-ву было угодно сообщить мнѣ относительно способовъ къ ускоренію мира, возвышенны и исполнены справедливости, какъ и все, что̀ истекаетъ изъ пера В. И. В-ва. Но, конечно, только благодаря отдаленности разстояній, В. И. В-ву могло остаться неизвѣстнымъ то, чего, безъ сомнѣнія, никакъ нельзя было ожидать: я разумѣю мѣры, съ тѣхъ поръ пущенныя въ ходъ Англіею съ цѣлію фактическаго и формальнаго отстраненія насъ отъ роли посредниковъ. Англія отправила во Францію спеціальныхъ эмиссаровъ, которые тамъ же одновременно ведутъ переговоры съ Испаніей и съ Американцами для заключенія этимъ путемъ мира, помимо на-

шего участія, при чемъ они нисколько не затруднились даже формально объявить, что ихъ цѣль именно такова.

Изъ сего В. И. В. изволите усмотрѣть, что будущая судьба Гибралтара зависитъ или отъ того оборота, который приметъ предстоящая осада онаго (имѣющая начаться въ скоромъ времени хотя бы только для вида) или же отъ большей или меньшей степени доброй воли и уступчивости и, по истинѣ, непомѣрнаго желанія Англійскаго министерства заключить миръ, во что бы то ни стало. Было бы весьма желательно, Государыня, чтобы справедливость, которая руководитъ всѣми дѣяніями В. И. В-ва, и вѣсъ, который вашъ авторитетъ придаетъ всѣмъ вашимъ мнѣніямъ въ Европѣ, могли подѣйствовать на предстоящее заключеніе мира въ томъ смыслѣ, чтобы, за кѣмъ бы ни остался Гибралтаръ, обладатель онаго впредь обязался, за ручательствомъ В. И. В-ва, не ставить, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, никакихъ преградъ и затрудненій свободному плаванію и торговлѣ караблей и судовъ, принадлежащихъ всѣмъ морскимъ державамъ. Это произвело бы совершенный переворотъ, будучи въ тоже время не болѣе, какъ вполнѣ справедливымъ послѣдствіемъ будущаго морскаго кодекса, удовлетворило бы всѣхъ и ослабило бы значеніе обладанія Гибралтаромъ. Но какъ для того, чтобы напомнить Англіи объ уваженіи, которымъ она обязана по отношенію къ намъ, какъ посредникамъ, къ которымъ она сама же первая обратилась, такъ и для того, чтобы при заключеніи мира выдвинуть это условіе на первый планъ (какъ бы за тѣмъ ни рѣшилась участь Гибралтара), однѣ только вы, В. И. В., можете заговорить съ Англіею такимъ тономъ, который бы заставилъ настоящее министерство снова войти въ предѣлы уваженія и приличія, изъ которыхъ ему не слѣдовало бы никогда выступать.

Счастливыя событія, совершившіяся какъ на Антильскихъ островахъ, такъ и въ Восточной Индіи, впрочемъ не заставятъ, какъ я полагаю, Англійское министерство отказаться отъ желанія ускорить заключеніемъ мира, такъ какъ въ этомъ слишкомъ замѣшаны его личные интересы.

41.

Екатерина Іосифу.

Въ Царскомъ Селѣ, 15 Іюня 1782 г.

Государь мой братъ! Только опасеніе чтеніемъ моихъ писемъ усилить страданія въ глазахъ, которыя вы испытывали этою весною, могло удержать меня отъ болѣе частаго выраженія моего безпокойства по этому поводу. Беру смѣлость заявить в. и. в-ву объ этомъ въ настоящую минуту, когда чувство самой искренней дружбы и долгъ вѣрной союзницы заставляютъ меня взяться за перо, дабы конфиденціально сообщить в. и. в-ву вѣсти, дошедшія до меня изъ Крыма и вызывающія на многія размышленія. Я только что получила извѣстіе, что братья Крымскаго хана возмутились противъ Шагинъ-Гирея. Слѣдуетъ предполагать, что эта смута, подъ рукою подготовленная Портою, въ ней же непремѣнно найдетъ и поддержку. Оправдаются, или нѣтъ эти подозрѣнія, во всякомъ случаѣ я не только должна буду принять необходимыя предосторожности для огражденія моихъ собственныхъ предѣловъ отъ вторженій, коимъ они могутъ подвергнуться, но и всѣ другія мѣры, которыя внушитъ мнѣ благоразуміе съ цѣлію скорѣйшаго возстановленія спокойствія и независимости Крыма (на которую, по видимому, посягаютъ мятежники), по смыслу Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, доколѣ оный остается въ силѣ. Ханъ Шагинъ-Гирей, изъ Кафы удалившійся въ Керчь, уже обратился ко мнѣ съ просьбою о помощи и поддержкѣ. Я не могу отказать ему въ оныхъ въ виду того, что государь этотъ постоянно и неизмѣнно соблюдалъ начало независимости Татарской. Хотя, судя по этимъ первымъ извѣстіямъ, намѣренія Порты еще не вполнѣ выяснились, тѣмъ не менѣе, на самый худой конецъ и предполагая столкновеніе съ Турціей неизбѣжнымъ, я, по духу дружественныхъ отношеній и союза, къ счастію существующихъ между в. и. в-омъ и мною, вижу себя поставленною въ необходимость сообщить в. и. в-ву какъ о положеніи Крымскихъ дѣлъ, такъ равно о послѣдствіяхъ, которыя можно изъ сего предвидѣть, дабы, если в. и. в. изволите найти это умѣстнымъ, мы могли уже теперь, по смыслу установившихся между нами взаимныхъ обязательствъ, предварительно согласиться на счетъ началъ, которыми бы на будущее время могло быть устранено все, способное поколебать, ослабить или нарушить тѣсную дружбу и союзъ между нами, столь драгоцѣнные для меня и столь благодѣтельные съ точки зрѣнія общихъ и обоюдныхъ

интересовъ нашихъ обѣихъ державъ. Этимъ путемъ будетъ значительно выиграно время для предотвращенія всѣхъ помѣхъ и недоразумѣній, поводы къ которымъ не преминутъ впослѣдствіи представиться.

42.

Іосифъ Екатеринѣ.

Люксембургъ, 12-го Іюля 1782 г.

Государыня моя сестра! Получить письмо, которое В. И. В. изволили написать мнѣ, отъ 15 Іюня ст. ст. и въ теченіи тѣхъ же самыхъ сутокъ отвѣчать на оное — было для меня и мыслью и дѣломъ одновременно. Мнѣ не нужно предаваться никакимъ соображеніямъ, сужденіямъ или разсчетамъ, когда говоритъ мое сердце и когда дѣло идетъ объ оказіи услуги моей, смѣю такъ выразиться, Императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ. Да, я готовъ вступить всегда и въ какое угодно соглашеніе съ В. И. В-омъ относительно всякихъ событій, которыя могутъ быть вызваны Крымскою смутою, о существованіи которой я впервыя узнаю отъ В. И. В-ва. И такъ благоволите же, В. И. В., открыть мнѣ ваши мысли и намѣренія, и вы изволите найти во мнѣ, смѣю васъ въ томъ увѣрить, того истиннаго и вѣрнаго друга, на какого ваше благоволеніе и ваша дружба даютъ В. И. В-у право разсчитывать во всѣхъ отношеніяхъ. Не сомнѣваюсь, что въ вашей возвышенной мудрости В. И. В. изволите предусмотрѣть средства и способы для обезпеченія насъ обоихъ отъ всѣхъ непріятностей и, особливо, отъ замысловъ сильнаго и бѣдоваго сосѣда, котораго мы имѣемъ у себя въ тылу. Я не могу представить себѣ, чтобы Порта рѣшилась оказать поддержку Крымскимъ мятежникамъ и тѣмъ навлечь на себя справедливое негодованіе В. И. В-ва, имѣющей полное право принудить Турокъ къ соблюденію во всей точности мирныхъ условій, предписанныхъ имъ В. И. В-омъ въ Кучукъ-Кайнарджи.

43.

Екатерина Іосифу.

Въ Петергофѣ, 2-го Іюля 1782 г.

Государь мой братъ! Два письма, которыми в. и. в. благоволили почтить меня отъ 1 и 11-го Іюня, снова вызвали во мнѣ то чувство, которое я привыкла испытывать каждый разъ при полученіи вашихъ писемъ. Я сперва пробѣгаю ихъ глазами, затѣмъ снова перечитываю быстро и жадно, и это чтеніе приводитъ въ состояніе особеннаго возбужденія все мое нравственное существо. Какъ выразить, сколько я чувствую себя обязанною в. и. в-ву за всѣ доказательства пріязни и расположенія, которыя вы благоволите оказывать мнѣ и которыми исполнены ваши письма! Воспаленіе глазъ, которымъ страдали в. и. в., я считаю послѣдствіемъ слишкомъ напряженныхъ занятій. Я тѣмъ болѣе была встревожена этимъ, что десять лѣтъ тому назадъ сама испытала подобное страданіе въ глазахъ и головѣ, при малѣйшей попыткѣ читать при свѣчахъ. Это было въ самый разгаръ войны, когда ежечасно получались толстые пакеты, а я привыкла все читать сама: и днемъ и ночью кровь, волнуемая разными непріятностями, бросалась въ голову. Свое исцѣленіе я приписываю холоднымъ ваннамъ и употребленію консервовъ; этими послѣдними я пользовалась сначала только при свѣчахъ, но мало по малу нашла ихъ столь полезными для моего зрѣнія, что теперь, по привычкѣ, употребляю ихъ постоянно.

Вотъ и Англичане тоже, кажется, привыкли, ужъ лѣтъ двадцать къ дѣйствіямъ такого рода, которыя ускорили наступленіе настоящаго положенія дѣлъ, изъ котораго имъ теперь такъ сильно хотѣлось бы выпутаться. Согласно съ желаніемъ в. и. в-ва, я приказала вторично дать имъ понять, что, согласившись принять на себя, совмѣстно съ в. и. в-вомъ, посредничество, предложенное намъ отъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, я никакъ не могу предположить, чтобы отправленіе Гренвилля *) съ товарищами въ Парижъ состоялось въ какихъ либо иныхъ видахъ, какъ только для того, чтобы ускорить дѣло заключенія мира въ будущемъ и подготовить оное на столько, чтобы посредники могли вступить въ свои права, и миръ

*) Томасъ Гренвилль, братъ лорда Темпля, въ Апрѣлѣ 1782 г., въ сопровожденіи другаго уполномоченнаго, нѣкоего Освальда, былъ отправленъ Англійскимъ правительствомъ въ Парижъ, для веденія переговоровъ съ Франціей и съ представителемъ Сѣверо-американскихъ провинцій, Веньяминомъ Франклиномъ.

могъ состояться на конгрессѣ въ Вѣнѣ, при содѣйствіи обоихъ императорскихъ дворовъ; что поэтому я не могу представить себѣ, чтобы, послѣ стольких безпристрастныхъ стараній, употребленныхъ со стороны посредниковъ, сочтено было возможнымъ ихъ-то именно и оставить въ совершенномъ невѣдѣніи относительно переговоровъ, и чтобы миръ могъ быть заключенъ помимо ихъ вѣдома и участія; что на основаніи дружественнаго сообщенія, полученнаго мною отъ Лондонскаго двора, я не поколебалась поддержать въ томъ же самомъ убѣжденіи и в. и. в., и что я не могу не замѣтить, что все несогласное съ этимъ предположеніемъ было бы столько же несообразно съ добрымъ согласіемъ, существующимъ между Россіей и Великобританіей, сколько и съ уваженіемъ, на которое имѣютъ право разсчитывать державы-посредницы. Смѣю надѣяться, что этихъ внушеній будетъ достаточно, и что в. и. в. изволите усмотрѣть въ моемъ образѣ дѣйствій по этому поводу новое доказательство моего желанія и готовности содѣйствовать всему, что̀ состоитъ въ связи съ общимъ дѣломъ, которое мы на себя приняли. Такъ какъ Англійское министерство постоянно сообщало моимъ министрамъ о своихъ пересылкахъ съ Франціей, то заключеніе тайнаго мира, помимо посредниковъ, могло бы состояться не иначе, какъ съ согласія всѣхъ воюющихъ сторонъ, и въ такомъ случаѣ Бурбонскіе дворы оказали бы не меньшее неуваженіе къ принятому нами на себя званію посредниковъ. Въ виду этихъ соображеній я льщу себя надеждою, что в. и. в. согласитесь, на сколько было бы полезно, если бы в. и. в. и съ своей стороны изволили обратиться съ однородными же представленіями къ поименованнымъ дворамъ.

Позвольте мнѣ, в. и. в., отложить до слѣдующаго раза всё относящееся къ проекту о морскомъ договорѣ, дѣлу столько же благодѣтельному, сколько, по видимому, и трудному. Будущность, которую в. и. в. желали бы устроить для Гибралтарскаго порта, такъ много обѣщаетъ для общаго блага, что нельзя не сочувствовать предположенію в. и. в-ва и въ виду сего не обратить на оное въ свое время и на своемъ мѣстѣ все вниманіе, какого требуютъ дѣла̀ такой важности, дабы привести оное къ желаемому обороту.

44.

Іосифъ Екатеринѣ.

Люксембургъ, 8 Августа 1782 г.

Государыня моя сестра! Вы изволили сообщить мнѣ чрезъ графа Кобенцеля о желаніи В. И. В-ва имѣть въ Петербургѣ лице Греческаго вѣроисповѣданія, способное ввести и передать другимъ пріемы обученія, употребляемыя въ такъ называемыхъ нормальныхъ школахъ. Личность, которая будетъ имѣть честь передать В. И. В-ву настоящее письмо, есть директоръ моихъ училищъ въ Илліріи, по фамиліи Янковичъ, на которомъ я остановилъ мой выборъ. Справедливость обязываетъ меня прибавить, что это человѣкъ не только способный и свѣдущій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшій изъ всѣхъ, кто у меня имѣется, и даже единственный человѣкъ изъ этой народности.

45.

Екатерина Іосифу.

(10 Сентября 1782 года).

Государь мой братъ! Изъ записки, сообщенной моимъ министерствомъ графу Кобенцелю и имѣющей точно также быть переданною княземъ Голицынымъ въ Вѣнѣ графу Кауницу, в. и. в., вѣроятно, уже изволили ознакомиться съ поводами, которые имѣются съ моей стороны къ неудовольствію противъ Оттоманской Порты, равно какъ и съ ультиматумомъ, постановленнымъ мною для сохраненія мира и для разрѣшенія разногласій, возникшихъ относительно

1-е, свободы торговли и плаванія чрезъ Константинопольскій проливъ,

2-е, возстанія, вызваннаго и поддерживаемаго Портою въ Крыму и

3-е, дѣйствій Порты относительно Молдавіи и Валахіи.

Такъ-какъ мои требованія безспорно основаны на духѣ трактатовъ и договоровъ, заключенныхъ мною съ Портою, то, имѣя въ виду правоту моего дѣла, я не могу обрѣсти ни въ чемъ иномъ болѣе твердаго основанія для самыхъ справедливыхъ и самыхъ дорогихъ

для меня надеждъ, какъ въ дружбѣ и взаимныхъ обязательствахъ, которыя навсегда соединяютъ меня съ в. и. в-вомъ. Ласкаю себя надеждой, что наши соединенныя усилія и единодушныя представленія нашихъ министровъ предъ Оттоманскимъ правительствомъ, успѣютъ предупредить открытый разрывъ съ Портою, склонивъ оную къ удовлетворенію меня исполненіемъ принятыхъ ею обязательствъ и возстановивъ на этотъ разъ доброе согласіе, отнимутъ у нея и на будущее время охоту поступать вопреки договорамъ и нарушать миръ.

Но если бы совмѣстныхъ усилій в. и. в-ва и моихъ подѣйствовать на Порту путемъ убѣжденія оказалось недостаточно для того, чтобы склонить ее къ предлагаемому мною соглашенію, въ которомъ в. и. в. благоволите (надѣюсь) усмотрѣть новое доказательство моей умѣренности относительно Турціи (такъ какъ я не требую ничего внѣвыговореннаго существующими между нами трактатами); если, говорю, Порта будетъ продолжать уклоняться отъ исполненія обязательствъ, принятыхъ ею на себя по послѣднему мирному договору: то, исполненная глубочайшаго уваженія и довѣрія къ моему другу и союзнику и твердо убѣжденная въ искренности многократныхъ увѣреній, которыя ему угодно было дать мнѣ, я не сомнѣваюсь, что в. и. в. изволите исполнить во всемъ ея объемѣ секретную статью существующихъ между нами взаимныхъ обязательствъ. Я тѣмъ болѣе цѣню оныя и тѣмъ болѣе дорожу ими, что прочность оныхъ основана не только на взаимности неизмѣнныхъ и постоянныхъ интересовъ нашихъ обоихъ государствъ, но, независимо отъ сего, утверждается и на дружбѣ и личномъ довѣріи, такъ счастливо между нами установившихся.

Чувствительно тронутая обязательнымъ письмомъ в. и. в-ва отъ 1 (12) Іюля сего года, приношу мою искреннѣйшую признательность за заключающіяся въ ономъ ясныя доказательства не только вашего образа мыслей относительно взаимно принятыхъ нами обязательствъ, но и относительно готовности вашей выполнить всѣ состоявшіяся между нами соглашенія, имѣющія цѣлію пользу нашихъ государствъ и благо всего христіанскаго міра. Обширныя свѣдѣнія и просвѣщенныя соображенія в. и. в-ва, какъ политическаго, такъ равно и стратегическаго свойства, внушатъ вамъ, безъ сомнѣнія, какимъ образомъ слѣдуетъ поступить въ виду столь важнаго обстоятельства. Я охотно предпочла бы ограничиться пока ожиданіемъ, пока в. и. в-ву угодно будетъ сообщить мнѣ ваши мысли по этому предмету, если бы в. и. в. не изволили выразить желанія, чтобы я предварительно сообщила вамъ мои собственныя. Считаю долгомъ и удовольствіемъ повиноваться, предоставляя затѣмъ все вообще и въ цѣломъ собственной мудрости и просвѣщенному суж-

денію в. и. в-ва. Предварительно начатія открытыхъ военныхъ дѣйствій противъ Порты, мнѣ кажется, что по смыслу тайной статьи нашего договора намъ слѣдуетъ:

1) условиться относительно плана военныхъ дѣйствій;

2) заключить предварительное тайное соглашеніе относительно вознагражденій или пріобрѣтеній, которыя мы имѣли бы право потребовать отъ нарушителей мира.

Я полагаю, что въ основаніе секретной конвенціи, которую я готова заключить съ в. и. в-вомъ, должны быть положены два главные пункта, на которыхъ зиждется и самый договоръ нашъ, а именно:

1) полная неприкосновенность и охраненіе нашихъ владѣній;

2) интересы, которые могутъ оказаться общими для насъ обоихъ относительно Оттоманской Порты.

Касательно первой статьи я предоставляю себѣ въ свое время сообщить в. и. в-ву съ полнѣйшимъ довѣріемъ, какимъ именно образомъ я предполагала бы направить, въ видахъ достиженія нашей общей цѣли, одновременныя дѣйствія моихъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ силъ. Отвѣтомъ в. и. в-ва опредѣлится и мой собственный планъ, такъ-какъ оный будетъ зависѣть отъ того, какимъ образомъ вы изволите предполагать употребить въ дѣло ваши собственныя военныя силы; что же касается моихъ войскъ, то, по смыслу нашихъ взаимныхъ обязательствъ, оныя имѣютъ всегда дѣйствовать не иначе, какъ въ совершенномъ согласіи съ войсками в. и. в-ва. Относительно перваго пункта мнѣ кажется, что охраненіе и безопасность нашихъ владѣній со стороны прочихъ Европейскихъ державъ, достаточно обезпечиваются какъ заключеннымъ между нами оборонительнымъ договоромъ, такъ равно и тѣмъ безпристрастнымъ нейтралитетомъ, который былъ нами соблюдаемъ въ продолженіи настоящей морской войны. Но такъ какъ единодушныя дѣйствія обоихъ императорскихъ дворовъ могли бы возбудить подозрительность нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей, то предварительно слѣдуетъ войти въ разсмотрѣніе настоящаго положенія этихъ державъ, дабы составить болѣе вѣрное сужденіе какъ объ усиліяхъ, которыя оныя могутъ употребить для воспрепятствованія нашимъ успѣхамъ, такъ равно и о соотвѣтственныхъ мѣрахъ, которыя, въ виду сего, должны быть приняты съ нашей стороны.

Во первыхъ, нельзя предполагать, чтобы зависть Польши, въ томъ положеніи, въ какомъ въ настоящее время находится эта держава, могла остановить успѣхи нашихъ военныхъ дѣйствій или помѣшать имъ. Напротивъ, Польша можетъ оказаться даже полезною намъ для продовольствованія нашихъ войскъ; полагаю, было бы возможно склонить ее даже къ болѣе дѣятельному участію, постаравшись съ одной стороны сохранить ея довѣріе и въ тоже время поддер-

живая вліяніе, которое оба императорскіе дворы пріобрѣли въ этой странѣ. Наиболѣе могло бы способствовать достиженію этой цѣли предложеніе нашихъ добрыхъ услугъ для охраненія законныхъ правъ Польши противъ притѣсненій Пруссіи, на которыя она постоянно жалуется относительно своей торговли. Кромѣ того можно было бы подать Полякамъ въ будущемъ надежды на выгодное соглашеніе относительно торговли въ нашихъ владѣніяхъ. Наконецъ, вовсе не вѣроятно, чтобы сторонники началъ и выгодъ противныхъ нашимъ, могли взять верхъ надъ людьми, преданными обоимъ императорскимъ дворамъ.

Данія, связанная съ Россіею во имя собственныхъ интересовъ, безспорно, союзница, на которую можно разсчитывать. Я не только не ожидаю противодѣйствія съ ея стороны, но увѣрена напротивъ, что, посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ, ею можно будетъ воспользоваться для удержанія въ пассивномъ положеніи Швеціи, и что, будучи стражемъ Зундскаго пролива, она можетъ содѣйствовать поддержанію спокойствія на Балтійскомъ морѣ. Она могла бы даже оказаться весьма полезною для насъ на тотъ случай, если бы какая нибудь изъ морскихъ державъ, разсчитывая, что мы оба будемъ заняты въ другомъ мѣстѣ, вздумала заключить союзъ съ кѣмъ либо изъ нашихъ сосѣдей, съ цѣлію враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, чего впрочемъ нѣтъ никакого основанія предполагать.

Швеція могла бы потревожить насъ въ томъ только случаѣ, если бы, получивъ поддержку военными силами отъ какой либо иной державы (или сосѣдней съ нею или же достаточно могущественной, чтобы рѣшиться на подобное предпріятіе), она сверхъ того могла бы получить еще и достаточныя денежныя субсидіи отъ государей, имѣющихъ возможность доставить ей таковыя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дружественныя связи и вліяніе в. и. в-ва могли бы оказать существенную пользу нашему общему дѣлу, если бы в. и. в. имѣли возможность удержать кого слѣдуетъ изъ вашихъ друзей или союзниковъ отъ доставленія Швеціи средствъ, которыя бы позволили ей взять на себя дѣятельную роль при такихъ обстоятельствахъ, хорошенько убѣдивъ ихъ въ той великой истинѣ, что всякія, доставляемыя до сихъ поръ Швеціи, пособія и субсидіи оказывались брошенными на вѣтеръ, безъ всякой пользы для державъ, доставлявшихъ оныя.

Изъ всѣхъ сосѣдей нашихъ наиболѣе способнымъ надѣлать хлопотъ обоимъ императорскимъ дворамъ, въ то время, когда они будутъ отвлечены борьбою съ врагомъ христіанства, представляется, конечно, Прусскій король. Нѣтъ сомнѣнія, что согласіе, такъ счастливо и такъ естественно установившееся между в. и. в-вомъ и мною, возбуждаетъ его зависть; но еще вопросъ, отважится ли онъ, при

своихъ преклонныхъ лѣтахъ, на какія либо рѣшительныя дѣйствія противъ нашихъ двухъ союзныхъ государствъ, буде только онъ не найдетъ сильной поддержки со стороны Англіи или Франціи. Трудно впрочемъ предполагать, чтобы даже въ случаѣ окончанія настоящей морской войны, столь раззорительной для этихъ обѣихъ державъ, онѣ захотѣли впутаться въ новыя издержки и въ новыя затрудненія, притомъ ради столь отдаленныхъ для нихъ интересовъ. Въ виду особыхъ связей, существующихъ между в. и. в-вомъ и Французскимъ дворомъ, в. и. в., принимая въ соображеніе систему, которой въ настоящее время слѣдуетъ Французскій кабинетъ, имѣете болѣе меня возможности судить, способна ли зависть успѣхамъ, на которые мы естественно можемъ расчитывать въ случаѣ войны съ Турками, заставить Францію увлечься до открыто-враждебныхъ дѣйствій противъ насъ. Англія не можетъ не отдать справедливости безпристрастію, оказанному в. и. в-вомъ въ настоящую войну и вашему посредничеству и не признать вашихъ дружественныхъ услугъ для возстановленія мира и для спасенія этой державы отъ бездны, въ которую она, такъ сказать, добровольно ввергла себя. Руководствуясь такими же правилами безпристрастія, и Россія съ своей стороны точно также сдѣлала все, что̀ только было возможно, не выходя изъ границъ нейтралитета, для того чтобы направить дѣла на путь мира, въ которомъ такъ нуждалась Англія, кромѣ сего связанная съ моей имперіей еще и весьма существенными торговыми интересами. Наконецъ, система нейтралитета, получившая въ настоящее время новое значеніе и новый вѣсъ, благодаря присоединенію къ оной в. и. в-ва, усиливъ нейтральныя державы чрезъ обезпеченіе имъ свободнаго плаванія и безопасности на морѣ, ставитъ торговые интересы Англіи въ нѣкотораго рода зависимость отъ Россіи, такъ какъ мы можемъ обойтись и безъ ея торговыхъ судовъ, для вывоза Русскихъ произведеній, въ которыхъ между тѣмъ сама Англія имѣетъ такую настоятельную нужду.

Мое безусловное довѣріе къ в. и. в-ву, искренность, долженствующая служить основаніемъ нашего союза, наконецъ, моя личная дружба къ в. и. в-ву не дозволяютъ мнѣ скрывать, что въ интересахъ нашей системы можетъ потребоваться и еще болѣе тѣсное сближеніе съ Англіей, какъ скоро будетъ основаніе предполагать, что дворы Мадридскій и Версальскій захотятъ какимъ либо способомъ воспрепятствовать вступленію моихъ эскадръ въ Средиземное море, или открыто принять противъ насъ сторону Турокъ. Никто лучше в. и. в-ва не въ состояніи вывести меня изъ сомнѣній въ этомъ случаѣ, такъ какъ свѣтлый умъ и близкія связи в. и. в-ва съ этими дворами доставляютъ вамъ возможность вѣрнѣе предусмо-

трѣть политическіе виды различныхъ отраслей Бурбонской фамиліи. Для просвѣщеннаго и проницательнаго взгляда в. и. в-ва ясно, безъ сомнѣнія, въ какой мѣрѣ такое деспотическое господство на Средиземномъ морѣ (хотя бы и распредѣленное между нѣсколькими, но принадлежащими къ одной и той же фамиліи и связанными между собою узами общаго фамильнаго договора, державами) можетъ оказаться пагубнымъ не только для нашихъ общихъ интересовъ, но и для блага и независимости цѣлой Европы. В. и. в., безъ сомнѣнія, не останетесь равнодушны къ сему обстоятельству, а географическое положеніе вашихъ владѣній даетъ в. и. в-ву достаточныя удобства не допустить сего. Впрочемъ я тѣмъ менѣе ожидаю подобныхъ дѣйствій со стороны различныхъ державъ Бурбонскаго дома, что мой собственный образъ дѣйствій въ продолженіи настоящей войны былъ вовсе не таковъ, чтобы вызвать вражду или возбудить недоброжелательство со стороны этихъ державъ.

Допустимъ, что Прусскій король, разсчитывая на то, что мы отвлечены войною, рѣшился бы, противъ всѣхъ ожиданій, произвести нападеніе на владѣнія в. и. в-ва въ Германіи. Даже въ такомъ случаѣ и какъ бы мы ни были въ то время заняты войною съ Турками, соединенныхъ силъ нашихъ обѣихъ державъ будетъ достаточно для того, чтобы сдѣлать тщетными всѣ его усилія, особенно если эти силы будутъ и впредъ, какъ въ настоящее время, направляемы искренней и тѣсной дружбой, существующей между обоими государями, которыхъ (осмѣливаюсь утверждать это) не запугаютъ и не устрашатъ никакія случайности, имѣющія, напротивъ, я въ томъ не сомнѣваюсь, обратиться къ собственному же вреду того, кто рѣшился бы учинить на насъ столь несправедливое нападеніе. Ужъ, конечно, не по войнѣ 1756 года можно судить о томъ, къ чему способны соединенныя силы обѣихъ нашихъ державъ, направляемыя двумя государями, у которыхъ одна общая цѣль и могущество которыхъ вполнѣ равняется связующимъ ихъ дружбѣ и взаимному довѣрію. Быть не можетъ, чтобы Прусскій король въ большей или меньшей мѣрѣ не сознавалъ этого; а, сознавая, онъ, я полагаю, предпочтетъ окончить свое царствованіе въ мирѣ.

Мнѣ думается далѣе, что оказалось бы не совсѣмъ невозможнымъ изыскать даже и въ самой Германіи средства противъ замысловъ, враждебныхъ нашимъ видамъ, или постараться привлечь на нашу сторону кое-кого изъ членовъ имперскаго союза, отвлекши ихъ отъ противной стороны и порасшатавъ союзы, заключенные ими и съ ними. Въ Германіи, думается мнѣ, будетъ тѣмъ легче ослабить всякое вліяніе, неблагопріятное нашимъ видамъ, что (какъ я въ томъ ни мало и не сомнѣваюсь) мой вѣрный союзникъ, на кото-

раго я разсчитываю съ полнымъ довѣріемъ, не питаетъ никакихъ видовъ, несогласныхъ съ Тешенскимъ миромъ. Потому ничто не можетъ помѣшать болѣе и болѣе тѣсному и искреннему сближенію различныхъ имперскихъ государей съ главою Имперіи, котораго самъ Богъ, кажется, одарилъ особою способностью—вселять въ сердца всѣхъ довѣріе къ себѣ.

Если бы окончаніе настоящей морской войны замедлилось почему либо, то это обстоятельство не только не можетъ никоимъ образомъ повредить нашимъ настоящимъ видамъ, но должно будетъ только тѣмъ болѣе поставить участвующія въ этой войнѣ державы въ невозможность противодѣйствовать намъ, не говоря уже, что продолженіе войны значительно способствуетъ развитію торговыхъ сношеній между нашими подданными. Предоставляя, стало быть, воюющимъ державамъ разсчитываться между собою, какъ онѣ сами знаютъ, и продолжая соблюдать относительно ихъ такое же безпристрастіе, какимъ мы руководствовались до сихъ поръ, въ нашемъ качествѣ посредниковъ, мы не рискуемъ возбудить противъ себя нерасположенія ни одной изъ воюющихъ сторонъ на столько, чтобы вызвать посредственное или непосредственное противодѣйствіе нашимъ общимъ видамъ.

Изложивъ такимъ образомъ, безъ всякой утайки, и съ тою откровенностію, къ какой обязываютъ чувства искреннѣйшей пріязни, всѣ мои соображенія о настоящемъ положеніи Европейскихъ дѣлъ (по скольку оное можетъ имѣть отношеніе къ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся), равно какъ и мои самыя сокровенныя мысли касательно нашихъ сосѣдей, я надѣюсь, что и в. и. в. благоволите въ свою очередь высказаться съ тѣмъ же самымъ довѣріемъ и на счетъ тѣхъ же самыхъ пунктовъ. Въ увѣренности, что возвышенная мудрость в. и. в-ва прольетъ новый свѣтъ на этотъ важный предметъ я почту за особое удовольствіе узнать и усвоить себѣ все, что вамъ будетъ угодно сообщить мнѣ относительно нашихъ общихъ интересовъ. Соображенія в. и. в-ва вразумятъ меня относительно видовъ, которые возможны для насъ при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Дозвольте мнѣ теперь, прежде чѣмъ перейти ко второму пункту нашей предполагаемой (въ виду предстоящихъ случайностей) конвенціи, а именно къ тому, что касается Константинопольскаго договора, предварительно, какъ бы въ видѣ предисловія—подвергнуть разсмотрѣнію, съ какимъ противникомъ придется намъ имѣть дѣло въ случаѣ войны. Оттоманская имперія, нѣкогда столь грозная и страшная для слабыхъ, въ настоящее время раздираема внутренними бѣдствіями, противъ которыхъ не устояло бы и наиболѣе благоустроенное государство. Ея Европейскія владѣнія, по самому

ихъ географическому положенію, отдѣлены морями отъ ея владѣній въ Азіи. Бо́льшая часть пашей, управляющихъ областями, повинуются Портѣ только для виду и лишь ожидаютъ благопріятной минуты для того, чтобы избавиться отъ необходимости повиноваться, и еще болѣе отъ конфискаціи ихъ имуществъ, которою пополняется хроническая пустота султанскихъ сундуковъ. Тоже самое можно сказать и о большей части подвластныхъ Портѣ христіанъ, а численность ихъ, по крайней мѣрѣ, въ пять или въ шесть разъ превосходитъ численность Турокъ. Торговля ихъ въ конецъ разорена всяческими монополіями и притѣсненіями. Селенія опустошаются разбойниками, земледѣльцы бросаютъ свои поля, вслѣдствіе отсутствія безопасности, и бѣгутъ въ города, гдѣ отъ того еще болѣе возрастаютъ неурядица, смута и дороговизна жизненныхъ припасовъ. Военная дисциплина, какъ въ морскихъ, такъ и въ сухопутныхъ войскахъ Турціи существуетъ только по имени. Янычары, большею частію промышляющіе мелкимъ торгашествомъ, не охотно разстаются съ своими лавочками, очень хорошо зная, что жалованье имъ достается получать почти всегда только на однихъ словахъ. Войска, которыя обязаны поставлять различныя области, отказываются идти въ армію и не платятъ налоговъ, какъ скоро имѣютъ поводъ опасаться за безопасность своихъ собственныхъ жилищъ. Диванъ изъ года въ годъ наполняется людьми, гораздо болѣе способными набивать грабежемъ свои собственные карманы, нежели исправлять недостатки государственнаго управленія, которое, видимо, распадается и, если еще держится, то благодаря развѣ одному только Алкорану. Не буду уже говорить о паническомъ страхѣ, который въ настоящее время овладѣваетъ Турецкою чернью, сообщаясь даже дивану и сералю при каждомъ слухѣ о войнѣ, и котораго источникъ заключается въ какомъ-то стихѣ Корана. Тѣмъ не менѣе, даже не смотря на этотъ страхъ, они безпрерывно поднимаются на всевозможныя хитрости и каверзы, для того только, чтобы скорѣе добиться уничтоженія договоровъ, которые имъ не по душѣ, но которымъ, между тѣмъ, они обязаны спокойствіемъ, столь для нихъ необходимымъ.

Предпославъ этотъ предварительный обзоръ, вотъ что я полагала бы далѣе. Въ основаніе нашей конвенціи на случай войны должны быть положены незыблемо слѣдующія два руководящія начала:

1) Необходимость устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы предотвратить въ будущемъ всякое столкновеніе между тремя имперіями, и для сего устранить, на сколько возможно, непосредственную смежность ихъ владѣній.

2) Полное уравновѣшеніе приращеній, на которыя, въ случаѣ войны съ Турецкой имперіей, обѣ наши державы могутъ разсчитывать.

Касательно перваго пункта слѣдовало бы, мнѣ кажется, заранѣе и навсегда установить, чтобы между тремя имперіями существовало самостоятельное государство, навсегда независимое отъ каждаго изъ трехъ смежныхъ государствъ. Это государство, имѣющее быть созданнымъ вновь и нѣкогда уже существовавшее подъ именемъ Дакіи, могло бы составиться изъ областей Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ управленіемъ государя христіанскаго вѣроисповѣданія, господствующаго въ поименованныхъ областяхъ, и на личныя качества и преданность котораго оба императорскіе двора могли бы вполнѣ положиться. При семъ слѣдуетъ установить, что это новое государство, правитель котораго будетъ наслѣдственнымъ, имѣетъ навсегда остаться совершенно независимымъ и не можетъ никогда быть присоединено ни къ Россіи, ни къ Австріи; равнымъ образомъ обѣ имперіи никогда не допустятъ подчиненія онаго и какой либо иной державѣ.

Границы этого новаго государства должны быть опредѣлены со стороны Польши и Россіи Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, а со стороны Австрійскихъ владѣній чертою пріобрѣтеній, которыя я гарантировала в. и. в-ву секретною статьею нашего договора и затѣмъ рѣкою Алютой или Ольтой до впаденія оной въ Дунай. Со стороны Турецкой имперіи новое независимое государство слѣдовало бы ограничить Дунаемъ до самаго устья.

Проведеніе новой границы между Австрійской монархіей и нынѣ существующей Оттоманской имперіей будетъ зависѣть отъ того, что̀ именно в. и. в-ву самимъ угодно будетъ постановить относительно земельныхъ пріобрѣтеній, на которыя в. и. в. имѣете столько правъ. На счетъ этого мы еще имѣемъ условиться болѣе подробно, согласно секретной статьи нашего договора; посему я надѣюсь, что в. и. в. благоволите открыться мнѣ относительно сего предмета съ тою откровенностью, которую тѣсная и искренняя пріязнь необходимо дѣлаетъ взаимною.

Наиболѣе естественную границу между Россіей и настоящими владѣніями Оттоманской имперіи, каковую я для себя именно и желаю, составляетъ Черное море.

Польша имѣетъ остаться при тѣхъ самыхъ границахъ, какими она владѣетъ въ настоящее время, согласно договору, заключенному тремя державами, которымъ опредѣлены ея границы и гарантированы ея владѣнія.

Что̀ касается до уравненія будущихъ пріобрѣтеній Австріи и Россіи, то въ настоящее время Россія изъ Турецкихъ владѣній желаетъ для себя только:

1-е, городъ Очаковъ съ его округомъ, между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ;

2-е одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли Русскихъ подданныхъ.

Высказавшись съ полною откровенностію и чистосердечіемъ относительно моихъ видовъ на случай войны и того, чего я желала бы достигнуть для блага моихъ подданныхъ, я прошу в. и. в. удостоить меня тѣмъ же довѣріемъ, столь свойственнымъ нашей дружбѣ и существующимъ между нами обязательствамъ, съ таковою же подробностью сообщивъ мнѣ собственные виды и желанія в. и. в-ва. В. и. в. должны быть увѣрены, что ничто не въ состояніи доставить мнѣ бо̀льшаго удовольствія, какъ возможность способствовать вашимъ цѣлямъ и содѣйствовать ихъ осуществленію посредствомъ моихъ военныхъ силъ, равно какъ и я разсчитываю на содѣйствіе вашихъ. Хотя географическое положеніе и естественное плодородіе областей Оттоманской имперіи, смежныхъ съ владѣніями в. и. в-ва, придаетъ приращеніямъ, на которыя вы можете разсчитывать, гораздо бо̀льшее значеніе, сравнительно съ тѣми, которыя представляются удобными для Россіи; тѣмъ не менѣе моя личная пріязнь къ моему дражайшему союзнику не допуститъ меня ни на одну минуту поколебаться—принести ему эту жертву.

Неограниченное довѣріе, которое я питаю къ в. и. в-ву, даетъ мнѣ твердую увѣренность, что, въ случаѣ, если бы успѣхи наши въ предстоящей войнѣ дали намъ возможность освободить Европу отъ врага Христова имени, выгнавъ его изъ Константинополя, в. и. в. не откажете мнѣ въ вашемъ содѣйствіи для возстановленія древней Греческой имперіи на развалинахъ нынѣ господствующаго на прежнемъ мѣстѣ онаго варварскаго владычества, конечно при непремѣнномъ съ моей стороны условіи поставить это новое Греческое государство въ полную независимость отъ моей собственной державы, возведя на его престолъ младшаго изъ моихъ внуковъ, великаго князя Константина, который въ такомъ случаѣ обязался бы отречься навсегда отъ всякихъ притязаній на Русскій престолъ, такъ какъ эти два государства никогда не могутъ и не должны слиться подъ державою одного государя. Въ свое время такое обязательство имѣетъ быть дано какъ великимъ княземъ моимъ сыномъ, такъ равно и его старшимъ сыномъ; до тѣхъ же поръ я готова представить всѣ ручательства, какія только потребуются отъ меня и моихъ преемниковъ, въ томъ, что никогда не возникнетъ притязаній, клонящихся къ соединенію этихъ двухъ государствъ подъ одною короною.

Эта новая Греческая имперія могла бы имѣть границею со стороны Россіи Черное море; ея границы со стороны владѣній в. и. в-ва будутъ зависѣть отъ земельныхъ пріобрѣтеній, которыя в. и. в. оставите за собою или выговорите для себя въ минуту паденія

варварскаго владычества, и наконецъ предѣломъ между Дакіею и Греческой имперіей могъ бы послужить Дунай. Острова Архипелажскіе должны будутъ точно также войти въ составъ этой вновь возстановленной имперіи.

Дабы доказать в. и. в-ву мою признательность за помощь, которую вы изволите оказать мнѣ при осуществленіи сего великаго замысла, съ которымъ связано благо всего христіанскаго міра, я, независимо отъ расширенія вашихъ земельныхъ пріобрѣтеній, которое само собою имѣетъ въ такомъ случаѣ послѣдовать, буду охотно готова содѣйствовать пріобрѣтенію в. и. в-вомъ и нѣкоторыхъ пунктовъ на Средиземномъ морѣ, въ случаѣ, если бы вы изволили найти таковое нужнымъ въ виду торговыхъ интересовъ вашихъ подданныхъ.

Оба императорскіе двора снова примутъ на себя взаимное обязательство содѣйствовать другъ другу во всѣхъ переговорахъ съ другими державами, которые могли бы по сему случаю потребоваться, дабы не допустить эти державы воспрепятствовать сему великому дѣлу, столь благодѣтельному для всего христіанскаго міра. Ради этой цѣли и оба императорскіе двора, съ своей стороны, не будутъ противиться различнымъ видамъ, какіе могутъ быть у другихъ Европейскихъ государей относительно пріобрѣтенія для себя торговыхъ пунктовъ на счетъ Турецкой имперіи, въ той мѣрѣ, въ какой сіе окажется возможнымъ безъ ущерба благосостоянію обоихъ нашихъ государствъ. Если же, по ненависти къ тѣсному союзу, существующему между в. и. в-вомъ и мною, какая либо изъ Европейскихъ державъ воспротивилась бы нашимъ общимъ видамъ, въ такомъ случаѣ наши соединенныя силы будутъ употреблены для нашей взаимной обороны согласно тому, какъ это нами постановлено въ секретной статьѣ нашего союзнаго договора.

Сколько бы эти виды ни представлялись отдаленными и обширными, я думаю, что мало существуетъ невозможнаго для могущества нашихъ двухъ государствъ, въ ихъ тѣсномъ единеніи между собою.

46.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 5 Октября 1782 г.

Государыня моя сестра! Мнѣ кажется, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ удовольствія писать В. И. В-ву. Благоволите не отнести этого къ моему нерадѣнію. Могу ли я до-

пустить что либо подобное по отношенію къ предмету, который меня наиболѣе интересуетъ? Нѣтъ, Государыня; но кѣмъ истинно дорожишь, тому невольно боишься сдѣлаться въ тягость; въ такомъ положеніи нахожусь и я. Я все ждалъ случая для того, чтобы заговорить съ В. И. В-вомъ и грызъ удила отъ нетерпѣнія, что этотъ несносный милордъ Грантамъ [1]) такъ долго медлилъ почтить насъ отвѣтомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лестная надежда, которую В. И. В. изволили подать мнѣ относительно сообщенія вашихъ мыслей по поводу безпорядковъ въ Крыму, дабы тѣмъ доставить и мнѣ возможность доказать В. И. В-ву всю глубину и искренность моей преданности, наконецъ пріѣздъ ихъ императорскихъ высочествъ, дорогихъ дѣтей вашихъ, все это, взятое вмѣстѣ, заставляло меня съ минуты на минуту откладывать отправленіе курьера. Наконецъ, дорогіе путешественники прибыли къ намъ въ вожделѣнномъ здоровьѣ, и я спѣшу сообщить объ этомъ В. И. В-ву. Я встрѣтилъ ихъ за два дня пути отъ Вѣны, и вотъ они очутились опять какъ бы у васъ дома, такъ какъ я льщу себя надеждою, что меня вы не изволите считать за чужаго, а Польша слишкомъ многимъ обязана В. И. В-ву, чтобы не ставить для себя за честь считаться живущею подъ вашимъ покровительствомъ.

Я не стану въ настоящую минуту пускаться въ подробности и въ политическія соображенія. Дѣло заключенія мира подвигается впередъ, особенно за послѣднее время, благодаря отправленію въ Лондонъ перваго секретаря г. де Верженя [2]), чѣмъ ясно доказывается, что было бы ошибкою разсчеты, касающіеся великихъ государственныхъ интересовъ, строить исключительно на удобствахъ и выгодѣ государствъ, а не вліятельныхъ лицъ. Чтобы не надоѣдать В. И. В-ву долгими подробностями, я поручилъ графу Кобенцелю довести до вашего свѣдѣнія, что̀ я думаю и что̀ мною сдѣлано по этому поводу во Франціи.

Нескончаемая осада Гибралтара все еще тянется, и если пловучія баттареи не сдѣлали своего дѣла до прибытія адмирала Гоу [3]), я думаю, что намъ доведется еще и въ будущемъ году слышать о нелѣпомъ журналѣ Сенъ Рокскаго лагеря, не смотря на юныхъ героевъ, участвующихъ въ этомъ предпріятіи.

Что касается Турокъ, то послѣднія, полученныя мною, извѣстія заставляютъ меня полагать, что они не посмѣютъ воспротивиться справедливымъ требованіямъ В. И. В-ва относительно возстановленія хана въ его правахъ, и что постигшій ихъ жестокій пожаръ вмѣ-

---

1) Англійскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ.

2) Жераръ де-Ренваль.

3) Знаменитый Англійскій адмиралъ Ричардъ Гоу (Richard Howe).

стѣ съ значительною перемѣною, послѣдовавшею въ тамошнемъ министерствѣ, образумитъ ихъ и заставитъ исполнить волю В. И. В-ва

Приношу мою глубочайшую признательность за благосклонныя выраженія, въ которыхъ В. И. В. изволите изъявлять ваше удовольствіе по поводу доставленнаго мною директора нормальныхъ училищъ.

47.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 6 Октября 1782 г.

Для меня не существуетъ ни страха очутиться въ неловкомъ положенія, ни личныхъ соображеній, которыя могли бы остановить меня, когда дѣло идетъ о чемъ либо, что̀ можетъ лично интересовать В. И. В. Въ виду сего осмѣливаюсь доставить В. И. В-ву прилагаемый отдѣльный листокъ, заключающій въ себѣ нѣкоторыя сообщенія, съ покорнѣйшею просьбою, чтобы В. И. В. благоволили, по прочтеніи, кинуть его въ огонь. Я вполнѣ увѣренъ, что король Прусскій подробно извѣщенъ о всѣхъ сношеніяхъ, которыя происходятъ между нами, даже въ собственноручной перепискѣ. Что онъ пользуется этими свѣдѣніями съ самыми ядовитыми намѣреніями и бьетъ по этому поводу въ набатъ какъ во Франціи, такъ и въ Портѣ, это—истина, подтверждаемая прилагаемою запискою; за достовѣрность заключающихся въ ней сообщеній, которыя получены мною изъ обоихъ названныхъ мѣстъ, я могу вполнѣ ручаться. Средства и пути, которыми онъ добываетъ эти свѣдѣнія, мнѣ неизвѣстны; впрочемъ я нисколько не думаю сѣтовать на него: онъ слишкомъ пріучилъ меня къ поступкамъ такого рода по отношенію ко мнѣ; но такъ-какъ это можетъ часто или совершенно уничтожать, или значительно затруднять благія послѣдствія нашей взаимной дружбы, то я почелъ долгомъ не скрывать сего отъ В. И. В-ва, являющей во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ столько же мудрости, сколько и осторожнаго благоразумія.

Путешествіе, совершенное ихъ и. высочествами, мнѣ кажется, было для нихъ по истинѣ полезно; думаю, что не ошибусь, если возьму смѣлость увѣрить В. И. В., что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи, и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ

у нихъ, на сколько то допустятъ прежнія привычки и затѣмъ ихъ окруженіе, которое, вѣроятно, единственно и поселило въ нихъ эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно-необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннѣйшую привязанность.

Если бы В. И. В. не знали меня и не благоволили цѣнить по достоинству мои намѣренія, то вы могли бы счесть меня безумцемъ за то, что я осмѣливаюсь писать В. И. В-ву о такихъ предметахъ. Наконецъ, чтобы разомъ выложить все, что̀ скопилось у меня на душѣ, я считаю долгомъ сообщить еще В. И. В., что полковникъ де-Рибасъ (осыпанный благодѣяніями и удостоившійся довѣрія В. И. В-ва далеко выше того, чего онъ былъ въ правѣ когда нибудь надѣяться), проѣзжая чрезъ Вѣну по дорогѣ въ Неаполь, позволилъ себѣ дѣлать отзывы и разглашать разныя вѣрныя или невѣрныя подробности на счетъ самыхъ уважаемыхъ особъ въ Петербургѣ, что̀ возбудило мое искреннее негодованіе и весьма огорчило меня. Такъ-какъ онъ позволялъ себѣ такіе разговоры въ особенности съ мелкими министриками изъ имѣющихъ здѣсь пребываніе, своихъ соотечественниковъ, каковы резиденты Генуэзскій, Лукскій, Сардинскій, Неаполитанскій, которые и безъ того только и дѣлаютъ, что шпіонятъ за другими, да собираютъ вѣсти для газетъ, то эти росказни разошлись въ здѣшнемъ обществѣ и этимъ только путемъ дошли и до моего свѣдѣнія.

48.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 18 Октября 1782 г.

Запоздалый отвѣтъ милорда Грантама, о которомъ в. и. в. изволите упоминать въ вашемъ письмѣ отъ 5 Октября, даетъ полное основаніе думать, что господамъ Англичанамъ очень хочется затянуть дѣло, дабы выиграть время, необходимое имъ для того, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія, изъ того хаоса мнѣній, который что̀ ни день, то родитъ какой нибудь новый планъ и производитъ въ настоящее время то, что у нихъ и самые свѣдующіе люди не знаютъ навѣрное, чего они въ самомъ дѣлѣ хотятъ

или не хотятъ. У нихъ оказывается противорѣчіе между двумя существенными вещами: безсиліемъ, съ одной стороны, и желаніемъ рѣшительно-невозможнаго, съ другой. Но я оставляю въ сторонѣ эти рискованныя соображенія, чтобы побесѣдовать съ в. и. в-вомъ о дѣлѣ заключенія мира. Повидимому, послѣ увѣреній, данныхъ г. де-Верженемъ графу де-Мерси, и иныхъ, въ самое послѣднее время данныхъ Лондонскимъ дворомъ, если бы дѣло происходило между частными лицами: то, признаюсь (будь сказано не въ обиду обѣимъ сторонамъ) можно было бы не усомниться въ истинѣ даннаго ими слова, что покамѣстъ рѣчь идетъ только о предварительныхъ переговорахъ. Правда, г. де-Верженъ оставилъ себѣ лазейку, оговорившись, что заключеніе мира можетъ непредвидѣнно ускориться событіями. Пловучія баттареи погибли; остается узнать, чѣмъ окончится наконецъ нескончаемая осада Гибралтара. Надобно полагать, что теперь милордъ Гоу уже прибылъ на мѣсто. Этотъ миръ, слаженный на скорую руку и на живую нитку, будетъ-ли заключенъ въ Европѣ или въ Америкѣ? Не вѣдаю. Но покамѣстъ благоволите, в. и. в., рѣшить участь моихъ соображеній по поводу Крымскихъ неурядицъ, которыя я осмѣлилась повергнуть на ваше просвѣщенное воззрѣніе съ полнымъ довѣріемъ, не сомнѣваясь, что и в. и. в., въ свою очередь, точно также благоволите подѣлиться со мной вашими воззрѣніями по этому предмету.

49.

Екатерина Іосифу.

18 Октября 1782 года.

По поводу отдѣльнаго листка, который в. и. в. почли нужнымъ сообщить мнѣ, я, оцѣнивъ по достоинству это новое доказательство вашей дружбы и довѣрія, не могу отозваться на оное иначе, какъ съ тѣмъ же самымъ чистосердечіемъ и, прежде всего, прошу в. и. в. вѣрить, что этого листка никто, кромѣ меня, не увидитъ. Могу утверждать совершенно положительно, что ни моихъ писемъ къ в. и. в-ву, ни писемъ в. и. в-ва ко мнѣ не могли видѣть ни подосланныя Прусскимъ королемъ, ни какія бы то ни было другія подозрительныя лица: письма эти я постоянно держала за замкомъ и печатью въ моемъ собственномъ кабинетѣ. Да и самое содержаніе внушеній, сдѣланныхъ повидимому Портѣ Прусскимъ королемъ,

подтверждаетъ, что вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній онъ добыть не могъ. Могло, конечно, статься, что онъ провѣдалъ кое-что о предполагаемомъ нами союзѣ; но если онъ получилъ свѣдѣнія о заключеніи этого союза и о формѣ, въ которой оно состоялось (въ чемъ однако я имѣю нѣкоторый поводъ сомнѣваться въ виду колебаній и неувѣренности, которыя проглядываютъ въ его нашептываніяхъ), то я не могу предположить, чтобы это могло произойти ранѣе начала текущаго года. Когда императоръ Петръ I-й бывалъ занятъ какимъ либо важнымъ замысломъ, онъ имѣлъ обыкновеніе посылать на рынокъ послушать, о чемъ тамъ толкуютъ, и часто оказывалось на повѣрку, что тамъ говорятъ именно о томъ самомъ, что̀ въ это время занимало и его мысли. Причина этого, я думаю, заключается въ томъ, что мысли, вызываемыя самымъ ходомъ событій, зарождаются разомъ не въ одной головѣ; бываетъ и такъ, что люди утверждаютъ что нибудь такое, что̀ имъ въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, для того только, чтобы узнать, вѣрно ли они угадали.

Поведеніе полковника де-Рибаса—большая неблагодарность; но, давно привыкнувъ видѣть людскую неблагодарность и слышать, какъ бранятъ людей наиболѣе достойныхъ, надѣюсь, что дѣла отъ этого не пойдутъ нисколько хуже.

50.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 13 Ноября 1782 г.

Прежде всего беру смѣлость возобновить завѣренія, уже данныя мною В. И. В-ву касательно точнаго и тщательнаго исполненія всѣхъ статей, заключающихся въ договорѣ, который, ко благу нашихъ обоихъ государствъ и моему личному вящшему удовольствію, взаимно соединяетъ насъ.

В. И. В. изволили съ такимъ совершенствомъ изобразить положеніе Польши, Даніи и Швеціи, что это изображеніе представляетъ настоящую и вполнѣ вѣрную картину современныхъ политическихъ обстоятельствъ; но что касается Прусскаго короля и Франціи, двухъ единственныхъ и наиболѣе могущественныхъ государствъ, которыя могутъ помѣшать осуществленію великаго плана, то я попрошу позволенія замѣтить, что одинъ только преклонный возрастъ Прусскаго короля съ одной стороны, и одно лишь доброже-

лательство и признательность Франціи съ другой въ моихъ глазахъ не могутъ еще служить достаточнымъ обезпеченіемъ отъ опасностей, которымъ могутъ подвергнуться съ ихъ стороны какъ внутреннія, такъ равно и другія отдѣльныя области моего государства. Эта мысль занимаетъ меня тѣмъ сильнѣе, что я убѣжденъ, что оба Бурбонскіе двора въ состояніи не только помѣшать мнѣ самому содѣйствовать В. И. В-ву значительными военными силами, но даже сдѣлать совершенно тщетными, или, по крайней мѣрѣ, значительно затруднить самыя мѣропріятія и военныя дѣйствія В. И. В-ва какъ посредствомъ флотовъ, которыми они располагаютъ на Средиземномъ морѣ, такъ равно и посредствомъ судовъ, которые они могутъ отправить на помощь Туркамъ въ Черное море, въ то самое время, какъ мои владѣнія въ Нидерландахъ и въ Италіи останутся открытыми для вторженія всѣхъ ихъ сухопутныхъ силъ.

Отсюда я вывожу заключеніе, что, не сойдясь предварительно съ Франціей, рѣшительно нельзя разсчитывать на успѣхъ. Напротивъ, при соглашеніи съ нею, можно будетъ, и не прибѣгая къ покупкѣ дорогою цѣною соизволенія Прусскаго короля, сдержать этого послѣдняго, какъ В. И. В. и сами изволите совершенно вѣрно указывать, ибо въ такомъ случаѣ мы могли бы раздѣлить наши общія силы. Если бы В. И. В-ву благоугодно было выставить корпусъ въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ на Лифляндской границѣ со стороны Пруссіи, или даже, что̀ было бы еще лучше, прямо расположить эти войска на квартирахъ въ Польшѣ вдоль по рѣкамъ Вислѣ и Вартѣ, такъ чтобы оныя могли угрожать самому центру Прусскихъ владѣній, въ тоже время обезпечивая для В. И. В-ва спокойствіе въ Польшѣ и снабженіе провіантомъ вашихъ войскъ, въ такомъ случаѣ я получилъ бы возможность сосредоточить мои главныя силы въ Чехіи или въ Моравіи и, кромѣ того, направить еще шестьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ человѣкъ для военныхъ дѣйствій противъ Порты въ томъ пунктѣ, который бы указалъ намъ нашъ общій интересъ.

Независимо отъ сего, слѣдовало бы постараться отвлечь Саксонію отъ Прусской партіи и устроить такъ, чтобы, призвавъ подъ знамена свои собственныя войска, она могла бы въ тоже самое время разсчитывать и на содѣйствіе моихъ военныхъ силъ, въ случаѣ нападенія на нее со стороны Пруссіи.

Эта мысль представляется мнѣ единственно разумною и возможною и тѣмъ болѣе предпочтительною, что я думалъ бы (не выдавая этого впрочемъ за нѣчто безусловно вѣрное), что въ такомъ случаѣ оказалась бы возможность и Французскій дворъ склонить къ тому, чтобы, если не содѣйствовать, то по крайней мѣрѣ не препятствовать нашимъ видамъ, предложивъ Франціи выгодныя условія на

счетъ настоящихъ владѣній Порты, при чемъ слѣдовало бы главнымъ образомъ имѣть въ виду Египетъ.

Относительно военныхъ дѣйствій въ собственномъ смыслѣ, В. И. В. изволите заявлять, что оныя должны быть предварительно вполнѣ соглашены между нами. По условіямъ моего географическаго положенія, главную цѣль моихъ наступательныхъ дѣйствій должно составлять очищеніе отъ Турецкаго владычества и Турецкихъ крѣпостей праваго Дунайскаго берега; впрочемъ буду ожидать по этому предмету дальнѣйшихъ указаній В. И. В-ва, въ полной готовности содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами осуществленію всего, что̀ благоволятъ предуказать вашъ просвѣщенный разумъ и ваша, всегда вѣнчаемая успѣхомъ, опытность.

Что̀ касается до обоюдныхъ выгодъ, которыя мы могли бы извлечь изъ владѣній Порты, то я почитаю долгомъ со всѣмъ довѣріемъ и чистосердечностію открыться предъ В. И. В-вомъ относительно того, что̀ В. И. В-ву угодно было сообщить мнѣ по сему предмету.

Что̀ касается Очакова и территоріи, которую В. И. В. предполагаете присоединить къ вашей имперіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пунктами на Архипелагѣ, то это не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій.

Что̀ же до созданія новаго Дакійскаго государства подъ управленіемъ наслѣдственнаго государя Греческаго вѣроисповѣданія и, наконецъ, возведенія вашего внука на престолъ Греческой имперіи въ Константинополѣ, то рѣшить это можетъ только годъ военныхъ событій. Въ случаѣ счастливаго исхода войны, съ моей стороны никогда не возникнетъ затрудненій для исполненія желаній В. И. В-ва, если оныя будутъ совпадать и согласоваться съ моими собственными интересами и удобствомъ.

По сему поводу я не могу скрыть отъ В. И. В-ва, что, обстоятельно размысливъ о томъ, что̀ можетъ наиболѣе соотвѣтствовать нашей обоюдной выгодѣ, въ настоящемъ и въ будущемъ, и въ тоже время способно вызвать наименѣе неудобствъ и затрудненій, я полагаю, что для Австрійской монархіи могутъ оказаться пригодными не иначе, какъ слѣдующія границы, а именно: городъ Хотинъ съ небольшимъ, принадлежащимъ къ этому городу, округомъ (границы котораго могли бы быть точнѣе опредѣлены впослѣдствіи, въ свое время) для прикрытія Галиціи и Буковины, затѣмъ часть Валахіи, по рѣку Алюту, и отъ Никополя вверхъ до Бѣлграда оба Дунайскіе берега на три мили по обѣ стороны, слѣдовательно города: Виддинъ, Орсова и Бѣлградъ, въ качествѣ аванпостовъ для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда можно было бы провести прямѣйшую и кратчайшую линію, соотвѣтственно условіямъ почвы, къ Адріатическому морю до Golfo della Drina включительно; наконецъ, владѣнія

на сушѣ, какъ то Веницейскія Истрія и Далмація, могли бы доставить единственныя условія для выгоднаго сбыта произведеній моего государства, между тѣмъ какъ полуостровъ Морея, острова Кандія, Кипръ и разные другіе изъ находящихся на Архипелагѣ могли бы съ избыткомъ вознаградить Венеціанскую республику, которая, и безъ того, частію коварствомъ, частію пользуясь обстоятельствами и временною слабостію Австріи при моихъ предшественникахъ, въ разное время отторгла отъ нея почти все, чѣмъ она сама въ настоящее время владѣетъ. Тогда и я могъ бы завести нѣсколько кораблей, подобно тому, какъ въ настоящее время имѣетъ ихъ Венеція, а чрезъ то могъ бы, при всякомъ удобномъ случаѣ, оказаться и болѣе полезнымъ союзникомъ для В. И. В-ва. Само собою разумѣется, что моимъ подданнымъ имѣетъ быть предоставлена полная свобода торговли на Дунаѣ, какъ до впаденія этой рѣки въ Черное море, такъ и вдоль морскаго берега до самаго выхода изъ Чернаго моря, чрезъ Дарданеллы. Имѣющія возникнуть новыя государства, Дакійское и Греческое, должны будутъ обязаться не взимать никакихъ пошлинъ съ моихъ судовъ и не полагать никакихъ преградъ плаванію оныхъ. Такимъ способомъ условія Тешенскаго мира, какъ В. И. В. того, по видимому, изволите желать, останутся въ полной неприкосновенности, и я могу сказать, что первую мысль высказанныхъ мною предположеній я почерпнулъ въ замѣчаніяхъ, слышанныхъ мною въ разное время отъ В. И. В-ва на счетъ Италіи, на почвѣ которой В. И. В., какъ мнѣ казалось, съ такою вѣрностію изволили усматривать возможность единственно удобной для меня комбинаціи.

При такихъ условіяхъ государство, которое В. И. В. предназначаете для вашего внука, могло бы только выиграть, и тѣмъ прекратились бы всѣ, безъ сего трудно устранимыя, пререканія относительно границъ и раздѣла.

Въ виду всего сказаннаго ясно, что намъ слѣдуетъ прежде всего обезпечить себя со стороны Франціи и короля Прусскаго, безъ чего я былъ бы поставленъ въ совершенную невозможность оказать дѣятельное содѣйствіе В. И. В-ву.

Итакъ я ожидаю отъ высокой мудрости В. И. В-ва указаній на счетъ того, когда и какимъ образомъ вамъ благоугодно будетъ—отъ себя ли начать переговоры въ этомъ направленіи или уполномочить меня предварительно развѣдать о расположеніи Французскаго двора относительно этого предмета, дабы добиться необходимой для насъ безопасности съ этой стороны.

Имѣю честь заявить В. И. В-ву, что какъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, такъ равно и о письмѣ, которое вы изволили писать мнѣ, я и малѣйшаго вида не подалъ ихъ высочествамъ, а также и

никому другому, не взирая на неоднократные вопросы, съ которыми ихъ высочества обращались ко мнѣ относительно происшествій въ Крыму, участія, которое я самъ располагаю принять въ Крымскихъ дѣлахъ, и мѣропріятій, которыхъ можно по сему поводу ожидать со стороны В. И. В-ва. Эти вопросы совершенно совпадаютъ съ тѣми слухами и сплетнями, которыя Прусскій король не перестаетъ распускать по этому поводу какъ во Франціи, такъ и при Турецкомъ дворѣ. Я отвѣчалъ въ совершенно неопредѣленныхъ выраженіяхъ и ограничивался заявленіемъ моего совершеннаго невѣдѣнія о намѣреніяхъ В. И. В-ва. Считаю долгомъ довести о семъ до свѣдѣнія В. И. В-ва, полагая, что поступилъ согласно съ вашими намѣреніями, сохранивъ все, относящееся къ этому предмету, въ совершенной тайнѣ, хотя и рискую, что ихъ высочествамъ, если бы имъ случилось узнать объ этомъ что нибудь иными, окольными путями, такая съ моей стороны сдержанность можетъ показаться не весьма дружественною по отношенію къ нимъ.

51.

Іосифъ Екатеринѣ.

11 Января 1783 г.

Я еще не получилъ отвѣта отъ Турокъ, и до сихъ поръ знаю только притчу, которую изрекъ рейсъ-эфенди, когда, вслѣдъ за нашей совмѣстной декларацiей, къ нему было приступлено съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Онъ выразился, что «намокла кожа, подавайся кожа; тяни кожу, куда хочешь». Это подаетъ надежду, что справедливыя требованія В. И. В-ва будутъ удовлетворены, что В. И. В-ву суждено будетъ еще разъ, безъ одного выстрѣла, при содѣйствіи вашего друга, добиться отъ Порты точнаго соблюденія условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, и достигнуть всѣхъ выгодъ, какія, въ самомъ широкомъ значеніи слова, могутъ изъ того произойти для вашей Имперіи. Я долженъ отдать справедливость Французскому послу г. де-Сенъ-При, что до сихъ поръ онъ въ своихъ дѣйствіяхъ обнаружилъ всевозможныя доброжелательство и искренность и, главное, на чемъ В. И. В. особенно и совершенно справедливо изволили настаивать, онъ заявилъ Портѣ, что вполнѣ признаетъ законность и справедливость трехъ, постановленныхъ

В. И. В-омъ требованій. Дѣло о заключеніи мира между Франціей и Англіей не только подвигается впередъ, но, кажется, даже близко къ окончанію. Надобно сказать, что Англичане съ своей стороны приложили къ оному всевозможныя старанія, отправляя во Францію посла за посломъ для веденія переговоровъ и наконецъ согласившись на миръ, столько же невыгодный для ихъ политическаго значенія, сколько и для ихъ всяческихъ выгодъ. Просто непонятно, чего ради, вслѣдъ за такой счастливой кампаніей, они нашли нужнымъ такъ торопиться заключеніемъ мира на условіяхъ, обозначенныхъ въ прилагаемомъ листѣ *). Навѣрное, если бы Англія придержалась посредниковъ, ей не пришлось бы подписать такого мира; правда впрочемъ, въ такомъ случаѣ миръ могъ бы нѣсколько замедлиться вслѣдствіе разстояній, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Бурбонскіе дворы нашли нужнымъ ковать желѣзо, пока оно было горячо, и постарались выговорить себѣ всевозможныя выгоды, избавивъ себя въ тоже время, если только дѣйствительно миръ будетъ заключенъ вскорѣ, отъ издержекъ новой кампаніи.

---

*) Англія предоставляетъ Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ самую полную независимость, съ установленіемъ границъ отъ устья рѣки св. Креста до Канады, оттуда черезъ Великія Озера, включая сюда Верхнее Озеро до рѣки Миссисипи, и наконецъ вдоль этой рѣки до предѣловъ Флориды. Англія отказывается даже отъ полной амнистіи, въ силу которой имѣнія, конфискованныя у лицъ, сохранившихъ вѣрность Англійскому правительству, подлежали возвращенію ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Кромѣ островов св. Петра и Микелона въ Сѣверной Америкѣ, уступаемыхъ Франціи, Англія возвращаетъ еще этой послѣдней островъ св. Люціи и Доминику, съ предоставленіемъ права содержать факторію на Нью-Фаундляндѣ. Сверхъ того Франціи уступается Сенегаль, въ обмѣнъ на Горею, а въ Восточной Индіи Пондишери, съ присоединеніемъ весьма доходной территоріи, которою Французы прежде не владѣли. Равнымъ образомъ Англичане уступаютъ Французамъ право селиться на Бенгальскомъ берегу, и наконецъ соглашаются на отозваніе Англійскаго коммиссара изъ Пондишери и предоставляютъ Франціи строиться тамъ и углублять гавань, по своему усмотрѣнію.

Король Испанскій отрекается отъ притязаній на Гибралтаръ, взамѣнъ чего за нимъ остается островъ Магонъ, и Англичане уступаютъ обѣ Флориды со всѣми поселеніями на заливѣ Гондуразъ, удерживая за собою одну только факторію на заливѣ Кампешскомъ.

Что̀ до Голландцевъ, то имъ будетъ возвращено все, отнятое у нихъ Англичанами.

По послѣднимъ, полученнымъ мною, извѣстіямъ между воюющими сторонами осталось нерѣшеннымъ только, получатъ ли Голландцы какое либо вознагражденіе и какое именно, будетъ ли Доминика возвращена Французамъ безусловно или за вознагражденіе, и по какой цѣнѣ наконецъ Испанія будетъ впредь продавать Англичанамъ кампешевое дерево?

52.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 4 Января 1783 года.

Живо чувствую всю силу соображеній, приводимыхъ в. и. в-вомъ въ доказательство того, какъ важно для успѣха нашихъ плановъ не затрогивать интересы различныхъ отраслей Бурбонскаго дома и въ особенности Франціи. Такъ какъ не представляется возможности и даже необходимости добиваться ихъ содѣйствія нашимъ предпріятіямъ, то полезно было бы достигнуть того только, чтобы они поставляли намъ возможно менѣе препятствій. Мой образъ дѣйствій за все продолженіе послѣдней морской войны былъ основанъ на полнѣйшемъ безпристрастіи. Я уклонялась отъ всѣхъ обязательствъ, несогласныхъ съ началами полнаго безпристрастія, не взирая на всѣ выгоды, которыя бы могла извлечь для себя, дѣйствуя иначе. Я намѣрена руководствоваться тѣми же самыми началами и впредь, пока меня не заставятъ измѣнить онымъ, т.-е. до тѣхъ поръ пока будутъ соблюдать пассивное положеніе, въ то время когда мы будемъ сводить наши счеты съ Турціей. Я не только не имѣю ничего возразить противъ способовъ, предлагаемыхъ в. и. в-вомъ для достиженія сказанной цѣли, но весьма сочувствую вашему плану и съ полнымъ довѣріемъ полагаюсь на вашу мудрую осторожность относительно того, въ какой мѣрѣ намъ слѣдуетъ по сему предмету открыться Франціи, равно какъ и относительно момента, который вы изволите счесть наиболѣе для сего благопріятнымъ во время нашей войны съ Портою, и тѣхъ выгодъ, которыя слѣдуетъ предоставить Франціи въ отплату за ея нейтралитетъ. Я увѣрена, что во всемъ этомъ в. и. в. сдѣлаете только то, чего необходимо потребуютъ польза нашего дѣла и успѣхъ нашихъ предпріятій.

Достигнувъ этого существеннаго пункта, намъ, какъ в. и. в. изволите совершенно вѣрно замѣчать, останется только обезопасить наши границы отъ всякаго нападенія врасплохъ со стороны нашихъ сосѣдей. Наблюдательнаго корпуса, который в. и. в. будете имѣть въ Чехіи и Моравіи, будетъ вполнѣ достаточно съ этой стороны, между тѣмъ какъ я озабочусь выставить войска въ моихъ областяхъ, пограничныхъ съ Швеціей и Польшей, и довести оныя до такой цифры, чтобы онѣ могли не только обезпечивать безопасность моихъ предѣловъ, но и быть на готовѣ въ случаѣ надобности

перейти къ дѣйствію, чего, полагаю, будетъ достаточно, для удержанія въ почтительномъ положеніи тѣхъ, кто захотѣлъ бы помѣшать успѣху нашихъ общихъ плановъ. Оставаясь въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ, этотъ корпусъ будетъ имѣть тоже самое значеніе, какъ если бы оный находился въ самой Польшѣ, такъ какъ будетъ всегда на готовѣ вступить въ ея предѣлы, не подавая въ тоже время Берлинскому двору повода къ напрасной тревогѣ; напротивъ, если бы онъ перешелъ черезъ границу и расположился въ самой Польшѣ, въ непосредственной близости къ Прусскимъ владѣніямъ, это могло бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ и возбудить подозрительность нашего общаго сосѣда, притомъ въ такую минуту, когда, по моему мнѣнію, слѣдовало бы отнять у него всякій поводъ предполагать что нибудь подобное, такъ какъ для успѣха нашихъ плановъ небезразлично, чтобы его Прусское величество оставался въ пассивномъ положеніи, къ каковому, мнѣ думается, не окажется невозможнымъ склонить его, какъ скоро онъ будетъ спокоенъ относительно мирнаго обладанія своими настоящими владѣніями. Я могла бы даже, съ вѣдома и согласія в. и. в-ва, буде вы изволите признать нужнымъ, прямо объясниться по этому поводу съ Берлинскимъ дворомъ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы, не открывая ему нашихъ дальнѣйшихъ видовъ, дать ему понять, что продолженіе добраго согласія и оборонительнаго договора, существующихъ нынѣ между Россіею и Берлинскимъ дворомъ, будетъ зависѣть отъ соблюденія имъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, пассивнаго положенія относительно насъ обоихъ. Избѣгая такимъ образомъ вступленія въ Польшу моего обсерваціоннаго корпуса безъ крайней необходимости, я лишу и Прусскаго короля всякаго предлога для введенія туда же его собственныхъ войскъ. Прошу в. и. в. взвѣсить всѣ эти соображенія и сообщить мнѣ ваши собственныя, при чемъ заранѣе прошу в. и. в. быть увѣреннымъ, что почту за удовольствіе усвоить себѣ все, чтò вамъ будетъ угодно мнѣ по сему поводу сообщить.

Чтò касается Саксоніи, то, думаю, слѣдовало бы только не допустить ея до вступленія въ какое либо обязательство относительно державъ, неблагопріятствующихъ нашимъ видамъ; ибо съ ея стороны пассивное положеніе было бы, пожалуй, желательнѣе дѣятельнаго участія въ нашу пользу. Война 1756 года доказываетъ, что содѣйствіе Саксоніи не столько полезно для того, чью сторону она принимаетъ, сколько выгодно для ея враговъ. Открытая и беззащитная, страна эта становится запаснымъ магазиномъ для первой арміи, которая успѣетъ ею завладѣть и которая, пожалуй, можетъ даже воспользоваться случаемъ для набора рекрутъ. Вотъ почему, если бы послѣдовали враждебныя дѣйствія противъ насъ съ этой

стороны, я полагаю, что нейтралитетъ Саксоніи былъ бы для насъ выгоднѣе ея дѣятельнаго союза. Это однако не мѣшаетъ мнѣ искренно желать, для вящшей пользы дѣла, чтобы Саксонскій курфирстъ вошелъ во всѣ виды и интересы достойнѣйшаго главы Германской Имперіи во всемъ, касающемся собственно имперскихъ дѣлъ. Этого, мнѣ думается, можно было бы достигнуть, выставивъ въ перспективѣ секуляризацію какого нибудь епископства, или какую либо иную выгоду или округленіе владѣній, зависящія отъ вліянія в. и. в-ва, чему я, съ своей стороны, буду готова содѣйствовать во всѣхъ случаяхъ, когда в. и. в. изволите найти это умѣстнымъ. Да и для самой Саксоніи это, мнѣ кажется, будетъ выгоднѣе, нежели дожидаться Польскаго престола, на который въ будущемъ имѣетъ быть возведенъ Пястъ, какъ о семъ постановлено въ моемъ соглашеніи съ Польшей, на которое и Прусскій король могъ бы сослаться въ этомъ случаѣ, или для возбужденія новыхъ затрудненій, или для того, чтобы добиться какихъ либо новыхъ перемѣнъ относительно Рѣчи Посполитой, которую, между тѣмъ, слѣдуетъ всячески сохранить въ томъ положеніи, въ какомъ оная находится въ настоящее время.

Искренно признательная в. и. в-ву за довѣріе, съ которымъ вы изволили высказать ваши мысли касательно округленія владѣній вашихъ въ случаѣ успѣха нашихъ плановъ и относительно границъ, которыхъ вы имѣете въ виду достигнуть на счетъ врага христіанства, я могу повторить только, что буду содѣйствовать этимъ предположеніямъ со всѣмъ усердіемъ и дружбой, которыя я питаю къ в. и. в-ву.

Также точно мыслю я и относительно предоставленія подданнымъ в. и. в-ва совершенной свободы торговли на Дунаѣ и Черномъ морѣ.

Что же касается обязательствъ, которыя должны были бы принять на себя будущіе государи Дакіи и Греціи,—не ставить никакихъ преградъ плаванію купеческихъ судовъ, принадлежащихъ подданнымъ в. и. в-ва, и освобожденія оныхъ отъ сбора всякихъ пошлинъ: то благоволите быть увѣреннымъ, что какъ въ этомъ, такъ равно и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я не потребую для себя ничего далѣе полнаго и взаимнаго уравненія выгодъ для обѣихъ сторонъ и, само собою разумѣется, торгующіе подданные в. и. в-ва будутъ, относительно двухъ новыхъ государствъ, поставлены въ условія совершенно одинаковыя съ моими собственными подданными.

Не менѣе пріятно будетъ мнѣ, если в. и. в. пріобрѣтете и нѣкоторые порты на Средиземномъ морѣ; это обстоятельство, доставивъ в. и. в-ву возможность имѣть флотъ въ этихъ мѣстахъ, придало бы

нашему союзу еще болѣе внушительное значеніе, особливо въ глазахъ государствъ южной Европы. Я думаю даже, что пріобрѣтенія, предполагаемыя в. и. в-вомъ на счетъ Турокъ, между прочимъ доставятъ вамъ и эти порты. Но такъ какъ я полагаю, что содѣйствіе Венеціанцевъ могло бы намъ пригодиться при дальнѣйшемъ продолженіи войны (буде Турки насъ къ таковому вынудятъ), то для пользы нашего дѣла было бы важно не задѣвать Венеціанскую республику, которая можетъ встревожиться, если заподозритъ существованіе подобныхъ намѣреній. Не слѣдовало бы также слишкомъ обрѣзывать и Греческую Имперію; особенно необходимо сохранить за нею Морею и Архипелагъ. Взаимныя соглашенія наши по сему предмету должны основываться (какъ мы уже въ томъ и условились) на полномъ уравновѣшеніи выгодъ относительно пріобрѣтеній для той и другой стороны, размѣры которыхъ, естественно, какъ в. и. в. изволили замѣтить въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, будутъ зависѣть отъ счастливаго хода войны. Если военныя обстоятельства будутъ таковы, что приведутъ къ исполненію нашихъ законныхъ надеждъ на полное осуществленіе нашего плана, то съ моей стороны в. и. в. встрѣтите постоянную готовность содѣйствовать этой цѣли всѣми отъ меня зависящими средствами и доставить в. и. в-ву всѣ выгоды, какихъ вы только сами можете для себя желать. Я съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ буду способствовать такому устройству дѣлъ, которое будетъ наиболѣе полезно для государства в. и. в-ва, что глубоко убѣждена въ полной взаимности вашего ко мнѣ расположенія, основаннаго какъ на соединяющей насъ личной пріязни, такъ равно и на нераздѣльности интересовъ нашихъ обѣихъ державъ, которая такова, что все, составляющее выгоду для одной изъ нихъ, по тому самому должно быть полезно и для другой. Проникнутая такимъ убѣжденіемъ, я утѣшаюсь мыслію, что оное раздѣляете и в. и. в.; и такъ какъ мы сходимся относительно самыхъ существенныхъ пунктовъ нашихъ соглашеній, то я просила бы в. и. в. условиться и о всемъ дальнѣйшемъ непосредственно ли со мною путемъ переписки, или же, въ видѣ проэкта письма и, согласно уже разъ установившейся между нами формѣ, в. и. в. благоволите доставить вашему здѣшнему посланнику соотвѣтствующій проэктъ, уполномочивъ сего послѣдняго объясниться со мною лично, или же съ тѣмъ, или тѣми, кто будетъ мною на то уполномоченъ, дабы можно было этимъ путемъ предварительно уладить все касающееся какъ предполагаемыхъ въ будущемъ пріобрѣтеній, такъ равно и соотвѣтственнаго распредѣленія нашихъ силъ и самаго операціоннаго плана, чтобы, когда наступитъ время, дѣйствовать въ совершеннѣйшемъ согласіи.

Заканчивая настоящее письмо, не могу не повторить выраженія моей признательности в. и. в-ву по поводу настоятельнаго заявленія, сдѣланнаго вашимъ министромъ предъ Портою совмѣстно съ моимъ посланникомъ. Я не имѣю нужды распространяться о силѣ впечатлѣнія, вызваннаго этимъ заявленіемъ; такимъ образомъ существующее между нами единеніе, столь соотвѣтственное интересамъ обоихъ нашихъ государствъ, не будетъ долѣе составлять тайны для Европы и не преминетъ внушить подобающее уваженіе и всѣмъ тѣмъ, чью зависть оно способно возбудить.

53.

Іосифъ Екатеринѣ

Вѣна, 25 Февраля 1783 г.

Государыня моя сестра! съ минуты на минуту ожидая сообщеній В. И. В-ва относительно вашихъ дальнѣйшихъ преднамѣреній, я увѣдомился черезъ графа Кобенцеля о полученіи имъ отъ графа Остермана дружественнаго сообщенія о томъ, что отвѣтъ Порты можетъ считаться удовлетворительнымъ, заключая въ себѣ формальное принятіе трехъ статей, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оное требовалось промеморіями, представленными Портѣ обоими нашими посланниками, и что по поводу сего В. И. В., полагая справедливость основаніемъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, изволите благосклонно признавать и то содѣйствіе, которое съ своей стороны я могъ оказать по этому дѣлу, какъ присоединеніемъ моимъ къ заявленію В. И. В-ва, такъ равно и предпринятыми мною весьма серьезными военными приготовленіями. Такимъ образомъ я имѣлъ утѣшеніе доставить В. И. В-ву все, чего, по самому широкому толкованію вашихъ договоровъ съ Портою, В. И. В. могли желать для пользы вашего государства. Съ истиннымъ удовольствіемъ вижу я, что первыя общія дѣйствія, предпринятыя нами во имя нашей взаимной дружбы, увѣнчались столь блистательнымъ успѣхомъ, и В. И. В. имѣли возможность достигнуть вашихъ видовъ, избѣжавъ въ тоже время тѣхъ бѣдствій, которыя всякая война приноситъ человѣчеству и воюющимъ державамъ. Такъ-какъ В. И. В. сами, въ одномъ изъ писемъ вашихъ ко мнѣ по сему великому дѣлу, изволили съ такою справедливостью выразиться, что рѣшитесь объявить войну Тур-

камъ только въ томъ случаѣ, если они сами васъ къ тому вынудятъ: то въ настоящее время не имѣется болѣе въ виду ни малѣйшаго повода къ неудовольствію.

Если бы чрезъ это не измѣнялись совершенно положеніе и характеръ дѣлъ, я, въ отвѣтъ на помянутое письмо В. И. В-ва могъ бы только снова настоятельно и безъ всякаго измѣненія подтвердить главные и существенные пункты, заключающіеся въ предшествующихъ письмахъ, которыя я имѣлъ честь писать В. И. В-ву по сему предмету. В. И. В. умѣете становиться въ чужое положеніе, и потому я смѣло могу разсчитывать, что, зрѣло взвѣсивъ мои требованія, вы изволите найти ихъ не болѣе, какъ только вызванными необходимостью и соображенными съ потребностями моего географическаго положенія и благоволите въ заявленіи оныхъ съ моей стороны усмотрѣть ту свойственную столько же моей неизмѣнной преданности къ В. И. В-ву, сколько и моему личному характеру, откровенность, за которую В. И. В. благоволили до сихъ поръ никогда еще не осуждать меня. Одинъ лишній годъ, конечно, дѣлаетъ большую разницу относительно вѣроятностей успѣха въ политикѣ, но всегда и во всякомъ случаѣ В. И. В-ву не останется ничего желать относительно моей готовности быть для В. И. В-ва полезнымъ другомъ и вѣрнымъ, искреннимъ союзникомъ.

Оба Бурбонскіе двора обратились ко мнѣ и имѣютъ обратиться и къ В. И. В-ву съ формальнымъ ходатайствомъ о томъ, дабы, въ нашемъ званіи посредниковъ, къ которому они впрочемъ, сказать правду, до сего времени не находили нужнымъ обращаться, мы оба, для скорѣйшаго улаженія предварительныхъ переговоровъ, дали согласіе скрѣпить нашей санкціей и, безъ сомнѣнія, также и нашей гарантіей окончательный миръ, имѣющій быть заключеннымъ между воюющими державами, и для сего приняли чрезъ уполномоченныхъ съ нашей стороны лицъ участіе въ переговорахъ, которые въ настоящее время начались по сему предмету въ Парижѣ. Англія уже заявила, что намѣрена обратиться къ намъ съ тѣмъ же самымъ; я въ своемъ отвѣтѣ ограничился заявленіемъ, что не желаю и не могу ничего сказать по сему поводу, не зная намѣреній В. И. В-ва, о сообщеніи коихъ и осмѣливаюсь просить чрезъ сего курьера. Не знаю, какъ В. И. В. изволите взглянуть на это обращеніе; но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что такимъ ходатайствомъ они желаютъ оказать намъ учтивость и выразить свою признательность за наши добрыя намѣренія, и мнѣ кажется, пускай бы они лучше поздно, чѣмъ никогда, заявили, что нуждаются въ насъ, и тѣмъ самымъ доказали Европѣ, что даже въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ свѣта и даже самыя могущественныя державы не могутъ рѣшить ничего существеннаго, не принявъ въ разсчетъ

соединяющаго насъ союза полнѣйшей пріязни, и обойтись безъ нашей санкціи.

P. S. Сію минуту получилъ письмо отъ моего брата, герцога Тосканскаго; онъ пишетъ, что былъ на судахъ В. И. В-ва, находящихся въ Ливорно, и что не можетъ довольно нахвалиться отличнымъ состояніемъ, опрятностью и порядкомъ, въ которыхъ нашелъ ихъ. Я счелъ долгомъ, доводя о семъ до свѣдѣнія В. И. В-ва, оказать справедливость командующимъ оными офицерамъ.

54.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 8 Апрѣля 1783.

Изъ письма, которое В. И. В. благоволили написать мнѣ, я вижу, что у васъ остаются сомнѣнія относительно точнаго соблюденія Турками во всей ихъ полнотѣ обязательствъ, вновь принятыхъ ими касательно трехъ пунктовъ Кайнарджійскаго договора, соблюденіе коихъ В. И. В. желали обезпечить. Что̀ до меня касается, то можетъ быть, я слишкомъ довѣрчивъ; но я ласкаю себя надеждою, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, полное единство тона со стороны насъ обоихъ и соотвѣтствующія оному демонстраціи весьма положительнаго свойства, послѣдовавшія съ нашей стороны, заставятъ Порту быть болѣе податливою и впредь съ бо̀льшею точностію соблюдать обѣщанное. По крайней мѣрѣ В. И. В. можете съ совершенною увѣренностью разсчитывать, что я никогда не уступлю ничего изъ подобающаго моему имени и правамъ моимъ, въ числѣ коихъ право называться союзникомъ и другомъ В. И. В-ва для меня, разумѣется, самое драгоцѣнное.

Обязанности моего сана, мой долгъ предъ ввѣренною мнѣ монархіей и моими подданными побудили меня къ тому, чтобы подробно и съ тѣмъ довѣріемъ, которое В. И. В. благоволили внушить мнѣ, изложить то, что̀, по моему мнѣнію, требуется обстоятельствами, пользою, положеніемъ и безопасностію В. И. В-ва. Я увѣренъ, что В. И. В. изволили по справедливости оцѣнить такой образъ дѣйствій съ моей стороны, который предъ проницательнымъ и справедливымъ взглядомъ В. И. В-ва можетъ только возвысить цѣну откровенности и искренности моихъ поступковъ, внушаемыхъ всегда

присущимъ мнѣ личнымъ живѣйшимъ желаніемъ—быть достойнымъ дружбы В. И. В-ва. Осмѣлиться, какъ я это сдѣлалъ, высказать В. И. В-ву вотъ, это не въ моей власти, и затѣмъ, вотъ, этого я желалъ бы для себя—это значитъ, по моему мнѣнію, представить самое несомнѣнное доказательство искренности и твердости завѣреній, даваемыхъ мною В. И. В-ву относительно того, что̀ я могу и всегда готовъ сдѣлать для В. И. В-ва.

Какъ скоро княземъ Голицинымъ здѣсь у насъ, или же вашимъ посланникомъ въ Парижѣ, будутъ получены инструкціи В. И. В-ва касательно нашего присоединенія къ миру, я не премину тотчасъ отправить соотвѣтствующія приказанія графу де-Мерси. Англія, которая вотъ уже столько времени не можетъ никакъ составить себѣ кабинета, и этотъ Парламентъ, который въ моментъ самаго страшнаго кризиса совершенно забываетъ свой хваленый патріотизмъ и, весь отдаваясь личнымъ интригамъ, занимается только одними этими интригами, это—одно изъ тѣхъ по истинѣ непонятныхъ зрѣлищъ, которое показываетъ, какимъ образомъ правительство, мелочное въ своихъ цѣляхъ и средствахъ, способно разслабить характеръ и разрушить силу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значеніе всей націи. Сколько, напротивъ того, Русское государство въ вашихъ рукахъ за истекшія двадцать пять лѣтъ выиграло въ силѣ, въ уваженіи, въ мнѣніи другихъ! Существовавшія предубѣжденія были отнюдь не въ пользу Россіи, а между тѣмъ, что̀ сталось съ Англіей, не смотря на общее благопріятное предубѣжденіе относительно ея средствъ, ея ресурсовъ и преимуществъ ея государственнаго устройства? Какой урокъ для насъ, новичковъ, подражать одному и избѣгать другаго!

55.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 7 Апрѣля 1783.

Государь мой братъ! Отвѣтъ Порты на три пункта, составлявшіе sine qua non моихъ требованій, былъ, по видимому, таковъ, что имъ устранялся всякій поводъ къ дальнѣйшимъ пререканіямъ между Портою и мною, и какъ, в. и. в. изволили совершенно вѣрно замѣтить въ письмѣ вашемъ отъ 25 Февраля н. ст., я начинала уже

питать надежду, что мои несогласія съ Портою покончатся сообразно моимъ желаніямъ, буквальному смыслу договоровъ и, наконецъ, столь торжественнымъ обѣщаніямъ Оттоманскаго правительства. Мнѣ пріятно было отнести такой результатъ къ содѣйствію в. и. в-ва; я говорила себѣ: авось либо впредь, благодаря счастливому единенію, существующему между в. и. в-мъ и мною, Турки будутъ менѣе предпріимчивы по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. Эти чувствованія заглушали въ душѣ моей тотъ голосъ опытности, почерпнутой изъ прошедшаго времени, на который я ссылалась въ моемъ письмѣ къ в. и. в-ву отъ 29 Февраля ст. ст. Къ несчастію, однако событія разсѣяли очарованіе, свидѣтельствуя болѣе и болѣе, какъ мало могу и должна я давать вѣры всѣмъ Турецкимъ обѣщаніямъ. Какъ другъ и союзница в. и в., считаю долгомъ сообщить вамъ, что рядомъ съ самыми лестными обѣщаніями Порта не стѣснилась командировать на Тамань военнаго начальника съ подобающимъ военнымъ отрядомъ, который, отъ имени султана, завладѣлъ этимъ полуостровомъ и водворилъ тамъ верховное и безусловное владычество Высокой Порты. Когда затѣмъ Крымскій ханъ отправилъ туда одного изъ своихъ служащихъ спросить о поводѣ такого захвата, Турецкій коммендантъ сперва велѣлъ сковать его, а потомъ публично обезглавить.

Извольте судить сами, в. и. в-во, можетъ ли остаться безнаказаннымъ столь возмутительный поступокъ. Откровенно сознаюсь в. и. в-ву, что, видя, какъ обѣщанія Порты не ведутъ ни къ чему, кромѣ того только, чтобы доставить ей возможность выиграть время, нужное ей для вооруженій на сушѣ и на морѣ, я поставлена въ необходимость установить иное положеніе дѣлъ между мною и Портою. Если въ отвѣтъ на требованія удовлетворенія и обезпеченій для безопасности моего государства, которыхъ я рѣшилась добиться, Порта предпочтетъ миръ войнѣ, я безъ сомнѣнія не буду сама вызывать войны, будучи напротивъ готова оказать всяческую разумную уступчивость. Буде же Порта изберетъ войну, то войска мои готовы выступить въ походъ и дать отпоръ всякому нападенію.

Въ виду того, что общее положеніе Европейскихъ дѣлъ въ настоящее время менѣе, нежели годъ тому назадъ, благопріятствуетъ осуществленію обширныхъ видовъ, которые я въ то время предлагала в. и. в-ву для блага нашихъ обоихъ государствъ: то, по видимому, въ настоящее время благоразуміе заставляетъ ограничиться планомъ менѣе обширнымъ, а потому и менѣе способнымъ вызвать зависть и враждебныя дѣйствія со стороны нашихъ сосѣдей.

Я согласна, что географическое положеніе владѣній в. и. в-ва дѣлаетъ оныя болѣе открытыми для нападеній, сравнительно съ моимъ государствомъ; потому я далека отъ мысли требовать, чтобы

ради моихъ интересовъ в. и. в. подвергали непосредственной опасности ваши владѣнія, будучи съ своей стороны убѣждена, что и в. и. в. и отъ меня никогда не потребуете подобной же жертвы.

Нельзя однако предполагать, чтобы Франція рѣшилась напасть на владѣнія в. и. в-ва до тѣхъ поръ, пока Оттоманской Имперіи не будетъ угрожать окончательное паденіе. Признавъ законность моихъ домогательствъ, которыя теперь, вслѣдствіе захвата Тамани, должны пріобрѣсти еще бо̀льшую благовидность предъ общественнымъ мнѣніемъ, и поставляя себѣ въ заслугу самую строгую добросовѣстность въ исполненіи своихъ собственныхъ обязательствъ, Версальскій дворъ поступилъ бы весьма непослѣдовательно, еслибы заявилъ притязанія воспрепятствовать императору, своему союзнику, въ исполненіи обязательствъ, принятыхъ имъ по отношенію ко мнѣ и основанныхъ на требованіяхъ его собственной безопасности. Впрочемъ близкія отношенія, въ которыхъ в. и. в. находитесь съ этимъ дворомъ, даютъ вамъ средства убѣдиться въ дѣйствительныхъ расположеніяхъ и образѣ мыслей онаго.

Если даже предположить, что Франція взглянула бы неблагосклонно на то, что шуринъ христіаннѣйшаго короля заодно съ Россіей дѣйствуетъ противъ врага имени христіанскаго, въ тоже время исконнаго пріятеля Франціи: тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что, при настоящемъ истощеніи ея финансовъ, она не скроетъ отъ себя, что предпочтеніе, оказываемое ею Туркамъ, можетъ лишить ее союза съ в. и. в-омъ, который не разъ бывалъ для нея гораздо болѣе полезнымъ.

И Прусскій король, конечно, тоже пойметъ, что, напавъ на в. и. в., онъ тѣмъ самымъ учинитъ нападеніе и противъ меня; а я не думаю, чтобы онъ пожелалъ еще разъ вызвать соединеніе нашихъ силъ противъ Пруссіи. Смѣю надѣяться, что на сей разъ однѣ силы моего государства окажутся достаточными для того, чтобы образумить Порту и доставить мнѣ миръ вѣрный, выгодный и славный. Но, вѣдая великую душу императора Іосифа II-го и принимая живѣйшее участіе въ его личной славѣ и въ благѣ его монархіи, которой политическія выгоды такъ сходственны и такъ тѣсно связаны съ выгодами Россіи, мнѣ было бы трудно не пожелать, чтобы онъ извлекъ мечъ, дабы одарить свое благодѣтельное царствованіе славою громкихъ побѣдъ и полезныхъ завоеваній. Съ моей стороны не будетъ, конечно, недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ дѣятельномъ содѣйствіи, для того чтобы могла осуществиться эта послѣдняя часть моихъ желаній, и чтобы отторгнутое нѣкогда наслѣдіе вашей императорской короны могло въ скорѣйшемъ времени возвратиться къ оной.

56.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 26 Апрѣля 1783.

Охотно соглашаюсь съ в. и. в-омъ, что, если что либо можетъ сдѣлать Порту на будущее время податливѣе и добросовѣстнѣе въ исполненіи данныхъ обѣщаній, то это, безъ сомнѣнія, тождественный тонъ и соотвѣтственныя оному весьма положительнаго свойства демонстраціи со стороны нашихъ обоихъ дворовъ. Не взирая на то, непрерывныя интриги Турецкаго правительства въ Крыму, на Кубани, и вѣроломный захватъ Таманскаго полуострова доказываютъ, что мои сомнѣнія относительно добросовѣстнаго исполненія Турками ихъ обѣщаній имѣли основаніе. Въ настоящее время в. и. в-ву извѣстно, что̀ я нашлась вынужденною, въ интересахъ и ради чести моего государства, предпринять по сему поводу. Этимъ нисколько не умаляется мое расположеніе въ пользу мира: я пойду охотно на всякій путь соглашенія, который можетъ способствовать мирному разрѣшенію этого дѣла

В. и. в-ву извѣстно уже, что князь Голицынъ получилъ отъ меня всѣ нужныя инструкціи по дѣлу о принятіи нами участія въ посредничествѣ.

Забвеніе патріотизма среди Англійскаго Парламента, о чемъ в. и. в. изволите упоминать въ письмѣ вашемъ, объясняется тѣмъ, что многоголовая толпа почти всегда бываетъ продажна; но достойно сожалѣнія видѣть, какъ нація роняетъ себя въ мнѣніи другихъ, имѣя короля добраго гражданина. Если бы я еще имѣла счастіе, какъ бывало, сиживать на канапе рядомъ съ графомъ Фалькенштейномъ, я осмѣлилась бы спросить у него: какимъ же образомъ мой народъ могъ подняться въ уваженіи другихъ и усилиться за мое царствованіе, между тѣмъ какъ мои завистники не переставали обвинять меня въ слабости и въ томъ, будто я всегда позволяла водить себя на помочахъ?

57.

Іосифъ Екатеринѣ.

Петервардейнъ, 19 Мая 1783.

Государыня моя сестра! Во время поѣздки, совершаемой мною по Венгріи, близъ крайнихъ предѣловъ моихъ владѣній, я получилъ письмо, которое В. И. В-ву угодно было адресовать мнѣ отъ 7 Апрѣля ст. ст. Одновременно съ нимъ получены мною манифестъ и документы, которые В. И. В. изволили препроводить ко мнѣ черезъ князя Голицына. Я могу только принести В. И. В-ву мое искреннѣйшее и чистосердечнѣйшее поздравленіе по поводу расширенія вашихъ владѣній и важнаго во всѣхъ отношеніяхъ приращенія, которое В. И. В. пріобрѣли для своего государства безъ выстрѣла и не потерявъ ни одного солдата. Моя нѣжная пріязнь къ В. И. В-ву и столь драгоцѣнныя для меня дружественныя узы, насъ соединяющія, заставляютъ меня принимать самое искреннее участіе въ этомъ событіи, которому, на ряду со столькими другими, суждено обезсмертить ваше царствованіе. Дружба В. И. В-ва, которой я чувствую всю цѣну и которая, къ моему счастію, никогда не измѣнялась по отношенію ко мнѣ, внушаетъ В. И. В-ву желаніе, чтобы такія же приращенія выпали и на мою долю. Но, Государыня, какая разница между вашимъ и моимъ положеніемъ относительно средствъ для осуществленія этихъ желаній! И какая разница между правилами, на которыя опираетесь вы, В. И. В., и тѣми предлогами, которые я могъ бы отыскать для того, чтобы дѣйствовать тѣмъ же способомъ!

Довольно одного взгляда на топографическія и политическія условія, въ которыя я поставленъ, для того, чтобы В. И. В. изволили убѣдиться въ этомъ. Отъ глубины сердца желаю, чтобы къ обладанію Крымомъ, Таманскимъ полуостровомъ и Кубанью В. И. В. могли присоединить еще преимущество стяжать ихъ безъ войны. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, какъ путемъ дипломатическимъ, такъ и предварительными распоряженіями на моихъ границахъ, чтобы вразумить Турокъ на счетъ новаго положенія дѣлъ (какъ В. И. В-ву самой угодно выражаться), которое вы изволили установить между собою и Портою и которое столь значительно отстоитъ какъ отъ постановленій Кайнарджійскаго мира, такъ и отъ проистекшихъ изъ онаго послѣдующихъ договоровъ.

58.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 16 Мая 1783.

Государь мой братъ! В. и. в-ву уже должно быть извѣстно о томъ оборотѣ, который я нашлась вынужденною сообщить Крымскимъ дѣламъ. Едва только это рѣшеніе было принято мною, какъ я получила неожиданное извѣстіе, что ханъ Шагинъ-Гирей, не снесшись предварительно ни со мною, ни съ кѣмъ либо изъ моихъ, нашелъ умѣстнымъ отказаться отъ своего сана. В. и. в-во легко можете представить, въ какое затрудненіе я была бы поставлена этимъ отреченіемъ, если бы у меня не составилось рѣшенія уже заранѣе. Смуты и раздоры, которые Порта не переставала возбуждать и поддерживать, вслѣдствіе этого обстоятельства непремѣнно должны были бы усилиться; не оказалось бы недостатка въ кандидатахъ, воспитанныхъ или состарѣвшихся въ желаніи занять это мѣсто. Ихъ слѣпая преданность произволу Порты и системѣ, искони усвоенная сею послѣднею относительно Крыма, которой Кайнарджійскій миръ не успѣлъ ослабить или разрушить, снова развязала бы руки Портѣ, и она не преминула бы воспользоваться этимъ, дабы ниспровергнуть самымъ дѣломъ вышеупомянутый мирный договоръ, подъ который она уже такъ часто стремилась подкопаться окольными путями. Въ настоящее время, съ отреченіемъ Шагинъ-Гирея, ничего не измѣняется въ положеніи дѣлъ. Отъ Порты зависитъ рѣшиться на миръ или на войну; но по крайней мѣрѣ она уже не будетъ дѣйствовать въ Крыму путемъ тайныхъ подкоповъ и вѣроломныхъ интригъ, какъ дѣйствовала до сихъ поръ.

59.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 9 Іюня 1783.

Государь мой братъ! Съ чувствомъ признательности, соотвѣтствующей той великой дружбѣ, которую в. и. в-во изволите мнѣ оказывать, прочла я дорогое письмо ваше изъ Петервардейна отъ 19 Мая. Участіе, которое в. и. в-во изволите изъявлять во всемъ, касающемся меня, тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что если присоеди-

нію Крыма, полуострова Тамани и Кубанской области суждено будетъ совершиться безъ войны, я никогда не въ состояніи буду забыть, кому я буду наиболѣе обязана этимъ. Зная образъ мыслей моего союзника относительно выгодъ его собственнаго государства, я вполнѣ готова въ свое время и въ своемъ мѣстѣ всячески содѣйствовать онымъ.

60.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 22 Августа 1783.

Государь мой братъ! Благословляю счастливое возвращеніе в. и. в-ва въ Вѣну, которому я обязана вашимъ драгоцѣннымъ письмомъ отъ 8 Августа; оно исполнило меня чувствъ новой признательности къ в. и. в-ву, представляя на каждой строкѣ доказательства вашей ко мнѣ дружбы. Между тѣмъ какъ в. и. в. совершили поѣздку къ своимъ южнымъ предѣламъ, я ѣздила къ моимъ западнымъ границамъ; но это путешествіе не принесло счастія Шведскому королю, потому что онъ переломилъ себѣ наискось лѣвую руку, во время пребыванія въ своемъ Тававастгусскомъ лагерѣ и кромѣ того, говорятъ, получилъ еще выговоръ отъ Франціи за свиданіе со мною. Что̀ мнѣ по истинѣ показалось страннымъ, такъ это то, что въ оной Фридрихсгамской лачугѣ, въ которой не болѣе двухъ сотъ шестидесяти саженъ длины, весь Шведскій дворъ явился наряженный въ Испанскіе костюмы, и что прибывшимъ туда изъ Тавастгуса военнымъ король запретилъ являться къ нему въ мундирахъ, говорю: къ нему; потому что я съ своей стороны не разъ просила его допустить ихъ ко мнѣ; но онъ каждый разъ отказывалъ съ весьма серьезнымъ видомъ, говоря, что у нихъ нѣтъ подобающаго костюма, хотя между тѣмъ всѣ окружавшіе меня были въ мундирахъ. Въ виду этого я рѣшилась наконецъ и вела бесѣду съ его старшими офицерами (изъ которыхъ многіе состояли прежде на Французской службѣ въ Америкѣ)—черезъ окно.

61.

Іосифъ Екатеринѣ.

5 Декабря 1783.

Помня выраженное года два тому назадъ (по приказанію В. И. В-ва) княземъ Голицынымъ желаніе, чтобы я постарался убѣдить князя Цербстскаго *) возвратиться во свояси и жить въ своихъ владѣніяхъ, я съ тѣхъ поръ сторожилъ всякій случай, которымъ бы можно было воспользоваться для этой цѣли. Такой случай, наконецъ, представился. Такъ какъ князь по дружбѣ предложилъ мнѣ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ рекрутъ, вернувшихся изъ Америки, то я, принявъ ихъ, поспѣшилъ возвести его въ чинъ генерала отъ кавалеріи, котораго онъ желалъ съ условіемъ, чтобы онъ возвратился въ Цербстъ, чтò онъ и обѣщалъ исполнить. Словомъ, В. И. В-во можете разсчитывать на меня всегда, какъ въ крупныхъ случаяхъ, такъ и въ мелочахъ.

62.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 6 Апрѣля 1784.

При имѣющемъ совершиться въ Варшавѣ, при участіи В. И. В-ва, заключеніи договора между королемъ Прусскимъ и городомъ Данцигомъ, отъ котораго король требуетъ предоставленія полной свободы торговли его подданнымъ въ предѣлахъ Данцигской территоріи, не согласно ли было бы съ великодушіемъ В. И. В-ва и соотвѣтственно усвоеннымъ вами, столь справедливымъ, началамъ всеобщей торговой свободы, если бы В. И. В-во, по закону возмездія, равнымъ образомъ потребовали отъ Прусскаго короля совершенной свободы торговли по Вислѣ для всѣхъ подданныхъ Польскаго королевства, а также и для жителей областей, перешедшихъ подъ державу В. И. В-ва и мою?

---

*) Единственный братъ Екатерины, владѣтельный князь Ангальтъ-Цербстскій, находилъ для себя выгоднымъ проживать въ Швейцаріи, гдѣ онъ занимался наборомъ солдатъ, которыхъ продавалъ разнымъ государямъ. Разумѣется, Екатерина не допускала его къ себѣ и, несмотря на всѣ его попытки, онъ ниразу не былъ въ Россіи. П. Б.

63.

Іосифъ Екатеринѣ.

13 Мая 1784.

Я полагаю, что поступилъ бы несогласно съ справедливымъ довѣріемъ, которымъ обязанъ предъ В. И. В-вомъ, не открывъ В. И. В-ву съ полнымъ чистосердечіемъ мысль, которая зародилась у меня съ того самаго времени, какъ между нами завязались столь счастливыя политическія и еще болѣе личныя отношенія, и которая представляется мнѣ, чѣмъ болѣе я о томъ думаю, способною навсегда упрочить эти отношенія между нашими государствами и доставить безсмертіе государямъ, положившимъ основаніе для оныхъ.

Дѣло идетъ о полюбовномъ и добровольномъ обмѣнѣ владѣній Баваріи и Верхняго-Пфальца вмѣстѣ съ владѣніями архіепископа Зальцбургскаго на всѣ мои владѣнія въ Нидерландахъ, по обоюдному добровольному соглашенію между курфирстомъ и архіепископомъ.

Не буду входить во всѣ подробности по сему предмету, дабы не наскучить В. И. В-ву повтореніями, такъ какъ всѣ эти подробности я приказалъ сообщить моему посланнику графу Кобенцелю, поручивъ ему доложить В. И. В-ву, какъ говорится, самую суть оныхъ, и притомъ тѣмъ путемъ, который В. И. В. изволите найти наиболѣе удобнымъ для себя и наиболѣе надежнымъ для соблюденія тайны, что̀ въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени важно, какъ для успѣха этого плана, такъ и для того, чтобы преждевременною огласкою самой мысли о таковомъ обмѣнѣ не навлечь мнѣ непріятностей. Отъ проницательности В. И. В-ва, способной понимать вещи такъ широко, такъ вѣрно предвидѣть послѣдствія и не отступать ни передъ какою попыткою, какъ бы ни казалось съ перваго раза трудно достиженіе успѣха (какъ скоро изволите сознавать на своей сторонѣ право и законность, подкрѣпляемыя постоянствомъ и твердостію вашей собственной воли) отъ проницательности В. И. В-ва, говорю я, не укроется, что изъ всѣхъ выгодъ, которыя я могъ бы извлечь для себя изъ таковаго обмѣна, самая несомнѣнная заключалась бы въ возможности когда нибудь со временемъ послужить В. И. В-ву всѣми моими силами. В. И. В-ву извѣстны непреодолимыя препятствія, не допускающія этого при настоящемъ составѣ моихъ владѣній. Съ другой стороны, мнѣ не остается болѣе никакого сомнѣнія на счетъ образа мыслей Франціи относительно сохраненія Порты, который достаточно обнаружился

по поводу послѣднихъ переговоровъ въ Константинополѣ. Посему я полагаю, что, не смотря на необходимое при этомъ существенное пожертвованіе многими выгодами въ финансовомъ отношеніи и весьма значительными рессурсами, я открылъ существенно возможный способъ для того, чтобы быть полезнымъ для В. И. В-ва самымъ дѣломъ, на сколько я всегда того желалъ. Въ виду участія, которое В. И. В. изволили заявить въ положеніи герцога Цвейбрюкенскаго, я желалъ способствовать увеличенію его удѣльныхъ владѣній; но до сихъ поръ я не могъ оказать ему содѣйствія по извѣстнымъ В. И. В-ву причинамъ, такъ какъ герцогъ не пожелалъ обратиться ко мнѣ, хотя-бы изъ одной только простой вѣжливости. Признаюсь, это обстоятельство было мнѣ тѣмъ болѣе непріятно, что тутъ былъ единственный случай, въ которомъ мнѣ не посчастливилось исполнить вашу волю, между тѣмъ какъ всѣ другія, какъ крупныя такъ и мелкія, относительно коихъ В. И. В-ву было угодно заявить мнѣ ваши желанія, до сихъ поръ всегда увѣнчивались желаемымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, въ одномъ только этомъ дѣлѣ герцога Цвейбрюкенскаго мнѣ не удалось до сихъ поръ спомоществовать благодѣтельнымъ видамъ В. И. В-ва; но въ случаѣ вышесказаннаго обмѣна я получилъ бы возможность осуществить и это желаніе В. И. В-ва, доставивъ герцогу какъ единовременно, такъ и въ будущемъ увеличеніе доходовъ, въ которомъ онъ при своемъ безденежьѣ такъ сильно нуждается.

64.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 13 Мая 1784.

Касательно дѣлъ города Данцига, о которыхъ в. и. в. изволите упоминать въ вашемъ письмѣ, в. и. в. могли замѣтить живое участіе, которое я принимала въ охраненіи правъ этого города съ самаго начала несогласій, возникшихъ между нимъ и Берлинскимъ дворомъ. Я, конечно, приложу всѣ старанія для поддержанія этихъ правъ во всей ихъ неприкосновенности, ибо смотрю на этотъ городъ не только какъ на торговый пунктъ и приморскую гавань, но и какъ на крѣпость, и съ этой послѣдней точки зрѣнія увѣрена, что общіе интересы нашихъ обоихъ государствъ

требуютъ, чтобы промышленность и торговля Данцига поддерживались на такой степени, чтобы онъ былъ въ состоянiи обороняться своими собственными средствами; это же можетъ быть достигнуто только охраненiемъ его отъ захватовъ и притѣсненiй Пруссiи, клонящихся, очевидно, къ уничтоженiю его торговли. Такова главная цѣль и руководящее побужденiе всѣхъ моихъ старанiй въ пользу этого города. Я постараюсь вмѣстѣ съ тѣмъ устранить, на сколько это отъ меня можетъ зависѣть, всѣ преграды, которыми захотѣли бы стѣснить торговлю Польскихъ подданныхъ на Вислѣ; но если-бы, вопреки моимъ старанiямъ, торговля эта стала бы еще подвергаться какимъ либо стѣсненiямъ, то это послѣднее могло бы обратиться лишь къ ущербу самого же виновника оныхъ, принудивъ торговцевъ искать иныхъ путей сбыта, которые, вслѣдствiе географическаго положенiя нашихъ государствъ, должны были бы по необходимости оказаться у насъ, чтò могло бы послужить къ еще большей выгодѣ подданныхъ в. и. в-ва и моихъ, чѣмъ даже полная свобода торговли на Вислѣ.

65.

Екатерина Iосифу.

Царское Село, 23 Мая 1784.

Государь мой братъ! Довѣрiе, съ которымъ в. и. в. изволили открыться мнѣ въ вашемъ письмѣ отъ 13 Мая на счетъ предполагаемаго обмѣна вашихъ Нидерландскихъ владѣнiй на землѣ Баварiи, Верхняго Пфальца и Зальцбургскаго архiепископства, было мнѣ вдвойнѣ прiятно; ибо, давая мнѣ этимъ новое доказательство вашего совершеннаго довѣрiя, в. и. в. доставляете мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ случай засвидѣтельствовать въ свою очередь мое усердiе и готовность на все, чтò только въ моей власти, чтобы сдѣлать прiятное в. и. в.-ву и дѣятельно способствовать успѣху вашихъ преднамѣренiй, готовность при всякомъ случаѣ самымъ дѣломъ заявить, что я ничего такъ не желаю, какъ доказать мою признательность за все, чтò в. и. в. изволили сдѣлать для меня въ дѣлахъ моихъ съ Оттоманскою Портою. Впрочемъ я совершенно увѣрена, что если этотъ обмѣнъ и потребуетъ пожертвованiя нѣкоторыми выгодами въ финансовомъ отношенiи, то оныя вознаградятся приращенiемъ въ силахъ, которое имѣетъ доставить вамъ

подобное округленіе вашихъ владѣній, въ виду того, что сокращеніемъ вашей пограничной линіи для в. и. в-ва будетъ облегчена возможность направить ваши военныя силы въ ту сторону, гдѣ это можетъ оказаться необходимымъ. Убѣжденная въ важномъ значеніи таковаго обмѣна для преуспѣянія государства и для успѣха дальнѣйшихъ видовъ в. и. в-ва и не менѣе увѣренная, что подобное большее сосредоточеніе силъ в. и. в-ву было бы желательно и въ интересѣ моей собственной державы, я прошу в. и. в. еще разъ вѣрить, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ иномъ, вы изволите найти во мнѣ союзницу, преданную в. и. в-ву какъ во имя нашей искренней дружбы и въ силу существующихъ между нашими государствами обязательствъ, такъ и по глубокому убѣжденію въ нераздѣльности ихъ истинныхъ интересовъ.

Впрочемъ, чѣмъ выгоднѣе было бы для нашихъ обоихъ государствъ, чтобы в. и. в. успѣли достигнуть такого сосредоточенія вашихъ силъ, путемъ бóльшаго округленія вашихъ владѣній, тѣмъ болѣе должны мы ожидать противодѣйствія, какъ внутри самой Германской Имперіи, такъ и внѣ оной, по сосѣдству съ нашими владѣніями, со стороны державъ, которыя видятъ свой интересъ въ противодѣйствіи нашимъ видамъ. Мнѣ было бы весьма пріятно, если бы в. и. в-ву угодно было сообщить мнѣ ваши соображенія по этому предмету; я же съ своей стороны уже приказала моему посланнику, съ послѣднимъ, отправленнымъ къ нему курьеромъ, войти по этому дѣлу въ объясненіе съ министерствомъ в. и. в-ва. Не сомнѣваюсь впрочемъ, что в. и. в. уже предусмотрѣли всѣ такого рода случайности и заранѣе озаботились приготовить средства для предотвращенія оныхъ, принявъ всѣ необходимыя предосторожности для обезпеченія успѣха вашихъ плановъ и безопасности нашихъ границъ. Въ виду крайней важности соблюденія тайны въ настоящемъ случаѣ, в. и. в. можете быть увѣрены въ безусловномъ соблюденіи оной съ моей стороны. Въ ожиданіи, когда наступитъ время отправить надлежащія инструкціи моимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ относительно того, какимъ образомъ они должны будутъ содѣйствовать видамъ в. и. в-ва, я приказала графу Румянцову, моему посланнику во Франкфуртѣ, не упустить ничего, дабы дать почувствовать герцогу Цвейбрюкенскому, какъ важно для него постараться заслужить благоволеніе и покровительство главы Имперіи, въ чемъ самое вѣрное средство для того, чтобы улучшить ему свою участь.

66.

Іосифъ Екатеринѣ.

Голичъ, 4 Октября 1784.

Государыня моя сестра! Напрасно ожидалъ я со дня на день отъ курфирста Баварскаго—да или нѣтъ по важному дѣлу объ обмѣнѣ, въ которомъ В. И. В. изволили принять столь лестное для меня участіе; но есть, видно, люди, которые не умѣютъ имѣть волю. Къ числу такихъ принадлежитъ курфирстъ, который тянетъ дѣло вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и тормозитъ меня, постоянно между тѣмъ заявляя о своей готовности идти на соглашеніе, но не говоря ничего положительнаго. Лишенный, вслѣдствіе этого, уже такъ давно удовольствія письменно напомнить о себѣ В. И. В-ву, я и теперь не могу сообщить ничего болѣе того, что̀ могъ бы сказать и при самомъ началѣ дѣла, а именно, что мнѣ совершенно ничего еще неизвѣстно, что̀ изъ всего этого выдетъ.

Тѣмъ временемъ мои кое-какіе переговоры съ Портою относительно исправленія границъ остановились, и на нѣкоего пашу, почитаемаго, какъ видится, великимъ до̀кою по этой части, возложено порученіе — съ вершины нѣкоей горы высмотрѣть, опираясь на рамена двухъ невольниковъ и рѣшить важность или неважность небольшой земляной косы, которую я желалъ бы пріобрѣсти на Уннѣ; между тѣмъ мелкіе разбои на границахъ продолжаются все по прежнему.

Одно изъ странныхъ явленій въ настоящую пору составляетъ переселеніе въ Турцію моремъ и сушею множества Французовъ всякаго покроя, повидимому изъ числа тѣхъ дѣльцовъ, какъ они ихъ называютъ, какіе уже имѣются въ Константинополѣ. Не знаю по истинѣ, чего ради они ѣдутъ туда: учить ли Турокъ, или у нихъ учиться военному строю и дисциплинѣ, которыхъ сама Франція еще не успѣла пока водворить въ своихъ собственныхъ войскахъ.

У меня, кажется, готова завязаться непріятная исторія съ моими сосѣдями Голландцами. За несоблюденіемъ съ ихъ стороны съ 1740 года условій договора о заставахъ, и особенно послѣ того, какъ въ войну 1744 и 1745 годовъ они такъ позорно защищали всѣ наши крѣпости, я воображалъ всѣ мои прежнія обязательства несуществующими.

Я полагалъ, да и до сихъ поръ полагаю, что морской приливъ, поднимающійся до подвластнаго мнѣ города Антверпена, даетъ

право нѣсколькимъ мелкимъ судамъ подъ моимъ флагомъ безпрепятственно плавать вверхъ и внизъ по рѣкѣ, особливо же послѣ того, какъ В. И. В., какъ лучемъ свѣта, озарили Европу раскрытіемъ великой истины, которая нынѣ, благодаря В. И. В-ву, признана уже почти всѣми державами и заключается въ томъ, что морская стихія составляетъ открытое поприще для торговли всѣхъ народовъ. И вотъ на такого-то рода предложеніе съ моей стороны Голландцы, оказываясь гораздо поворотливѣе моего бѣдоваго курфирста, отвѣчаютъ высокомѣрнымъ: «нѣтъ», а я въ свою очередь говорю: «посмотримъ». Согласно съ этимъ я отдалъ приказаніе, пускай какое нибудь изъ моихъ судовъ попытается пройти, не останавливаясь ни предъ какимъ протестомъ или угрозою, а пускай или заставитъ взять себя силою, или стрѣлять по себѣ, хотя бы только пулями. Послѣдняя оговорка казалась необходимою, потому что, чего добраго, господа Голландскіе Штаты могли бы опять позабыть ядра, какъ имъ уже разъ случилось позабыть объ нихъ, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, когда они съ большою поспѣшностью изволили снарядить транспортъ пушекъ на мысъ Доброй Надежды и потомъ утѣшать поставленнаго въ совершенный тупикъ тамошняго губернатора обѣщаніемъ, что съ транспортомъ будущаго года будутъ всенепремѣнно доставлены и ядра—для присланныхъ пушекъ. Если по моимъ судамъ вздумаютъ стрѣлять, то мнѣ придется, конечно, отвѣчать тѣмъ же. Вотъ мы и начнемъ перепалку, и дѣло выйдетъ, конечно, скорѣе смѣшное, чѣмъ непріятное; но во всякомъ случаѣ, какъ въ мелкихъ, такъ и важныхъ обстоятельствахъ, дружба В. И. В-ва, право разсчитывать на которую составляетъ для меня такое счастіе, для меня равно неоцѣненна.

67.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 25 Октября 1784.

Голландцы сдѣлали три пушечныхъ выстрѣла по одному изъ моихъ судовъ, спокойно плывшему внизъ по Шельдѣ. Какъ невооруженное, судно должно было остановиться; тогда они посадили на него свой военный отрядъ и, такимъ образомъ, завладѣли онымъ.

Это обязываетъ меня немедленно отправить нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи при соотвѣтствующемъ составѣ артиллеріи для

подкрѣпленія моихъ войскъ, расположенныхъ въ томъ краѣ, и для того, чтобы, оборонивъ мои владѣнія отъ всѣхъ дальнѣйшихъ оскорбленій, въ тоже время потребовать удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное моему флагу.

Не стремленіе къ завоеваніямъ руководитъ мною, и В. И. В-ву, какъ вѣрнѣйшей и искреннѣйшей союзницѣ и другу, каковую я имѣю и каковой смѣю считать себя достойнымъ, я даже рѣшусь признаться, что, далекій отъ желанія проливать человѣческую кровь или воевать, я весьма готовъ отказаться отъ всякихъ пріобрѣтеній и отъ нанесенія вреда, который, въ виду неравенства силъ, мнѣ было бы конечно нетрудно причинить имъ, буде только Генеральные Штаты захотятъ образумиться, признать свободу плаванія по Шельдѣ (это единственное требованіе, вмѣсто всѣхъ другихъ справедливыхъ претензій, которыя я могъ бы выставить, заявленное мною въ моемъ ультиматумѣ) и въ тоже время дать мнѣ приличную сатисфакцію.

Кромѣ чувства человѣколюбія, которое внушаетъ мнѣ такое рѣшеніе, существуетъ еще другая важная причина, которая и заставляетъ меня открыть В. И. В-ву мои виды — а именно то обстоятельство, что въ теченіи недавно окончившейся войны между Англіей и Франціей я могъ замѣтить, что В. И. В. изволили принимать совершенно особое и благосклонное участіе въ судьбѣ Голландцевъ. Въ виду сего участія, буде только они еще продолжаютъ пользоваться онымъ, я осмѣливаюсь положиться на В. И. В-во относительно выбора средствъ, какія вы изволите найти наиболѣе удобными для обращенія ихъ на путь истинный. Я буду въ восторгѣ, если это новое доказательство моей полной вѣры въ дружбу В. И. В-ву можетъ быть сколько нибудь угодно; но на случай всякихъ возможныхъ событій благоволите, Государыня, вы, которая такъ хорошо знаете что̀ подобаетъ чувству собственнаго достоинства, не только признать умѣстность и необходимость принятыхъ мною мѣръ, но и не отказать онымъ въ поддержкѣ вашего могущественнаго вліянія предъ всякимъ, кто вздумалъ бы претендовать на меня по поводу этихъ мѣръ или вмѣшаться въ нихъ, дабы зажечь въ Германіи, безъ всякаго резоннаго основанія, пламя всеобщей войны.

68.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 18 Октября 1784 года.

Государь мой братъ! Изъ письма в. и. в-ва отъ 4 Октября, я вижу, что переговоры в. и. в-ва съ Баварскимъ курфирстомъ не подвигаются впередъ вслѣдствіе нерѣшительности, составляющей, повидимому, наслѣдственный недугъ въ Пфальцской фамиліи, между представителями которой есть такіе, что̀ даже простаго учтиваго письма не рѣшатся написать, не посовѣтовавшись предварительно чуть не съ цѣлою Европою. Мнѣ сдается, что подобныя же предосторожности имѣются въ виду и у всѣхъ тѣхъ, кто орудуетъ на Шельдѣ, кто не позволяетъ выходить въ море судамъ в. и. в-ва, кто доставляетъ въ Константинополь офицеровъ, учителей военнаго строя и разныхъ дѣльцовъ, кто внушаетъ Туркамъ держать значительный корпусъ близъ Софіи и вездѣ хлопочетъ подъ сурдинку, какъ бы поднять на ноги нашихъ естественныхъ враговъ какъ на Югѣ такъ и на Сѣверѣ, а г-нъ де-Верженъ прочитъ въ настоящемъ случаѣ королю своему государю роль посредника и миротворца.

69.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 20 Ноября 1784 года.

Государь мой братъ! Искренняя дружба, которую я питаю къ в. и. в-ву, заставила меня отнестись съ подобающимъ участіемъ къ оскорбленію, нанесенному вашему флагу Голландцами. Голландская республика поступила очень неблагоразумно, позволивъ увлечь себя до того, чтобы вызвать негодованіе в. и. в-ва. Великодушныя расположенія, которыя в. и. в-ву угодно было открыть мнѣ, вполнѣ достойны вашего возвышеннаго сердца и вашего человѣколюбія. Согласно желанію в. и. в-ва, я отправила къ моему посланнику въ Гагѣ приказаніе передать Генеральнымъ Штатамъ увѣщательную ноту, дабы побудить ихъ образумиться; касательно

сей ноты посланникъ мой при дворѣ в. и. в-ва имѣетъ подробнѣе объясниться съ вашими министрами, равно какъ и объ инструкціяхъ, отправленныхъ мною къ моему посланнику Колычеву. Желаю отъ всего сердца, чтобы эта мѣра имѣла желаемый успѣхъ, и чтобы мои добрыя намѣренія не встрѣтили снова противодѣйствія со стороны постороннихъ вліяній, какъ это случилось во время послѣдней войны. На сей разъ это доставило бы мнѣ тѣмъ бо̀льшее огорченіе, чѣмъ искреннѣе мнѣ хотѣлось, чтобы дѣла приняли оборотъ, соотвѣтствующій желаніямъ в. и. в-ва. Очень жаль, что эта непріятность случилась въ то именно самое время, когда я употребляла дѣятельныя старанія ради важнаго дѣла, задуманнаго в. и. в-мъ, обѣщавшаго, какъ казалось мнѣ, столько выгодъ для вашего государства. Все это показываетъ, какъ существенно важно узнать истинный образъ мыслей Версальскаго двора. В. и. в. болѣе, нежели кто нибудь, располагаете средствами имѣть точныя свѣдѣнія по этому предмету, и я ласкаю себя надеждою, что в. и. в-во благоволите сообщить мнѣ, что̀ вамъ самимъ будетъ по сему предмету извѣстно.

70.

Іосифъ Екатеринѣ.

22 Января 1785.

В. И. В-во уже благоволили дать мнѣ, въ виду цѣлой Европы, почувствовать всю драгоцѣнность вашей пріязни и то участіе, которое вы изволите принимать во всемъ, меня касающемся. В. И. В-во еще болѣе усилили бы мою признательность, если только это возможно, еслибы благоволили, опираясь на свой могущественный авторитетъ, дать понять Голландской Республикѣ, что если случится такъ, что меня, для полученія справедливаго удовлетворенія, заставятъ прибѣгнуть къ оружію и если кто либо притомъ вздумаетъ поддерживать силою интересы Голландцевъ, то В. И. В.-во несомнѣнно благоволите вступиться за мои, вслѣдствіе чего вы изволите почитать нужнымъ повторительно убѣждать Генеральные Штаты въ возможно-скорѣйшемъ времени обратиться ко мнѣ съ такими предложеніями, на которыя я могъ бы согласиться.

Изъ Турціи продолжаютъ получаться извѣстія о приготовленіяхъ всякаго рода, предпринимаемыхъ Портою съ цѣлію улучшенія и

приращенія ея морскихъ и сухопутныхъ силъ, и всѣмъ этимъ руководствуетъ множество Французовъ какъ военнаго, такъ и разныхъ иныхъ званій. Я полагаю впрочемъ, что если Турки откажутся отъ своей прежней военной тактики, нѣкогда дѣлавшей ихъ такъ страшными для христіанъ, хотя и всегда обращавшейся къ ихъ же собственному позору при встрѣчахъ съ войсками В. И. В.-ва, то они станутъ еще менѣе опасны: ибо пройдетъ много времени, пока они успѣютъ усвоить себѣ дисциплину Европейскихъ регулярныхъ войскъ, а до тѣхъ поръ они будутъ, что̀ называется, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Дѣйствительное зло въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что подъ руководствомъ этихъ наѣзжихъ наставниковъ изъ Парижа у нихъ дѣйствительно совершенствуется матеріальная часть, то есть вооруженіе, артиллерія, сооруженіе кораблей и крѣпостей.

71.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 3 Февраля 1785.

Вѣсти изъ Константинополя, которыя в. и. в-во благоволили сообщить мнѣ, представляются мнѣ имѣющими большую важность. Все, что̀ Французы ни затѣваютъ тамъ, затѣвается прямо противъ насъ и нашихъ интересовъ и свидѣтельствуетъ только объ энергіи, съ которою они преслѣдуютъ свои замыслы. Послѣдствія, конечно, обманутъ ихъ ожиданія, и время покажетъ это. Графъ де-Сегюръ скачетъ безъ отдыха день и ночь, чтобы только поскорѣе поспѣть сюда къ намъ. Судя по быстротѣ, съ которою онъ ѣдетъ, надобно думать, что онъ везетъ съ собою гораздо большее количество контрабанды политической, нежели торговой. Посмотримъ, чѣмъ-то онъ удивитъ насъ по пріѣздѣ сюда. Во всякомъ случаѣ то, какъ онъ, проѣзжая черезъ Майнцъ, поступилъ съ графомъ Румянцовымъ, очень мало предупреждаетъ въ пользу его вѣжливости. Недостаточно начинить себя вывезенною изъ Парижа политикою, не мѣшаетъ быть и повѣжливѣе съ добрыми людьми, если хочешь произвести на нихъ хорошее впечатлѣніе.

72.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 8-го Мая 1785.

В. И. В-ву не безъизвѣстно, конечно, о всѣхъ сплетняхъ и черныхъ клеветахъ, которыя, какъ изъ фокуса, исходятъ изъ Потсдама и распространяются по всѣмъ Европейскимъ дворамъ и особливо по дворамъ Германскихъ государей, на счетъ нашихъ видовъ и общихъ проэктовъ. Многія головы безъ сомнѣнія смущаются этими выдумками. Король Прусскій, притворяясь, что всего болѣе хлопочетъ о поддержаніи мира и особенно объ охраненіи Германской конституціи, на самомъ дѣлѣ всѣхъ болѣе, конечно, желалъ бы увлечь нѣкоторыя изъ имперскихъ государствъ или государей въ какія нибудь ложныя мѣропріятія, способныя вливать замѣшательства, а ему самому доставить случай половить рыбу въ мутной водѣ. Особенно сильно его внушенія, вмѣстѣ съ внушеніями еще кое-кого, дѣйствуютъ на Порту, заставляя Турецкое правительство предпринимать вооруженія, столь явныя и столь значительныя, что, какъ ни мало вѣроятности, чтобы Турки рѣшились напасть первые, тѣмъ не менѣе ихъ собственное тупоуміе настолько равняется коварству ихъ подстрекателей, что это обстоятельство требуетъ неусыпнаго вниманія съ нашей стороны. Единственно потому только, что я приготовленъ ко всѣмъ случайностямъ, медлилъ я до сихъ поръ усилить мои войска, расположенныя на границахъ и вообще принять мѣры предосторожности, которыми, полагаю, нашимъ доброжелателямъ хотѣлось бы воспользоваться для того, чтобы вызвать Турокъ на объявленіе мнѣ войны и которыя они поэтому не преминутъ выставить въ глазахъ Порты, какъ враждебные замыслы съ моей стороны противъ Турціи и какъ намѣреніе напасть на нее.

73.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 23 Мая 1785.

Государь мой братъ! Сообщеніе о переговорахъ в. и. в-ва съ Голландцами, которые ведутся въ Парижѣ, равно какъ и объ отвѣтахъ, данныхъ по сему поводу в. и. в-мъ, я приняла, какъ новое свидѣтельство довѣрія и дружбы ко мнѣ в. и. в.-ва и того тѣснаго сближенія, которое такъ счастливо установилось между нами и которое стало существенно нужно для нашихъ обоюдныхъ интересовъ. Повидимому, распря эта близится къ концу, если только интригамъ, которыя затѣваются изъ ненависти къ нашимъ дружескимъ отношеніямъ, не удастся опять затормозить дѣло. Согласно съ желаніями в. и. в-ва, я отправила циркулярное повелѣніе моимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ успокоить пылкія головы по поводу ложныхъ слуховъ и толковъ, распространяемыхъ особенно въ Германіи, объ опасности, которая якобы угрожаетъ самому строю Германской Имперіи. Смѣю надѣяться, что истина заставитъ умолкнуть клевету. Я отправила моему Константинопольскому посланнику весьма опредѣленныя инструкціи держаться одного тона и однихъ рѣчей съ представителемъ в. и. в-ва, моего добраго и вѣрнаго союзника. Отъ моего вниманія не укрылись энергія и достоинство, съ какими в. и. в-во изволили отвѣчать Версальскому кабинету по поводу Турецкихъ дѣлъ, совершенно согласно съ высокою мудростью и осторожностію в. и. в-ва, такъ чтобы слѣдить зорко за вооруженіями Порты, не пренебрегая никакими мѣрами предосторожности, вызываемыми настоящими обстоятельствами, и въ тоже время отлагая всякій рѣшительный шагъ до окончательнаго улаженія дѣлъ съ Голландіею и до тѣхъ поръ, пока волненіе умовъ въ Германіи успѣетъ улечься и затихнуть.

74.

Іосифъ Екатеринѣ.

26 Іюля 1785.

Мнѣ слѣдуетъ еще благодарить В. И. В-во по поводу заявленій, которыя вы благоволили сдѣлать чрезъ вашихъ посланниковъ въ Германіи по поводу нелѣпыхъ басенъ, на основаніи которыхъ тѣмъ не менѣе добрые люди успѣли найти довольно легковѣрныхъ и простаковъ для составленія лиги, ради якобы охраненія Германіи отъ посягательствъ на ея независимость. Если бы Англійскій король, въ качествѣ курфирста Ганноверскаго, не поторопился прежде всѣхъ приступить къ этой лигѣ и не хлопоталъ бы сверхъ того такъ усердно о привлеченіи къ ней и другихъ (что̀, признаюсь, для меня рѣшительно непонятно и можетъ быть объяснено только непослѣдовательностью и тѣми жалкими политическими промахами, которыми съ нѣкоторыхъ поръ отмѣчены всѣ дѣйствія Англійскаго министерства): то эта затѣя рушилась бы сама собою, какъ не имѣющая ни смысла, ни цѣли.

О Туркахъ я не могу сообщить В. И. В-ву ничего, кромѣ того, что̀ уже извѣстно вамъ. Мнѣ было весьма пріятно убѣдиться, что В. И. В-во одобряете отвѣтъ, данный мною по этому поводу Франціи. Корпусъ, приблизительно въ тридцать тысячъ человѣкъ, собранный близъ Софіи, своими неистовствами до такой степени насолилъ мѣстнымъ жителямъ, что эти послѣдніе были вынуждены покинуть свои жилища, такъ что въ настоящее время окрестности этого города представляютъ совершенную пустыню.

75.

Іосифъ Екатеринѣ.

19 Ноября 1785.

Государыня моя сестра! Наконецъ, послѣ разныхъ каверзъ, окончательный договоръ между мною и Голландскою республикою подписанъ въ Фонтенбло. Это обстоятельство подаетъ мнѣ новый поводъ обратиться къ В. И. В-ву съ выраженіемъ моей признатель-

ности какъ за оказанное В. И. В-вомъ столь дѣятельное и дружеское содѣйствіе, такъ и за столь лестное письмо, которое В. И. В-во благоволили доставить мнѣ по этому предмету съ послѣднимъ курьеромъ. Вполнѣ раздѣляю воззрѣніе, которое В. И. В-во изволите выражать въ ономъ касательно Англіи и тѣхъ изъ Германскаго союза государей, которые не приступили къ коалиціи. Всѣ мои дѣйствія уже были соображены согласно съ этимъ обстоятельствомъ и будутъ сообразоваться съ онымъ еще болѣе на будущее время. Эта коалиція, основанная на фактически-ложныхъ предположеніяхъ, можетъ только подтвердить ту печальную истину, что человѣчество въ большей части случаевъ руководствуется гораздо чаще безотчетными увлеченіями, нежели разсудкомъ, и что стоитъ лишь польстить человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, всегда найдутся легковѣрные, готовые поддаться обману, какъ бы ни были нелѣпы способы, употребляемые для достиженія этой цѣли и какія бы ни вытекали изъ этого вредныя послѣдствія. Эта тактика, основанная на пользованіи людскими слабостями, всегда составляла коренное правило Прусской политики, которое, лишивъ Прусскаго короля всякой вѣры и кредита со стороны дворовъ просвѣщенныхъ и вліятельныхъ, въ тоже время доставило ему вліяніе и нѣкотораго рода деспотическую власть надъ мелкими государствами; а они, не имѣя достаточной самостоятельности сами по себѣ, должны по неволѣ приставать къ той или другой партіи. Затѣмъ уже, разъ успѣвъ обольстить ихъ и довести до какой нибудь неблагоразумной выходки, выгодной для него самого, король Прусскій, разумѣется, нисколько не думаетъ спасать ихъ отъ могущихъ произойти послѣдствій, будучи увѣренъ, что всегда найдутся другіе, пригодные для его цѣлей.

76.

Іосифъ Екатеринѣ.

19 Января 1786.

Государыня моя сестра! Прибытіе моего посла графа Кобенцеля доставляетъ мнѣ новый случай засвидѣтельствовать В. И. В-ву мое глубоко-благодарное чувство по поводу восхитительнаго письма, которое онъ мнѣ вручилъ. Все, что̀ онъ устно присоединилъ къ оному относительно справедливости, которую вы благоволите при

всякомъ случаѣ отдавать вѣрнѣйшему и, конечно, преданнѣйшему изъ друзей и усерднѣйшему изъ поклонниковъ В. И. В-ва, дѣлаетъ меня несказанно счастливымъ. Я не перестаю бесѣдовать съ графомъ Кобенцелемъ о Петербургѣ, о Царскомъ Селѣ, планъ котораго В. И. В-во благоволили мнѣ доставить, и о новой постройкѣ, которую вы изволили возвести на Невѣ выше города, наконецъ объ интересномъ путешествіи, въ которомъ онъ имѣлъ счастіе сопутствовать В. И. В-ву и при этомъ убѣдиться, что въ нашемъ званіи, сколько ни желай и какъ ни старайся дѣлать одно добро, приходится не рѣдко встрѣчать въ уплату одну только людскую неблагодарность. Не смотря на то, большинство умѣетъ цѣнить благодѣянія и отдавать справедливость благимъ намѣреніямъ и полезнымъ мѣрамъ государей. Вѣрнѣйшимъ ручательствомъ сего служатъ изъявленія народнаго восторга, всюду встрѣчавшія В. И. В-о.

Въ настоящее время я не могу сообщить В. И. В-ву ничего новаго въ политикѣ; только ненависть и неизлѣчимая подозрительность Прусскаго государя вѣчно вызываютъ какую нибудь новую затѣю; ибо, будь только въ его власти подвигнуть самыя силы ада противъ меня и тѣхъ даже, кто находится со мною въ какихъ либо отношеніяхъ дружбы или общаго интереса, онъ бы ни на минуту не задумался сдѣлать это, не оглядываясь назадъ и не заботясь о возможныхъ послѣдствіяхъ, только бы удовлетворить свою бѣшеную злобу.

Онъ продолжаетъ, съ величайшемъ усердіемъ и пуская въ ходъ свои всегдашніе пріемы, вербовать новыхъ приверженцевъ для такъ называемой Имперской лиги; въ послѣднее время ему захотѣлось раскинуть сѣти этой лиги даже до самаго Константинополя. Имѣются самыя достовѣрныя свѣдѣнія, что ему хочется завязать тѣсныя отношенія съ Турками и увлечь ихъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя бы привели къ войнѣ съ В. И. В-омъ или со мною; впрочемъ до сихъ поръ диванъ оказывался проницательнѣе Майнцскаго курфирста и понимаетъ, что ему нѣтъ никакого резона даваться въ обманъ ради угожденія прихоти и интересамъ Прусскаго короля.

77.

Іосифъ Екатеринѣ.

15 Іюня 1786 г.

Разнообразныя клеветы, которыя изъ Берлина и Дрездена (служащихъ, какъ всегда, главнымъ средоточіемъ подобныхъ сплетенъ, при нѣкоторомъ притомъ участіи Сардинскаго короля) не перестаютъ распускать на мой личный счетъ и на счетъ моихъ яко бы замысловъ, и которыя безконечно занимаютъ политикановъ разныхъ крохотныхъ государствъ, до такой степени грубы и лишены всякаго вѣроятія, что у меня притупилось даже то чувство сожалѣнія, которое онѣ единственно до сихъ поръ внушали мнѣ. Ослабѣвшее было здоровье Прусскаго короля опять оправилось; право, подумаешь, что смерть, которая обыкновенно такъ мало церемонится со всѣми живыми существами, чтитъ сего героя нашего вѣка и не дерзаетъ приступить къ нему. Чтò, впрочемъ, до меня касается, то, смѣю совершенно чистосердечно увѣрить въ томъ В. И. В., я желаю ему отъ души многолѣтняго здравія, и особенно его преемнику — поменьше озлобленія и недовѣрія по отношенію ко мнѣ, чтò могло бы только безконечно послужить ко благу нашихъ подданныхъ и ко всеобщему спокойствію.

Я только что провелъ цѣлый мѣсяцъ за городомъ, въ Лаксенбургѣ, среди избраннаго кружка. Къ этому кружку принадлежали, между прочимъ, князь Лобковицъ и графъ Кобенцель, съ которыми мы имѣли случай много бесѣдовать о сердечной благости В. И. В-ва, о вашей очаровательной манерѣ держать себя въ обществѣ и о всѣхъ великихъ и внушающихъ удивленіе дѣлахъ, которыя В. И. В. не перестаете творить. Мы до того даже простерли нашу смѣлость, что вообразили, будто образъ жизни, который мы вели за это время въ Лаксенбургѣ, былъ бы по душѣ В. И. В-ву. Всѣ мы обходились безъ шпагъ, орденовъ и мундировъ, безъ всякихъ церемоній и комплиментовъ; въ обществѣ нашемъ соблюдалось одно только правило, чтобы каждый дѣлалъ, чтò ему вздумается, и чтобы другіе никогда не спрашивали, зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ. Положеніе этой мѣстности прекрасно и удобно для прогулокъ и охоты за дичью; вечеромъ обыкновенно бывали спектакли, а утро предоставлялось каждому наполнять, какъ угодно. Примѣръ В. И. В-ва до такой степени способенъ вызывать подражаніе, особенно со стороны тѣхъ, кто умѣетъ такъ высоко и справедливо цѣнить всѣ дѣянія В. И. В-ва, что въ настоящемъ случаѣ руководствомъ для насъ служили хотя и не вполнѣ—правила Эрмитажа.

78.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 20 Іюня 1786 г.

Клеветы, измышляемыя врагомъ в. и. в-ва, можно сравнить съ облакомъ пыли, которое, поднимаясь въ воздухѣ, мѣшаетъ на нѣкоторое время различать предметы въ ихъ настоящемъ видѣ; но дождь прекрасныхъ и благихъ дѣлъ в. и. в-ва несомнѣнно прибьетъ и истребитъ эту пыль, и тогда слѣдуетъ предполагать, что люди, которые намѣренно не заслѣпляютъ себѣ глазъ, увидятъ предметы такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Берлина, хотя Прусскій король и дѣлалъ верховую прогулку по своему парку, тѣмъ не менѣе тамъ на мѣстѣ думаютъ, что онъ едва ли переживетъ осень. Здоровье его наслѣдника, кажется, также не обѣщаетъ особенной прочности. Могу сослаться въ этомъ на графа Кобенцеля и принца де-Линь, которые, вѣроятно, въ свое время передали в. и. в-ву о здѣшнихъ происшествіяхъ по этому поводу.

Что̀ до моего дражайшаго братца, короля Шведскаго, то онъ не имѣетъ ни малѣйшаго повода быть довольнымъ своимъ Сеймомъ, созваннымъ на скорую руку, и, какъ в. и. в. изволите замѣчать совершенно вѣрно, съ большою пышностью и Богъ знаетъ изъ за какихъ пустяковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знаю Швецію, то, что̀ для всякой другой страны было бы бездѣлицею, для этого убогаго государства составляетъ дѣло первостепенной важности. Въ головахъ бродятъ всякія тревожныя затѣи да проекты, а въ карманахъ, между тѣмъ, царствуетъ пустота. Тѣмъ не менѣе, говорятъ, е. к. в. замышляетъ поѣздку въ Англію. Увидимъ со временемъ, что̀ за новыя комбинаціи вывезетъ онъ оттуда для блага Швеціи.

79.

Екатерина Іосифу.

Царское Село, 10 Августа 1786.

Государь мой братъ! В. и. в-ву извѣстно, что въ недавнее время Лезгины произвели набѣгъ на Грузію, и при этомъ нашли себѣ поддержку со стороны Ахалцихскаго паши.

Я не могла оставить безъ вниманія дѣйствія столь открыто враждебнаго и направленнаго противъ страны, находящейся подъ моимъ покровительствомъ. Наказаніе паши, зачинщика этихъ безпорядковъ, представлялось мнѣ необходимымъ, и я потребовала онаго отъ Порты, какъ единственнаго средства, которымъ она могла бы внушать повиновеніе своимъ собственнымъ подчиненнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать свое искреннее желаніе сохранить миръ. Но въ настоящее время головы у Оттоманскихъ министровъ, какъ видно, закружились до такой степени, что они не съумѣли предпочесть путь благоразумія и умѣренности. Они отвергли мое предложеніе и даже до того перемѣнили тонъ, что, вмѣсто того, чтобы (какъ это бывало до сихъ поръ) оправдываться тѣмъ, что не было отдаваемо никакихъ приказаній объ оказаніи содѣйствія Лезгинамъ и утверждать невинность паши, Порта дѣлаетъ видъ, что считаетъ спорнымъ самое право мое—оказывать покровительство Грузинскому государю и его подданнымъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ мое неограниченное довѣріе къ в. и. в-ву и тѣсная пріязнь насъ соединяющая вынуждаютъ меня откровенно высказаться предъ в. и. в-омъ на счетъ мѣръ, которыя я признала за благо принять съ одной стороны ради поддержанія моего достоинства, съ другой ради того, чтобы положить предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ посягательствамъ Порты на нарушеніе моихъ границъ и спокойствіе оныхъ:

Я отправила моему послу въ Константинополѣ повелѣніе объявить, что, требуя наказанія поименованнаго паши, я не имѣла въ виду никакой иной цѣли, какъ только явить тѣмъ самымъ Портѣ новое убѣдительное доказательство моего желанія поддержать доброе согласіе съ Турціей; что Портѣ слѣдовало бы самой почувствовать всю необходимость такого рода демонстраціи со стороны, дабы установить спасительный примѣръ для другихъ, хотя при этомъ, по чувству человѣколюбія, я вовсе не желала губить виновнаго пашу и первая стала бы ходатайствовать объ его прощеніи.

Но такъ какъ Порта нашла приличнымъ такъ мало войти въ эти виды, то и я не затрудняюсь отступиться отъ нихъ съ своей стороны, возлагая на Порту всю отвѣтственность за гибельныя послѣдствія, которыя могутъ отъ сего произойти и которыя представляются мнѣ тѣмъ болѣе неизбѣжными, что я твердо рѣшилась не лишать Грузіи моего покровительства и вообще отражать силою всякое, прямое или косвенное, нападеніе, которое Порта захотѣла бы учинить противъ какой либо изъ странъ, подвластныхъ Россійской Имперіи.

Одновременно съ этимъ я должна сообщить в. и. в-ву, что Версальскій дворъ, желая, повидимому, предотвратить серьезныя послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны настоящимъ столкновеніемъ, предложилъ мнѣ свои добрыя услуги для полюбовнаго улаженія онаго. Я поручила моему посланнику Булгакову сообщить Французскому посланнику послѣднія внушенія, которыя ему было приказано сдѣлать Портѣ отъ моего имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить ему, что, желая доказать мою умѣренность въ настоящемъ дѣлѣ, я удовольствуюсь, если Порта командируетъ спеціальнаго коммисара въ ту мѣстность, гдѣ произошли сказанные набѣги,—съ повелѣніемъ ко всѣмъ находящимся въ тѣхъ мѣстахъ Турецкимъ начальникамъ воздержаться впредь отъ таковыхъ нападеній, подъ опасеніемъ султанской опалы и самыхъ тяжкихъ взысканій; но что при этомъ я желаю, чтобы Французскій посланникъ внушилъ это Портѣ отъ своего собственнаго имени, такъ какъ, разъ объявивъ этой послѣдней мою твердую рѣшимость охранять интересы моихъ подданныхъ, я положила затѣмъ не вступать болѣе ни въ какія непосредственныя объясненія по этому предмету съ Турецкимъ правительствомъ.

Если старанія Франціи будутъ искренни, то нѣтъ сомнѣнія, что ея вліяніе въ Константинополѣ можетъ поспособствовать вразумленію Оттоманскаго министерства; но было бы излишне объяснять в. и. в-ву, что всѣ внушенія такого рода будутъ вдвойнѣ дѣйствительны, если онѣ сверхъ того будутъ поддержаны и со стороны в. и. в-ва. Я убѣдительно прошу объ этомъ в. и. в., какъ о новомъ доказательствѣ полнѣйшаго согласія, существующаго между двумя императорскими дворами и ради вящшаго и вящшаго убѣжденія Порты, что она не можетъ задѣть одного изъ насъ, не вызвавъ въ тоже время справедливаго негодованія и со стороны другаго.

Каждое слово в. и. в-ва глубоко напечатлѣно въ моемъ сердцѣ. Дозвольте мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о нѣкоторой поѣздкѣ, по поводу которой вамъ угодно было самымъ дружественнымъ и благосклоннымъ образомъ бесѣдовать со мною еще въ Смоленскѣ.

Эту самую поѣздку я собираюсь предпринять на слѣдующій годъ. Отсюда располагаю выѣхать въ Кіевъ въ началѣ Января по старому стилю; до половины Апрѣля пробуду въ Кіевѣ; затѣмъ сяду на суда на Днѣпрѣ, по которому спущусь внизъ до пороговъ; оттуда сухимъ путемъ проѣду до Херсона, и въ теченіе Мая объѣду Таврическій полуостровъ. Не смѣю простирать моихъ надеждъ слишкомъ далеко, но сочла долгомъ сообщить в. и. в-ву о моихъ путевыхъ сборахъ.

*

Іосифъ уже 9-го Августа писалъ Кауницу: „Судя по всему, мнѣ на этихъ дняхъ предстоитъ получить приглашеніе участвовать въ поѣздкѣ въ Херсонъ. Признаюсь, придумать отвѣтъ на это—дѣло не легкое, но такъ какъ еще есть время впереди, то, можетъ быть, еще и отыщется какой нибудь учтивый предлогъ отказаться". 12-го же Сентября Іосифъ доставилъ Кауницу это самое письмо Екатерины съ слѣдующей припиской отъ себя: „Посылаю вамъ, любезный князь, письмо Императрицы, которое, по миновании надобности, прошу возвратить обратно въ мою канцелярію. Я нахожу очень страннымъ это обращеніе къ моимъ добрымъ услугамъ послѣ того, какъ посредничество предоставлено Франціи и послѣ того результата, который имѣли мои прежнія заявленія, благодаря которымъ Россія пріобрѣла Крымъ; точно также и это, облеченное въ форму постскриптума, приглашеніе скакать въ Херсонъ, представляется мнѣ ужъ черезъ чуръ безцеремоннымъ. Я набросаю черновой отвѣтъ, любезный князь, который сообщу вамъ, и, если вы его одобрите, то потрудитесь отправить или съ Голицынскимъ курьеромъ, или съ нарочнымъ. Отвѣтъ будетъ вѣжливый, короткій но въ тоже время дастъ почувствовать принцессѣ Цербтской *), что не мѣшаетъ соблюдать нѣсколько побольше уваженія и вниманія, если она желаетъ располагать мною".

О своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Екатериною, во время путешествія, Іосифъ отъ 25 Мая 1787 изъ Херсона писалъ Кауницу: „До сихъ поръ было говорено только о вещахъ совершенно безразличныхъ и въ самомъ дружественномъ тонѣ, при чемъ веселость играла гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ политика, такъ какъ желаніе веселиться составляетъ сущность характера Императрицы. Сегодня, однако, завязался политическій разговоръ, впрочемъ отрывочный, во время обѣда за столомъ, накрытымъ на восемьдесятъ кувертовъ, при чемъ оркестръ 120 музыкантовъ исполнялъ концертъ. Императрица и спитъ и видитъ опять перевѣдаться съ Турками; на этотъ счетъ она не принимаетъ никакихъ резоновъ; самолюбіе и постоянная удача ослѣпляютъ ее до того, что она считаетъ себя въ состояніи все сдѣлать одними собственными силами, безъ моего содѣйствія. Этимъ способомъ ей кажется возможнымъ устранить всѣ затрудненія, на которыя я указывалъ ей со стороны Прусскаго короля и Франціи. Я не счелъ нужнымъ поддерживать этотъ разговоръ, понимая, что теперь не время урезонивать ее: она слишкомъ горда всѣмъ, что̀ сдѣлано въ Херсонѣ и чему она придаетъ гораздо болѣе цѣны, чѣмъ все это въ самомъ дѣлѣ стоитъ. Посмотрю, что̀ будетъ далѣе, поведетъ ли она опять аттаку на меня и есть ли возможность поговорить съ нею толкомъ и на досугѣ".

3 Іюня 1787 Іосифъ писалъ Кауницу изъ Севастополя: „Вчера мы прибыли въ знаменитый Севастопольскій портъ, подобнаго которому я, дѣйствительно, никогда еще не видалъ. Въ настоящее время въ немъ стоятъ шестнадцать линейныхъ кораблей и фрегатовъ, вполнѣ вооруженныхъ и готовыхъ распустить паруса. До сихъ поръ наше путешествіе было вполнѣ благополучно и весьма пріятно. Бахчисарай, нѣкогда резиденція хановъ, представляетъ

*) Тутъ непереводимое выраженіе: à la princesse de Zerbst catherinisée, объекатеринившейся принцессѣ Цербтской.

общую картину всѣхъ Турецкихъ городовъ съ ихъ нравами и обычаями, что̀ очень любопытно посмотрѣть. Императрица весьма въ духѣ и, повидимому, всѣмъ очень довольна. Ея воображеніе до того разыгралось вслѣдствіе постояннаго успѣха всѣхъ ея предпріятій, что я не знаю, способна ли она будетъ сознать истины, изложенныя въ запискѣ, которую вы мнѣ дали съ собою; во всякомъ случаѣ я подожду сообщать ей эту записку до конца путешествія. Впрочемъ ея расположеніе ко мнѣ, кажется, вполнѣ искренно; вчера она поднялась съ мѣста и, въ виду флота, обратясь ко мнѣ, выпила за здоровье „своего лучшаго друга, которому она обязана обладаніемъ Крымомъ и тѣмъ удовольствіемъ, которое доставляетъ ею все что̀ она передъ собою видитъ“.

80.

Іосифъ Екатеринѣ.

22 Декабря 1786.

Государыня моя сестра! Настоящее письмо внушено потребностію присоединить и мой голосъ ко всѣмъ тѣмъ, которые будутъ желать В. И. В-ву счастливаго пути, совершеннаго здоровья и полнаго удовольствія. В. И. В-во не усомнитесь, я увѣренъ, въ искренности моихъ благожеланій и повѣрите чувству удовольствія, которое доставляетъ мнѣ увѣренность, что путешествіе В. И. В-ва состоится и доставитъ мнѣ случай лично засвидѣтельствовать В. И. В-ву, что чувства графа Фалькенштейна неспособны измѣняться, и что продолженіе дружбы, которую вы изволили ему оказывать, составляетъ предметъ всѣхъ его желаній. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю я, когда настанетъ это время и уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для того, чтобы имѣть возможность осуществить сію надежду безъ ущерба моимъ государственнымъ обязанностямъ, и быть свидѣтелемъ того счастія, которымъ присутствіе В. И. В-ва имѣетъ исполнить сердца вашихъ новыхъ подданныхъ, еще никогда не видавшихъ своей Государыни и доселѣ имѣвшихъ о ней только то представленіе, какое можетъ внушать одно чувство страха, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ В. И. В-во изволите осыпать ихъ благодѣніями *).

---

*) Кауницу Іосифъ еще отъ 20 Ноября писалъ: „Посылаю вамъ, любезный князь, письма, полученныя мною изъ Россіи. Изъ нихъ вы увидите, что тамъ не допускаютъ даже и сомнѣнія въ моемъ прибытіи, и я не вижу другаго выхода, какъ ѣхать—тѣмъ способомъ, какой предлагаетъ графъ Кобенцель, а именно прибыть въ Кіевъ къ самому отъѣзду Императрицы, а изъ Херсона уѣхать прямо во свояси. Для того чтобы отдѣлаться однимъ только пребываніемъ въ Кіевѣ, пришлось бы туда и обратно ѣхать въ самое дурное время года и притомъ ничего не видать. По первому же способу по крайней мѣрѣ обратный путь будетъ хорошъ. Ожидаю по этому предмету вашихъ добрыхъ совѣтовъ и прошу считать меня вашимъ сердечнымъ другомъ. Іосифъ“.

81.

Іосифъ Екатеринѣ.

Безъ означенія числа (15 Февраля 1787).

Чѣмъ болѣе близится минута, когда графъ Фалькенштейнъ, котораго В. И. В-во благоволили не забыть, можетъ надѣяться имѣть счастіе опять увидѣть васъ, тѣмъ болѣе усиливаются его нетерпѣніе и желаніе, чтобы эта минута наступила какъ можно скорѣе.

Самолюбіе, это чувство, отъ котораго человѣкъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться, побуждаетъ меня не скрыть отъ В. И. В-ва, что графъ Фалькенштейнъ имѣетъ предстать предъ вами съ внѣшностью очень потерпѣвшею, частію отъ времени. Его голову въ настоящее время прикрываетъ парикъ; но наиболѣе его состарило постоянное напряженіе, требуемое работою, столько же непрерывною и трудною, сколько, очень часто, и неблагодарною, подъ гнетомъ которой въ значительной мѣрѣ утратилась его прежняя природная веселость. Одно лишь сердце, да преданность В. И. В-ву остались неизмѣнны какъ были, потому что надъ ними невластны ни время, ни обстоятельства, и вотъ во имя ихъ-то осмѣливаюсь заранѣе просить В. И. В-во для графа Фалькенштейна о томъ снисхожденіи, котораго В. И. В-во благоволили уже явить по отношенію къ нему столько несомнѣнныхъ доказательствъ.

82.

Екатерина Іосифу.

30 Октября 1787 г.

Подробности, которыя в. и. в-ву угодно было сообщить мнѣ относительно мѣръ, принятыхъ вами для поддержанія дѣла, во имя стольких причинъ общаго для насъ, не оставляютъ мнѣ ничего болѣе желать въ настоящее время. Надѣюсь, что и в. и. в. одобрите распоряженія, сдѣланныя мною для того, чтобы поставить нашего общаго врага въ невозможность вредить намъ. Подробности касательно этихъ распоряженій мое министерство сообщило посланнику в. и. в-ва. Операціонный планъ, относительно котораго намъ

предстоитъ условиться, имѣетъ получить впослѣдствіи большее развитіе и опредѣленность въ зависимости отъ обстоятельствъ и случайностей самой войны.

Моимъ генераламъ отдано приказаніе поддерживать возможно болѣе частыя сношенія съ генералами в. и. в-ва. Надѣюсь, в. и. в-во не сомнѣваетесь, что никто такъ, какъ я, не радуется улаженію вашихъ дѣлъ въ Нидерландахъ. Голландскіе патріоты разсчитывали на обѣщанія и помощь со стороны; будучи предоставлены однѣмъ собственнымъ силамъ, они должны были уступить, но я сама не знаю, почему не могу убѣдить себя въ томъ, что это дѣло улажено окончательно.

Мой дражайшій сосѣдъ съ береговъ Ботническаго залива испугался, какъ видится, что никто не вспомнитъ объ немъ въ настоящую минуту, и съ этой цѣлью затѣялъ экскурсію въ Берлинъ; не знаю, право, ужъ не духовъ ли отправился онъ туда разыскивать. Какъ полагаете, в. и. в-во: поведетъ ли эта выходка къ какому нибудь взрыву или ограничится однимъ дымомъ? Быть можетъ, она служитъ толькою пищею для неугомоннаго воображенія самого путешественника.

83.

Іосифъ Екатеринѣ.

7 Февраля 1788 г.

Государыня моя сестра! Съ настоящимъ курьеромъ В. И. В. изволите получить копію съ формальнаго объявленія войны, которое передано Портѣ чрезъ моего интернунція. Если В. И. В. въ этомъ поступкѣ съ моей стороны изволите признать новое и положительнѣйшее доказательство моей дружбы и искренности моихъ поступковъ, то это доставитъ мнѣ то нравственное удовлетвореніе, которое составляетъ единственную достойную награду такого рода поступковъ. Отнынѣ непріятель В. И. В-ва сталъ и моимъ врагомъ, и я не упущу ничего, дабы возможно скорѣе принудить его раскаяться въ его дерзновеніи противъ васъ и доставить В. И. В-ву всякое удовлетвореніе, какого вы только въ правѣ требовать. Съ этой минуты единство тона, твердость и полное единодушіе всѣхъ дѣйствій составляютъ нашъ долгъ по отношенію какъ къ Портѣ, такъ и ко всякому, кто захотѣлъ бы вмѣшаться въ предстоящую

войну и особливо—воспользоваться ею для доставленія себѣ выгодъ или матеріальнаго приращенія, которое можетъ и должно послужить не иначе, какъ къ общему ущербу насъ обоихъ.

Простите мнѣ В. И. В-во эти соображенія; онѣ не укроятся отъ вашей проницательности, тѣмъ болѣе, что вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ правиламъ справедливости и вѣрности въ союзѣ, въ которыхъ В. И. В-во благоволили столь многократно удостовѣрять меня.

Я разсчитываю отправиться къ арміи въ началѣ Марта, если только разливъ рѣкъ, столь часто встрѣчающійся въ эту пору года въ тѣхъ мѣстностяхъ, не поставитъ неодолимыхъ препятствій моей доброй волѣ начать кампанію какъ можно ранѣе и исполнить все, зависящее отъ меня, конечно, со всею ревностію и усердіемъ къ другу и союзницѣ, за дѣло которой я иду сражаться и за обиду которой мнѣ предстоитъ отомстить.

84.

Іосифъ Екатеринѣ.

Землинскій лагерь, 16 Іюня 1788 года.

Не по недостатку желанія и доброй воли, конечно, не успѣлъ я до сихъ поръ приступить къ осадѣ Бѣлграда. Наводненія, происшедшія благодаря недостроеннымъ плотинамъ, и многія другія препятствія не дозволили мнѣ сдѣлать этого нынѣшней весною. Въ настоящее время я со дня на день ожидаю появленія Турецкой арміи. Если только это не окажется самъ великій визирь, я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ, который представится, чтобы образумить Турокъ и дать имъ почувствовать, что В. И. В-во нельзя оскорблять безнаказанно, и что у васъ есть друзья, готовые съ не совсѣмъ обыкновенной энергіей взять вашу сторону.

Я не могу прійти въ себя по поводу вооруженій, затѣваемыхъ въ Карлскронѣ, и всѣхъ слуховъ, которые доходятъ оттуда. Нѣтъ, пиши только Сервантесъ свой романъ въ наши времена, онъ никогда бы не подумалъ избрать героемъ онаго никого другаго, кромѣ сосѣда В. И. В-ва, и міру не пришлось бы, навѣрное, никогда узнать имени Донъ-Кихота.

85.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 7 Іюля 1788 года.

Подражатель Ламаншскаго героя, о которомъ в. и. в. изволите упоминать въ вашемъ письмѣ, теперь окончательно сбросилъ маску. Я узнаю, что онъ торжественно возложилъ на себя доспѣхи Густава Адольфа и, облеченный въ латы, наручники и набедренники, вторгся въ мои владѣнія среди Финляндскихъ скалъ. До сихъ поръ всѣ его подвиги ограничились убіеніемъ одного престарѣлаго офицера да двухъ гарнизонныхъ солдатъ, которые, ничего не подозрѣвая, мирно плыли себѣ въ Нишлотъ на баркѣ, нагруженной дровами. Отъѣзжая изъ Стокгольма, Шведскій король приглашалъ тамошнихъ дамъ на завтракъ, который намѣревался дать имъ въ Петергофѣ. Въ приказѣ къ своему войску онъ обѣщалъ затмить подвиги Густава Адольфа и довершить начатое Карломъ XII; но, если не ошибаюсь, первый готовился сражаться противъ невѣрныхъ, отъ которыхъ его послѣдователь получаетъ въ настоящее время деньги, а второй положилъ начало упадку Швеціи.

Изъ нотъ и деклараціи, сообщенныхъ вашему посланнику, в. и. в-во изволите увидѣть, на какой тонъ фанфаронства настроилъ себя его Шведское величество. В. и. в-во изволите найти въ нихъ неприличіе выраженій рядомъ съ предложеніями самой вопіющей нелѣпости; это настоящій горячечный бредъ. Тѣмъ не менѣе я не могу скрыть досады, которую причиняетъ мнѣ это непредвидѣнное обстоятельство, по необходимости замедляя прибытіе моего флота къ мѣсту его первоначальнаго назначенія. Я не могу еще сказать съ точностію, откуда и въ какой мѣрѣ его Шведское величество можетъ разсчитывать найти себѣ поддержку.

86.

Іосифъ Екатеринѣ.

Землинъ, 7 Августа 1788 года.

Государыня моя сестра! Въ то самое время, когда я готовился засвидѣтельствовать В. И. В-ву живѣйшее и искреннее участіе, принимаемое мною въ многократныхъ успѣхахъ, одержанныхъ вашимъ военнымъ флотомъ надъ капитанъ-пашею, и ожидалъ только извѣстій о дальнѣйшихъ результатахъ непостижимой затѣи Шведскаго короля, въ это самое время я получилъ письмо отъ В. И. В-ва, и въ ономъ извѣстіе, что король самымъ несправедливымъ и недостойнымъ способомъ позволилъ себѣ начать непріязненныя дѣйствія, и мало того, осмѣлился заявить В. И. В-ву самыя смѣшныя и нелѣпыя требованія. Не могу придти въ себя отъ изумленія и, конечно, никогда не думалъ, чтобы нашелся человѣкъ способный рѣшиться на что либо подобное относительно В. И. В-ва. Вообразите, В. И. В-во, онъ простеръ свое безуміе до того, что поручилъ своему посланнику въ Вѣнѣ Цельзингу сдѣлать мнѣ предложеніе въ томъ смыслѣ, что въ силу-де рѣшительнаго вліянія и кредита, которыми онъ пользуется отъ Порты, онъ берется немедленно уладить для меня отдѣльный миръ съ Турками, и желалъ бы только, чтобы я сообщилъ ему условія, на которыхъ я рѣшусь идти на мировую. Много на моемъ вѣку приходилось мнѣ видѣть людей фальшивыхъ по характеру и поступкамъ, но я еще не видалъ такихъ, которые бы считали и всѣхъ другихъ способными на еще большія низости, чѣмъ они сами. Съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ я объ исходѣ морской битвы между адмираломъ Грейгомъ и Шведскимъ флотомъ, отъ которой ожидаю самыхъ счастливыхъ послѣдствій. Признаюсь, видѣть въ рукахъ В. И. В-ва флагъ герцога Зюдерманландскаго мнѣ было бы еще пріятнѣе, чѣмъ даже флагъ самого капитанъ-паши, какъ ни славно взятіе сего послѣдняго.

Глубоко цѣню всю любезность того, что̀ въ письмѣ В. И. В-ва относится лично ко мнѣ. Я живо принималъ къ сердцу всю непріятность невольнаго замедленія военныхъ операцій съ моей стороны; но нужно знать всѣ подробности, все протяженіе и расположеніе моихъ границъ, дабы правильно судить о причинахъ этого замедленія. Покамѣстъ для меня весьма отрадно знать, что этимъ обстоятельствомъ не нанесено по крайней мѣрѣ никакого ущерба интересамъ В. И. В-ва.

87.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 7 Октября 1788.

Государь мой братъ!

Несправедливые, оскорбительные, смѣшные и даже лишенные всякаго здраваго смысла поступки Шведскаго короля были весьма способны вызвать негодованіе в. и. в-ва. Оно могло только усилиться вслѣдствіе предложенія, съ которымъ осмѣлился обратиться къ в. и. в-ву Шведскій посланникъ въ Вѣнѣ относительно заключенія отдѣльнаго мира съ Портою въ силу рѣшительнаго вліянія, которымъ-де король Шведскій обладаетъ въ Константинополѣ. По видимому однако это вліяніе до сихъ поръ оказалось безсильнымъ доставить ему самому даже денежное воспомоществованіе, въ которомъ онъ, между тѣмъ, нуждается до зарѣза. Судя по доходящимъ до меня извѣстіямъ, войска его будто бы терпятъ нужду въ весьма многомъ, а именно въ деньгахъ, въ провизіи, въ аммуниціи, въ обмундировкѣ; и при такихъ-то условіяхъ его Шведское величество изволитъ мечтать о завоеваніяхъ! Его флотъ, до сихъ поръ запертый въ Свеаборгской гавани, представляетъ довольно убѣдительное доказательство того, что лживымъ реляціямъ Шведскаго короля не измѣнить побѣды, одержанной въ морскомъ сраженіи 6 Іюля. В. и. в-ву, безъ сомнѣнія, уже извѣстно, что для увѣнчанія своихъ подвиговъ онъ кинулся, какъ онъ самъ выражается, въ объятія однихъ только королей: Французскаго и Испанскаго, для полученія мира при ихъ посредствѣ, и въ тоже самое время обратился опять таки къ однимъ только королю Прусскому и королю Англійскому съ той же убѣдительнѣйшею просьбою о посредствѣ по тому же самому предмету, и, этого мало, велѣлъ еще передать своему шурину королю Датскому, что ему одному онъ предоставляетъ уладить для него заключеніе мира со мною. Такое же точно предложеніе, надо полагать, было сдѣлано имъ и Генеральнымъ Штатамъ и, повидимому, опять также исключительно имъ однимъ, и никому другому. Такъ какъ нельзя сказать, чтобы король Шведскій съумѣлъ выбрать близкій и вѣрный путь къ заключенію мира, то я предвижу изъ двухъ одно: или онъ вовсе и не желаетъ мира, или онъ намѣренъ зажечь пламя пожара въ цѣлой Европѣ. Отвѣты, данные мною всѣмъ этимъ посредникамъ, изъ которыхъ притомъ каждый въ данную минуту считалъ себя единственнымъ избраннымъ для сей цѣли, я приказала сообщить министерству в. и. в-ва.

88.

Іосифъ Екатеринѣ.

Adoing, 24 Ноября 1788 г.

Государыня моя сестра! Я получилъ письмо, которое В. И. В-во изволили доставить мнѣ съ вашимъ курьеромъ, и обязанъ принести В. И. В-ву тысячу благодарностей за лестное участіе, которое вы благоволили принимать въ состояніи моего здоровья. Мнѣ теперь лучше, но осталось еще затрудненіе въ дыханіи, похожее на одышку, которое не уступаетъ лѣченію. Я нахожу неподражаемымъ это множество единственныхъ посредниковъ, призванныхъ хлопотать о мирѣ для Шведскаго короля, но не могу скрыть моего удивленія по поводу продѣлокъ всякаго рода и во всѣхъ направленіяхъ, которыя дозволяетъ себѣ относительно В. И. В-ва Прусскій король. Вы изволите видѣть теперь, что я ничего не преувеличивалъ, считая Берлинскій дворъ отчаяннѣйшимъ изъ враговъ нашихъ и вреднымъ для общихъ интересовъ. Онъ поступилъ съ неслыханнымъ вѣроломствомъ, вдругъ сбросивъ личину относительно В. И. В-ва; а что̀ до меня касается, то его коварные замыслы разсчитаны на то, чтобы всячески запутать меня въ свои сѣти; онъ простираетъ свои интриги даже въ предѣлы моихъ собственныхъ владѣній и стремится вызвать мнѣ всякаго рода затрудненія *).

*) Въ собственноручномъ письмѣ къ Кауницу Іосифъ высказался еще отъ 28 Октября 1788 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Любезный князь. Вы, замѣтили, безъ сомнѣнія, подобно мнѣ, что продѣлки Прусскаго кабинета и пока еще скрываемые отъ публики замыслы министра Герцберга становятся таковы и выступаютъ наружу съ такою силою, что требуютъ съ нашей стороны принятія самыхъ серьезныхъ мѣръ для предупрежденія ихъ пагубныхъ послѣдствій. Потому прошу васъ сообщить мнѣ, какъ, вы полагаете, слѣдуетъ поступить, такъ какъ на этотъ разъ дѣло идетъ ни о чемъ иномъ, какъ о томъ, чтобы вынудить у меня уступки, вызвавъ для этой цѣли бунтъ въ Венгріи, не говоря уже о замыслахъ, которые онъ имѣетъ, въ виду будущаго мира съ Портою, на заключеніе съ нею союза, что̀ имѣло бы самыя гибельныя слѣдствія въ настоящемъ и будущемъ. Россія не можетъ болѣе сомнѣваться въ его враждебныхъ замыслахъ относительно ея самой. Прусская декларація, обращенная къ Польшѣ, другая, обращенная къ Даніи по поводу яко бы союзническаго содѣйствія, оказаннаго ею Россіи противъ Швеціи, слишкомъ очевидно обнаруживаютъ его намѣренія. Въ виду этого Россія должна будетъ убѣдиться, что съ Портою ничего нельзя сдѣлать, пока не удастся заставить присмирѣть Прусскаго короля. Почти въ томъ же самомъ положеніи находится относительно его и Франція. Всѣ внушенія, дѣлаемыя имъ Портѣ съ цѣлію лишить Францію ея вліянія въ Константинополѣ, наконецъ его тѣсныя связи съ Англіей и Голландіей должны, конечно, открыть ей глаза на счетъ его дальнѣйшихъ видовъ. Такимъ образомъ, сообщивъ этимъ державамъ его замыслы на счетъ Польши, а черезъ ихъ посредства сдѣлавъ оные извѣстными Портѣ и Польшѣ, я думаю,

Я видѣлъ конфиденціальную ноту, сообщенную, по вашему повелѣнію, княземъ Голицынымъ князю Кауницу. Дозвольте мнѣ сослаться на отвѣтъ, который графъ Кобенцель имѣетъ порученіе отъ моего имени сообщить вашему министерству. Я полагаю, что предъ цѣлымъ свѣтомъ заявилъ себя вѣрнѣйшимъ союзникомъ и искреннѣйшимъ другомъ В. И. В-ва, который, въ то время, когда дѣло шло объ интересахъ В. И. В-ва, не считалъ для себя невозможнымъ даже того, что̀ для многихъ могло бы показаться таковымъ. Упоминаю объ этомъ ради того только, чтобы В. И. В-во изволили быть увѣренною, что, если я когда либо заявляю о невозможности для меня чего либо, то невозможность эта дѣйствительно неодолимая. Таковою было бы напримѣръ веденіе войны одновременно съ Портою и съ Прусскимъ королемъ; я не въ силахъ буду обороняться отъ обоихъ, не рискуя понести несомнѣнныхъ и весьма чувствительныхъ утратъ такъ какъ, на мое несчастіе, ихъ владѣнія и владѣнія ихъ союзниковъ граничатъ съ моими собственными, на всемъ протяженіи сихъ послѣднихъ, за исключеніемъ одной лишь Ломбардіи.

В. И. В. обладаете слишкомъ справедливымъ, слишкомъ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, чтобы не сознавать какъ обязанностей, которыя лежатъ на каждомъ государѣ относительно его собственнаго государства и его потомковъ, такъ и того, что я не имѣю права подвергать мою собственную монархію и моихъ подданныхъ риску столь очевидной гибели. Потому отъ мудрости В. И. В-ва будетъ зависѣть избрать вѣрнѣйшіе и наиболѣе быстрые способы для дальнѣйшихъ мѣропріятій и убѣдиться въ томъ, кто изъ враговъ вашихъ желаетъ и способенъ нанести наиболѣе вреда В. И. В-ву.

что его интриги останутся безъ успѣха, и что Порта и Польша должны будутъ убѣдиться, что всѣ его льстивыя рѣчи и заманчивыя предложенія ничто иное какъ западня, разставляемая съ цѣлію заставить ихъ, къ ихъ собственному ущербу, содѣйствовать увеличенію его владѣній. Сообразите же, прошу васъ, не могло ли бы все это ускорить заключеніе союза между Франціей и Россіей, а, можетъ быть, и способствовать заключенію мира съ Портою, чтобы совершенно разстроить его происки и замыслы какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Прощайте; я набросалъ вамъ мои мысли; приведите ихъ въ порядокъ на пользу государства. Іосифъ“.

89.

Іосифъ Екатеринѣ.

9 Февраля 1789.

Надѣюсь, что В. И. В-во изволите найти соотвѣтствующими вашимъ видамъ тѣ заявленія, которыя мнѣ удалось вызвать въ Константинополѣ со стороны Французскаго посланника. Эта мѣра оказалась настоятельно необходимою вслѣдствіе поспѣшности, съ какою Прусскіе министры начали приводить въ дѣйствіе свои опасные замыслы, и успѣховъ, по видимому, уже достигнутыхъ ими. Я желаю, чтобы Порта сознала свою истинную пользу, но весьма сомнѣваюсь, чтобы до открытія кампаніи удалось выиграть время, необходимое для улаженія хотя нѣкоторыхъ предварительныхъ условій мира, на столько, чтобы имѣть возможность пріостановить военныя дѣйствія.

Тѣмъ болѣе необходимо и важно, чтобы В. И. В-во благоволили увѣдомить меня о повелѣніяхъ, которыя вы изволите отдать начальствующимъ вашими войсками, и о томъ, куда имѣютъ направиться сіи послѣднія. Я вовсе не желаю имѣть заранѣе условленнаго плана кампаніи, какіе обыкновенно обдумываются напередъ, и затѣмъ никогда не приводятся въ исполненіе; для меня достаточно будетъ знать, только въ самыхъ крупныхъ и общихъ чертахъ, цѣли и главныя предначертанія, которыя вы изволите указать вашимъ главнокомандующимъ, дабы я съ своей стороны могъ сообразоваться съ оными, и дабы, не дѣйствуя на перерѣзъ и не мѣшая другъ другу, мы могли въ тоже время быть взаимно наиболѣе полезными другъ другу. Лично для меня будетъ также весьма важно узнать, въ какое именно время войска В. И. В-ва будутъ въ состояніи начать военныя дѣйствія, и все это ради того только, что меня одушевляютъ чувства самой чистой дружбы и самаго искренняго усердія быть для В. И. В-ва, дѣйствительно, на столько полезнымъ союзникомъ, на сколько я бы того желалъ. Покамѣстъ я предписалъ принцу Кобургскому и князю Гоэнлоэ, командующимъ моими войсками въ Трансильваніи, дѣйствовать, на сколько-то возможно при ихъ силахъ и въ настоящее время года, въ совершенномъ согласіи съ войсками В. И. В-ва.

90.

Іосифъ Екатеринѣ.

Безъ означенія числа (19 Мая 1789).

Заключающіяся въ письмѣ В. И. В-ва завѣренія въ содѣйствіи вашихъ силъ противъ вторженія въ Галицію снова одушевляютъ меня надеждою среди кризиса, угрожающаго мнѣ опасностію каждую минуту. Такъ какъ вслѣдствіе сего мнѣ въ настоящее время дорогъ каждый день, то я надѣюсь, что въ скорѣйшемъ времени буду выведенъ изъ безпокойства относительно дѣйствительнаго осуществленія повелѣній, отданныхъ В. И. В-омъ съ цѣлію скорѣйшаго оказанія мнѣ сказанной помощи, и получу наконецъ отвѣтъ, до сихъ поръ еще ожидаемый мною отъ князя Потемкина на письмо, которое я писалъ ему отъ 31 Марта, какъ по этому предмету, такъ и по поводу одобреннаго В. И. В-омъ проекта вынудить, посредствомъ совокупныхъ операцій нашихъ войскъ, Турокъ къ непосредственному заключенію мира, предупредивъ этимъ стяженіе Оттоманскихъ силъ и непріязненныя мѣры со стороны другихъ завидующихъ намъ государствъ. Между тѣмъ изъ извѣстій, привезенныхъ генераломъ Іордисомъ, котораго принцъ Кобургскій недавно посылалъ въ Яссы, оказывается, что этотъ проектъ встрѣчаетъ затрудненія, не позволяющія надѣяться, чтобы удалось еще долго сдержать, какъ замыслы Пруссіи, такъ равно и то нетерпѣніе, съ каковымъ Англія добивается вмѣшаться въ переговоры о мирѣ, и предварить самый миръ заключеніемъ генеральнаго перемирія. Это затрудненіе поставило меня въ необходимость уже въ настоящее время войти въ объясненіе съ королемъ Прусскимъ гораздо далѣе, чѣмъ это было бы желательно мнѣ, будь только хоть какое нибудь вѣроятіе, что мы будемъ въ состояніи одними только нашими собственными усиліями окончить Турецкую войну довольно скоро, чтобы предупредить гибельныя послѣдствія перенесенія оной на иной, болѣе обширный театръ.

Какъ бы то ни было, я приказалъ, согласно съ мнѣніемъ В. И. В-ва, одному изъ моихъ двухъ министровъ, давно предназначенныхъ на случай переговоровъ о мирѣ, немедленно же отправиться къ князю Потемкину, въ чаяніи, что генералиссимусомъ В. И. В-ва уже получены повелѣнія, вполнѣ соотвѣтствующія какъ моимъ желаніямъ, такъ равно и нашимъ взаимнымъ обязательствамъ и положенію дѣлъ, такъ какъ намѣреніе Пруссіи дѣйствовать наступательно противъ одного меня такъ же несомнѣнно въ настоящее

время, какъ несомнѣнна и невозможность для меня воевать съ Пруссіею и въ тоже время держаться одному противъ всѣхъ Оттоманскихъ силъ.

Свойственныя В. И. В-ву справедливость и величіе души не допускаютъ меня сомнѣваться, что В. И. В-во не отдѣляете вашей собственной чести и безопасности отъ чести и безопасности союзника, который самымъ дѣломъ и цѣною самыхъ тяжкихъ испытаній засвидѣтельствовалъ свои чувства въ этомъ отношеніи. Эта мысль внушаетъ мнѣ безусловное довѣріе ко всѣмъ будущимъ рѣшеніямъ В. И. В-ва и подаетъ мнѣ надежду на полученіе (на счетъ предстоящаго намъ взаимнаго соглашенія по поводу предложеній Лондонскаго и Берлинскаго дворовъ) отъ В. И. В-ва такого отвѣта, который способенъ будетъ привести къ развязкѣ настоящаго кризиса, одинаково полезной, или по крайней мѣрѣ одинаково вѣрной и почетной для нашихъ обоихъ дворовъ. Подобный исходъ еще болѣе скрѣпитъ соединяющія насъ узы взаимной дружбы и увѣковѣчитъ благія послѣдствія оной къ вящшей славѣ и благополучію нашихъ обоихъ государствъ.

91.

Іосифъ Екатеринѣ.

2 Октября 1789.

Государыня моя сестра! Я на нѣсколько дней отложилъ мои поздравленія В. И. В-ву по поводу счастливыхъ успѣховъ, достигнутыхъ вашими сухопутными войсками и флотомъ противъ Шведскаго короля, надѣясь и желая въ скоромъ времени присоединить къ онымъ такія же поздравленія съ побѣдами, одержанными, и притомъ съ участіемъ моихъ собственныхъ войскъ, надъ Турками. Эта счастливая минута наступила: великій визирь разбитъ при Мартинешти генераломъ Суворовымъ и принцемъ Кобургскимъ, Гассанъ-паша пораженъ княземъ Репнинымъ, и я спѣшу выразить В. И. В-ву по этому случаю всю мою радость и все мое сочувствіе новой славѣ В. И. В-ва и той радости, которую В. И. В. сами долженствуете испытывать. Желаю и надѣюсь, что осада Бѣлграда, начавшаяся, не взирая на всѣ трудности, воздвигаемыя стихіями, и все остальное, увѣнчается счастливымъ успѣхомъ, и что такимъ образомъ, независимо отъ успѣховъ, которые оружіе В. И. В-ва навѣрно

еще имѣетъ одержать въ Молдавіи и Бессарабіи, мы принудимъ Порту, не взирая на ея ложныхъ друзей и совѣтниковъ, заключить наконецъ этой зимой почетный миръ, и я буду счастливъ сознаніемъ, что успѣлъ доказать цѣлому міру, какимъ слѣдуетъ быть союзнику такого друга, какъ В. И. В. Этотъ миръ становится тѣмъ болѣе желательнымъ, что коварные и опасные, особливо для меня, замыслы со стороны Прусскаго короля, раскрываясь съ каждымъ днемъ все съ большею ясностію, принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ; въ тоже время какая-то горячка, которая овладѣла умами и населеніемъ почти всей Европы, привыкшей перенимать всѣ Французскія моды, ослѣпляясь громкими фразами Французовъ о свободѣ, дѣйствительно, повидимому, требуетъ и дѣлаетъ какъ нельзя болѣе необходимымъ, чтобы двѣ державы, подобныя нашимъ, могли снова воспользоваться миромъ и спокойствіемъ извнѣ, дабы имѣть возможность сдержать всякую вспышку, которая вслѣдствіе настоящихъ обстоятельствъ можетъ обнаружиться внутри государства *).

92.

Іосифъ Екатеринѣ.

19 Октября 1789.

Государыня моя сестра! Послѣ того какъ я въ послѣднемъ письмѣ моемъ имѣлъ честь сообщить В. И. В-ву о взятіи Бѣлграда, послѣдовало взятіе Семендріи, и насколько то позволятъ настоящее время года и обстоятельства, войска мои будутъ продолжать пользоваться одержанными ими успѣхами, имѣя притомъ своею главною цѣлію достигнуть заключенія скораго и достойнаго мира, который съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе желательнымъ, въ виду Англійскихъ и Прусскихъ происковъ и, наконецъ, того затруднительнаго положенія, которое въ настоящее время испытываетъ почти вся Европа и особливо нѣкоторыя изъ моихъ провинцій вслѣдствіе дурнаго урожая. Смѣю сослаться на сообщенія, съ которыми графъ Кобенцель имѣетъ по этому поводу обратиться къ министрамъ

---

*) Кауницу Іосифъ пишетъ отъ 24 Сентября: „Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что слѣдуетъ безотлагательно постараться заключить миръ съ Портою послѣ этой кампаніи; ради этого, можно было бы даже отдать и Бѣлградъ, если онъ будетъ взятъ, буде не удастся удержать его за собою, подъ условіемъ совершеннаго срытія укрѣпленій“.

В. И. В-ва, и ласкаю себя надеждою, что В. И. В. изволите одобрить и найти согласнымъ съ вашими видами и интересами то внушеніе, которое я поручилъ Французскому посланнику сдѣлать въ Константинополѣ; казалось бы, оно должно раскрыть, наконецъ, Туркамъ глаза относительно ихъ пагубныхъ совѣтниковъ и такимъ образомъ разстроить интриги нашихъ недоброжелателей.

93.

Іосифъ Екатеринѣ.

7 Декабря 1789.

Пользуюсь отправкою настоящаго курьера, дабы принести В. И. В-ву мои искреннѣйшія поздравленія по случаю взятія Бендеръ, тѣмъ болѣе радостнаго, что оно обошлось безъ потери добрыхъ воиновъ, которыхъ жизнь всегда драгоцѣнна. Такимъ образомъ оборонительная линія составилась очень благопріятно, и Турки вытѣснены со всего лѣваго берега Дуная, въ виду того, что я отдалъ повелѣніе принцу Кобургскому и князю Гоэнлоэ занять всю Валахію, а Оршова блокируется фельдмаршаломъ Лаудономъ, который занялъ Кладову и расположилъ свои аванпосты вдоль рѣки Тимока, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ границамъ, выговореннымъ по Пассаровицкому миру. Вотъ какъ много оказывается данныхъ для заключенія мира, который съ каждымъ днемъ становится все болѣе желательнымъ въ виду Прусскихъ каверзъ. Смѣю сослаться на сообщенія, которыя графъ Кобенцель имѣетъ порученіе сдѣлать министерству В. И. В-ва по этому поводу, равно какъ и относительно побужденій, заставившихъ меня сдѣлать нѣкоторыя однородныя попытки въ Лондонѣ. Ласкаю себя надеждою, что онѣ будутъ одобрены В. И. В-омъ какъ единственныя, по крайней мѣрѣ, еще способныя предупредить всеобщій Европейскій пожаръ. На всякій случай я принимаю мѣры для самообороны противъ возможныхъ нападеній и самыхъ вопіющихъ замысловъ со стороны Пруссіи, о чемъ графъ Кобенцель будетъ также имѣть честь доложить В. И. В-ву; но какія бы ни предстояли впереди событія, я всего болѣе уповаю на дружбу, на дѣятельное содѣйствіе В. И. В-ва, и на то необходимое, полное, согласіе, которое долженствуетъ существовать между нами.

94.

Екатерина Іосифу.

Петербургъ, 23 Декабря 1789 (2 Января 1790).

Государь мой братъ! Принося в. и. в-ву мою благодарность за письмо ваше отъ 7 Декабря н. ст., считаю долгомъ благодарить в. и. в-во и за выраженіе вашего сочувствія, по поводу имѣющаго важное значеніе покоренія Бендеръ, достигнутаго моимъ оружіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, событія настоящей войны были такъ счастливы для нашего общаго дѣла, что намъ остается желать только одного, дабы онѣ въ скоромъ времени увѣнчались миромъ. Эта цѣль нашихъ общихъ желаній точно также не замедлила бы, вѣроятно, осуществиться, если бы не встрѣчала противодѣйствія со стороны интригъ и коварныхъ замысловъ тайныхъ враговъ нашихъ. По крайней мѣрѣ, мы можемъ утѣшать себя той мыслью, что нами не упущено ничего, что̀ способно привести насъ къ этой спасительной цѣли, и я была бы готова видѣть одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ къ достиженію оной въ попыткѣ, предпринятой в. и. в-омъ при Лондонскомъ дворѣ, если бы только я не имѣла повода опасаться, что дѣйствіе оной будетъ ослаблено тѣмъ слѣпымъ подобострастіемъ, какое дворъ этотъ, повидимому, съ нѣкоторыхъ поръ оказываетъ замысламъ и видамъ Берлинскаго двора. Это впрочемъ не помѣшало мнѣ отправить моему Лондонскому посланнику повелѣніе совмѣстно съ посланникомъ в. и. в-ва попытаться вывести Британское министерство на путь, болѣе согласный съ его собственными интересами, и въ тоже время болѣе благопріятный для общаго мира, нежели тотъ, на который его нечувствительно увлекаетъ коварная и безпокойная политика Пруссіи.

В. и. в-во дозволите мнѣ сослаться на болѣе подробныя объясненія, которыя мой посланникъ при в. и. в-вѣ имѣетъ представить вашему министерству, какъ по этому предмету, такъ равно и по поводу другихъ мѣръ, которыя представляются мнѣ необходимыми въ виду современныхъ обстоятельствъ, и хотя я не сомнѣваюсь, что в. и. в-во изволите усмотрѣть въ оныхъ самое несомнѣнное (какого только в. и. в-во могли бы пожелать сами) доказательство твердости моихъ намѣреній и неизмѣнной преданности моей интересамъ в. и. в-ва и вашей монархіи, я тѣмъ не менѣе почитаю удовольствіемъ еще и еще разъ, со̀ всею силою самой полной искренности, завѣрить в. и. в-во въ этихъ чувствахъ.

Ласкаю себя надеждою, что не имѣю нужды увѣрять, на сколько я была огорчена извѣстіемъ, что в. и. в-во имѣете поводъ быть снова недовольны состояніемъ вашего здоровья. Я понимаю, на сколько настоящее стеченіе обстоятельствъ не благопріятствуетъ попеченіямъ, потребнымъ для полнаго возстановленія онаго; но, во имя живѣйшаго участія, принимаемаго мною въ ономъ, считаю себя въ правѣ напомнить в. и. в-ву, что забота о сохраненіи жизни, столь драгоцѣнной для счастія какъ подданныхъ, такъ и личныхъ друзей в. и. в-ва̀, должна считаться въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей положенія, къ которому в. и. в-во призваны Провидѣніемъ.

95.

Іосифъ Екатеринѣ.

6 Января 1790.

Государыня моя сестра! Хотя и чувствую себя нездоровымъ, не могу однако отпустить этого курьера безъ того, чтобы не доставить себѣ удовольствіе обратиться къ В. И. В-ву съ настоящими строками. Мое настоящее положеніе, несчастное стеченіе обстоятельствъ, такимъ непостижимымъ образомъ лишившее меня Нидерландовъ, нападеніе, которое намъ предстоитъ весною со стороны Прусскаго короля, все это уже извѣстно В. И. В-ву, и вы однѣ, такъ хорошо понимающая и свойственное государю чувство любви къ государству, ввѣренному ему Провидѣніемъ, и чувство чести, вы однѣ будете въ состояніи оцѣнить всю горечь моихъ нравственныхъ страданій. Я сильно желаю скорѣйшаго заключенія мира съ Портою, и съ своей стороны готовъ, конечно, сдѣлать все возможное для облегченія переговоровъ; но въ случаѣ, если бы миръ не состоялся, или если бы даже, по заключеніи мира и предпринявъ затѣмъ покореніе моей отпавшей провинціи, я подвергся несправедливому нападенію со стороны Прусскаго короля и Поляковъ, его союзниковъ: то я смѣю надѣяться съ полною увѣренностью, что В. И. В-во, согласно извѣстному мнѣ образу вашихъ мыслей, согласно свойственнымъ вамъ справедливости и благородству чувствованій, благоволите, для сохраненія мнѣ моего законнаго наслѣдія, а В. И. В-ву союзника, имѣющаго во всякомъ случаѣ возможность быть вамъ полезнымъ, въ свою очередь сдѣлаете то самое, что̀ съ такою же вѣрностью данному слову, какъ и энергіей и даже успѣхомъ,

я успѣлъ сдѣлать для расширенія и пользы вашей державы. Несомнѣнно, что, не находись я уже въ теченіи двухъ лѣтъ, единственно въ силу союза съ В. И. В-омъ, въ войнѣ съ Турками, отвлекавшей часть моихъ силъ и потребовавшей отъ меня весьма значительныхъ издержекъ, я не очутился бы въ настоящемъ тягостномъ положеніи, изъ котораго меня можетъ вывести одна только твердая дружба и дѣйственная воля В. И. В-ва.

96.

Екатерина Іосифу.

С.-Петербургъ, 18 Января 1790.

Государь мой братъ! Изображеніе вашего личнаго состоянія и положенія вашихъ дѣлъ, заключающееся въ письмѣ в. и. в-ва отъ 6 Января н. ст., живѣйшимъ образомъ поразило и тронуло меня. Я вполнѣ понимаю и раздѣляю испытываемое в. и. в-омъ чувство справедливой скорби по поводу происшествій, совершившихся въ вашихъ Бельгійскихъ провинціяхъ, равно какъ и озабоченность, внушаемую в. и. в-ву нападеніемъ, котораго мы будущей весной имѣемъ основаніе ожидать со стороны короля Прусскаго. Извѣстныя в. и. в-ву чувства мои къ вамъ дѣлаютъ меня достойною того довѣрія, съ которымъ вы изволите выражаться о моей дружбѣ и о дѣятельномъ и энергическомъ содѣйствіи, котораго в. и. в-во въ правѣ ожидать отъ оной въ случаѣ событія, коего наступленіе со стороны Пруссіи въ настоящее время почти не можетъ болѣе подлежать никакому сомнѣнію. Я заслуживаю этого довѣрія во имя той вѣрности, съ какою я привыкла свято исполнять всѣ принятыя мною обязательства; наконецъ, во имя того возмездія, которымъ я обязана предъ в. и. в-омъ за честное и энергическое содѣйствіе, которое в. и. в. благоволили оказать мнѣ въ двухъ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ интересахъ и славѣ моего государства. Сознавать этотъ, лежащій на мнѣ, долгъ для меня тѣмъ отраднѣе, чѣмъ отраднѣе будетъ возможность выплатить оный в. и. в-ву. Прошу в. и. в-во вѣрить, что ваши ожиданія по этому поводу не будутъ обмануты и что я не пренебрегу ни однимъ изъ средствъ, какія только, при моихъ настоящихъ обстоятельствахъ, остаются въ моей власти, для защищенія в. и. в-ва отъ новаго несправедливаго

нападенія. Я согласна съ в. и. в-омъ, что заключеніе мира съ Портою предварительно составляетъ наиболѣе существенное условіе для этой цѣли. Въ этомъ убѣжденіи я прилагаю всѣ старанія для достиженія онаго цѣною всѣхъ уступокъ, согласныхъ съ честью и безопасностью нашихъ обоихъ государствъ; но, что̀ бы затѣмъ ни произошло далѣе, я не менѣе в. и. в-ва сознаю необходимость быть наготовѣ для отраженія честолюбивыхъ, гибельныхъ и дерзкихъ замысловъ, которые Берлинскій дворъ обнаруживаетъ такъ открыто и съ такою непристойностью. Надѣюсь, что, при Божіей помощи, на этотъ разъ онъ встрѣтитъ болѣе затрудненій и преградъ, нежели онъ, повидимому, ожидаетъ. Эта же самая надежда да послужитъ къ успокоенію скорби, испытываемой в. и. в-омъ и, паче всего, да способствуетъ она возстановленію вашего здоровья, которое для меня столько же драгоцѣнно и въ которомъ я принимаю столько же участія, сколько искренни чувства неизмѣнной дружбы, глубокаго уваженія и глубочайшей, самой истинной преданности, съ каковыми и пр.

97.

Іосифъ Екатеринѣ.

Вѣна, 16 Февраля 1790.

Государыня моя сестра! Въ то время, когда, сокрушенный недугомъ, я нахожусь въ ежечасномъ ожиданіи смерти, получается письмо В. И. В-ва. Невыразимо произведенное на меня онымъ впечатлѣніе: я почерпаю въ немъ силу изнемогающею рукою начертать слѣдующія строки.

Вы однѣ, В. И. В., способны написать такое письмо; ибо надобно быть вами, Государыня моя сестра, чтобы такъ чувствовать, чтобы хотѣть и имѣть власть осуществить все выраженное В. И. В-омъ. Слово В. И. В-ва священно. Какая отрада въ моемъ жестокомъ положеніи и какое болѣе могучее и надежное покровительство могъ бы я завѣщать послѣ себя моему брату, за образъ мыслей котораго я ручаюсь и прибытія котораго сюда ожидаю съ минуты на минуту!

Благоволите же, В. И. В-во, внять еще послѣдней просьбѣ вѣрнѣйшаго изъ друзей вашихъ и безпристрастнѣйшаго изъ вашихъ

почитателей; благоволите продлить для моего брата и для моего государства тѣ самыя чувства и ту самую поддержку, въ которыхъ В. И. В-ву угодно удостовѣрять меня. Мнѣ принадлежала только— воля; государство несло все бремя тягостей, и ему-то теперь угрожаетъ вся опасность.

И такъ мнѣ болѣе не суждено видѣть вашего почерка, вашихъ писемъ, составлявшихъ все мое счастіе, и я чувствую всю горечь мысли, что въ послѣдній разъ суждено мнѣ увѣрить В. И. В-во въ моей преданной дружбѣ и высокомъ уваженіи *).

*

Іосифъ II-й умеръ черезъ четыре дни послѣ этого письма, 20 Февраля 1790. Екатерина была огорчена его кончиною. Еще при извѣстіи объ его опасной болѣзни она выразилась про него Храповицкому: „Il m'est attache personnellement (онъ ко мнѣ лично привязанъ). Я вчера въ комедіи готова была плакать“.

---

*) Кауницъ, которому Іосифъ сообщилъ настоящее письмо, адресованное къ Императрицѣ, въ тотъ же день, 16-го Февраля, отвѣчалъ ему: „Вмѣстѣ съ глубокою скорбью сердца, коего безпредѣльная преданность вашей особѣ извѣстна в. в. и., я могу только выразить мое благоговѣйное удивленіе по поводу письма, которое я нахожу образцовымъ какъ по его содержанію, такъ и по тому, въ какое время оно было начертано. Благоволите благосклонно принять слезы старѣйшаго и преданнѣйшаго изъ вашихъ слугъ“.

Дрожащею рукою подписалъ Кауницъ эти строки; дрожащею рукою Іосифъ написалъ въ отвѣтъ слѣдующія слова: „Дорогой другъ! Я глубоко тронутъ вашими выраженіями, но что остается мнѣ только какъ не преклониться предъ судьбами Провидѣнія? Вы же примите увѣреніе въ моемъ довѣріи, котораго вы достойны болѣе чѣмъ кто либо, и вѣрьте, что мнѣ очень грустно думать, что мнѣ не суждено болѣе пользоваться вашими обширными свѣдѣніями и опытностью. Обнимаю васъ и вамъ поручаю, среди настоящихъ столь грозныхъ обстоятельствъ, мое отечество, столь дорогое моему сердцу. Іосифъ“.

Письма императора Іосифа II къ фельдмаршалу графу Ласси во время путешествія въ Херсонъ и Крымъ въ 1787 году *).

1.

Кайдакъ, 19 Мая 1787.

Любезный маршалъ! Начинаю это письмо, благо есть свободное время. Пишу изъ Запорожской деревни. Такъ какъ вчера продолжать путь по Днѣпру оказалось невозможнымъ вслѣдствіе бурной погоды и такъ какъ галера Императрицы стала на мель, то она рѣшилась ѣхать далѣе сухимъ путемъ.

Я въ это самое время ѣхалъ ей навстрѣчу сухимъ путемъ, и мы съѣхались на разстояніи всего четверти часа отъ ея судовъ. Она посадила меня въ свой экипажъ, и мы вмѣстѣ прибыли обратно въ Кайдакъ, гдѣ вслѣдствіе того, что вся ея прислуга отстала, оказалось—не кому было ни приготовить кушанье, ни подавать на столъ. Тогда князь Потемкинъ, который обогналъ насъ вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ, и Польскій генералъ Браницкій затѣяли стряпать сами. Со мною былъ поваренокъ; я послалъ было за нимъ, но они не допустили его ни до чего, и, благодаря этому, обѣдъ представлялъ смѣсь блюдъ, которыхъ въ ротъ нельзя было взять.

Представьте себѣ, встрѣчать Императрицу мнѣ довелось въ пресловутой необыкновенной каретѣ принца де-Линя, такъ какъ у Кобенцеля другой не имѣется. Это настоящій курятникъ.

Вчера была такая стужа, что всѣ надѣли шубы, а вечеромъ Е. В-во приказала затопить каминъ. Я нахожу, что она только похудѣла немного, а впрочемъ пользуется превосходнымъ здоровьемъ. Съ моей стороны было бы слишкомъ большимъ хвастовствомъ повторять все, чтò она мнѣ наговорила; но всѣ ея рѣчи были запечатлѣны живѣйшей искренностію и пріязнью. Составъ общества довольно хорошій; де-Линь въ большомъ почетѣ и очень любезенъ. Галеры, на которыхъ ѣхала вся свита, красивы, очень удобны, но немножко велики и грузны. Днѣпръ наноситъ слишкомъ много отмѣлей, чтобы на немъ можно было плавать въ большихъ судахъ.

---

*) Французскіе подлинники напечатаны Арнетомъ въ приложеніи къ перепискѣ Екатерины съ Іосифомъ. П. Б.

Войско обмундировано заново; мундиръ, какъ у нашихъ уланъ: короткій, безъ камзола, безрукавный жилетъ, суконные шаровары, въ которыхъ на ногахъ извнутри кожанный подбой, на подобіе сапога. Обувь — короткіе полусапожки, которые поддѣваются подъ штаны. Штаны лѣтомъ изъ бѣлой холстины, безразлично какъ у кавалеріи, такъ и у пѣхоты. Пѣхота теперь уже че имѣетъ ни кирасъ, ни шпагъ, ни сабель, которыя примыкаются только къ концу ружья у часовыхъ. Сабли у кавалеріи довольно плохи, а также и приборъ и замки у ружей. На головахъ у всѣхъ что-то въ родѣ круглой войлочной шапки съ жосткимъ кожанымъ козыремъ отъ солнца, приблизительно какъ у нашихъ понтонеровъ. Съ этой шапки свѣшивается короткій клокъ сукна, какъ бывало прежде у гренадерскихъ шапокъ, а поверхъ шапки полукругомъ облегаетъ что-то въ родѣ бѣлаго лисьяго хвоста, который не служитъ ни въ холодъ, ни въ дождь, давитъ спереди на носъ и не защищаетъ отъ сабельнаго удара. Не смотря на стужу, предполагается, что теперь лѣто, и солдаты щеголяютъ въ холстинныхъ шароварахъ и холстинныхъ камзолахъ, а подъ ними одна рубашка. Они стучатъ зубами отъ холода, многіе заболѣваютъ лихорадкою, но они не жалуются. Они переформировали всѣхъ гусаръ и часть козаковъ, и сдѣлали изъ нихъ полки, которые называютъ конными егерями; потомъ сформировали батальоны егерей, у которыхъ тоже самое вооруженіе, кромѣ унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ нарѣзные мушкеты; ихъ набираютъ по лицу изъ разныхъ полковъ, и князь Потемкинъ хочетъ составить изъ нихъ легкую инфантерію, въ родѣ нашихъ Кроатовъ. Кромѣ того изъ гренадерскихъ полковъ тоже сдѣлали выборку въ армію, вслѣдствіе чего полки въ настоящее время очень слабы, и вмѣсто 100.000 войскъ, о которыхъ говорили, на самомъ дѣлѣ во всей этой области едва наберется и 40.000. Еще Богъ вѣсть, каково-то въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію приходится продовольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе, и это въ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть; за то у лошадей подвело порядкомъ животы.

Князь Потемкинъ ворочаетъ всею машиною, какъ ему вздумается. Ангальтъ очень остороженъ и никому не высказываетъ, что̀ у него на умѣ. Онъ на хорошемъ счету при дворѣ, но его считаютъ мелочнымъ на томъ основаніи, что онъ говоритъ съ рядовыми и бываетъ самъ при смѣнѣ часовыхъ. Херсонская крѣпость, въ большей части совершенно отстроенная, вся сооружена изъ земли или, вѣрнѣе, изъ песку, который даже не утрамбовываютъ; притомъ верки имѣютъ очень незначительный скатъ. Хотѣли было, при встрѣчѣ Императрицы, стрѣлять изъ пушекъ, стоящихъ на валу; но случившаяся на этихъ дняхъ гроза показала, что, при первомъ же

выстрѣлѣ, всѣ укрѣпленія и съ артиллеріей вмѣстѣ сползутъ въ свои собственные рвы, такъ какъ четыре дня тому назадъ одного удара грома было достаточно, чтобы потрясти крѣпость до такой степени, что цѣлый фасъ съѣхалъ въ ровъ. Существуетъ артиллерійскій паркъ въ 160 орудій, но почти что совсѣмъ безъ пороху и зарядовъ; всѣ орудія большаго калибра, и при этомъ ни одного зательвагена; даже на походѣ двадцатичетырехъ-фунтовыя орудія перевозятся на лафетахъ; можете судить, въ какомъ положеніи они доѣдутъ до траншеи. Сооружаются три военные корабля; но лѣсъ до такой степени сыръ, мачты до того плохи, что, полагаю, послѣ императорскаго смотра, они пойдутъ на сломъ, потому что въ дѣло они не годятся. Построенные въ прошломъ году въ Севастополѣ точатся червями. Торговля пока совершенно ничтожна, особенно для Россіи; весь Херсонъ и живетъ и обстраивается тѣмъ, что̀ получается изъ Польши; до сихъ поръ только и существуетъ, что одинъ лишь привозъ изъ-за границы.

Купеческія суда съ грузомъ до города не доходятъ; имъ приходится останавливаться на тридцать верстъ ниже въ одной мѣстности, называемой Клобокъ; гдѣ бы собственно и слѣдовало построить городъ. При этомъ, вздумай только Турки затопить въ Днѣпровскомъ устьѣ, которое находится въ ихъ рукахъ, всего лишь одну изъ своихъ каравеллъ, нагруженную камнемъ, и они могутъ остановить всю навигацію и не пропустить ни одной лодки въ Днѣпръ. Тогда прощай Херсонъ.

Безпорядокъ во время этого путешествія царствуетъ неизобразимый. Высадка на берегъ оказалась сопряженною съ большими затрудненіями; вещей и людей на судахъ оказывается больше, чѣмъ сколько могутъ вмѣстить экипажи и чѣмъ для этихъ экипажей имѣется лошадей. Одинъ скачетъ впередъ, а другіе поспѣвай, какъ знаютъ; мнѣ очень любопытно, какъ все это уладится наконецъ. Одинъ князь Потемкинъ, помѣшанный на музыкѣ, везетъ съ собой 120 музыкантовъ; а вотъ одному бѣдному офицеру, который страшно опалилъ себѣ руки порохомъ, четыре дня не могутъ подать помощи. Такъ какъ онъ находится въ одномъ домѣ со мною, то мнѣ пришлось взять на себя роль хирурга и посовѣтовать, что̀ ему дѣлать; я отыскалъ, наконецъ, одного хирурга, состоящаго при Императрицѣ, но у него не оказалось медикаментовъ.

Путешествіе на сухомъ пути сопровождается безпорядкомъ, о которомъ трудно составить себѣ понятіе; часть экипажей еще на водѣ; каждый спѣшитъ захватить кибитку (мѣстный экипажъ), чтобы накидать въ нее какъ попало свой багажъ. На этихъ неизмѣримыхъ равнинахъ всѣ скачутъ въ перегонку; шесть, восемь каретъ рядомъ, и хотя въ сутки дѣлаютъ только четыре перегона, два до

и два—послѣ обѣда, много экипажей ломается, и посуда, матрацы, багажъ все такъ и остается валяться въ степи, а послѣ во всемъ оказывается недостача. Мой багажъ, который весь уложенъ въ одной коляскѣ, всегда поспѣваетъ. Столъ обильный, но большею частію скверно приготовленный; все холодное, черствое; наконецъ, не будь Императрицы, которая очень любезна, и нѣкоторыхъ господъ, которые могутъ считаться сносными собесѣдниками, особенно иностранцевъ, мое настоящее житье было бы сущимъ наказаніемъ. Чтò касается Потемкина, то его положеніе при дворѣ лучше, чѣмъ когда нибудь, и власть его не имѣетъ границъ. Бѣдный фельдмаршалъ Румянцовъ совсѣмъ палъ.

Новый фаворитъ довольно красивый малый *), но и самъ, кажется, удивленъ своимъ счастьемъ и умомъ недалекъ. Французскій посланникъ, графъ Сегюръ, любезенъ; но и онъ, кажется, выбился изъ силъ и терпѣнія. Англичанинъ Фицъ-Гербертъ человѣкъ очень образованный и не скрываетъ испытываемой имъ страшной скуки. Генералъ Ангальтъ, котораго вы видали въ нашихъ лагеряхъ, и здѣсь держитъ себя совершенно также. Онъ до свѣта на ногахъ, говоритъ со всякимъ солдатомъ, ласкаетъ ихъ, чтò очень ихъ удивляетъ, такъ какъ они не пріучены къ подобному обращенію. Онъ развѣ тайкомъ только позволяетъ себѣ покритиковать, а въ глаза увивается какъ за Императрицею, такъ и за княземъ Потемкинымъ, кредитъ котораго въ апогеѣ. Новый фаворитъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, безъ образованія, совсѣмъ дитя. Линь пользуется отличнымъ расположеніемъ и держитъ себя очень хорошо въ отношеніи къ моимъ интересамъ. Представьте себѣ, что совершенно случайно мнѣ, за неимѣніемъ другаго экипажа, пришлось ѣхать на встрѣчу Императрицѣ и явиться къ ней въ той самой курьезной каретѣ, которую онъ сдѣлалъ себѣ въ Вѣнѣ.

Вотъ мы, послѣ осмидневнаго отсутствія, въ Херсонѣ; мы остаемся здѣсь на пять дней, а затѣмъ начнется объѣздъ Крыма. Я не устоялъ противъ искушенія участвовать въ этой поѣздкѣ, которая обѣщаетъ много любопытнаго. Черезъ двѣ недѣли я ворочусь за своими экипажами въ Херсонъ и черезъ Орелъ вдоль Буга проѣду въ Каменецъ, а затѣмъ въ Галицію.

2.

Айбаръ въ Крыму, 30 Мая 1787.

Пользуюсь, дорогой мой маршалъ, нѣсколькими минутами досуга, чтобы написать вамъ по прибытіи моемъ въ Айбаръ, отъ Перекопа въ 69 верстахъ, гдѣ всѣ мы, въ томъ числѣ и Императрица, расположились лагеремъ въ красивыхъ палаткахъ.

*) Это былъ Мамоновъ, котораго Іосифъ въ слѣдующемъ году сдѣлалъ графомъ. П. Б.

Къ наблюденіямъ, которыя я уже сообщилъ вамъ, прибавлю, что мы съ Императрицею провели четыре дня въ Херсонѣ, котораго я бы такъ и не видалъ вовсе, если бы не догадался обойти его въ продолженіи тѣхъ полутора сутокъ, когда былъ тамъ одинъ съ Кинскимъ *).

Херсонскія укрѣпленія выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртины слишкомъ коротки, фланги точно также, такъ что всѣ орудія для обстрѣливанія фасовъ вытянуты въ рядъ вдоль этихъ куртинъ, точь въ точь, какъ у насъ въ Эгерѣ и въ Прагѣ. Всѣ верки—земляные, въ землѣ пропасть песку, обложки никакой—одинъ дернъ пристаетъ очень плохо. Скаты чрезвычайно крутые, и такъ какъ тачки здѣсь очень дороги, то солдаты таскаютъ землю на плечахъ маленькими мѣшками и ссыпаютъ на верки, не размельчая и не утрамбовывая, а только раскидывая ногою маленькую ссыпанную кучку.

Осадная артиллерія великолѣпна, но у нихъ нѣтъ заттельвагеновъ для перевозки крупныхъ орудій, а также нѣтъ на лицо и десятой части того, сколько нужно, по части зарядовъ, ядеръ и пушекъ.

За послѣдніе четыре дня спущены два военныхъ корабля и фрегатъ, но изъ очень сыраго лѣса, годные скорѣе только на показъ, чѣмъ въ дѣло.

Мачты изъ крайне плохаго лѣса; ни канатныхъ, ни парусныхъ принадлежностей нѣтъ; все это придется привозить изъ Кронштадта, по протяженію всей Имперіи.

Степи, окружающія этотъ городъ, при нездоровомъ климатѣ и плохомъ таможенномъ устройствѣ, долго будутъ задерживать развитіе торговли. Притомъ же суда не могутъ доходить сюда съ своимъ грузомъ, а должны разгружаться въ Клобокѣ, при впаденіи Буга въ Черное море.

За краткое время существованія Херсона въ немъ произведено очень много построекъ, и городъ имѣетъ довольно приличный видъ.

Мы переправились черезъ Днѣпръ въ Бериславѣ; въ этомъ мѣстѣ рѣка раздѣляется на два рукава, вслѣдствіе чего переправа довольно продолжительна.

Путь до Перекопа представляетъ однѣ сплошныя степи, еще болѣе безплодныя и безводныя, чѣмъ по ту сторону Днѣпра. На этомъ пути я видѣлъ зрѣлище, доставившее мнѣ много удовольствія: заразъ пять полковъ Донскихъ казаковъ, по 500 лошадей въ каждомъ полку. Они парадировали, производили разные маневры, пускались въ атаку и стрѣляли изъ пистолетовъ—въ продолженіи цѣлаго перегона. Ловкость этихъ людей и родъ строя, который они

*) Сопровождавшій Іосифа во время путешествія фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Кинскій.

умѣютъ соблюдать въ самомъ безпорядкѣ, по истинѣ заинтересовали меня. Я имѣлъ потомъ долгій разговоръ съ ихъ генераломъ, который участвовалъ въ послѣдней кампаніи, и мнѣ, кажется, удалось вывѣдать у него кое-что, что̀ будетъ небезполезно для нашихъ уланъ.

Если запустить такое войско въ тылъ разстроившейся кавалеріи, она пропала безповоротно, какъ вы всегда замѣчали, любезный маршалъ; ей уже потомъ ни за что не построиться.

Сегодня утромъ я отправился одинъ съ Кинскимъ для осмотра Перекопскихъ линій и Сивашскаго моря, которое получаетъ свою воду изъ Азовскаго. Я на казацкой лошади проѣхалъ поперекъ всего перешейка отъ одного моря до другаго, что̀ составляетъ шестнадцать верстъ.

Профиль вала очень высокъ, ширина и глубина рва очень значительны. У моря стоитъ укрѣпленіе, съ него и начинается валъ, а отсюда тянется прямой линіей до средины, гдѣ есть мостъ и Турецкая крѣпость, довольно большая, но въ развалинахъ; отсюда опять прямой линіей вплоть до Сивашскаго моря, гдѣ тоже имѣются три обложенныя камнемъ батареи или что-то въ родѣ редутовъ, которыми и заканчивается валъ. Прежде онъ былъ сплошь обложенъ камнемъ, съ эскарпами и контръ-эскарпами, но Русскіе разобрали камни на постройку домовъ.

Я видѣлъ то мѣсто, гдѣ въ послѣднюю войну князь Долгорукій переправилъ кавалерію въ бродъ ночью черезъ Сивашское море, между двухъ батарей; валъ весьма плохо защищенъ въ этомъ мѣстѣ. Ну это еще не Богъ вѣсть какой подвигъ, потому что надобно знать, что это море почти совсѣмъ пересохло, и я самъ проѣхалъ по его дну отъ шести до осми верстъ верхомъ, при чемъ воды было самое большее на четыре пяди.

Это подтверждается еще и тѣмъ, что они переправили черезъ него и артиллерію. Тина очень глубокая и издаетъ отвратительное зловоніе.

Ни у генераловъ, ни у офицеровъ не могъ я доспроситься, въ какомъ мѣстѣ совершилъ нѣкогда свою переправу вашъ покойный родитель. Мнѣ сдается, къ Азовскому морю черезъ Еникале и затѣмъ по узкой земляной косѣ на Арабатъ.

Вы лучше растолкуете мнѣ это, такъ какъ самъ я не могъ осмотрѣть эту мѣстность, для чего потребовалось бы проѣхать болѣе 150 верстъ.

3.

Бахчисарай, 1 Іюня.

Принимаюсь опять за перо и на этотъ разъ наконецъ изъ самой столицы Крыма и прежней резиденціи хановъ.

Это большой городъ, расположенный въ небольшой долинѣ, окруженный скалами и живописный, благодаря множеству мечетей; минареты, которые, вмѣстѣ съ высокими печными трубами, въ готическомъ стилѣ, и домами, выстроенными амфитеатромъ, на первый взглядъ напоминаютъ мѣстоположеніе Генуи. Онъ еще довольно населенъ, особенно много торговцевъ изъ Магометанъ, Татаръ и всевозможныхъ восточныхъ народовъ. По Бахчисараю можно составить себѣ полное понятіе о Турецкихъ городахъ и даже о самомъ Константинополѣ. Я заходилъ въ мечети, во время молитвы, и слышалъ тамъ крики и завыванія муллъ, и видѣлъ вертящихся дервишей.

Императрица помѣстилась въ ханскомъ дворцѣ, въ которомъ вся обстановка въ восточномъ вкусѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ служилъ для пребыванія бывшаго хана. Князь Потемкинъ и многіе другіе господа изъ свиты поселились въ гаремѣ, который представляетъ, въ маломъ видѣ, точную копію съ султанскаго гарема въ Константинополѣ. Онъ совершенно походитъ на наши монастыри Кармелитскіе и другіе, въ которыхъ соблюдается правило строгаго заключенія. Онъ со всѣхъ сторонъ огражденъ высокими стѣнами, убранъ нѣсколькими садиками, прекрасными фонтанами съ обильною водою, но все это скрыто стѣнами.

Я живу въ апартаментахъ, которые прежнее время занимались братомъ хана; у него жены были все старухи, потому мои мечты не могутъ имѣть особенно радужной окраски.

Вчера вечеромъ весь городъ былъ илюминованъ до самыхъ верховъ горъ, что̀ представляло очень красивое зрѣлище. Мы остаемся здѣсь на цѣлые сутки.

На послѣдней станціи отсюда на встрѣчу Императрицѣ выѣхалъ Татарскій отрядъ въ тысячу человѣкъ верхами, одѣтыхъ въ одинакое платье; эти Татары, вмѣстѣ съ тридцатью другими, выбранными изъ дворянства, одѣтыми въ зеленые, богато обшитые галунами, кафтаны, составили дворянскую гвардію, которая сопровождала Императрицу до города, а двѣнадцать мальчугановъ, также благороднаго происхожденія, состояли при ней пажами. У воротъ православное духовенство встрѣтило ее съ Евангеліемъ, а муфти— съ Алькораномъ. Эта смѣсь и этотъ парадъ были, дѣйствительно, столько же интересны, сколько и своеобразны. Но среди всего этого стеченія народа не видать было ни одной женщины. Что̀ впро-

чемъ ни дѣлаетъ Императрица для здѣшняго населенія, и какія льготы она имъ ни предоставляетъ, нѣтъ ни одного, особенно изъ стариковъ, кто бы не былъ радъ уйти изъ подъ новой власти.

Я опять обошелъ нѣсколько мечетей, чтобы видѣть обычные молитвенные обряды, совершаемые Мусульманами каждую Пятницу, такъ какъ у нихъ этотъ день считается праздничнымъ. Надобно отдать имъ справедливость: ихъ внѣшній видъ показываетъ искреннюю вѣру и благоговѣніе.

Я побывалъ еще въ одномъ городѣ близъ Бахчисарая; городъ этотъ населенъ исключительно Евреями изъ секты Караимовъ; изъ нихъ одни довольно богатые купцы, а другіе занимаются земледѣліемъ; своихъ женъ они прячутъ по примѣру Татаръ. По своему закону они обязаны довольствоваться одною женою, пока она не подурнѣетъ, или пока у нея не попортится зрѣніе; въ этихъ только двухъ случаяхъ имъ разрѣшается жениться на другой. Будь только установленъ такой законъ въ Вѣнѣ, сколько женщинъ оказалось бы въ очкахъ, лишь бы избыть своихъ мужей!

На сегодня по святцамъ пришелся день Св. Константина и Елены. Такъ какъ это день имянинъ одного изъ маленькихъ царевичей, то при дворѣ служили обѣдню, за которой, вмѣсто пѣвчихъ, пѣли солдаты: здѣсь солдаты пригожаются на всѣ руки, даже въ обойщики, декораторы и т. п. Затѣмъ былъ обѣдъ за большимъ столомъ, въ которомъ участвовали состоящій на жалованьи Императрицы муфтій Кадилескиръ и еще другой Татаринъ, которые очень хорошо владѣютъ вилками.

Сегодня вечеромъ городъ былъ опять илюминованъ.

4.

Севастополь, 3 Іюня.

Мы выѣхали сегодня утромъ, предшествуемые отрядомъ изъ осми сотенъ Татаръ; карету нашу, совершенно-открытую, окружали генералы, пажи и Донскіе казаки, поднимая цѣлый столбъ пыли, которая обдавала насъ и засоряла у насъ всѣ отверстія. Какъ бы вы прокляли ихъ, мой милый маршалъ.

Доѣхавъ къ обѣду, мы увидѣли вдали бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ слишкомъ двадцать линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые Императрица держитъ въ Севостопольскомъ портѣ. Во время стола палили изъ пушекъ за здоровье Императрицы, которая затѣмъ, обратясь ко мнѣ съ рѣчью, выпила за здоровье своего лучшаго друга; ея примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе.

Потомъ мы сѣли въ шлюпку, проѣхали вдоль стоящихъ на якорѣ кораблей и подъ звуки пушечной пальбы и военной музыки высадились у зданія адмиралтейства, гдѣ теперь главная квартира

Императрицы. Всѣ матросы были выстроены на реяхъ; глядя по числу ихъ можно судить, что ихъ достаточно для отправленія службы на судахъ. Надобно сознаться, что это было такое зрѣлище, красивѣе котораго трудно пожелать.

Севастополь красивѣйшій портъ, какой я когда либо видѣлъ. Въ немъ могутъ очень удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти Французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата Повелителя Правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что̀ она видитъ и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ Русскую Имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь Пруссаки такіе же олухи, какъ Турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

5.

Бахчисарай, 5 Іюня 1787.

Продолжая свой Крымскій дневникъ, въ дополненіе къ прежнимъ сообщеніямъ моимъ о Севастополѣ скажу вамъ, что здѣшніе суда исполнили нѣкоторые маневры. Императрица находилась на адмиральскомъ кораблѣ, который имѣлъ очень красивый видъ. Я былъ на пятидесятипушечномъ фрегатѣ, построенномъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошо. Матросы, какъ я понимаю, очень мало обучены своему дѣлу: просто набрали двѣ тысячи рекрутъ, да и назвали ихъ матросами. Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, и все такъ дѣлается. Едва только поступивъ во флотъ, они уже лазятъ на мачты. Слу-

чается, нѣкоторые ломаютъ при этомъ руки и ноги, чему я самъ былъ свидѣтель, но ихъ скоро замѣняютъ другими; такъ они и будутъ лазить до тѣхъ поръ, пока выучатся.

На судахъ и во флотскомъ гошпиталѣ много больныхъ, которые находятся въ ужасномъ положеніи, такъ какъ объ нихъ не заботятся нисколько, и они валяются другъ на дружкѣ, какъ собаки.

Торговый портъ, портъ Каронскій и карантинная гавань, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бухтами, составляютъ красу Севастополя и дѣлаютъ его чрезвычайно интереснымъ. Я объѣзжалъ гавань и всѣ окрестности города, частію на казацкой лошади и казацкомъ сѣдлѣ, частію въ шлюпкахъ. Вечеромъ съ галіота кидали бомбы въ маленькую деревянную крѣпость, выстроенную нарочно въ одной небольшой долинѣ; эту постройку предполагалось зажечь, но такъ какъ бомбы успѣха не имѣли, то перешли къ гранатамъ и брандкугелямъ, дѣйствіе которыхъ оказалось не болѣе успѣшнымъ; наконецъ, кажется, просто взяли да подожгли доски: ибо вслѣдъ за однимъ выстрѣломъ изъ гаубицы все зданіе вспыхнуло разомъ, точно на фейерверкѣ, что̀ вышло довольно красиво. Изъ Севастополя я поѣхалъ впередъ, чтобы видѣть Балаклавскую гавань, нѣкогда знаменитую: гавань не велика, но безопасна, и въ ней завелась кое-какая торговля. Входъ въ гавань неудобный, узкій, наполненный подводными камнями, въ чемъ я съ своей шлюпки могъ лично удостовѣриться. Впрочемъ такъ какъ большая часть жителей бѣжали, то здѣсь встрѣчаешь однѣ развалины и опустѣлые дома.

Чтобы доставить намъ случай видѣть Ангорскаго козла съ козою, да нѣкое подобіе Англійскаго сада, который князь Потемкинъ разбилъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ на одномъ изъ принадлежащихъ ему участковъ, князь заставилъ насъ ѣхать горными дорогами, которыя отъ дождей сдѣлались еще хуже, такъ что двору и экипажу досталось страшно, и Императрица вернулась въ Бахчисарай только въ часъ пополуночи. Такъ какъ эта поѣздка ее очень утомила, то рѣшено на сегодня оставаться здѣсь, вслѣдствіе чего наше путешествіе удлинняется на одинъ лишній день.

По пути мы видѣли отрядъ, человѣкъ въ тысячу, составленный изъ Далматинцевъ, Грековъ и выселенцевъ изъ Мореи, которые въ послѣднюю войну перешли на сторону Русскихъ и поселились здѣсь на побережьѣ. При нашемъ проѣздѣ ихъ заставили произвести примѣрную аттаку на Далматскую стать, какъ выразился князь Потемкинъ, которому угодно сравнивать ее съ аттаками нашихъ Кроатовъ. Они повыхватали сабли, кинулись бѣгомъ въ лѣсъ и въ величайшемъ безпорядкѣ, съ страшнымъ крикомъ вскарабкались на гору, скорѣе походя на какихъ-то облавщиковъ, чѣмъ на настоящихъ солдатъ.

6.

Карасубазаръ, 7 Іюня.

По дорогѣ сюда мы проѣзжали черезъ Симферополь, по прежнему—Акмечеть, гдѣ хотятъ соорудить новый губернскій городъ. Тамъ уже устроены кое-какія зданія въ родѣ домовъ и довольно красивыхъ залъ, и даже небольшой Англійскій садикъ.

Оттуда мы проѣхали въ Карасубазаръ, старинный Татарскій городъ, въ которомъ прежде собирались мурзы, когда хотѣли разсуждать о государственныхъ дѣлахъ. Населеніе состоитъ изъ Татаръ, Турокъ, Армянъ и Жидовъ, которые всѣ выѣхали намъ на встрѣчу верхами; подобно пчелиному рою, окруживъ нашу карету, они провожали насъ до дома князя Потемкина, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира корпуса, которымъ онъ командовалъ во время занятія Крыма. Это прелестное зданіе, въ видѣ кіоска въ весьма живописной долинѣ; его огибаетъ, извиваясь, ручей чистой воды. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ растутъ большія деревья и кусты, то князь воспользовался ими и разбилъ Англійскій садъ, который украшаютъ купальни, кіоски и каскады. Весь участокъ имѣетъ въ длину около четырехъ, и приблизительно отъ четырехъ до пятисотъ шаговъ въ ширину.

Тутъ же около выстроены казармы на Рускій манеръ на три полка пѣхоты. При нашемъ проѣздѣ мы впрочемъ не видали ни одного изъ этихъ полковъ, а видѣли только, какъ парадировалъ драгунскій полкъ изъ десяти эскадроновъ, человѣкъ по осмидесяти въ каждомъ. Отдаленіе, на которомъ они находились, не допустило получше разглядѣть ихъ; я успѣлъ только замѣтить, что они были построены по два ряда. Лошади не получаютъ фуража и должны пробавляться тощими, засохшими и выжженными пастбищами въ здѣшнихъ горахъ.

Имѣется артиллерійскій паркъ, въ пятьдесятъ орудій. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, сказать правду роскошный, особенно хорошъ былъ послѣдній снопъ изъ ракетъ: такой роскоши и полета мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Чтобы доставить Императрицѣ это зрѣлище, пришлось заставить промаршировать сюда, на разстояніи двухъ тысячъ верстъ, часть бомбардирской роты Преображенскаго полка. Теперь, исполнивъ свое дѣло, они отправляются обратно въ Петербургъ. Принимая въ соображеніе, что Вѣна отсюда ближе, чѣмъ Петербургъ, можно представить себѣ, какова эта прогулка. За фейерверкомъ послѣдовала илюминація, не только всего Англійскаго парка, но и всѣхъ окружающихъ высотъ, гдѣ въ двухъ мѣстахъ горѣлъ шифръ Императрицы. Все это—работа солдатъ; они наливали и зажигали стаканчики и даже надѣлали сто тысячъ плошекъ. Представьте себѣ, что сало для плошекъ

привезено изъ окрестностей Москвы; но въ этой странѣ, гдѣ не останавливаются ни передъ какими трудностями и издержками, все возможно.

Такъ какъ на другой день послѣ нашего пріѣзда дворъ оставался здѣсь обѣдать, то я ѣздилъ верхомъ для осмотра позиціи, которую князь Потемкинъ занималъ съ своимъ корпусомъ во время завоеванія Крыма. Противъ такихъ враговъ, какъ Турки, позиція выбрана недурно.

Есть значительныя высоты, обставленныя пушками; передъ фронтомъ—оврагъ и ручей, но протяженіе не велико. Въ тылу опять оврагъ и ручей, вслѣдствіе чего въ случаѣ, если бы непріятель прорвался съ фланговъ, было бы очень трудно маневрировать, такъ равно и отступать.

7.

Старый Крымъ, 8 Іюня.

Этотъ городъ, куда мы прибыли вчера вечеромъ, нѣкогда знаменитый, теперь представляетъ одинъ лишь видъ разрушенія, такъ что изъ всѣхъ построекъ и изъ всѣхъ жителей, какіе въ немъ остались, едва бы составилась порядочная деревня. Мимоходомъ видѣли мы конно-егерскій полкъ въ шесть эскадроновъ, около 64 лошадей въ каждомъ. Это—гусары, превращенные въ конно-егерей: Весь полкъ состоитъ изъ красивыхъ людей, сколько я могъ судить издали. Никакихъ эволюцій не производилось.

Эскадронъ, конвоировавшій Императрицу, весь состоялъ изъ молодыхъ людей и былъ построенъ съ большими претензіями на эффектъ. У нихъ нѣтъ другихъ штановъ кромѣ холщевыхъ, въ которыхъ они сидятъ и на лошадяхъ. Можно себѣ представить, каково должно быть ихъ положеніе, когда они построены сомкнутыми рядами, обремененные буклями и всякими другими принадлежностями. На зиму выдаются суконные штаны.

Помимо этого превращенія, князь Потемкинъ сформировалъ еще нѣсколько гренадерскихъ полковъ, составляющихъ, говорятъ, корпусъ въ десять тысячъ человѣкъ. Тутъ набраны красивѣйшіе люди изъ цѣлой арміи. Независимо отъ этого, при пѣхотныхъ полкахъ осталось по двѣ гренадерскихъ роты, такъ что теперь гренадеры составляютъ добрую треть всей арміи. Вся эта затѣя выдумана ради нѣкоторыхъ личностей, которымъ и розданы эти вновь сформированные полки.

Сформировано также вновь нѣсколько егерскихъ полковъ, которые должны быть доведены до цифры въ тридцать тысячъ человѣкъ; сюда отбирали все, что̀ только было самаго красиваго и ловкаго, не обращая вниманія на ростъ.

Эти егеря предназначаются для аванпостной службы, въ родѣ нашихъ Кроатовъ. Они раздѣлены на полки и батальоны, всѣ одѣты въ зеленые мундиры; но нарѣзныя ружья имѣются у однихъ только унтеръ-офицеровъ, у рядовыхъ простые пѣхотные мушкеты. Численность арміи отъ этого нисколько не усилилась; въ ней убавилось столько людей, сколько понадобилось для сформированія новыхъ полковъ. Полкъ считается въ четыре батальона, каждый въ четыре роты, по двѣсти человѣкъ въ ротѣ, не считая унтеръ-офицеровъ, что̀ должно бы составить 3200 ружей. Но они теперь далеко не въ полномъ комплектѣ, и относительно многихъ полковъ, находящихся въ Крыму, мнѣ откровенно признавались, что въ нихъ едва на лицо насчитываютъ по семисотъ человѣкъ, изъ коихъ около пяти сотъ въ гошпиталѣ, а остальные до того завалены всякими работами по постройкамъ, проведенію дорогъ, сѣнокосу и пр., что вотъ уже три года, какъ они ниразу не были на ученьѣ. Кавалеріи тоже не до ученья, потому что даже зимою лошади не ѣдятъ овса.

Въ Крыму командуетъ генералъ Каховскій: вы его, можетъ быть, помните. Онъ въ Семилѣтнюю войну состоялъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера при Ферморѣ, а потомъ находился при корпусѣ Репнина въ нашей арміи. Онъ, кажется, человѣкъ съ толкомъ и, между прочимъ, очень хорошо говоритъ понѣмецки.

Сегодня мы ѣздили въ Кафу, нѣкогда знаменитый и главный торговый городъ въ этой мѣстности.

Чтобы осмотрѣть его поподробнѣе, я на нѣсколько часовъ упредилъ отъѣздъ Императрицы, потому что при ней некогда ничѣмъ заняться. Теперь этотъ городъ—собраніе жалкихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ впрочемъ о его прежнемъ богатствѣ. Существуютъ еще великолѣпныя мечети, бывшія нѣкогда христіанскими храмами, и великолѣпныя бани. Городъ имѣетъ прекрасную бухту и превосходный рейдъ. Когда Русскіе завладѣли городомъ, въ немъ, по ихъ собственному признанію, было тридцать тысячъ жителей изъ Грековъ, Татаръ и Армянъ; въ настоящее же время самые смѣлые насчитываютъ не болѣе четырехъ сотъ душъ. Дома всѣ раскрыты Русскими; они растащили дерева на топливо, а остальное пошло на постройку казармъ, такъ что теперь всѣ эти зданія рушатся и превращаются въ развалины.

Въ гавани стояло нѣсколько торговыхъ судовъ, впрочемъ только ожидая попутнаго вѣтра, чтобы отплыть въ Таганрогъ на Азовскомъ морѣ, гдѣ теперь главнымъ образомъ сосредоточена вся торговля. Керчь и Эникале раззорены въ конецъ, и на Тамани совсѣмъ нѣтъ жителей. Городъ этого имени, нѣкогда значительный, точно также раззоренъ въ конецъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится Крымъ; но поля стоятъ безъ рукъ для обработки, порты и берега безъ торговли и матросовъ. Нѣтъ ни одного торговаго Русскаго судна, и подъ Русскимъ флагомъ разъѣзжаютъ Далматинцы, либо Греки изъ Корфу и Кефалоніи, все подданные Венеціанской республики, такъ что, когда Русскимъ понадобится снарядить корабль въ экспедицію, то матросовъ приходится вызывать изъ Кронштадта или изъ Архангельска, или составлять экипажъ изъ новобранцевъ, никогда не видавшихъ моря и не имѣющихъ понятія даже о томъ, что̀ такое корабельная веревка.

Татары, еще не выселившіеся изъ Крыма, очень недовольны, и особенно муллы. По дорогѣ въ Кафу Императрицѣ подано болѣе ста прошеній, все отъ желающихъ выселиться. Она очень разсердилась и хочетъ, кажется, выпроводить всѣхъ ихъ вонъ отсюда, разсчитывая, что ихъ легко будетъ замѣнить колонистами, которыхъ, она думаетъ, наѣдетъ вдоволь; но въ этомъ есть основаніе усумниться, такъ какъ всѣ тѣ, которые уже поселились здѣсь, Нѣмцы или Венгерцы, жизни не рады, что переселились и очень хотѣли бы поскорѣе убраться во свояси.

Изъ Вероны выписанъ нѣкій кавалеръ, страшно безпутный малый, для разведенія шелковичныхъ червей. Насѣяли кромѣ того марены, насадили Токайскихъ лозъ, очертя голову надѣлали разныхъ другихъ экспериментовъ; но такъ какъ во всемъ этомъ дѣйствуютъ безъ всякой выдержки и системы, то всѣ эти затѣи кончаются такъ же скоро, какъ и возникаютъ.

Между тѣмъ видно, что въ прежнее время земля была хорошо обработана, судя по значительному количеству еще уцѣлѣвшихъ тутовыхъ и всякихъ другихъ плодовитыхъ деревьевъ. Виноградъ также удается, особенно на берегу моря, около Судака; но и тѣ немногіе жители, какіе тамъ еще остались, тоже собираются бѣжать.

Единственнымъ способомъ для извлеченія изъ Крыма возможной пользы мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется проложеніе путей сообщенія отъ моря черезъ горы къ долинамъ и къ равнинной части, и заселеніе долинъ и побережья, отличающихся необычайнымъ плодородіемъ и изобилующихъ лѣсами, виноградниками, всякаго рода плодами и рыбою. Эти выгодныя условія могли бы привлечь поселенцевъ, которые здѣсь нашли бы гораздо болѣе удобныя условія для существованія, нежели въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни камней, ни лѣса для построекъ, недостаетъ воды и которыя скорѣе годились бы для разведенія скота. Такимъ способомъ въ Крыму можно было бы сформировать моряковъ и извлечь изъ почвы различные продукты для вывоза. Это вызвало бы торговлю, создало бы тор-

говый флотъ, приготовило бы лоцмановъ и матросовъ, освоенныхъ съ Чернымъ и Азовскимъ моремъ, съ Константинопольскимъ проливомъ, и со всѣми рѣчными устьями. Это дало бы возможность навсегда устранить Далматинцевъ и другихъ Венеціанскихъ подданныхъ, которые теперь, только прикрываясь какъ маскою Русскимъ флагомъ, держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Тогда Россія обеспечила бы себя опытными и искусными лоцманами и матросами, практически знакомыми съ моремъ и со всѣми портами; изъ этихъ матросовъ могли бы набираться экипажи и для военныхъ судовъ Севастопольскаго флота. Если примутся за дѣло иначе, то упустятъ изъ виду самое существенное и слѣдовательно не подвинутъ впередъ осуществленіе великаго замысла, состоящаго въ изгнаніи Турокъ изъ Европы.

Возвратясь въ Карасубазаръ, мы видѣли двоюродную сестру хана, которая осталась въ Крыму съ четырьмя изъ своихъ женщинъ. Ей около тридцати лѣтъ отъ роду и, на сколько я могъ замѣтить, она, должно быть, была очень красива, хотя немного и подкрашена. Она была въ богатомъ нарядѣ и, черезъ толмача, отвѣчала довольно толково на своемъ родномъ языкѣ. Я впрочемъ отдалъ бы предпочтеніе одной изъ ея фрейлинъ, прехорошенькой дѣвочкѣ. Она, казалось, была въ большой претензіи на Магомета, что нельзя было хорошенько показать себя и, повидимому, расположена къ весьма значительной терпимости даже относительно христіанъ, любезностями которыхъ она бы, кажется, нисколько не побрезгала. Это единственныя Магометанки, которыхъ намъ удалось видѣть; ибо эти Мусульмане все еще строго держатся нелѣпаго закона о затворничествѣ женщинъ.

Военное сословіе въ Крыму крайне недовольно вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны прожитка. Солдаты получаютъ всего на все полтора рубля въ годъ на разныя мелкія принадлежности обмундировки, которая здѣсь, за недостаткомъ ремесленниковъ, обходится очень дорого, такъ что солдатъ принужденъ сокращать расходы на пищу. Субалтернъ-офицеры точно также въ жалкомъ положеніи, и немало солдатъ, у которыхъ нѣтъ даже рубашки на тѣлѣ.

8.

Бериславъ, 12 Іюня.

При возвращеніи нашемъ въ Каменный мостъ, казаки явились опять со всѣми своими принадлежностями и съ гетманомъ (онъ состоитъ въ чинѣ генералъ-поручика) во главѣ, при чемъ ихъ привилегіи были торжественно несены двумя стариками. Они опять маневрировали передъ станціею, маршировали налѣво и направо въ шесть колоннъ и потомъ выстраиваясь въ линію. На сей разъ

они были построены по два въ рядъ; были и два орудія, прислуга при которыхъ состояла изъ казаковъ; впрочемъ эти орудія все время не трогались съ мѣста. У нихъ множество офицеровъ и нѣкоторымъ не болѣе четырнадцати, шестнадцати лѣтъ. Былъ тутъ и отрядъ Калмыковъ, стрѣлявшихъ изъ лука, впрочемъ безъ особенной ловкости.

Такъ какъ для переправы черезъ Днѣпръ, въ которомъ вода прибыла отъ дождей, забыли выставить, гдѣ слѣдовало, лошадей, то понадобилось отрядить четыре сотни солдатъ, которые въ теченіи цѣлаго дня тянули барки съ экипажами. Они то шли въ водѣ по самыя мышки, то вылѣзали изъ воды, чтобы приняться за весла или чтобы обсушиться; потомъ, смотря по надобности, опять влѣзали въ воду, и никому до этого и горя не было. Просто непонятно, до какой степени здѣсь ни во что ставятъ человѣка. Вообще на счетъ средствъ для достиженія цѣли здѣсь не стѣсняются, только бы добиться минутной иллюзіи или минутнаго успѣха.

Для заселенія Крыма придумали вызвать излишекъ населенія изъ всѣхъ Русскихъ областей, какой окажется сверхъ того, сколько было показано по послѣдней ревизіи. Это только обезсилитъ старыя области государства, а не доставитъ серьезной выгоды для новыхъ владѣній.

Прощайте, мой любезный маршалъ; наконецъ 13-го я возвратился въ Херсонъ, откуда выѣду 17-го, надѣясь около 23-го быть въ Лембергѣ. Тамъ надѣюсь получить дальнѣйшія извѣстія о непріятныхъ событіяхъ, которыя происходятъ въ Нидерландахъ. Прошу передать мой поклонъ всей кампаніи.

9.

Херсонъ, 16 Іюня 1787.

Любезный маршалъ! Покончивъ съ дѣлами, которыя доставилъ мнѣ сюда курьеръ, я доѣхалъ до Кинбурна приблизительно въ одиннадцать часовъ времени, изъ коихъ два проведены мною на Днѣпрѣ, а остальные девять на земляной косѣ, которая лежитъ между этою рѣкою и рукавомъ Чернаго моря. Дорогой мы подвергались нападеніямъ ужасающаго множества комаровъ, доводившихъ насъ просто до отчаянія. Въ этихъ степяхъ нѣтъ никого, кромѣ кое-какихъ Запорожцевъ, которые кормятся рыбной ловлею. Здѣсь же находится и небольшая, выстроенная Русскими, крѣпостца, которая называется Спуревсъ (Spurevs); но она нисколько не заграждаетъ переправы и служитъ только для сухопутнаго сообщенія съ Крымскимъ полуостровомъ. На этой косѣ есть также нѣсколько соляныхъ озеръ, изъ которыхъ въ Августѣ вода испаряется, оставляя послѣ себя на поверхности земли соляную кору, пальца въ два

толщиною, которую потомъ снимаютъ и этою солью ведутъ большой торгъ.

Самый Кинбурнъ лежитъ на крайней оконечности этой косы. Русскіе пристроили новыя укрѣпленія къ старому Турецкому замку, который очень тѣсенъ. Стоитъ копнуть поглубже, чтобы дорыться до воды, и развѣ только съ большими издержками, заложивъ фундаментъ на сваяхъ, можно было бы вывести профили повыше. Верки не обезпечены отъ внезапнаго нападенія, имѣя не болѣе десяти футовъ высоты.

Я подъѣзжалъ на шлюпкѣ довольно близко къ Турецкой эскадрѣ, чтобы хорошенько посмотрѣть ее. Въ этой эскадрѣ четыре шести-десяти-четырехъ-пушечныхъ корабля съ очень высокой задней частью и очень пузатые на Голландскій манеръ, два фрегата, три бомбарды, десять галеръ и много транспортныхъ судовъ, въ томъ числѣ два Французскихъ.

Я подъѣзжалъ также и къ Очакову. Замокъ, расположенный на высотѣ, укрѣпленъ бастіонами и башнями на Турецкій манеръ. Нижняя часть города недавно обведена частоколомъ и чѣмъ-то въ родѣ окопа; работы, подъ руководствомъ Французскаго инженера, котораго зовутъ Ляфитъ, продолжаются до сихъ поръ. У воды два бастіона съ сильными батареями, которыя, кажется, обстрѣливаютъ Днѣпровскій лиманъ и служатъ для подкрѣпленія окоповъ. Всѣ суда, которыя плывутъ вверхъ или внизъ по Днѣпру, должны проходить на разстояніи половины пушечнаго выстрѣла мимо Очаковской крѣпости, вслѣдствіе отмелей, находящихся на противуположной сторонѣ, и, что̀ всего хуже, тутъ же есть еще островокъ Березань, на которомъ Турки возвели баттареи противъ самой оконечности Кинбурнской косы; мимо этого островка точно также должны проходить всѣ суда, потому что другаго пути нѣтъ. Между этимъ-то островомъ и между Очаковомъ и стоитъ теперь эскадра, и, конечно, ей стоитъ только захотѣть, чтобы не пропустить въ Днѣпръ, ни выпустить ни одной лодки. Это обстоятельство должно, конечно, немножко стѣснять Русскихъ, ставя Херсонъ и торговлю, которую тамъ думаютъ завести, въ весьма ненадежное положеніе.

Книжныя заграничныя вѣсти.

Исторія и біографія.

Обращеніе княгини Александрины Дитрихштейнъ, рожденной графини Шуваловой (Conversion de s. a. mad. la princesse Alexandrine de Dietrichstein, née comtesse de Schouwaloff. Paris. 1879). Краткая записка, составленная самою княгинею и изданная, по смерти ея, въ видѣ назиданія христіанскаго, ея внукою, княгинею Дитрихштейнъ-Менсдорфъ. Въ этой запискѣ княгиня Д. разсказываетъ исторію своего обращенія въ Р. Католическую вѣру. Она родилась въ Россіи отъ графа Андрея Петровича Шувалова и графини Екатерины Петровны, рожденной графини Салтыковой, въ 1775 году, вышла замужъ въ 1797 году за пріѣхавшаго въ Россію чрезвычайнымъ Австрійскимъ посланникомъ на коронацію Павла I, графа Дитрихштейна, умерла въ 1847 году въ Вѣнѣ и погребена въ Римѣ. Переходъ ея, какъ и многихъ другихъ Русскихъ дамъ, въ католичество, достаточно объясняется исторіей ея воспитанія въ Россіи. Въ концѣ 18 столѣтія Русскіе вельможи Екатерининскаго двора отличались Французскимъ воспитаніемъ, Французскими нравами и отрицательнымъ философскимъ настроеніемъ того времени. Родители княгини Д. были люди безъ всякой вѣры, смотрѣли съ презрѣніемъ на церковь, къ которой принадлежали по рожденію, и считали предразсудкомъ всякое религіозное чувство. Въ такой средѣ выросла и младшая графиня Шувалова, посреди блеска придворной жизни; но натура ея была восторженная и стремилась безсознательно и смутно къ религіозному идеалу, не находя удовлетворенія ни въ чемъ около себя. Въ родительскомъ домѣ, изъ приличія, ходилъ къ ней священникъ давать уроки Закона Божія; но ко всему, что̀ говорилъ онъ ей, можетъ быть безъ умѣнья и безъ чувства, она относилась отрицательно, присутствовала равнодушно при церковной службѣ въ торжественные дни, ничего не понимая, и никогда не заглядывала въ Евангеліе, такъ какъ слыхала постоянно въ кругу своемъ однѣ и тѣже рѣчи про Библію, что она наполнена пустяками и выдумками. Но смутное чувство тревоги и духовнаго недовольства мучило ее постоянно. Въ такомъ состояніи видѣла она, передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, сонъ, произведшій сильное на нее впечатлѣніе. Она видѣла спускавшійся сверху образъ на полотнѣ и слова, которыя смутно припомнила уже на другой день: «Нерукотворенный образъ». Таково было дикое образованіе, дававшееся въ

ту пору знатнымъ людямъ въ Россіи, что дѣвушка не поняла смысла этихъ словъ, и звуки ихъ казались ей дикими. Ей извѣстно было, что значитъ Le saint suaire, а объясненіе словъ Нерукотворенный образъ она узнала съ удивленіемъ на другой день отъ матери. Съ тѣхъ поръ она достала себѣ этотъ образъ и привязалась къ нему съ дѣтскою вѣрою, отвергая въ тоже время вѣру Евангельскую съ упорнымъ предубѣжденіемъ. Любопытенъ и другой случай. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, бывъ въ Петербургѣ на чтеніи 12 Евангелій въ Великій Четвергъ, она стояла равнодушно, забавляясь свѣчею и не слушая, когда вдругъ тронула ее сестра, болѣе ея знакомая съ церковью, и сказала: «Слышишь?»—«Что такое?» спросила графиня.—«А вотъ слышишь: когда пронзили копьемъ умершаго Спасителя, изъ раны потекла кровь съ водою»—«Какіе пустяки, отвѣчала графиня, это не можетъ быть»—«Господи! отозвалась сестра, да развѣ ты не христіянка?»—«Да, я христіянка, только по моему Христосъ—просто человѣкъ и былъ мудрый законодатель». Въ слѣдствіе такого разговора сестра подарила ей Французское Евангеліе и умоляла прочесть его; но оно долго казалось ей противно; наконецъ, черезъ годъ, принялась она за него съ отвращеніемъ, но съ первой же страницы вниманіе ея было приковано, и за тѣмъ она уже не разставалась съ книгою. И такъ первыя понятія о вѣрѣ пришли къ княгинѣ Д. черезъ Французскую книгу и, вѣроятно, пали на почву, уже подготовленную католическимъ вліяніемъ; ибо на нее сразу подѣйствовали тексты, приводимые папистами въ основаніе догмата о папствѣ. Однако и затѣмъ религіозная борьба въ ней не прекращалась, и обращеніе ея въ католичество совершилось уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ Римѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ папы Пія VII и подъ наитіемъ той экзальтаціи къ Пію VII, которая овладѣла всѣми католиками во время нахожденія его въ плѣну у Наполеона. Формула ея отреченія, для нея составленная, такъ понравилась папѣ, что онъ приказалъ употреблять ее всякій разъ при переходѣ обращаемыхъ въ католичество изъ Грековосточной церкви. И такъ въ исторіи княгини Дитрихштейнъ мы встрѣчаемъ обычное явленіе. Восторженная натура, вовсе незнакомая съ религіозными ощущеніями въ средѣ своей природной церкви и воспитанная въ отчужденіи отъ всего Русскаго, испытываетъ первые религіозные восторги въ средѣ чуждой церкви, и подъ вліяніемъ этихъ первыхъ впечатлѣній всею душою привязывается къ этой церкви, полагая въ ней одной найти истину вѣры. Въ слѣдъ за княгинею Д. обратились въ католичество нѣкоторые другіе члены ея семейства, въ томъ числѣ старуха-мать, на 64-мъ году жизни, бывшая до того времени совсѣмъ безъ вѣры. (О старухѣ-матери, игравшей большую роль при нашемъ дворѣ, много подробностей въ XV книгѣ «Архива Князя Воронцова», въ письмахъ А. Я. Протасова).

*

Aus meinem Leben. Von Louis Schneider (Berlin, 1879. I Band). Подъ этимъ заглавіемъ недавно изданъ въ свѣтъ первый томъ Записокъ извѣст-

наго многимъ въ Россіи стараго чтеца при старомъ императорѣ Вильгельмѣ, Шнейдера. Сынъ Берлинскаго капельмейстера, Шнейдеръ съ ранней молодости получилъ призваніе къ театру, и вмѣстѣ съ тѣмъ горячее патріотическое сочувствіе къ военному быту и къ солдатскому званію. И то и другое, при врожденной талантливости, сдѣлало его извѣстнымъ королю и въ послѣдствіи приблизило къ Прусскому королевскому дому. Въ 30-хъ годахъ онъ началъ издавать въ Берлинѣ популярную военную газету подъ назв. Soldatenfreund. Онъ зналъ въ совершенствѣ и до мелочей военный уставъ и полковую службу, и все, что̀ происходило въ войскѣ, составляло для него предметъ живѣйшаго интереса, ежедневныхъ наблюденій и ежедневной литературной дѣятельности.

Покойный Государь Николай Павловичъ, любя все военное, во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ Берлинъ, обратилъ вниманіе на Шнейдера, оказывалъ ему всегда милостивое расположеніе и вступалъ съ нимъ въ разговоры о предметахъ военной службы. Присутствуя на Прусскихъ маневрахъ, онъ требовалъ, чтобъ и Шнейдеръ былъ тутъ же, вызвалъ его на маневры въ Калишъ и приглашалъ къ себѣ въ Петербургъ, гдѣ Шнейдеръ и былъ лѣтомъ 1847 года и игралъ неоднократно на Петербургскомъ театрѣ. Онъ зналъ довольно хорошо порусски, былъ знакомъ со многими Русскими генералами и писателями и въ 1848 году писалъ въ Русскіе журналы (именно Гречу въ С. Пчелу) политическія корреспонденціи, очень интересовавшія покойнаго Государя. Императоръ Николай Павловичъ любилъ и газету его, подписался на нее впередъ на 25 лѣтъ и каждый годъ награждалъ издателя драгоцѣнными подарками.

Записки Шнейдера не представляютъ общаго интереса, хотя написаны не безъ таланта и легко читаются. Большая часть книги наполнена разсказами изъ театральнаго міра Берлина, Парижа и Лондона. Но для Русскаго читателя интересны тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, къ которому онъ питалъ чувство обожанія,—на равнѣ со многими другими въ Пруссіи: тамъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, слово Императоръ означало для всѣхъ не кого иного какъ Русскаго государя. Послѣдняя глава книги, подъ заглавіемъ «въ Петербургѣ», содержитъ въ себѣ подробности пребыванія Шнейдера въ Петербургѣ и въ Петергофѣ и разсказы о частыхъ его встрѣчахъ съ Государемъ и о разговорахъ, которыми Государь его удостоивалъ. Приводимъ изъ этого описанія характерную страницу: государь Николай Павловичъ, посреди лагерныхъ занятій, объясняетъ Шнейдеру свой взглядъ на жизнь, какъ на служеніе долгу. Извѣстно, какъ вѣренъ былъ покойный Государь до послѣдней минуты этому возвышенному воззрѣнію.

«Скажу тебѣ, Шнейдеръ: здѣсь, между солдатами и посреди этой дѣятельности, я чувствую себя совершенно счастливымъ. Понимаю вполнѣ, что хоть ты самъ и не солдатъ, но показываешь такую любовь ко всему военному. Здѣсь порядокъ, строгая, рѣшительная законность, нѣтъ умничанья и противорѣчія,

здѣсь все одно съ другимъ сходится въ совершенномъ согласіи. Никто не отдаетъ приказаній, пока самъ не выучится повиноваться; никто безъ права другъ передъ другомъ не возвышается, все подчинено опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое значеніе, и тотъ самый человѣкъ, что сегодня дѣлалъ мнѣ по командѣ на караулъ, завтра идетъ на смерть за меня. Только здѣсь нѣтъ никакихъ фразъ, нѣтъ лжи, которую видишь повсюду. Здѣсь не поможетъ никакое притворство, потому что всякій долженъ рано или поздно показать чего онъ стоитъ, въ виду опасности и смерти. Отъ того мнѣ такъ хорошо между этими людьми, и отъ того у меня военное званіе всегда будетъ въ почетѣ. Въ немъ повсюду служба, и самый главный командиръ тоже несетъ службу. Всю жизнь человѣческую я считаю ничѣмъ инымъ какъ службою: всякій человѣкъ служитъ. Многіе, правда, служатъ страстямъ своимъ, а солдатъ менѣе всего можетъ служить страстямъ, даже и наклонностямъ своимъ. Отъ чего на всѣхъ языкахъ есть слово богослуженіе? Это не случайное явленіе—тутъ есть глубокій смыслъ. Человѣкъ долженъ весь, какъ есть, нести службу Богу, безъ лицемѣрія, безъ всякихъ условій. Еслибы на свѣтѣ каждый несъ только ту службу, какая ему выпала на долю, всюду были бы тишина и порядокъ; и когда бы отъ меня зависѣло, подлинно не было бы на свѣтѣ никакого безпорядка, ни нетерпѣнія. Посмотри, вонъ идетъ на смѣну караулъ: до обѣда ужъ не много осталось, но еще не пришелъ часъ, и они идутъ не ѣвши и останутся на часахъ не ѣвши, пока ихъ не смѣнятъ. И вѣдь, никто не жалуется. Служба! Такъ и я стану нести свою службу до самой своей смерти и не перестану заботиться о храбромъ солдатѣ».

*

Въ Берлинѣ началось изданіе политической корреспонденціи Фридриха Великаго (Politische Correspondenz Friedrich des Grossen). Въ 1879 году вышелъ второй томъ этого интереснаго изданія, заключающій въ себѣ переписку за два года 1742 и 1743 съ Прусскими и съ иностранными союзными министрами и государями. Вся она, почти исключительно на Франц. языкѣ и показываетъ Фридриха, такъ сказать, изо дня въ день, посреди первой Силезской войны, со всѣми планами искусной его политики. Многое здѣсь относится до Россіи. Въ 1742 году Фридрихъ заканчиваетъ блестящую кампанію Бреславскимъ миромъ, который спѣшитъ заключить, пока фортуна ему благопріятствуетъ. «Надо умѣть во время остановиться, пишетъ онъ; насиловать счастье, значитъ потерять его; желать больше и больше—это способъ лишиться счастья». На какомъ основаніи можно было бы заключать миръ? спрашиваетъ Франц. маршалъ Бель-Иль. Фридрихъ отвѣчаетъ ему: Beati possidentes—тѣми же словами, которыя мы не давно слышали, не вполнѣ уразумѣвъ, отъ другаго Прусскаго политика, идущаго по стопамъ Фридриха. Для того чтобъ удержать пріобрѣтенное, Фридрихъ расчитываетъ на хорошую и

большую армію, на обильную казну, на крѣпости, которыя тотчасъ же начнетъ строить, и на показные союзы (alliances de parade), которые можно выставить внушительно передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Съ этою цѣлью онъ ищетъ всѣми способами союза съ Россіей, гдѣ у двора борются партіи, сплетаются интриги враговъ, гдѣ Шетарди готовитъ уже въ тайнѣ громадную силу противъ Прусскаго короля. Онъ самъ объясняетъ своему министру Подевильсу, зачѣмъ ему нуженъ союзъ. «Таковы, говоритъ онъ, предразсудки въ Европѣ, что одно названіе союза дѣйствуетъ на всѣхъ внушительно: оно привлекаетъ расположенныхъ, а на враговъ нагоняетъ страхъ. У насъ есть союзъ съ Англіей, но этого недостаточно противу Франціи и Австріи: чтобы подѣйствовать на нихъ, нуженъ союзъ съ Россіей. Я знаю, что въ сущности это одна наружность, что помощи нечего ждать отъ Россіи, что даже Силезіи она не гарантируетъ намъ рѣшительно въ договорѣ. Но за то союзникъ не будетъ противъ насъ, тылъ нашъ обезпеченъ, Европѣ внушается опасеніе, и мы становимся однимъ почеркомъ пера сильнѣе, чѣмъ, можетъ быть, въ дѣйствительности». Въ другой разъ онъ пишетъ: «Надо приказать всѣмъ нашимъ министрамъ, чтобы всюду выставляли на показъ тѣсный союзъ нашъ съ Русскими, и пусть изъ Петербурга тоже прикажутъ своимъ; это будетъ картина» (ce la fera tableau). Въ тоже время онъ выражается: «Я знаю, что это союзъ безъ содержанія (о всемъ договорѣ онъ говоритъ: c'est un assemblage de mots sans âme qui ne promettent et ne roulent sur rien); я смотрю на Россію какъ на державу слабую внутри у себя, управляемую женщиною пристрастною къ наслажденіямъ и состоящею въ зависимости (?) отъ Сената, который преданъ грабительству и потому заключилъ себя во внутреннихъ дѣлахъ, не заботясь о внѣшней политикѣ». — Чтобы привлечь на свою сторону господствующую при дворѣ партію, Фридрихъ не скупится на подарки, на пенсіоны Бестужеву, Бреверну, Лестоку и др., о чемъ безпрерывно пишетъ Мардефельду, однако требуетъ соблюденія экономіи; прослышавъ въ Апрѣлѣ 1743 года о колебаніи министерства въ Россіи, онъ велитъ придержать выдачи, чтобы не тратить деньги даромъ. Особенно заботится онъ привлечь братьевъ Бестужевыхъ, но всячески желаетъ ихъ паденія. Когда сдѣлалась извѣстна Петербургская исторія о заговорѣ маркиза Ботты, Фридрихъ приводитъ въ движеніе всѣ пружины своей политики въ Петербургѣ, чтобы вызвать паденіе противной ему партіи и подѣйствовать на Императрицу страхомъ новыхъ интригъ и заговоровъ въ пользу Іоанна Антоновича. Звоните во всѣ колокола, пишетъ онъ Мардефельду (faites le carillon du diable). Особенно настаиваетъ онъ въ каждомъ письмѣ на необходимости удалить Брауншвейгскую фамилію, и какъ можно далѣе, въ Сибирь. Нѣтъ сомнѣнія, что эти настоянія Фридриха не мало способствовали къ ухудшенію судьбы изгнанниковъ. «Пользуйтесь случаемъ, повторяетъ онъ Мардефельду; я согласенъ заранѣе на все, что̀ вы будете обѣщать Русскимъ министрамъ, чтобы привлечь ихъ на мою сторону. Словомъ сказать, раздувайте огонь противъ моихъ враговъ и фальшивыхъ друзей, куйте желѣзо пока горячо, всяческими спо-

собами. Теперь или никогда время соединить наши интересы съ Россіей такъ крѣпко, какъ только можно».—На ряду съ этими важными интересами Фридрихъ занимается обсужденіемъ сдѣланнаго ему Мардефельдомъ предложенія—выпросить для него у Императрицы 300 казаковъ для переселенія въ Пруссію. Она охотно соглашается, но съ тѣмъ, чтобъ ихъ переселили съ женами и дѣтьми; планъ этотъ не состоялся именно за невозможностью переселить женъ и дѣтей.

Немаловажный предметъ переписки составляетъ выборъ невѣсты для вел. князя Петра Ѳедоровича. Фридрихъ рѣшительно отклоняетъ предложеніе взять для него одну изъ Прусскихъ принцесъ, и съ горячностью берется за сватовство принцессы Ангальтъ-Цербстской, которое и приводитъ къ желанному концу, осыпая похвалами будущую императрицу Екатерину.

*

Въ прошлогоднихъ Книжныхъ Вѣстяхъ упоминалось о пребываніи въ Россіи извѣстнаго Американца Мотлея, талантливаго автора исторіи освобожденія Нидерландовъ, и о написанной имъ въ то время статьѣ о Петрѣ Великомъ. Эта статья, бывшая едва ли не первымъ опытомъ въ литературѣ автора, пріобрѣтшаго въ послѣдствіи всемірную знаменитость, напечатана была въ мало доступномъ періодическомъ Американскомъ изданіи North american Review 1845 года. Но въ прошломъ году изданъ въ Лондонѣ сборникъ замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ (Essays from The North american Review, edited by Rice, Lond. 1879. Nimmo and Bain), и въ числѣ ихъ помѣщена статья Мотлея: Peter the Great. Она во всякомъ случаѣ любопытна для Русскихъ читателей и по таланту, съ которымъ написана, и по тому искреннему чувству удивленія, которое возбуждали въ авторѣ черты характера Петрова, впервыя ясно представившіяся ему въ краткое время пребыванія его въ Петербургѣ. Въ талантливомъ, живо написанномъ очеркѣ онъ обозрѣваетъ главныя событія въ жизни Петра и Россіи, при чемъ не обходится конечно безъ ошибокъ и недоразумѣній свойственныхъ иностранцу, и еще сыну дальней республиканской страны, когда онъ подходитъ съ-чужа къ Русскому быту и къ Русской исторіи. Но главныя черты характера схвачены имъ мѣтко и вѣрно. Вотъ какъ начинается статья Мотлея: «Однажды, въ 1697 году, герцогу Марльборо случилось быть въ деревенькѣ Саардамѣ. Онъ посѣтилъ рабочіе доки нѣкоего Мингера Кальфа, богатаго кораблестроителя, и его вниманіе остановилось на одномъ изъ рабочихъ. Это былъ могучій, широкоплечій дѣтина, въ красной фуфайкѣ и въ теплыхъ штанахъ, въ матросской шляпѣ: онъ сидѣлъ съ топоромъ въ рукахъ на толстомъ бревнѣ, на полу. Черты лица его были рѣзкія, правильныя; густые черные волосы вились, падая ему на шею; онъ былъ отмѣнно крѣпкаго, тѣлосложенія, на рукахъ и на шеѣ виднѣлись нѣсколько надутыя жилы: все показывало въ

немъ кипучій темпераментъ и привычки къ вольному удобству, необычныя для рабочаго званія: черные глаза быстрымъ, рѣшительнымъ взглядомъ перебѣгали отъ одного предмета на другой съ замѣчательною неугомонностью. Онъ былъ занятъ въ эту минуту горячимъ разговоромъ съ какими-то иностранцами, перебивая по временамъ ихъ рѣчь, нетерпѣливо, гортаннымъ, но очень пріятнымъ голосомъ. Когда онъ горячился въ разговорѣ, черты его судорожно кривились, кровь бросалась въ голову, руки приходили въ движеніе съ сильными жестами, такъ что казалось, всякую минуту, онъ разразится какимъ нибудь страстнымъ порывомъ, или сдѣлается съ нимъ припадокъ каталепсіи. Странно казалось однако, что товарищи его нисколько не смущались этимъ его обращеніемъ, хотя держали себя въ отношеніи съ нимъ съ крайнимъ почтеніемъ; и вскорѣ, искривленныя черты его принимали прежній гармоническій видъ и пріятное выраженіе; проходили минутные порывы похожіе на бѣшенство, и все лицо его озарялось ясною улыбкою».

Авторъ, описывая юность Петра, останавливается особенно на сближеніи его съ Лефортомъ и съ Меншиковымъ. «Есть—замѣчаетъ онъ,—нѣчто невыразимо-романтическое въ тѣхъ странныхъ случайностяхъ, которыми опредѣлялась въ великой драмѣ всей карьеры Петра встрѣча его съ главными дѣятелями этой драмы: какъ будто сама высокая рука судьбы направляла его и черезъ него распредѣляла имъ роли». Съ изумленіемъ останавливается Мотлей передъ величіемъ задуманнаго Петромъ плана—завоевать Балтійскій берегъ у Шведовъ и Эвксинскій у Турокъ. «Распознать и оцѣнить всю необходимость этого дѣла для Россіи — одно это показывало великій геній въ молодомъ варварски-воспитанномъ князѣ; но когда видишь непреклонную его рѣшимость начать и совершить это громадное дѣло въ виду десятка тысячъ препятствій, невольно признаешь его великимъ героемъ». «Этотъ человѣкъ,—замѣчаетъ онъ далѣе,—можетъ быть, явственнѣе чѣмъ кто либо изъ смертныхъ, служилъ воплощеніемъ силы воли. Онъ рѣшалъ въ душѣ своей опредѣлительно, что ему нужно, и за тѣмъ надѣвалъ себѣ на голову шапку хотѣнія; хотѣть значило для него достигнуть. Препятствія, какія бы то ни было, у него сами собою разумѣлись какъ дѣло обыкновенное. Кажется, и въ мысль ему не входило усумниться въ достиженіи цѣли. Чудомъ изъ чудесъ этой несокрушимой воли Петра авторъ почитаетъ построеніе Петербурга, хотя признаетъ выборъ этого мѣста для столицы ошибкою. Другой поразительный примѣръ онъ указываетъ въ дѣятельности Петра послѣ страшнаго Нарвскаго погрома, изъ котораго царь вышелъ какъ ни въ чемъ ни бывало и тотчасъ сталъ готовиться къ другой кампаніи. «Онъ какъ будто не имѣлъ и подозрѣнія о томъ, что его разбили. И въ правду, это былъ одинъ изъ тѣхъ нравственныхъ Титановъ, о коихъ говорится, что они не имѣютъ ни малѣйшаго сознанія своей силы до тѣхъ поръ, пока не ударятся крѣпко объ землю».

Въ описаніи сѣверной войны Мотлей рисуетъ, на ряду съ портретомъ Петра, художественными чертами, портреты союзника его Августа и врага

Карла. Образъ Петра очевидно очаровываетъ его и, разсказывая безъ прикрасъ страшное дѣло царевича Алексѣя, авторъ возражаетъ съ энергіей противъ пристрастныхъ нападокъ на Петра въ извѣстной книгѣ маркиза де Кюстина, по поводу коей и статья была написана. «Чѣмъ больше вникаешь, говоритъ онъ, въ характеръ Петра и въ свойства его честолюбія, тѣмъ яснѣе видишь, что хотя онъ обладалъ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ и имѣлъ успѣхъ въ военномъ дѣлѣ, но не эти успѣхи, сами по себѣ,—certaminis gaudia—служили главною ему приманкою. Повидимому, его радовали, не сами по себѣ, битвы его и побѣды, и онъ не стремился къ завоеваніямъ дальше того, что́ ему требовалось для опредѣленной цѣли. Завоевывая, онъ не стремится быть завоевателемъ; одерживая побѣды надъ великими воеводами того вѣка, онъ готовъ вложить мечь въ ножны, какъ только достигнута цѣль борьбы. Честолюбіе его состояло въ томъ, чтобъ быть основателемъ, и ничто не могло отвратить его, ни въ побѣдѣ, ни въ пораженіи, отъ предположенной цѣли. Онъ рѣшилъ продвинуть свое государство до Океана, создать новую столицу и насадить здѣсь и во всемъ государствѣ начала Европейской цивилизаціи»...

Приведемъ въ заключеніе замѣчательный отзывъ Мотлея о Русскомъ флотѣ, созданномъ Петромъ, припоминая, что слова эти сказаны Американцемъ и что они сходятся съ возникшимъ недавно въ нашемъ обществѣ движеніемъ. «Напрасно — говоритъ Мотлей—причисляютъ къ ошибкамъ Петра созданіе флота въ Россіи. Въ тысячу разъ лучше было имѣть Черное море и Балтійское, чѣмъ не имѣть никакого; и еслибы преемники Петра приложили хотя въ половину противъ него заботъ къ развитію морской торговли въ Россіи, тогда бы Россія, вмѣсто всей этой выставки линейныхъ кораблей, фрегатовъ и паровыхъ судовъ, могла создать себѣ торговый флотъ, и сама могла бы орудовать значительною своею заграничною торговлею, которая нынѣ производится исключительно иностранными, преимущественно Англійскими судами; тогда могла бы она развить въ себѣ зародышъ мореходнаго населенія,—въ ожиданіи Константинополя. Но покуда Россія не убѣдится въ томъ, что сила флота состоитъ не въ судахъ, а въ морякахъ, не можетъ она быть могущественною державою на морѣ, сколько бы ни строила себѣ линейныхъ и боевыхъ кораблей».

*

Извѣстный Англійскій ученый и писатель Сеніоръ, проживая большею частію въ Парижѣ, поддерживалъ постоянныя дружескія отношенія съ главными представителями политическаго и литературнаго движенія въ Парижѣ и въ Лондонѣ и имѣлъ съ ними ежедневныя бесѣды, которыя тщательно записывалъ и потомъ давалъ провѣрять своимъ собесѣдникамъ. Эти записки, послѣ

смерти Сеніора, издаетъ дочь его, отдѣльными серіями, смотря по тому, какъ вымираютъ собесѣдники. Въ прошломъ году издана одна изъ этихъ серій, въ двухъ томахъ (Conversations with mr. Thiers, mr. Guizot and other distinguisched persons during the Second Empire by Senior. Lond. 1878). Книга въ высшей степени интересная: она объемлетъ эпоху Крымской войны, показываетъ закулисныя пружины, которыми война возбуждалась и описываетъ впечатлѣнія отдѣльныхъ ея эпизодовъ въ правительствѣ и въ обществѣ второй имперіи. Военнымъ собесѣдникомъ автора является въ этой книгѣ генералъ Хржоновскій, и бесѣды съ нимъ содержатъ въ себѣ критику военныхъ дѣйствій этой кампаніи и Наполеоновскихъ войнъ съ Россіей.

*

Въ послѣднихъ выпускахъ Всемірной Исторіи, издаваемой въ Берлинѣ Вильг. Онкеномъ, помѣщена исторія Петра Великаго, написанная Дерптскимъ проф. Брикнеромъ, извѣстнымъ и въ Русской литературѣ своими прекрасными историческими трудами (напр. о Посошковѣ). Безъ сомнѣнія, это первая серіозная исторія на Нѣмецкомъ языкѣ, составленная по Русскимъ источникамъ серіознымъ Русскимъ ученымъ. Въ связи съ этимъ сочиненіемъ состоитъ другое, того же автора изслѣдованіе о царевичѣ Алексѣѣ (Brückner. Der Zarevitch Alexei. 1650—1718. Heidelberg 1879).

*

Недавно появились на Французскомъ языкѣ, и потомъ изданы въ Англійскомъ переводѣ, Записки извѣстной художницы Вижè Лебренъ (Souvenirs de madame Vigée Lebrun). Дочь извѣстнаго портретиста Вижè, она сама прославилась въ Европѣ своимъ талантомъ въ живописи, равно какъ умомъ своимъ, любезностью и красотою. До революціи она была блестящимъ украшеніемъ высшаго Парижскаго круга; но революція выгнала ее изъ Франціи, сначала въ Италію, потомъ въ Вѣну: всюду, гдѣ ни появлялась, она занимала почетное мѣсто въ блестящемъ кругу свѣтскаго общества. Изъ Вѣны проѣхала она въ Петербургъ, и самую интересную часть ея Записокъ составляютъ Петербургскія воспоминанія. Она пріѣхала въ концѣ царствованія Екатерины. Въ разсказахъ Вижè-Лебренъ отражаются впечатлѣнія этихъ событій на томъ обществѣ, въ которомъ она была ежедневною гостьей. На обратномъ пути черезъ Пруссію она описываетъ несчастную королеву Луизу и впечатлѣнія Іенскаго погрома. Ненавидя Наполеона, главнымъ образомъ за любимую ею Прусскую королеву, она вернулась въ отечество уже по возстановленіи Бурбоновъ.

Г-жа Виже Лебрèнъ отправилась въ Россію изъ Вѣны въ 1795 году, по приглашенію Русскаго посланника, съ чувствомъ живѣйшаго интереса, возбу-

жденнаго въ ней восторженными разсказами принца де Линя о Екатеринѣ II. Въ Россіи она пробыла до восшествія на престолъ Александра, находясь въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ дворомъ и съ высшимъ Петербургскимъ обществомъ, которое встрѣтило ее и принимало радушно. Она разсказываетъ много объ Императрицѣ, о великихъ князьяхъ и княжнахъ и о знатныхъ лицахъ того времени. Съ Петербургскою красавицей княгиней Долгорукой она была въ дружескихъ отношеніяхъ и часто говоритъ объ ней, равно какъ и о графинѣ Строгоновой. Г-жа Виже́ Лебренъ проживала въ Петербургѣ во все время царствованія Павла Петровича и была свидѣтельницею террора, господствовавшаго въ Петербургскомъ обществѣ подъ новою властью.

*

Австрія и Пруссія въ войну за освобожденіе. Выводы изъ документовъ о политической исторіи 1813 года. Вильг. Онкена. (Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Von Wilhelm Oncken. 2-er Band. Berlin. 1879). Первая часть этого сочиненія вышла въ 1877 году. Нынѣ появилась вторая часть. Главное достоинство этого труда составляетъ собраніе замѣчательныхъ документовъ, найденныхъ издателемъ въ архивахъ Вѣнскомъ, Ганноверскомъ, Берлинскомъ и Дрезденскомъ. Особливо въ Ганноверѣ издатель воспользовался хранящеюся тамъ дипломатическою корреспонденціей графа Гарденберга и частными архивами бумагъ князя Меттерниха. Австрійская политика того времени была въ рукахъ у этого знаменитаго министра, и потому кн. Меттернихъ есть главное лицо въ изслѣдованіяхъ Онкена. Личность его является, по этимъ изслѣдованіямъ, въ новомъ свѣтѣ. До сихъ поръ господствовавшее мнѣніе представляло Меттерниха въ характерѣ равнодушнаго сибарита. Книга Онкена представляетъ его человѣкомъ неутомимо дѣйствовавшимъ по неизмѣнному плану, съ удивительною твердостью, ловкостью и послѣдовательностью въ теченіе всего длиннаго періода политической дѣятельности. Въ званіи Австрійскаго посланника въ Берлинѣ онъ работаетъ надъ устройствомъ союза между Австріей, Пруссіей и Россіей противъ Франціи. Потомъ онъ посланникомъ въ Парижѣ; проникнутый идеей о необходимости противодѣйствовать Наполеоновской системѣ, съ восторгомъ встрѣчаетъ войну 1809 года. Управляя министерствомъ, старается обольстить Наполеона съ тѣмъ, чтобы втайнѣ подготовиться и, выждавъ время, выступить на борьбу съ нимъ; помогаетъ устроиться браку его съ Маріей Луизой съ тѣмъ, чтобы купить этою цѣною для Австріи нѣсколько годовъ спокойствія и ослабить союзъ Наполеона съ Александромъ; въ Мартѣ 1812 года заключаетъ вынужденный союзъ съ Франціей противъ Россіи и въ тоже время входитъ съ Россіей въ секретнѣйшее соглашеніе о томъ, что Австрійскія войска будутъ дѣйствовать противъ нея только для виду; наконецъ, въ 1813 году приступаетъ къ коалиціи противъ Наполеона. Онкенъ показываетъ, какихъ тру-

довъ и усилій стоило Австрійскому министру преодолѣвать противодѣйствіе со стороны Австрійскаго императора и какъ онъ долженъ былъ мало по малу, шагъ за шагомъ, переводить его изъ одного положенія и рѣшенія въ другое. Книга Онкена содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики Прусскаго государственнаго дѣятеля Гарденберга и другихъ лицъ.

*

Въ Лондонѣ издана прекрасно написанная извѣстнымъ профессоромъ Сили, въ 3 томахъ, біографія знаменитаго Прусскаго министра и патріота, врага Наполеонова, Штейна. Она содержитъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ Штейна къ императору Александру Павловичу въ отечественной войнѣ и въ войнѣ за освобожденіе Европы (Life and Times of Stein, by Seeley. Lond. 1879). Книга эта появилась и въ Лейпцигскомъ изданіи Таухница.

Тотъ же авторъ біографіи Штейна издалъ, съ прекрасно написаннымъ предисловіемъ, книгу подъ назван. Жизнь и приключенія Эрнста Морица Арндта, пѣвца Германскаго отечества (The Life and Adventures of E. M. Arndt, the Singer of the German fatherland. Lond. 1879. Seeley and Sackson). Книга искусно составлена по Германскимъ источникамъ и по запискамъ самого Арндта о странствованіяхъ его, между прочимъ, и по Россіи, вмѣстѣ со Штейномъ, въ эпоху его изгнанія.

*

Римъ и Димитрій (Rome et Demetrius. Paris. 1879. Leroux) — изложеніе исторіи Димитрія самозванца съ точки зрѣнія Іезуитскаго патера Пирлинга. Оно составлено на основаніи документовъ изъ Ватиканскаго архива, о сношеніяхъ Римскаго двора съ папскимъ нунціемъ того времени въ Польшѣ. Главная цѣль автора показать, что Дмитрій не былъ только орудіемъ Іезуитовъ и папской интриги. Римская политика, по словамъ его, имѣла въ виду исключительно благо Россіи, и Іезуиты дѣйствовали совершенно безкорыстно, изъ христіанской любви къ Русскому народу. Какая блистательная будущность—восклицаетъ онъ—ожидала бы Россію, когда бъ она обратилась отъ тьмы къ свѣту по пути, указанному Римскимъ первосвященникомъ! Сколькихъ бѣдствій избѣжала бы она и, можетъ быть, въ эту минуту властвовала бы надъ умиротвореннымъ Востокомъ! Впрочемъ о личности самого Лжедимитрія книга не содержитъ никакихъ новыхъ свѣдѣній.

*

Во Франціи появилось новое, полное изданіе извѣстныхъ уже въ ученомъ мірѣ записокъ рыцаря Гильберта де-Ланнуа о поѣздкѣ его въ Русскую землю (Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Recueillies et publiées par Potvin. Louvain. 1878). Ланнуа, Фламандскій рыцарь XIV столѣтія, бывшій на службѣ при Бургундскомъ дворѣ, предпринялъ въ 1413 году поѣздку въ Пруссію къ рыцарямъ Тевтонскаго ордена для участія въ борьбѣ съ невѣрными, оттуда посѣтилъ изъ любопытства Новгородъ и Псковъ, а затѣмъ, черезъ Литву, Польшу и Богемію, вернулся на родину. Онъ оставилъ любопытныя Записки съ описаніемъ видѣнныхъ имъ странъ, съ обычаями ихъ и нравами.

*

На Польскомъ языкѣ появилось въ 1879 году нѣсколько значительныхъ сборниковъ и сочиненій, относящихся до исторіи старой Польши: второй томъ «Кодекса дипломатическихъ сношеній великой Польши», издаваемаго графомъ Дзятинскимъ; пятый томъ изданія Краковской Академіи: Monumenta medii aevi historica; третій томъ, извѣстнаго изданія: Monumenta Poloniae historica, предпринятаго историкомъ Бѣлявскимъ и продолжаемаго, по смерти его, докторомъ Кетржинскимъ и проф. Ласке. Вышелъ въ свѣтъ, въ 4 томахъ, давно ожидаемый трудъ умершаго недавно Бартошевича: Древняя исторія Польши, съ подробнымъ изложеніемъ современныхъ отношеній Польши съ Русью, Чехіей и другими Славянскими государствами. Особенное вниманіе обратила на себя книга проф. Бобржинскаго: Очерки Польской Исторіи,—политическими взглядами автора-пессимиста на судьбу Польши и на ея дѣятелей, особливо на Сигизмунда I и на сына его Сигизмунда Августа. Въ числѣ историческихъ монографій, особенно замѣтны: сочиненіе Маргана Добецкаго, увѣнчанное Краковскою академіей: «Кудакъ, пограничная Украинская крѣпость», и сочиненіе Мантейфеля о Польской Ливоніи. Вышло нѣсколько любопытныхъ мемуаровъ: Записки Залѣсскаго, бывшаго депутатомъ на сеймѣ съ 1788 по 1791 годъ, извѣстнаго республиканца; Записки графа де-Лаво объ исторіи Кракова въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и Юліана Фальковскаго, объ участіи Поляковъ въ Венгерской революціи 1848—1849 года.

*

Профессоръ Кембриджскаго университета и членъ королевскаго историческаго общества, Вратиславъ, самъ родомъ изъ Славянъ, принадлежитъ къ числу любителей и знатоковъ въ Англіи всего Славянскаго. Главныя его за-

нятія относятся къ Чешскимъ древностямъ и Чешской литературѣ, но онъ слѣдитъ съ живымъ интересомъ за Русскою литературою и можетъ читать по-русски. Недавно издалъ онъ, для не многихъ (for private circulation), небольшую брошюру о Владимірѣ Мономахѣ (Wladimir Monomachus, Grand Prince of Kiew, by Wratislaw. Lond. 1879). Она содержитъ въ себѣ краткій очеркъ жизни Владиміра Мономаха, по Лаврентьевской лѣтописи, съ длинными выписками изъ завѣщанія и наставленія Мономахова. Эти памятники особенно поразили Вратислава, какъ необыкновенное явленіе эпохи, не отличавшейся просвѣщеніемъ. Сравнивая Мономаха съ другими современными князьями западной Европы, извѣстными книжною мудростью, онъ отдаетъ предпочтеніе Русскому князю.

*

Общество распространенія христіанскихъ знаній въ Лондонѣ издало небольшую книжку подъ заглавіемъ: Обращеніе Западныхъ Славянъ въ Христіанство, соч. Маклира (Maclear. Conversion of the West-Slavs. London 1879). Авторъ разсказываетъ исторію просвѣщенія западныхъ Славянскихъ племенъ въ христіанскую вѣру. Въ литературномъ отношеніи книга написана хорошо и читается легко и съ интересомъ, но не имѣетъ научнаго значенія и составлена большею частью по руководству иностранныхъ сочиненій о томъ же предметѣ.

*

Исторія введенія Христіанства въ Россіи, соч. г-жи Кастремонъ. (Histoire de l'introduction du Christianisme sur le continent russe et Vie de S-te Olga, par m-e d'Elissalde Castremont. Paris. 1879. 500 стр.). Это—литературный, а не ученый, разсказъ писательницы, жившей довольно долго въ Россіи и вдохновленный поэтическими преданіями лѣтописца и народа о крещеніи Руси и о дѣяніяхъ св. Ольги.

*

Въ Лондонѣ вышла первая часть сочиненія, написаннаго ученымъ раввиномъ Ефраимомъ Дейкардомъ, подъ заглавіемъ Massa Krim. Оно содержитъ въ себѣ политическую и литературную исторію древнихъ Еврейскихъ поселеній въ Крыму, т. е. Казаръ, Караимовъ и Раббанитовъ, или т. наз. Крымчаковъ. Объ этомъ предметѣ немало было писано въ послѣднее время по поводу древнихъ надгробныхъ надписей и рукописей, открытыхъ въ Чуфутъ-Кале Фирковичемъ. Многими заподозрѣна была ихъ подлинность, которую однако отстаиваютъ, на основаніи личныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, профессоръ

Хвольсонъ и докторъ Гаркави. Раввинъ Дейкардъ съ своей стороны прибавляетъ новые факты къ ихъ аргументаціи. Въ книгѣ его, по отзыву свѣдущихъ критиковъ, всего интереснѣе описаніе обрядовъ и обычаевъ нынѣшняго Еврейскаго, Раввинскаго и Караимскаго, населенія въ Крыму. Самъ авторъ владѣетъ богатымъ собраніемъ древнихъ Еврейскихъ памятниковъ изъ Крыма и предполагаетъ издать вскорѣ подробный каталогъ этому собранію.

*

Обзоръ Русской тактики за прошедшее и за настоящее время, соч. Спалени. (Spaleny, Rückblicke auf die rusische Taktik der Vergangenheit und Gegenwart. Graz. 1878. 175 стр.). Авторъ дѣлаетъ очеркъ военнаго искусства въ Россіи со временъ Петра Великаго, и останавливается въ особенности на вліяніи Миниха, на Русской тактикѣ въ 7-лѣтнюю войну и въ Суворовскихъ кампаніяхъ. Наполеоновскія войны уравняли тактическіе пріемы во всѣхъ Европейскихъ арміяхъ, но во второй четверти столѣтія Русская армія отличалась преобладаніемъ формальныхъ пріемовъ и возбужденіемъ новой вѣры въ могущество штыка. Вѣра эта поколебалась въ Крымскую кампанію. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ показываетъ, какое вліяніе имѣли новѣйшія преобразованія въ Русской арміи на измѣненіе тактическихъ пріемовъ, дѣлаетъ очеркъ событій послѣдней войны въ Болгаріи и заключаетъ такимъ выводомъ, что въ Русской арміи преобладаетъ еще духъ Суворовской тактики, независимо отъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ оружіи.

Исторія литературы.

Г. Курьеръ, авторъ появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ исторіи Русской литературы, издалъ на Франц. языкѣ исторію современной литературы у Славянъ (Histoire de la littérature contemporaine chez les Slaves. Paris. 1879). Послѣ этнографическаго и статистическаго обозрѣнія Славянскихъ племенъ, къ коимъ авторъ относится сочувственно, слѣдуютъ очерки литературъ: Болгарской, Сербской, Кроатской, Славянской, Чешской, Серболужицкой, Славонской, Галицко-русской и Польской. Книга оканчивается разсужденіемъ о панславизмѣ и о Славянскомъ вопросѣ. Авторъ черпалъ, конечно, не изъ первыхъ источниковъ, но обзоръ его составленъ старательно. Несочувственные отзывы его о Нѣмцахъ слѣдуетъ приписать господствующему нынѣ во Франціи временному настроенію. О Русской литературѣ авторъ не говоритъ въ этой книгѣ: ей посвящено отдѣльное его сочиненіе, о которомъ мы упоминали прежде.

*

Вышла въ Парижѣ книжка, содержащая въ себѣ обзоръ Славянскихъ литературъ за послѣднее десятилѣтіе, составленный Іезуитомъ Мартыновымъ (La littérature slave depuis dix ans, par le r. p. Martinow de la comp. de Jésus, Paris. 1879). Обзоръ этотъ составленъ старательно лицомъ, близко слѣдившимъ за явленіями литературы, преимущественно Русской, по книгамъ и по періодическимъ изданіямъ. Особаго вниманія въ немъ заслуживаетъ обозрѣніе ученыхъ трудовъ по Русской исторіи.

*

Историческія пѣсни Украйны и пѣсни Латышей съ береговъ Западной Двины. Періоды языческій, Норманскій, Татарскій, Польскій и казачій. Переводъ съ подлинныхъ текстовъ на Франц. языкъ А. Ходзько (Les chants historiques russes etc. par A. Chodzko. Paris. 1879). Г. Ходзько сдѣлалъ свой выборъ пѣсенъ изъ богатыхъ Русскихъ источниковъ, при чемъ главными пособіями служили ему Латышскія пѣсни, изданныя съ Русскимъ переводомъ въ Вильнѣ, въ 1868 году, Иваномъ Спрагисомъ, и историческія пѣсни Малорусскаго народа, въ изд. Антоновича и Драгоманова. Главнымъ матеріаломъ для языческаго періода послужили Латышскія пѣсни. Послѣдній отдѣлъ занятъ пѣснями о Богданѣ Хмѣльницкомъ. Въ концѣ книги въ приложеніяхъ помѣщены: статья Польскаго писателя Шайнохи подъ назв. «Завоеванія Польской сохи» въ Украйнѣ, послѣ Татарскаго погрома, и статьи Кулиша о козакахъ и о Польскихъ населеніяхъ въ Украинѣ.

*

Изслѣдованія о народномъ эпосѣ у Великоруссовъ, соч. Волльнера (Wollner, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig, 1879).

Восточная война.

Война въ Болгаріи. Разсказъ одного изъ дѣятелей. Соч. Бекеръ-паши (War in Bulgaria. A Narrative of personal Experiences. By Lieut.-General Valentine Baker-pasha. 2 vls. Lond. 1879. Sampson Low). Любопытная и поучительная исторія одного изъ великихъ эпизодовъ минувшей войны, кампаніи Мегеметъ-Али на Ломѣ противъ нашего Рущукскаго отряда. Генералъ Бекеръ присоединился къ арміи Мегеметъ-Али подъ Шумлою въ половинѣ

Августа 1877 года и оставался при ней въ роли вольнаго начальника штаба до половины Ноября. Онъ не имѣлъ опредѣленнаго званія въ арміи, но состоялъ совѣтникомъ при главнокомандующемъ, и нерѣдко былъ употребляемъ для военныхъ развѣдокъ и для командованія малыми отрядами, въ опасныхъ случаяхъ. Безъ сомнѣнія онъ принесъ Турецкой арміи много пользы своими указаніями, особенно когда требовалось скорое рѣшеніе или возбужденіе въ нерѣшимости. Настоящее сочиненіе его есть сводъ наблюденій умнаго, знающаго, хотя и предубѣжденнаго человѣка, надъ дѣйствіями и характеромъ обѣихъ армій и содержитъ въ себѣ много любопытныхъ разсказовъ и замѣчаній.

*

При Балканской арміи и въ Галиполи въ 1877—1878 году, соч. Файфъ Куксона (With the armies of the Balkans and at Gallipoli in 1877—1878. By Lieut.-Col. Fife Cookson. Lond. 1879. Cassel et C°). Авторъ этой книги прикомандированъ былъ въ 1877 году, въ качествѣ дополнительнаго военнаго агента, къ Британскому посольству въ Константинополѣ и получилъ приказаніе выѣхать къ своему посту немедленно, вмѣстѣ съ тремя другими офицерами. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Константинополь онъ получилъ отъ посланника инструкцію отправиться въ главную квартиру Балканской арміи и представлять донесенія о всѣхъ ея движеніяхъ, объ организаціи и о всѣхъ вообще предметахъ военнаго интереса. Присоединившись къ арміи Сулеймана-паши, онъ былъ вмѣстѣ съ нею въ Ени-Загрѣ и затѣмъ подъ Шипкою, откуда въ Октябрѣ вызванъ былъ въ Константинополь, а въ исходѣ Ноября командированъ въ Орханіе, и 2 Декабря присоединился въ командѣ къ лагерю Мехмедъ-Али, смѣненному вскорѣ Шакиръ-пашою. При послѣдовавшемъ вскорѣ погромѣ Турецкой арміи, Англ. военный агентъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ, но поспѣшилъ скрыться; ибо въ инструкціяхъ ему было предписано всячески избѣгать какъ бы не попасться въ плѣнъ. Разсказъ его о всемъ, чему былъ свидѣтелемъ, весьма интересенъ: авторъ всячески старается быть безпристрастнымъ. Въ особенности любопытенъ разсказъ о бояхъ подъ Шипкою и о движеніяхъ Сулеймановой арміи. Книга наполнена подробностями объ организаціи Турецкой арміи, также весьма любопытными и поучительными. По свидѣтельству автора Сулейманъ строго преслѣдовалъ грабежи и насилія со стороны регулярнаго войска: виновныхъ наказывали, но Черкесы оставались безъ всякаго взысканія; только отнимали у нихъ добычу. Черкесы не хотѣли подчиняться никакой власти и за отнятіе награбленнаго грозили жаловаться на Сулеймана султану. Вообще—говоритъ авторъ—сколько я ни былъ въ Турціи, ни разу не слыхалъ, чтобы кто либо изъ Черкесовъ подвергался взысканію. Это приписываютъ сильному Черкесскому вліянію въ гаремахъ, такъ какъ всѣ знатные паши имѣютъ у себя самыхъ красивыхъ Черкешенокъ. Кромѣ того существуетъ утвердившееся мнѣ-

ніе, что Черкеса нельзя бить: онъ убьетъ за это непремѣнно, а за смерть Черкеса отомстятъ его товарищи, и потому всѣ боятся Черкесовъ.

*

Въ одно время съ появленіемъ этой книги, появилась и другая, служащая къ ней дополненіемъ—разсказъ другаго офицера, Грина, состоявшаго въ то же время и въ тѣхъ же мѣстностяхъ, при Русской арміи (The Russian army and its Campaigns in Turkey, By Greene, Lieut. Lond. 1879. Allen). Онъ тоже описываетъ подробно сраженія подъ Шипкою, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и на оффиціальныхъ документахъ. Кромѣ того въ каждой изъ названныхъ книгъ отдѣльная глава посвящена кампаніи въ Арменіи и осадѣ и взятію Карса.

*

О восточной войнѣ 1877—1878 года съ военной точки зрѣнія появляется немало серіозныхъ сочиненій, преимущественно на Нѣмецкомъ языкѣ. Таковы: изданная въ 1878 году книга Рюстова, и въ 1879 году книга Штукрада (v. Stuckrad. Der russisch-türkische Krieg. Hannover. 1879). Особенно цѣннымъ матеріаломъ для этой исторіи признаются записки Швейцарскаго полковника Отта, собравшаго на мѣстѣ вѣрныя и точныя свѣдѣнія (съ подробными планами мѣстностей и укрѣпленій) о дѣлахъ подъ Плевною и на Шипкѣ.

*

Съ взглядами Венгерской національной политики на восточный вопросъ и на послѣднюю войну можно ознакомиться по книгѣ Венгерца Каллая, конечно, ненавистника Россіи. Сочиненіе его издано и въ Нѣмецкомъ переводѣ: Die Orient-Politik Russlands. Von Benj. v. Kallay. Aus dem ungarischen von Prof. Schwicker. Budapest. 1879.

*

Герцогъ Аргайль, одинъ изъ передовыхъ представителей оппозиціи въ верхней палатѣ, издалъ по Восточному вопросу, въ двухъ большихъ томахъ, подробное изслѣдованіе Англійской политики въ Восточномъ вопросѣ со времени Парижскаго договора 1856 года до Берлинскаго трактата и до начала Афганской войны (The Eastern-Question, from the Treaty of Paris to the Treaty of Berlin and to the second Afghanwar. By the Duke of Argyll. 2 vls. Lond. 1879. Strahan). Основываясь на документахъ и консульскихъ донесеніяхъ, авторъ

разбираетъ съ безпощадною критикою дѣйствія нынѣшняго Англійскаго министерства и, описывая жалостное Турецкой администраціи, отдаетъ справедливость политикѣ Россіи.

Путешествія.

Англія и Россія въ средней Азіи соч. Бульджера (England and Russia in Central-Asia by Boulger. Lond. 1879. Allen). Авторъ промышляетъ, какъ видно, компиляціями на модные сюжеты. Издавъ незадолго передъ симъ жизнь Якубъ-Бега (см. Кн. Вѣсти прошл. года), онъ издалъ теперь обширную, въ 2 томахъ до 800 стран., компиляцію, которую посвятилъ извѣстному ученому Роулинсону. Книга содержитъ, въ 22 главахъ, описаніе Англійскихъ и Русскихъ изслѣдованій, путей сообщенія, географическаго положенія страны и изложенію вопросовъ о политическихъ отношеніяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ Средней Азіи. Но составлена она наскоро изъ отрывковъ набранныхъ отовсюду, и потому не имѣетъ большой цѣны.

*

Описаніе поѣздки черезъ Хоросанскую провинцію и на сѣверозападную границу Афганистана въ 1875 году, соч. полк. Макъ-Грегора (Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the North-West Frontier of Afghanistan in 1875. By Colon. Mac-Gregor. Lond. 1879. 2 vls. Allen et C⁰). Сочиненіе это написано однимъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба Англоиндійской арміи и содержитъ въ себѣ обстоятельныя замѣтки о Персіи, о Гератѣ и Афганистанѣ, съ изслѣдованіемъ путей, военныхъ силъ и средствъ каждой страны. Авторъ имѣетъ въ виду постоянно возможность столкновенія съ Россіей и направляетъ свои изслѣдованія къ этой цѣли, обращая особенное вниманіе на вопросъ о занятіи Мерфа, по поводу коего онъ предвидитъ первую возможность столкновенія. Полк. Макъ-Грегоръ не принадлежитъ къ числу заклятыхъ ненавистниковъ Россіи и держится того мнѣнія, что Русское обладаніе въ Средней Азіи благодѣтельно для туземцевъ. Вопросъ о Мерфѣ онъ ставитъ совсѣмъ особо: мѣсто это отдѣлено отъ Русскихъ владѣній такою громадною пустынею, что овладѣть имъ Русскіе могутъ, по мнѣнію автора, лишь съ цѣлью владычествовать надъ Афганистаномъ и вредить Англичанамъ въ Индіи. Въ слѣдствіе того авторъ совѣтуетъ своему правительству двигаться на Гератъ, какъ скоро со стороны Россіи замѣтно будетъ движеніе къ Мерфу.

*

Ученая Французская экспедиція въ Россію, въ Сибирь, Туркестанъ, Констанտъ и Кульджу, соч. Уйфальви. (De Ujfalvy de Mezo-Kovesd. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan, le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, avec un appendice sur la Kaschgarie. Paris. 1879. 192 стр. съ рис.).

*

Издано въ Англійскомъ переводѣ сочиненіе г. Пржевальскаго: поѣздка изъ Кульджи черезъ Тянь-Шань на озеро Лобъ-Норъ. Переводъ сдѣланъ г. Морганомъ, который въ особой статьѣ доказываетъ подлинность и выставляетъ всю цѣну открытій, сдѣланныхъ знаменитымъ нашимъ путешественникомъ, отстаивая его отъ неосновательныхъ нападокъ и обвиненій Германскаго путешественника и ученаго барона Рихтгофена.

*

Каникулярная поѣздка Законника въ Россію (A Lawyer's Holiday in Russia. Lond. 1879. Richards and C°). Путевыя замѣтки въ поѣздкѣ осенью 1878 г. Онѣ написаны плавнымъ, живымъ слогомъ и обличаютъ человѣка непредубѣжденнаго, внимательнаго, наблюдательнаго, желающаго судить по непосредственному впечатлѣнію и опыту, а не по слухамъ и разсказамъ. Впечатлѣнія путешественника благопріятныя.

*

Небольшой разсказъ: Отъ Льюны до Невы, 60 лѣтъ тому назадъ (From Lune to the Neva, sixty Years ago. Lond. 1879) содержитъ въ себѣ біографію молодаго квакера Скельтона и разсказъ о пребываніи квакерскаго семейства въ Петербургѣ въ царствованіе императора Александра Павловича. Семейство это вызвано было въ Россію самимъ Государемъ ради цивилизаторскихъ цѣлей, во время пребыванія его въ Лондонѣ въ 1814 году, и пользовалось въ Петербургѣ личнымъ его покровительствомъ.

*

Дневникъ путешествія по Швеціи, Норвегіи и Россіи въ 1827 году, и письма съ дороги маркизы Вестминстерской (Deary of a Tour in Sweden, Norway und Russia in 1827, with letters by the Marchioness of Westmin-

ster. Lond. 1879. Hurst and Blackett). Бывшая леди Бельгревъ, нынѣ вдова маркиза Вестминстерскаго, издала въ свѣтъ это описаніе путешествія, предпринятаго ею по любознательности. Она начала его съ Швеціи и изъ Стокгольма проѣхала черезъ Финляндію въ Петербургъ и въ Россію. Большая часть книги наполнена описаніями Россіи. Въ Петербургѣ она жила въ высшихъ кругахъ общества и описываетъ съ сочувствіемъ главныхъ его представителей и членовъ императорской фамиліи. Изъ Петербурга ѣздила она въ Новгородъ, въ Москву и въ Нижній. Письма ея не глубокими, но живыми чертами рисуютъ занимательную картину.

*

Мерзлая Азія. Очеркъ Сибири въ новое время. Соч. Эдена (Frozen Asia, a Sketch of Modern Siberia. By Eden. Lond. 1879). Компиляція изъ разныхъ книгъ о географіи и геологіи Сибири, о климатѣ, растительности и населеніи. Свѣдѣнія послѣдняго рода заимствованы изъ сочиненія Кастрена объ этнологіи Алтайскихъ племенъ.

*

Персидскій шахъ разсудилъ издать въ свѣтъ дневникъ второго своего путешествія по Европѣ, и въ 1878 году, подобно тому какъ была имъ описана первая поѣздка. Второе описаніе того же свойства какъ и первое. Англійскій переводъ его появился въ Лондонѣ (A Diary kept by His Majesty the Shah etc. Trom the Persian by Schindler and de Normon. Lond. 1880. Bently) и наполненъ на половину дѣтски-простодушными, на половину тщеславными, и во всякомъ случаѣ несерьозными отмѣтками о впечатлѣніяхъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго шахомъ въ Германіи, во Франціи и въ Россіи, которая, какъ и въ первый разъ, особенно ему понравилась.

*

Въ Парижской Ecole des langues orientales, извѣстный ученый путешественникъ Уйфальви началъ съ Марта 1879 года читать курсъ географіи Центральной Азіи. Первая лекція или вступленіе въ курсъ содержала въ себѣ очеркъ Туркестана, Заревшана и Ферганской области. Лекторъ останавливался съ особымъ вниманіемъ на путяхъ сообщенія и доказывалъ сравнительную дешевизну перевозки тяжестей на верблюдахъ, вычисляя цѣну по одному франку съ пуда отъ Ташкента до Оренбурга. Этотъ способъ перевозки онъ признаетъ самымъ дешевымъ изъ всѣхъ существующихъ способовъ, однако говоритъ о необходимости проведенія Русской желѣзной дороги въ Среднюю Азію и означаетъ двѣ возможныя линіи.

* *
*

Политическіе памфлеты и смѣсь.

Русское Земство и Прибалтійское самоуправленіе (Russische Semstwo und Baltische Selbstverwaltung. Leipz. 1878). Сочиненіе это написано по поводу заявленнаго гр. Кейзерлингомъ на собраніи Курляндскихъ чиновъ предложенія ходатайствовать о введеніи въ Курляндской губ. земскихъ учрежденій. Неизвѣстный авторъ, принадлежащій къ противникамъ этого предложенія, изслѣдуетъ въ своей книгѣ основы Русскаго земства, теоретическія его достоинства и недостатки, дѣйствіе его на практикѣ, и доказываетъ непримѣнимость земскихъ учрежденій къ Прибалтійскому краю.

*

Въ Парижѣ появился политическій памфлетъ объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи по поводу Восточной войны, приписываемый Юліану Клячко. Онъ называется Тайна Канцлера (Le Secret du Chancelier).

*

Изданная въ Лондонѣ брошюра г. Сауера, корреспондента газеты New-York Herald, подъ назв. Входные пути въ Индію. (The Gateways to India or Russian Commerce in Central-Asia by George Sauer) описываетъ успѣхи Русской власти и Русской торговли въ Средней Азіи, проложенные въ ней торговые пути и виды на будущее, и совѣтуетъ Англичанамъ принимать мѣры для торговой, а не для военной борьбы съ Россіей.

*

Въ Вѣнѣ вышла на Франц. языкѣ брошюра: Афганскій вопросъ (La Question Afghane, par Dnarud Stirk), представляющая политическое изслѣдованіе Афганистанскаго дѣла. Авторъ предупреждаетъ Англію противъ опасностей и совѣтуетъ ей дѣйствовать осторожнѣе въ отношеніи къ Россіи.

*

Г. Леру въ Парижѣ предпринялъ изданіе подъ загл. Bibliothèque Slave elzévirienne, посвященное предметамъ Славянскаго міра. Онъ предполагаетъ выпускать отъ 4 до 5 томиковъ въ годъ. Первая изданная книжка содержитъ въ себѣ сочиненіе, составленное подъ редакціей Іезуита Гагарина: Reli-

gion et moeurs des Russes. Anecdotes recueillies par le comte Jozeph de Maistre et le p. Grivel, de la Soc. Jésus. Анекдоты эти извлечены большею частью изъ другихъ сочиненій о Россіи, и можно себѣ представить, въ какомъ духѣ и направленіи. Въ числѣ прочихъ есть анекдотъ о томъ, какъ императоръ Павелъ, благоволившій къ Іезуитамъ, хотѣлъ назначить тогдашняго іезуитскаго генерала въ Россіи президентомъ совѣта по дѣламъ артиллеріи; но Іезуитъ уклонился отъ этой чести, не смотря на то, что одинъ изъ его собратій имѣлъ въ Пекинѣ званіе «великаго мандарина въ трибуналѣ математики».

*

Другое изданіе той же Іезуитской компаніи называется: Религія и нравы у Русскихъ (Religion et moeurs des Russes par le p. Gagarin. Paris. 1879). Оно принадлежитъ перу Іезуита Гагарина и не дѣлаетъ ему чести. Эмигранты-отступники всегда теряютъ способность вѣрно понимать прежнюю сторону свою, а въ лицѣ Гагарина является еще ренегатъ-фанатикъ новой вѣры, желающій во что бы то ни стало опорочить старую свою вѣру и доказать, что народъ, который исповѣдуетъ ее, исполненъ всякихъ пороковъ. Гагаринъ, видно, совсѣмъ уже позабылъ все, что̀ видѣлъ въ Россіи и пополняетъ свою книгу старыми, подогрѣтыми анекдотами о Россіи, которые разсказывали до него иностранцы въ родѣ Кюстина, или Русскіе въ родѣ Головина и Долгорукова. Такимъ вздоромъ наполнена вся книжка, такъ что сами серіозные иностранцы, знакомые съ Россіей, отзываются объ этой книжкѣ и объ ея содержаніи съ сожалѣніемъ или съ презрѣніемъ.

*

Въ томъ же родѣ была уже прежде издана книжка: Rozaven. L'église russe et l'église catholique. Lettres du rev. p. Rosaven. Nouvelle édition revue et annotée par le p. Gagarine. Paris. 1876. 136 стр.

*

Въ ряду двусмысленныхъ памфлетовъ, вызванныхъ такъ назыв. Польскимъ вопросомъ по поводу юбилея Крашевскаго, слѣдуетъ поставить изданную въ Парижѣ книгу Ксаверія Корсакъ-Броницкаго, Русскаго эмигранта, подъ назв. Les nationalites slaves. Lettres au pr. Gagarin. Авторъ, занимаясь разборомъ историческихъ отношеній Польши къ Россіи, изыскиваетъ начала примиренія, но ищетъ ихъ въ духѣ Польскихъ, всѣмъ извѣстныхъ, фантазій, стремящихся очевидно къ національному, политическому и религіозному преобладанію.

*

Русскіе дома и за границей (The Russians at Home and the Russians abroad. By Sutherland Edwars 2. vls. Lond. 1879. Allen). Въ эти два тома авторъ, Сатерландъ Эдвардъ, вмѣстилъ во 1-хъ прежнее свое сочиненіе, изданное нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ загл. Russians at Home, и во 2-хъ, новыя статьи о Россіи и о Русскомъ обществѣ за послѣдніе годы. Главные предметы ихъ—освобожденіе крестьянъ и его послѣдствія; новыя реформы и дѣйствіе ихъ на Русское общество; нигилизмъ, политическіе и другіе процессы (цѣлая глава посвящена процессу Червонныхъ Валетовъ въ Москвѣ); панславизмъ и славянофильство (цѣлая глава посвящена приключенію Иловайскаго въ Галичинѣ), и Русскій вопросъ въ Средней Азіи.

*

Въ числѣ многихъ памфлетовъ о Россіи особенную извѣстность пріобрѣла появившаяся за границею въ 1879 году Нѣмецкая книга, переведенная и на другіе языки, подъ названіемъ: Россія до и послѣ войны (Russland vor und nach dem Kriege). Она принадлежитъ искусному перу того же сотрудника Вѣнской газеты «Neue Freie Presse», которымъ писана другая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданная книга «Aus der Petersburger Gesellschaft». Новое сочиненіе, съ талантомъ и живо написанное, представляетъ мрачную картину Россіи, и съ политической, и съ общественной, и съ экономической стороны; картина нарисована умнымъ человѣкомъ, недругомъ нашего отечества, съ точки зрѣнія господствующаго нынѣ въ Европѣ Еврейсконѣмецкаго либерализма.

*

Этимологическій словарь Турецко-татарскихъ нарѣчій, Германа Вамбери (Vambery. Etymologisches Wörterbuch der Turko-Tatarischen Sprachen. Leipzig. 1879). Область этихъ нарѣчій ученый авторъ полагаетъ на огромномъ пространствѣ отъ Адріатики до Лены и отъ Казани до Тибета. Наиболѣе извѣстное изъ нихъ и наиболѣе разработанное Турецкое. Чагатойское употребительно въ Средне-азіатскихъ ханствахъ и у Казанскихъ Татаръ. Изъ необработанныхъ нарѣчій важнѣйшимъ у филологовъ считается Якутское: филологи увѣряютъ, что Якутская рѣчь можетъ быть понятна безъ затрудненія Туркамъ на Босфорѣ. Вообще географическая область этой группы нарѣчій считается самою обширною, и въ ней встрѣчается наименѣе мѣстныхъ разностей и уклоненій. Трудъ г. Вамбери посвященъ изслѣдованію

этой группы, на основаніи предшествовавшихъ трудовъ Аделунга, Клапрота, Шотта, Буденца и въ особенности Будагова, издавшаго въ 1869 году сравнительный словарь Среднеазіятскихъ нарѣчій.

*

Тому же автору принадлежатъ сочиненіе о первобытной культурѣ у Турецко-татарскихъ племенъ, на основаніи филологическихъ изысканій (Vambery. Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Vorschungen).

*

Дакійскія Эфемериды, или поденная исторія четырехъ-лѣтней (1736—1739) войны у Русскихъ съ Турками, соч. Константина Дапонтеса, Греческій подлинникъ съ Франц. переводомъ (Ephemérides daces, ou histoire au jour le jour de la guerre de 4 ans entre les Turcs et les Russes. Par Const. Dapontès. Paris. 1879).

*

10 Февраля 1879 г. извѣстный ученый Индологъ профессоръ Моньé Вилліамсъ читалъ въ Лондонскомъ институтѣ публичную лекцію о домашнемъ бытѣ народа въ Индіи. Извѣстный Рольстонъ, бывшій въ числѣ слушателей, пораженъ былъ удивительнымъ сходствомъ, которое черты этого быта, выставленныя въ лекціи, представляютъ съ народнымъ бытомъ въ Россіи. Свои замѣчанія онъ излагаетъ въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ Academy (15 Февр.). Казалось, говоритъ онъ, что профессоръ просто на просто описываетъ бытъ Русскаго крестьянина. Сходство въ устройствѣ сельской общины давно уже было замѣчено многими. Въ домашнемъ же быту Индуса Рольстонъ указываетъ напр. Русскій женскій теремъ, красный уголъ съ божницею, положеніе женщины-работницы въ семьѣ, приниженное отчасти, и отчасти верховное, когда она остается главою семейства, брачные обряды, участіе свахи, свадьбы между малолѣтными, троекратное хожденіе брачущихся около огня и т. под.

*

Изданъ первый томъ Матеріаловъ для первобытной исторіи человѣка Восточной Европы, по Польскимъ и Русскимъ источникамъ, Кона и Мелиса; (Kohn und Dr. Mehlis. Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im Oestlichen Europa nach Polnischen u. Russischen Quellen).

Для исторіи Византійской живописи и иконописи имѣетъ значеніе книга г. Байè: Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétienne en Orient avant la querelle des iconoclastes. Paris. 1879. Авторъ производитъ западную школу иконописи отъ Византійской и указываетъ черты сходства между тѣмъ и другимъ искусствомъ.

*

Германскій археологическій институтъ предпринялъ великолѣпное изданіе рисунковъ и эскизовъ на библейскіе сюжеты покойнаго художника Александра Иванова. Изданіе дѣлается на деньги, завѣщанныя на сей предметъ братомъ умершаго. Оно выходитъ отдѣльными тетрадями по 15 рисунковъ и встрѣчено художественною критикою съ великими похвалами.

*

Въ Парижѣ напечатанъ Французскій переводъ краткой Русской Исторіи С. М. Соловьева, сдѣланный княгинею Суворовой.

*

Исторія Евреевъ въ Польшѣ при Пястахъ и Ягеллонахъ, соч. Штернберга (Sthernberg. Geschichte der Juden in Polen etc. Leipz. 1878. 191 стр.). Малозначительная компиляція.

*

Завѣщаніе Петра Великаго соч. Юніуса (Junius. Das Testament Peters des Grossen. München 1878. 32 стр.). Разсужденіе о Русской политикѣ въ Восточномъ вопросѣ.

*

Въ Тильзитѣ образовалось, изъ ученыхъ и преподавателей разныхъ мѣстностей учено-литературное общество подъ названіемъ Литовскаго (Lithauische literarische Gesellschafft) для изслѣдованія исчезающаго Литовскаго нарѣчія, равно какъ и народной Литовской литературы, какъ то: преданій, пѣсенъ и т. п. Подобное общество существуетъ уже въ Германіи для Латышскаго языка.

* *
*

Статьи въ журналахъ.

Revue de Deux Mondes. 1 Марта. Статья г. Вогюэ: De Byzance à Moscou. Les voyages d'un patriarche, въ которой описано, по источникамъ, путешествіе патріарха Константинопольскаго Іереміи въ Москву ко двору царя Ѳеодора Іоанновича и учрежденіе патріаршества въ Россіи.

Въ той же книжкѣ основательная и прекрасно написанная статья Леруа-Болье о сельской общинѣ въ Россіи по поводу книги князя Васильчикова и возраженія на нее Герье и Чичерина.

Revue de Deux Mondes. 15 Мая. Продолженіе статей Леруа-Болье о Россіи. Авторъ говоритъ о судебной реформѣ и о проявленіяхъ суда присяжныхъ въ Россіи.

Тамъ же 15 Іюля. Статья Вогюэ о Пугачевскомъ бунтѣ, составленная по Исторіи Пушкина и по роману графа Сальяса.

Revue de Deux Mondes. 1 Сентября. Леруа-Болье. Уголовныя наказанія въ Россіи. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Смертная казнь и ссылка.

Тамъ же 1 Января 1880 г. Его же: Печать и цензура въ Россіи.

*

Въ журналѣ International Review (Январь 1879), статья извѣстнаго ненавистника Россіи Карла Блинда, Нѣмца пишущаго поанглійски: Взгляды Мадзини на Россію и на Восточный вопросъ.

*

Въ Revue politique et litteraire (1 Января 1879) статья Рамбо о гр. С. Р. Воронцовѣ, составленная на основаніи переписки его, напечатанной въ послѣднихъ томахъ Воронцовскаго Архива. Предметомъ ея служитъ дипломатическая дѣятельность Воронцова въ Лондонѣ въ періодъ Французской революціи. Статья носитъ заглавіе: Un homme d'état russe pendant la Révolution Francaise.

*

Въ журналѣ Neuer Anzeiger für Bibliographie etc. 1879 № 4. помѣщена любопытная статья г. Эльсгольца изъ Петербурга, о важнѣйшихъ частныхъ библіотекахъ въ Россіи. Здѣсь перечислены, съ краткимъ описаніемъ, библіо-

теки князя Воронцова, кн. Львовой (урожд. Бибиковой), графини Паниной вдовы бывшаго министра юстиціи), графа С. Д. Шереметева, кн. П. П. Вяземскаго Остафьевская), гр. Бобринскаго въ Москвѣ, гр. Леонида Палена въ Курляндіи, гр. Левашова, герцога Лейхтенбергскаго, В. К. Елены Павловны и графа Д. А. Толстаго.

*

Въ VII томѣ трудовъ Лондонскаго королевскаго историческаго общества (Transactions of the Royal-Historical Society. Lond. 1878) помѣщена записка Богушевскаго: «Англичане въ Московіи въ 16 столѣтіи» съ выписками изъ документовъ, хранящихся въ Британскомъ музеѣ и государственномъ архивѣ (Record-office) относительно переговоровъ о пріисканіи въ Англіи невѣсты для царя Ивана Грознаго. Записка эта составлена по документамъ, уже напечатаннымъ въ Россіи покойнымъ Ю. В. Толстымъ.

Кавказскія воспоминанія.

(1861—1863).

I.

Осенью 1861 г. мнѣ предстояло отправиться на службу на Кавказъ. Погода въ то время во всей Россіи была отвратительная, сухая, но холодная, съ пасмурнымъ небомъ, но безъ снѣга, съ пронзительными сѣверными вѣтрами и съ рѣдкими дождями, которые выпадали какъ будто лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать дороги вполнѣ непроѣзжими. Замерзшая комками грязь дѣлала всякое движеніе въ экипажѣ, даже по шоссе, въ высшей степени непріятнымъ. Я тащился изъ Москвы до Рязани цѣлыхъ два дня, Оку переѣхалъ по льду, но, благодаря безснѣжью, долженъ былъ брать на станціяхъ телѣги, а не сани. За Рязанью, на 10-й верстѣ у одной изъ такихъ телѣгъ сломалась ось, и пока ямщикъ возился, чтобы достать и прикрѣпить новую, я просидѣлъ добрыхъ три часа на холодномъ вѣтру и простудился. Дальнѣйшее путешествіе, ночью, только усилило эту простуду, и я, volens-nolens, долженъ былъ остановиться въ деревнѣ у матери, вмѣсто предположенныхъ прежде четырехъ дней, на четыре слишкомъ недѣли.

Попасть въ деревню осенью 1861 года могло быть любопытно для всякаго сколько нибудь наблюдательнаго человѣка, особенно если онъ лично не былъ замѣшанъ въ тѣ нескончаемые мелкіе «вопросы», которые вытекали изъ положенія 19 Февраля и волновали тогда весь сельскій людъ. Повсюду слышались толки объ «эманципаціи» и почти всюду толки неблагопріятные. Одинъ грамотный старикъ-крестьянинъ на вопросъ мой: доволенъ ли онъ волею, отвѣчалъ, почмокавши прежде губами и слегка почесавъ за ухомъ: «Вотъ видите ли, ваша милость, какъ не быть довольнымъ волею; только она не про насъ писана, а развѣ про ребятишекъ, что̀ теперь нарождаются. Я вотъ три раза прочелъ Положеніе отъ доски до доски, а все въ толкъ не могу его взять. Думается такъ, что мы теперь ни павы, ни вороны, какъ въ баснѣ, что̀ вы бывало читали, какъ были махонькимъ».—Ну, Семенъ, это ты, хоть и на старости лѣтъ, а сгоряча такъ говоришь. Чего жъ вамъ надо? Воля вамъ дана, земля тоже; живите себѣ помаленьку, поправляйтесь, учите дѣтей.— «То-то вотъ, сударь, поправляться-то не изъ чего. Мы вотъ думали, что землю-то отдадутъ намъ всю... по крайности ту, что̀ искони вѣковъ была за нами; анъ нѣтъ, шалишь! Тутъ-те набольшіе надѣлы, а то и самые малые, даровые, курамъ на смѣхъ, потому что и куръ-то на такихъ

надѣлахъ не прокормишь. Отъ земли ты уйдти не воленъ, а сидѣть па ней не стоитъ, потому—очень мала. Ремесловъ мы никакихъ не знаемъ, въ городахъ, окромя извоза, ничѣмъ заниматься не можемъ, а поди-ка сунься теперь въ Москву или хоть въ Рязань: тамъ и безъ насъ извощиковъ-то цѣлая уйма! Да еще вотъ многихъ господа переселяютъ со старыхъ мѣстъ на новыя, гдѣ ни воды, ни огородовъ, ни выгона нѣтъ: живи на голомъ пару!»—Ну, вѣдь переселяютъ лишь немногихъ, которыхъ дворы подъ самыми барскими усадьбами, а большая часть останется на старыхъ мѣстахъ.—«Останется-то, останется, да совсѣмъ ужъ будетъ не то. Прежде вотъ я, бывало, объ осени съѣзжу разовъ десять въ барскій лѣсъ за дровами,—оно на зиму-то и тепло; а ныньче сунулся-было, такъ лѣсникъ шею накостылялъ, да еще къ спосредственнику хотѣлъ отвести. На силу отдѣлался: четвертакъ далъ да и дрова нарубленныя свалилъ съ воза. Вотъ ребятишки-то теперь зябнутъ, сидя по избамъ, а бабы и не выходятъ изъ шушуновъ, сидя за донцами. Прежде бывало войдешь съ надворья-то въ избу, такъ тебя тепломъ и охватитъ, а теперь въ избѣ-то паръ стоитъ у рта, какъ дышешь»...—Но что жъ бы тебѣ хотѣлось, чтобъ было? Вѣдь это только глупцы говорятъ, что нужно переселить помѣщиковъ въ города, а вамъ отдать все, и земли, и даже усадьбы барскія...—«Помилуйте, сударь, развѣ я эвто говорю? Это какъ-бы тамъ урядить лучше,—такъ не нашего ума дѣло. Въ Питерѣ, стало быть, умныя головы писали цѣлыхъ три года; должно думать, лучше ничего и не могли изобрѣсти... Только вотъ мнѣ сдается такъ, что ни намъ, ни вамъ хорошо не сдѣлали. Вотъ у маменьки-то вашей теперь остается земля: чтó она съ ней станетъ дѣлать? Скота рабочаго у ней нѣтъ, струменту (сохъ, боронъ и пр.) тоже, вольныхъ рабочихъ, поди, нанимать не на что, свои на барщинѣ только на смѣхъ будутъ руками размахивать,—ну, и порѣшитъ она отдать землю за полцѣны въ наемъ; а сама, чай, переѣдетъ въ Рязань да и будетъ тамъ маяться изъ за оброковъ. А тамъ, сударь, безъ чистыхъ денежекъ ни шагу. Тоже и нашъ братъ: уѣдутъ господа—никакого тебѣ уряду не будетъ. Спосредственникъ (мировой посредникъ) у насъ хоть человѣкъ хорошій, да поди ты къ нему ходи всякій разъ за 12 верстъ, и еще не застанешь дома! Опять же чужой человѣкъ разбираетъ твое дѣло или свой—разница. Тому лишь бы отвязаться отъ тебя поскорѣе, а тамъ право ли онъ рѣшилъ или не право—иди, коли хочешь, разбираться съ нимъ на съѣздъ, а то и въ губернію; а тамъ тебя пожалуй и въ острогъ упекутъ, а не то спину всполосуютъ, потому что нынче время строгое. Чуть не такъ пошелъ за кѣмъ, говорятъ: ты подстрекатель, читаешь Положеніе не такъ, какъ слѣдуетъ, и другихъ въ сумлѣніе вводишь. Чтò у насъ народу перепороли изъ за эвтаго самаго: страсть! Никогда столько не драли нашего брата, какъ за прошлое лѣто, да и о сію пору дерутъ... Какая это, сударь, воля?»

— Что жъ, вернуться къ старому что ли, Семенъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ къ старому, а только бы вотъ земли наши отдали намъ всѣ, а господъ бы посадили на жалованье. И имъ было бы спокойнѣе, и намъ...

Въ помѣщичьей средѣ тоже недовольство и, что̀ всего замѣчательнѣе, почти на туже тему. «Ну ужъ эта эманципація! придумали вы тамъ, господа Петербургскіе теоретики, а мы здѣсь расхлебывай заваренную вами кашу! Не знаешь, что́ мое, что́ чужое. Десять коровъ держалъ во дворѣ: шесть продалъ за полцѣны, потому что не кому за ними ухаживать, да и ѣсть самому нечего; деньги нужны, а оброка мужики не платятъ. Бьешься бьешься со старостою, никакого толку: у міра, говоритъ, денегъ нѣтъ. Къ посреднику поѣдешь, тотъ все проситъ переждать трудное время; а когда этому будетъ конецъ,—ни онъ, ни я сказать не можемъ. Послѣднюю рощу хотѣлъ было продать,—нѣтъ покупателей, а между тѣмъ крестьяне воруютъ лѣсъ на-пропалую.

— Странно, говорю я, что реформа васъ застала какъ будто въ расплохъ; вѣдь крестьянское Положеніе писалось не одинъ годъ: могли бы вы и приготовиться къ его результатамъ.

— Да кто же зналъ его содержаніе? У васъ въ Петербургѣ все держали подъ замкомъ, въ секретѣ; хоть бы слово въ газетахъ напечатали о принятыхъ общихъ основаніяхъ, хоть бы позволили намъ самимъ сталковываться промежъ себя по губерніямъ; а то ничего подобнаго. Государственная, дескать, тайна. А я такъ думаю, что если дѣло, по существу, для кого было тайною, то есть вещью непонятною, такъ это для членовъ редакціонной коммиссіи.

— Ну ужъ эта злополучная редакціонная коммиссія! Всѣ на нее, какъ на грѣшнаго Макара. Помилуйте, вѣдь въ редакціонной коммиссіи, въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ развѣ не помѣщики все сидѣли?

— Какіе это помѣщики! Пять, десять, двадцать тысячъ рублей у каждаго казеннаго жалованья, да впереди карьера на службѣ, а изъ деревни въ годъ пятьсотъ-семьсотъ рублей да нѣсколько банокъ съ грибами—вотъ ваши помѣщики, писавшіе Положеніе. Имъ, разумѣется, было не жаль чужаго добра, лишь бы сдѣлать карьеру...

— Но чего же вы бы хотѣли?

— Какъ чего? Что вы сами не дворянинъ что ли? Это просто удивительно, какъ отчужденность отъ практической жизни развиваетъ въ васъ, господа студенты и академики, какое-то отвлеченное равнодушіе къ живымъ, насущнымъ интересамъ страны, какое-то непониманіе даже собственныхъ выгодъ!..

Видя дурное расположеніе моего собесѣдника, я не продолжаю разговора и спрашиваю его: А что вотъ мужики говорятъ, что отъ малоземелья имъ хоть на Кавказъ переселяться, лишь бы пустили; правда ли это?

— Разумѣется, правда; только не отъ одного малоземелья, а на настоящую волю хочется...

— Вотъ тебѣ и разъ! думаю я, и встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней одного стараго корпуснаго однокашника, У-ва, передаю ему мои недоумѣнія.

— Все это, братъ, вздоръ! А вотъ у меня мужики какъ шелковые: и навозъ возить, и молотить, и дворъ караулить—на все являются аккуратно, потому что я ихъ такъ воспиталъ. Даромъ не билъ, не раззорялъ, а и спуску не было; такъ они теперь по инерціи такъ работаютъ, что̀ лихо. Избы обѣщалъ имъ перечинить за два года, а тамъ черезъ два года хоть всѣ ступай на сторону, мнѣ еще лучше будетъ: дешевле найму вольныхъ. Нынче вѣдь мужики охотно идутъ въ наймы къ чужимъ, лишь бы не работать на своихъ; за меньшую плату идутъ, лишь бы на чистыя деньги расчетъ. Ну, а я взялъ изъ ломбарда шесть тысячъ да и плачу... Только ужъ ни полушки даромъ: пусть чувствуютъ, что̀ такое свобода.

— Ну и лѣсъ? Какъ же ты его караулишь? Вѣдь, я думаю, въ немъ безпрерывныя порубки, а стало быть и убытокъ тебѣ, да еще непріятныя хлопоты.

— Лѣсъ? Да у меня его свои же мужики и караулятъ. Я сказалъ имъ, что избы всѣмъ поправлю и дрова всѣмъ будутъ, лишь бы порубокъ не было, ну и сторожатъ; да еще какъ! Недавно наѣхавшихъ было Н—скихъ сосѣдей такъ исколотили за порубку, что и я бы никогда такъ не расправился при пособіи станового.

— Ну, исполать тебѣ! Но что же ты видишь въ результатѣ, когда шесть тысячъ, взятыя изъ ломбарда, израсходуются?

— А вотъ что. На пять-то тысячъ я настрою своихъ избъ для рабочихъ, да заведу своихъ лошадей: сохи, бороны, молотилку и пр.; вотъ черезъ два года у меня и фольварковое хозяйство, какъ говорятъ въ Польшѣ; а тысяча пойдетъ въ подспорье на домашніе расходы. Я и теперь жалованье положилъ дворовымъ, которые стоютъ, чтобы ихъ оставить у себя. Эти, стало быть, не уйдутъ; да и мужики не уйдутъ, потому что вѣдь они на девять лѣтъ крѣпки къ землѣ.

— А много ты имъ даешь ея?

— Ровно столько, чтобы они не разбѣжались съ голоду.

И замѣтивъ на моемъ лицѣ легкую гримасу, У-въ прибавилъ: «А тебѣ, братъ, служить, да и служить! Хотя и знаю самъ, по опыту, что при этомъ легко лишиться образа и подобія Божьяго - и стать дантистомъ или чернильницею, въ которую будуть макать перья писцы, не говоря никогда спасиба; но другаго исхода нѣтъ: небогатому дворянству теперь матъ!

Появленіе большаго подноса съ ерофеичемъ, наливкой, груздями, икрой, колбасой и балыкомъ, прерываетъ бесѣду. Зная, что я не пью водки, У-въ обращается къ лакею, почтительно поставившему подносъ на столъ, съ упрекомъ, что тотъ не принесъ винограднаго вина. «Надо, братъ, быть догадливымъ, объясняетъ онъ слугѣ: вѣдь пойдешь наниматься въ услуженіе въ Москвѣ или Питерѣ, тамъ недогадливаго вахлака не станутъ держать».

Я, Петръ Матвѣичъ, и не собираюсь въ Питеръ; авось и за вами проживу, отвѣчаетъ слуга, уходя за виномъ.

«А вѣдь еще года нѣтъ, какъ онъ побывалъ у меня на конюшнѣ!» прибавляетъ вполголоса, подмигивая мнѣ, У-въ.

Вотъ тутъ и вѣрьте въ «человѣческое достоинство» и въ «психологическую послѣдовательность».

Дòма таже юридическая и психологическая галиматья, въ которой съ трудомъ удавалось иногда поймать руководящую мысль. Время было передъ Филиповками, по старинному обыкновенію это пора крестьянскихъ свадебъ. Докладываютъ разъ утромъ, что пришли «молодые» на поклонъ. Какое бы, казалось, дѣло «вольнымъ» ходить къ прежней помѣщицѣ по дѣлу чисто-семейному, не имѣющему никакого отношенія къ землѣ и Положенію 19 Февраля, а пришли! Мало того, что пришли, а кланяются въ поясъ и подарки подносятъ, даже просятъ «ручку». Мнѣ, вѣроятно, какъ лицу, собирающемуся на Кавказъ, достается желтый бумажный платокъ, у котораго по угламъ отпечатанъ портретъ Шамиля въ огромной чалмѣ и съ красно-бурой бородой: отдариваю за него желтою же бумажкою, отдергивая въ тоже время руку, которую «молодая» непремѣнно хочетъ поцѣловать. Нѣсколько рюмокъ водки выпиваются молодыми, сватами и прочею свитою; затѣмъ, отдавъ поклоны на всѣ стороны, поздравители уходятъ, и я слышу въ передней стукъ объ полъ новыхъ, подбитыхъ гвоздями, котовъ, въ которые обута молодка..... Ея дядя или сватъ, встрѣтивъ меня потомъ на дворѣ, спрашиваетъ: «А что, ваша милость, вотъ вы ѣдете на Кавказъ; тамъ говорятъ, теперь земли раздаютъ и еще деньги платятъ, коли пойдешь въ казаки; не можете ли вы, то-есть на счетъ насъ»....

И, сколько мнѣ, извѣстно, въ слѣдующемъ 1862 г. Рязанская губернія доставила немало переселенцевъ въ Закубанье....

Скука въ деревнѣ была страшная. Зная, что сосѣдямъ-дворянамъ теперь не до гостей, я сидѣлъ почти исключительно дома. Но какъ на Кавказъ съ пустымъ карманомъ ѣхать было невозможно, то необходимость продать небольшой клочекъ земли, чтобы выручить нѣсколько сотъ рублей, заставила сдѣлать одну или двѣ поѣздки въ окрестности. Покупателемъ явился кулакъ, содержатель постоялаго двора на большой Астраханской дорогѣ, весьма вѣроятно изъ близкихъ родственниковъ Дерунова или Антона Валерьянова, такъ превосходно очерченныхъ М. Е. Салтыковымъ въ «Благонамѣренныхъ Рѣчахъ». Кулакъ требовалъ не только указанія границъ покупаемой земли, но и ея плана: приходилось, поэтому, ходить со шнуромъ и буссолью по мерзлой пашнѣ и наносить ея изображеніе на бумагу. Покупатель ходилъ о бокъ и былъ очень доволенъ, что «плантъ какъ-есть походилъ па землю.... Ты, Митька, смотри, какъ геометрію дѣлаютъ, говорилъ онъ при этомъ сынишкѣ лѣтъ девяти, который ходилъ за нами въ толпѣ и жадно присматривался къ буссоли: учись, чтобы тебя потомъ не обманывали».... И видя, что мальчишка довольно равнодушенъ къ родительскимъ поученіямъ, далъ ему подзатыльника, прибавивъ: «А еще въ купцы мѣтишь!. Нѣтъ, братъ, эдакъ на

тебя въ Рязани, въ гимназіи, цѣлый лѣсъ розгачей изведутъ»... Мальчикъ плакалъ, не смѣя громко рыдать.

«Старая исторія», думалъ я про себя, когда операція купли-продажи кончилась: и у насъ, какъ во Франціи послѣ 1789 года, на мѣсто дворянства скоро всплыветъ на верхъ буржуазія, которой передовые представители въ то время уже успѣли наговорить съ три короба о милліардахъ «въ туманѣ», забывъ прибавить, что если у кого эти милліарды и будутъ, то развѣ у нихъ.

Въ началѣ Декабря снѣгъ выпалъ, и можно, наконецъ, было двинуться къ Югу. На станціяхъ въ Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерніяхъ не разъ случалось при этомъ слышать толки о переселеніи на Кавказъ или даже на Амуръ. Странными казались эти толки на другой день послѣ полученія земли и воли, а раздавались они почти повсемѣстно. Даже въ Землѣ войска Донскаго, которой обширные пустыри, покрытые снѣгомъ, рѣзко напоминали объ изобиліи въ Европейской Россіи незанятыхъ и необработанныхъ земель, говорилось не мало о переселеніи за Кубань. Меня это радовало, потому что обѣщало опять поставить зрителемъ чуть не цѣлаго переселенія народовъ, къ которому я уже привыкъ въ послѣдніе годы (1857-1860), на Амурѣ, въ Сибири и Семирѣчьѣ. Это народное движеніе доказывало высокое поднятіе историческаго пульса въ Россіи и увлекало меня, какъ вѣроятно и многихъ другихъ. Вѣроятно также, что всѣ мы одинаково вѣровали въ блистательную будущность возникавшихъ Русскихъ колоній.

За Новочеркасскомъ потянулись почти безлюдныя степи, съ часто налетавшими буранами. На первой же станціи, т. е. не доѣзжая Аксая, пришлось ночевать, потому что мятель стала дуть не на шутку. Въ маленькомъ станціонномъ домикѣ набралась куча проѣзжихъ, и всѣ усѣлись за чай. Духота въ сильно натопленныхъ комнатахъ была страшная; но дѣлать нечего: пришлось «отдыхать» и даже, отъ нечего дѣлать, перезнакомиться чуть ли не со всѣми невольными спутниками. Самыми замѣтными изъ нихъ были какой-то офицеръ въ дубленомъ полушубкѣ и длинныхъ сапогахъ, да ѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ Армянинъ. У офицера была казенная подорожная, и онъ изъ забираемой тройки платилъ за одну лошадь, а Армянинъ за двухъ остальныхъ. Дѣло въ то время, да кажется и теперь, обычное у насъ; только на этотъ разъ мнѣ показалось, что Армянинъ слишкомъ ужъ ухаживаетъ за офицеромъ. Оказалось въ послѣдствіи, что носитель полушубка и офицерской фуражки былъ квартермистромъ одного изъ полковъ, дѣйствовавшихъ на Кубани, а Армянинъ чѣмъ-то въ родѣ его фактора. Они ѣздили на нижній Донъ закупать разные запасы для полковаго хозяйства, а теперь пробирались въ Черноморію за пріемомъ закупленнаго овса. Сидя за самоваромъ, офицеръ предложилъ мнѣ въ чай коньяку, и хотя я отказался, но разговоръ возникъ, и изъ него я узналъ, что справочныя цѣны на овесъ были даны въ тотъ годъ Закубанскимъ полкамъ «хорошія» или, по крайней мѣрѣ безобидныя»: у полковаго командира должно было остаться рубля по полтора

съ четверти овса, за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ на доставку его въ штабъ-квартиру, на плату коммисіонерамъ, къ числу которыхъ принадлежали квартермистръ и Армянинъ, да и эскадронные командиры не должны были оставаться въ обидѣ.

Это было первое, собственно Кавказское, или пожалуй, предкавказское впечатлѣніе. На Егорлыкѣ или на какой-то другой сосѣдней ему станціи опять встрѣтился офицеръ въ дубленкѣ, только ужъ другой, князь—кій, веселый шалунъ, который, кажется, и въ Чечню-то попалъ за какія-то слишкомъ веселыя похожденія. «Счастливый вы человѣкъ, говорилъ онъ мнѣ: въ Ставрополь попадете какъ разъ къ Рождеству. Тамъ теперь Александровская дѣлаетъ чудеса въ балетѣ». Александровская, какъ я потомъ убѣдился, была очень посредственная балетчица; но на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, и мой ссыльный аристократъ, проживъ нѣсколько лѣтъ гдѣ-то въ Хасавъ-юртѣ или Грозной, считалъ лакомствомъ даже Ставропольскіе спектакли, къ которымъ я потомъ никакъ не могъ привыкнуть: такъ отъ нихъ тошнило меня. Князь, очевидно окавказился, и потому доставилъ мнѣ второе Кавказское впечатлѣніе. Съ первымъ оно имѣло общаго, кромѣ дубленаго полушубка, еще и большую фляжку съ ромомъ, повѣшенную на ремнѣ черезъ плечо путешественника.

Подъѣзжая къ Ставрополю, ямщикъ, со станціи «Русской», спросилъ меня, въ какой гостинницѣ я хочу остановиться: въ Варшавѣ или въ Орлѣ? Первая, дескать, на верху, а вторая внизу, такъ и дороги къ нимъ разныя. Я выбралъ Орелъ, и скоро мы бултыхнули въ оврагъ, которымъ городъ Ставрополь отдѣляется отъ станціи «Русской» и черезъ который собственно нѣтъ почтовой дороги, по крутизнѣ подъемовъ. Говорю нѣтъ, потому что и въ 1874 году дѣло оставалось въ прежнемъ видѣ, хотя черезъ объѣздъ оврага дорога удлинняется слишкомъ вдвое противу хорды, связывающей «Русскую» съ городомъ.

Въ Ставрополѣ я былъ прекрасно принятъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области, генераломъ Забудскимъ. Это, безъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, особенно по канцелярской части. Слишкомъ 20,000 бумагъ проходило ежегодно черезъ его руки, и онъ не забывалъ ни одной, не забывалъ даже положенныхъ на нихъ отмѣтокъ и резолюцій. Графъ Евдокимовъ, самъ человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, не могъ избрать лучшаго для себя помощника. Но чтò придавало особую привлекательность Ник. Ник. Забудскому, это его почти всегда веселое настроеніе, хотя онъ работалъ до того, что уже тогда харкалъ кровью, а въ послѣдствіи умеръ отъ чахотки. Этотъ веселый, общительный нравъ и способность къ сарказмамъ сильно повредили ему въ глазахъ тогдашняго начальника главнаго штаба на Кавказѣ, вѣчно надутаго, хотя и склонявшагося передъ кѣмъ слѣдовало, генерала К....ва. Но я увѣренъ, что если бы послѣдній пожилъ еще, то призналъ бы наконецъ публично заслуги Забудскаго по управленію слишкомъ 70,000 арміею въ Закубаньи, какъ призналъ,

на Кавказскомъ вечерѣ 1873 г., заслуги графа Евдокимова, съ которымъ постоянно враждовалъ на Кавказѣ. — Я имѣлъ къ Забудскому рекомендательное письмо отъ одного моего товарища изъ Петербурга, и потому съ перваго же дня былъ принятъ какъ близкій знакомый. Ничего генеральскаго, начальническаго, наставительнаго, даже никакихъ «дружескихъ совѣтовъ», которые въ устахъ начальниковъ чуть ли не хуже поученій и выговоровъ. Онъ тотчасъ же послѣ оффиціальнаго представленія пригласилъ меня обѣдать и тогда представилъ своей семьѣ совершенно потоварищески. Очень дороги были для меня и его указанія какъ на родъ службы, мнѣ предстоявшей, такъ и на лица, съ которыми предстояло служить. Забудскій провелъ передъ тѣмъ лѣтъ 12 на Кавказѣ, почти все время въ Ставрополѣ и постоянно въ штабѣ, стало быть въ центрѣ всякаго рода свѣдѣній. Онъ въ совершенствѣ зналъ сѣверный Кавказъ и всѣхъ его дѣятелей въ 1850—60-хъ годахъ, и вѣроятно поэтому былъ призванъ, въ послѣдніе годы жизни, къ составленію исторіи этого времени, которой за нездоровьемъ не кончилъ. Сверхъ огромной текущей переписки, всегда точной и ясной, ему принадлежали еще многіе проэкты и записки, между прочимъ и проэктъ заселенія западнаго Кавказа, утвержденный въ 1861 году и обратившій эту страну въ чисто-Русскую область, единственную, гдѣ не было никакихъ волненій напр. въ 1877 г., когда въ прочихъ мѣстностяхъ Кавказскаго края либо кипѣли вооруженныя возстанія, либо подготовлялись. Когда, по упраздненіи Евдокимовскаго штаба и, должно быть, «за безполезностью» на дѣйствительной службѣ, Забудскій вынужденъ былъ, безъ всякаго серьезнаго дѣла, жить въ Петербургѣ: тогда онъ съумѣлъ стать центромъ небольшаго круга знакомыхъ, которые собирались на его Середы очень охотно. Нашъ извѣстный военный историкъ, М. И. Богдановичъ, часто посѣщавшій эти Середы, написалъ потомъ сочувственный некрологъ умершаго въ одной изъ газетъ. Мнѣ Забудскій не разъ помогалъ своими указаніями и свѣдѣніями о Закубанскомъ краѣ, о которомъ я, по заведенной уже разъ привычкѣ, началъ, съ самаго пріѣзда, составлять хоть небольшой, но систематическій сводъ научныхъ данныхъ, особенно военно-географическихъ. Отъ него мнѣ довелось узнать много и изъ того, что́ помѣщается въ этихъ воспоминаніяхъ.

Домъ Н. Н. Забудскаго въ Ставрополѣ былъ центромъ всего военнаго общества, а какъ гражданское почти не существовало, потому что губернскіе чиновники жили большею частію въ одиночку или тѣсными кружками, то, стало быть, онъ и вообще въ городѣ былъ первымъ, такъ какъ ни графъ Евдокимовъ, ни губернаторъ Пащенко не блистали гостепріимствомъ. Я не разъ спрашивалъ потомъ Ставропольцевъ, всегда ли это было такъ, или подобный образъ жизни зависѣлъ именно отъ характера двухъ послѣдне-названныхъ лицъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что Ставрополь никогда не блисталъ общественною жизнью, да и не могъ блистать: дворянства въ Ставропольской губерніи почти нѣтъ, а чиновники либо сидѣли по домамъ на скудномъ жалованьѣ, либо копили побочные доходы и слѣд. тоже прикидывались бѣд-

няками. Даже губернаторами тамъ обыкновенно бывали люди скромные, безъ средствъ, выслужившіеся изъ министерскихъ начальниковъ отдѣленій или старыхъ вице-губернаторовъ, люди честные, но недалекіе. Про одного изъ нихъ, нѣкоего В-го, въ Ставрополѣ, я думаю, и доселѣ сохранилось слѣдующее преданіе, разсказанное мнѣ Забудскимъ. Проѣзжалъ черезъ городъ, на пути изъ Тегерана въ Петербургъ, Персидскій посолъ. Его приказано было чествовать по возможности, и потому мѣстные Азіяты въ минуту его пріѣзда, на порогѣ отведеннаго ему дома, зарѣзали барана, черезъ кровь котораго посолъ и вошелъ въ сѣни. Это ему очень понравилось. На возвратномъ пути опять была въ Ставрополѣ почетная встрѣча, но о баранѣ забыли. Посолъ съ улыбкою упомянулъ о прошломъ разѣ въ разговорѣ съ полицеймейстеромъ, и тотъ, будучи нерасположенъ къ губернатору В-му, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поднять его на-смѣхъ. На утро, явясь къ его п-ву съ обычнымъ рапортомъ, онъ доложилъ, между прочимъ, что посолъ недоволенъ Ставропольскимъ гостепріимствомъ, потому что забыли такую простую вещь, какъ баранъ. Губернаторъ бросился извиняться, а полицеймейстеръ распустилъ по городу слѣдующее четверостишіе, будто бы произнесенное Ставропольскимъ сановникомъ передъ Тегеранскимъ:

Для дружбы двухъ державъ, Россіи и Ирана,
И изъ почтенья къ вамъ, степеннѣйшій посолъ,
Готовъ бы я себя разрѣзать, какъ барана;
Но какъ же быть тутъ? Я оселъ!

Про губернатора, бывшаго въ Ставрополѣ во время моего пріѣзда туда, конечно, никто бы не смѣлъ сочинить подобныхъ стиховъ; однако и онъ не былъ умственнымъ или какимъ инымъ центромъ мѣстнаго общества; ближайшій же помощникъ его, вице-губернаторъ Вл., сдѣлавшійся потомъ крупнымъ дѣятелемъ на Кавказѣ, былъ однимъ изъ самыхъ обычныхъ и пріятныхъ посѣтителей дома Н. Н. Забудскаго.

Что̀ касается до лицъ, пріѣхавшихъ въ Ставрополь на время, главнымъ образомъ, изъ отрядовъ, то люди эти обыкновенно кутили, иногда напр. до того, что ночью отправлялись по городу съ музыкою давать серенады подъ окнами нѣкоторыхъ знакомыхъ. Но они быстро исчезали съ горизонта, особенно при графѣ Евдокимовѣ, который не жаловалъ кутежей и иногда высылалъ изъ Ставрополя разгулявшихся представителей de la jeunesse dorée съ жандармами. Я засталъ почти лишь остатки этой золотой молодежи, и потому помню только одинъ случай ея похожденій, выходившій изъ ряда простыхъ попоекъ. Именно, разъ подкутившая молодежь отправилась вечеркомъ въ слободку, къ одной гостепріимной вдовицѣ; тамъ неожиданно былъ встрѣченъ какой-то мѣщанинъ, и за такую продерзость ему отрублено было ухо. Полиція переполошилась. Губернаторъ велѣлъ отправить мѣщанина въ больницу, гдѣ ему приставили отрубленное ухо и окрутили голову повязками. На утро его превосходительство отправился къ графу съ жалобою, но тамъ

уже все было улажено. Съ пострадавшимъ мѣщаниномъ открыты были негоціаціи, и виновнымъ приказано было, во что бы ни стало, помириться съ нимъ, заплативъ ему пеню. Послѣдній торговался, просилъ 1000 рублей, а золотые джентльмены не хотѣли давать болѣе пяти сотъ. Вѣроятно, дѣло кончилось бы уступкою настояніямъ обиженнаго; но день пребыванія въ больницѣ, на овсянкѣ и въ особенно-многочисленномъ обществѣ клоповъ, убѣдилъ его, что лучше взять пятьсотъ рублей и сейчасъ получить свободу, чѣмъ голодать на госпитальной провизіи въ теченіе слѣдствія, которое, еще Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось. По уплатѣ пени, «проказники» были высланы въ отряды.

Впрочемъ, случай этотъ былъ не въ 1861 г., а позднѣе, черезъ годъ или болѣе. Поэтому, возвращаясь къ хронологическому порядку событій, замѣчу, что собственно въ первое мое пребываніе въ Ставрополѣ все обстояло благополучно, и скандаловъ не было. Говорили, правда, что кто-то выпустилъ въ театрѣ, во время представленія, на сцену воробья; но эта старинная шалость никого не занимала, и публика даже не доискивалась, кто бы это сдѣлалъ? Въ слѣдующемъ году, осенью, на фонарныхъ столбахъ, въ разныхъ частяхъ города, появился было списокъ его наиболѣе замѣтныхъ обитателей обоихъ половъ съ сопоставленіемъ мужчинъ и женщинъ не по ихъ легальнымъ соотношеніямъ, а по дѣйствительнымъ симпатіямъ; но объ этомъ тоже лишь потолковали, да и замолкли. Провинція являлась обыкновенной Русской провинціей того времени.

Для меня Ставрополь былъ только воротами Кавказа; а потому, проведя въ немъ четыре-пять дней, я спѣшилъ отправиться къ себѣ въ Псебай, гдѣ была штабъ-квартира Севастопольскаго полка. Забудскій предупредилъ меня, чтобы я не дивился мѣстоположенію Псебайскаго укрѣпленія, потому что оно было выбрано генераломъ К—мъ послѣ сытнаго завтрака, обильно политаго Марсалою и Кахетинскимъ. Но какъ ни былъ я такимъ образомъ подготовленъ, все же не могъ не удивиться, когда прибылъ на мѣсто. Крѣпостца была примкнута къ высокой и крутой горѣ такъ близко, что, стоя на послѣдней, можно было камнями выбивать стекла въ жилыхъ постройкахъ внутри форта, что̀ горцы и дѣлали. Наблюдать за всѣмъ происходившимъ на улицахъ, дворахъ и даже внутри домовъ было чрезвычайно легко, а потому не могло быть сомнѣнія, что Кахетинское и Марсала въ самомъ дѣлѣ играли главную роль въ дѣлѣ основанія Псебая. Впрочемъ, одного ли Псебая? По дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ него, я встрѣтилъ другое подобное же укрѣпленіе, Шедокъ, и оно тоже было построено у подошвы горы; только на высотѣ послѣдней стоялъ сторожевой блокгаузъ, чего въ Псебаѣ не было. Шедокъ представлялъ любопытную особенность: въ стратегическомъ отношеніи онъ, въ 1861 году, былъ совершенно не нуженъ, а между тѣмъ отнималъ для гарнизона роту солдатъ. Увѣряли, что онъ прикрываетъ мостъ черезъ Лабу; но это былъ вздоръ, потому что мостъ находился отъ него въ четырехъ верстахъ. За чѣмъ же онъ оставался, когда горцы изъ окрестностей были выгнаны, и передовая линія наша была перенесена на Ходзь и Губсъ? – А за тѣмъ,

во 1-хъ, что штатныя укрѣпленія всегда требовали отпуска ремонтныхъ денегъ инженерамъ, которые чинить ихъ и не думали, а во 2-хъ, что Шедокъ прикрывалъ домашнее хозяйство командира Севастопольскаго полка. Тутъ у него солдатики сѣяли овесъ для лошадей, пшеницу для приготовленія муки на лазаретный бѣлый хлѣбъ, садили овощи, косили сѣно на окрестныхъ лугахъ и даже ухаживали за пчельникомъ, доставлявшимъ медъ для больныхъ въ полковомъ лазаретѣ и для торгашей въ станицѣ Лабинской, главномъ сосѣднемъ рынкѣ.

Упомянувъ о Шедокѣ и Псебаѣ, не могу вообще не остановиться на системѣ тогдашнихъ укрѣпленій за Кубанью. Ихъ было не мало, и, смотря на карту, какой нибудь иностранецъ долженъ былъ думать: какъ Русскіе обдуманно, систематически и не жалѣя средствъ, идутъ впередъ, расчищая поле для цивилизаціи!... Увы! Это была фикція, которая обманывала, конечно, и большинство нашихъ соотечественниковъ. Огромное число укрѣпленій въ инженерномъ смыслѣ никуда не годилось, кромѣ вывода на нихъ ремонта. Недалекіе отъ Псебая и Шедока Хамкеты явили тому, въ 1862 году, примѣръ. Земляная ограда этого укрѣпленія была такъ плоха, что одна изъ 2-хъ бывшихъ въ немъ пушекъ была ограждена плетнемъ, чтобы горцы ея не украли ночью, и такое состояніе крѣпостцы было именно причиною дерзости, съ которою Черкесы ее атаковали и отчасти сожгли, доставивъ почтенному коменданту, полковнику Г....цу, Георгіевскій крестъ на шею «за отбитіе штурма превосходнаго въ силахъ непріятеля». Укрѣпленіе Ахметовское, существовавшее на Лабѣ, еще болѣе знаменито не въ оффиціальныхъ, конечно, а въ дѣйствительныхъ лѣтописяхъ покоренія Кавказа. Въ 1851 году оно было въ столь печальномъ состояніи, что его не рѣшались показать одному, путешествовавшему въ то время по Закубанью, важному лицу; а между тѣмъ по маршруту слѣдовало показать, хотя бы ради великолѣпнаго сосѣдняго Ахметовскаго ущелья. Важная особа провела ночь въ станицѣ Лабинской и на утро должна была выѣхать по направленію къ Ахметовскому. Но тутъ получено было, какъ разъ кстати, увѣдомленіе отъ лазутчиковъ и съ расположенныхъ по Лабѣ казачьихъ постовъ, что огромная партія горцевъ переправилась съ лѣваго берега рѣки на правый и заняла лѣсистыя балки, пересѣкавшія дорогу. Предстояли кровопролитныя дѣла, а мѣстныя власти получили свыше инструкцію не подвергать опасности жизнь особы, да и вообще не затѣвать, во время ея пребыванія за Кубанью, безполезныхъ кровопролитій. Ну, и рѣшили, подумавши, отложить поѣздку въ Ахметовское; et pour mieux garder les apparences, выдвинули на югъ отъ Лабинской отрядъ, подъ начальствомъ остроумнаго подполковника І....скаго, который былъ тертый Кавказецъ и человѣкъ близкій чуть ли не къ графу Воронцову, тогдашнему главнокомандующему. Подполковникъ дождался, когда особа проснулась, напилась кофею и сѣла въ экипажъ, чтобы ѣхать въ Прочный Окопъ, т. е. совсѣмъ въ сторону отъ Ахметовскаго. Тогда онъ открылъ огонь, и не только ружейный, а пушечный. Послали узнать, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ?—«А преслѣдую

атаковавшую меня партію, которая, вѣроятно, думала пробраться на дорогу изъ Лабинской въ Прочный Окопъ, чтобы напасть на знатныхъ проѣзжихъ; теперь она опрокинута и спасается»... Стрѣляли по пустой опушкѣ кустарника; но это не помѣшало І—скому получить Станислава на шею.

Кстати о І—мъ, одномъ изъ извѣстнѣйшихъ Кавказскихъ офицеровъ. Я не имѣлъ чести знать его лично; но слава его на всемъ пространствѣ отъ Тамани до Баку и отъ Тифлиса до Ставрополя была такъ велика, что множество разсказовъ о немъ навсегда сохранились въ моей памяти. Приведу два-три, наиболѣе характеристическихъ для самого героя ихъ и для Кавказской жизни. Князь Барятинскій, давно знавшій и любившій І—го, по пріѣздѣ своемъ въ Владикавказъ, въ 1856 г., въ званіи намѣстника и главнокомандующаго, дѣлалъ оффиціальный пріемъ начальниковъ частей, т. е. полковыхъ и другихъ командировъ. Онъ зналъ, что въ прежнее время І—й не разъ терпѣлъ нужду въ деньгахъ, а потому, естественно, спросилъ его, поправились ли наконецъ его дѣла теперь, когда онъ сталъ командиромъ одного изъ казачьихъ полковъ?—«Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, отвѣчалъ І—й: справки на овесъ утверждены хорошія, и у меня остается иногда полтинникъ съ четверти, а иногда и больше»... Можно себѣ представить физіономіи всѣхъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ каждый, получая, можетъ быть, и болѣе полтинника съ четверти, никогда не дерзнулъ бы признаться въ этомъ главнокомандующему на оффиціальномъ пріемѣ.—Въ другой разъ І—ій отличился еще большею самостоятельностью, чтобъ не сказать оригинальностью. Назначили его командовать однимъ изъ полковъ, поселенныхъ на Лабѣ. Явясь къ атаману въ Ставрополѣ, онъ, между другими указаніями, получилъ настойчивое требованіе покончить множество слѣдственныхъ дѣлъ, бывшихъ въ полковой канцеляріи и остававшихся безъ движенія».—Пожалуйста, говорилъ атаманъ, порѣшите вы со всѣми этими кляузами, которыя развелись до того, что некому поручать слѣдствій; потому что каждый офицеръ самъ состоитъ подъ двумя-тремя, и все изъ-за вздора, изъ-за какихъ нибудь перебранокъ и дракъ, или изъ-за потравъ, изъ-за бабъ, и т. п. Вы очень меня обяжете».—«Слушаю, ваше пр-во», отвѣчалъ І—ій. И, прибывъ въ полковую квартиру, онъ потребовалъ немедленно къ себѣ всѣ слѣдственныя дѣла, отобралъ изъ нихъ тѣ, которыя были поважнѣе (вѣроятно однѣ арестантскія), а прочія всѣ бросилъ въ печку и донесъ атаману объ успѣшномъ ихъ окончаніи... Я не припоминаю извѣстнаго анекдота о штанахъ, которые будто бы служили главнымъ отличіемъ для нѣкоторыхъ лицъ, долженствовавшихъ отличаться преимущественно головами: этотъ анекдотъ, героемъ котораго также былъ І—ій, извѣстенъ, я полагаю, цѣлой Россіи.

Возвращаюсь отъ І—го и его причудъ къ дѣлу серьезному, къ службѣ. Я пріѣхалъ въ Псебай 31 Декабря вечеромъ, когда уже смерклось, и отъ крѣпостныхъ воротъ былъ прямо приведенъ въ домъ полковаго штаба, гдѣ жили адъютантъ и казначей и гдѣ имѣлась еще комната именно для пріѣзжихъ. Едва я успѣлъ присмотрѣть за переносомъ вещей изъ саней въ эту комнату,

какъ адъютантъ передалъ мнѣ приглашеніе полковаго командира Вас. А—ча Геймана, не откладывать моего представленія къ нему до завтра, а явиться сегодня же въ 9 часовъ прямо на балъ, который полкъ давалъ самъ себѣ по случаю наступавшаго Новаго года и завтрашнихъ имянинъ самого Геймана. Такимъ образомъ я, при вступленіи въ полковую жизнь, увидѣлъ ее въ такомъ блескѣ, въ какомъ уже болѣе потомъ никогда не видалъ. В. А. Гейманъ принялъ меня очень любезно, тутъ же представилъ прочимъ штабъ-офицерамъ и нѣкоторымъ полковымъ дамамъ, а черезъ полчаса прямо объявилъ мнѣ, что онъ очень радъ, что наконецъ у него будетъ батальонный командиръ человѣкъ молодой, что со стариками служба теряетъ, что и солдаты больше любятъ молодыхъ начальниковъ и охотнѣе за ними всюду идутъ... откровенность, которая едва ли могла понравиться прочимъ батальоннымъ командирамъ, изъ которыхъ ни одному не было менѣе сорока лѣтъ, а инымъ и за пятьдесятъ.

На другой день, по случаю имянинъ В. А. Геймана, у него былъ обѣдъ и, конечно, опять шампанское, при чемъ имянинникъ охотно подливалъ въ бокалъ своему пятилѣтнему сыну, говоря, что «Егорка у меня молодецъ, настоящій Кабардинецъ *): умѣетъ убить муху», т. е. пить и не напиваться до потери сознанія. «Мнѣ, прибавлялъ онъ, до сихъ поръ не дали Георгія, ну такъ вотъ я распорядился своего пріобрѣсти». Мальчикъ, повидимому, такъ былъ и веденъ, чтобы въ послѣдствіи стать полководцемъ. Молодой человѣкъ теперь подвизается на юридическомъ поприщѣ и получилъ образованіе не на бивакахъ, даже не въ военной гимназіи, а въ Училищѣ правовѣдѣнія. Tempora mutantur!

Въ первыхъ числахъ Января я уѣхалъ въ отрядъ, который стоялъ лагеремъ верстахъ въ 45 отъ Псебая, на Фюнфтѣ. Вечеръ, когда мы прибыли туда (разумѣется, подъ прикрытіемъ особой колонны) былъ холодный, хотя и тихій; костры ярко горѣли, и изъ разныхъ мѣстъ довольно безпорядочнаго лагеря доносились то пѣсни, то звуки кларнетовъ, металлическихъ тарелокъ, бубновъ и другихъ инструментовъ собственной солдатской музы. В. А. Гейманъ, къ которому я явился, какъ къ начальнику отряда и полковому командиру, сейчасъ послалъ за моимъ батальоннымъ адъютантомъ и поручилъ ему немедленно озаботиться приготовленіемъ моей палатки, а меня самого попросилъ отъужинать «по солдатски, чѣмъ Богъ послалъ». Тутъ я впервыя увидѣлъ довольно многочисленныхъ чиновъ его отряднаго штаба: дежурнаго штабъ-офицера, офицера генеральнаго штаба, старшихъ и иныхъ адъютантовъ, отряднаго доктора, разныхъ ординарцевъ и даже нѣсколькихъ, какъ выражался самъ Гейманъ, фазановъ, т. е. свитскихъ джентльменовъ изъ Тифлиса, Владикавказа, Шуры и т. п., которые пріѣзжали въ боевые отряды для полученія отличій, безъ всякаго уваженія къ правамъ лицъ дѣйст-

---

*) Гейманъ долго служилъ въ Кабардинскомъ полку и всегда хвалился, что принадлежалъ этой славной боевой семьѣ.

вительно служившихъ, для которыхъ вѣроятность служебныхъ наградъ такимъ образомъ сильно уменьшалась, потому что вѣдь число всѣхъ возможныхъ наградъ опредѣлялось заранѣе нормою, изъ которой ни отрядные начальники, ни даже командующій войсками выходить не могли, въ противоположность тому, что̀ было напр. въ 1863 году въ Польшѣ. Вся эта многочисленная свита отряднаго начальника, разумѣется, получала особые раціоны; служба же ея, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, состояла лишь въ томъ, чтобы въ случаѣ общихъ движеній отряда сопровождать начальника для развоза его приказаній, а въ обыкновенное время ходить по гостямъ, лежать у себя въ палаткахъ съ папироскою въ зубахъ и съ какимъ-нибудь старымъ журналомъ въ рукахъ, да сытно обѣдать и ужинать въ столовой командира. Нравственной связи между этими лицами не было никакой, что̀ и обнаружилось во время ужина. Разговоръ былъ довольно шуменъ, но необщъ, неискрененъ и вертѣлся на предметахъ совершенно ничтожныхъ. Кое-кто, для развлеченія, кормилъ Гейманову собаку, другіе подносили ей стаканы съ чихиремъ, отъ котораго она упорно отворачивалась... Когда я послѣ ужина отправился въ свою палатку и остался въ ней одинъ, мнѣ стало не по себѣ. Холодный воздухъ походнаго жилища заставлялъ жаться и уходить глубже подъ одѣяло: еще болѣе дѣйствовало на нервы закравшееся въ душу убѣжденіе, что я, собственно говоря, здѣсь одинъ, не въ палаткѣ только, а можетъ быть въ цѣломъ лагерѣ...

Съ удовольствіемъ вспоминаю теперь, что чувство это на другой день разсѣялось и что этимъ я былъ обязанъ, прежде всего, новымъ своимъ сослуживцамъ, т. е. 4-му батальону Севастопольскаго полка, полученному мною въ командованіе. Когда, знакомясь съ ротами, я обходилъ ихъ лагерныя линейки, гдѣ онѣ были выстроены, и здоровался съ солдатами, въ ихъ громкихъ, бодрыхъ привѣтствіяхъ слышалось столько беззаботности, самоувѣренности и, готовъ сказать, безропотнаго довольства каждаго своимъ нравственнымъ состояніемъ, что временно набѣжавшая хандра отлетѣла. И когда на вопросъ мой стрѣлковой ротѣ: «отъ чего это у васъ, братцы, мало Георгіевскихъ кавалеровъ?» солдаты отвѣчали: «постараемся заслужить», а въ полголоса, изъ задней шеренги, прибавили: «некому насъ было водить въ дѣла-то»,—то нравственная связь съ подкомандными людьми зародилась, какъ искра огонька, который долженъ былъ свѣтить въ будущемъ. А вѣдь въ этой связи кроется такой источникъ внутренней мощи, что, я думаю, ею, главнымъ образомъ, были сильны Леонидъ и Кортецъ, Наполеонъ и Суворовъ.

Вечеромъ пошелъ я по кухнямъ пробовать солдатскую пищу. Разумѣется, кашевары и артельщики подсовывали пробныя порціи и, разумѣется, что я ихъ отвергалъ. Солдатамъ это понравилось, особенно послѣ того, какъ я, подсѣвъ къ одной кучкѣ изъ 5—6 человѣкъ, съѣлъ у нихъ обыкновенною солдатскою ложкою немного щей и тутъ же далъ имъ нѣсколько мелочи, совѣтуя пополнить съѣденное мною водкою изъ духана (трактира). Мой ба-

тальонный адъютантъ, Н. И. Д-овъ, также много содѣйствовалъ возвращенію ко мнѣ хорошаго расположенія духа. Это былъ одинъ изъ тѣхъ симпатическихъ юношей, которыхъ много привлекала на Кавказъ отчасти поэтическая натура, отталкивавшая ихъ отъ прозаической службы въ Россіи, отчасти желаніе сдѣлать хоть какую-нибудь карьеру, а отчасти, и едва ли не больше всего, стремленіе честно исполнить свой идеальный долгъ передъ родиною. Люди «безъ страха и укоризны», они служили такъ, какъ не служатъ въ «высшихъ» административныхъ сферахъ: безкорыстно, въ сторонѣ отъ интригъ, всего ожидая отъ признанія ихъ заслугъ непосредственнымъ ихъ начальствомъ и хорошо зная притомъ, что не этотъ путь ведетъ къ земному величію. Ни заграничныя командировки «по дѣламъ службы» въ департаментъ Ландовъ во время сбора и продажи тамъ винограда, ни поѣздки въ Курскія деревни для осмотра стоянокъ войскъ во время жатвы хлѣба,—не входили, даже въ отдаленномъ будущемъ, въ ихъ разсчеты. И много, много, если вдали передъ ихъ воображеніемъ рисовалась теплая квартирка въ три-четыре комнаты и толстопузый мальчишка лѣтъ трехъ, который мѣшаетъ мамѣ отбирать ягоды на варенье... Прошу Н. И. Д-ова, если ему попадутся на глаза эти строки, извинить меня за такую неделикатность: мы вѣдь съ нимъ были искренно-хороши, и онъ списходительно позволялъ мнѣ называть себя «начальствомъ» и даже откликался на это слово.

«Начальство» въ первый же день моей лагерной жизни познакомило меня съ одною изъ важныхъ закулисныхъ ея сторонъ. Обходя роты, я замѣтилъ, что онѣ малолюдны и, думая, что это происходитъ отъ большаго числа больныхъ и раненыхъ, спросилъ подробную вѣдомость расхода людей, которая должна была всегда имѣться въ батальонной канцеляріи. Вѣдомость эта и теперь у меня передъ глазами, такъ какъ я сохранилъ ее какъ историческій документъ. Изъ нея я вижу, что на 982 человѣка по спискамъ батальона, больныхъ было всего 28, а на лицо все-таки оставалось не болѣе 452-хъ. Гдѣ же были остальные 502 человѣка? А вотъ гдѣ: по 4 человѣка изъ роты при полковомъ штабѣ въ учебной командѣ; по 5 человѣкъ изъ роты на ротныхъ дворахъ въ станицѣ Переправной *); по 3—4 человѣка съ роты при полковомъ обозѣ; по 1—2 человѣка съ роты на извѣстномъ уже Шедокѣ, для охраны полковыхъ пчельника, овса, сѣна и пр., для чего нестроевой роты (250 чел.) недоставало; на послугахъ у разныхъ лицъ полковаго штаба было отъ батальона человѣкъ 10, на послугахъ при полковомъ лазаретѣ человѣкъ 5; въ станицѣ Тифлисской, на постройкѣ моста черезъ Кубань, числилось человѣкъ 20, но было извѣстно, что они находятся отчасти въ имѣніи г. Е., для постройки домовъ на недавно пожалованной ему землѣ; на

*) Эти люди перемѣнялись отъ времени до времени и назначались для присмотра за ротнымъ хозяйствомъ, т. е. огородами, скотомъ, солдатскимъ имуществомъ ихъ. Это была синекура для старослуживыхъ и слабыхъ здоровьемъ. Живя на ротныхъ дворахъ, они чинили платье, садили картофель, квасили капусту, выдѣлывали овчины для полушубковъ и папахъ и т. п.

«линіи», т. е. въ разныхъ казачьихъ станицахъ по Кубани, числилось «для закупки скота» человѣка по 2—3 отъ роты: это были, въ сущности, люди, отпускавшіеся на заработки разными властями, иногда даже просто фельдфебелями, разумѣется, за небольшой оброкъ... Впрочемъ, переписывать всю вѣдомость, да еще съ поясненіями, было бы долго. Довольно повторить, что изъ 982 человѣкъ, которыхъ казна кормила и одѣвала, на дѣйствительной службѣ находилось лишь 452, т. е. не болѣе 48%, остальные были «въ расходѣ». Это подобныхъ-то расхожихъ людей отыскалъ 40.000 Н. Н. Муравьевъ Карсскій, когда вступилъ, въ 1854 г., въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ; они, дѣйствительно, находились большею частью «на огородахъ», какъ онъ кому-то писалъ объ этомъ.

Мы стояли на Фюнфтѣ недолго и, покончивъ съ устройствомъ спуска и дороги, направлявшейся къ р. Бѣлой, перешли на Фарсъ, въ то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ станица Царская, огражденіемъ которой и занимались добрыхъ полтора мѣсяца. Въ это же время производилась, отъ времени до времени, рубка просѣки, долженствовавшей привести насъ въ Дàхо, тогдашній центръ враждебной намъ части Абадзеховъ. Говорю части, потому что ближайшіе къ лагерю Абадзехи, изъ лѣса Тхачокъ, т. е. съ Фарса и Губса, относились къ намъ дружелюбно и постоянно привозили на продажу сѣно, куръ, яица и т. п. Я нерѣдко покупалъ эти предметы и, признаюсь, не знаю, какъ бы могъ прокормить, безъ участія Черкесовъ, до весны свою верховую лошадь и пару упряжныхъ, которыя возили мой походный скарбъ. Тѣмъ неменѣе, участь этихъ временныхъ друзей въ ту пору была уже рѣшена: тотчасъ по стаяніи снѣга и прежде, чѣмъ лѣса успѣютъ одѣться листьями, они должны были убираться за рѣку Бѣлую, оставляя свои родныя земли нашимъ переселенцамъ, которые, въ числѣ многихъ тысячъ, готовились при первомъ подножномъ кормѣ двинуться за Кубань изъ губерній Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Курской, съ Дона и пр. Знали ли горцы объ этой участи?—не могу сказать; но догадываться были должны, потому что вѣдь если мы строили Русскія станицы, то конечно не для того, чтобы оставлять среди ихъ Черкесскіе аулы. Это присутствіе станицъ, а не однихъ укрѣпленій, всегда было роковымъ для горцевъ, и отъ того-то они такъ настойчиво ходатайствовали о прекращеніи колонизаціи передъ Государемъ Императоромъ, когда Его Величество посѣтилъ западный Кавказъ въ Августѣ 1861 года.

Не могу, по поводу этого ходатайства, не разсказать одного важнаго историческаго факта, извѣстнаго очень немногимъ. Когда Государь прибылъ на Кавказъ, то охотно изъявилъ согласіе на пріемъ горскихъ старшинъ, которые должны были заявить свои пожеланія. Кажется, что въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не было рѣшено, вытѣснять ли горцевъ съ ихъ земель или оставить ихъ тамъ, ограничась проведеніемъ черезъ эти земли дорогъ и постройкою укрѣпленій? Слѣдующія слова оффиціальнаго «Обзора царствованія императора Александра II», изд. въ 1871 г., заставляютъ думать, что правительство было склоннѣе на послѣднюю мѣру. Именно,

въ «Обзорѣ» говорится: «Огромность жертвъ, которыхъ требовалъ планъ изгнанія горцевъ изъ ихъ убѣжищъ и жестокость такой мѣры смущали энергію исполненія... Его Величество, принимая горскихъ депутатовъ, предложилъ имъ сохраненіе ихъ обычаевъ и имуществъ, льготу отъ повинностей, щедрый замѣнъ тѣхъ земель, которыя отошли бы подъ наши военныя линіи, и требовалъ только выдачи всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ. Что же отвѣчали горскіе старшины? На другой день они представили челобитную, въ которой требовали немедленно вывести Русскія войска за Кубань и Лабу и срыть наши крѣпости».—Фактъ этотъ вѣренъ, да только въ разсказѣ не договорено кое-что, что̀, можетъ быть, было и неизвѣстно разсказчику и что̀ именно я хочу здѣсь сообщить. Послѣ милостиваго пріема Государемъ депутатовъ, графъ Евдокимовъ сильно опасался, что горцы примутъ императорское предложеніе и останутся на своихъ земляхъ, подъ «покровительствомъ» Россіи, чего онъ никакъ не хотѣлъ допустить, порѣшивъ въ своемъ умѣ выгнать ихъ изъ горъ всѣхъ до послѣдняго. Зная легковѣрность Азіятовъ, онъ командировалъ къ нимъ ночью своего приближеннаго, полковника Абдеррахмана, и приказалъ ему внушить горцамъ, что они могутъ требовать теперь всего, даже удаленія нашихъ войскъ за Лабу и Кубань и срытія укрѣпленій. Тѣ поддались на коварный совѣтъ, и участь ихъ была рѣшена *). Кажется, это было именно на Фарсѣ, немного повыше того мѣста, гдѣ расположена теперь станица Царская. И если когда-нибудь будетъ поставленъ графу Евдокимову памятникъ на Кавказѣ **), то, я думаю, что лучшаго мѣста для него нельзя выбрать, какъ высоты, прилегающія къ этой станицѣ съ Востока, гдѣ совершилось достопамятное событіе.

Въ двадцатыхъ числахъ Февраля большая часть нашего отряда, съ Гейманомъ во главѣ, ушла на Ханскій Бродъ, въ районъ дѣйствій Майкопскаго или Абадзеховскаго отряда. Здѣсь вообще стоитъ сказать, что завоеваніе Залабинскаго края совершалось четырьмя большими отрядами: Натухайскимъ, Шапсугскимъ, Абадзехскимъ и Фарсскимъ, переименованнымъ потомъ въ Даховскій. Каждый отрядъ заключалъ, со включеніемъ гарнизоновъ укрѣпленій и постовъ, до 20.000 человѣкъ (по спискамъ) и имѣлъ свой районъ дѣйствій. Наша задача была очищать и подготовлять для колонизаціи страну по верховьямъ Фарса и Бѣлой, т. е. въ самой трудной, гористой и лѣсистой части Залабинскаго края; Абадзехскій отрядъ полк. Горшкова дѣйствовалъ на среднемъ теченіи Бѣлой, а потомъ на Пшехѣ и далѣе на Пшишѣ; Шапсугскій отрядъ полк. Левашова имѣлъ районъ дѣйствій въ второстепенныхъ, но крайне лѣсистыхъ горахъ земли Шапсуговъ, на Югѣ отъ Екатеринодара; а Натухайскій, извѣстнаго Черноморскаго «батьки» (атамана) Бабича—въ землѣ Натухайцевъ, около Новороссійска и укр. Крымскаго. Это полукружіе, котораго хорда приблизительно равнялась 300 верстамъ, графъ Евдокимовъ постепенно съуживалъ и подвигалъ къ Юго-западу, т. е. къ Черному морю. Съ необыкновен-

*) Разсказано мнѣ Н. Н. Забудскимъ.

**) Какъ совѣтовалъ на Кавказскомъ вечерѣ 1873 года генералъ К-овъ.

ною точностью расчитывалъ онъ впередъ на 2—3 мѣсяца всѣ движенія войскъ, всѣ работы, которыя, онѣ должны были произвести, и всѣ боевыя дѣйствія, которыя имъ предстояло исполнить. Обыкновенно за мѣсяцъ и болѣе было извѣстно, когда графъ явится въ такой отрядъ для предпринятія чего нибудь рѣшительнаго, и никогда войска не ошибались въ ожиданіи. Это казалось почти колдовствомъ, и не однимъ солдатамъ, которые вслѣдствіе этого глубоко вѣрили, что если что̀ сказалъ Евдокимовъ, то, значитъ, будетъ сдѣлано, день въ день, часъ въ часъ. Иногда, если обстоятельства требовали, графъ притягивалъ на время нѣсколько батальоновъ изъ одного отряда въ другой, сосѣдній, и все это по строгому, математическому расчету, чтобы не терять лишняго дня въ передвиженіяхъ безъ дѣла. Это случилось и въ настоящемъ случаѣ, когда для устройства постоянной переправы за р. Бѣлую, сѣвернѣе Майкопа, потребовалось стянуть массу войскъ батальоновъ въ 20. Устройство моста и началось немедленно по прибытіи графа изъ Ставрополя; но тутъ судьба подшутила надъ его расчетами, если не надъ желѣзною волею. Огромная прибыль воды, вслѣдствіе дождей и раннихъ оттепелей, снесла устроенную настилку, и часть войскъ, переправившаяся на лѣвый берегъ рѣки, осталась тамъ безъ продовольствія, въ лужахъ, подъ выстрѣлами съ сосѣднихъ лѣсистыхъ высотъ, занятыхъ горцами. Абадзехи воспользовались нашими затрудненіями, сдѣлали сильное нападеніе и причинили намъ немало вреда. Между ранеными въ то время офицерами находился и командиръ одного изъ батальоновъ, полковникъ Момбели, одинъ изъ Петрашевцевъ 1849 года, который за Итальянскимъ именемъ скрывалъ чисто-Русскую душу и всегда оставался человѣкомъ гуманнымъ. Почти одновременно съ этою неудачею, скоро конечно исправленною, была и другая, на Бѣлой же, но выше Майкопа. Колонна, ходившая изъ этого укрѣпленія для снабженія продовольствіемъ постовъ, лежавшихъ къ сторонѣ Дахо, была порядкомъ пощипана горцами, и намъ съ Фарса приходилось ходить на мѣсто неудачной битвы, чтобы подобрать тѣла убитыхъ, которыхъ сами участники въ бою не успѣли унести съ собою. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ, какъ Горцы «обезчещивали» тѣла гяуровъ, отрѣзывая нѣкоторые органы и кладя ихъ въ ротъ убитымъ. Наша военная прогулка была впрочемъ недолга; за то Гейманъ съ большею частію отряда долго пробылъ у Ханскаго Брода. Когда же наконецъ эти батальоны вернулись, то ругательствамъ не было конца. «Скажите пожалуйста-говорили одни —. на какого черта понадобилось Евдокимову строить мостъ у Ханскаго Брода? Рѣка тамъ очень быстра, противоположный берегъ командуетъ нашимъ, дорогу отъ моста къ Пшехѣ пришлось устроивать черезъ лѣсистыя горы, тогда какъ у самой станицы Бѣлорѣчинской, т. е. противу устья Пшехи, рѣка тиха, а противоположная сторона представляетъ низменную равнину? И что мы выиграли? По прямой линіи отъ Бѣлорѣченской, гдѣ сложено 70.000 четвертей провіанта для предстоящаго похода въ долину Пшехи, до будущей Пшехской станицы, всего восемь верстъ; а теперь этотъ провіантъ долженъ будетъ дѣлать двадцать восемь и изъ нихъ поло-

вину по скверной и небезопасной дорогѣ. Съ Кубани на Пшеху все движеніе непремѣнно будетъ идти черезъ Бѣлорѣченскую; къ Ставрополю этотъ путь тоже короче; на верхнюю Пшеху будетъ устроенъ путь южнѣе Майкопа»...— «И какое время выбралъ для устройства моста: когда рѣка въ разливѣ!» замѣчали другіе.—«Да, ужъ стратегъ!» прибавляли третьи.... Но былъ одинъ скептикъ, который съ улыбкою возражалъ: «Нѣтъ, господа, всѣ распоряженія по устройству переправы именно у Ханскаго Брода вполнѣ раціональны. Во 1-хъ, мостъ потребуется часто чинить, а это вѣдь инженерамъ хлѣбъ, да пожалуй и не однимъ инженерамъ. Во 2-хъ, провіантъ будетъ перевозиться de jure не на 8, а на 28 верстъ, да еще по опасной дорогѣ, слѣдовательно съ подрядчика, который de facto станетъ возить по прямой линіи, можно будетъ взять интендантамъ хорошій магарычъ, уплативъ изъ казны и ему сумму для него безобидную. Въ 3-хъ, впрочемъ зачѣмъ третья причина, когда и двухъ довольно?»... Слушатели улыбались и поддакивали, но въ одномъ они ошибались. Подрядчики на торгахъ дѣйствительно выпросили за перевозку крупную сумму, по 1 р. 80 коп. съ четверти за 28 верстъ; да графъ Евдокимовъ не утвердилъ торговъ, а, сбавивъ цѣну до 1 р. 50 к., поручилъ перевозку одному индендантскому чиновнику, вѣроятно считавшемуся вполнѣ благонадежнымъ и носившему фамилію Д—го. Говорили, что онъ въ родствѣ съ какою-то пожилою дамою въ Ставрополѣ, которую графъ очень уважалъ; да подите, разбирайте всѣ эти сплетни! А что г. Д—ій возилъ цѣлый годъ хлѣбъ изъ Бѣлорѣченской въ Пшехскую по прямой линіи, т. е. минуя мостъ у Ханскаго Брода, такъ я потомъ видѣлъ самъ; и плата возчикамъ была съ четверти по 60 копѣекъ, а не по 1 р. 50 к.

По возвращеніи Геймана мы скоро перешли съ Фарса на Губсъ и занялись устройствомъ Хашкетинской станицы. Впрочемъ, еще прежде того было сдѣлано движеніе къ сторонѣ Дахо, гдѣ просѣка въ лѣсу была еще продолжена на нѣсколько верстъ и расширена. Во время этого движенія былъ убитъ командиръ стрѣлковой роты моего батальона, 18-лѣтній поручикъ Энгельгардтъ. Пажъ по воспитанію, но человѣкъ небогатый, онъ предпочелъ боевую армейскую службу гвардейской и пламенно желалъ участвовать «въ дѣлѣ». Уступая его просьбѣ, Гейманъ двинулъ его роту первою въ огонь, какъ только появились горцы, мѣшавшіе нашимъ работамъ. Юноша шелъ впереди и палъ пораженный пулею въ самое сердце. Эта потеря вызвала общее сожалѣніе; Гейманъ былъ сердитъ самъ на себя, «зачѣмъ послушался мальчика», и просилъ меня увѣдомить о случившемся мать убитаго...

Лермонтовъ былъ, въ свое время, безъ сомнѣнія, правъ, когда говорилъ, что «плохи наши лекаря». Черезъ двадцать лѣтъ послѣ него дѣло было нелучше. Изъ роты Энгельгардта было нѣсколько человѣкъ раненыхъ, которыхъ принесли въ лагерь. Нужно было перемѣнить повязки, сдѣланныя на скорую руку подъ выстрѣлами; за дѣло взялся батальонный лекарь, котораго солдаты не безъ основанія не любили. Раздѣвая раненыхъ на морозѣ, въ холодной палаткѣ, онъ грубо отдиралъ прежнія повязки отъ вспухнувшей кожи, съ ко-

торой онѣ склеились посредствомъ запекшейся крови, отдиралъ, не смочивъ даже теплою водою. Раненые кричали въ изступленіи. Я рѣшился употребить власть и, подойдя къ этому живодёру, сказалъ ему пару словъ, совершенно оффиціальныхъ, но такимъ тономъ, что онъ не пикнулъ и спѣшилъ исправиться... по крайней мѣрѣ на этотъ разъ. Геймана я просилъ отправить этого эскулапа въ Псебай лечить лихорадочныхъ или вообще обыкновенныхъ больныхъ. Тотъ согласился, но прибавилъ: «да вѣдь тамъ онъ будетъ еще вреднѣе, потому что во внутреннихъ болѣзняхъ не понимаетъ ничего»... Не помню ужъ, ходилъ ли онъ потомъ съ батальономъ или нѣтъ; но подобныхъ эскулаповъ, къ сожалѣнію, на Кавказѣ было немало.

Мартъ мѣсяцъ былъ роковымъ для Абадзеховъ праваго берега Бѣлой, т. е. тѣхъ самыхъ друзей, у которыхъ мы въ Генварѣ и Февралѣ покупали сѣно и куръ. Отрядъ двинулся въ горы по едва проложеннымъ лѣснымъ тропинкамъ, чтобы жечь аулы. Это была самая видная, самая «поэтическая» часть Кавказской войны. Мы старались подойдти къ аулу по возможности внезапно и тотчасъ зажечь его. Жителямъ предоставлялось спасаться, какъ они знали. Если они открывали стрѣльбу, мы отвѣчали тѣмъ же, и какъ наша цивилизація, т. е. огнестрѣльное оружіе, была лучше и наши бойцы многочисленнѣе, то побѣда не заставляла себя долго ждать. Но обыкновенно Черкесы не сопротивлялись, а заслышавъ пронзительные крики своихъ сторожевыхъ, быстро уходили въ лѣсныя трущобы. Сколько разъ, входя въ какую-нибудь только-что оставленную саклю, видалъ я горячее еще кушанье на столѣ недоѣденнымъ, женскую работу съ воткнутою въ нее иголкою, игрушки какого-нибудь ребенка брошенными на полу въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были расположены забавлявшимся! За исключеніемъ, кажется, одного значительнаго аула, котораго населеніе предпочло сдаться и перейдти въ равнинную полосу, отведенную для покорныхъ горцевъ, мы вездѣ находили жилища покинутыми и жгли ихъ до тла. Думаю, что въ три дни похода мы сожгли ауловъ семьдесятъ, впрочемъ преимущественно небольшихъ, такъ что совокупное ихъ населеніе едва ли превосходило тысячъ пять душъ. Для солдатъ это была потѣха, особенно любопытная въ томъ отношеніи, что, неохотно забирая плѣнныхъ, если таковые и попадались, они со страстнымъ увлеченіемъ ловили барановъ, рогатый скотъ и даже куръ. Этотъ захватъ покинутаго горцами или отбитаго у нихъ имущества былъ приведенъ въ систему. Куры могли становиться частною собственностью поймавшихъ ихъ; но быки и бараны дѣлались общимъ достояніемъ отряда и шли въ раздѣлъ между всѣми участвовавшими въ набѣгѣ. Помню одинъ изъ случаевъ такого раздѣла. На небольшую лужайку передъ палаткою Геймана былъ согнанъ весь скотъ и распредѣленъ на разряды: бараны отдѣльно, телята и мелкіе бычки отдѣльно и наконецъ крупный скотъ отдѣльно. Сосчитали число животныхъ, сдѣлали небольшую ариѳметическую выкладку, почемъ дать на батальонъ и, кажется, даже на роту, и стали передавать выборнымъ отъ этихъ ротъ, считая двухъ телятъ или молодыхъ бычковъ за одного взрослаго. Крупный

скотъ предпочтительно пошелъ «въ пользу полковаго лазарета», т. е. угнанъ былъ на Шедокъ, для обработки полковыхъ пашенъ; весь прочій былъ розданъ частямъ войскъ, находившимся на-лицо. Все дѣлалось чинно, въ порядкѣ; но вотъ одному солдату крайне понравился какой-то баранъ, съ особенно длинною шерстью, годною на папаху. Онъ успѣлъ увести его «не въ счетъ»; но тутъ же былъ пойманъ и подвергся свирѣпому наказанію. Гейманъ приказалъ держать его стоя и далъ триста не розогъ, а конечно палокъ, тутъ же вырѣзанныхъ въ лѣсу. Несчастный сначала кричалъ, потомъ замолкъ, и только слышалось хлестаніе лозъ, наведшее на всѣхъ ужасъ. Гейманъ стоялъ хладнокровно, съ раздувшимися ноздрями, съ налитыми кровью глазами и только изрѣдка приговаривалъ: хорошенько!... Непроходимая бездна легла съ этой минуты между мною и имъ, какъ человѣкомъ, хотя мы все продолжали оставаться въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ сослуживцы.

Здѣсь вообще я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ извѣстномъ Кавказскомъ воинѣ, котораго боевая репутація была такъ значительна, что въ 1870-хъ годахъ въ Петербургѣ думали сдѣлать его начальникомъ войскъ въ Закаспійскомъ краѣ, гдѣ бы онъ могъ проявить свои способности самостоятельнаго полководца, на что впрочемъ Кавказское начальство не согласилось. Герой Ардагана и Деве-Бойну, но и виновникъ Зивинскаго пораженія, В. А. Гейманъ, не смотря на Нѣмецкую фамилію, былъ Русскій, православный, вовсе не знавшій Нѣмецкаго языка и даже не любившій Нѣмцевъ. Онъ былъ человѣкъ, по происхожденію, очень бѣдный, не получившій почти никакого образованія, мало читавшій, но мало-по-малу пріобрѣтшій въ военныхъ наукахъ кое-какія практическія познанія, которыя хорошо умѣлъ примѣнять къ дѣлу: обстоятельство едва ли не болѣе важное для практическаго военнаго человѣка, чѣмъ изученіе обширныхъ трактатовъ стратегіи, практики, военной администраціи и пр. Начавъ службу на Кавказѣ юнкеромъ, онъ въ совершенствѣ изучилъ всю технику Кавказской войны, т. е. умѣнья употреблять небольшія силы на тѣсномъ театрѣ дѣйствій. Природа надѣлила его превосходнымъ качествомъ для начальника при такихъ условіяхъ: блестящею храбростью и презрѣніемъ опасностей, доходившимъ до того, что онъ намѣренно выставлялся самъ со спутниками, которыхъ мужество хотѣлъ испытать, на самыхъ опасныхъ мѣстахъ; при этомъ сознаніе опасности не только не заставляло его терять голову, т. е. страшиться или слѣпо лѣзть впередъ, а напротивъ, дѣлало его болѣе чѣмъ когда-нибудь распорядительнымъ и даже находчивымъ. Это была натура, напоминавшая Французскаго маршала Массену, съ тою разностью, что Массена внѣ боя былъ молчаливъ, а Гейманъ скорѣе болтливъ. Двѣ прострѣленныя руки, которыя онъ по очереди носилъ на повязкѣ и это истинно-боевое мужество привязывали къ нему во время боя солдатъ, которые внѣ боя не любили его за жестокость, часто проявлявшуюся по самому пустому поводу, какъ я уже привелъ примѣръ выше. Въ офицерскомъ обществѣ онъ былъ довольно пріятный собесѣдникъ, знавшій немало холостыхъ анекдотовъ; но его рѣзкость,

особенно когда онъ сердился, что̀ случалось нерѣдко, выходила нерѣдко изъ всякихъ предѣловъ приличія. Многіе подчиненные и даже люди равные съ нимъ по положенію ненавидѣли его отъ души за нанесенныя обиды, въ которыхъ онъ далеко не всегда извинялся. Отличный боевой офицеръ, онъ былъ плохимъ хозяиномъ и вѣчно страдалъ безденежьемъ, даже когда командовалъ полкомъ и отрядомъ, при чемъ доходы его могли простираться отъ 20 до 25 тысячъ рублей въ годъ. Одно время въ Севастопольскомъ полку была распространена каррикатура, гдѣ Гейманъ былъ изображенъ открывающимъ полковой денежный ящикъ, изъ котораго вылетаютъ воробьи. Для контраста рядомъ изображенъ былъ ящикъ сосѣдняго К-го полка, туго набитый деньгами.

Я сейчасъ сказалъ, что доходы Геймана могли простираться отъ 20 до 25 тысячъ рублей въ годъ, хотя казенное его содержаніе, съ раціонами, едва ли доходило и до 4-хъ тысячъ. Это требуетъ объясненія, потому что походитъ на упрекъ въ хищничествѣ, на желаніе замарать репутацію «честнаго служаки», которою самъ Гейманъ очень дорожилъ. Мнѣ нѣтъ никакой надобности бросать камнемъ въ человѣка умершаго и притомъ оказавшаго Россіи немало услугъ; но я беру его какъ примѣръ Кавказскихъ полковыхъ командировъ начала шестидесятыхъ годовъ, которые вѣдь почти всѣ дѣйствовали въ хозяйственномъ отношеніи одинаково и отчасти даже вызывались къ тому многими недостатками тогдашнихъ законоположеній о войсковомъ хозяйствѣ, положеній, которыя оставляли полковымъ командирамъ значительный произволъ въ распоряженіи казенными суммами и даже налагали на нихъ «обязательные» расходы изъ «экономій». И такъ, отнюдь не утверждая, что В. А. Гейманъ дѣйствительно получалъ, я только говорю, что онъ могъ получать слѣдующіе доходы независимо отъ лично присвоеннаго ему содержанія. Во 1-хъ остатки отъ фуражныхъ денегъ на лошадей полковаго обоза. Такихъ лошадей въ пятибатальонномъ полку было около 250; они на дѣлѣ кормились однимъ сѣномъ или даже подножнымъ кормомъ; овесъ перепадалъ имъ очень рѣдко, въ случаѣ крайняго изнуренія. А между тѣмъ казна отпускала, разумѣется, деньгами, сухой фуражъ, т. е. сѣно и о в е с ъ, почти круглый годъ. Ежели бы даже полковой командиръ хотѣлъ кормить лошадей по положенію зерномъ, то онъ достать бы его не могъ ближе какъ на низовьяхъ Дона; потому что окрестныя театру войны казачьи станицы сами нуждались во всякаго рода зернѣ для своихъ лошадей, да и для себя лично. Ergo, изъ 60—70 р., отпускавшихся въ годъ на каждую обозную лошадь, навѣрное 50 оставалось въ «экономіи», что̀ даетъ въ годъ $12^1/_2$ тысячъ рублей.—Во 2-хъ, по закону коммиссаріатъ долженъ былъ перемѣнять войскамъ, находившимся въ непрерывномъ походѣ, палатки каждые полгода; но въ дѣйствительности лѣтомъ солдаты живали въ шалашахъ или домахъ, построенныхъ при возведеніи станицъ; зимою тоже иногда они квартировали по разнымъ постройкамъ: отъ того лагерь выживалъ вмѣсто шести мѣсяцевъ полтора года. А какъ полковые командиры имѣли право получать стоимость его изъ коммиссаріата деньгами, то у нихъ въ каждые три года оставалась въ карманѣ стоимость

четырехъ лагерей. Одинъ такой лагерь на 5-батальонный полкъ состоялъ изъ 270 палатокъ (не считая большихъ, лазаретныхъ), а каждая палатка стоила 18 и болѣе рублей; ergo годовой доходъ съ лагеря былъ 7300 рублей. — Въ 3-хъ, на содержаніе больныхъ въ походныхъ лазаретахъ казна давала иногда по 15—17 и даже болѣе копѣекъ; а, принимая во вниманіе Шедокское хозяйство, въ дѣйствительности на больнаго расходовалось въ день много-много 3 копѣйки. А какъ лѣтомъ, въ лихорадочную пору, лазареты были переполнены больными, то это давало «экономію» въ 8 — 10 т. рублей, особенно если полковой лазаретъ, по благосклонности командующаго войсками, обращался въ отрядный, куда обязательно доставлялись больные изъ чужихъ частей. Вотъ, слѣдовательно, сумма въ 27—28,000 рублей, которая, такъ сказать, сама давалась въ руки полковаго командира и отряднаго начальника, отнюдь не нарушая интересовъ офицеровъ или солдатъ, которые могли бы принести жалобу. Представлять эти «экономіи» въ казну никому не приходило въ голову; во 1-хъ, потому, что это было не въ обычаѣ, т. е. зависѣло отъ нравственнаго уровня цѣлаго общества; во 2-хъ, потому, что впереди предстояла сдача полка, при которой обыкновенно приплачивалось, за недостатки хозяйства, принимавшему 10—15,000 рублей, смотря по степени придирчивости пріема. Наконецъ, время командованія полкомъ было единственнымъ въ цѣлой жизни военнослужащаго, когда онъ могъ вознаградить себя за массу лишеній, перенесенныхъ въ 20 — 30 лѣтъ предъидущей службы и хоть нѣсколько обезпечить на старость себя и семью.

И такъ, я думаю, что не преувеличилъ, а скорѣе уменьшилъ вѣроятную сумму доходовъ Кавказскаго полковаго командира начала шестидесятыхъ годовъ, опредѣливъ ее въ 20 — 25,000 р. ежегодно. Но это разумѣется про людей, не искавшихъ наживаться вполнѣ противузаконными средствами; что же до командировъ неразборчивыхъ, жадныхъ, то ихъ доходы могли быть гораздо больше. Примѣромъ такихъ хищниковъ можно выставить одного современника Геймана, у котораго наконецъ полкъ и былъ отнятъ за излишнюю заботливость о личныхъ интересахъ въ ущербъ казеннымъ. Я не назову этого господина, но разскажу нѣкоторыя изъ его штукъ. Во 1-хъ, у него въ полку было до 600 человѣкъ женатыхъ солдатъ, и эти люди состояли на совершенно барщинномъ положеніи. Они три дня въ недѣлю работали на полковника, а три дня на себя; на службу же вовсе не ходили, кромѣ времени большихъ военныхъ движеній, когда наѣзжалъ изъ Ставрополя графъ Евдокимовъ. Рано утромъ ихъ поднимали и отправляли кого рубить бревна, кого пилить доски, кого строить дома, кого сѣять, кого жать, кого молотить, кого шить и т. д. Многіе отпускались на линію для заработковъ, т. е. на оброкъ, особенно въ лѣтнюю рабочую пору. А какъ эта пора совпадала съ сезономъ лихорадокъ, то бывали случаи, что роты въ сказанномъ полку высылали на службу неболѣе 25 человѣкъ, иногда даже 18, что̀ наконецъ и обратило вниманіе главнокомандующаго. За то, прокомондовавъ три съ половиною года полкомъ, хозяинъ-полковникъ вывезъ съ Кавказа, какъ гово-

рили, 120,000 рублей. Къ доходамъ отъ солдатскихъ работъ онъ умѣлъ присоединять экономію отъ сокращенія числа подъемныхъ лошадей, такъ что роты въ походѣ у него постоянно возили продовольствіе на собственныхъ артельныхъ тройкахъ. Были «экономіи» и отъ сдѣлокъ съ коммиссаріатомъ на солдатскомъ сукнѣ, сапожномъ товарѣ и пр. и пр.

Но этотъ скопидомъ еще не являлъ всѣхъ хищническихъ доблестей свойственныхъ современнымъ ему отцамъ командирамъ. Я позволю себѣ привести, опять таки не называя именъ, двухъ другихъ артистовъ, которыхъ подвиги выходятъ изъ ряда вонъ. Одинъ изъ нихъ, получивъ въ Ставрополѣ всѣ годовыя вещи на 5-ти батальонный полкъ, остановилъ ихъ, не довезя до полковой штабъ-квартиры верстъ 50, въ одной станицѣ, и въ Ставрополь послалъ извѣщеніе, что вещи прибыли. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сжегъ свой полковой цейхгаузъ и послалъ эстафету, что вслѣдствіе приключившагося пожара, сопровождаемаго сильнымъ вѣтромъ, все полученное сгорѣло прежде, чѣмъ успѣло быть употреблено въ дѣло и даже оффиціально принято. Назначено было изъ Ставрополя слѣдствіе, которое .....ну, разумѣется, ничего не открыло, хотя вся окрестность знала, въ чемъ дѣло. Казнѣ пришлось отпустить вторично обмундировку на цѣлые 5,000 человѣкъ. Вѣроятно подражая той же смѣлой идеѣ, но въ тоже время желая уразнообразить ее, другой полковникъ-хозяинъ, позднѣе, въ 1862 г., утопилъ свои годовыя вещи въ Кубани, предварительно испросивъ у начальства позволеніе доставить ихъ воднымъ путемъ, и подъ предлогомъ, что сухопутная перевозка за 200 верстъ дорогà. Графъ Евдокимовъ, получивъ извѣстіе о казусѣ, только улыбнулся и сказалъ: «ну, наконецъ —скій полкъ получитъ сукно моченое!», а выдать новую обмундировку на полкъ все-таки пришлось.

Тяжело, удушливо одно воспоминаніе объ этихъ вещахъ, изъ которыхъ послѣдняя имѣла мѣсто какъ разъ въ то время, когда я пріѣзжалъ на короткое время въ Ставрополь лѣтомъ 1862 г. Каково было стоять свидѣтелемъ подобныхъ «предпріятій», да еще знать, что безъ сочувствія къ нимъ, болѣе или менѣе дѣятельнаго, всякая служебная дорога была заперта,—это пусть судятъ другіе. Я же съ величайшею охотою оставляю эту позорную лѣтопись фактовъ, составлявшихъ изнанку Кавказской войны, и возвращаюсь къ лицевой ея сторонѣ.

Въ Апрѣлѣ нашъ отрядъ, усиленный частью Абадзехскаго, двинулся въ Дахо. Такъ какъ предыдущими движеніями и работами дорога по большей части пути была расчищена, то особаго труда военная сторона дѣла не представляла, тѣмъ болѣе, что Даховцы были очень немногочисленны. Но занятіе Дахо, т. е. послѣдняго клочка земли на Бѣлой, еще не принадлежавшаго Россіи, все же представлялось дѣломъ виднымъ, успѣхъ котораго долженъ былъ «увѣнчать» нашу зимнюю кампанію 1861—62 г. Соотвѣтственно этому наѣхало въ отрядъ множество «фазановъ», между которыми былъ и одинъ ученый полковникъ генеральнаго штаба изъ Тифлиса, очень извѣстный своими серьезными трудами по изученію Кавказскихъ языковъ,

баронъ У-ръ. Ученыя работы его, доставившія ему Европейскую извѣстность, очевидно не настолько цѣнились въ Тифлисѣ, чтобы его можно было произвести въ генералы; а потому и былъ онъ отправленъ къ намъ на двѣ недѣли для пожатія лавровъ, которые бы могли быть преобразованы въ генеральскія эполеты. Былъ и еще наѣхавшій, кажется, за золотою саблею, если не за Георгіемъ, полковникъ Z., котораго права на боевыя отличія главнымъ образомъ состояли въ томъ, что онъ былъ сыномъ когда-то важнаго въ военномъ министерствѣ чиновника, умѣвшаго обогатиться на отдачѣ казенныхъ подрядовъ. Графъ Евдокимовъ зналъ боевыя способности подобныхъ джентльменовъ, а потому, поручая имъ номинально, въ писаномъ приказѣ по войскамъ, командованіе напр. авангардомъ, въ тоже время дѣлалъ частное распоряженіе, чтобы дѣйствительнымъ распорядителемъ дѣйствій былъ какой нибудь опытный штабъ-офицеръ изъ отряда, въ данномъ случаѣ напр. командиръ блистательнаго батальона Ширванскихъ стрѣлковъ, подполковникъ П.— Если теперь кто нибудь вздумаетъ отыскать ну хоть газету «Кавказъ» и въ ней прочесть реляцію о занятіи Дахо, то, кажется, кромѣ именъ У-ра и финансоваго джентльмена, онъ не найдетъ тамъ другихъ въ числѣ «особенно отличившихся». Гейманъ, съ своей стороны, озаботился, чтобы реляція не забыла и насъ, Севастопольцевъ, если не поименно, то хотя собирательно. Полкъ былъ поставленъ въ головѣ колонны въ «рѣшительный» моментъ спуска въ глубокую долину Дахо, при чемъ я имѣлъ честь, съ своимъ батальономъ, прикрывать движеніе съ лѣваго фланга... противъ несуществовавшаго уже непріятеля!... Во все время военныхъ дѣйствій противъ Даховцевъ выбыло изъ отряда въ 20 батальоновъ человѣкъ семьдесятъ убитыхъ и раненыхъ; но и этого было достаточно, чтобы расписать дѣло какъ слѣдуетъ. Я даже думаю, что «расходъ людей» могъ быть экономнѣе. Въ числѣ раненыхъ находился, между прочимъ, одинъ юнкеръ, которому пуля, выпущенная съ очень близкаго разстоянія, попала въ затылокъ и осталась въ мозгу. Онъ возвращался вечеромъ въ лагерь пѣшкомъ, только съ повязаной головой. На другой день, лежа въ лазаретѣ, онъ тоже не жаловался на особую боль и разговаривалъ съ навѣщавшими его знакомыми. Публика дивилась такой страшной ранѣ и такимъ страннымъ послѣдствіямъ ея. Говорили, что будетъ чудомъ, если молодой человѣкъ выздоровѣетъ и будетъ потомъ во всю жизнь носить пулю тамъ, откуда ее вынуть нельзя. Но чуда не совершилось: юноша умеръ на третій день, и опять при странныхъ условіяхъ. Онъ былъ въ довольно нормальномъ состояніи и разговаривалъ съ окружавшими. Вдругъ вдали раздались звуки похороннаго марша по случаю погребенія одного убитаго офицера; раненый поблѣднѣлъ, умолкъ, впалъ въ забвеніе и скончался. Предоставляю физіологамъ рѣшить, въ какой части большаго мозга пуля должна была засѣсть, чтобы все описанное могло совершиться. А описанное, кажется, вѣрно. Разумѣется, анатомированіе «интереснаго субъекта» произведено не было.

Съ водвореніемъ нашимъ въ долинѣ Бѣлой, гдѣ теперь Даховская станица, предвидѣлась длинная мирная стоянка, безъ особыхъ кровавыхъ представленій и съ однимъ вѣчнымъ проведеніемъ дорогъ и огражденіемъ станицъ и постовъ. Страшная скука отъ отсутствія умственной дѣятельности съѣдала меня. Я попросилъ Геймана доложить графу Евдокимову, не позволитъ ли онъ мнѣ воспользоваться нѣкоторыми матеріалами изъ Ставропольскаго штаба, чтобы составить описаніе всего пространства между Кубанью и Бѣлой, которое теперь безповоротно и сполна входило въ составъ Россіи. Н. Н. Забудскій поддержалъ меня, и графъ далъ согласіе. Мало того: ему видимо понравилось, что я не хочу быть празднымъ и, получивъ одобрительный отзывъ въ чисто-служебномъ отношеніи, онъ приказалъ представить меня къ чину, хотя вся моя служба на Кавказѣ продолжалась еще не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Пользуясь разрѣшеніемъ получить изъ штаба разныя бумаги, я отправился на нѣсколько дней въ Ставрополь и тутъ опять былъ очень любезно принятъ Н. Н. Забудскимъ и другими бывшими товарищами по генеральному штабу. При возвращеніи въ Дахо, благодаря прекрасной погодѣ, я впервыя наслаждался великолѣпнымъ видомъ Кавказа между Эльборусомъ и Оштеномъ, т. е. между истоками Кубани и Бѣлой; до того времени я былъ знакомъ лишь съ отдѣльными частями этого грандіознаго пейзажа. Пріѣхавшій одновременно со мною въ отрядъ маіоръ нашего полка Трузсонъ, перешедшій къ намъ изъ гвардіи, былъ просто въ восторгѣ, когда съ гребня Даховскихъ высотъ передъ нимъ раскрылась картина «дикихъ красотъ» страны по верховьямъ Бѣлой. Madame de Stael когда-то говорила, что человѣкъ не жилъ полною жизнію, если не наслаждался горной природой: я готовъ съ нею согласиться, и думаю, что если А. Гумбольдтъ умѣлъ привлекать умы къ изученію естествознанія, то это потому, что въ молодости, двадцатилѣтнимъ юношею, видѣлъ Пиренеи и Тенерифскій Пикъ, высокіе волканы Мексики и Анды Южной Америки. Я самъ теперь, уже человѣкомъ пожилымъ, испытываю тоже вліяніе горной природы и притомъ, такъ сказать, постоянно и правильно. Когда съ моего балкона виднѣется совершенно ясно Монъ-Бланъ, особенно освѣщенный розовыми лучами заходящаго солнца, я чувствую себя лучше настроеннымъ, чѣмъ въ обыкновенное время, когда передъ глазами стелется только озеро и сосѣднія ему прибрежья, тоже впрочемъ очень красивыя. Отъ чего это такъ?.. Не будемъ спрашивать у психологовъ и эстетиковъ, которые нагородятъ три короба метафизическаго вздору; но останемся въ увѣренности, что когда нибудь, лѣтъ черезъ пять-сотъ, какой нибудь математикъ-физіологъ, наслѣдникъ Гумбольдта и Фехнера, выразитъ намъ зависимость между конфигураціею и освѣщеніемъ пейзажа и вліяніемъ горнаго воздуха на легкія съ одной стороны и дѣятельностью частицъ мозга съ другой, болѣе или менѣе хорошо подготовленною для интегрированія, дифференціальною формулою.

Въ концѣ Мая стало извѣстно, что назначенные къ водворенію на Дахо переселенцы прибыли въ станицу Царскую. Мой батальонъ былъ назначенъ

идти имъ на встрѣчу и привести въ Дахо. Слѣдуя по только что проложенной дорогѣ въ Царскую съ небольшимъ и притомъ пустымъ войсковымъ обозомъ, я убѣдился, что на возвратномъ пути буду поставленъ въ безъисходное положеніе, если хоть небольшая партія горцевъ вздумаетъ атаковать меня. Въ самомъ дѣлѣ, дорога была покрыта пеньками отъ вырубленныхъ деревьевъ, дѣлавшими движеніе даже пустыхъ телѣгъ чрезвычайно-затруднительнымъ; ограничивавшія съ боковъ просѣку опушки лѣса тянулись большею частію въ разстояніи отъ дороги на 80—100 шаговъ, слѣд. горцы засѣвшіе въ лѣсу могли бить людей и лошадей на выборъ; поворотъ повозокъ назадъ, по узкости дороги былъ возможенъ лишь въ немногихъ мѣстахъ; постройка вагенбурга, т. е. каре изъ телѣгъ, положительно невозможна нигдѣ, кромѣ одной мѣстности на полупути, т. е. верстахъ въ 12-ти отъ Даховской и отъ Царской. Подумавъ немножко, но не сказавъ никому моего мнѣнія, я рѣшился на возвратномъ пути выбрать свою дорогу, болѣе безопасную. Разсчетъ мой основывался на томъ, что вѣроятно горцы, если они хотятъ напасть на переселенцевъ, станутъ ждать меня на прежней дорогѣ, а я между тѣмъ приду на видъ Даховской станицы и отряда по другой. Придя, вечеромъ въ день выхода изъ Царской съ огромнымъ обозомъ переселенцевъ на площадку, гдѣ можно было устроить вагенбургъ, я провелъ тутъ ночь, а на слѣдующее утро, до свѣту, выступилъ по другой дорогѣ, которую тѣмъ временемъ обслѣдовалъ очень расторопный и смѣлый офицеръ, прапорщикъ Тараткевичъ, не убоявшійся пуститься въ глубь лѣса и въ сумеркахъ, по глухимъ горскимъ арбянымъ дорогамъ, про существованіе которыхъ мы слышали, но по которымъ сами никогда не ходили. Успѣхъ увѣнчалъ смѣлое начинаніе, да еще въ придачу горская арбяная дорога оказалась лучше нашей экипажной. Передъ вечеромъ я явился съ своею огромною колонною на высотахъ, ограничивающихся Даховскую котловину съ Сѣвера. Удивленіе въ отрядѣ было всеобщимъ, потому что меня ждали совсѣмъ съ другой стороны, а подполковникъ Дове, командиръ 1-го Севастопольскаго батальона, сказалъ мнѣ, что едва ли даже Гейманъ будетъ доволенъ моею смѣлостью, хотя я и привелъ въ полной сохранности переселенцевъ. «Знаете, говорилъ онъ, что Гейманъ самъ строитъ дорогу, слѣдовать по которой вы отказались: это его задѣнетъ за живое». Я отмалчивался, предоставляя судьбѣ оправдать меня и довольный, что Гейманъ отсутствовалъ въ Псебай. Судьба поторопилась за меня заступиться: на другой день поутру по Геймановской дорогѣ потянулась новая колонна въ Царскую, за провіантомъ; но, не отойдя и двухъ верстъ, была атакована большою партіею горцевъ, при чемъ много пострадала блестящая команда охотниковъ Кабардинскаго полка, а одинъ изъ ея офицеровъ, (Щербачовъ или Липинскій) получилъ 17 ранъ сабельными ударами. Если бы я послѣдовалъ наканунѣ оффиціальнымъ указаніямъ пути, то долженъ бы былъ принять этотъ ударъ на себя и притомъ въ обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ, имѣя въ обозѣ множество воловыхъ подводъ, нагруженныхъ женщинами и дѣтьми. Гейманъ, по пріѣздѣ изъ Псебая, узналъ о мо-

ихъ дѣйствіяхъ, но не сказалъ мнѣ ни малѣйшаго спасиба: я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что избѣгъ непріятностей съ его стороны.

Узнавъ по предыдущему опыту сметливость и отвагу г. Тараткевича, рѣшился я, по возвращеніи на позицію, употребить его для руководства дѣйствіями небольшой команды стрѣлковъ, которые бы рекогносцировали мѣстность вокругъ всего лагеря и въ совершенствѣ пріучились ко всѣмъ случайностямъ малой войны. И Тараткевичъ, и солдаты были этимъ чрезвычайно довольны. Такія рекогносцировки были ими разсматриваемы, какъ самыя пріятныя прогулки, гдѣ можно было поохотиться, а, главное, раздобыться съѣстными припасами изъ разныхъ складовъ, дѣланныхъ горцами по окрестнымъ пещерамъ, довольно многочисленнымъ въ известковыхъ горахъ. Каждое утро, если служба не мѣшала, стрѣлки мои, въ числѣ 20 — 25 человѣкъ отправлялись на поиски и къ вечеру возвращались съ добычею, обыкновенно съ нѣсколькими мѣшками проса, а за недостаткомъ его хоть съ нѣсколькими досками изъ разобранныхъ горскихъ саклей, которыя стояли пустыми. Доски эти шли на продажу нашимъ колонистамъ, нуждавшимся въ нихъ при постройкѣ домовъ, и такимъ образомъ всѣ были довольны: и переселенцы, дешево добывавшіе строевой матеріалъ, и солдаты, выручавшіе за то деньги, и я, добивавшійся создать команду молодцовъ. Но всѣмъ этимъ самовольствомъ могло быть недовольно начальство, ибо я рисковалъ жизнью цѣлой команды людей, если бы она гдѣ-нибудь попалась въ засаду. Приходилось все держать въ секретѣ, и не смотря на то, что наше предпріятіе было извѣстно всему батальону, никто не выдалъ на̀-сторону. Но мало-по-малу секретъ самъ вышелъ наружу, и вотъ какимъ образомъ. Палатка Геймана была какъ разъ на лѣвомъ флангѣ лагеря 4-го батальона. Сидя по вечерамъ на небольшомъ дерновомъ диванчикѣ съ сигарою во рту, неоднократно замѣчалъ онъ, что мои солдаты все толкутъ просо въ ямкахъ, вырытыхъ просто въ землѣ, и потомъ отсѣваютъ полученное пшено. «Откуда-бы у нихъ такое изобиліе, такъ-какъ въ набѣги отрядъ не ходилъ уже болѣе мѣсяца?» Завидя разъ меня на линейкѣ разговаривавшаго съ солдатомъ, который именно приготовлялъ пшено, онъ подозвалъ меня и просилъ сказать о секретѣ солдатскаго богатства «нештатнымъ продовольствіемъ». Скрывать далѣе секретъ было бы глупо, потому что вѣдь Гейманъ могъ узнать истину и помимо меня, и я ему разсказалъ все наше предпріятіе. Онъ покачалъ сомнительно головою и сказалъ, что дѣло опасное и за него можно дорого поплатиться, а въ частности я могу попасть подъ судъ. Но, съ тою порывистостью, которая свойственна людямъ горячо преданнымъ профессіи, онъ тутъ же перемѣнилъ тонъ и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «какъ жаль, М. И., что война вѣроятно кончится прежде, чѣмъ вы будете полковымъ командиромъ: полкъ у васъ былъ бы отличный».

Съ этой минуты Гейманъ почти баловалъ меня и мой батальонъ, съ солдатами котораго, пользуясь сосѣдствомъ лагеря, онъ вступалъ не разъ въ разговоръ и называлъ ихъ, шутя, бо̀ровами, разъѣвшимися отъ Черкесскаго

проса. Въ самомъ дѣлѣ, если не разъѣстся, то поправиться было отъ чего: въ теченіи мѣсяца было добыто по крайней мѣрѣ по 50, а можетъ быть и болѣе, пудовъ пшена на роту. Баловство же со стороны Геймана, вообще строго соблюдавшаго очередь батальоновъ на службѣ, выразилось напр. въ томъ, что, при движеніи вверхъ по Бѣлой, онъ самъ съ отрядомъ сталъ на лѣвомъ ея берегу и занялся разработкою дороги, а меня съ батальономъ поставилъ на высоту, находившуюся на правомъ берегу и командовавшую лагеремъ: тамъ мы считались въ качествѣ охранителей лагеря и, соорудивъ засѣку въ видѣ редута, благодушествовали, т. е. ничего не дѣлали. Этотъ отдыхъ, впрочемъ, продолжался недолго. Однажды вечеромъ, часу въ четвертомъ, т. е. въ совершенно необычное для полученія приказаній время, казакъ, переправившійся черезъ Бѣлую въ бродъ, принесъ мнѣ конвертъ съ надписью: «экстренно-нужное». Въ конвертѣ заключалось предписаніе: «немедленно выступить съ батальономъ въ станицу Псеменскую и слѣдовать туда безостановочно, день и ночь». Казакъ на словахъ прибавилъ, чтобы я не трудился ѣздить въ большой лагерь откланиваться, а прямо отправлялся бы въ походъ. Дѣло было въ томъ, что Убыхи, изъ за хребта, проникли на верховья Большой Лабы и разгромили станицу Псеменскую да и вообще тревожили Верхнелабинскую линію. Начальникъ ея, полк. Нолькенъ, просилъ о подкрѣпленіи, и Гейманъ назначилъ мой батальонъ, очевидно, чтобы дать ему время отдохнуть отъ работъ до осени. Это было дѣйствительное благодѣяніе для людей, ибо они, сближались съ своими ротными дворами, могли въ теченіи Іюля и Августа порядкомъ починить одежду и обувь, отдохнуть отъ лагерной жизни и даже поволочиться за казачками. Кромѣ того пребываніе въ Псеменской, имѣющей довольно возвышенное положеніе, должно было оградить насъ отъ лихорадокъ, столь свирѣпыхъ въ концѣ лѣта на жаркихъ низменностяхъ и въ узкихъ долинахъ.

Жизнь въ Псеменской и Андрюковской станицахъ, между которыми раздѣлили мой батальонъ, была дѣйствительнымъ удовольствіемъ для солдатъ; но мнѣ было скучно отъ совершеннаго недостатка дѣятельности. Я началъ въ это время составлять задуманное уже прежде описаніе пространства между Кубанью и Бѣлой и сопровождавшую его карту, которыя и были скоро отосланы въ Петербургъ, въ Географическое Общество, напечатавшее ихъ въ своихъ Запискахъ. Разъ мы ходили съ начальникомъ линіи, полковникомъ Нолькеномъ, въ горы; но это была прогулка, которой цѣли я, признаться, не понималъ. Сдѣлали мы какую-то съемку, но примкнуть ее къ долинѣ Малой Лабы почему-то не пожелали: кажется, помѣшалъ туманъ. Между тѣмъ сосѣдство Псебая, т. е. полковаго штаба, дурно отразилось на нравственномъ состояніи офицеровъ: штабныя сплетни стали проникать въ ихъ среду, и они перессорились, такъ что одинъ или два вышли въ слѣдствіе этого изъ полка. Поэтому я былъ очень радъ, когда, въ половинѣ Августа, получилъ, совершенно, правда, неожиданное и далеко непривлекательное, предписаніе:

отправиться въ Ставрополь для занятія должности предсѣдателя полеваго уголовнаго суда надъ капитаномъ Тверскаго драгунскаго полка фонъ-Бахомъ.

Женева, Октябрь 1879.

---

*

II.

Дѣло капитана фонъ-Баха возбуждало въ свое время не мало шума какъ вообще въ Кубанской области и ея войскахъ, такъ и въ частности на мѣстѣ его производства, въ Ставрополѣ; а потому стоитъ сказать о немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что многія подробности его характеристичны для опредѣленія быта войскъ, покорявшихъ Закубанье. Тайною причиною его возникновенія, т. е. дѣйствительною подкладкою, повидимому служили личныя отношенія къ Тверскимъ драгунамъ начальника Бѣлорѣченской кордонной линіи, подполковника Е-ва, который напр. былъ однажды очень обиженъ тѣмъ, что Тверцы не пожелали конвоировать изъ стц. Нижне-Фарской въ Майкопъ одну даму, ѣхавшую къ г-ну Е-ову. Были, кажется, и другіе, еще болѣе интимные поводы нерасположенія Е-ва къ драгунамъ; но они остались оффиціально неизвѣстными ни суду, ни даже слѣдователю. Оффиціально же вотъ что было извѣстно. 1-го Іюня 1862, при движеніи отряда генерала Тихоцкаго по Майкопскому ущелью, подполковникъ Е-въ, увидя въ сторонѣ отъ дороги, на опушкѣ лѣса, партію горцевъ, послалъ дивизіонъ капитана Баха, въ конномъ строю, атаковать непріятеля. Атака, собственно, имѣла успѣхъ, потому что непріятель былъ прогнанъ; но Е-въ былъ недоволенъ быстротою и порядкомъ движенія драгунъ и позволилъ себѣ выразиться такъ: «Тьфу! дрянь Тверцы: испортили мнѣ атаку. Если бы у меня были подъ рукою молодцы-Нижегородцы, я бы показалъ, какую окрошку сдѣлалъ бы изъ горцевъ». Въ томъ же родѣ далъ онъ отзывъ о Тверцахъ подъѣхавшему послѣ атаки начальнику отряда, Тихоцкому. Генералъ, который самъ прежде командовалъ Тверскимъ полкомъ и былъ извѣстенъ въ этомъ званіи, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ кавалерійскихъ начальниковъ, обидѣлся этимъ докладомъ и сказалъ Е-ву, что «ему должно быть стыдно дѣлать донесенія неосновательныя». И отзывъ Е-ва о томъ, что Тверцы—дрянь, и слова Тихоцкаго, разумѣется, дошли до офицеровъ оскорбленнаго дивизіона, и они рѣшились принудить Е-ва къ извиненію, притомъ сначала чисто легальнымъ образомъ, именно пригласивъ его поблагодарить дивизіонъ за службу. Но Е-въ былъ человѣкъ вспыльчивый и честолюбивый. Оскорбленный публично сказаннымъ замѣчаніемъ Тихоцкаго и питая, какъ уже было замѣчено, нѣкоторое нерасположеніе

къ Тверцамъ, онъ, вмѣсто заключенія дѣла почетнымъ миромъ, сказалъ Баху, что «самъ онъ—отличный офицеръ, но дивизіонъ его—дрянь, и онъ даетъ слово никогда не брать его съ собою въ походъ или же водить въ хвостѣ колонны». Это новое оскорбленіе чести драгунъ переполнило чашу ихъ терпѣнія, и они рѣшились проучить Е-ва. Но какъ этого было нельзя сдѣлать во время похода, въ виду непріятеля, то они дождались возвращенія отряда въ Майкопъ, гдѣ жилъ постоянно Е-въ, и тогда вотъ что послѣдовало. Дивизіонъ былъ приведенъ къ квартирѣ Е-ва и выстроенъ противу дверей *). Затѣмъ офицеры, оставивъ одного изъ товарищей для командованія солдатами, вошли въ домъ Е-ва «нагайки черезъ плечо». Послѣдовало горячее объясненіе, во время котораго Е-въ обнажилъ саблю, а Бахъ далъ ему понюхать свою нагайку. До свалки однако дѣло не дошло, потому что въ объясненіе вмѣшались гости Е-ва. Вслѣдствіе этого офицеры оставили квартиру, замѣтивъ, что «что же дѣлать съ подлецомъ, который, наклеветавъ, не хочетъ извиниться». Когда Е-въ, оправясь отъ перваго взрыва бѣшенства, послалъ своего адъютанта, Голяховскаго, арестовать Баха: то послѣдній, вмѣсто исполненія приказанія, обратился къ солдатамъ со словами: «подполковникъ Е-въ солгалъ на насъ, ребята, не правда ли»? и тѣ отвѣчали: «точно такъ, в. бл. солгалъ». А офицеры сказали Голяховскому, что «если арестовывать, то пусть арестуютъ всѣхъ насъ: мы всѣ одинаково виноваты».

Вотъ какой крупный скандалъ приходилось разбирать мнѣ въ званіи предсѣдателя военнаго суда въ Ставрополѣ. Нужно еще замѣтить, что дѣло было осложнено многими побочными обстоятельствами. Е-въ хотя и подалъ по командѣ, Тихоцкому, рапортъ о назначеніи формальнаго слѣдствія; но, не довѣряя безпристрастію этого генерала, отправилъ эстафету въ Ставрополь, къ графу Евдокимову. Эта эстафета, впрочемъ, привезла не рапортъ, а только письмо, въ которомъ, разумѣется, жаловавшійся изложилъ дѣло съ возможно-выгодной для себя стороны. Графъ немедленно назначилъ слѣдователемъ довольно важное лицо, казачьяго бригаднаго командира полк. Атарщикова; а самъ, не дожидаясь оффиціальнаго донесенія отъ Тихоцкаго, вошелъ съ представленіемъ къ главнокомандующему о томъ, чтобы преступленіе Баха, по исключительной важности его, было судимо по полевымъ законамъ. Разумѣется, онъ былъ правъ, потому что ни въ одной арміи не можетъ быть пропущено безъ самой строгой кары такое рѣзкое нарушеніе военнаго чинопочитанія, какое было сдѣлано Бахомъ съ товарищами; но торопиться отправленіемъ рапорта, на основаніи письма и не произведя слѣдствія, очевидно не слѣдовало, и защитникъ подсудимаго потомъ сильно настаивалъ на важности этого обстоятельства, говоря, что самое преданіе Баха

*) Частные слухи гласили, что у драгунъ при этомъ были приготовлены розги, чтобы высѣчь публично того, кого они считали клеветникомъ; но это, разумѣется, осталось неизвѣстнымъ ни слѣдователю, ни суду.

полевому суду незаконно. А нужно замѣтить, что разница въ результатахъ суда по обыкновеннымъ военнымъ и по полевымъ законамъ часто бываетъ огромна и что преданіе тому или другому суду было для обвиняемаго дѣломъ первостепеннаго интереса. Другое немаловажное осложненіе дѣла послѣдовало отъ направленія, даннаго ему слѣдователемъ. Именно, прошнурованная тетрадь, представленная полк. Атарщиковымъ командующему войсками, была озаглавлена такъ: «Дѣло о неисполненіи 2-мъ дивизіономъ Тверскаго драгунскаго полка команды къ атакѣ на непріятеля и о послѣдовавшихъ затѣмъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ камандира дивизіона, ф. Баха». Если бы такъ взглянуть на изложенныя выше событія, то пришлось бы растрѣлять не только Баха и всѣхъ офицеровъ дивизіона, но 10-го изъ солдатъ, предварительно проведя всю команду передъ войсками съ позорнымъ церемоніаломъ, именно съ черною доскою вмѣсто штандарта, гдѣ должна была стоять надпись: «трусы». Это усердіе не по разуму слѣдователя объяснялось публикою личными отношеніями его къ Е-ву и вообще нерасположеніемъ казачьихъ начальствъ къ войскамъ регулярнымъ. Оно, разумѣется, очень стѣсняло судъ, потому что нужно было убѣдить высшія власти, отъ которыхъ зависѣла конфирмація приговора, что никакого неисполненія команды къ атакѣ на непріятеля не было. Наконецъ, къ этимъ осложненіямъ присоединилось еще одно: генералъ Тихоцкій, такъ рыцарски вступившійся за Тверцовъ при отвѣтѣ Е-ву, въ бесѣдахъ съ другими лицами самъ не скрывалъ своего дурнаго мнѣнія о 2-мъ дивизіонѣ, назвавъ его «паршивымъ», кажется потому, что лошади въ немъ были истомлены и дурно кормлены.

Я былъ совершенно неопытенъ въ юридической казуистикѣ и процессуальныхъ формальностяхъ, когда пришлось сѣсть на предсѣдательское кресло съ тѣмъ, чтобы не сходить съ него въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вѣроятно въ силу этого назначенный въ судную коммиссію дѣло-производителемъ аудиторъ думалъ, что онъ, по исконному обычаю, будетъ боевою пружиною всего механизма, и потому безъ церемоніи, до начала еще суда, позволялъ себѣ разныя незаконности, напр. увозилъ слѣдственное дѣло къ подсудимому на гаубтвахту. Я однако же далъ сразу почувствовать этому «дѣльцу», что онъ ошибается въ своихъ пріемахъ и что ни въ какомъ случаѣ я не допущу себя быть нулемъ, приписаннымъ къ нему, какъ къ единицѣ, для приданія ему значенія десятка, и что противоположное отношеніе мнѣ представляется болѣе нормальнымъ, а главное—законнымъ. Аудиторъ хитрилъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что въ половинѣ процесса, его, по моей просьбѣ, выслали изъ Ставрополя на какое-то слѣдствіе, а мнѣ дали другаго дѣлопроизводителя, болѣе добросовѣстнаго. Впрочемъ, при гласномъ судѣ, каковъ полевой, закулиснымъ канцелярскимъ дрязгамъ было негдѣ особенно развиться; а гласность была полнѣйшая. Иногда на засѣданіяхъ присутствовало человѣкъ по 400 зрителей, такъ что зала Ставропольской думы едва вмѣщала толпу. Нужно замѣтить, что въ началѣ осени 1862 г. послѣдовало утвержденіе «главныхъ основаній» новаго судоустройства и судопроизводства, и публика думала,

что нашъ процессъ продѣлывается для пробы новыхъ порядковъ. Я не стану его разсказывать, потому что это было бы утомительно. Довольно сказать, что пришлось выслушать нѣсколько десятковъ свидѣтелей, отъ генераловъ до простыхъ казаковъ, дѣлать очныя ставки между начальниками и подчиненными и т. п. Былъ даже случай, что одинъ штабъ-офицеръ позволилъ себѣ на судѣ громко подсказывать свидѣтелю-казаку, что̀ долженъ былъ тотъ говорить, и разумѣется за это попалъ въ протоколъ засѣданія съ описаніемъ подвига. Когда состоялось послѣднее засѣданіе, то дѣло было столь ясно, что весь приговоръ былъ составленъ въ самое короткое время и безъ всякаго разномыслія между членами суда. Приговоръ этотъ опредѣлялъ Баху разжалованье въ солдаты до выслуги, безъ лишенія дворянства, такъ какъ его преступное поведеніе обусловливалось защитою чести полка. О множествѣ другихъ лицъ судъ постановилъ «заключенія», не назначая за обнаруженныя преступленія и проступки кары; въ числѣ этихъ заключеній одно обвиняло «командующаго войска генералъ-адъютанта графа Евдокимова и начальника штаба его ген.-м. Забудскаго въ составленіи донесенія главнокомандующему со слуховъ, въ преувеличенныхъ выраженіяхъ». Общественное мнѣніе было довольно приговоромъ, но многіе жители Ставрополя предупреждали меня, что послѣдняя «дерзость» мнѣ даромъ не пройдетъ; однако они ошиблись: графъ, встрѣтивъ меня вскорѣ послѣ постановленія приговора, благодарилъ за службу, пригласилъ къ себѣ обѣдать, что̀ было дѣлаемо имъ довольно рѣдко по отношенію къ подчиненнымъ, приказалъ Гейману сдѣлать новое представленіе о наградѣ меня и представилъ къ назначенію командиромъ особаго, самостоятельнаго, т. е. не входившаго въ составъ полка, своднаго стрѣлковаго батальона, что̀ давало мнѣ больше самостоятельности въ дѣйствіяхъ и случаевъ къ отличіямъ, оставляя совершенно въ сторонѣ отъ хозяйственныхъ дрязгъ. Такихъ батальоновъ было всего четыре: первымъ командовалъ князь Суворовъ, вторымъ я, остальными тоже штабъ-офицеры, бывшіе на виду у начальства.

Такимъ образомъ изъ щекотливаго дѣла Баха мнѣ удалось выйдти «съ честью»; но въ Ставрополѣ ему былъ не конецъ. Оно пошло въ Тифлисъ, на разсмотрѣніе главнокомандующаго, и тотъ взглянулъ на поступки Баха иначе, гораздо строже, чѣмъ судъ, и постановилъ разжаловать виновнаго въ солдаты безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства. По счастію, подобные приговоры должны были восходить на высочайшее утвержденіе, и въ Петербургѣ передѣлали приговоръ опять по нашему. Мало того, тамъ найдено, что опредѣленное главнокомандующимъ взысканіе съ Е-ва (арестъ въ теченіи двухъ недѣль) было мало и потому повелѣно его уволить отъ должности командира полка, «въ томъ вниманіи, какъ гласила конфирмація, что штабъ-офицеръ этотъ не впервыя уже обнаружилъ свой дурной, неуживчивый характеръ». Послѣднія слова, внесенныя конечно въ формуляръ г. Е-ва, были основаны на заключеніи нашего же суда, которое гласило, что Е-въ своимъ поведеніемъ много способствовалъ возникновенію преступленія Баха и что

этотъ раздражительный образъ дѣйствій былъ и прежде свойственъ ему и приводилъ уже его подъ судъ за привязаніе напр. къ коновязи одного артиллерійскаго офицера...

Процессъ Баха, какъ я уже сказалъ, тянулся нѣсколько мѣсяцевъ. Происходило это отъ того, что многихъ свидѣтелей приходилось вызывать за нѣсколько сотъ верстъ и въ ожиданіи ихъ прибытія пріостанавливать засѣданія. Промежутки между этими засѣданіями я проводилъ, во первыхъ, въ изученіи XII тома Св.-В.-Пост. (о военныхъ судѣ и наказаніяхъ), который и выучилъ-было въ совершенствѣ, и во вторыхъ, въ научныхъ работахъ по изслѣдованію исторіи, этнографіи и статистики Закубанья. Не могу по этому поводу не вспомнить бесѣды съ графомъ Евдокимовымъ объ этихъ предметахъ. При удивительной памяти, графъ былъ живою лѣтописью покоренія сѣвернаго Кавказа, начиная съ 1830-хъ годовъ, и потому дѣлалъ кое-какія поправки въ моихъ запискахъ и картахъ. Между прочимъ онъ поставилъ мнѣ въ упрекъ, что я на этнографической картѣ Закубанья въ 1862 г. изобразилъ отдѣльною краскою Бжедуховъ. «Когда думаете вы напечатать эту карту?» спросилъ онъ меня. — Не знаю; это будетъ зависѣть отъ Географическаго Общества; вѣроятно въ концѣ будущаго (1863) года. — «Ну, такъ знаете ли что, почтеннѣйшій (это былъ обычный эпитетъ графа въ разговорѣ съ подчиненными): если вы хотите придать вашей картѣ интересъ современности, то сотрите Бжедуховъ. Это тамъ, въ Петербургѣ, трактуютъ о гуманности, ложно толкуя ее. Я подъ гуманностью разумѣю любовь къ своей родинѣ, къ Россіи, избавленіе ея отъ враговъ; а въ такомъ случаѣ на что же намъ Бжедухи?... Я ихъ выгоню, какъ и всѣхъ остальныхъ горцевъ, въ Турцію».

Я однако не стеръ на своей картѣ Бжедуховскаго округа и хорошо сдѣлалъ: Бжедухи остались на своей землѣ, и Евдокимову не удалось выгнать ихъ за море.

Здѣсь было бы умѣстно войдти въ подробности постепеннаго вытѣсненія горцевъ изъ Закубанья и замѣны ихъ Русскими поселенцами. Но, помѣстивъ объ этомъ предметѣ рядъ статей въ Трудахъ Географическаго Общества, я не вижу надобности повторять ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе, что это повлекло бы за собою изложеніе такихъ событій, которыя случились за долго до моего пребыванія на Кавказѣ. И такъ, ограничиваясь лично видѣннымъ, скажу лишь о колонизаціи 1861—63 годовъ. Я засталъ въ концѣ 1861 г. на Верхней Лабѣ, Ходзѣ, Губсѣ, Фарсѣ и Бѣлой цѣлый рядъ станицъ только что водворенныхъ. Превосходныя поземельныя угодья, ихъ окружавшія, отличный климатъ, обиліе воды, довольно хорошія дороги, соединявшія ихъ между собою и съ прежде существовавшими населенными пунктами, помощь войскъ при возведеніи построекъ — все обѣщало, что эти станицы скоро разбогатѣютъ; и однако этого не случилось. Отъ чего?— А на это нельзя отвѣчать двумя словами, потому что причины были сложны. Оффиціально выставлялась, конечно, какъ главная изъ такихъ причинъ, близость горцевъ, которая дѣ-

лала полевыя работы небезопасными и вынуждала нерѣдко отрывать казаковъ отъ этихъ работъ на боевую службу. Но это лишь оффиціально. На самомъ дѣлѣ главный врагъ благосостоянія переселенцевъ былъ у нихъ не спереди, а въ тылу и даже посреди ихъ. Врагъ этотъ былъ—казачья администрація. Говоря на страницахъ Русск. Старины о заселеніи Амура, я уже упомянулъ, какъ эта администрація отличалась тамъ и къ какимъ послѣдствіямъ привела своихъ подчиненныхъ. На Кавказѣ не могло быть лучше и не было, потому что вѣдь одинакія причины вездѣ производятъ одинакія явленія. Правда, Закубанскіе казаки были лучше снабжены всѣмъ отъ казны, чѣмъ Амурскіе; они, напримѣръ, получали казенный хлѣбъ цѣлые три года по водвореніи, тогда какъ Амурскіе только на 14 мѣсяцевъ; но за то и начальство у нихъ было попечительнѣе... о собственныхъ выгодахъ. Казна напр. отпускала казакамъ на передовыхъ линіяхъ овесъ на продовольствіе лошадей; онъ и поступалъ въ казачьи закрома, но лишь въ количествѣ шести четвериковъ вмѣсто четверти: 25% оставались въ амбарахъ или, точнѣе, въ карманахъ начальствъ. Денежныя пособія переселенцамъ, очень значительныя на Кавказѣ, оставляли въ тѣхъ же начальственныхъ карманахъ еще большее число процентовъ, напр. 40%, и горе было тому дерзкому, который бы вздумалъ напоминать о недочетѣ: нагайки или болѣе мирныя притѣсненія скоро приводили его къ смиренію. Въ 1861 году казаки одной станицы на Лабѣ хотѣли заявить на то жалобу... но полковой командиръ такъ настращалъ ихъ послѣдствіями, что они отказались отъ своего намѣренія. Мало того; тотъ же полковой командиръ (и онъ не былъ исключеніемъ) завелъ у себя мельницу и требовалъ, чтобы казаки свой хлѣбъ мололи у него; а для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли не позволялъ самимъ казакамъ строить мельницы подъ предлогомъ, что этого не дозволяютъ военныя обстоятельства. Захотѣлось тому же полковому командиру пріобрѣсти пчелъ; онъ собралъ по тревогѣ нѣсколько сотенъ подчиненныхъ переселенцевъ и, подъ предлогомъ разсѣянія появившейся партіи горцевъ, сдѣлалъ набѣгъ въ одинъ отдаленный, только что оставленный Черкесами аулъ, гдѣ существовалъ хорошій пчельникъ, котораго горцы не успѣли еще увезти. Предусмотрительность отца-командира была такъ велика, что онъ заранѣе приказалъ захватить съ собою какъ можно болѣе войлоковъ, чтобы было чѣмъ обернуть ульи во время перевозки. А что казакамъ досталось не только отъ пчелъ, ихъ покусавшихъ порядкомъ, но немного и отъ горскихъ пуль, такъ это въ счетъ не ставилось. И когда начальство сосѣднихъ регулярныхъ войскъ замѣчало въ частномъ разговорѣ, что оно ни о какой горской партіи въ данное время не слыхало, то ему отвѣчали, что дѣйствительно слухъ о ней оказался ложнымъ, но что разъ посадивъ людей на коня, нужно было доставить имъ «боевую» практику, такъ-какъ среди ихъ было немало «простыхъ мужиковъ», которыхъ нужно пріучать къ «военной» службѣ. Всѣ эти продѣлки совершались настолько гласно, что о нихъ свободно говорилось въ офицерскомъ кругу и даже съ самими героями пчелособирательныхъ набѣговъ и недодачи овса.

Послѣдніе обыкновенно говорили: да какъ же быть иначе? мы не одни... «Я вотъ часто ѣзжу въ Ставрополь, прибавлялъ одинъ отецъ-командиръ, и всякій разъ меня тамъ стригутъ»... При этомъ онъ показывалъ на свою, дѣйствительно, подъ гребенку остриженную, голову, забывая, разумѣется, пояснить, что, не смотря на стрижку, у него оставалось въ годъ 15—20,000 р.

Въ 1862 году нами было заселено западнѣе Лабы все пространство до р. Бѣлой и даже двѣ станицы водворены за этой рѣкой: Пшехская и Бжедуховская. Въ это же время началъ приводиться въ исполненіе систематическій планъ водворенія на Прикубанской низменности тѣхъ горцевъ, которые прекращали сопротивленіе и изъявляли покорность намъ. Длинная полоса земель, вдоль лѣваго берега Кубани, отъ самаго ея истока, гдѣ жили издавна уже покорные Карачаевцы, до начала дельты, предназначена была въ исключительное ихъ пользованіе. Такимъ образомъ, выходя изъ родныхъ горъ, они оставались въ виду ихъ, въ отношеніи производительности почвы ничего не теряли, а въ отношеніи удобства сбыта своихъ произведеній даже выигрывали. Одно могло не нравиться имъ: близость надзора Русскихъ, которыхъ селенія окружали ихъ земли со всѣхъ сторонъ. Но это было условіе неизбѣжное и притомъ способное тяготить только первое поколѣніе выходцевъ, живо помнившее приволье въ горахъ. Чтобы привлечь возможно болѣе мирныхъ горскихъ переселенцевъ на Кубань, былъ основанъ «вольный аулъ» гдѣ-то недалеко отъ стц. Баталпашинской: тамъ могли селиться бѣглые горскіе ясыри (рабы), и правительство уже ручалось, что они никогда не вернутся подъ власть господъ. Въ другихъ мѣстахъ Прикубанской низменности отводились участки земли тѣмъ изъ почетныхъ горцевъ, которые служили Россіи, и такимъ образомъ шло «процѣживаніе» одного населенія другимъ, Русскимъ Черкесскаго: первое шло въ горы, второе спускалось въ равнины. Факта подобнаго этому я не знаю въ исторіи никакого государства, кромѣ Россіи. Янки Соединенныхъ Штатовъ выгоняютъ Индѣйцевъ изъ горъ, но лишь за тѣмъ, чтобы ихъ истреблять. Англичане въ Австраліи, въ Новой Зеландіи истребляютъ туземцевъ и въ горахъ, и на равнинахъ, иногда съ ружьемъ и собакою, какъ звѣрей. Мы же долго боролись съ Черкесами какъ съ равными противниками, и когда одолѣли ихъ, то честно уступили имъ земли, которыя могутъ служить предметомъ зависти для самыхъ цивилизованныхъ племенъ. Нѣмецкіе колонисты, водворившіеся позднѣе въ той же Прикубанской низменности, могутъ это засвидѣтельствовать въ качествѣ «третьихъ лицъ».

Должно однако замѣтить, что графъ Евдокимовъ, который былъ непосредственнымъ исполнителемъ оффиціальнаго «проэкта заселенія западнаго Кавказа», не слишкомъ заботился объ участи горцевъ, выселявшихся на Прикубанскую низменность. Его твердымъ убѣжденіемъ было, что самое лучшее послѣдствіе многолѣтней, дорого стоившей для Россіи войны, есть изгнаніе всѣхъ горцевъ за море. Поэтому на остававшихся за Кубанью, хотя бы и въ качествѣ мирныхъ подданныхъ, онъ смотрѣлъ лишь какъ на неизбѣжное зло

и дѣлалъ что могъ, чтобы уменьшить ихъ число и стѣснить для нихъ удобства жизни. Въ силу послѣдняго взгляда онъ не затруднился напр. водворить на низовьѣ Пшиша большую станицу Габукаевскую въ полосѣ, отведенной для горцевъ. Начальникъ главнаго штаба въ Тифлисѣ, генералъ К-овъ, охотно искавшій случая сдѣлать графу непріятность, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы напомнить ему «Положеніе о колонизаціи», утвержденное свыше; но Евдокимовъ на это отвѣчалъ, что онъ работаетъ не для исполненія канцелярскихъ проэктовъ, основанныхъ на неполномъ знаніи дѣла, а для блага Россіи; что станица Габукаевская необходима для связи Закубанскихъ линій съ Кубанскою; что, наконецъ, если хотятъ ее уничтожить или перенести на другое мѣсто, то пусть переносятъ, но въ такомъ случаѣ онъ проситъ уволить его отъ должности командующаго войсками Кубанской области. К-овъ уступилъ; но, желая сдѣлать новую шпильку, прислалъ графу записку «одного извѣстнаго знатока Кавказа», въ которой доказывалось, что никакой надобности въ изгнаніи горцевъ вообще нѣтъ, что они и въ горахъ могутъ остаться мирными подданными и т. п. Евдокимовъ немедленно отгадалъ безъимяннаго автора записки «по ушамъ» и, зная его довольно видное положеніе въ Петербургѣ, написалъ ѣдкое возраженіе, въ которомъ говорилъ, что «составитель записки кажется ему однимъ изъ тѣхъ знатоковъ западнаго Кавказа, которые напр. составляли описаніе Черноморской береговой линіи, не сходя съ парохода», чѣмъ, какъ говорится, попалъ кому слѣдовало не въ бровь, а въ самый глазъ. На этомъ, кажется, пререканія и кончились, по крайней мѣрѣ на данную тему.

А тема была богатая, и не для однихъ пререканій. Работая осенью 1862 года надъ исторіею завоеванія Закубанья, я имѣлъ случай познакомиться со многимъ, что̀ до нея относилось и что̀ осталось неизвѣстнымъ напр. почтенному составителю исторіи Кавказа, Дубровину, не смотря на то, что онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы исчерпать сполна свой предметъ. Небольшою группою историческихъ документовъ, сюда относящихся, именно рядомъ оффиціальныхъ бумагъ, касающихся волненій между Черноморскими и Хоперскими казаками, назначавшимися на переселеніе въ 1861 году, я имѣлъ честь служить читателямъ Русской Старины; но это далеко не все, что̀ мнѣ удалось извлечь изъ Ставропольскихъ военныхъ архивовъ, обязательно открытыхъ мнѣ Н. Н. Забудскимъ съ разрѣшенія графа Евдокимова. Послѣдній видимо хотѣлъ, чтобы я познакомился и съ тѣмъ проэктомъ покоренія Кавказа, который онъ въ дѣйствительности старался осуществить, не стѣсняясь иными распоряженіями. Проэктъ этотъ принадлежалъ «учителю» не только самого Евдокимова, но и князя Барятинскаго, извѣстному любимцу Ермолова, генералу Вельяминову. Въ половинѣ 1830-хъ годовъ изъ Петербурга чуть не каждогодно получались въ Тифлисѣ предписанія военнаго министра, гр. Чернышова, съ изложеніемъ повелѣній: «завершить покореніе Кавказа непремѣнно въ текущемъ году, напр. къ 15-му или къ 25-му Октября». Главнокомандующіе Кавказскимъ корпусомъ были затруднены такими предписаніями

и, не имѣя мужества отвѣчать въ Петербургъ, что тамошнія канцеляріи пишутъ вздоръ, сваливали трудность отвѣта на командующихъ Кавказскою линіею, т. е. войсками сѣвернаго Кавказа, гдѣ главнымъ образомъ велась война съ горцами. Вельяминовъ, который именно въ это время начальствовалъ надъ Кавказскою линіею, понималъ, чего отъ него добиваются, и, будучи человѣкомъ столь же независимымъ и твердымъ, какъ напр. Евдокимовъ, не слишкомъ торопился отвѣтами на Тифлисскія строгія предписанія и любезныя письма, поочередно сыпавшіяся на него, а занялся подробнымъ разборомъ способовъ веденія Кавказской войны, чтобы доказать кому слѣдовало, что окончить ее въ нѣсколько мѣсяцевъ или даже небольшое число лѣтъ нельзя. Онъ указывалъ на одинъ вѣрный, но медленный путь присоединенія Кавказа къ Россіи: идти впередъ понемногу, но безповоротно, заселяя завоеванныя пространства Русскими. Эта мысль и приводилась потомъ въ исполненіе не разъ, но все какъ-то урывками, не довольно систематично. При кн. Воронцовѣ, напримѣръ (я уже не говорю про другихъ) въ пространствѣ между верхней Кубанью и Лабою вовсе почти не было водворенія Русскихъ колоній; за то существовалъ рядъ укрѣпленій въ родѣ Ахметовскаго. о которомъ я уже упомянулъ, говоря о комическихъ подвигахъ I—го. Обширная собственно-ручная записка Вельяминова, которая была однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія Евдокимова и, конечно, принадлежала къ числу «секретнѣйшихъ» документовъ Ставропольскаго штабнаго архива, была мнѣ сообщена съ разрѣшенія самого графа, который потомъ, увидѣвъ меня, кажется, въ клубѣ, спросилъ: «прочиталъ ли я ее всю?» и на мой отвѣтъ, что конечно да,—замѣтилъ: «я велѣлъ вамъ ее выдать потому, что вижу, что вы смотрите на дѣло широко и занимаетесь имъ серіозно». Послѣднее замѣчаніе, вѣроятно, основывалось на томъ, что я въ это время составилъ небольшой «стратегическій очеркъ Закубанья», гдѣ объяснялъ въ общихъ, крупныхъ чертахъ ходъ и вѣроятный исходъ войны, тянувшейся въ этой странѣ, почти совершенно такъ, какъ понималъ ихъ и самъ Евдокимовъ. Очеркъ этотъ имъ былъ посланъ въ Тифлисъ, одобренъ и тамъ, даже разрѣшенъ къ печатанію въ Военномъ Сборникѣ. Но въ Петербургѣ нашли мою статью не то опасною, не то не своевременною, и редакторъ В. Сб. генералъ Меньковъ, возвращая мнѣ тетрадку при очень любезномъ письмѣ, заявилъ, что не можетъ ее напечатать «по причинамъ отъ редакціи независящимъ» *).

*) Тоже повторилъ мнѣ П. К. Меньковъ и осенью 1863 г., когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, указавъ даже и лицо, которое наложило на мою записку свое veto. Къ удивленію моему, это было совсѣмъ не то лицо, на которое я думалъ. Мнѣ на Кавказѣ казалось, что суровымъ цензоромъ моей работы былъ г-нъ С., надѣлавшій мнѣ немало зла въ 1860-61 годахъ, но потомъ, въ 1869 г., по возвращеніи моемъ изъ Японіи, развязно желавшій любезничать со мною въ Географическомъ Обществѣ. Однако я ошибался. Veto было наложено другимъ лицомъ, независимымъ отъ С—а и устроившимъ со мною еще лучшую штуку. Именно, считая его человѣкомъ компетентнымъ по вопросамъ о Кавказѣ, я далъ ему осенью 1863 г. большую рукопись, „о ходѣ завоеванія и заселенія западнаго Кавказа“ и никогда назадъ не получалъ ея, а требовать не могъ.

Оставляю, впрочемъ, военно-литтературную сферу въ сторонѣ, и возвращаюсь къ войнѣ на Кавказѣ. Графъ Евдокимовъ, по просьбѣ Забудскаго, разрѣшилъ мнѣ, послѣ окончанія процесса Баха, остаться въ Ставрополѣ до конца Святокъ; но я въ послѣднихъ числахъ Декабря уѣхалъ въ отрядъ. Такъ какъ 2-й сводно-стрѣлковый батальонъ былъ сформированъ изъ стрѣлковыхъ ротъ разныхъ батальоновъ Кавказской резервной дивизіи, то я, разумѣется, передъ отъѣздомъ явился къ начальнику послѣдней, М. Я. Ольшевскому и былъ имъ очень любезно принятъ. Старый холостякъ этотъ жилъ въ Ставрополѣ настоящимъ холостякомъ, отчасти даже эпикурейцомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что любилъ хорошо, со вкусомъ пообѣдать. О дивизіи своей онъ очень заботился и привелъ ее въ очень хорошее состояніе, тогда какъ прежде она была знаменита тѣмъ, что въ ней требовалось содержаніе отъ казны на мертвыхъ людей, совершались засѣканія солдатъ на смерть, при чемъ во время истязанія ихъ держали на вѣсу и т. п. Мелетій Яковлевичъ былъ несовсѣмъ доволенъ, что батальоны его, черезъ отдѣленіе отъ нихъ стрѣлковыхъ ротъ, окончательно обратятся въ линейные, назначенные для охраненія станицы и укрѣпленій на заднихъ линіяхъ; но желая и изъ этого обстоятельства извлечь пользу для своихъ подчиненныхъ, онъ приказалъ командирамъ батальоновъ назначить въ стрѣлковыя роты самыхъ лучшихъ офицеровъ, чтобы награды, которыя естественно ожидали дѣйствующихъ на передовыхъ линіяхъ, достались достойнѣйшимъ. Мнѣ онъ передалъ свои интимные отзывы о будущихъ моихъ подчиненныхъ, и я потомъ удивлялся, какъ онъ отлично зналъ этихъ молодыхъ офицеровъ съ главными ихъ достоинствами и недостатками, хотя ротъ у него въ дивизіи было 80, а субалтернъ-офицеровъ вѣроятно не менѣе 160-ти. М. Я. Ольшевскій послѣднее время своей жизни провелъ въ Петербургѣ и здѣсь, на досугѣ, составлялъ свои Записки, часть которыхъ уже и напечатана, а потому мнѣ и нечего здѣсь распространяться о его служебной дѣятельности, всегда очень почтенной; но не могу не вспомнить его холостыхъ обѣдовъ, всегда приправленныхъ пряностями совершенно особаго рода, которыя доказываютъ существованіе въ посѣдѣломъ хозяинѣ живаго, юношескаго воображенія и рѣзко отличали его столовую отъ нѣсколько скучной графа Евдокимова. Память у него тоже была богатая, и вѣроятно его Записки содержатъ много любопытныхъ данныхъ о бытовой сторонѣ Кавказскихъ войскъ и ихъ дѣятельности... если, разумѣется, соображенія особаго рода не заставили его ограничиться сферою оффиціальною. Мелетій Яковлевичъ, подтрунивая надъ нашей участью въ отрядахъ, жалѣлъ напр., что у насъ нѣтъ въ сосѣдствѣ такихъ великолѣпныхъ казачекъ, какъ на Терекѣ, гдѣ эти красавицы въ свое время были поставлены такъ, что мужья имъ ставили въ упрекъ, если у нихъ не было «подручниковъ».... Впрочемъ, «интересный сюжетъ» этотъ едва ли не исчерпанъ въ существующихъ уже запискахъ и воспоминаніяхъ о Кавказѣ.

Въ самомъ началѣ Января 1863 года, заѣхавъ въ станицу Переправную проститься съ 4-мъ батальономъ Севастопольскаго полка, я прибылъ на

Пшеху, гдѣ уже собирался мой новый батальонъ. Первое, что̀ меня поразило при знакомствѣ съ ротами, это былъ многочисленный ихъ наличный составъ. Видно было, что М. Я. Ольшевскій не допустилъ существованія Шедоковъ и т. под. учрежденій въ подчиненныхъ ему частяхъ войскъ. Больныхъ было мало, наличные люди имѣли здоровый видъ, были хорошо обуты и одѣты, обозъ и палатки были въ исправности. Съ офицерами я быстро перезнакомился и нашелъ въ нихъ усердныхъ служакъ. Они заботились о репутаціи своихъ ротъ и даже всего батальона, который собственно имъ былъ чужой. Скоро у насъ возникло то, чего не было ни въ одномъ батальонѣ отряда,— общій столъ. Трудности зимнихъ походовъ, работъ и военныхъ дѣйствій переносились легко ими, по крайней мѣрѣ, безъ малѣйшаго ропота. Мы нѣкоторое время стояли въ оградѣ ненаселенной еще станицы Пшехской, потомъ перешли на Югъ, верстъ за 20, чтобы строить станицу Апшеронскую. Съ горцами столкновеній было мало, хотя не проходило ни одной рекогносцировки ихъ пустыхъ уже ауловъ, чтобы не было обмѣнено съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку пуль. Однажды, при движеніи вдоль по Пшехѣ, лагерь отряда въ ея долинѣ былъ поставленъ такъ дурно, что изъ лѣса, находившагося за рѣкою, пули Черкесовъ стали залетать въ палатки, и одна изъ нихъ убила офицера сосѣдняго съ моимъ батальона въ ту самую минуту, когда молодой человѣкъ протянулъ руку за взяткою, такъ какъ товарищи играли въ карты. Здѣсь я позволю себѣ вообще сказать нѣсколько словъ о препровожденіи офицерами времени въ Кавказскихъ парадахъ, внѣ службы. Въ мое время о гомерическихъ кутежахъ, хранившихся въ Кавказскихъ преданіяхъ, не было и рѣчи. Жили скромно, тихо, развлекались чтеніемъ, товарищескими бесѣдами, иногда, но очень рѣдко картами. Въ 4-мъ Севастопольскомъ батальонѣ у меня вовсе не было игроковъ, во 2-мъ сводно-стрѣлковомъ два или офицера постарше играли, но отнюдь не въ азартныи игры. Отсюда порядокъ въ хозяйничаньѣ ротными суммами, которыя я впрочемъ велѣлъ запереть въ общій ящикъ. Ящикъ хранился въ палаткѣ младшаго штабъ-офицера, тогда какъ ключъ отъ него былъ у меня, а каждый изъ пакетовъ, содержавшихъ деньги, запечатанъ былъ печатью той роты, которой принадлежалъ. Ни я, ни офицеры не вмѣшивались въ дѣло продовольствія солдатъ: они сами, черезъ выборныхъ артельщиковъ, покупали что̀ было нужно, и я только ходилъ по временамъ на кухни пробовать пищу и каждый мѣсяцъ приказывалъ прочитывать передъ ротами отчетность объ издержкахъ и спрашивалъ солдатъ, все ли вѣрно. Иногда при этомъ мы всѣ сознательно обманывали самихъ себя, напр. слѣдующимъ образомъ. Роты пожелали отличаться разноцвѣтными верхами папахъ. Это не была форма, но допускалось на Кавказѣ для лучшаго опознаванія частей. Нужно было купить достаточно нанки красной, синей, бѣлой и желтой; но откуда взять денегъ? Солдаты вотировали изъ съѣстныхъ суммъ извѣстное количество рублей, и ротные каптенармусы расписали ихъ по книгамъ подъ именемъ расхода на перецъ, лукъ, пшено и т. п. Этимъ очевидно устранялась придирчивость высшихъ

властей, соблюдалась форма, потому что нельзя же было въ съѣстныя вѣдомости заносить расходы на предметы, которые нельзя ѣсть; но обмана настоящихъ хозяевъ денегъ, т. е. самихъ солдатъ, не допускалось.

Въ Февралѣ 1863 г., когда стало извѣстнымъ скорое прибытіе новаго главнокомандующаго, роты порѣшили сдѣлать новые значки и вообще завести нѣкоторые предметы скромнаго солдатскаго щегольства; для этого они опять сдѣлали экономію на съѣстныхъ припасахъ, которая впрочемъ была мнимою, потому что на самомъ дѣлѣ мы въ это время раздобылись горскими просомъ и кукурузою изъ покинутыхъ ауловъ; поймано было даже нѣсколько штукъ горскаго скота. Офицеры въ моемъ новомъ батальонѣ не участвовали въ дѣлежахъ отбитаго у горцевъ скота, какъ это отчасти бывало въ Севастопольскомъ полку; но за то была у нихъ всегда возможность дешево покупать куръ и вообще мясо у солдатъ. Все это мелочи, скажетъ всякій невоенный или даже военный, небывавшій въ походахъ; но безъ знанія ихъ нельзя себѣ составить понятія о походной жизни и способахъ облегчать ея трудности. Если бы вздумали все получать черезъ маркитантовъ, то конечно скромнаго нашего жалованья недоставало бы на наше содержаніе. Вѣдь мы находились въ странѣ опустошенной, безъ населенія или съ населеніемъ открыто-враждебнымъ, и маркитанты должны были привозить съ линіи, т. е. изъ за нѣсколькихъ десятковъ верстъ.

Не могу опять не вернуться къ печальному предмету, о которомъ уже приходилось говорить не разъ, это объ эксплуатаціи войскъ и казны нѣкоторыми изъ начальствовавшихъ лицъ. Въ станицѣ Пшехской, какъ самой передовой, инженеры придумали строить домъ для командующаго войсками, который преспокойно себѣ жилъ въ Ставрополѣ, а когда наѣзжалъ въ отрядъ, то поселялся въ палаткѣ или въ какой нибудь избѣ. Сказано—сдѣлано, но какъ? Батальоны должны были нарубить и вывезти огромное число дубовыхъ бревенъ и дать рабочихъ на постройку дома. Изъ бревенъ множество браковалось, и тогда ихъ разбирали себѣ саперы, завѣдывавшіе работами, и строили изъ нихъ избы на продажу переселенцамъ. Доски шли на потребу людей починовнѣе, а солдатскій трудъ, совершенно даровой, наполнялъ карманы высшихъ распорядителей работами, за которыя оффиціально была положена плата. Что̀ могли сдѣлать противу этого зла мы, частные начальники? Ничего, потому что намъ и не говорили, зачѣмъ насъ «гоняютъ» въ лѣсъ на рубку и зачѣмъ берутъ у насъ плотниковъ. Предполагалось, что это на постройку моста черезъ Пшеху... Впрочемъ, нѣкоторыя плутни были слишкомъ ужъ наглы, и тогда мы составляли оппозицію. Разъ было напр. замѣчено, что въ сухаряхъ, принятыхъ отъ интендантскаго чиновника, который частенько игралъ и проигрывалъ въ отрядномъ штабѣ,—примѣшано не мало сженой глины и кирпичей. Я надѣлъ шапку и пошелъ доложить начальнику отряда, полковнику О., а кули съ сухарями велѣлъ выставить на всеобщее разсмотрѣніе. Интендантскіе вахтера засуетились, стали предлагать немедленный обмѣнъ дурной провизіи на хорошую, но я не сдавался и гро-

зилъ рапортомъ. Это испортило немало крови интенданту, потому что кромѣ удовлетворенія моихъ ротъ хорошими сухарями ему вѣроятно пришлось въ этотъ вечеръ проигрывать далеко за полночь. Впрочемъ, провіантскіе чиновники были артисты въ своемъ дѣлѣ и умѣли наверстывать случайныя потери. Вотъ напр. случай изъ практики ихъ еще въ 1862 году. Доставлялась изъ Ростова на Лабу казенная мука, на подводахъ подрядчика. Мука была перевѣшана, и на раструску положенъ извѣстный процентъ. Привезли ее на мѣсто назначенія, стали вѣсить: недовѣсъ огромный, не смотря на то, что кули были двойные, и подрядчику пришлось поплатиться. Но за что? А вотъ за что. Кули передъ нагрузкою на воза въ Ростовѣ порядкомъ облили водою; они, разумѣется, потяжелѣли; а когда отъ дороги въ жару высохли, то утратили этотъ искусственный вѣсъ. Затѣмъ между ст. Лабинскою и Майкопомъ повторена была подобная же операція, и конечно она покрыла издержки не одного дня карточныхъ проигрышей. Я уже говорилъ, какъ къ намъ въ Пшехскую провіантъ доставлялся изъ Бѣлорѣченской за плату 10 коп. съ четверти, тогда какъ казна платила коммиссіонеру по полтора рубля: это тоже было явленіемъ постояннымъ во всей Кубанской области.

Зимняя кампанія Пшехскаго (т. е. бывшаго Абадзехскаго) отряда была особенно тяжела, потому что, какъ я уже замѣтилъ, мы дѣйствовали въ опустѣлой странѣ. Но зима въ подгорныхъ долинахъ Кавказа непродолжительна, и потому уже въ половинѣ Февраля снѣга не стало, и мы двигались по большей части въ глубокой весенней грязи. Когда прибылъ въ страну новый намѣстникъ, тогда намъ объявили, что будетъ небольшой походъ отряду, на встрѣчу намѣстнику, которая должна была состояться на Псекупсѣ, такъ какъ онъ прибылъ сначала на крайній Западъ Кавказа и оттуда постепенно подвигался къ Востоку, переѣзжая изъ отряда въ отрядъ. Въ авангардѣ у новаго главнокомандующаго, разумѣется, слѣдовали слухи, которымъ всѣ жадно внимали. Говорили напр., что онъ довольно строго отнесся къ начальнику морской станціи въ Анапѣ или Новороссійскѣ за недовольно бдительное крейсерство у восточнаго берега Чернаго моря. Увѣряли, что онъ упрекалъ моряковъ, что они много выводятъ угля на содержаніе пароходовъ подъ парами, но мало плаваютъ. Это заставляло предполагать аналогическіе, весьма возможные, упреки и въ сухопутномъ вѣдомствѣ. Нѣкоторые готовы были увѣрять, что конечно и участь графа Евдокимова рѣшена именно вслѣдствіе множества хозяйственныхъ непорядковъ въ войскахъ Кубанской области. Но вотъ намѣстникъ прибылъ, и графъ съ нимъ въ свитѣ: ничего похожаго на натянутыя отношенія между ними замѣтно не было. Когда же, посвятивъ объѣзду Кубанской области болѣе трехъ недѣль, намѣстникъ издалъ въ станицѣ Суворовской великолѣпный приказъ по войскамъ съ изъявленіемъ графу Евдокимову самой теплой признательности за все имъ сдѣланное, тогда графскіе порицатели присмирѣли. Перестали даже разсказывать общераспространенную легенду о томъ, что еще прежде, въ первый, случайный пріѣздъ на Кавказъ намѣстника, графъ Евдокимовъ не былъ имъ удостоенъ особеннаго вниманія. Какъ быть!

Люди вездѣ люди, т. е. мелкіе, недальновидные эгоисты, которымъ чужая извѣстность всегда завидна и которые охотно дѣлаютъ вольтфасы, когда видятъ, что не они одолѣли....

Послѣ проѣзда намѣстника прозаическая служба отряда возобновилась. Только отрядное начальство у насъ стало новое. Сначала пріѣхалъ новый начальникъ штаба, молодой блестящій подполковникъ генеральнаго штаба, П. Е. Скобельцинъ, уже знакомый прежде войскамъ по нѣкоторымъ примѣрамъ распорядительности и беззавѣтной храбрости. Потомъ дошла очередь и до начальника отряда, на мѣсто котораго поступилъ бывшій генералъ-квартирмейстеръ Кавказской арміи, генералъ Зотовъ. Районъ нашихъ дѣйствій былъ не великъ, именно—низовья Пшехи и Пшиша, на верховьяхъ которыхъ дѣйствовалъ Гейманъ; непріятелей мы почти не видали, а потому служба была скучноватою. Переваливъ съ Пшехи на Пшишъ у урочища Ходыжей, мы было начали строить тамъ укрѣпленіе; но графъ Евдокимовъ не одобрилъ этой работы, и она была оставлена. Вслѣдствіе этого мы подвинулись къ Сѣверу по долинѣ Пшиша и стали строить станицу Тверскую. Такъ какъ движеніе къ Тверской казалось горцамъ какъ бы отступленіемъ, да и совершалось оно по плохой дорогѣ, въ лѣсу, то мы были аттакованы, и въ происшедшей перестрѣлкѣ у меня въ батальонѣ былъ раненъ одинъ ротный командиръ. Эти безполезныя или казавшіеся таковыми движенія и потери утомляли войска, и мы, бывавшіе въ отрядѣ Геймана, жалѣли, что не состоимъ у него подъ командою. Онъ, правда, часто форсировалъ и движенія, и дѣйствія войскъ, да за то все бывало со смысломъ: нигдѣ не случалось бросать начатыя работы или двигаться взадъ и впередъ понапрасну. Конечно, и генералъ Зотовъ съумѣлъ бы распоряжаться не хуже Геймана, да вѣроятно подъ нимъ почва въ Ставрополѣ была не крѣпка, такъ какъ онъ былъ присланъ въ Кубанскую область изъ Тифлиса. Отъ этого, командованіе продолжалось лишь 8—10 недѣль, и въ половинѣ лѣта 1863 года къ намъ поступилъ на его мѣсто командиръ знаменитаго Нижегородскаго драгунскаго полка, молодой флигель-адъютантъ Н. П. Граббе, сынъ извѣстнаго рыцаря П. Х. Граббе, бывшаго около того времени атаманомъ Донскихъ казаковъ. Граббе оставался начальникомъ отряда до конца войны весною слѣдующаго года, при чемъ успѣлъ получить драгоцѣнную саблю за троекратный переходъ черезъ Кавказскій хребетъ. За время же командованія отрядомъ П. Д. Зотова у меня сохранилось только одно выдающееся воспоминаніе: полученъ былъ приказъ объ уничтоженіи или, точнѣе, о сокращеніи тѣлесныхъ наказаній въ арміи. Мы въ это время стояли бивакомъ между Пшехою и Пшишемъ; палатокъ у солдатъ не было, а жили они въ шалашахъ, устроенныхъ изъ свѣжихъ вѣтвей. Бивакъ былъ очень тѣсенъ, а потому многіе солдатскіе шалаши непосредственно прилегали къ моей палаткѣ, и мнѣ явственно были слышны солдатскіе разговоры. Прочтя приказъ и не желая въ жару тревожить роты вызовомъ ихъ на линейку, чтобы выслушать публичное чтеніе, я передалъ печатный листокъ вѣстовому и велѣлъ ему передать грамо-

тѣямъ, подъ условіемъ, чтобы не изорвали и не испачкали. Я ожидалъ громкихъ изъявленій восторга, но, къ удивленію, ихъ не было. Впрочемъ, появленіе приказа въ шалашахъ произвело замѣтное движеніе. Тѣ, которые спали, были разбужены, и я скоро услышалъ чтеніе документа, нѣсколько нескладное, но внятное. Когда оно окончилось въ одномъ изъ ближайшихъ шалашей, тогда послѣдовало минутное молчаніе. Наконецъ, одинъ солдатъ сказалъ: «ну, слава тебѣ Господи, прошла палочная пора!» Но на это немедленно послышалось замѣчаніе: «только, братъ, не для тебя; потому что про тебя еще много лозы въ лѣсу, и какъ бы на вашего брата ея тамъ не было, такъ съ вами бы и жить было не въ моготу» (хвалитель, случайно, принадлежалъ къ числу людей очень порочныхъ). Всѣ расхохотались. Потомъ прошла еще минута, и одинъ философъ, полушутя, полузерьезно сказалъ: «оно, конечно, хорошо, что офицеры перестанутъ драться; ну, а чтобы фельдфебель когда не далъ зуботычины,—такъ этого быть не можетъ».—Я съ намѣреніемъ заношу въ мои воспоминанія эти первыя, неподдѣльныя впечатлѣнія великаго по своему благодѣтельному значенію указа 17 Апрѣля 1863 года: по нимъ можно отчасти судить объ уровнѣ нравственнаго развитія если не всего Русскаго простонародья того времени, то хоть армейскихъ солдатъ. Тѣмъ неменѣе довольство приказомъ было общее. Изъ моего батальона онъ попалъ въ сосѣдніе, и вечеромъ во всемъ лагерѣ можно было замѣтить особое одушевленіе. Ни малѣйшими нарушеніями дисциплины ослабленіе наказаній не обнаружилось.

Здѣсь, я думаю, нелишнимъ будетъ сказать два слова о распространеніи въ войскахъ Кавказской арміи или хоть Кубанской области тѣлесныхъ наказаній передъ временемъ ихъ уничтоженія. Оно было незначительно, какъ впрочемъ вообще бываетъ на войнѣ, когда служебный педантизмъ начальниковъ смѣняется уваженіемъ къ трудамъ и подвигамъ подчиненныхъ, да и является опасеніе такого рода: «сегодня я солдата высѣку, а завтра вѣдь онъ можетъ, пользуясь случаемъ, незамѣтно всадить мнѣ пулю въ лобъ». Но бывали обстоятельства, когда и по закону, и по обычаю, розги прилагались къ дѣлу; случалось, что обычай обходилъ законъ. Вотъ напр. что̀ разсказывалъ мнѣ Гейманъ, который впрочемъ былъ поклонникъ розогъ и часто жестокій. Разъ проштрафился Георгіевскій кавалеръ, отличный солдатъ, но немного авантюристъ. Оставить его безъ наказанія было нельзя, сѣчь по распоряженію начальства—тоже; а предавать суду, который бы лишилъ его креста, нашивки, права на отпускъ и пр.—жаль. Гейманъ собралъ Георгіевскихъ кавалеровъ съ цѣлаго батальона (д. б. Кабардинскихъ стрѣлковъ) и, изложивъ имъ вину ихъ товарища, отдалъ имъ его на ихъ собственный судъ и расправу, обѣщавъ, что что̀ бы они ни рѣшили—будетъ исполнено. Кавалеры нашли, что поступокъ товарища скверный, но что и лишать молодца «голосоваго» креста *) не слѣдуетъ, а потому просили позволенія распра-

*) Т. е. такого, который данъ по приговору роты, а не по волѣ командировъ.

виться съ нимъ «по домашнему»... И расправились, не придавая дѣлу ни малѣйшей огласки даже между своими сослуживцами не-кавалерами. Я не знаю только, какое психологическое послѣдствіе имѣло это на наказаннаго: принялъ ли онъ его добродушно, какъ заслуженную кару, или сталъ негодяемъ? Гейманъ мнѣ этого не сказалъ.

Молодое поколѣніе офицеровъ въ войскахъ Кубанской области, хотя большею частію вышедшее изъ юнкеровъ, было почти поголовно въ пользу уничтоженія розогъ и живо сочувствовало тѣмъ своимъ Петербургскимъ товарищамъ, которые подписали извѣстный въ свое время протестъ на статью князя Эм. Витгенштейна въ Военномъ Сборникѣ; но старички, батальонные и ротные командиры, увлеченій молодежи не раздѣляли. Дѣло понятное и совершенно естественное для людей, проведшихъ жизнь въ казармахъ и на бивакахъ; но одни ли армейскіе майоры были того же мнѣнія? Я помню въ восточной Сибири одного художника, работавшаго для ученаго общества, который самъ говорилъ мнѣ, что «освобождать гимназистовъ отъ розогъ—вредная химера: я-де знаю это по опыту. Бывало, меня разложутъ и хлещутъ, хлещутъ,—вотъ и человѣкъ вышелъ»... Прошу еще разъ вспомнить, что это былъ артистъ и человѣкъ настолько образованный, что по временамъ управлялъ дѣлами ученаго общества, редактировалъ ученые протоколы и записки и пр. А генералъ Лауницъ, просившій объ отводѣ гарнизоннымъ батальонамъ лѣсовъ на розги не далѣе 1860 года? А министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, котораго замѣчанія на записку князя Н. А. Орлова объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній у меня теперь передъ глазами? А Московскій митрополитъ Филаретъ, котораго мнѣніе о данномъ предметѣ я нахожу въ той же печатной тетрадкѣ 1862—63 годовъ? *) Вѣдь графъ Панинъ не хотѣлъ освобождать отъ розогъ даже женщинъ, а митрополитъ Филаретъ увѣрялъ, что «самъ Господь Богъ узаконилъ тѣлесныя наказанія, повелѣвъ, устами Моисея, наносить провинившемуся до сорока ранъ!»... Да что приводить отзывы членовъ прежняго Русскаго общества, во всякомъ случаѣ очень отсталаго: вотъ въ 1879 году Англійскій министръ, аристократъ, сынъ графа Дерби, Станлей, требуетъ у Парламента сохраненія въ арміи плетей, и Парламентъ, собраніе «просвѣщеннѣйшихъ» законодателей въ Европѣ, утверждаетъ предложенный законъ. Будемъ ли послѣ этого удивляться, что какой-нибудь Гейманъ, неумѣвшій написать правильно нѣсколькихъ строкъ и жившій постоянно на бивакахъ, такъ что въ 40 лѣтъ отъ роду законно считалъ 42 года службы—**), что онъ и ему подобные жалѣли о розгахъ?

Вотъ еще одинъ любопытный фактъ, относящійся къ тому же предмету и доказывающій, что законъ иногда можетъ обгонять жизнь, не согласоваться съ нравами. Между казаками, какъ извѣстно, по прежнимъ законамъ, розги и палки замѣнялись нагайками. Разъ на одномъ посту около станицы Переправной

---

*) „Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній", рѣдкая нынѣ брошюра, изд. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

**) Годъ боевой службы считается за два обыкновенной.

сторожевой Донской казакъ заснулъ на вышкѣ и не могъ дать отчета, куда бѣжало нѣсколько хищниковъ, пытавшихся, кажется, отогнать скотъ и спасшихся въ направленіи къ посту. Воинскій начальникъ или комендантъ, изъ линейныхъ офицеровъ, приказалъ дать ему 20 розогъ. Казакъ, сознавая вину, не противился наказанію, но возражалъ противу розогъ, говоря, что «у насъ, в. бл., розгами стегаютъ бабъ да малыхъ ребятъ, а казаку въ законѣ полагаются нагайки»... Я увѣренъ, что три четверти читателей сочтутъ это за сказку, и однако это былъ фактъ, засвидѣтельствованный людьми достойными вѣры. Я лично готовъ былъ думать, что казакъ хитрилъ, надѣясь что, отдѣлавшись «по закону» отъ розогъ, онъ не получитъ «изъ состраданія» и нагаекъ; но вѣрна ли была моя гипотеза—не знаю; готовъ думать, что нѣтъ.

Оставляю въ сторонѣ этотъ предметъ и перехожу снова къ занятіямъ войскъ Пшехскаго отряда лѣтомъ 1863 года. Время это было почти совершенно мирнымъ, такъ какъ графъ Евдокимовъ, пріѣхавшій въ отрядъ Геймана, успѣлъ заключить съ Абадзехами перемиріе, выгодное для обѣихъ сторонъ; потому что каждая могла предаться полевымъ работамъ—косьбѣ, жатвѣ и пр. Въ дѣлѣ этомъ намъ славно помогла саранча, которая поѣла у Абадзеховъ почти весь хлѣбъ, такъ что имъ приходилось покупать его въ нашихъ станицахъ. Случай такого рода былъ не первый. Въ 1860 году таже саранча, да еще недостатокъ соли, заставили Абадзеховъ изъявить полную покорность Россіи, ими однако вскорѣ потомъ нарушенную. Шутники говорили, что эта саранча доставила князю Барятинскому фельдмаршальскій жезлъ; но, разумѣется, это былъ парадоксъ. Недостатокъ же соли всегда былъ одною изъ причинъ, заставлявшихъ горцевъ быть съ нами не въ непрерывной враждѣ. Такъ называвшіеся прежде мирные аулы, ближайшіе къ нашимъ линіямъ, вели значительную торговлю солью, покупая ее у насъ и продавая своимъ единоплеменникамъ въ горахъ. Не помню ужъ, какой командующій войсками, кажется ген. Филипсонъ, пользовался этою потребностью горцевъ въ соли, чтобы запрещеніемъ провоза ея за линію достигать хоть временнаго умиротворенія хищниковъ.

Упомянувъ о горцахъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ, позволю себѣ, въ заключеніе этихъ отрывочныхъ воспоминаній, сказать нѣсколько словъ и объ этихъ людяхъ, въ 1861—63 годахъ постепенно исчезавшихъ съ лица западнаго Кавказа. Если бы теперь кто либо изъ лицъ, не видавшихъ Кавказскихъ горъ въ эпоху предшествовавшую ихъ занятію Русскими, вздумалъ очертить бытъ тогдашняго ихъ населенія, то онъ ничего бы не могъ лучше сдѣлать, какъ перевести Тацитову «Германію» или даже тѣ мѣста изъ «Комментаріевъ» Цезаря, которыя относятся до Германцевъ: до того сходство было велико. Разбросанные среди мѣстныхъ горъ, по долинамъ и косогорамъ, небольшими аулами, а то и отдѣльными саклями изъ плетня, обмазаннаго глиною или изъ досокъ и бревенъ, жилища горцевъ самымъ расположеніемъ своимъ доказывали, что тутъ сильно развита индивидуальная и семейная жизнь, но нѣтъ

общественной, а тѣмъ болѣе государственной. Ставленникъ Шамиля, Магометъ-Аминь, пробовалъ было водворить зачатки государственности у Абадзеховъ, но не имѣлъ успѣха. Послѣдній памятникъ этой государственности я видѣлъ въ 1862 году у Каменнаго моста на р. Бѣлой, верстахъ въ четырехъ ниже Дахо. То былъ домикъ, въ которомъ помѣщалось мегкемé или судилище, устроенное Магометъ-Аминемъ. Мы нашли въ немъ даже деревянныя колодки, которыя надѣвались преступникамъ на ноги, чтобы они не могли бѣжать изъ предварительнаго заключенія. Говорю предварительнаго, потому что карательнаго, кажется, не было. Горцы, находившіеся при нашемъ отрядѣ, увѣряли, что обыкновенно обвиняемыхъ или оправдывали, если у нихъ была вліятельная родня, или осуждали, и тогда расправа была коротка: преступника ставили на Каменный мостъ и свергали оттуда въ кипѣвшую подъ нимъ бездну. А значеніе этой бездны понять легко, если сказать, что бросаемыя въ нее бревна разносились въ щепки, потому что вся масса водъ Бѣлой тутъ сжата въ русло шириною отъ 2 до 4 аршинъ и несется между совершенно отвѣсными утесами. Вотъ была юстиція Магометъ-Аминя; гдѣ же были другіе элементы горской гражданственности? Ихъ не было. Читайте панегириста горцевъ, Лапинскаго, и тамъ не найдете доказательствъ, чтобы горцы въ 1860-хъ годахъ были способны одни, сами по себѣ, образовать правильныя гражданскія общества. Они соединялись въ партіи для набѣговъ или для отраженія нашихъ войскъ; но даже и тутъ не умѣли организоваться. У нихъ не было постоянныхъ вождей; по крайней мѣрѣ послѣ Магометъ-Аминя ихъ не было у Абадзеховъ. Оттого-то графъ Евдокимовъ, отдавая справедливость ихъ храбрости, ихъ рыцарской честности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, называлъ ихъ все-таки баранами, да еще такими, съ которыми пастуху было бы много хлопотъ. Поэтому-то онъ и выгонялъ ихъ въ Турцію.

Я сейчасъ упомянулъ о горскомъ рыцарствѣ. Оно проявлялось во многомъ, хотя бы напр. въ честномъ держаніи условій о перемиріяхъ, не говоря уже о прославленномъ ихъ гостепріимствѣ. Они напр. были сконфужены, что при выдачѣ за выкупъ одного плѣннаго Русскаго семейства забыли спавшаго ребенка и не знали, какъ безъ стыда для себя передать его родителямъ. Нуженъ былъ совѣтъ «просвѣщеннаго» Европейца Лапинскаго, чтобы они рѣшились на наглость: просить дополнительнаго выкупа. Къ Англичанамъ они чувствовали неодолимое отвращеніе и презрѣніе, потому что тѣ въ 1854—55 годахъ покупали у нихъ кое-какіе предметы за фальшивую золотую монету. Отъ того-то они никогда и не прибѣгали къ нимъ за помощью, даже отвергали ту, которая предлагалась напр. Англійскими консулами изъ Требизонда. Турки имъ были болѣе по душѣ, во 1-хъ, какъ единовѣрцы, во 2-хъ, нерѣдко какъ родственники, потому что многія Черкесскія семейства имѣли дочерей въ Константинопольскихъ гаремахъ, а самое главное, въ 3-хъ, потому что и Турокъ какъ горецъ былъ натурою простою, честною, неиспорченною цивилизаціею. Армяне, безъ которыхъ горцы во многихъ случаяхъ не могли обхо-

диться, были вполнѣ презираемы ими, какъ гнусные торгаши. Съ нами они дрались, но уважали насъ и, переходя въ Русское подданство, всегда охотнѣе повиновались нашимъ начальникамъ, чѣмъ лицамъ одного съ ними происхожденія. Графъ Евдокимовъ умѣлъ пользоваться вліяніемъ, которое оказывали нѣкоторые почетные Черкесы, Русскіе подданные, на ихъ соотечественниковъ въ горахъ; но онъ никогда не допускалъ, чтобы эти люди становились начальниками вновь покорившихся горцевъ: тѣ не стали бы ихъ слушаться.

Въ виду этого ясно, что при покореніи западнаго Кавказа борьба шла не столько съ могущественнымъ врагомъ, сколько съ трудно-одолимою мѣстностью. Какъ только былъ придуманъ вѣрный способъ одолѣвать эту мѣстность,—борьба обратилась въ рядъ непрерывныхъ успѣховъ для насъ, и притомъ съ гораздо меньшимъ чѣмъ прежде пролитіемъ крови. «Всмотритесь поближе въ эти лопаты, мотыги и топоры», говорилъ Евдокимовъ горцамъ,—«ими я васъ покорю». И покорилъ. Для борьбы съ топоромъ, который прорубалъ просѣку въ вѣковыхъ лѣсахъ, съ киркою и лопатою, которыя прокладывали полотно проѣзжихъ, экипажныхъ дорогъ, у горца не было средствъ. А тутъ еще введеніе въ нашихъ войскахъ дальнобойнаго нарѣзнаго оружія, которое и простую войну дѣлало слишкомъ нерасчетливою для самыхъ храбрыхъ горскихъ джигитовъ, и вотъ они наконецъ склонились предъ нами, послѣ слишкомъ полувѣковаго сопротивленія, не пытаясь искать побочныхъ средствъ для продолженія его.

Впрочемъ, виноватъ, въ самый послѣдній періодъ борьбы съ нами, у Закубанскихъ горцевъ появилось одно изъ этихъ побочныхъ средствъ, именно четыре нарѣзныя орудія, присланныя имъ Англичанами изъ Требизонда. Консулъ нашъ въ Батумѣ или въ самомъ Требизондѣ увѣдомилъ объ этомъ генерала К-ова, а тотъ поспѣшилъ сообщить графу Евдокимову, какъ нѣчто зловѣщее. «Ну, слава Богу, сказалъ графъ: наконецъ Закубанскія войска получатъ хоть дивизіонъ нарѣзной артиллеріи»... Изъ Россіи ея въ 1863 году доставлено еще не было, а двѣ отправленныя пушки утонули на Волгѣ...

Къ этимъ краткимъ замѣткамъ о горцахъ Закубанья и ихъ отношеніяхъ къ намъ, мнѣ остается еще присовокупить, что часть тѣхъ изъ нихъ, которые изъявили полную покорность Россіи, состояла даже на государственной и именно военной службѣ, въ силу того же принципа, который доставилъ Англичанамъ цѣлую армію сипаевъ въ Индіи и осуществляется у насъ доселѣ въ Дагестанской области. Изъ мирныхъ горцевъ Закубанья, какъ поселяемыхъ по лѣвому берегу Кубани, такъ и жившихъ на Лабѣ, на Ходзѣ и пр., былъ сформированъ особый Лабинскій конно-мусульманскій дивизіонъ, котораго главное назначеніе было доставлять нашимъ войскамъ проводниковъ во время ихъ движеній въ горахъ. Но....

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года Кавказская резервная дивизія начала преобразовываться въ три новыя. Сводно-стрѣлковые батальоны были расфор-

мированы. Не имѣя ни малѣйшаго желанія, при описанныхъ порядкахъ, получить въ командованіе штатную часть, т. е. батальонъ съ собственнымъ хозяйствомъ, я поспѣшилъ оставить Кавказъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ случай посильные мои отчеты о тогдашнемъ состояніи покинутаго края представить Русскому Географическому Обществу, которое ихъ напечатало. То, что̀ изложено здѣсь, можетъ служить дополненіемъ къ этимъ отчетамъ.

М. Венюковъ.

Воспоминанія Московскаго кадета.

1833—1834.

„О велика бяше бѣда въ часъ тый“...
Новгор. первая лѣтопись.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1833 года, я въ числѣ другихъ 25 кадетъ былъ переведенъ изъ Малолѣтняго Отдѣленія въ Главный Корпусъ и поступилъ въ неранжированную роту. Съ тяжелымъ чувствомъ приступаю къ разсказу объ этомъ времени. По правдѣ сказать, мало отраднаго вынесла память моя изъ дѣтства, проведеннаго мною первые два года въ Главномъ Корпусѣ. Я ли виноватъ въ томъ, или суровая обстановка, среди которой очутился я въ новой школѣ, не знаю: пусть судятъ о томъ другіе, кому доведется читать разсказъ мой.

Прежде всего скажу о главныхъ лицахъ корпуснаго управленія. Директоромъ въ то время былъ генералъ-маіоръ Карлъ Павловичъ Ренненкампфъ, высокій, флегматическій Нѣмецъ, съ кроткою, незлобивою душою, съ мягкимъ и добрѣйшимъ сердцемъ, человѣкъ, котораго всѣ любили—и кадеты, и офицеры. Онъ рѣдко ходилъ по ротамъ, гдѣ за него бодрствовалъ батальонный командиръ полковникъ Святловскій, но чаще бывалъ въ классахъ. Если ему случалось когда нибудь дѣлать замѣчанія, то дѣлалъ это спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, безъ малѣйшаго признака горячности. Но и этотъ человѣкъ, совершенно неспособный къ жестокости, послѣ несчастной исторіи Житкова, благодаря свирѣпости Сухозанета и вліянію Святловскаго, сталъ обнаруживать такое обращеніе съ кадетами, которое наводило на всѣхъ страхъ и трепетъ.

Говоря о Малолѣтнемъ Отдѣленіи *), я сказалъ нѣсколько словъ и о Ренненкампфѣ; здѣсь же добавлю, что непріятности, которымъ онъ подвергся отъ великаго князя Михаила Павловича, дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣли: они ограничились тѣмъ выговоромъ, который пришлось ему выслушать въ присутствіи кадетъ и служащихъ, и затѣмъ онъ оставался директоромъ до конца 1834 года.

*) См. Р. Архивъ 1879, II, 304.

Батальоннымъ командиромъ былъ полковникъ Викентій Францовичъ Святловскій, о которомъ я упоминалъ лишь вскользь, но теперь скажу подробнѣе, какъ о лицѣ, имѣвшемъ въ свое время въ Корпусѣ большое значеніе, и вліяніе котораго отражалось едва ли не на всѣхъ частяхъ корпусной администраціи.

Изъ формулярнаго списка его узналъ я, что Святловскій—дворянинъ Кіевской губерніи, католикъ, получилъ домашнее воспитаніе и въ 1814 году поступилъ въ Дворянскій полкъ «для наученія порядку военной службы». Въ слѣдующемъ 1815 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики конной артиллеріи, а въ 1817 г. переведенъ на службу въ Дворянскій полкъ строевымъ офицеромъ. Дворянскій полкъ, какъ извѣстно, всегда отличался «фронтовымъ образованіемъ», а въ то время и подавно: это была какая-то академія, разсадникъ фронтовиковъ. Святловскій по этой части въ Дворянскомъ полку былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, почему и былъ командированъ во вновь преобразованную въ то время Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Это было въ 1826 году. Въ то время подобныя порученія были самымъ вѣрнымъ средствомъ обратить на себя вниманіе высшаго начальства; конечно, и Святловскій не могъ остаться не замѣченнымъ, ибо при его серьезномъ взглядѣ на фронтовое образованіе, онъ, по всей вѣроятности, вышколилъ подпрапорщиковъ наилучшимъ манеромъ. Въ 1827 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, а въ Маѣ мѣсяцѣ 1829 г. переведенъ въ Московскій Корпусъ, который только что годъ тому назадъ получилъ новый штатъ; и такъ какъ кадеты должны были оставлять батальонъ, то имъ и былъ присланъ батальонный командиръ. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи нашелъ онъ у Московскихъ кадетъ фронтовую часть послѣ такого экзерцирсмейстера, каковъ былъ Степанъ Максимовичъ Райковичъ. Кадеты того времени разсказывали мнѣ, что они никогда не забудутъ, какъ ихъ сталъ подтягивать новый батальонный командиръ; да и не ихъ однихъ, а и офицеровъ тоже. Ученья, дежурства, строгій порядокъ службы, дисциплина — измѣнили весь строй корпусной жизни и изгнали изъ нея послѣдніе остатки патріархальности. Корпусъ сталъ сильно смахивать на казарму, а многіе изъ кадетъ на карабинеровъ. Винить въ этомъ Святловскаго конечно нельзя: онъ только творилъ волю пославшихъ его. Строевая часть всецѣло лежала на обязанности батальоннаго командира и, по тогдашнимъ порядкамъ, онъ больше всѣхъ, даже больше директора, отвѣчалъ за нее. Святловскій и доводилъ до того совершенства, въ какомъ желали видѣть ее. Черезъ годъ послѣ того, какъ онъ поступилъ въ Московскій Корпусъ, именно 8 Марта 1830 г., императоръ Николай посѣтилъ Корпусъ и сдѣлалъ батальону

ученье. Корпусъ былъ найденъ Государемъ, какъ сказано въ высочайшемъ приказѣ, «въ отличномъ по всѣмъ частямъ онаго состояніи», за что начальствующимъ лицамъ было изъявлено «монаршее благоволеніе»; а Святловскій, какъ сказано у него въ формулярѣ, удостоенъ монаршаго благоволенія особенно отъ прочихъ офицеровъ и награжденъ Владимірскимъ крестомъ 4 степ.

Святловскій, безспорно, былъ человѣкъ умный, ловкій, находчивый, энергическій; кадеты его боялись, а офицеры никогда не забывали, что онъ ихъ начальникъ. Я сказалъ, что кадеты его боялись; этимъ выраженіемъ высказываются и его понятія о воспитаніи. Въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше своего времени: неослабная строгость, разныя наказанія и чаще нежели нужно было тѣлесныя, вообще страхъ и страхъ—вотъ пріемы, которые практиковались имъ въ качествѣ воспитателя. Можетъ быть, между Московскими кадетами найдутся такіе, которымъ покажется, что я преувеличиваю эту слабую сторону Святловскаго; такъ я спрошу ихъ: неужели они не помнятъ, какъ на батальонныхъ ученьяхъ въ лагерное время то и дѣло слышались слова: Иванъ Петровичъ, или тамъ, Петръ Ивановичъ, дайте такому-то пять лозановъ! И вѣдь это въ теченіи ученья случалось не съ однимъ, а съ двумя-тремя; неужели они забыли это? Я помню, какъ однажды, тоже въ лагерѣ, одного кадета «за шевелѣніе во фронтѣ» наказали такимъ образомъ на одномъ и томъ же ученьѣ два раза, это въ какіе нибудь два съ половиною часа! Мальчику было не болѣе 12 лѣтъ; спрашивается: какія чувства могли созрѣвать въ его нравственной природѣ отъ такого обращенія? Сошлюсь, наконецъ, на Полтавскихъ кадетъ, у которыхъ Святловскій былъ потомъ директоромъ: одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что они съ ужасомъ вспоминаютъ время управленія его корпусомъ. Никогда не помню я, чтобы кадеты когда нибудь довѣрчиво окружали Святловскаго, шутили, разговаривали съ нимъ, какъ это бывало у насъ въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи съ Дорошинскимъ; напротивъ, завидя его, старались укрыться, обойти стороною, чтобы избѣжать суроваго или по крайней мѣрѣ серьезнаго, пытливаго взгляда. Впрочемъ бывали дни, когда Святловскій окружалъ себя толпою и говорилъ съ кадетами, переходя для этого изъ одной роты въ другую; но это были дни исключительные, случаи, такъ сказать, спеціальные, передъ высочайшими смотрами. Въ такихъ случаяхъ Святловскій, прійдя въ роту, старался собрать около себя кадетъ и обыкновенно держалъ къ нимъ приблизительно такую рѣчь: завтра, дескать, вы будете имѣть счастіе представляться Его Величеству, или тамъ, Его Высочеству, такъ вы должны показать, что достойны его отеческихъ милостей и т. д. въ подобномъ родѣ. «Мы постараемся», отвѣчаетъ

ему толпа. «Постараемся!» перерываетъ Святловскій: «ну постарайся заиграть на скрипкѣ, возми смычекъ и постарайся, коли не умѣешь!» Этимъ поддразниваніемъ самолюбія предполагалось вызвать въ кадетахъ вниманіе, усердіе, соревнованіе: тонко и ловко! А намъ чтоже? Мы конечно старались, потому что намъ же бывало худо, если смотръ проходилъ дурно: во первыхъ, въ отпускъ не отпустятъ, а во вторыхъ....ну, да я послѣ разскажу, что̀ съ нами однажды было послѣ неудачнаго смотра Михаила Павловича; я и такъ далеко опередилъ 1833 годъ; надо еще сказать и о другихъ лицахъ.

Младшимъ штабъ-офицеромъ былъ Григорій Артемьевичъ Дорошинскій, о которомъ я уже говорилъ. Въ Главномъ Корпусѣ мнѣ не приходилось имѣть съ нимъ дѣла, такъ какъ онъ все время находился въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи, кромѣ лагернаго времени, когда являлся въ батальонъ для исправленія своей строевой должности; но въ лагерѣ 1833 г. я не былъ, а потомъ онъ перешелъ изъ Корпуса въ коммиссаріатское вѣдомство. Дорошинскій имѣлъ классы тактики, строевой, гарнизонной и лагерной службы въ 3, 4, 5 и 6 верхнихъ и въ 1 и во 2 среднихъ классахъ, слѣдовательно онъ имѣлъ дѣло съ взрослыми кадетами.

Корпусный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Николай Павловичъ Львовъ, поступилъ въ Корпусъ изъ артиллеріи въ 1829 году. Красивый мужчина, веселаго характера, ласковый и снисходительный съ кадетами, когда ему приходилось имѣть съ ними дѣло, вотъ все, что̀ я могу сказать о немъ. Прибавлю еще: мало было офицеровъ, которые внушали бы къ себѣ столько симпатіи, какъ Н. П. Львовъ.

Теперь о ротныхъ командирахъ. Надо сказать, что существовавшій со временъ главнаго директора кадетскихъ корпусовъ г. адъют., графа Коновницына (1819—1822) приказъ, чтобы корпусные офицеры избирались исключительно изъ артиллерійскихъ, уже не соблюдался, вѣроятно потому, что съ преобразованіемъ военно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Николая Павловича значительно увеличился и личный составъ офицеровъ въ корпусахъ, почему и стали прикомандировывать ихъ изъ всѣхъ родовъ оружія. И такъ, о ротныхъ командирахъ.

Гренадерскою ротою командовалъ капитанъ Василій Ивановичъ Ланге 1; изъ воспитанниковъ 1-го Кадетскаго Корпуса, по производствѣ въ офицеры, онъ былъ оставленъ въ томъ же корпусѣ, потомъ вышелъ въ отставку, откуда поступилъ въ армію, затѣмъ прикомандированъ и переведенъ въ Московскій Корпусъ въ 1829 г. Въ верхнихъ классахъ онъ имѣлъ уроки математики и въ свое время былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей по этому предмету.

Въ 1833 г., когда инспекторъ классовъ старикъ Степановъ оставилъ корпусъ, Ланге занялъ его мѣсто. Ланге я зналъ мало...

Роту онъ сдалъ капитану Александру Васильевичу Жирякову, который также былъ воспитанникомъ 1-го Кадетскаго Корпуса, но выпущенъ изъ него въ армію, а въ 1829 г. поступилъ въ Московскій Корпусъ. Вотъ этого я скоро узналъ, и вотъ по какому случаю. Я былъ бойкій, живой, шаловливый мальчуганъ. Разъ, пріійдя въ классы и рѣзвясь въ классномъ корридорѣ съ товарищами, выкинулъ я какую-то школьническую штуку... Глядь, а тутъ какъ разъ Александръ Васильевичъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ по Корпусу. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже мои уши были въ рукахъ этого милаго человѣка. Навертѣвъ ихъ порядкомъ, онъ швырнулъ меня въ уголъ, промолвивъ: «я тебя, щенокъ, въ порошокъ изотру и велю дневальному вымести щеткою»... Какимъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ смѣюсь я теперь черезъ 36 лѣтъ, вспоминая это остроумное изрѣченіе Александра Васильевича! Вѣдь придумалъ же... Большимъ кадетамъ онъ имѣлъ привычку говорить «сударь ты мой». — «Болванъ, сударь ты мой, стань къ столбу». И чего только не выдумывали на него? Разсказывали напр., что, пріійдя однажды въ роту, онъ вызвалъ записанныхъ въ классахъ въ штрафной журналъ. Вышли.—«Ты за что?» спрашиваетъ у одного.—«Не зналъ урока изъ Географіи».—«Лѣнтяй, сударь ты мой»!—«Да помилуйте, Александръ Васильевичъ, всѣ пять частей были заданы».—«Дуракъ, я въ твои годы по шести частей учивалъ». — Оно и видно, думалъ про себя виновный. Въ другой разъ, при такомъ же случаѣ, будто бы кто-то рѣшился увѣрять его, что записанъ за то, что не зналъ, какъ въ цапфахъ просверливаютъ запалъ и будто бы услыхалъ отъ Александра Васильевича: «какой бездѣлицы не знаетъ!» Не вѣрится, чтобы что нибудь подобное могло быть, но что разсказы эти ходили по Корпусу—не подлежитъ никакому сомнѣнію; они показываютъ, какими глазами смотрѣли кадеты на своего ротнаго командира и воспитателя. Миръ праху твоему, Ермакъ!

Первою мушкетерскою ротою командовалъ капитанъ Викторъ Христіановичъ Минутъ. Изъ юнкеровъ гвардейской артиллеріи поступилъ онъ въ артиллерійское училище, откуда по окончаніи курса произведенъ прапорщикомъ въ полевую артиллерію. Въ Московскій Корпусъ поступилъ онъ въ 1826 году, имѣлъ классы математики и въ 1834 г. назначенъ помощникомъ инспектора классовъ, сдавъ роту штабсъ-капитану Николаю Михайловичу Флейшеру. Высокій, нѣсколько сутоловатый, съ блѣднымъ лицомъ и слегка ввалившимися щеками, серьезный, сосредоточенный, Минутъ внушалъ кадетамъ больше страха, нежели расположенія къ

себѣ; ибо и самое образованіе, которое отличало его отъ многихъ сослуживцевъ, не мѣшало ему, какъ мнѣ разсказывали, пускать въ ходъ свою табакерку по головамъ кадетъ, если кому нибудь приходилось своею непонятливостью при объясненіи математики вызывать его раздражительность. Преемникъ его Флейшеръ получилъ образованіе въ Юнкерской Школѣ, находившейся, кажется, въ Могилевѣ при главной квартирѣ 1 арміи. Нечего и говорить, что это образованіе не могло бросаться въ глаза; но недостатокъ его искупался, по крайней мѣрѣ, здравымъ смысломъ, добрымъ сердцемъ и душею, чуждою лукавства. Добродушіе Флейшера не мѣшало ему быть строгимъ, особенно съ тѣми, которые въ общемъ мнѣніи слыли старыми кадетами — обыкновенно лѣнтяями: тутъ ужъ у него каждое лыко шло въ строку. Сколько могу припомнить, Флейшеръ передъ всѣми своими сослуживцами отличался особенною способностію изловить, накрыть, захватить на мѣстѣ преступленія виновнаго въ какомъ либо проступкѣ, какъ напр. въ нюханіи или куреніи табаку, чтеніи запрещенной книги и т. п. Всѣ эти нюхальщики и курильщики были у него на счету и служили постояннымъ предметомъ подтруниваній его надъ ними, что̀ онъ обыкновенно дѣлывалъ въ присутствіи ихъ товарищей; впрочемъ эти насмѣшечки не только бывали безобидны, но, по особой манерѣ Флейшера выражаться, казались болѣе забавными.

Командиръ 2 роты Александръ Ардальоновичъ Левшинъ поступилъ въ Корпусъ, какъ и большая часть бывшихъ въ то время офицеровъ, въ 1829 году. Служилъ онъ прежде въ какомъ-то егерскомъ полку. Въ 1833 г. я засталъ его уже ротнымъ командиромъ. Далеко не глупый, но и не хватавшій съ неба звѣздъ, умѣренно строгій съ кадетами, но все-таки больше строгій, нежели мягкій, онъ себя поставилъ такъ, что кадеты его побаивались, впрочемъ не столько его строгости, сколько ласковаго тона, отзывавшагося какою-то приторностію, а подъ часъ и язвительностію, тона, весьма непріятнаго для провинившагося. Начнетъ бывало говорить такъ мягко, ласково, хорошо, а потомъ вдругъ въ видѣ сюрприза и скажетъ: «пойдемъ-ка, я тебя немножко подсѣку»... У начальства онъ былъ на хорошемъ счету, о чемъ Левшинъ, какъ человѣкъ практическій, кажется, не мало заботился и самъ. Женитьбою на свояченицѣ Ренненкампфа онъ еще болѣе упрочилъ свое положеніе; а затѣмъ, послуживъ, какъ говорится, Богу и великому государю, вышелъ въ отставку и пристроился гдѣ-то на Югѣ въ Казенной Палатѣ.

Гораздо отчетливѣе выдавалась личность командира 3 роты — Карла Ивановича Гросвальда, аккуратнаго Нѣмца, высокаго, стройнаго, красиваго и отлично выправленнаго карабинера, поступив-

шаго въ Корпусъ изъ егерскаго фельдмаршала кн. Остенъ-Сакена полка, въ какомъ именно году—не знаю. Ничѣмъ нельзя было такъ угодить Карлу Ивановичу, какъ щегольствомъ и опрятностію въ одеждѣ, въ особенности если къ этому качеству кадетъ присоединялъ еще умѣнье ловко являться ординарцемъ или вѣстовымъ, или ловко танцовать—вообще блеснуть наружно. Такихъ онъ особенно жаловалъ, называя ихъ «красавчиками-молодцами», чѣмъ всегда напоминалъ мнѣ Суворова, называвшаго своихъ соратниковъ чудо-богатырями. Если «красавчику-молодцу» случалось провиниться, то Карлъ Ивановичъ журилъ его съ отцовскою снисходительностію; но если же попадался какой нибудь вахлакъ съ непричесанными волосами, съ разорванными штанами или курткою, или какой нибудь отъявленный лѣнтяй, который то и дѣло попадалъ въ журналъ лѣнивыхъ, тогда Карлъ Ивановичъ выходилъ изъ себя и, раскраснѣвшись какъ индюкъ, съ какимъ-то ужасомъ восклицалъ: «ахъ ты Арнаутъ!» Но почему именно Арнаутъ — это оставалось намъ неизвѣстнымъ. Боже мой, какъ теперь все это смѣшно; но вѣдь тогда-то далеко было не до смѣха, потому что вслѣдъ за «Арнаутомъ» могли быть и розги. Въ особенности не любилъ онъ тѣхъ, которые имѣли слабость мочиться въ постелѣ. Для такихъ у него была особая высшая степень арнаутства, именно» поганый, вонючій Арнаутъ». Вообще я долженъ сказать, что въ то время весьма строго относились къ этой слабости: подверженныхъ ей считали чуть ли не паріями, отверженцами, и рядомъ съ нѣкоторыми благоразумными мѣрами для предотвращенія ея, какъ-то лишеніемъ супа и питья за ужиномъ, частымъ буженіемъ ночью, употреблялись и наказанія и притомъ, такія, о которыхъ и вспоминать отвратительно. Такъ напр. «виновнаго» ставили посреди залы и покрывали съ головы еще непросохшею простынею. Конечно, дѣлалось это только въ младшихъ ротахъ, но за то вѣдь и дѣлали это кому только захочется, начиная съ дежурнаго офицера и кончая отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ. Воспитатели наши все это видѣли, но не запрещали, находя вѣроятно подобное наказаніе не нелѣпостью и тупоумнымъ глумленіемъ, а полезною мѣрою, какъ въ воспитательномъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи. Не знаю, пытался ли когда нибудь нашъ старшій врачъ Дубецкій (у котораго при разговорѣ съ кадетами слово душенька не сходило съ языка) втолковать тѣмъ, кому это нужно было знать, что эта несчастная слабость есть болѣзнь, извѣстная въ медицинской наукѣ подъ названіемъ enuresis, болѣзнь, обусловливаемая многоразличными причинами и проходящая сама собою при дальнѣйшемъ развитіи юношескаго организма.

Съ отраднымъ чувствомъ благодарности и уваженія перехожу къ воспоминанію о послѣднемъ ротномъ командирѣ той именно роты, куда я поступилъ. Это былъ капитанъ Александръ Николаевичъ Черкезъ. Хотя въ Корпусъ онъ поступилъ (въ 1829 г.) изъ арміи, но тотчасъ можно было замѣтить, что онъ воспитаніе получилъ въ порядочномъ семействѣ, а не въ солдатской казармѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мало было офицеровъ, которые имѣли бы охоту или умѣнье обращаться вообще какъ съ взрослыми, такъ и съ маленькими кадетами, и мнѣ кажется, что для неранжированной роты нельзя было выбрать лучшаго ротнаго командира. Однакожъ, еслибъ кто нибудь подумалъ, что начальство, назначая Черкеза командиромъ роты, состоявшей изъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ, руководилось нравственными его свойствами, то онъ очень бы ошибся. Подобныя соображенія едва ли входили въ голову батальоннаго командира. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что въ той же ротѣ, въ числѣ отдѣленныхъ офицеровъ, былъ поручикъ Соколовскій, которому не было мѣста не только при маленькихъ дѣтяхъ, но и вообще въ Корпусѣ.

Относительно Черкеза дѣло объяснилось просто: до поступленія своего въ Корпусъ онъ былъ все время у кого-то адъютантомъ, слѣд. менѣе другихъ былъ знакомъ съ строевою службою; браковать же такого офицера никакъ не приходилось, потому что Черкезъ, помимо прекрасныхъ качествъ, былъ человѣкъ съ состояніемъ и протекціею, что въ то время имѣло свое значеніе. Онъ былъ маіоромъ, въ Корпусъ переведенъ капитаномъ, стало быть тотчасъ же надо было дать роту—какую же? Разумѣется нестроевую, и вотъ, благодаря этой случайности, благодаря судьбѣ, 10-лѣтніе мальчики получили себѣ въ начальники кроткаго, снисходительнаго и воспитаннаго человѣка. Къ сожалѣнію, его болѣзненное состояніе и домашнія дѣла нерѣдко заставляли его брать отпуски и передавать роту другому.

Остается сказать объ офицерахъ той роты, куда поступилъ я. Изъ нихъ я помню только троихъ: штабсъ-капитана Полякова, поручика Соколовскаго и подпоручика Олсуфьева. Первый и послѣдній по натурѣ своей были людьми добрыми, хотя Поляковъ, послѣ того, какъ побывалъ на гаубвахтѣ *) за длинные волосы М***, находилъ нужнымъ прикидываться строгимъ; Олсуфьевъ же и того не дѣлалъ, а оставался такимъ, какимъ создала его природа—невозмутимымъ и хладнокровнымъ, какъ и подобало быть истому артиллеристу. Больше сказать о нихъ нечего. Но не таковъ былъ Соколовскій, авторъ извѣстнаго когда-то курса географіи для военно-учебныхъ заведеній и родной братъ поэта тридцатыхъ годовъ

---

*) Воспоминанія Моск. Кадета (Русск. Арх. 1879).

Владиміра Соколовскаго. Гордый, надменный, съ холодными чувствами, онъ былъ чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія, отчего и не удостоивалъ вниманія почти никого изъ своихъ товарищей сослуживцевъ. Съ артиллерійскими и саперными офицерами онъ былъ еще и такъ и сякъ, но на армейскихъ смотрѣлъ какъ на людей совершенно ему чуждыхъ, относясь къ нимъ, какъ мнѣ казалось, съ какой-то высокомѣрною снисходительностію. Это было сухое, черствое сердце, не смягчавшееся даже въ обхожденіи съ 10 лѣтними мальчиками. Не то, чтобъ онъ былъ строгъ—это бы еще ничего, но онъ былъ просто золъ, жестокъ. Я до сихъ поръ не могу забыть С—ва, кадета его отдѣленія; этотъ бѣдняга былъ буквально безъ висковъ, потому что волосы всѣ были вырваны и развѣяны Соколовскимъ. Какъ такой человѣкъ могъ быть воспитателемъ вообще, а тѣмъ болѣе въ младшей ротѣ? Соколовскій въ Турецкую войну 1828—1829 гг. былъ раненъ въ руку, почему и носилъ ее на перевязи; для строя онъ не годился, а потому и былъ назначенъ въ неранжированную роту. Къ несчастію, такое назначеніе по фронтовымъ соображеніямъ не было столь же удачнымъ, какъ назначеніе Черкеза. Въ старшихъ классахъ Соколовскій преподавалъ географію и, кажется, очень тщеславился передъ другими преподавателями тѣмъ, что руководствовался не Русскими учебниками Каменецкаго, Зябловскаго и Арсеньева, а Мальте-Брюномъ. Съ учениками своими, кадетами, готовыми не сегодня-завтра быть офицерами, онъ держалъ себя также грубо и безтактно, такъ что даже въ то время, когда все было такъ придавлено, онъ возбуждалъ ропотъ и неудовольствіе, кончившіеся поступкомъ Житкова, о которомъ рѣчь впереди.

Таковы были господа, къ которымъ, по опредѣленному порядку, должно было послѣ классныхъ дамъ перейти благопопеченіе о нашемъ воспитаніи. Тяжело было... Но вѣдь это же прошло...

Разскажу, какъ проходилъ день нашъ. Вставали мы въ 6 часовъ утра и тотчасъ же должны были «чиститься» и «чиниться», т. е. должны были вычистить себѣ сапоги и пуговицы, и починить платье, для чего въ особой комнатѣ, называемой умывальною, служителями приготовлялись вакса въ большой деревянной чашкѣ, сапожныя щетки, тертый кирпичъ и пр. Тутъ же сидѣлъ портной, который помогалъ «чиниться»; но такъ какъ одинъ человѣкъ, не смотря на то, что онъ работалъ всю вторую половину ночи, все таки не могъ перечинить одежду, которая на мальчикахъ, какъ говорится, огнемъ горѣла, то починкою большею частію должны были заниматься сами; можно вообразить себѣ, что̀ это была за починка. Вся эта операція, вмѣстѣ съ умываньемъ, продолжалась около часа, во время котораго комната принимала видъ муравейника: мальчики

сновали туда и сюда, торопясь привести себя въ порядокъ, говоря одинъ другому: «дай послѣ» (т. е. щетку), «постарайся иголки» и т. п. Затѣмъ строились по отдѣленіямъ для осмотра. Унтеръ-офицеры осматривали платье и сапоги, повертывая кадетъ во всѣ стороны и заставляя поднимать то руки, то ноги, чтобы увѣриться, не разорвано ли гдѣ подъ-мышкою, крѣпки ли подошвы, вычищены ли закаблучья. Унтеръ-офицеры назначались изъ старшихъ ротъ и высшихъ классовъ, а потому они держали себя поначальнически: имъ говорили вы и называли по имени и отчеству. Пользуясь такимъ почетомъ, нѣкоторые изъ нихъ, даже можно сказать большая часть ихъ, употребляли во зло свое положеніе. Не думаю, чтобы начальство предоставило имъ власть оставлять кадетъ безъ пищи, драть за уши, давать толчки и т. п.; а все это было. Само собою разумѣется, что въ присутствіи А. Н. Черкеза никто изъ нихъ не смѣлъ этого дѣлать; что же касается дежурныхъ офицеровъ, то они смотрѣли на то сквозь пальцы. Утренній осмотръ былъ для насъ первымъ испытаніемъ: малѣйшая неисправность вызывала у унтеръ-офицера слова: безъ сбитня, безъ сбитня, и безъ булки, безъ пирога, на одинъ супъ и даже безъ обѣда, на хлѣбъ и воду. Трудно повѣрить этому, а еще разъ повторяю—все это было... Послѣ унтеръ-офицеровъ осматривалъ кадетъ дежурный по ротѣ офицеръ; при этомъ случаѣ представлялось менѣе уже шансовъ подвергнуться упомянутымъ наказаніямъ, какъ потому, что предварительный осмотръ унтеръ-офицерами устранялъ поводы къ нимъ, такъ и потому, что офицеры все таки были разсудительнѣе своихъ юныхъ помощниковъ. Послѣ утренней молитвы и завтрака, состоявшаго изъ булки и кружки сбитня, мы шли въ классы, гдѣ и оставались отъ 9 до 12 часовъ. Въ 12 часовъ выводили насъ на внутренній дворикъ съ 4 башнями, и начиналось фронтовое ученье, которое въ неранжированной ротѣ ограничивалось рекрутскою школою, т. е. стойкою, поворотами и учебными шагами. Ничего не было скучнѣе и несноснѣе, какъ эти ученья, особливо, если кому нибудь приходилось выходить на нихъ съ тощимъ желудкомъ, о чемъ сужу потому, что мнѣ иногда случалось бывать въ такомъ положеніи. Помню, какъ однажды—это было въ свѣжій и ясный Сентябрьскій полдень—я стоялъ въ шеренгѣ и машинально повертывался по командѣ унтеръ-офицера У—мова то направо, то налѣво; оставленный въ тотъ день за что-то безъ завтрака, я былъ голоденъ и думалъ только объ одномъ—какъ бы дождаться обѣда. Запахъ печенаго картофеля, разносившійся по двору изъ открытыхъ оконъ подвальнаго этажа, гдѣ жили служителя, усиливалъ мои мученья, а тутъ при одномъ поворотѣ, солнечные лучи такъ внезапно ударили мнѣ въ глаза, что я невольно ихъ зажму-

рилъ и опустилъ голову; не успѣлъ я опомниться отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго яркимъ свѣтомъ, какъ въ одно мгновеніе сильный толчекъ, направленный У—вымъ снизу подбородка, заставилъ меня поднять голову и раскрыть глаза... И что, еслибъ У—ву захотѣлось оставить меня, если хоть и не совсѣмъ безъ обѣда, то ограничить его однимъ супомъ? А вѣдь онъ могъ это сдѣлать... А тихій учебный шагъ въ три пріема, извѣстный у посторонней невоенной публики подъ именемъ гусинаго шага! Помните ли вы, старые товарищи, какъ наши менторы послѣ команды разъ, тоскливо протягивали д-в-а, повышая и понижая голосъ; а мы, соображаясь съ заунывнымъ нытьемъ, должны были то поднимать, то снова потихоньку опускать ногу и, стоя, подобно журавлямъ, по нѣскольку секундъ то на той, то на другой, напрягали усилія сохранить балансъ, чтобы не получить толчка или не лишиться обѣда?

Боже мой! На все на это убивали время, думая, что дѣлаютъ дѣло; а вѣдь вотъ же теперь все это брошено и забыто, и ничего... Армія осталась такою же побѣдоносною, какою всегда была, а Отечество не поколебалось. Послѣ ученья мы обѣдали, потомъ до 3-хъ часовъ были свободны, отъ 3-хъ до 6 вечерніе классы, затѣмъ до 8 часовъ опять рекреація, потомъ ужинъ, перекличка по ротному списку, чтеніе приказа по Корпусу, вечерняя молитва, и спать.

Разъ въ недѣлю, именно въ тотъ день, когда насъ водили въ баню, при сборѣ роты читали намъ Артикулъ Петра Великаго — такъ называли воинскій уставъ или военно-уголовные законы этого государя, обнародованные имъ въ 1714 году; читали его безъ всякихъ объясненій, что̀ это за уставъ, когда написанъ и какое имѣлъ онъ значеніе въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Большая часть изъ насъ слушали его, ничего не понимая, и не удивлялись даже, отчего это за все про все по уставу опредѣлялось «весьма живота лишить». Иногда вмѣсто Артикула занимали насъ словеснымъ ученьемъ. Безъ объясненія конечно никто не пойметъ, что̀ это за ученье? Это, видите ли, было вотъ что: у каждаго кадета была особая тетрадка, куда переписывались различныя свѣдѣнія, которыя и должны были заучиваться наизустъ. Прежде всего правила стойки: «Солдатъ долженъ стоять прямо и непринужденно, имѣя каблуки вмѣстѣ столь плотно, сколь можно, а носки выворочены врозь такъ, чтобъ большіе пальцы были противъ выемки плечъ» и пр. Затѣмъ въ тетрадкѣ прописывались лица императорской фамиліи, главнаго начальства военно-учебныхъ заведеній и корпуснаго, начиная съ директора и кончая послѣднимъ офицеромъ; болѣе ретивые вписывали въ это поминанье унтеръ-офицеровъ своей роты и всѣхъ фельдфебелей: всѣхъ надо

было знать по чинамъ, званіямъ, именамъ и отчеству. Дальше слѣдовала рубрика нравственныя качества: «Безпредѣльная преданность Государю и Отечеству, безпрекословное повиновеніе начальству, храбрость, неустрашимость, мужество»... и пр., все въ томъ же родѣ. Вотъ бывало построятъ роту, а отдѣленные офицеры и унтеръ-офицеры ходятъ по своимъ отдѣленіямъ и спрашиваютъ кадетъ эти пунктики. Нечего и говорить, что незнаніе ихъ опять таки влекло наказанія: безъ пирога, на одинъ супъ, безъ отпуска.

Воскресные и праздничные дни проходили нѣсколько иначе. Поутру, послѣ завтрака, рота приходила въ движеніе и снова начиналась неизбѣжная чистка: готовились къ церковному параду, назначавшемуся въ 9 часовъ. Послѣ церемоніальнаго марша повзводно, которымъ проходили мимо батальоннаго командира Святловскаго, мы отправлялись въ церковь къ обѣднѣ. Кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ пѣвчихъ того времени: слушать ихъ было истинное наслажденіе. Ихъ обучалъ священникъ нашъ Александръ Николаевичъ Шавровъ, какъ говорили, знатокъ духовной музыки, и, должно быть, это была правда, потому что церковное пѣніе, особенно при регентахъ Коптевѣ 1-мъ и Поповѣ, было поистинѣ безукоризненно. Преосвященные, бывавшіе у насъ на публичныхъ экзаменахъ, отзывались о нашемъ хорѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ въ Москвѣ, и я думаю, что, говоря такъ, они вовсе не хотѣли угождать начальству комплиментомъ. Тогда еще не было запрещенія пѣть концерты, и они пѣлись у насъ каждую обѣдню. До сихъ поръ еще живо во мнѣ то впечатлѣніе, которое производило на меня исполненіе извѣстнаго концерта Бортнянскаго «Блаженни людіе»—что̀ за музыка! Въ нынѣшнемъ году, когда у насъ въ селѣ шла закладка новаго храма, пѣвчіе сосѣдняго фабриканта пропѣли этотъ концертъ; исполненіе, конечно, не отличалось особеннымъ искусствомъ, но какъ живо напомнилъ онъ мнѣ прошлое! Пѣвчіе въ 1-мъ Московскомъ Корпусѣ всегда были хороши, но такого хора, каковъ былъ въ тридцатыхъ годахъ, мы дождались только черезъ двадцать лѣтъ, при Владимірѣ Петровичѣ Желтухинѣ, когда пѣвчихъ обучалъ незабвенный Москвѣ Ѳ. А. Багрецовъ, а регентомъ былъ Брагинъ. Кадеты пятидесятыхъ годовъ, конечно, помнятъ это.—Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Послѣ обѣдни, если не было назначено развода, начальство наше расходилось, и мы въ теченіе остальнаго дня имѣли столько свободнаго времени, что, не смотря на всю нашу рѣзвость, не знали куда дѣвать его. Набѣгавшись и наигравшись, нѣкоторые группировались по уголкамъ и заводили рѣчь о «страшномъ», или пересказывали другъ другу преданія о томъ времени, когда еще были только двѣ роты, и чего-чего тутъ не разсказывалось! Припоминаю, что въ одинъ изъ такихъ дней—не знаю почему

я не былъ въ отпуску, а оставался въ Корпусѣ—я скучалъ ужасно: хотѣлось мнѣ хоть на часокъ перенестись на Нѣмецкую улицу, да посмотрѣть, что̀ дѣлалось въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи—гоститъ ли еще тамъ Molly и кто эти счастливцы, которые окружаютъ ее и пользуются ея ласками. Боже, какая тоска, хоть бы развлечься чѣмъ нибудь, почитать бы что нибудь; но читать рѣшительно было нечего. Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній тогда еще не было. Въ эти минуты тоски, у меня появилась мысль обзавестись своими собственными книгами. При первомъ же удобномъ случаѣ я написалъ матушкѣ, что иногда скучаю и потому прошу прислать мнѣ что-нибудь для чтенія. Просьба моя скоро была исполнена; но увы, присланныя мнѣ книжки были брошюры религіозно нравственнаго содержанія, да еще какіе-то разсказы про добродѣтельныхъ и порочныхъ мальчиковъ съ такими курьозными заголовками, какъ напр. непослушный Ѳедя или гнилое яблоко. Книжки были прочтены, но безъ малѣйшій пользы и удовольствія.

Эта неудача не измѣнила моего намѣренія, и хотя на первыхъ порахъ я встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія, однакожъ не только не покидалъ его, но предался своей мысли еще съ большею силою и настойчивостію; потому что, когда намъ стали высылать упомянутый журналъ, то я такъ полюбилъ чтеніе, что никакія забавы не могли привлечь меня до тѣхъ поръ, пока я не прочитывалъ послѣднюю присланную книжку. Журналъ этотъ стоитъ вспомнить добрымъ словомъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ отдѣловъ: стихотвореній, прозы, наукъ и художествъ и смѣси. Содержаніе ихъ было такъ разнообразно, что каждый возрастъ могъ найти доступное и вполнѣ интересное для себя чтеніе. Книжки наполнялись отрывками и цѣльными статьями, которыя перепечатывались изъ тогдашнихъ журналовъ, изъ энциклопедическаго лексикона Плюшара, а большею частію изъ изданныхъ уже сочиненій нашихъ авторовъ. Кромѣ Грибоѣдова, не было ни одного литературнаго имени, съ которымъ не знакомилъ бы насъ этотъ журналъ и, по недостатку обращавшихся между нами книгъ и по трудности имѣть ихъ, вѣроятно не я одинъ впервыя ознакомился черезъ него съ произведеніями Ломоносова, Державина, Хемницера, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Княжнина, Гнѣдича, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина и др. менѣе замѣчательныхъ писателей. Я не упомянулъ о Крыловѣ и Гоголѣ, потому что басни перваго были извѣстны намъ по класснымъ занятіямъ, а изъ произведеній послѣдняго была помѣщена одна только «Глава изъ историческаго романа», безъ имени автора. Не знаю, издается ли этотъ журналъ для теперешнихъ военныхъ гимназій; но въ то время онъ былъ прекраснымъ и преполезнымъ изданіемъ, на пер-

вый разъ весьма удовлетворительно знакомившимъ насъ съ Русскою литературою. Если принять въ соображеніе, что въ описываемое мною время «постороннія книги» и вообще произведенія литературы преслѣдовались у насъ какъ контрабанда, то нельзя не признать великой заслуги за тѣмъ, кому пришла мысль снять таможню и дать намъ безпошлинное чтеніе; а мысль эта принадлежитъ, кажется, полковнику Ростовцову, который тогда былъ только что назначенъ исправлять должность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Да будетъ же благословенна память его! Привожу только мои воспоминанія, а за другихъ не говорю; а я до сихъ поръ не могу забыть, съ какою жадностью набросился я, прочитавъ Оду Богъ, на біографію Державина, написанную Полевымъ и перепечатанную изъ Телеграфа. Какъ восторженно и съ какой гордостію повторялъ я—

. . . . Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ;
Онъ весь, какъ Божія гроза!

А начало Ундины: «Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ, случилось»... Я всю первую главу выучилъ наизустъ и надоѣдалъ ею своимъ товарищамъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я каждый мѣсяцъ блѣдно-желтой книжечки журнала! Какъ нравился мнѣ типографскій запахъ свѣжеотпечатанныхъ листовъ, и вѣрите ли? Прежде нежели читать книгу, я обнюхивалъ ее съ наслажденіемъ. По мѣрѣ того, какъ, съ переходомъ изъ класса въ классъ, расширялся кругъ моихъ познаній, я все болѣе чувствовалъ потребность въ чтеніи, и вотъ тутъ-то, увлекаемый любознательностію, сталъ я собирать книги, пріобрѣтая ихъ частію мѣною у своихъ товарищей, а еще болѣе на Толкучемъ рынкѣ, въ тѣхъ лавочкахъ, которыя до сихъ поръ еще ютятся между Никольскими и Ильинскими воротами. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось бывать въ отпуску, я заходилъ въ эти лавочки и покупалъ себѣ книгъ когда на 30, а когда и на 50 коп. Болѣе другихъ предметовъ интересовала меня исторія; ее преподавалъ шт.-кап. Филипповъ, разсказывая намъ сказки о Семирамидѣ, Астіагѣ, Кирѣ, Камбизѣ и проч. Каково же было мое удовольствіе, когда мнѣ удалось купить не то два, не то три тома разрозненной исторіи аббата Миллота, гдѣ всѣ эти сказки я могъ читать съ бо̀льшими подробностями, почерпая ихъ, такъ сказать, изъ «первоначальнаго источника», что̀ по отношенію къ тетрадкамъ нашего учителя было, пожалуй, и справедливо. Не меньше былъ обрадованъ я, когда отъ кого-то изъ своихъ товарищей получилъ

первый томъ Военной Библiотеки — прекраснѣйшее изданiе, только что тогда отпечатанное по высочайшему повелѣнiю. Въ немъ нашелъ я: о военномъ искусствѣ Грековъ; Ѳукидида — Пелопонезскую войну; Ксенофонта—отступленiе 10.000 Грековъ и Киропедiю и Арріана — походы Александра Великаго, съ отчетливыми рисунками, географическими картами и планами сраженiй. Эта книга цѣла у меня до сихъ поръ. Посѣщенiе книжныхъ лавчонокъ принесло мнѣ пользу и въ другомъ отношенiи— библiографическомъ; ибо, перебирая и разсматривая книги, я невольно запоминалъ ихъ заглавiя, авторовъ ихъ или переводчиковъ, форматъ и время изданiя и хоть такое знакомство съ литературою было не особенно важно для моего развитiя, однакожъ оно оказалось потомъ вовсе нелишнимъ. Книги покупались, прочитывались и тщательно укладывались въ сундукъ, который ежедневно, по приходѣ домой къ родителямъ, отпирался, разбирался и пересматривался. Время шло, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивалось, разнообразилось и освѣжалось мое книжное имущество: книги, оказавшiяся уже ненужными, исключались и пополнялись новыми, на что я сталъ имѣть тогда средства, хоть и не особенно достаточныя, но уже и не копѣечныя. Такъ, съ теченiемъ времени, въ продолженiи болѣе сорока лѣтъ, составилась у меня довольно порядочная библiотека, которая теперь подъ старость, въ глуши деревенской, даетъ мнѣ возможность жить вдали отъ людей, не зная скуки и не тяготясь ихъ отсутствiемъ. Пересматривая библiотечный каталогъ, съ любовью останавливаюсь я на нѣкоторыхъ вмалѣ уцѣлѣвшихъ прежнихъ книгахъ—ихъ уже очень, очень немного, но тѣмъ они дороже для моей памяти—это старые друзья, съ которыми я дѣлилъ свое отрочество.... Но заговоривъ о дорогомъ для меня предметѣ, я увлекся и уже слишкомъ далеко опередилъ намѣченные въ моемъ разсказѣ 1833 и 1834 годы. Вернемся же къ тому времени, когда читать еще было нечего.

Я уже говорилъ, какъ шло у насъ время въ будни и праздники; прибавлю, что часы, проводимые нами въ классахъ, были какъ-бы отдыхомъ и лучшимъ препровожденiемъ времени въ теченiи дня. Какъ-то свободнѣе дышалось, было какъ-то льготнѣе; да и самыя занятiя не могли идти въ сравненiе съ автоматическими поворотами направо и налѣво, съ учебнымъ шагомъ или съ наводившимъ тоску и сонливость словеснымъ ученьемъ. Были однакожъ лица, которыя умѣли отравлять и класное время—это послѣднее убѣжище свободы. Они не могли обходиться безъ того, чтобы не навертѣть ушей, не надавать щелчковъ и колотушекъ. Конечно, преподаватели эти были офицеры, а не штатскiе учителя. Послѣднiе вообще были мягче и деликатнѣе въ обращенiи, исключая, сколько помнится, двухъ—учителя чистописанiя Яковлева, извѣстнаго подъ

именемъ **Максимки** и преподавателя Ариѳметики—В***, того самаго, о которомъ я упоминалъ, говоря о Малолѣтнемъ Отдѣленіи. Но оба они и Максимка, и В*** были старые драбанты, поступившіе въ корпусъ—одинъ еще въ Смоленскѣ, а другой въ Костромѣ. Что̀ касается гг. офицеровъ, то рѣдкій изъ нихъ не имѣлъ привычки давать волю рукамъ. Я уже говорилъ о табакеркѣ капитана Минута; былъ и еще такой же, тоже артиллеристъ и тоже учитель Математики, поручикъ Л—исъ, особа тѣмъ болѣе непріятная, что, какъ разсказываютъ, зачастую являлся въ классъ не въ своемъ видѣ. Или напр. учитель Французскаго языка поручикъ Д—въ: этотъ, чтобы пріучить своихъ учениковъ различать é, ê и è, придумалъ такой способъ: когда его питомецъ вмѣсто é говорилъ accent grave, то онъ давалъ ему «костяжку» по головѣ съ права на лѣво, громко приговаривая accent aigu; когда ученикъ è называлъ accent aigu, то костяжка съ соотвѣтствующимъ возгласомъ направлялась съ лѣва на право; а чтобы было вразумительнѣе accent circonflexe, то удары дѣлались обѣими руками, въ видѣ шатра. И при всемъ томъ Д—совъ былъ вовсе не злой человѣкъ: нѣтъ, время было такое, какъ увидитъ читатель ниже.

Въ 1834 году я былъ уже въ слѣдующей по возрасту 2-й мушкатерской ротѣ. Однажды—это было въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Воскресенье—въ ожиданіи обѣдни ходили мы и бѣгали по галлереѣ; вдругъ вбѣгаетъ къ намъ одинъ изъ нашихъ товарищей, бывшій передъ тѣмъ на спѣвкѣ и говоритъ, что «Житковъ убилъ Соколовскаго». Мы такъ и обезумѣли... Начались толки, разговоры; но никто ни чего не зналъ, что̀ такое случилось. Обѣдня началась въ этотъ день нѣсколько позднѣе. Во весь день только и было разговора, что о случившейся исторіи. Какъ водится, говорили и то, и другое; наконецъ вотъ что̀ мы узнали. Соколовскій былъ дежурнымъ по гренадерской ротѣ, куда не задолго передъ тѣмъ былъ, наконецъ, переведенъ изъ неранжированной. Въ столовой залѣ, въ томъ концѣ, который примыкалъ къ буфету, собрались пѣвчіе на спѣвку. Во время пѣнія Соколовскій вышелъ изъ ротной залы, находившейся рядомъ съ буфетною и, подойдя къ пѣвчимъ, сталъ ихъ слушать. Вдоль одной изъ стѣнъ столовой залы, именно противоположной той, у которой собрались пѣвчіе, шла галлерея гренадерской роты; окна изъ столовой на галлерею были открыты; по ней ходило нѣсколько кадетъ. Стройное пѣніе хора уже болѣе получаса разносилось по залѣ и галлереѣ—вдругъ оно прервалось среди криковъ ужаса и общаго смятенія..... Кадетъ гренадерской роты Житковъ, выведенный изъ терпѣнія постоянными нападками Соколовскаго, уже одинъ годъ оставленный по его настоянію отъ выпуска и глубоко огорченный письмомъ отца, въ которомъ онъ писалъ, что отказывается

отъ сына и знать его не хочетъ (что̀ было дѣломъ тоже Соколовскаго) рѣшился убить его. Не имѣя никакого оружія кромѣ тесака, Житковъ, какъ потомъ разсказывали, долгое время трудился надъ оттачиваніемъ его на одной изъ внутреннихъ лѣстницъ, сложенныхъ изъ дикаго камня и, послѣ долгихъ стараній, успѣлъ наконецъ привести его въ такой видъ, въ какомъ могъ нанести серьезныя раны. Въ то время, когда Соколовскій, нагнувшись надъ столомъ, слушалъ пѣвчихъ, Житковъ тихо подкрался къ нему сзади и сильнымъ взмахомъ тесака нанесъ ударъ по головѣ, потомъ другой, третій.... Пѣвчіе, объятые страхомъ, съ шумомъ кинулись въ разныя стороны, а Житковъ продолжалъ наносить удары, преслѣдуя Соколовскаго черезъ всю столовую залу, по которой тотъ бѣжалъ въ квартиру директора. Двое изъ ходившихъ по галлереѣ кадетъ, изъ которыхъ помню фамилію одного Б—дяева, бросились было черезъ окно въ столовую залу, чтобы удержать несчастнаго товарища; но это оказалось невозможнымъ: ожесточенный Житковъ въ ярости не помнилъ себя.... У дверей квартиры директора онъ бросилъ тесакъ и былъ тотчасъ же арестованъ.

Это происшествіе было истиннымъ несчастіемъ для Корпуса. Казалось, нельзя было строже поступать съ кадетами, какъ поступали до тѣхъ поръ; но поступокъ Житкова повелъ за собой настоящій терроръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть современные приказы по Корпусу. При воспоминаніи о томъ времени невольно срываются слова Новгородскаго лѣтописца: «о велика бѣда бяше въ часъ тый!» Да не трудно и повѣрить тому, если вспомнимъ, что исторія Житкова случилась въ то время, когда главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, послѣ Демидова, былъ Сухозанетъ—этотъ до невѣроятности черствый и бездушный человѣкъ. А тутъ еще, какъ нарочно, вслѣдъ за исторіей Житкова, вышелъ новый случай, который въ сущности былъ ничѣмъ инымъ, какъ глупостью кадета кн. К—скаго и крайнею безтактностью Нѣмецкаго учителя Шенрока, но который тѣмъ не менѣе подалъ высшему начальству, да и самому Государю, поводъ думать, что между Московскими кадетами таится духъ непокорности. Броженіе, которое въ то время замѣчалось между учащеюся Виленскою молодежью, можетъ быть, немало способствовало къ такому совершенно неосновательному о кадетахъ мнѣнію. Впрочемъ, въ то время, какъ извѣстно, на все смотрѣли въ одни и тѣже стекла и всему склонны были давать извѣстную окраску.

Случай, о которомъ я упомянулъ, былъ слѣдующій. Въ одномъ изъ среднихъ классовъ былъ урокъ Нѣмецкаго языка. Понадобилось закрыть форточку; кадетъ, который взялся за это, сдѣлалъ это такъ неловко, что или форточку сломалъ, или стекло разбилъ—

ужъ не помню теперь. На замѣчаніе объ этомъ учителя Шенрока, кн. К—скій, конечно отъ великаго ума, сказалъ: «что форточки— мы и головы ломаемъ у офицеровъ». Будь Нѣмецъ посмѣтливѣе и поразумнѣе, то конечно онъ съумѣлъ бы оцѣнить выходку юноши и ограничился бы дѣльнымъ замѣчаніемъ, но Шенрокъ слова кн. К—скаго передалъ начальству....

Въ это время въ Москвѣ былъ Сухозанетъ; онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, чтобы произвести въ Корпусѣ слѣдствіе по дѣлу Житкова. Само собою разумѣется, что слова кн. К—скаго были ему переданы. Но прежде нежели стану продолжать разсказъ свой, нахожу необходимымъ познакомить читателей съ личностью Сухозанета и вообще съ характеромъ того времени, т. е. начала тридцатыхъ годовъ. Я оставляю на время свои воспоминанія: чтобы снять съ себя отвѣтственность въ личномъ мнѣніи, личномъ взглядѣ, я обращаюсь къ свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, которыя каждому изъ читателей дадутъ возможность вывести свои заключенія. Кстати, эти свѣдѣнія могутъ послужить не безцвѣтнымъ матеріаломъ и будущему историку воспитанія въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ сказаннаго времени.

Подъ вліяніемъ событій 14 Декабря 1825 г., съ первыхъ же дней царствованія Николая Павловича, въ основаніе военнаго воспитанія были положены самая крайняя дисциплина и затѣмъ строгость, которая теперь способна привести въ ужасъ. Изъ числа нѣсколькихъ приказовъ, отданныхъ по кадетскимъ корпусамъ въ то время, когда поэтъ говорилъ:

Въ надеждѣ славы и добра,
Глядимъ впередъ мы безъ боязни...

приведу для примѣра только два. Не смотря на грубость поступковъ провинившихся воспитанниковъ Дворянскаго полка, опредѣленныя имъ наказанія не могутъ не казаться жестокими. Вотъ эти приказы.

23 Сентября 1826 года.

«Въ полученномъ сего числа отъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ приказѣ за № 19 значится: «Военный министръ г. генералъ отъ инфантеріи графъ Татищевъ отношеніями отъ 15 сего Сентября за № 6966 и 6971 увѣдомилъ меня для надлежащаго исполненія, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: 1) дворянскаго полка дворянина Николая К—ва за сдѣланныя имъ противъ ротнаго командира своего штабсъ-капитана Жукова ослушаніе и дерзкій поступокъ, наказавъ передъ дворянскимъ полкомъ розгами, выписать въ примѣръ другимъ, рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ съ выслугою, и 2) дворянскаго же полка дворянина Льва И—ва, ударившаго учителя Французскаго языка Б—на въ присутствіи всего класса по щекѣ, наказать

передъ 2 кадетскимъ корпусомъ и дворянскимъ полкомъ розгами, давъ 200 ударовъ и потомъ выписать, въ примѣръ другимъ, въ 46 егерскій полкъ рядовымъ».

«Таковую Монаршую волю предписывается привести въ надлежащее исполненіе и предлагается: по учиненіи означеннымъ дворянамъ К. и И. повелѣннаго наказанія, исключить ихъ изъ списковъ и съ подлежащими свѣдѣніями установленнымъ порядкомъ отправить: перваго въ городъ Тавастгусъ къ начальнику 23 пѣхотной дивизіи генералъ лейтенанту Теглеву для опредѣленія на службу въ одинъ изъ полковъ сей дивизіи, а послѣдняго въ г. Або къ командиру 46 егерскаго полка для опредѣленія въ оный на службу».

3 Октября 1826 года.

«Г. главный директоръ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ отъ 28 Сентября сего года за № 21 изволилъ отдать слѣдующій приказъ: Военный министръ г. генералъ отъ инфантерій графъ Татищевъ отношеніемъ отъ 23 Сентября за № 7176 увѣдомилъ, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: дворянскаго полка дворянъ: Николая Д—ва, Григорія С—ва и Ивана Б—ки за лѣность, нерадѣніе ихъ къ службѣ и наукамъ и ослушаніе противъ начальства, наказать передъ дворянскимъ полкомъ розгами, давъ первымъ двумъ по 100 ударовъ каждому, а послѣднему 500 ударовъ и потомъ изъ нихъ Д. и С. выписать рядовыми въ полки отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, а Б. за буйство и дерзкій поступокъ противъ батальоннаго командира полковника Б—на, коего намѣревался онъ ударить палкою, предать военному суду съ тѣмъ, чтобы онъ былъ лишенъ дворянства и посланъ въ арестантскія роты въ крѣпостную работу» и проч.

Такіе приказы (а ихъ въ дѣлахъ найдется не два) давали, такъ сказать, тонъ всей системѣ воспитанія, который, къ несчастію, не одинъ годъ держался въ кадетскихъ корпусахъ. Еще въ 1831 году императоръ Николай, принимая депутацію Новгородскихъ дворянъ, говорилъ имъ: «Размыслите хорошенько о воспитаніи дѣтей вашихъ; надобно измѣнить систему. Я велѣлъ выстроить въ Медвѣдѣ корпусъ, и онъ уже строится, собственно для дѣтей вашихъ; у меня не избалуются они» *). Только благодаря уму и доброму сердцу великаго князя Михаила Павловича, тонъ этотъ началъ мало по малу смягчаться и исподоволь принимать другое направленіе.

Въ 1832 г., послѣ смерти Демидова, главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ. Ничего не могло быть неудачнѣе такого выбора. Вотъ какъ характеризовалъ Сухозанета командиръ гвардейскаго корпуса кн. Васильчиковъ въ письмѣ къ товарищу и сослуживцу своему кн. П. М. Волконскому: «Вы знаете, любезный другъ, Сухозанета. Онъ талантливъ, но не можетъ заставить себя любить. Я ему долженъ отдать справедливость, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ

*) Русск. Старина 1873 г. Сентябрь, стр. 413.

артиллеріей, она очень много выиграла; но я всегда въ тревожномъ ожиданіи новыхъ исторій, потому что онъ не умѣетъ требовать, не задѣвая самолюбія и заставляетъ себя ненавидѣть. Я ему при каждомъ случаѣ читаю нравоученіе объ этомъ, и ежели онъ будетъ продолжать затѣвать исторіи, я буду принужденъ просить разстаться съ нимъ». Это было сказано въ 1821 г., когда Сухозанетъ командовалъ артиллеріей гвардейскаго корпуса. Замѣчаніе кн. Васильчикова, что онъ «не можетъ заставить себя любить», а напротивъ «заставляетъ себя ненавидѣть» оказалось справедливымъ и вполнѣ подтвердилось, когда ввѣрили его руководству военно-учебныя заведенія. Вотъ нѣсколько приказовъ его, судите сами.

27 Апрѣля 1834 г. № 38.

«За совершенное ниспроверженіе въ 1 кадетскомъ корпусѣ правилъ службы при отпускѣ воспитанниковъ со двора, бывшее причиною постыднаго безпорядка, предписываю командира 2 мушкатерской роты капитана П* устранить отъ командованія ротою впредь до приказанія и арестовать его на трое сутокъ при корпусѣ. Бывшаго дежурнымъ по корпусу капитана С* арестовать на двое сутокъ, тоже при корпусѣ. Дежурнаго по ротѣ поручика Г*, который, по существу дѣла, оказался болѣе всѣхъ виновнымъ, предписываю содержать при корпусѣ впредь до полученія разрѣшенія Его Императорскгго Высочества на представленіе мое о переводѣ его въ армію тѣмъ же чиномъ».

«Для сдѣланія извѣстнымъ по всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ подробностей сего происшествія будетъ сдѣлано, по минованіи праздниковъ, особое распоряженіе» *).

8 Іюня 1834 г. № 59.

«По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, по службѣ дѣлаемымъ гг. офицерами дворянскаго полка, предписываю командиру онаго г. полковнику Пущину не послаблять никому ни малѣйшаго безпорядка подъ личною его за сіе отвѣтственностію. Чѣмъ званіе виновнаго выше, тѣмъ взысканіе должно быть строже. Опаздывающихъ къ должности или на ученье приказываю тотчасъ арестовывать при полку и, впредь до отмѣны сего моего распоряженія, каждый разъ мнѣ о семъ доносить, дабы я могъ, по своему усмотрѣнію, увеличить мѣру взысканія соотвѣтственно важности званія виновнаго, при чемъ я предваряю всѣхъ и каждаго, что подобные безпорядки, непростительные офицеру военно-учебныхъ заведеній, будутъ разсматриваемы мною, не какъ случайныя упущенія, но какъ примѣръ неповиновенія и нарушенія субординаціи» и проч.

Іюля 31 дня 1834 № 84.

«Служительской роты 1 кадетскаго корпуса рядовой Степанъ Пономарцевъ, ставши на колѣни и остановивъ меня на улицѣ, осмѣлился принести жалобу на ближайшее свое начальство. По порученію моему генеръ-маіору барону Шлиппенбаху объ изслѣдо-

*) Въ чемъ состояло это происшествіе, совершенно ниспровергавшее правила службы—осталось неизвѣстнымъ.

ваніи сего дѣла, оказалось, что принесенная рядовымъ Пономарцевымъ жалоба была преувеличена, и что не токмо въ настоящемъ случаѣ, но и прежде сего былъ неоднократно замѣченъ въ ослушаніи противъ начальства и въ нерадѣніи къ своей должности. А по сему, за столь дерзкій и буйный поступокъ рядоваго Пономарцева, осмѣлившагося принести жалобу непозволительнымъ для солдата образомъ, нарушающимъ основныя правила субординаціи, предписываю полковнику Слатвинскому лишить его нашивки, а исправляющему должность дежурнаго штабъ-офицера по отряду полковнику Святлову, при собраніи всѣхъ нижнимъ чиновъ отряда, наказать рядоваго Пономарцева 400 ударами розогъ (т. е. тѣмъ числомъ, которое осмѣлился онъ неправильно показать въ принесенной имъ жалобѣ). О выписаніи сего рядоваго изъ служительской роты 1 кадетскаго корпуса будетъ отъ меня представлено Его Императорскому Высочеству».

7 Сентября 1834 г. № 99.

«Изъ представленныхъ ко мнѣ за минувшій Августъ мѣсяцъ списковъ о воспитанникахъ, подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеній, подвергшихся за учиненные ими проступки взысканіяхъ, замѣчено мною, что:

1) 1 кадетскаго корпуса 3 мушкетерской роты кадетъ Я*, за то, что будучи неопрятно одѣтымъ, съ растегнутымъ воротникомъ у куртки, встрѣтясь съ дежурнымъ офицеромъ и не изъявивъ по приказанію его готовности тотчасъ оправиться, прошелъ мимо, былъ наказанъ 15 ударами розогъ и посаженъ въ уединенную комнату на три дня.

2) 2 кадетскаго корпуса кадеты роты Его Высочества (поименованы 8 человѣкъ) и 1 мушкетерской (4 человѣка) за то, что во время перехода отъ колоній до деревни Автовой, неохотно выходили по приказанію батальоннаго командира пѣть пѣсни, не увольнять къ родственникамъ на 10 дней.

3) Прикомандированный къ дворянскому полку Московскаго кадетскаго корпуса кадетъ С., за то, что не былъ отпущенъ штабсъ-капитаномъ Петерсономъ изъ перваго батальона во второй, при выходѣ его изъ каморы, осмѣлился сказать, что онъ уйдетъ, наказанъ 50 ударами розогъ.

«Хотя поступки сихъ воспитанниковъ я и отношу къ дѣтскимъ шалостямъ, могущимъ иногда быть принятыми въ снисхожденіе по уваженію къ неумышленности и молодости, но какъ вышеозначенные три случая заключаютъ неповиновеніе подчиненнаго къ начальнику, которое всегда должно быть наказываемо строго и всегда, сколь можно гласно, то предписываю: кадета Я. наказать еще, при собраніи корпуса, 50 ударами; кадетовъ 2 кадетскаго корпуса, во 2 пунктѣ поименованныхъ, не отпускать со двора впредь до разрѣшенія моего, или по случаю отъѣзда моего, имѣющаго исправлять мою должность; кадета С., какъ уже назначеннаго къ выпуску въ офицеры, оставить отъ онаго до будущаго представленія. Приказъ сей прочитать во всѣхъ ротахъ воспитанникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеній».

Вотъ такой-то человѣкъ пріѣхалъ въ Августѣ 1834 г. въ Москву, чтобы разслѣдовать дѣло Житкова. Въ назначенный имъ день, ба-

тальонъ былъ выведенъ для смотра на Анненгофскій лугъ, что̀ передъ зданіемъ корпуса. Я въ строю не былъ, но смотрѣлъ на ученье изъ окна. Помнится мнѣ, что Сухозанетъ, по увѣчью своему, присутствовалъ на смотру сидя въ креслѣ, въ которомъ его перевозили съ одного мѣста на другое. Остался ли онъ доволенъ фронтовою частью—не знаю; но надо думать, что смотръ прошелъ благополучно, потому что никто изъ строевыхъ офицеровъ арестованъ не былъ, а былъ черезъ нѣсколько дней арестованъ на недѣлю съ содержаніемъ на гаубвахтѣ одинъ только инспекторъ классовъ капитанъ Л.; арестъ его, конечно, не имѣлъ никакого отношенія къ смотру, а имѣлъ, кажется, связь съ поступкомъ кн. К—скаго. Чѣмъ могъ оказаться виноватымъ въ глазахъ Сухозанета инспекторъ классовъ, что какой-то недоросль сказалъ глупость—это было извѣстно ему одному. Окончивъ ученье, Сухозанетъ велѣлъ построить батальонъ въ каре, самъ помѣстился внутри его и болѣе часа держалъ какую-то рѣчь, въ которой, какъ передавали послѣ кадеты, онъ разсказывалъ имъ свое дѣтство, поступленіе въ корпусъ, пребываніе въ немъ, выпускъ на службу и проч. Къ какому заключенію пришелъ онъ, разсказавъ свою автобіографію—не могу теперь сказать. Наконецъ, барабанщики ударили «подъ знамена», батальонъ развели по ротамъ и потомъ повели къ обѣденному столу; а Сухозанетъ, отправившись въ комнату дежурнаго по корпусу, имѣлъ терпѣніе въ теченіи не одного часа бесѣдовать наединѣ съ каждымъ офицеромъ по одиночкѣ, распрашивая ихъ о причинахъ, которыя могли подать поводъ къ такимъ поступкамъ, каковы Житкова и кн. К—скаго. Что̀ было высказано господами офицерами на этой аудіенціи, для насъ, разумѣется, осталось тайной. Не помню, въ тотъ ли же самый день, или въ другой, но помню, что это было въ послѣобѣденное время (едва ли не въ часы, назначенные для вечернихъ классовъ) роты стали сводить въ столовую залу. Когда батальонъ выстроился, среди общей тишины вошелъ Сухозанетъ въ подобострастномъ сопровожденіи начальства. Здѣсь я въ первый и, благодареніе Богу, въ послѣдній разъ видѣлъ его въ лицо. Онъ былъ еще не старъ (недавно только узналъ я годъ его рожденія: оказывается, что въ то время ему было только 46 лѣтъ). Не смотря на сѣдые волосы и усы—и тѣ, и другіе были у него коротко подстрижены—онъ казался бодрымъ, свѣжимъ и красивымъ, прибавилъ бы я, если-бъ его блѣдное лицо и черные глаза не застявляли отъ нихъ отворачиваться: такъ тяжело было впечатлѣніе, производимое ими; я, по крайней мѣрѣ, не могъ долго смотрѣть на него. Ощущенія этого нельзя назвать слѣдствіемъ предубѣжденія: до тѣхъ поръ я зналъ его только по пунктику словеснаго ученья, т. е. что главный директоръ Пажескаго, сухопутныхъ ка-

детскихъ корпусовъ и дворянскаго полка, генералъ-адьютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ и только, о душевныхъ же качествахъ его не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ не только не обнаруживалъ никакой горячности, но даже не возвышалъ голоса, какъ это бываетъ съ людьми пылкаго темперамента; напротивъ, онъ былъ тихъ, хладнокровенъ, даже невозмутимъ—какое же предубѣжденіе могло тогда родиться во мнѣ при видѣ такого почтеннаго и заслуженнаго человѣка, ибо длинный костыль и деревянная нога свидѣтельствовали о боевыхъ заслугахъ его? Одинъ только онъ во всей Русской арміи имѣлъ тогда право вмѣсто мундира прежняго покроя носить при парадной формѣ мундирный сюртукъ, т. е. сюртукъ съ шитьемъ на воротникѣ и съ лацканами. Онъ былъ въ формѣ гвардейской артиллеріи. Войдя въ залу, онъ сѣлъ на столовую скамейку. Началось слѣдствіе. Сухозанетъ вызвалъ пѣвчихъ, бывшихъ на спѣвкѣ въ день поступка Житкова, велѣлъ имъ занять тѣ самыя мѣста, которыя они тогда занимали, распрашивалъ у нихъ, гдѣ и какъ сидѣлъ Соколовскій, какъ подошелъ къ нему Житковъ, заставилъ Б--дяева съ товарищемъ вскочить въ окно изъ галлереи въ залу, словомъ сказать, воспроизвелъ все происшествіе; недоставало только двухъ лицъ, Соколовскаго и Житкова. Выслѣживая дѣло, онъ узналъ, что въ то время, когда Житковъ гнался за Соколовскимъ, около церкви, смежной съ столовою залою, были два служителя, убиравшіе въ коморку половыя щетки, тряпки, суконки и прочія принадлежности. Сухозанетъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они не бросились на Житкова и не остановили его и за то велѣлъ предать военному суду, не принявъ въ уваженіе того, что эти бѣдняки, если и могли слышать шумъ въ залѣ, если и могли видѣть пробѣжавшихъ офицера и кадета, то занятые своимъ дѣломъ, въ моментъ появленія ихъ, не могли сообразить въ чемъ дѣло. Военный судъ приговорилъ обоихъ къ прогнанію сквозь строй, послѣ чего одинъ изъ нихъ (кончавшій уже 25 лѣтній срокъ своей службы) по преклонности лѣтъ, глухой и почти слѣпой старикъ Вязанинъ не вынесъ наказанія и умеръ въ госпиталѣ.

По окончаніи слѣдствія Сухозанетъ велѣлъ прочесть приказъ свой, которымъ опредѣлилъ наказаніе кн. К—скому—наказать передъ собраніемъ всего корпуса *тремя стами* ударовъ, и эту экзекуцію онъ производилъ лично. Боже милостивый! Какъ изгладить изъ памяти эту омерзительную, оскорбительную, за сердце хватавшую сцену!.. Уже около получасу продолжалось наказаніе, во время котораго почтенный и заслуженный воинъ спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; но вотъ голосъ несчастнаго сталъ слабѣть, и докторъ, вѣроятно уже прежде получившій приказаніе слѣдить за наказаніемъ,

доложилъ его высокопревосходительству, что виновный не можетъ болѣе выносить его. Его отнесли въ лазаретъ...

4 Сентября 1834 г. по корпусу былъ отданъ приказъ: «Въ исполненіе приказанія г. главнаго директора предлагаю г. батальонному командиру полковнику Святловскому окончить передъ собраніемъ всего батальона наказаніе кадету кн. К—скому, для чего и предписываю завтрашняго числа къ 7 часамъ утра собрать батальонъ въ столовую залу. Подписалъ: директоръ корпуса генералъ-маіоръ Ренненкампфъ».

Но приказъ не пришлось исполнить; покрайней мѣрѣ, я не помню новаго истязанія. Родители кн. К—скаго взяли его изъ корпуса.

Ровно черезъ мѣсяцъ по корпусу былъ объявленъ приказъ слѣдующаго содержанія: «Съ высочайшаго его императорскаго величества соизволенія отъѣзжая за границу и сдавая во исполненіе повелѣнія его императорскаго высочества главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка должность мою директору Павловскаго кадетскаго корпуса генералъ-лейтенанту Клингенбергу, объявляю о семъ по всѣмъ подвѣдомственнымъ мнѣ военно-учебнымъ заведеніямъ». Подписалъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

Но военно-учебныя заведенія съ этой минуты уже не были подвѣдомствены ему. Должность главнаго директора кадетскихъ корпусовъ сохранялась только для вида и то нѣсколько лишь дней. Приказомъ военнаго министра отъ 16 Октября 1834 г. было объявлено, что, согласно предложенію его императорскаго высочества, Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: должность главнаго директора Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка, по случаю увольненія генералъ-адъютанта Сухозанета въ отпускъ за границу срокомъ на годъ, исправлять старшему по немъ директору Павловскаго кадетскаго корпуса генералъ-лейтенанту Клингенбергу, «но въ отношеніи только личнаго наблюденія за исполненіемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ распоряженій высшаго начальства и безъ занятій письменныхъ». Вслѣдствіе этого состоявшее при главномъ директорѣ дежурство было упразднено, а находившіяся въ немъ дѣла переданы въ штабъ его высочества по управленію военно-учебными заведеніями. Ближайшимъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ сталъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Должность начальника штаба поручено было исправлять адъютанту его полковнику Ростовцеву.

Любопытно сопоставить съ вышеприведенными приказами Сухозанета, приказъ великаго князя, отданный имъ по военно-учебнымъ заведеніямъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1834 года. Вотъ онъ:

«Вчерашняго числа, при посѣщеніи моемъ 1 кадетскаго корпуса, я нашелъ въ ономъ наружную часть, по обыкновенію, въ надлежащемъ порядкѣ; но въ особенности порадовало меня въ семъ корпусѣ то, что̀ всегда меня при посѣщеніи 1 кадетскаго корпуса радуетъ и что̀ составляетъ отличительную черту воспитанниковъ онаго—неприготовленное, искреннее удовольствіе дѣтей при свиданіи со мною и простосердечное, довѣрчивое, радушное и, такъ сказать, родственное ихъ со мною обхожденіе, доказывающее, что они видятъ въ главномъ ихъ начальникѣ не одного начальника только, но и человѣка, въ любви къ нимъ коего они твердо увѣрены».

«Пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ благодарить за сіе утѣшительное для меня чувство добрыхъ воспитанниковъ 1 кадетскаго корпуса, а за развитіе онаго и всѣхъ достойныхъ ихъ наставниковъ».

Съ этими словами великій князь относился въ заведенію, въ которомъ Сухозанетъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ находилъ «совершенное ниспроверженіе правилъ службы».

Послѣдствія поступка Житкова были прискорбны для Московскаго корпуса: онъ навлекъ на все заведеніе гнѣвъ Государя, вслѣдствіе чего кадеты, назначенные въ 1834 году къ производству въ офицеры, оставались почти годъ не произведенными, а остальные воспитанники въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не были увольняемы къ родителямъ. Житковъ былъ разжалованъ въ солдаты съ назначеніемъ въ Кавказскія войска, гдѣ, какъ разсказывали, онъ получилъ Георгіевскій крестъ и былъ произведенъ въ прапорщики, но вскорѣ послѣ того умеръ отъ чахотки. Соколовскаго мы болѣе не видали: онъ былъ прикомандировалъ къ штабу военно-учебныхъ заведеній, гдѣ издалъ географію для руководства въ кадетскихъ корпусахъ; книга эта, въ свое время, была положительно лучшею изъ всѣхъ курсовъ географіи. Года черезъ три или четыре умеръ и Соколовскій.

А. К.

Изъ воспоминаній дипломатической службы на Востокѣ.

Въ Февралѣ 1848 года, въ одно изъ вечернихъ нашихъ собраній, я засталъ у Француза Овадіе все Французское общество Байрута въ необыкновенно радостномъ оживленіи. Оказалось, что прибывшая въ тотъ день почта привезла извѣстіе объ изгнаніи Луи Филиппа и провозглашеніи во Франціи республики. Liberté, fraternité, égalité! только и слышалось, восторгамъ не было конца; и какъ я одинъ былъ иноземецъ между ними, то они нѣсколько разъ обращались ко мнѣ со словами: «Когда же мы отпразднуемъ республику въ Россіи?» Но восторги эти не позже какъ черезъ двѣ-три недѣли перешли въ крайнее уныніе. У того же Овадіе я засталъ Французовъ чрезвычайно грустными и на распросы мои, отчего они болѣе не радуются республикѣ, они отвѣчали, что это все затѣи Парижанъ, а что они Марсельцы лучшаго правленія, какое было при Луи Филиппѣ, никогда не желали; что только тогда была во Франціи полная свобода, а съ республикою теперь не свобода, а самовольство; что они люди коммерческіе, а въ настоящее время рабочіе самовольно покидаютъ работы, порядку никакого нѣтъ, и печальнымъ послѣдствіемъ такого произвола является то, что всѣ торговые дома, представители которыхъ живутъ въ Байрутѣ, объявили себя банкротами, и теперь торговля, которая по всей Сиріи была у нихъ въ рукахъ, конечно перейдетъ въ руки какого либо иноземнаго государства.

Члены генеральнаго Французскаго консульства также были недовольны. Они говорили мнѣ, что у нихъ во Франціи неурядица, такъ что они положительно не знаютъ что̀ имъ дѣлать: только что придетъ распоряженіе президента Кавеньяка, которое они спѣшатъ привести въ исполненіе, какъ получается извѣстіе, что президентомъ Ламартинъ, и требованія являются совсѣмъ иныя, иногда даже прямо противорѣчащія прежнимъ.

Естественно, что, въ виду упадка Французской торговли, стали появляться товары Англійскіе и отчасти Русскіе. Черезъ мои руки проходила переписка о сбытѣ въ Сирію нашего хлѣбнаго спирта въ замѣнъ Французскаго абсента и другихъ спиртныхъ напитковъ.

Съ провозглашеніемъ Имперіи торговля Французовъ оживилась; но чтобы вновь забрать въ свои руки всю торговлю въ Сиріи, требовалось вытѣснить иноземныхъ торговцевъ. Не знаю почему, Французы предпочли соединеніе съ Англіею, для вытѣсненія Русскихъ; но только вскорѣ послѣдовало весьма замѣтное сближеніе ихъ съ Англичанами и охлажденіе къ Русскимъ. Тѣже мои знакомые Французы говорили мнѣ: Bientôt nous aurons la guerre avec vous.

Англичане по преимуществу, а отчасти и Французы стали искать предлога къ разрыву съ нами, и чтобы дать понятіе, какъ велики были ихъ придирки къ Русскимъ, опишу случай, бывшій со мною.

Нашъ генеральный консулъ Базили уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и, до пріѣзда князя Дондукова-Корсакова [1]) изъ Константинополя, я остался управлять генеральнымъ консульствомъ. Въ это время скончался Байрутскій митрополитъ. Представители Греческаго духовенства обратились ко мнѣ съ просьбою отдать послѣдній долгъ покойнику со всѣмъ подобающимъ сану его почетомъ, пригласивъ на похороны весь дипломатическій корпусъ Байрута; они объясняли при этомъ, что они сами отъ себя не смѣютъ приглашать и никто не поѣдетъ и могутъ даже обидѣться, а что паша положительно отказалъ имъ, сказавъ, что это умеръ гяуръ, изъ-за котораго ему не слѣдъ безпокоить консульства; Греческій же консулъ не рѣшается что либо предпринять безъ содѣйствія Русскаго генеральнаго консульства, а потому ихъ одна надежда на меня.

Необходимо замѣтить, что въ посольствахъ существуетъ такой обычай: въ случаѣ кончины кого либо изъ почетныхъ лицъ, посольство, къ государству котораго покойникъ принадлежалъ, приглашаетъ на похороны всѣхъ представителей державъ; но такъ какъ митрополитъ былъ не нашъ подданный, то при постоянныхъ придиркахъ къ намъ Англичанъ и Французовъ, приходилось дѣйствовать весьма осторожно, чтобы не дать повода заподозрить, что, приглашая на митрополичьи похороны, мы какъ будто признаемъ Греческое духовенство подданнымъ Россіи. Съ другой стороны представлялось невозможнымъ отказать: потому что и безъ того уже Греческое духовенство очень унижено Турками въ глазахъ народа, чѣмъ католики ловко пользовались, окружая свое духовенство особеннымъ почетомъ.

Принявъ все это во вниманіе, я не отказалъ просьбѣ Грековъ; но изъ осторожности пригласилъ Греческаго консула подписаться вмѣстѣ со мною подъ оффиціальными приглашеніями, которыя ре-

---

[1]) Князь Дондуковъ-Корсаковъ, Алексѣй Михайловичъ, родной братъ нынѣшняго Харьковскаго генералъ-губернатора.

дактировалъ такъ, что мы, Русскій и Греческій генеральные консулы, просимъ отдать послѣдній долгъ предстоятелю нашей Греко-Россійской церкви митрополиту такому-то.

Весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ Англійскаго генеральнаго консула полковника Рооза и его вице-консула Моора, съѣхался ко мнѣ, по нашему приглашенію; все уже было готово къ отправленію въ церковь, какъ вдругъ вмѣсто Англійскаго консула явился его драгоманъ, мѣстный обыватель, и просилъ у меня позволенія отъ имени полковника Рооза переговорить съ нимъ наединѣ. Мы ушли въ кабинетъ, и онъ сказалъ, что полковникъ поручилъ ему спросить меня, извѣстно ли мнѣ, что подобныя приглашенія дѣлаются только исключительно для своихъ подданныхъ, а кажется, Греческое духовенство не въ подданствѣ у Россіи. Я отвѣчалъ ему, что полковникъ могъ видѣть, что приглашеніе подписано не однимъ мною, а и Греческимъ консуломъ; а одно и тоже лицо не можетъ быть подданнымъ двухъ государствъ. На это драгоманъ возразилъ, что по приглашенію одного Греческаго консула полковникъ пріѣхалъ бы первымъ, но для него важна подпись Русскаго генеральнаго консула; что же касается до того, что въ приглашеніи выражено о покойникѣ какъ о предстоятелѣ Греко-Россійской церкви, а не какъ о подданномъ, то въ этомъ Англійское правительство видитъ только одну увертку. Распространяться въ объясненіяхъ было некогда, и я объявилъ драгоману, что онъ можетъ передать полковнику, что я буду продолжать дѣйствовать какъ началъ, а ему предоставляю поступать какъ угодно.

Французскій генеральный консулъ Буре первый просилъ меня разсказать, въ чемъ дѣло и вполнѣ согласился со мною, что это одна придирка, «хотя, добавилъ онъ, придирка эта имѣетъ нѣкоторое основаніе, потому что вы Русскіе видимо желаете подчинить себѣ Турцію; но въ настоящемъ случаѣ вамъ лично иначе поступить было невозможно; ясно, что вамъ, какъ единовѣрцамъ, нельзя же было допустить хоронить митрополита вашей церкви безъ подобающаго его сану почета».

Прибывъ въ церковь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, я встрѣтилъ тамъ полковника Рооза въ партикулярномъ сюртукѣ. Онъ тотчасъ же заявилъ мнѣ, что онъ здѣсь не по моему приглашенію, а изъ личнаго уваженія къ покойнику. Я отвѣчалъ ему, что это само собою объясняется его одеждою. Онъ началъ объяснять мнѣ, что я по молодости не вникъ, что случай этотъ можетъ повести даже и къ разрыву. Я отвѣчалъ, что я въ этомъ позволяю себѣ сомнѣваться и пригласилъ его послѣ похоронъ къ себѣ обѣдать. «Какъ полковникъ Роозъ къ г-ну Бланку, отвѣчалъ онъ, я всегда готовъ пріѣхать обѣдать; но какъ Англійскій консулъ къ

Русскому консулу при настоящихъ обстоятельствахъ пріѣхать не могу».

Впослѣдствіи я узналъ отъ Базили, что дѣйствительно Роозъ писалъ объ этомъ своему посланнику, и тотъ требовалъ удовлетворенія отъ нашего посольства, и что ему обѣщали сдѣлать мнѣ строгое замѣчаніе, отозвавшись, что поступилъ я такъ по молодости и неопытности; «но будьте покойны, добавилъ Базили, не только никакого замѣчанія не получите, а напротивъ секретно мнѣ велѣно вамъ передать, что дѣйствіями вашими наше посольство очень довольно; а такой отзывъ Англійскому посланнику необходимо было дать, такъ какъ онъ грозилъ переслать донесеніе Рооза въ Лондонъ».

*

Кто не былъ очевидцемъ, тому трудно представить себѣ какое было сильное вліяніе Европейскихъ посольствъ на административныя даже распоряженія мѣстныхъ Турецкихъ властей.

Нѣкто Итальянецъ Мичарелли, бѣжавшій изъ Италіи въ Софію, выхлопоталъ себѣ видъ отъ Французскаго генеральнаго консульства; но при своемъ крутомъ характерѣ онъ скоро разсорился съ генеральнымъ консуломъ Буре и написалъ на него пасквиль въ стихахъ, которые и распространилъ по Байруту. Разсерженный консулъ потребовалъ отъ паши немедленно схватить Мичарелли и засадить въ тюрьму.

Въ то время, за отъѣздомъ нашего генеральнаго консула Базили въ Іерусалимъ, я временно завѣдывалъ Русскимъ консульствомъ.

Возвращенія Базили ждали мы ежедневно, и я поѣхалъ съ нашимъ драгоманомъ, мѣстнымъ обывателемъ Хабибомъ Бустросомъ за городъ на встрѣчу консула. На горахъ, въ сосновомъ бору мы остановились обѣдать. Черезъ нѣсколько минутъ неожиданно прискакалъ къ намъ кавасъ съ пакетомъ отъ паши, объявивъ, что онъ присланъ нарочно и проситъ поспѣшить отвѣтомъ. Распечатавъ письмо, я прочелъ всю вышеописанную біографію Мичарелли и затѣмъ паша продолжалъ: «Исполняя требованіе Французскаго генеральнаго консула Буре, я велѣлъ задержать Мичарелли; но когда стража моя приблизилась къ нему, онъ оперся рукою къ стѣнѣ дома Хабиба Бустроса и заявилъ, чтобы не смѣли его трогать, такъ какъ онъ Русскій подданный. Стража отступила, и онъ вошелъ въ домъ, гдѣ и теперь находится; то прошу васъ меня увѣдомить, дѣйствительно ли Мичарелли Русскій подданный и если нѣтъ, то не дозволите ли вы стражѣ моей войти въ домъ вашего драгомана Хабиба Бустроса и взять его оттуда».

Бустросъ, когда я прочелъ это письмо, сталъ упрашивать меня, чтобы я не дозволялъ Турецкой стражѣ входить въ его домъ, такъ

какъ при взятіи Мичарелли тотъ конечно окажетъ сопротивленіе, и сцена эта сильно напугаетъ его дѣтей и беременную жену. Я отвѣчалъ пашѣ, что хотя Мичарелли никогда не былъ Русскимъ подданнымъ и въ настоящее время не пользуется никакимъ покровительствомъ Россіи; но такъ какъ онъ уже вошелъ въ домъ Русскаго драгомана, то по Русскому обычаю, уважая права гостепріимства, я дозволить взять его изъ Русскаго дома не могу.

Къ вечеру этого дня возвратился консулъ Базили, вполнѣ одобрилъ мои дѣйствія и за тѣмъ немедленно далъ знать пашѣ, что такъ какъ нельзя допустить Мичарелли оставаться жить въ домѣ Бустроса, то онъ посылаетъ своего каваса проводить Мичарелли до его квартиры и чтобы во время пути его съ кавасомъ отъ Русскаго консульства Турецкая стража не смѣла бы его брать. И Мичарелли отправился къ себѣ вдвоемъ съ нашимъ кавасомъ; 10 человѣкъ полицейскихъ шли за ними, но взять его не посмѣли. Квартира Мичарелли была въ гостинницѣ Мальтійца, а слѣдовательно состоящей подъ покровительствомъ Англійскаго консульства, и паша послалъ просить Англійскаго консула дозволить его стражѣ взять Мичарелли изъ его квартиры. Англійскій консулъ отвѣчалъ, что хотя въ угоду пашѣ онъ и могъ бы дозволить стражѣ въ сопровожденіи Англійскаго каваса пройдти по корридорамъ гостинницы; но какъ ему достовѣрно извѣстно, что Мичарелли взялъ уже Сардинскій пашпортъ, то войти въ его комнату, какъ Сардинскаго подданнаго, онъ не можетъ дозволить не только Турецкой стражѣ, но даже и своему кавасу. Паша послалъ просить Сардинскаго консула дозволить взять Мичарелли изъ его квартиры; но тотъ отвѣчалъ, что войдти въ комнату Мичарелли онъ могъ бы дозволить стражѣ въ сопровожденіи его Сардинскаго каваса, но дойдти до его комнаты по корридорамъ Англійскаго отеля онъ не можетъ дозволить своему кавасу. И такъ Мичарелли спокойно оставался дома, и изо всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи пострадалъ совершенно безвинно самъ паша, такъ какъ Французскій консулъ заявилъ ему свое полное неудовольствіе, и паша не зналъ какъ угодить ему, чтобы успокоить его негодованіе.

*

Ко мнѣ въ канцелярію явился монахъ и передалъ мнѣ небольшую записку. Оказалось, записка эта была отъ бывшаго моего товарища по гимназіи князя Д. К. изъ Іерусалима, а податель ея былъ секретарь Іерусалимскаго патріарха Кирилла *). Князь писалъ мнѣ,

*) Патріархъ Кириллъ, тотъ самый, который воспротивился допущенію отдѣлиться Болгарской церкви отъ Греческой и одинъ подалъ голосъ объ уступкѣ требованіямъ Болгаръ разрѣшить имъ имѣть своего экзарха, за что и былъ лишенъ, какъ извѣстно по газетамъ, патріаршаго сана и нынѣ проживаетъ на покоѣ въ Іерусалимѣ.

что не могу ли я исполнить просьбу патріарха вытребовать изъ таможни 10 тюковъ съ разными вещами; но при такихъ условіяхъ, чтобы тюки эти были взяты мною изъ таможни не распечатанными, такъ какъ въ числѣ вещей есть много такихъ, которыя по Турецкимъ законамъ подлежатъ конфискаціи, за неразрѣшеніемъ имѣть ихъ въ Греческихъ церквахъ. Другіе же облагаются огромными пошлинами.

На удачу распорядился я написать въ канцеляріи оффиціальное требованіе въ таможню о томъ, что извѣстился я, что въ таможнѣ находится 10 тюковъ на имя патріарха Іерусалимскаго; а какъ въ тюкахъ этихъ по преимуществу находятся пожертвованія въ Іерусалимъ изъ Россіи, то я прошу таможню приказать немедленно всѣ эти тюки доставить ко мнѣ въ канцелярію не распечатанными.

Не болѣе какъ черезъ часъ времени солдаты таможни перетаскали ко мнѣ въ канцелярію всѣ тюки. Я позвалъ секретаря и предложилъ ему навьючиватьословъ и отправляться обратно въ Іерусалимъ.

Правда, что таможни въ Турціи на откупѣ у частныхъ лицъ, и одинъ изъ откупщиковъ въ Байрутѣ пользовался званіемъ драгомана Русскаго консульства, а слѣдовательно значился Русскимъ подданнымъ; но къ чему же тогда служитъ строгое воспрещеніе ввоза нѣкоторыхъ вещей для Греческихъ церквей и обложеніе высокимъ тарифомъ другихъ, когда посольства иностранныхъ государствъ могутъ подъ разными предлогами требовать доставку къ нимъ тюковъ не распечатанными, а слѣдовательно и все запрещенное къ ввозу Турецкими законами можетъ легко быть получено чрезъ посредство иностранныхъ представителей?

Въ мое пребываніе въ Турціи вліяніе Россіи было наибольшее сравнительно съ другими государствами.

Василій Бланкъ.

Гизо объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и его отношеніяхъ къ королю Людовику Филиппу [1])

Политическая дѣятельность Гизо, главы кабинета, ускорившаго паденіе Іюльской монархіи, возбуждаетъ мало сочувствія, не только у насъ, но и на Западѣ, хотя и не доказано, чтобы онъ съ своими друзьями-доктринёрами былъ главною и единственною причиною революціи 1848 г. Періодическія революціонныя движенія во Франціи, менѣе чѣмъ гдѣ либо зависятъ отъ той или другой политики лицъ, управляющихъ этою страною. Всѣмъ извѣстно, что во Франціи самое либеральное правленіе было и самымъ непрочнымъ, и что революціонныя катастрофы отсрочивались лишь государями съ болѣе или менѣе неограниченною властью. Во всякомъ случаѣ сужденія выдающагося дѣятеля и историка-мыслителя не могутъ не возбуждать въ насъ интереса. Если судъ Гизо надъ событіями своего времени и не всегда отличается объективностію, и характеръ его приговоровъ иногда отзывается какою-то увѣренностью въ ихъ нѣпогрѣшимости, то съ другой стороны мемуары его отличаются отъ многихъ другихъ тѣмъ рѣдкимъ достоинствомъ, что авторъ ихъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ источниковъ, или изъ самыхъ первыхъ рукъ.

Причины, заставившія Гизо еще при своей жизни издать свои мемуары, объясняются имъ между прочимъ такъ. «Противъ обыкновенія многихъ изъ моихъ современниковъ предаю я мои Записки гласности, пока я еще въ состояніи отвѣчать за нихъ.... Въ продолженіе моей жизни я много и сильно боролся, но годы и покой примирили меня съ прошедшимъ.... Я старательно изслѣдовалъ мои душевныя чувства и не нахожу между ними ни одного, которое бы могло отравлять мои воспоминанія. Отсутствіе желчи способствуетъ большей откровенности.... Предпочитаю говорить о своей жизни и своемъ времени, стоя на краю моей могилы, а не изъ глубины оной. Въ такомъ способѣ я нахожу болѣе достоинства относительно самого себя, а относительно другихъ онъ вынуждаетъ меня быть

---

[1]) Изъ Memoires pour servir à l'histoire de mon temps par M. Guizot t. 4.

болѣе осторожнымъ въ словахъ и сужденіяхъ. Если и возникнутъ претензіи (чего никакъ нельзя избѣгнуть), то по крайней мѣрѣ никто не скажетъ, что я не желалъ ихъ слышать и укрылся отъ нихъ подъ грудою своихъ твореній».

Изъ Записокъ Гизо выбралъ я тѣ немногія страницы, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на натянутыя отношенія между Россіей и Франціей въ прошлое царствованіе. Отношенія эти тѣмъ болѣе любопытны, что, начавшись личными неудовольствіями между государями этихъ двухъ странъ, они принимали все болѣе и болѣе острый характеръ и, очевидно, послужили исходною точкою для такихъ важныхъ событій и явленій какъ Крымская война, гегемонія Пруссіи, восточная война и наше настоящее политическое одиночество.

До Іюльскихъ событій 1830 г. Россія и Франція были соединяемы союзомъ, обѣщавшимъ сдѣлаться все болѣе и болѣе тѣснымъ. Союзъ этотъ, по словамъ Гизо, поддерживался самою крѣпкою связью, которая только можетъ существовать между двумя государствами: онъ былъ основанъ на существованіи общихъ враговъ и полнаго отсутствія всякихъ поводовъ къ столкновенію и соперничеству; и поэтому онъ оставался непоколебимъ, не смотря на всѣ усилія Австріи разрушить его. Если Меттерниху и удалось возбудить въ императорѣ Александрѣ I подозрительность относительно устойчивости и крѣпости Французскаго правительства, увѣряя, что Франція, увлекаемая постоянно революціонными движеніями, не въ состояніи, въ случаѣ необходимости, служить прочною опорою для Русской политики: то подобныя предостереженія, слишкомъ часто расточаемыя, теряли свою силу и не въ состояніи были значительно ослабить этотъ союзъ. Менѣе подозрительный и, главное, менѣе своего предшественника связанный основными принципами Священнаго Союза, императоръ Николай имѣлъ случай во время Турецкой войны увѣриться въ дружбѣ Франціи и испытать вліяніе послѣдней на Турцію. Іюльскій переворотъ совершенно разстроилъ эти дружескія отношенія между Россіей и Франціей. Съ одной стороны возникли вслѣдъ за нимъ вопросы Польскій и Бельгійскій; съ другой — послужилъ онъ началомъ сближенія Франціи съ Англіей, что̀ не могло не противорѣчить видамъ политики Русскаго кабинета. Сверхъ того, самый фактъ Іюльской революціи какъ бы представлялъ собою видимый протестъ противъ тѣхъ союзовъ и договоровъ, которые были основаны на началахъ Священнаго Союза, началахъ, которыя послужили къ увеличенію вліянія Россіи и доставили ея монарху нѣчто подобное Европейской диктатурѣ. Всѣ эти обстоятельства не могли не возстановить Русскаго государя противъ

того порядка вещей, который появился во Франціи со вступленіемъ на престолъ Людовика Филиппа *).

Вліяніе Николая тяготѣло надъ политикой Меттерниха. Онъ пользовался боязливою заботою канцлера о сохраненіи союза сѣверныхъ державъ для осуществленія собственныхъ своихъ видовъ и удовлетворенія личныхъ страстей. Едва ли какой либо другой государь, унаслѣдовавъ такую огромную власть, какъ внутри своего государства, такъ и внѣ онаго, сдѣлалъ во все свое царствованіе такое посредственное изъ нея употребленіе. Русскій императоръ не былъ ни великимъ воиномъ, ни великимъ политикомъ, ни даже великимъ честолюбцемъ; не стремясь къ распространенію своего государства, онъ въ тоже время почти ничего не сдѣлалъ ни для благоденствія и цивилизаціи своихъ подданныхъ, ни для того, чтобъ снискать имъ уваженіе другихъ народовъ. Не смотря на это, его царствованіе отличалось энергіею во внутреннихъ и блескомъ во внѣшнихъ дѣлахъ. Въ его особѣ соединялся врожденный инстинктъ власти, обаянію котораго много способствовала и его мужественная красота и отдаленность и обширность его владѣній, населенныхъ многочисленными подданными, отличающимися своей преданностію и молчаливою покорностію. Въ двухъ или трехъ случаяхъ, гдѣ ему угрожала личная опасность, императоръ заявилъ большое присутствіе духа, мужество и рѣшительное нравственное вліяніе; но онъ гораздо чаще избѣгалъ, чѣмъ искалъ, случаевъ проявлять свой нравственный характеръ; и, какъ бы опасаясь компрометировать свою особу, онъ вообще старался держать себя въ сторонѣ. Это былъ самодержецъ характера желѣзнаго и гордаго, но въ тоже время весьма осторожный, предпочитавшій, при исполненіи своей роли, театральные эфекты драматическимъ усложненіямъ. Судьба чудеснымъ образомъ благопріятствовала ему; при вступленіи на престолъ онъ нашелъ Россію возвеличенною, а Европу спокойною и утомленною. Николай воспользовался блистательными успѣхами своего брата, императора Александра, какъ относительно славы, такъ и безопасности своей имперіи; его не тревожили своей требовательностію, ни его подданные, ни его союзники. Внутри государства всѣ его реформы ограничились искренними усиліями придать администраціи болѣе нравственный характеръ, для поддержанія же своего внѣшняго вліянія достаточно было ему выказать высокомѣрную неподвижность. На Западѣ не оказалось для него никакого дѣла; на Востокѣ первые удачные удары, нанесенные имъ Турціи, не влекли за собою большой отвѣтственности. Вотъ

*) Предпославъ эту краткую характеристику отношеній между Россіей и Франціей до Іюльской революціи, переходимъ къ разсказу автора Записокъ.

при такихъ-то счастливыхъ обстоятельствахъ Іюльская революція не могла не оскорбить гордое чувство самодержца, нарушивъ его покой и какъ бы ставъ поперекъ его будущихъ политическихъ видовъ. Не выражая прямо своей непріязни къ ней, онъ воспылалъ страшною ненавистью къ этому событію.

Чтобы дать выраженіе своему чувству непріязни, не вредя политическимъ сношеніямъ, императоръ Николай любилъ при всякомъ случаѣ выставлять на видъ различіе, которое онъ дѣлаетъ между Франціей и ея королемъ: лаская Французскую націю, до и послѣ событія 1830 г., онъ въ тоже время относился враждебно къ новой династіи. Это былъ образъ дѣйствія, обнаруживавшій довольно странную непослѣдовательность въ представителѣ неограниченной монархіи, гдѣ обыкновенно стараются не нарушать тѣсной связи, существующей между народомъ и ея государемъ, почитаемымъ представителемъ и какъ-бы воплощеніемъ ему подвластныхъ милліоновъ. Несмотря на свое строгое отношеніе къ принципамъ, императоръ забывалъ этотъ жизненный принципъ собственнаго правленія.

Впрочемъ, упорство императора въ этомъ пунктѣ было въ большей части случаевъ лишь кажущимся; оно исчезало тамъ, гдѣ отъ него могли послѣдовать неудобства. У императора, начиная съ 1830 г., вошло въ обычай, когда онъ принималъ Французскаго посла, осыпать его лично любезностями и, разсуждая о дѣлахъ, никогда, ни словомъ не упоминать о самомъ королѣ. Въ 1833 г. глава кабинета герцогъ де-Брольи, назначая на постъ посла въ Петербургъ маршала Мезона, предписалъ ему не подчинять себя подобному положенію и руководствоваться слѣд. инструкціей [1]: «Господинъ маршалъ! Вы назначаетесь представителемъ королевскаго правительства при дворѣ, отношенія котораго къ намъ подверглись наибольшей перемѣнѣ.... Непріязненныя чувства, возбужденныя Іюльской революціей въ императорѣ Николаѣ, были не разъ очень близки отъ взрыва, которому помѣшала только осторожная политика Пруссіи и Австріи. Но необходимость сдерживать себя придавала чувствамъ сѣвернаго монарха еще болѣе горечи, еще болѣе растравляла ихъ. Извѣстны неоднократныя выходки С.-Петербургскаго двора, которыя обнаруживаютъ желаніе унизить наше правительство. Положеніе Французскаго посольства въ Россіи тѣмъ болѣе щекотливо, что въ этой странѣ образъ мыслей и поведенія высшихъ классовъ во всемъ согласуется съ воззрѣніями и поведеніемъ двора. Не буду припоминать вамъ тѣхъ испытаній, которымъ подвергался вашъ предмѣстникъ. Вамъ извѣстна та странная и ухищ-

[1]) Исключаемъ нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія мѣста и все то̀, что не касается личныхъ отношеній императора къ Французскому двору.

ренная тактика, которой слѣдовалъ императоръ въ своихъ сношеніяхъ съ герцогомъ Тревизскимъ [1]): осыпая его лестными знаками вниманія и уваженія, какъ лице съ необыкновенной военной репутаціей, онъ въ тоже время относился къ нему съ холодностію, какъ къ послу короля Французовъ. Имѣемъ полное основаніе надѣяться, что вамъ, господинъ маршалъ, не будетъ угрожать подобный пріемъ. Вѣрнымъ залогомъ того служатъ многократныя ничѣмъ невызванныя заявленія Русскаго правительства объ удовольствіи и нетерпѣніи, съ которыми оно ждетъ вашего прибытія. Въ этихъ частыхъ увѣреніяхъ невозможно не видѣть нѣкоторые признаки раскаянія въ поступкахъ, неприличіе которыхъ было наконецъ сознано. Но если наши ожиданія не оправдаются, и императоръ Николай будетъ съ вами точно также обходиться какъ съ герцогомъ Тревизскимъ, то этимъ самымъ укажетъ онъ вамъ путь, которому вамъ надлежитъ слѣдовать. Въ послѣднемъ случаѣ, прекративъ непосредственныя сношенія съ императоромъ, несогласныя съ достоинствомъ Франціи и вашимъ собственнымъ, вы ограничитесь дѣловыми сношеніями съ вице-канцлеромъ и станете ожидать дальнѣйшихъ приказаній короля.

Если же, сверхъ ожиданія, вамъ случится, вслѣдствіе какого нибудь новаго обстоятельства, испытать на себѣ со стороны императора нѣчто болѣе чѣмъ холодность и замкнутость; если, что̀ трудно допустить, вамъ придется услышать рѣчи, которыя королевское правительство по справедливости можетъ почесть оскорбительными для себя: тогда вы, само собою разумѣется, не ожидая приказаній, имѣете потребовать ваши паспорты, поручивъ дѣла посольства повѣренному въ дѣлахъ. Но повторяю, я не полагаю, чтобы въ дѣйствительности такой случай могъ представиться.... Не скрывая отъ себя выгодъ тѣснаго сближенія съ Россіей въ будущемъ, мы хорошо понимали, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, не только не представляется возможности возстановить прежній союзъ, но было бы пагубнымъ ослѣпленіемъ заявлять наши желанія о томъ и направлять наши политическія комбинаціи къ этой цѣли. Непреодолимыя обстоятельства препятствуютъ таковому сближенію, да и желать его представляется совершенно безцѣльнымъ, тѣмъ болѣе что виды двухъ кабинетовъ совершенно расходятся между собою. Тѣмъ не менѣе въ теченіи времени могутъ возникнуть вопросы, относительно которыхъ, ради обоюдной пользы, необходимо будетъ условиться и согласиться; и потому безъ всякаго съ нашей стороны заискиванья, которымъ, можетъ быть, стали бы тамъ похваляться,

[1]) Маршалъ Мортье, впослѣдствіи глава кабинета 1834—35 г.; смертельно раненъ адскою машиною Фіески въ 1875 г. А. Ч.

необходимо намъ стараться, если и не о совершенномъ примиреніи, то, по крайней мѣрѣ, о подготовленіи необходимой для сего почвы. Однимъ словомъ, будемъ стремиться стать съ Россіей почти на ту же ногу, на которой мы находимся съ Пруссіей и Австріей.

Дополнивъ эту довольно категорическую инструкцію еще болѣе подробными устными наставленіями, герцогъ де Брольи пригласилъ къ себѣ графа Поцо-де-Борго [1]) и поставилъ ему на видъ, что если императоръ по прежнему будетъ уклоняться отъ произношенія имени короля, то ему посланнику дано приказаніе, пользуясь любымъ претекстомъ, и чѣмъ этотъ претекстъ будетъ прозрачнѣе, тѣмъ лучше, оставить Петербургъ въ продолженіи одной недѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было маршалу сообщить объ этомъ приказаніи также Русскому послу, который и довелъ это до свѣдѣнія Русскаго двора. При первой аудіенціи, данной послу, императоръ Николай, не желая своей оскорбительной политикой дать поводъ къ ссорѣ, поспѣшилъ на встрѣчу посла, взялъ его за руку и спросилъ о здоровьи короля. По крайней мѣрѣ вопросъ о приличіяхъ теперь былъ улаженъ.

Года три спустя послѣ того, при одномъ обстоятельствѣ совершенно интимнаго свойства, личное отношеніе императора къ Людовику Филиппу и его семейству высказались въ поступкѣ, соединявшемъ въ себѣ расчитанную скрытность (réticence)... и страстное увлеченіе частнаго лица, внесенное въ политику монарха. Въ концѣ лѣта 1835 года г. де Барантъ оставилъ свой постъ при Сардинскомъ королѣ, чтобы занять постъ посла въ Петербургѣ. Въ эту эпоху между двумя правительствами не происходило никакихъ особыхъ негоціацій, и всѣ инструкціи, данныя послу, ограничивались почти однимъ вопросомъ, какъ ему себя держать и въ какомъ тонѣ говорить. Около этого времени Французскій дворъ былъ занятъ планами о бракѣ наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго; почему г. де Барантъ, передъ отправленіемъ на свой постъ, и просилъ герцога де Брольи снабдить его наставленіемъ на тотъ случай, если рѣчь коснется возможности брака герцога Орлеанскаго съ одною изъ великихъ княженъ. «Я знаю, говорилъ посолъ, что Русскій императоръ въ настоящую минуту весьма мало расположенъ къ королю; но Русская политика подвержена внезапнымъ уклоненіямъ, что̀ отчасти зависитъ и отъ характера самого императора: какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ? Герцогъ де Брольи отвѣчалъ: «король смотритъ на вопросъ о бракѣ своихъ дѣтей, какъ на вопросъ чуждый интересамъ его политики [2]); узнайте отъ него лично о его намѣреніяхъ». Король объявилъ де Баранту, что онъ для своего сына не желаетъ

[1]) Русскій посланникъ въ Парижѣ.

Русскаго брачнаго союза, что онъ лично не сочувствуетъ такому союзу, и сверхъ того въ настоящій моментъ занятъ перспективою брака своего сына съ одной изъ Австрійскихъ эрцгерцогинь. Г. де Барантъ обусловилъ свое будущее поведеніе при Русскомъ дворѣ этимъ рѣшительнымъ заявленіемъ короля.

Спустя нѣсколько дней, г. де Барантъ, накапунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, получилъ отъ министра приказаніе на пути туда остановиться въ Берлинѣ и сообща съ г. Брессономъ [3]) постараться узнать, какой пріемъ могутъ ожидать герцоги Орлеанскій и Немурскій, въ случаѣ, если они вздумаютъ посѣтить Берлинъ. Переговоры объ этомъ предметѣ не должны были носить офиціальный характеръ, происходить устно, и по окончаніи ихъ слѣдовало для сообщенія о результатѣ ихъ взять г-ну Брессону отпускъ и пріѣхать въ Парижъ. Прусскій король увѣрялъ, что Французскіе принцы встрѣтятъ въ Берлинѣ всевозможную предупредительность и что самъ онъ постарается оказать имъ вполнѣ родственный пріемъ. Такъ какъ при существованіи интимныхъ отношеній между Пруссіей и Австріей одинъ дворъ въ подобныхъ обстоятельствахъ ничего не дѣлалъ, не снесшись съ другимъ, то въ Парижѣ не сомнѣвались, чтъ въ Вѣнѣ принцевъ также ожидаетъ не менѣе благосклонный пріемъ. Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя путешествіе принцевъ можно было назвать вполнѣ удавшимся, то въ Петербургѣ были очень заняты вопросомъ, не пожалуютъ-ли они также въ Россію; затѣмъ очень удивлялись, что они не ѣдутъ; «а ихъ посѣщенію, сказалъ императоръ, были бы очень рады». Эти слова были переданы де Баранту, но самъ императоръ не выказалъ ни малѣйшихъ знаковъ неудовольствія по сему поводу; напротивъ, онъ сверхъ своего обыкновенія, въ продолженіе всего этого времени, выражался о Франціи и ея правительствѣ въ тонѣ самомъ доброжелательномъ, хотя съ другой стороны онъ относительно этого предмета никогда ни однимъ словомъ не позволялъ себѣ что либо порицать или критиковать. Напротивъ, прежняя холодность, хотя и непосредственно, повидимому, вскорѣ послѣ того, должна была уступить мѣсто совершенно противоположному чувству. Одна изъ статсъ-дамъ, искренній другъ императрицы, баронесса Ф. намекнула однажды г-жѣ де Барантъ, къ которой она была дружески расположена, о возможности брачнаго союза между герцогомъ Орлеанскимъ и В. К. Маріей Николаевной. Г. де Барантъ не придалъ этимъ намекамъ никакого значенія и не только не искалъ, но даже

---

[2]) Бракъ 5-го сына герцога Монпансье на Испанской принцессѣ свидѣтельствуетъ, что Людовикъ Филиппъ не всегда руководствовался такой политикой.

[3]) Французскій посланникъ при Прусскомъ дворѣ.

избѣгалъ случая касаться этого предмета, тѣмъ болѣе, что ему были извѣстны намѣренія короля, и онъ былъ увѣренъ, что и самъ императоръ не можетъ серьозно помышлять объ этомъ бракѣ. Посолъ даже не счелъ за нужное удостовѣриться въ томъ, былъ ли разговоръ о бракѣ только простою женскою болтовнею, или же г-жа Ф. имѣла порученіе посондировать почву. Однакожъ, вскорѣ послѣ того, великая княжна сама довольно часто стала наводить разговоръ на персону герцога Орлеанскаго, распрашивала о его характерѣ, умѣ, наружности и даже выразила желаніе видѣть его портретъ. На одномъ балѣ, гдѣ г. де Барантъ, во время вечерняго стола, сидѣлъ близь императрицы и великой княжны, разговоръ коснулся герцога Орлеанскаго, и объ его особѣ распрашивали посла съ большою благосклонностію и любопытствомъ. Вскорѣ затѣмъ былъ балъ у самого посла, который удостоили своимъ посѣщеніемъ императоръ и императрица. Г. де Барантъ испросилъ позволеніе пригласить на балъ также В. К. Марію Николаевну; приглашеніе было принято, но она не могла явиться, и самъ императоръ принялъ на себя обязанность извинить ее передъ хозяиномъ, при чемъ онъ даже вдался въ нѣкоторыя подробности о причинахъ ея нездоровья. Черезъ нѣсколько дней, на придворномъ балѣ, великая княжна выразила г-ну де Баранту свою горесть, что не могла у него быть на балѣ, сказавъ: «я плакала объ этой неудачѣ и гуляла передъ вашими окнами».

Такіе нерѣшительные и непослѣдовательные шаги не могли конечно убѣдить г. де Баранта въ желаніи императора отдать свою дочь за герцога Орлеанскаго, и потому онъ не переставалъ наблюдать осторожность, предписанную ему относительно этого предмета наставленіями Людовика Филиппа. Вскорѣ послѣ того стали поговаривать о бракѣ герцога Орлеанскаго съ принцессой Еленой Мекленбургъ-Стрелицкой, и до свѣдѣнія посла дошло, что императоръ Николай отзывался объ этомъ планѣ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ; даже разсказывали, что онъ намѣренъ употребить все свое вліяніе для его разстройства и въ этихъ видахъ воспользуется своей обычною корреспонденціей съ кронпринцомъ Карломъ М. Стрелицкимъ, который находился на Прусской службѣ и пользовался нѣкоторымъ кредитомъ при Прусскомъ дворѣ. Но когда въ Петербургѣ узнали, что Прусскій дворъ не намѣренъ отказываться отъ брачнаго плана, задуманнаго по его иниціативѣ, то будто-бы императора это страшно раздражило (étrange colère), и онъ публично сдѣлалъ сцену барону Бодену, Мекл. Шверинскому посланнику въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребилъ весьма нелестныя выраженія относительно участія въ этомъ дѣлѣ короля Прусскаго. На одномъ бывшемъ около этого времени балѣ, гдѣ также присутствовалъ

императоръ, онъ во весь вечеръ не удостоилъ Французскаго посла ни однимъ словомъ, что̀ тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что съ посланниками Австрійскимъ и Англійскимъ его величество велъ свою обыкновенную бесѣду. Впрочемъ припадокъ дурнаго расположенія духа продолжался не долго и не имѣлъ никакого вліянія на оффиціальныя сношенія посла съ графомъ Нессельроде; послѣдній вообще старался какъ можно далѣе держать себя отъ вспышекъ своего повелителя. Вскорѣ перестали совсѣмъ говорить о бракѣ герцога Орлеанскаго.

Въ 1838 г., когда г. де Барантъ былъ въ отпуску, въ Парижѣ, герцогъ Орлеанскій, уже женатый и вполнѣ счастливый, просилъ разсказать ему подробно о всей этой исторіи, и что̀ вообще говорено было въ Петербургѣ касательно его брака. Узнавъ обо всѣхъ подробностяхъ, герцогъ нашелъ, что посолъ имѣлъ полное основаніе не довѣрять намѣренію императора выдать за него свою дочь. При этомъ разговорѣ обнаружилось, что мысль о бракѣ съ великой княжной была пущена въ ходъ въ одно и тоже время какъ въ Петербургѣ, такъ и Парижѣ и что одно лицо, съ которымъ герцогъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ, повторяло ему слова сказанныя г-жею Ф. г-жѣ де Барантъ и склоняло его отказаться отъ другихъ плановъ. Но принцъ, также какъ и посолъ, не особенно вѣрилъ этимъ рѣчамъ [1],—и оба они были правы: императоръ никогда не допустилъ бы и мысли о бракѣ, столь мало соотвѣтствующемъ его личнымъ вкусамъ. Совсѣмъ другое дѣло, еслибы великая княжна имѣла случай познакомиться съ герцогомъ Орлеанскимъ, если-бы онъ ей понравился и она сама страстно пожелала этого союза: въ такомъ случаѣ императоръ, можетъ быть, и не сталъ бы перечить желаніямъ своей дочери; ибо грозный властелинъ въ своемъ семействѣ былъ нѣжнымъ отцомъ, и въ дѣлахъ, касающихся брачныхъ союзовъ своихъ дѣтей, считалъ своимъ долгомъ всегда принимать въ соображеніе ихъ личныя наклонности. Но подобныхъ мотивовъ въ 1836 г. для императора не существовало, ибо если путешествіе Французскихъ принцевъ и могло нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ внушить мысль о бракѣ, то предшествовавшее поведеніе императора относительно короля Людовика Филиппа исключало всякую возможность сближенія между ними...

По взятіи Французами Антверпена и блистательнаго разрѣшенія ими Бельгійскаго вопроса, нерасположеніе трехъ сѣверныхъ кабинетовъ къ Франціи еще болѣе возрасло, но они должны были себя сдерживать. Теперь имъ пришлось въ свою очередь согласиться

[1]) Мы Русскіе должны быть весьма довольны тѣмъ, что этотъ брачный союзъ не состоялся. Послѣдовавшая катастрофа съ Орлеанской фамиліей и настоящее незавидное положеніе претендента, графа Парижскаго, могли бы увлечь Русскую политику на ложные пути.

на важныя и горькія уступки, не только въ политикѣ, но и въ дѣлахъ, касавшихся ихъ семейныхъ связей: предоставленный своей судьбѣ король Голландскій приходился королю Прусскому зятемъ, а сестрѣ императора Николая—свекромъ. Послѣдній даже былъ вынужденъ послать въ Гагу графа Орлова, чтобы объявить королю Вильгельму о необходимости согласиться на уступки въ виду желаній всей Европы. Подобныя жертвы, даже если онѣ были искреннія, всегда оставляютъ жестокую боль въ сердцахъ даже самыхъ холодныхъ политиковъ».

Перевелъ и сообщилъ А. Ч.

Приключеніе съ В. К. Кюхельбеккеромъ.

Заимствуемъ изъ Московскихъ Вѣдомостей за 1825 г. (№ 4 стр. 124—125) слѣдующее объявленіе: «7 числа сего мѣсяца въ 11 часу явился ко мнѣ, на мою квартиру въ домѣ Ив. Михайловича Левашова въ Кудринѣ, въ приходѣ Покрова, человѣкъ Петра Васильевича Григорьева и вручилъ мнѣ слѣдующее письмо.

Милостивый государь Вильгельмъ Карловичъ!

Вашъ покойный батюшка былъ мнѣ благодѣтель. Я оставался ему должнымъ тысячу рублей долгое время: обстоятельства лишили меня возможности заплатить сей долгъ; теперь же препровождаю къ вамъ сію тысячу рублей и покорнѣйше прошу принять васъ увѣренія въ истинномъ почтеніи, съ коими честь имѣю быть вашъ, милостивый государь, всепокорнѣйшій слуга, Петръ Григорьевъ.

Москва, Января 2 дня 1825 года.

Приложенныхъ при ономъ письмѣ денегъ я сначала принять не хотѣлъ, ибо не имѣю чести знать приславшаго ихъ и въ своемъ семействѣ никогда не слыхивалъ его имени; но по увѣренію слуги, что г. Григорьевъ живетъ въ домѣ Огарева на Шаболовкѣ въ приходѣ Троицы, и что его каждое утро до девяти часовъ дома застать можно, взялъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ на другой день по этому дѣлу объясниться съ приславшимъ и поблагодарить его лично за благородный поступокъ. 8 числа я объѣздилъ съ г. квартальнымъ надзирателемъ 4 кварт. Серпуховской части, Шаболовку, Калужскую улицу и окрестности Донскаго монастыря; но ни въ приходѣ Троицы, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ П. В. Григорьева найти не могъ. По сему считаю обязанностію объявить, что покорно благодарю г. Григорьева за его честный и благородный поступокъ, но вмѣстѣ прошу, естьли хочетъ, чтобъ присланныя имъ деньги я считалъ точно моими, извѣстить меня о своемъ настоящемъ мѣстопребываніи и объясниться со мною. Коллежскій ассесоръ Вильгельмъ Карловъ сынъ Кюхельбекеръ».

Сообщилъ Нилъ Поповъ.

Изъ студенческихъ воспоминаній К. А. Леонтьева.

Когда я былъ студентомъ перваго курса, я уже много слышалъ объ Иноземцовѣ, но ни разу еще не видалъ его.

Объ немъ отзывались прекрасно; почти всѣ говорили, что онъ человѣкъ симпатичный и благородный. Иные, впрочемъ, сравнивая его. съ Оверомъ, утверждали, что Оверъ врачъ ума болѣе практическаго, а Иноземцовъ—теоретикъ и увлекается системами. Я помню споръ двухъ Московскихъ дамъ: одна была за Овера, другая за Иноземцова. «Нѣтъ, мой другъ, воскрикнула, наконецъ, защитница Овера (какъ врача); еслибы отъ меня зависѣлъ выборъ, я бы любила Иноземцова, а лечилась бы у Овера... Өедора Ивановича можно обожать; но онъ все бы меня «питалъ млекомъ»,—а я этому не вѣрю.

Вообще дамы Московскія находили обоихъ знаменитыхъ врачей очень привлекательными; оба они у женщинъ пользовались успѣхомъ. Одна молодая Московская генеральша, А. П. К—ва, выражалась о наружности Өедора Ивановича очень своеобразно; она говорила: Il a l'air d'un singe couronné d'un diadême («обезьяна увѣнчанная короною»).

Это могло казаться очень страннымъ, и я не понималъ впечатлѣнія этой молодой женщины до тѣхъ поръ, пока самъ не увидалъ Иноземцова.

Въ этомъ странномъ опредѣленіи, или въ этомъ фантастическомъ образѣ «коронованной обезьяны» была какая-то художественная истина, которую я оцѣнилъ съ перваго взгляда на Иноземцова.

Иноземцовъ, пожалуй, былъ скорѣе дуренъ собой, чѣмъ хорошъ, но его относительная некрасивость была лучше иной «писанной» красоты.

Онъ былъ очень смуглъ; волоса у него были черные, очень густые и всегда коротко, подъ гребенку остриженные. Лицо его было совершенно особенное, оригинальное. Оно было длинно, узко, смугло, какъ я сказалъ; носъ длиненъ, но неправиленъ и не совсѣмъ прямъ. Глаза у него были очень темные, немного томные, какъ будто задумчивые и даже печальные; но въ нихъ свѣтилась чрезвычайная доброта. Усы онъ брилъ, но носилъ небольшіе бакенбарды

вокругъ всего лица. Я видалъ его почти всегда въ синемъ вицъмундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, и всегда почти застегнутымъ до верху.

Росту Иноземцовъ былъ довольно высокаго, и до поздняго возраста прямъ, строенъ и ловокъ въ движеніяхъ.

Это лицо, темное, неправильное, задумчивое; эти короткіе черные волоса, которые немного сами приподнимались стоймя надъ лбомъ,—было во всемъ этомъ что-то и крайне милое и, пожалуй, пріятно некрасивое и мыслящее, и полное тихаго достоинства...*)

«Пріятно-некрасивое и полное тихаго достоинства»—вотъ что, вѣроятно, заставило молодую и остроумную почитательницу Иноземцова выразиться такъ странно: «обезьяна, увѣнчанная діадемой»... Діадема его славы, быть можетъ, его таланта... Не знаю какъ объяснить, но мнѣ очень нравится этотъ женскій отзывъ.

Съ другой стороны, признаюсь, я, пожалуй, согласенъ съ тѣми людьми, которые говорили, что Иноземцовъ, какъ врачъ,—ѳеоретикъ и увлекается идеями, или системами, а Оверъ идетъ всегда прямѣе къ практической цѣли леченія. Я думаю, что дама, которая сказала «любить Иноземцова, лечиться у Овера», была тоже отчасти права.

По моему, Оверъ былъ очень непріятенъ, чтобы не сказать болѣе. Красота его была даже, я нахожу, нѣсколько противная—Французская, холодная, сухая, непривлекательная красота. Александръ Ивановичъ Оверъ недавно былъ описанъ г. Маркевичемъ, въ его прекрасномъ романѣ «Четверть вѣка назадъ», гдѣ онъ пріѣзжаетъ въ подмосковное имѣніе князей Шастуновыхъ, чтобы опредѣлить болѣзнь идеальной княжны Офеліи и спасти ее, если возможно.

По моему мнѣнію, Оверъ производитъ въ романѣ не совсѣмъ то впечатлѣніе, которое онъ производилъ въ дѣйствительности. Мнѣ бы хотѣлось изобразить его яснѣе.

Вотъ какой былъ видъ у Овера. Росту онъ былъ хорошаго, плечистъ и складенъ; точно также какъ и Иноземцовъ, онъ былъ брюнетъ. Черты его были очень правильны, носъ съ умѣренной и красивой горбинкой, лобъ очень открытый, высокій и выразительный. Но надъ этимъ прекраснымъ, возвышеннымъ челомъ былъ довольно противный, рѣзко замѣтный, парикъ (парикъ, особенно на человѣкѣ пожиломъ, всегда нѣсколько противная претензія). Говорятъ, будто бы изъ скупости онъ имѣлъ даже два парика,—одинъ будничный, а другой для праздниковъ, разнаго цвѣта: я его видѣлъ только по буднямъ, и потому не знаю, правда-ли это... Цвѣтъ лица у Овера былъ также, какъ и у Иноземцова, смугловатый; но у Ѳедора Ива-

*) По происхожденію своему Ѳ. И. Иноземцевъ былъ Персіянинъ. См. Р. Архивъ 1872, стр. 1457. П. Б.

новича было нѣчто «теплое», пріятное въ этомъ цвѣтѣ, а правильное лицо Овера какъ-то все лоснилось и блестѣло, какъ желтая мѣдь. Живые, выпуклые, совершенно Французскіе глаза его не имѣли въ себѣ ни малѣйшей симпатичности; они сверкали сухой энергіей и больше ничего.

Онъ пріѣзжалъ въ нашу приготовительную клинику всегда въ одномъ и томъ же, неформенномъ, коричневомъ фракѣ и высокомъ галстукѣ. Проходилъ быстро въ свой кабинетъ и читалъ намъ лекціи очень рѣдко.

Часто вслѣдъ за нимъ спѣшилъ другой врачъ—помоложе, низенькій, непріятно полный, бѣлый, съ бакенбардами и уже давно плѣшивый, нерѣдко въ какой-то клѣтчатой жакеткѣ, наружности весьма буржуазной и пошлой. Говорятъ, это былъ его побочный сынъ; я не помню, какъ его фамилія, и онъ ничего для насъ, студентовъ, не значилъ, и я обращалъ на него такъ мало вниманія, что даже не помню, какъ его звали.

Крикливый, бранчивый, звонкій голосъ А. И. Овера, его нѣсколько наглыя манеры, его равнодушіе къ студентамъ, его обращеніе съ ближайшими подчиненными нерѣдко очень грубое,—все это было такимъ контрастомъ съ милой мрачностью и пріятнымъ органомъ Иноземцова, съ его любовью и добротою къ ученикамъ, съ его мягкой и серьезной порядочностью!

Оверъ въ своемъ модномъ коричневомъ фракѣ и при всей великосвѣтскости своей, былъ все-таки менѣе джентельменъ, менѣе «distingué», чѣмъ Иноземцовъ въ своемъ чиновничьемъ, до верху застегнутомъ синемъ вицъ-мундирѣ.

Оверъ былъ похожъ на храбраго, распорядительнаго и злаго зуавскаго полковника, на крикливаго и смѣлаго Француза-parvenu. Иноземцовъ казался или добрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическимъ Русскимъ бариномъ, съ удачной примѣсью Азіатской крови и Азіатской серьезности, или даже какимъ-то великодушнымъ, задумчивымъ и благороднымъ поэтомъ съ береговъ Инда или Евфрата, поступившимъ, по обстоятельствамъ, на коронную службу къ Бѣлому Царю.

Я надѣюсь, что всякій человѣкъ со вкусомъ и понятіемъ, если бы онъ былъ даже самъ Парижанинъ, согласится, что послѣднее лучше... «C'est de meilleur goût...» Это изящнѣе.

Нравственныя свойства, какъ я уже и говорилъ, этихъ двухъ профессоровъ соотвѣтствовали ихъ наружности.

Въ молодыхъ моихъ годахъ, я ко внѣшности человѣческой присматривался очень внимательно. Я былъ очень занятъ тогда краніоскопіей, френологіей, физіогномикой, и т. п. Я внимательно читалъ книгу глубокомысленнаго Каруса: «Символика человѣческаго об-

раза», изучалъ мнѣнія Галля и Шпурцгейма; былъ безъ ума отъ большой и толстой, съ хорошими гравюрами, книги Іенскаго проф. Гучке: «Мозгъ, черепъ и душа». Позднѣе я выписывалъ даже изъ Германіи нарочно книги и брошюры Энгеля о развитіи костей черепа и лица, большое и прекрасное сочиненіе «О лицевомъ углѣ» Вирхова (того самаго либерала Вирхова, который не хотѣлъ стрѣляться съ Бисмаркомъ и который такъ скученъ своими частными бесѣдами «о закупкѣ женою на зиму картофеля»)... Изучая всѣ эти книги, я мечталъ тогда найти въ «физіогномикѣ» или въ какой-то «физіологической психологіи» исходную точку для великаго обновленія человѣчества, для лучшаго и болѣе сообразнаго съ «натурою» людей распредѣленія занятій и труда. Впослѣдствіи я отказался и отъ мечтательныхъ надеждъ моихъ, и отъ самаго этого рода чтенія; но обращать большое вниманіе на лицо человѣка, на его пріемы, на форму его головы, на его рѣчь и голосъ, т. е. на внѣшность,— это осталось у меня въ привычкѣ и до того вкоренилось во мнѣ, что я до сихъ поръ могу невольно больше любить врага, который мнѣ общимъ видомъ своимъ пріятенъ, чѣмъ доброжелателя, котораго наружность мнѣ почему либо не по вкусу.

Оверъ просто мнѣ не нравился; лично я не могъ противъ него ничего имѣть. У меня не было вовсе никакихъ съ нимъ личныхъ дѣлъ и сношеній. Онъ совсѣмъ не зналъ меня, какъ не зналъ и большую часть студентовъ, которыхъ онъ изрѣдка только удостоивалъ чести прослушать его краснорѣчивую лекцію, на плохо имъ понятномъ Латинскомъ языкѣ. Оверъ, говорю я, меня не зналъ; я его тоже, можно сказать, «игнорировалъ». Для меня, какъ вѣроятно и для всѣхъ моихъ товарищей, несравненно большее значеніе имѣлъ его помощникъ Млодзѣевскій, и какъ наставникъ, и какъ экзаменаторъ. Онъ читалъ намъ въ приготовительной клиникѣ семіотику, т. е. науку о признакахъ болѣзней и объ ихъ распознаваніи, и потомъ показывалъ намъ тѣже самыя явленія и признаки на дѣйствительныхъ больныхъ, лечившихся въ клиникѣ подъ его руководствомъ. Онъ училъ насъ самому нужному въ жизни, практическому врачебному эмпиризму; пріучалъ насъ подступать къ больному; училъ сразу и діагностикѣ, и частной терапіи (лѣченію)... Млодзѣевскій казался мнѣ очень почтеннымъ человѣкомъ, и я нахожу, что въ малой клиникѣ онъ былъ полезнѣе всѣхъ, полезнѣе даже самого Иноземцова.

Онъ говорилъ все такія ясныя, ощутительныя вещи; у постели больныхъ онъ обращалъ наше вниманіе на такія частности, которыя разъ на всегда оставались въ памяти.

У меня до сихъ поръ хранится маленькая переплетенная тетрадка, въ которую я записывалъ одно время то, что̀ онъ намъ говорилъ о

признакахъ: «о рвотѣ, пульсѣ, эвакуаціяхъ, о сердцебіеніи, о боли, жарѣ и ознобѣ, о кашлѣ и бредѣ». Просто, и такъ хорошо! Мнѣ кажется, что если бы собрать отъ разныхъ студентовъ все то, что̀ Млодзѣевскій говорилъ, хотя бы, положимъ, за пять лѣтъ, и составить изъ этого маленькую книжку, то право можно бы приготовить по ней очень хорошаго фельдшера, или очень полезнаго деревенскаго эмпирика. Но я хочу сказать два слова о томъ «личномъ впечатлѣніи», которое оставилъ во мнѣ этотъ столь полезный профессоръ, Я по отношенію къ нему буду придерживаться того почти физіологическаго рода изображенія, которое меня такъ сильно занимало именно въ то время, когда я слушалъ лекціи всѣхъ этихъ извѣстныхъ въ Москвѣ людей. Слушая иногда очень внимательно (а иногда и нѣтъ) ихъ клиническія рѣчи, я какъ-то успѣвалъ въ тоже время думать и о своемъ; поучаясь у нихъ, внимая ихъ словамъ, я слѣдилъ за ихъ тѣлодвиженіями, наблюдалъ ихъ походку, взгляды глазъ, интонацію голоса, изучалъ ихъ лица и присматривался къ формѣ ихъ череповъ.

Френологи прежніе увѣряли, что у людей осторожныхъ, съ боковъ, повыше ушей, голова всегда широка: этотъ органъ, эта шишка у нихъ называется «осмотрительностью». Кажется, это соотвѣтствуетъ самому выпуклому мѣсту oss. parietalium. Млодзѣевскій подтверждалъ собою это мнѣніе френологовъ. Онъ казался очень осторожнымъ, сдержаннымъ, щепетильнымъ, аккуратнымъ человѣкомъ, и голова его была въ надлежащемъ мѣстѣ широка. Иноземцовъ, напротивъ того, казался человѣкомъ не слишкомъ осторожнымъ, быстрымъ, и голова его была узка (даже очень узка, какъ мнѣ помнится).

Млодзѣевскій былъ не только остороженъ и очень сдержанъ, но онъ производилъ на меня даже какое-то унылое впечатлѣніе. Изо всѣхъ четырехъ клиническихъ руководителей нашихъ (Оверъ, Млодзѣевскій, Иноземцовъ и помощникъ послѣдняго — Матюшенковъ), Млодзѣевскій былъ самый кабинетный изъ кабинетныхъ людей.

Медицинскія занятія, изученіе физіологіи и анатоміи, сами по себѣ уже располагаютъ мыслящаго молодаго человѣка любить здоровье, силу, красоту и досадовать нерѣдко очень сильно на печальныя физическія явленія столичной цивилизаціи. Въ одаренномъ воображеніемъ молодомъ врачѣ совмѣщаются два совершенно противоположныхъ научныхъ чувства. Ихъ можно назвать: одно—чувствомъ удовольствія клиническаго, прямой любознательности патолога, который, забывая въ данную минуту и состраданіе къ человѣку, и эстетическія требованія, и самую брезгливость,—веселится умственно разнообразіемъ болѣзней, любопытными и тонкими оттѣнками припадковъ, самымъ видомъ внутренностей какихъ-нибудь,

вынутыхъ изъ трупа и обезображенныхъ болѣзненнымъ процессомъ. Другое, если хотите, тоже своего рода научное чувство, или лучше назвать его естественно-эстетическимъ чувствомъ, поддержаннымъ и укрѣпленнымъ раціональнымъ идеаломъ науки. Представленіе здороваго, бодраго, сильнаго, красиваго и ловкаго человѣка вообще чрезвычайно пріятно воображенію физіолога... Я говорю, что эти два умственныя чувства очень любопытно совмѣщаются въ одномъ и томъ же молодомъ наблюдателѣ и одинаково могутъ занимать его.

Очень вѣрно подмѣчена подобная двойственность медицинскихъ чувствъ Эмилемъ Зола въ его романѣ «Проступокъ аббата Мурэ».

Докторъ, дядя молодаго аббата, видимо любитъ и уважаетъ своего идеальнаго и нервическаго племянника; онъ, какъ психіатръ, чрезвычайно интересуется, сверхъ того, его психическою болѣзнью, его непостижимою для матеріалиста «религіозною мономаніей»; онъ по своему заботится объ немъ, стараясь приблизить его къ природѣ, къ пантеистической любви, но восхищается онъ не имъ, а сестрою его, набитою молодою дурою, свѣжею и здоровою скотницею, и цѣлуя ее какъ дядя, говоритъ: «о, добрая скотина! какъ бы хорошо было, если бы люди были больше все такіе какъ ты!» (что-то въ этомъ родѣ)...

Млодзѣевскій, больше всѣхъ удовлетворявшій, какъ я сказалъ, моимъ ученическимъ потребностямъ, тому чувству клинической любознательности, которая начала̀, особенно съ третьяго курса, сильно проявляться во мнѣ,—съ другой стороны производилъ на меня... какъ бы это сказать вѣрнѣе? Положимъ, такъ какъ на эстетика-физіолога—чрезвычайно жалкое и досадное даже впечатлѣніе.

Оверъ и Иноземцовъ,—оба были молодцы, мужчины, «кавалеры», если можно такъ выразиться, люди жизни, какъ любятъ говорить въ наше время (не совсѣмъ ясно); Млодзѣевскій былъ только ученый, и больше ничего.

Низенькій ростомъ, худой, во всемъ тѣлѣ мелкій какой-то, кромѣ одной головы, которая была не то чтобы красива, о, нѣтъ! а только очень выразительна. Голова эта была велика, несоразмѣрна съ тѣломъ; цвѣтъ лица свинцовый, сѣрый; въ экспрессіи что-то печальное, труженическое, тонкое и вмѣстѣ съ тѣмъ покорное и сдержанное. Плѣшивый, очень высокій и съ рѣзкими выпуклостями лобъ. Черты лица рѣзкія и довольно правильныя, если брать ихъ отдѣльно, но очень некрасивыя вмѣстѣ... Эта большая голова, это умное, но свинцовое лицо, врѣзывались сразу въ память... Кстати вспоминаю: одинъ мой пріятель, тоже врачъ и ученикъ Московскаго университета, находилъ, что лицо Млодзѣевскаго, его высокое чело, его носъ съ горбинкою, какія-то рѣзкія впадины и черты щекъ напоминали портретъ Гёте въ старости. Пожалуй было что-то «en

laid», но это во всякомъ случаѣ не комплементъ: чрезвычайно старообразый, сѣрый Млодзѣевскій въ цвѣтѣ лѣтъ напоминалъ великаго красавца лишь въ его преклонныхъ годахъ... Онъ именно былъ ужасно старообразенъ и какъ-то жалокъ.

Вот какъ я его видѣлъ въ первый разъ. Онъ стоялъ передъ столомъ, на столѣ былъ лотокъ съ кишками, только что выпотрошеннаго тифознаго покойника. Млодзѣевскій показывалъ язвы бруннеровыхъ и пейеровыхъ желѣзъ, и перебиралъ эти кишки своими маленькими, некрасивыми пальцами.

Около него стоялъ какой-то помощникъ (я его часто видалъ сначала, позднѣе онъ куда-то исчезъ, или я самъ пересталъ вовсе его замѣчать); этотъ человѣкъ, или человѣчекъ науки, былъ ужъ до того самъ мелокъ и патологиченъ съ виду, что Млодзеевскій казался передъ нимъ исполиномъ и лихимъ молодцомъ. Крошечный, худой до нельзя, кожа и кости, со впадинами изнуренія вокругъ глазъ, не знаю кто онъ былъ и зачѣмъ онъ тутъ мѣшался; это былъ, вѣроятно, какой нибудь темный труженикъ-анатомъ, который вскрылъ умершаго и принесъ на лоточкѣ эти тифозныя кишки.

Я, конечно, былъ доволенъ, что увидалъ въ первый разъ характеристическія язвы бруннеровыхъ и пейеровыхъ желѣзъ. Надо же было учиться... Я даже зналъ, кому они принадлежали. Тифозный больной, котораго я дня два-три тому назадъ видѣлъ, былъ съ обритою головою, ужасно худъ и что-то тихо шепталъ, перебирая пальцами. Это былъ бѣдный, неважный чиновникъ, на сколько помнится, изъ студентовъ, потому что Млодзѣевскій именно упомянулъ, читая надъ умирающимъ лекцію, о томъ, что «прогностика въ высшей степени неблагопріятна, такъ какъ больной, принадлежа къ сословію ученому, изнуренъ еще прежде умственнымъ кабинетнымъ трудомъ». Конечно, Млодзѣевскій все это говорилъ полатыни, но еслибы онъ говорилъ и по русски, то этотъ человѣкъ не могъ бы уже ничего разслышать и понять: у него уже былъ тотъ отвратительный предсмертно-тифозный видъ, который былъ еще Гиппократомъ описанъ такъ хорошо, что такъ и названъ былъ позднѣе: facies hyppocratica.

Я былъ доволенъ, говорю, что увидалъ эти тифозныя язвы кишокъ, о которыхъ до тѣхъ поръ только слышалъ на лекціяхъ частной патологіи у низенькаго и краснолицаго профессора Топорова. Чувство клинической любознательности было во мнѣ удовлетворено; но за то другое умственное чувство, то, которое я можетъ быть немножко и затѣйливо назвалъ эстетико-физіологическимъ, оно какъ страдало при видѣ всѣхъ этихъ сѣрыхъ, свинцовыхъ лицъ: —умирающаго «изъ студентовъ» и двухъ живыхъ, то есть и бѣднаго, добросовѣстнаго Млодзѣевскаго и еще болѣе его крошечнаго помощника, столь невинно стоявшаго у стола съ кишками!..

Мнѣ кажется, что такія именно зрѣлища въ старомъ университетѣ и клиникѣ имѣли большое вліяніе на всю жизнь и судьбу. Въ минуты подобныхъ чувствъ, зрѣло мое отвращеніе къ большимъ Европейскимъ городамъ, къ «прогрессу» и ко всему тому, что̀ связано съ этими городами и съ такимъ прогрессомъ... Въ иныя минуты, даже и къ самой наукѣ, или вѣрнѣе сказать къ тому образу жизни, который слагается почти неизбѣжно при постоянныхъ и правильныхъ занятіяхъ кабинетною наукою.

— Нѣтъ! думалъ я тогда: Богъ съ ними и съ познаніями и даже со славою ученаго, если и у меня должно сдѣлаться такое лицо... Избави меня Боже производить на кого нибудь другаго то впечатлѣніе, которое производятъ на меня теперь и самъ Млодзѣевскій, и этотъ несчастный «честный труженникъ», который около него стоитъ у стола...

Все это такъ. Но несмотря на всѣ личныя претензіи моей юности, я какъ-то почтительно жалѣлъ Млодзѣевскаго; я уважалъ его, и мене возмущало, когда я слышалъ иной разъ громкій и сердитый крикъ Овера гдѣ-то, и мнѣ товарищи сказывали, что это онъ на Корнилія Яковлевича кричитъ.

Жалѣлъ я почтеннаго и скромнаго наставника нашего, но тутъ же, помню, утѣшался особою научною радостью: «Физіономика права̀! У Овера лицо непріятное и характеръ скверный».

Я могъ по этому поводу сказать какъ сумасшедшій Гоголя: «что меня за все вознаградило сегоднишнее открытіе. Я узналъ, что у всякаго пѣтуха подъ перьями есть Испанія!!» Я дѣйствительно тогда былъ почти сумашедшимъ.

Я тогда все думалъ, что со временемъ укажу людямъ возможность устроить общество на прочныхъ физіономическихъ основаніяхъ, справедливыхъ, незыблемыхъ и «пріятныхъ.» Тогда мнѣ было съ небольшимъ 20 лѣтъ; теперь мнѣ гораздо больше, и я пришелъ къ убѣжденію, что никогда люди «справедливо и пріятно» устроиться не могутъ, на какихъ бы то ни было основаніяхъ. Да и не должны; ибо въ случаѣ успѣха они забыли бы Бога и вѣчность.

Какъ бы то ни было, физіогномика и меня, теоретически пытавшагося ее изучить, и другихъ людей, просто наблюдательныхъ, въ данномъ случаѣ, я думаю, не обманывала: Оверъ казался характера непріятнаго, и красота его была непріятна; Иноземцовъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, и лицо его и вся особа его были въ высшей степени привлекательны...

Контрастъ былъ такой, что его нарочно трудно было бы выдумать!

Въ Редакцію Русскаго Архива.

Въ 10 книжкѣ Русскаго Архива 1879 года въ отдѣлѣ «Разсказы изъ недавней старины», помѣщенъ между прочимъ, на стр. 258 и 259, одинъ разсказъ о почивающемъ въ Бозѣ Императорѣ Николаѣ I съ указаніемъ въ выноскѣ, что разсказъ этотъ исходитъ отъ меня (генералъ-адъютанта Мордвинова).

Искаженіе моего разсказа побуждаетъ меня возстановить истину, состоящую въ слѣдующемъ:

Извѣстіе о рожденіи перваго внука Императора Николая I нашло Его Величество на Югѣ Россіи, и онъ ускорилъ возвращеніе свое въ Петербургъ. Путь пролегалъ черезъ гор. Серпуховъ Московской губерніи, гдѣ квартировалъ Штабъ 18 артиллерійской бригады. Я былъ бригаднымъ адъютантомъ.

Ѣхавшій впереди фельдъегерь объявилъ объ этомъ проѣздѣ, за 2 или 3 часа, съ предупрежденіемъ, что никакихъ встрѣчъ и проводовъ Его Величеству не приказано дѣлать.

Бывшій въ то время исправникъ Серпуховскаго уѣзда г. Рагозинъ, говорилъ мнѣ, что такъ какъ на исправленномъ, ближайшемъ къ Серпухову участкѣ шоссе, пролегающемъ къ Москвѣ, была воспрещена ѣзда до проѣзда Государя, то, при ускоренномъ проѣздѣ Его Величества, онъ поскакалъ распорядиться снятіемъ бревенъ, которыми преграждалась ѣзда по шоссе.

Едва успѣлъ онъ собрать рабочихъ, какъ появился экипажъ Государя у мѣста, заложеннаго бревнами, и Его Величество, замѣтивъ распоряжавшагося работою въ полной формѣ, спросилъ его «кто онъ?» На данный отвѣтъ, «что онъ мѣстный исправникъ», Государь спросилъ, зачѣмъ онъ провожаетъ Его Величество, когда отдано приказаніе не дѣлать никакихъ встрѣчъ и проводовъ?» На отвѣтъ Рагозина, «что провожаетъ изъ собственнаго усердія», Государь сказалъ: «за лишнее усердіе можешь попасть на гауптвахту».

Никакого ареста исправника не только на недѣлю, но даже на одинъ часъ не было; я въ тотъ самый день провелъ вечеръ у него, и изъ его веселаго разсказа можно было замѣтить, что Государь говорилъ съ нимъ безъ гнѣва, а скорѣе милостиво.

Генералъ-адъютантъ Дмитрій Мордвиновъ.
Начальникъ Канцеляріи Военнаго Министерства.

«27» Декабря 1879 г.

(Сообщено).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1880 Г.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1880 ГОДА.

КНИГА ВТОРАЯ 1878.

Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги С. П. Шевырева.
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. И. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878.

Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879.

Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.** Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова къ графинѣ Блудовой.**

КНИГА ВТОРАЯ 1879.

Наши сношенія съ Китаемъ. Біографія Зорича съ его портретомъ. Исторія Яицкаго войска. Письма князя Вяземскаго къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879.

Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцева-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ — Воспоминанія графини Блудовой.—Письма Хомякова къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля.**
Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей.**
Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

ЦѢНА ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ

8 р. 50 к.